

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 4 (12)
2020

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ
КРАСНОЙ АРМИИ
ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

АВИАЦИЯ РОССИИ

ТЫЛ АРМИИ

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ИСТОРИИ

ВОЕННЫЕ АКАДЕМИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

ПОЛКОВОДЦЫ И

ВОЕНАЧАЛЬНИКИ РОССИИ

РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 4 (12)
2020

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АНТОШКИН Николай Тимофеевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик РФ, депутат Государственной Думы;

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ГЛАГОЛЕВ Вячеслав Евгеньевич – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки, профессор, доктор военных наук, действительный член Академии военных наук;

ГРОСС Виктор Константинович – полковник, летчик-испытатель 1-го класса;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

ПОПОВ Сергей Владимирович – генеральный директор «ОДК — Пермские моторы»;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается неизблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@voslavu.pf

www.voslavu.pf

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

А.М. Василевский
Маньчжурская
операция 1945 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Е.А. Шитиков
Испытание кораблей на Ново-
земельном полигоне 30

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

Авиация в битве
под Москвой..... 43

★ ТЫЛ АРМИИ

Создание материально-техни-
ческой базы для Советских
Вооруженных Сил..... 61

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

Влад Гуска
Фашизм на экспорт
или неприятные тайны
английского двора..... 89

★ ВОЕННЫЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

100 лет Военно-воздушной
инженерной академии им.
проф. Н.Е. Жуковского 116

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

В.Н. Усов
Становление советской
разведки 135

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

Н.Ф. Червов
Коварство стратегической де-
зинформации Гитлера..... 173

★ ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

Владимир Стрюков
Фильтрационная работа..... 190

★ ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ РОССИИ

Генералиссимус
А.В. Суворов..... 232

★ РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

И.Р. Григулевич
Боливийский дневник.
Окончание 248

★ ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Ю.А. Нерсесов
Смерть Версальской гиены.. 274

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Е.Т. Сеницын
Москва – Хельсинки 1939 г. 258

А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ,
Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, начальник Генерального Штаба (1942-1948), главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке (1945), министр Вооруженных Сил (военный министр) СССР (1949-1953). Советский государственный и военный деятель, выдающийся советский полководец.

МАНЬЧЖУРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1945

Маньчжурская стратегическая операция 1945 года на Дальнем Востоке на завершающем этапе II мировой войны, была проведена 9 августа — 2 сентября войсками Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и монгольской Народно-революционной армии во взаимодействии с Тихоокеанским флотом и Краснознаменной Амурской флотилией. Цель Маньчжурской операции заключалась в том, чтобы разгромить японскую Квантунскую армию. Освободить Северо-Восточный Китай (Маньчжурию) и Северную Корею, лишить Японию военно-экономической базы на материке, плацдарма агрессии против СССР и МНР и ускорить завершение II мировой войны.

Заключительным этапом второй мировой войны явилась кампания советских войск на Дальнем Востоке. На далекой «нашенской» земле Азиатского континента была поставлена последняя точка в истории крупнейшей войны в защиту Советской Родины. В этой знаменательной кампании Вооруженных Сил пришлось принять участие и мне.

В ходе военных действий против японских милитаристов я впервые близко познакомился с суровым и по-своему прекрасным Дальним Востоком. Моя военная биография складывалась так, что в довоенные годы я не служил в войсках Дальнего Востока. Мне приходилось работать преимущественно в частях, расположенных в центральных областях России. А когда перешел в Генеральный штаб, моей компетенцией стали вопросы безопасности страны на Западном направлении.

Став начальником Генерального штаба, я, естественно, вплотную и практически столкнулся с театром возможной войны на Азиатском континенте, с проблемами укрепления боевой готовности советских войск на рубежах с нашим агрессивным восточным соседом. Но это все же было еще «заочное» знакомство с Дальневосточным краем нашего социалистического Отечества.

То, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 года. После окончания Белорусской операции И. В. Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией. А о возможности такой войны я был уже осведомлен в конце 1943 года, когда возвратилась советская делегация во главе с И. В. Сталиным с Тегеранской конференции. Мне было тогда сообщено, что наша делегация дала союзникам принципиальное согласие помочь в войне против Японии.

Но для вступления в войну с Японией у нас имелись и свои жизненные интересы. Японские милитаристы многие годы вынашивали планы захвата советского Дальнего Восто-

ка. Они почти постоянно устраивали военные провокации на наших границах. На своих стратегических плацдармах в Маньчжурии они держали крупные военные силы, готовые к нападению на Страну Советов. Ситуация особенно обострилась, когда фашистская Германия развязала разбойничью войну против нашей Родины. Для борьбы с агрессором нам до зарезу нужна была каждая свежая дивизия, а мы держали и не могли не держать на Дальнем Востоке несколько армий в полной боевой готовности. Япония лишь выжидала момента для развязывания войны против Советского Союза.

И. В. Сталин повседневно интересовался всеми сведениями о действиях нашего восточного соседа и требовал от Генерального штаба самых подробных докладов на сей счет. Мы видели, что даже тогда, когда Япония втянулась в войну с США и Англией на Тихом океане и стала терпеть поражения, перешла к оборонительной стратегии, ее руководители не сделали ни единого практического шага к сокращению своих войск в Маньчжурии и Корее.

Ликвидация очага войны на Дальнем Востоке являлась для нас делом государственной и общенациональной важности.

Союзники признавали решающее значение вступления СССР в войну против Японии. Они заявляли, что только Красная Армия способна нанести поражение наземным силам японских милитаристов.

«Победа над Японией может быть гарантирована лишь в том случае, если будут разгромлены японские сухопутные силы» — такого мнения придерживался главнокомандующий американскими вооруженными силами в бассейне Тихого океана генерал Макартур. Ссылаясь на то, что США и их западные союзники не располагали возможностями для этого, он требовал в канун Крымской конференции союзников от своего правительства «приложить все усилия к тому, чтобы добиться вступления в войну Советского Союза». В специальном меморандуме Объединенного комитета начальников штабов от 23 декабря 1944 года отмечалось: «Вступление России в войну как можно скорее... необходимо для оказания максимальной поддержки нашим операциям на Тихом океане».

Принимавший участие в работе Ялтинской конференции бывший государственный секретарь США Э. Стеттиниус писал: «Накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили

▲ Главнокомандующий Василевский А. И. и нач. штаба Иванов С. П.

Рузвельта, что Япония может капитулировать только в 1947 году или позже, а разгром ее может стоить Америке миллион солдат».

В связи с этим американская и английская делегации прибыли на Крымскую конференцию с твердым намерением добиваться согласия Советского Союза на вступление в войну против Японии. Как сообщил мне потом А. И. Антонов, участвовавший в работе конференции, Рузвельт и Черчилль настойчиво требовали скорейшего вступления СССР в войну. В итоге обсуждений было подписано 11 февраля 1945 года Соглашение трех держав, в котором говорилось: «Руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников».

Для нашей делегации такой срок не был неожиданностью. Еще готовясь к поездке в Крым, И. В. Сталин

предложил мне и А. И. Антонову подумать о возможности максимального сокращения времени, необходимого для подготовки военной кампании против Японии. Обсудив этот вопрос вместе с начальником тыла Красной Армии генералом А. В. Хрулевым, мы пришли к выводу, что срок может быть сокращен до двух-трех месяцев после окончания войны на западе, если отказаться от перевозок по железной дороге войскового автотранспорта. Разрешение проблемы было найдено на самой конференции. Руководители США охотно согласились поставить нам в дальневосточные порты не только необходимое для нас количество автотранспорта, но и паровозов.

После Ялтинской конференции подготовка к войне с Японией в Ставке Верховного Главнокомандования и особенно в Генеральном штабе заметно активизировалась.

Еще ранее, 25 апреля 1943 года, командующим войсками Дальневосточного фронта был назначен мой хороший товарищ, друг и старый сослуживец по 48-й Тверской

стрелковой дивизии генерал-полковник М. А. Пуркаев. Он сменил там генерала армии И. Р. Апанасенко, которого Ставка направила стажироваться на Воронежский фронт в должности заместителя командующего фронтом. Иосиф Родионович Апанасенко, известный как герой гражданской войны, погиб в 1943 году во время Белгородско-Харьковской операции.

В июне 1943 года заместитель начальника штаба Дальневосточного фронта генерал-майор Н. А. Ломов был переведен в Оперативное управление Генштаба на должность заместителя начальника управления и начальника дальневосточного направления, а на его место был назначен из Генштаба генерал-майор Ф. И. Шевченко.

В марте — апреле 1945 года мы приняли меры к тому, чтобы обновить вооружение и материальную часть в войсках Дальнего Востока. Туда направлялось 670 танков Т-34 и много другой боевой техники.

Как только закончилась Восточно-Прусская операция, я был ото-

зван Ставкой с 3-го Белорусского фронта по должности заместителя народного комиссара обороны. 27 апреля я включился в работу над планом войны с Японией. Правда, первые числа мая и день победы над фашизмом застали меня в Прибалтике, куда я ездил по заданию Ставки. 10 мая я вернулся в Москву. Генеральный штаб в то время вплотную занимался дальневосточным театром войны. А. И. Антонов, С. М. Штеменко и Н. А. Ломов уже многое успели сделать. Первоначальные расчеты сосредоточения наших войск в Приморье, Приморье и Забайкалье были вчерне сделаны еще осенью 1944 года. Тогда же были произведены примерные расчеты на материальные ресурсы, требующиеся для ведения войны на Дальнем Востоке. Но до Ялтинской конференции никакой детализации плана войны против империалистической Японии не производилось.

Замысел плана этой крупнейшей по размаху операции был определен с учетом характера театра предстоящих военных действий. Война

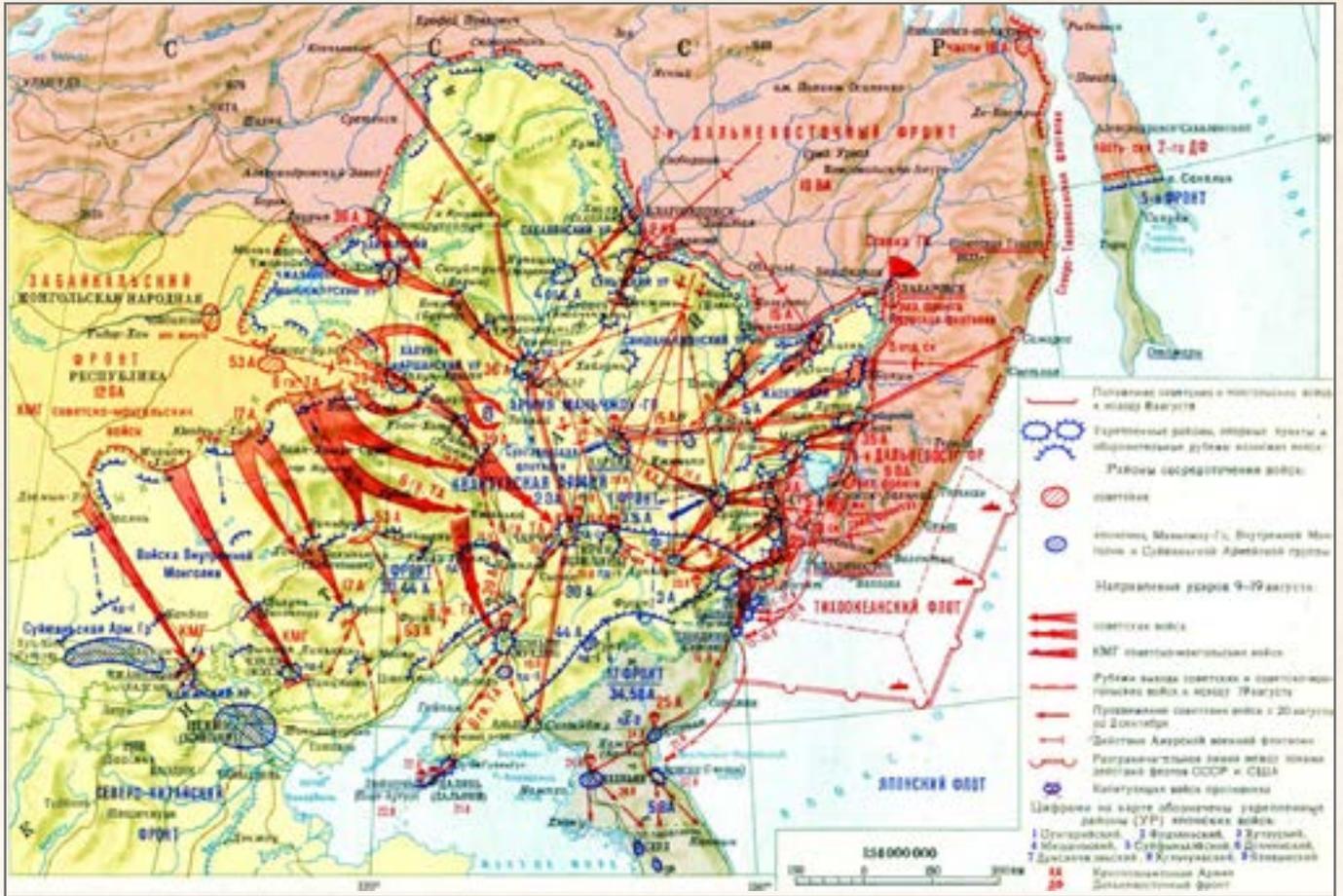
должна была развернуться на территории площадью около 1,5 млн. кв. км и на глубину 200–800 км, а также на акватории Японского и Охотского морей. План заключался в одновременном нанесении со стороны Забайкалья, Приморья и Приамурья главных и ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Северо-Восточного Китая направлениям с целью рассечения и разгрома по частям основных сил японской Квантунской армии.

Успешное претворение в жизнь этого замысла в значительной степени зависело от правильного выбора направлений главных ударов и определения количества и состава сил для них. В ходе разработки плана операции был рассмотрен ряд вариантов. Выбор направлений был обусловлен не только принятой формой ведения наступательной стратегической операции, но и своеобразной конфигурацией государственной границы, характером группировки японских войск и системы их обороны.

Мы учитывали, что Квантунская армия за лето 1945 года удвоила

свои силы. Японское командование держало в Маньчжурии и Корее две трети своих танков, половину артиллерии и отборные императорские дивизии. Квантунскую армию возглавляли командующий — опытный японский генерал армии О. Ямада — и начальник штаба генерал-лейтенант Х. Хата, который ранее был военным атташе в Советском Союзе. К началу войны против нашей страны японская армия на Дальнем Востоке вместе с марионеточными войсками местных правителей насчитывала свыше 1200 тыс. человек. В ее состав входили три фронта: 1-й Восточно-Маньчжурский фронт, развернутый вдоль границ нашего Приморья (5-я армия генерал-лейтенанта Симидзу и 3-я армия генерал-лейтенанта Суриками — всего десять пехотных дивизий и одна пехотная бригада); 3-й Западно-Маньчжурский фронт, предназначенный для действий на монголо-маньчжурском направлении (44-я армия генерал-лейтенанта Хонго и 30-я армия генерал-лейтенанта Яда — всего девять пехотных дивизий, три пе-

▲ Карта операции

хотные и две танковые бригады); 17-й (Корейский), располагавшийся в Корее и с 10 августа оперативно подчиненный командующему Квантунской армии (34-я и 58-я армии — всего девять пехотных дивизий и пять пехотных бригад); 4-я отдельная армия генерал-лейтенанта Уэмура, состоявшая из трех пехотных дивизий и четырех пехотных бригад, предназначавшаяся для действий на северо-восточных границах Маньчжурии. На Южном Сахалине и Курильских островах были развернуты части сил 5-го фронта в составе трех пехотных дивизий, одной пехотной бригады и отдельных пехотного и танкового полков. С воздуха Маньчжурию прикрывала 2-я воздушная, а Корею — 5-я воздушная армии.

На территории Маньчжурии в распоряжении японского командования находились армии Маньчжоу-Го, Внутренней Монголии

и Суйюанская армейская группа, которые насчитывали восемь пехотных и семь кавалерийских дивизий, четырнадцать пехотных и кавалерийских бригад.

Японские военные силы опирались на богатые материальные, продовольственные и сырьевые ресурсы Маньчжурии и Кореи и на маньчжурскую промышленность, производившую в основном все необходимое для их жизни и боевой деятельности. На территории, занимаемой войсками Квантунской армии, находилось 13 700 км железных и 22 тыс. км автомобильных дорог, 133 аэродрома, более 200 посадочных площадок — всего более 400 аэродромных точек, 870 крупных военных складов и хорошо оборудованные военные городки.

В Маньчжурии по границам с нами и Монгольской Народной Республикой японские милитаристы создали 17 укрепленных райо-

нов, из них 8 — на востоке против советского Приморья. Каждый укрепленный район занимал 50–100 км по фронту и до 50 км в глубину. Их предназначение — не только усиление обороны, но и создание более выгодных условий для сосредоточения и развертывания войск. Линия пограничных укрепленных районов состояла из трех позиций.

Четыре укрепленных района были построены в Корее и один против Северного Сахалина. Острова Курильской гряды прикрывались береговыми артиллерийскими батареями, укрытыми в железобетонные сооружения, и воинскими гарнизонами, обеспеченными развитыми долговременными оборонительными сооружениями.

Политические и военные руководители, как стало потом известно, в то время считали своей задачей, во-первых, не допустить высадки американских войск на Японские

острова и, во-вторых, надежно оборонять свои завоевания в Китае и Корее. Отвергнув Потсдамскую декларацию, Япония решила продолжать войну. В этом решении она опиралась на сильную сухопутную армию и мощную военную промышленность.

Разработанный нами в Генеральном штабе план кампании на Дальнем Востоке был одобрен Ставкой, а затем утвержден ЦК партии и Государственным Комитетом Обороны. В плане предусматривалось нанести основной удар со стороны Забайкалья — территории МНР — в направлении на Чанчунь (Синьцзян) и Шэньян (Мукден). Его цель — вывести главную группировку советских войск в обход с юга Хайларского и Халун-Аршанского укрепленных районов и рассечь 3-й фронт Квантунской армии на две части. Правда, на пути наступления советских войск этой группы до выхода их в центральные районы Северо-Восточного Китая находилась безводная пустынная степь, а также труднодоступный горный хребет Большой Хинган.

Встречный сильный удар предусматривался со стороны Приморья, из района южнее озера Ханка, в направлении на Цзилинь (Гирин) войсками 1-го Дальневосточного фронта. После соединения здесь войска этого и Забайкальского фронтов должны были развивать наступление в направлении на Мукден, Порт-Артур. Им предстояло прорвать полосу японских укрепленных районов; для этого они должны были иметь все необходимые силы и средства. Указанные направления обеспечивали полное окружение главных сил Квантунской армии в кратчайшие сроки.

Одновременно планом было предусмотрено, что силами этих же двух основных группировок советских войск будет нанесено по два вспомогательных удара. Развернутая в Приамурье группировка должна была наступать на ряде направлений с севера, чтобы сковать противостоящего ей врага и тем способствовать успеху нанесения ударов на главных направлениях.

Ставка Верховного Главнокомандования стремилась претворить в жизнь свои замыслы путем последовательного решения следующих задач. Во-первых, быстро разгромить японские войска прикрытия, преодолеть труднодоступную полосу местности, вывести силы трех взаимодействующих фронтов на рубежи, с которых можно было бы развить наступление непосредственно на жизненно важные районы противника. Во-вторых, разгромить резервы Квантунской армии и вывести основные силы наступающих войск на линию Чифын, Шэньян, Чанчунь, Харбин, Цзилинь, Яньцзи, что должно было привести стратегическую группировку противника к поражению и освобождению со-

ветскими войсками всей территории Северо-Восточного Китая.

Принимая такое решение, Ставка и Генеральный штаб знали, что оба Дальневосточных фронта не имели достаточных сил для разгрома японских войск и скорейшего окончания войны. Поэтому в срочном порядке была проведена стратегическая перегруппировка сил и средств с западного театра военных действий на Дальний Восток.

Пришлось много поработать над планом перевозок, который по своим вырисовавшимся показателям был поистине грандиозным. Предстояло осуществить эти перевозки по однопутной железнодорожной магистрали в крайне сжатые сроки и на огромные расстояния —

▲ Через пустыню Гоби

от 9 тыс. до 12 тыс. км. В этом отношении они не имели себе равных в истории второй мировой войны и являлись поучительной стратегической операцией.

Конкретизирую свою мысль. Только в составе трех общевойсковых и одной танковой армий, переброшенных с запада на Дальний Восток, насчитывалось 12 корпусов, или 39 дивизий и бригад. Помимо этого был переброшен ряд других соединений и частей разных родов войск и различного назначения. В результате проведенной перегруппировки боевой состав советских войск на Дальнем Востоке и в Забайкалье к началу боевых действий против Японии возрос почти вдвое.

Но это не было простым количественным увеличением войск. Была осуществлена предусмотренная планом перегруппировка соединений и объединений, наиболее отвечающая решению задач в конкретных условиях дальневосточного театра военных действий. В зависимости от их опыта и качества определялось и их место в оперативном построении фронтов на Дальнем

Востоке. Так, 5-я и 39-я армии, равно как и их командный состав, были передислоцированы из Восточной Пруссии, ибо они хорошо умели взламывать оборонительные полосы. 5-я армия предназначалась для действий на главном направлении 1-го Дальневосточного фронта. Вместе с 1-й Краснознаменной армией она должна была штурмовать укрепленную полосу Пограничного, а затем особо сильного Муданьцзянского укрепленных районов. Задачей 39-й армии, вошедшей в состав Забайкальского фронта, являлся прорыв Халун-Аршанского и — совместно с 34-й армией — Хайларского укрепленных районов.

Что касается 6-й гвардейской танковой и 53-й общевойсковой армий, переброшенных из района Праги на Забайкальский фронт, то им надлежало успешно наступать в горно-степных условиях, вести бои на широких просторах и на отдельных направлениях.

В этой связи особого внимания заслуживает предусмотренное планом создание конно-механизированной группы советско-монголь-

ских войск, обеспечивавшей правое крыло войск Забайкальского фронта от контрударов японских войск. Она должна была действовать на двух разобщенных направлениях: Калганском (на Чжанзякоу) и Далонорском — по безводным, пустынным степям Гоби и Внутренней Монголии.

Осуществление операции по перегруппировке было сопряжено с большими трудностями. Она проводилась в условиях строгой оперативной маскировки при мобилизации всех сил и средств Наркомата путей сообщения, и прежде всего на дорогах Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. Только за четыре весенне-летних месяца (май — август) на Дальний Восток и в Забайкалье поступило около 136 тыс. вагонов с войсками и грузами, а за период с апреля по сентябрь 1945 года включительно — 1692 эшелона. Из них: стрелковых объединений, соединений и частей — 502 эшелона; артиллерийских — 261, бронетанковых войск — 250 и инженерных и других частей и соединений и грузов — 679.

Объем воинских железнодорожных перевозок

Месяцы 1945 г.	Характер и объем перевозок в вагонах		
	оперативные	снабжение	итого (вагонов)
Май	14 002	9 438	23 440
Июнь	44 668	13 462	58 130
Июль	23 943	15 892	39 835
Август	2 289	12 062	14 351
Всего	84 902	50 854	135 756

О напряженности в работе железных дорог восточного направления говорят следующие цифры. Ежедневно на Забайкалье в июне проходило до 30 поездов, в июле — до 22 поездов. Следует учитывать, что помимо этого значительные перевозки велись и по внутренним железнодорожным и водным путям Дальнего Востока. Их протяженность также была относительно большой: из района Благовещенска в Приморье — до 1500 км и комбинированные марши — в 250–500 км. Их совершали около 30 стрелковых, кавалерийских и танковых дивизий (включая кавалерию Монгольской народно-революционной армии).

В общей сложности в мае — июле 1945 года на железнодорожных путях Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока и на маршах в районах развертывания находилось до миллиона советских войск.

Перевозились и перегружались десятки тысяч тонн артиллерийских орудий, танков, автомашин и многие десятки тысяч тонн боеприпасов, горючего, продовольствия, обмундирования и других грузов.

Основная масса войск, прибываемых с запада в состав Забайкальского фронта, в том числе 39-я, 53-я общевойсковые и 6-я гвардейская танковая армии, должна была выгружаться в районе города Чойбалсан на территории МНР. Но однопутная железная дорога на участке Карымская — Борзя — Чойбалсан, на которую базировался Забайкальский фронт, имела небольшую пропускную способность и не могла обеспечить необходимого потока эшелонов с войсками и грузами. Это обстоятельство увеличивало

сроки сосредоточения и развертывания войск, что не отвечало замыслам Ставки Верховного Главнокомандования.

Поэтому части войск артиллерии на механизированной тяге и моторизованные соединения разгружались на железнодорожных станциях между Читой и Карымской, а далее они следовали своим ходом, совершив марши от 600–700 км до 1000–1200 км. Из района Чойбалсана войска всех трех армий и части усиления выдвигались в районы их развертывания на государственной границе Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го еще на расстояние до 250–300 км. В целях лучшей организации переброски войск из районов выгрузки в районы сосредоточения и далее в районы развертывания штаб Забайкальского

фронта выслал в Иркутск и на станцию Карымская специальные группы офицеров.

В районе Чойбалсана те и другие части соединялись и в полном составе выдвигались на рубежи развертывания. Войскам, следовавшим от Карымской своим ходом, пришлось совершать форсированные марши на расстояние от 600 до 900 км в условиях безводных степей Забайкалья и Монголии. Несмотря на эти трудности, все войска были вовремя сосредоточены и развернуты.

Для обеспечения скрытности массовых железнодорожных воинских перевозок служба ВОСО проводила следующие меры: было крайне ограничено количество лиц, допущенных к выполнению централизованных военных перевозок, а также к разработке документов, связанных с ними, станции выгрузки и обслуживания эшелонов занумеровывались; передача сводок о движении эшелонов строго контролировалась офицерами ВОСО, а телефонные переговоры по этим вопросам запрещались; на приграничных участках Дальнего Востока отдельные группы воинских эшелонов пропускались в темное время, а на Приморской железной дороге, близко расположенной к границе, ночью проводилась и разгрузка эшелонов; ряд эшелонов пропускался через узловые станции с ходу; техническое обслуживание не-

которой части эшелонов осуществлялись на промежуточных станциях.

Задача обеспечения безопасности сосредоточения и развертывания прибывавших войск была возложена на приграничные укрепленные районы и часть сил полевых войск, выдвинутых к границе на заблаговременно подготовленные рубежи обороны.

Для того чтобы прикрыть приграничные и тыловые районы с воздуха силами противовоздушной обороны, были развернуты в соответствии с постановлением ГКО от 14 марта 1945 года три армии ПВО — Забайкальская, Приамурская и Приморская.

В Забайкальскую и Приморскую армии ПВО, кроме того, было включено по одной истребительной авиационной дивизии. Армии ПВО являлись средством фронтового командования.

Всего к августу 1945 года Главное командование советских войск на Дальнем Востоке развернуло одиннадцать общевойсковых армий, две оперативные группы, одну танковую армию, три воздушные армии,

три армии ПВО, четыре отдельных авиационных корпуса. Кроме того, оно располагало силами Тихоокеанского флота (включая Северную Тихоокеанскую флотилию), Амурской речной флотилией, а также планировало использовать в боях и пограничные отряды НКВД.

Все сосредоточенные на Дальнем Востоке войска решением Ставки были объединены в три фронта: Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные.

Забайкальский фронт — командующий Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, член военного совета генерал-лейтенант А.Н. Тевченков, начальник штаба генерал армии М.В. Захаров — состоял из 17-й, 36-й, 39-й и 53-й общевойсковых, 6-й гвардейской танковой, 12-й воздушной армий, армии ПВО и конно-механизированной группы советско-монгольских войск.

1-й Дальневосточный фронт — командующий Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, член военного совета генерал-полковник Т.Ф. Штыков, начальник штаба генерал-лейте-

нант А.Н. Крутиков — имел в своем составе 1-ю Краснознаменную, 5-ю, 25-ю и 35-ю общевойсковые армии, Чугуевскую оперативную группу, 10-й механизированный корпус, 9-ю воздушную армию и армию ПВО.

2-й Дальневосточный фронт — командующий генерал армии М.А. Пуркаев, член военного совета генерал-лейтенант Д.С. Леонов, начальник штаба генерал-лейтенант Ф.И. Шевченко — включал в себя 2-ю Краснознаменную, 15-ю и 16-ю общевойсковые армии, 5-й отдельный стрелковый корпус, Камчатский оборонительный район (КОР), 10-ю воздушную армию и армию ПВО.

Тихоокеанский флот — командующий адмирал И.С. Юмашев, член военного совета генерал-лейтенант С.Е. Захаров, начальник штаба вице-адмирал А.С. Фролов — к началу боевых действий имел 427 боевых кораблей, в том числе: крейсеров — 2, лидер — 1, эсминцев — 12, сторожевых кораблей — 19, подводных лодок — 78, минных заградителей — 10 и 1549 самолетов. Флот базировался на Владивосток (главная база), Совет-

▲ Мерецков К.А., Малиновский Р.Я., Василевский А.М., Людников И.И.

скую Гавань и Петропавловск-Камчатский. В качестве вспомогательных баз служили порты Находка, Ольга, Де-Кастри, Николаевск-на-Амуре, Посьет и другие пункты морского побережья.

Краснознаменная Амурская флотилия имела в своем составе 169 боевых кораблей и более 70 самолетов. Она базировалась на Хабаровск (главная база), М. Созанку на реке Зея, Сретенск на реке Шилка и озеро Ханка. С началом боевых действий флотилии были подчинены все сторожевые катера пограничной стороны на реках Амур и Уссури и мобилизованные 106 судов гражданского речного пароходства.

Непосредственное руководство Военно-Морскими Силами на Дальнем Востоке Ставка возложила на Главнокомандующего Военно-Морскими Силами СССР адмирала флота Н. Г. Кузнецова. Николай Герасимович — один из видных советских военно-морских деятелей. Он был командиром крейсера, нашим военно-морским атташе в республиканской Испании, командующим Тихоокеанским флотом и в годы Великой Отечественной войны наркомом ВМФ СССР.

Внимательно был рассмотрен вопрос о руководстве войсками

Дальнего Востока. Учитывались и большое количество объединений, и удаленность их от столицы, и величина театра военных действий. Для того чтобы четко и бесперебойно руководить в таких условиях фронтами, директивой ГКО от 30 июля 1945 года было создано Главкомандование советскими войсками на Дальнем Востоке, а директивой от 2 августа — и штаб Главного командования. Главкомандующим, как было предreshено ранее, приказом Ставки от 30 июля 1945 года был назначен автор этих строк, членом военного совета — генерал-полковник И. В. Шикин, начальником штаба генерал-полковник С. П. Иванов.

В мае, июне и в первых числах июля мы в Генеральном штабе уточняли с командующими фронтами и членами военных советов план Дальневосточной кампании. К 27 июня Генеральный штаб, исходя из принятых Ставкой стратегических решений, полностью завершил отработку директив для фронтов. 28 июня они были утверждены Ставкой.

В директиве командующему Забайкальским фронтом приказывалось: стремительным вторжением в Центральную Маньчжурию во взаимодействии с войсками Приморской группы (1-й Дальневосточный фронт. — А. В.)

и Дальневосточного фронта (2-й Дальневосточный фронт.— А. В.) разгромить Квантунскую армию и овладеть районами Чифын, Мукден, Чанчунь, Чжаланьтунь; операцию построить на внезапности удара и использовании подвижных соединений фронта, в первую очередь 6-й гвардейской танковой армии.

Директива Ставки, адресованная командующему Приморской группы войск, требовала вторжением в Центральную Маньчжурию совместно с войсками Забайкальского и Дальневосточного фронтов разгромить Квантунскую армию и овладеть районами Харбин, Чанчунь, Сейсин.

Командующий 2-м Дальневосточным фронтом М. А. Пуркаев обязывался активно содействовать войскам Забайкальского фронта и войскам 1-го Дальневосточного фронта К. А. Мерецкова в разгроме Квантунской армии и в овладении районом Харбин.

5 июля с документами на имя генерал-полковника Васильева я прибыл специальным поездом в Читу. Одет я был тоже в форму генерал-полковника.

По решению Ставки Верховного Главкомандования со мной приехали командующий ВВС Советской Армии Главный маршал авиации А. А. Новиков, заместитель командующего артиллерией Советской Армии маршал артиллерии М. Н. Чистяков, заместитель начальника войск связи Н. Д. Псурцев, заместитель начальника тыла генерал-полковник В. И. Виноградов и некоторые другие ответственные работники Наркомата обороны и Генерального штаба.

Прежде всего я познакомился с войсками Забайкальского фронта. Вместе с Р. Я. Малиновским побывал на основных участках. Провели ряд рекогносцировок, ознакомились, насколько могли, с войсками, обсудили обстановку и предстоящие боевые задачи с командованием армий, корпусов и командирами основных дивизий.

Должен отметить, что мое временное воинское звание не раз ставило в затруднительное положение офицеров, ранее знавших меня на фронтах в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, к примеру в 39-й армии,

▲ Через Большой Хинган

6-й танковой армии и других. Когда я прибывал в часть или соединение, дежурный подавал команду; подходит для доклада, как ему было сообщено, генерал-полковнику Васильеву, а видит маршала Василевского в форме генерал-полковника. Некоторые из них стояли какое-то время в недоумении с поднятой рукой у головного убора.

Поездка по войскам Забайкальского фронта оказалась полезной. Были внесены существенные изменения в ранее принятые решения: сокращены сроки выполнения основных задач, предусмотренных директивой. Мы нашли возможным форсировать Большой Хинган войсками 6-й гвардейской танковой армии не на десятый день операции, как это планировалось, а не позднее пятого дня. Были значительно сокращены сроки выхода общевойсковых армий на Маньчжурскую равнину. Овладение укрепленным районом Хайлар 36-й армией наметили не на двенадцатый, а на десятый день операции. В дальнейшем ей предстояло наступать на Цицикар. 53-ю армию поставили несколько правее, чем намечалось ранее, — в затылок 6-й гвардейской танковой

армии — и приказали ей неотступно следовать за ней.

На пять дней сократили первоначальные сроки и для войск, действовавших на правом крыле фронта, в частности для 17-й армии, которая должна была, преодолев Большой Хинган, захватить район Дабанынан. Предусматривалось также значительно сократить сроки выхода конно-механизированной группы монгольско-советских войск в районы Калгана и Долоннора. Все эти изменения Ставка охотно утвердила.

Затем я совершил поездку по войскам Дальневосточных фронтов.

Считаю необходимым отметить, что командование, штабы и политорганы этих фронтов также проделали большую работу по уточнению и конкретизации своих задач. Под руководством опытных командиров были проведены общевойсковые учения по тематике, близкой к боевым задачам, которые им предстояло решать. Огромную работу провели командования фронтов по улучшению материально-технического обеспечения операции.

При подготовке операции приходилось считаться и с тем, что после перегруппировки в состав Дальнево-

сточных фронтов вошла значительная часть войск, дислоцировавшихся ранее на Дальнем Востоке и не имевших достаточного или вовсе боевого опыта, выполнявших до этого задачу охраны наших восточных границ. А, войска, прибывшие с запада и обладавшие хорошим боевым опытом, не знали дальневосточного театра военных действий, характера и особенностей японской армии. Подготовить воинов к предстоящим боевым действиям, создать высокий порыв для разгрома дальневосточного агрессора нельзя было без всемерного усиления партийно-политической работы. Основными ее задачами в подготовительный период было воспитание советского патриотизма и пролетарского интернационализма, готовности отстаивать интересы Советской Родины на Дальнем Востоке, создание наступательного порыва, основанного на высоком воинском мастерстве и умении воевать в сложных условиях нового театра.

Морально-политическую подготовку войск к военным действиям военные советы, командиры и политорганы вели в тесной связи с партийными организациями Хабаровского и Приморского крайкомов

ВКП(б), опираясь на всенародную помощь и поддержку советским войскам со стороны трудящихся Урала, Сибири и Дальнего Востока. Советские люди бесперебойно обеспечивали воинов всем необходимым для предстоящих военных действий. Еще в январе 1945 года в Центральном Комитете партии были заслушаны доклады секретарей крайкомов Г. А. Боркова и Н. М. Пегова о состоянии дел в Хабаровском и Приморском краях в связи с подготовкой к войне. В постановлении, принятом по докладам, были намечены конкретные меры по переключению экономики Дальнего Востока на обеспечение потребностей Дальневосточных фронтов.

В апреле — мае и июле 1945 года Государственный Комитет Обороны принял ряд постановлений о мероприятиях по улучшению работы железных дорог Дальнего Востока, увеличению в 1945 году на 20 процентов добычи нефти в объединении «Дальнефть», развитию средств проводной связи Москвы с Дальним Востоком и Забайкальем, развитию военно-морских баз и торговых портов во Владивостоке, бухте Находка и Николаевске-на-Амуре.

Партийные организации Восточной Сибири и Дальнего Востока, учитывая пограничное положение своих территорий, воспитывали коммунистов и всех трудящихся в духе высокой бдительности, готовности прийти на помощь советским войскам. Усилились связи местных партийных, советских и комсомольских организаций с полторганами, партийными и комсомольскими организациями армии и флота.

Морально-политическая подготовка личного состава фронтов и флота к войне против Японии проводилась в два этапа. На первом этапе, который начался в апреле 1945 года, главное внимание уделялось работе по разъяснению политического значения заявления Советского правительства от 5 апреля 1945 года о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете, мобилизации личного состава на повышение бдительности и боеготов-

ности частей. Главное политическое управление Красной Армии в своих указаниях поставило задачу усилить разъяснение воинам исторического значения нашей победы над германским фашизмом, источников силы и непобедимости Советского Союза, уверенности в победоносном завершении второй мировой войны, а также детального разъяснения тех конкретных задач, которые стояли перед частями и соединениями в боевой и политической подготовке.

В соответствии с новыми условиями военные советы фронтов и флота поставили задачи войскам, наметили меры по изменению содержания партийно-политической работы. Так, в директиве войскам Приморской группы от 16 мая 1945 года подробно излагались задачи и содержание партийно-политической работы в частях и соединениях на ближайший период. После денонсации пакта о нейтралитете между СССР и Японией, подчеркивалось в ней, необходимо быть особенно бдительными и настороженными, как никогда поддерживать высокую боеготовность наших войск, все усилия полторганов, партийных и комсомольских организаций направить на повышение боевой выучки войск, на усиление пропаганды боевого опыта Вели-

кой Отечественной войны. Военный совет предложил повысить уровень идейно-политического воспитания личного состава, воспитывать воинов в духе любви к Советской Родине и ненависти к японскому империализму, шире пропагандировать героические подвиги советских воинов — участников Великой Отечественной войны Советского Союза, традиции воинов-дальневосточников — героев боев у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Директива определяла формы политической учебы солдат, сержантов и офицеров в боевых условиях, меры по усилению роста партийных и комсомольских рядов и улучшению внутрипартийной и внутрисоюзной работы.

Партийно-политическая работа по подготовке личного состава к войне проводилась с учетом конкретных условий, в которых находились различные части и соединения. Так, солдатам, сержантам и офицерам армий, перегруппируемых на Дальний Восток из Восточной Пруссии и района Праги, лишь в самых общих чертах было известно, что им, по-видимому, придется драться против войск японской Квантунской армии. Они не знали и не могли знать конкретных сроков начала кампании, точных пунктов выгрузки и направле-

ний боевых действий. В этих условиях командирами и политорганами, партийными и комсомольскими организациями проводилась большая работа по сохранению государственной и военной тайны на всем пути следования в эшелонах. В памятках солдатам и сержантам, подготовленных политотделом 39-й армии, например, подчеркивалось, что «достаточно случайно оброненного слова, неосторожной фразы, излишней словоохотливости и желания похвастать боевыми подвигами в присутствии посторонних, чтобы военная тайна была раскрыта и стала достоянием вражеских лазутчиков».

После выгрузки и марша в районы сосредоточения и развертывания, когда части и соединения приступили к напряженной боевой учебе, партийно-политическая работа нацеливалась на быстрейшее овладение личным составом способами и приемами боевых действий на новом театре, на изучение военно-политического положения Японии, структуры японских войск и их тактики, традиций и обычаев. Большую помощь в этом командованию, политорганам и войскам, прибывшим с запада, оказали воины, длительное время служившие в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Так, командование и политотдел 53-й армии в этой работе умело использовали

выступления офицеров 17-й армии, которая дислоцировалась до этого на территории Монгольской Народной Республики.

В ходе напряженной боевой учебы основное внимание уделялось изучению опыта боев советских войск против немецко-фашистских захватчиков, которым располагали прибывшие с запада соединения. По инициативе коммунистов командиры, штабы и политорганы создавали специальные группы по передаче воинам-дальневосточникам боевого опыта. Так, в 1-м Дальневосточном фронте из офицеров 5-й армии, прибывшей в июне 1945 года из Восточной Пруссии, по указанию военного совета фронта было создано три группы офицеров, по 12 человек в каждой. В состав таких групп вошли общевойсковые офицеры, танкисты, артиллеристы, саперы. Они проводили лекции, доклады и беседы по специальной тематике в войсках 1-й Краснознаменной, 25-й, 35-й армий.

Характерной особенностью предстоящей войны против Японии было совместное выступление двух братских социалистических государств — Советского Союза и Монгольской Народной Республики. Дружба двух народов, боевое содружество их армий складывались и укреплялись в совместной борьбе против общего врага — милитаристской Японии,

не раз покушавшейся на территорию СССР и МНР.

После разгрома советско-монгольскими войсками японских захватчиков в районе реки Халхин-Гол по просьбе правительства республики советские части и соединения были оставлены на территории МНР. На базе их в начале Великой Отечественной войны была сформирована 17-я армия, вошедшая в состав Забайкальского фронта. Между воинами этой армии и цыриками Монгольской народно-революционной армии установились самые тесные дружественные отношения, шел активный обмен опытом боевой и политической подготовки и организации партийно-политической работы.

Командиры и политработники двух союзных армий совместно готовили личный состав к проведению предстоящих операций. На совместных учениях отрабатывались боевое взаимодействие войск, управление и связь, способы ведения боя в различных условиях и время суток. Большая работа проводилась по дальнейшему укреплению боевого содружества между ними на славных революционных и боевых традициях борьбы против общего врага. Регулярно устраивались встречи воинов братских армий — участников боев против банд барона Унгерна в 1921 году, на озере Хасан в 1938 году и в районе Халхин-Гол в 1939 году против японских войск. Широко практиковались взаимные посещения частей, совместные семинары и т. д.

Много и плодотворно трудился по укреплению боевого содружества между воинами двух братских армий Генеральный секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал, который одновременно был начальником Политического управления МНРА. «В ходе подготовки и проведения наступательной операции,— писал он впоследствии,— потребовавших колоссального напряжения сил личного состава наших войск, между советскими и монгольскими воинами, от солдат до генералов, царила волнующая атмосфера искренней дружбы, подлинного братства и взаимопомощи,

что способствовало успешному выполнению поставленных командованием боевых задач».

Сам я лично не был в МНР в период подготовки к военным действиям. Появляться там мне Ставка категорически запретила. С маршалом Чойбалсаном я встретился уже после окончания войны в Чанчуне.

В результате большой подготовительной работы и особенно с началом этапа непосредственной подготовки к боям и операциям за неделю до развертывания боевых действий личный состав советских войск на Дальнем Востоке был полон стремления выступить против общего врага, уничтожить последний очаг второй мировой войны. Советские воины горели ненавистью к японским милитаристам.

Я регулярно информировал Верховного Главнокомандующего о ходе подготовки к боевым действиям. Наша телефонная связь работала безотказно. 16 июля ко мне в штаб войск Дальнего Востока, находившийся в 25 км юго-западнее Читы, позвонил из Потсдама И. В. Сталин. Это было накануне открытия Потсдамской конференции трех великих держав. Он спросил, как идет подготовка к операции, и поинтересовался, нельзя ли ее дней на десять ускорить. Я доложил, что сосредоточение войск и подвоз всего самого необходимого для них не позволя-

ют сделать этого, и просил оставить прежний срок. Сталин дал на это согласие. Почему Сталин накануне этой конференции ставил передо мной этот вопрос — он мне не сказал. Впоследствии нам стало известно, что о соответствии с американскими планами разгрома Японии, разработанными еще до созыва Потсдамской конференции и утвержденными президентом США 29 июня, высадка американских войск на остров Кюсю должна была произойти 1 ноября 1945 года, а высадка на остров Хонсю — не ранее 1 марта 1946 года.

Известно и то, что президент Трумэн 18 июня 1945 года на совещании военных руководителей США заявил, что «одна из целей, которую он ставит перед собой на предстоящей конференции, будет заключаться в том, чтобы добиться от Советского Союза максимальной помощи в войне против Японии». Известно было и другое: накануне Потсдамской конференции американцы провели первое испытание атомной бомбы в США, а через неделю, 24 июля, участник конференции, исполнявший обязанности президента, бывший вице-президент Г. Трумэн, отдал приказ командующему стратегическими военно-воздушными силами США сбросить в начале августа 1945 года атомную бомбу на один из следующих японских городов: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки.

Получив в Потсдаме сообщение о результатах испытания бомбы, Трумэн попытался оказать политический нажим на советскую делегацию. Но он встретил с ее стороны спокойную уверенность и сдержанную твердость. 16 июля в момент разговора со мной Сталин, по-видимому, не мог знать о том, что за несколько часов до этого в Лос-Аламосе взорвалась испытываемая американцами атомная бомба. Надо полагать, интересуясь сроками начала операции, он руководствовался не этим фактом, а общими военно-политическими соображениями и сведениями о том, что на конференции американско-английские делегаты вновь будут настаивать на скорейшем вступлении Советского Союза в войну против Японии.

7 августа поступила директива Ставки. Войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, гласила она, 9 августа начать боевые действия для выполнения задач, поставленных директивами Ставки от 28 июня; боевые действия авиации всех фронтов начать с утра 9 августа; наземным войскам Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов границу Маньчжурии перейти утром 9 августа; 2-му Дальневосточному фронту — по моему указанию. Тихоокеанскому флоту перейти в оперативную готовность номер один, приступить к постанов-

▲ Десант на Курилы

ке минных заграждений, одиночное судоходство прекратить, транспорты направить в пункты сосредоточения, а в дальнейшем организовать судоходство конвоями под охраной военных кораблей, подводные лодки развернуть, боевые действия флота начать с утра 9 августа.

На прошедших 8 августа, после получения боевого приказа, митингах и собраниях воины клялись с честью выполнить стоящие перед ними задачи, чтобы в кратчайшие же сроки и полностью разгромить врага.

В обращении Главкома советскими войсками на Дальнем Востоке к китайскому народу перед началом операции подчеркивалось: «Красная Армия, армия великого советского народа, идет на помощь союзному Китаю и дружественному китайскому народу. Она и здесь, на Востоке, поднимает свои боевые знамена как армия — освободительница народов Китая, Маньчжурии, Кореи от японского гнета и рабства».

8 августа 1945 года главнокомандование Народно-освободительной армии Китая направило Председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину приветственную телеграмму, в которой говорилось:

«От имени китайского народа мы горячо приветствуем объявление Советским правительством войны Японии. Стомиллионное население и вооруженные силы освобожденных районов Китая будут всемерно координировать свои усилия с Красной Армией и армиями других союзных государств в деле разгрома ненавистных захватчиков».

В ночь на 9 августа передовые батальоны и разведывательные отряды трех фронтов в крайне неблагоприятных погодных условиях — летнего муссона, приносящего частые и сильные дожди, — двинулись на территорию противника. С рассветом главные силы Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов перешли в наступление и пересекли государственную границу. В это время я находился в районе штаба 1-го Дальневосточного фронта, который перед открытием военных действий перешел из-под Ворошиловска в тайгу, в специально построенные домики. А штаб Главного командования по-прежнему находился близ Читы.

В дальнейшем, в соответствии с планом, боевые действия развернулись и осуществлялись в следующем оперативном построении.

10 августа в войну вступила Монгольская Народная Республика. Во фронте Р.Я. Малиновского: Монгольская народно-революционная армия маршала Хорлогийна Чойбалсана наносила удар от Сайн-Шанда в пустыне Гоби по войскам князя Де Вана и Суйюаньской армейской группы в направлении Калгана (Чжанцзякоу); смешанная советско-монгольская конно-механизированная группа генерал-полковника И. А. Плиева — из Северной Гоби в направлении города Долоннор (Долунь); 17-я армия генерал-лейтенанта А. И. Данилова — от Югодзирь-Хида на Чифын, с целью разгрома войск левого крыла 44-й японской армии. В результате успешного решения этого замысла Квантунская армия была изолирована от войск японского Северного фронта, действовавшего в районе Бэйпина (Пекина), и потеряла возможность получить помощь с юга. 53-я армия генерал-полковника И. М. Мангарова и 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника танковых войск А. Г. Кравченко от Мамата наступали на Шэньян (Мукден), местопребывание штаба японского 3-го фронта, нанося удар по правому крылу 44-й армии. 39-я армия генерал-полковника И. И. Людникова из Тамцак-Булакского выступа, громя 30-ю и левое крыло 4-й отдельной японских армий, продвигалась вдоль железной дороги на Чанчунь (Синьцзян), где находился штаб Квантунской армии, а ей навстречу с востока выходила 5-я армия 1-го Дальневосточного фронта. 36-я армия генерал-лейтенанта А. А. Лучинского из Даурии через Хайлар наносила удар на Цицикар по центру 4-й отдельной армии. С воздуха Забайкальский фронт поддерживала 12-я воздушная армия С. А. Худякова.

Войска Забайкальского фронта шли по труднопроходимой местности. Даже у самих китайцев и японцев не имелось сколько-нибудь приличных карт, и наша картографическая служба немало потрудились, чтобы обеспечить командиров необходимыми пособиями. Враг не предполагал, что советские войска сумеют

за неделю пройти сотни километров в тяжелейших условиях. Элемент неожиданности был столь велик, а удар, полученный Квантунской армией с северо-запада, так силен, что она после него уже не смогла оправиться.

На 2-м Дальневосточном фронте Пуркаева 6 небольших войсковых группировок прикрывали железную дорогу в Забайкалье от устья реки Шилки до устья Зеи; 2-я Краснознаменная армия генерал-лейтенанта танковых войск М. Ф. Терехина с Буреинского плато через Малый Хинган продвигалась с севера в направлении Цицикара; 15-я армия генерал-лейтенанта С. К. Мамонова из Биробиджана вдоль течения Сунгари наступала на Харбин; 5-й отдельный стрелковый корпус генерал-майора И. З. Пашкова от Бикина, параллельно войскам Мамонова, шел с боями на Боли; 16-я армия генерал-лейтенанта Л. Г. Черемисова наносила удар из Северного Сахалина по Южному; воинские части Камчатского оборонительного района генерал-майора А. Р. Гнечко овладевали (согласно моему приказу от 15 августа) Куриль-

скими островами. С воздуха войска фронта поддерживала 10-я воздушная армия генерал-полковника авиации П. Ф. Жигарева.

Этот фронт теснейшим образом взаимодействовал с флотом и двумя флотилиями. Моряки и речники участвовали в высадке десантов на Курилах и Южном Сахалине, в форсировании Амура и Уссури, в боевых действиях на реке Сунгари. Интересной страницей сражений на Сахалине является также выброска нашего парашютного десанта в Тайохара (Южно-Сахалинске), чего противник никак не ожидал. Не менее изумительной по скорости, ловкости и смелости выполнения являлась высадка морских десантов на острова Итуруп, Кунашир и Шикотан.

На 1-м Дальневосточном фронте 35-я армия генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева от Губерова и Лесозаводска наносила удар на Линькоу; 1-я Краснознаменная армия генерал-полковника А. П. Белобородова от озера Ханка через Мулин и Муданьцзян (штаб 1-го фронта) наступала на Харбин, где соединялась с 15-й ар-

мией; 5-я армия генерал-полковника Н. И. Крылова прорывалась от Гродекова на Гирич. 25-я армия генерал-полковника И. М. Чистякова продвигалась через Ванцин (штаб 3-й армии) с поворотом на Яньцзи к Корее и затем берегом Японского моря выходила к знаменитой 38-й параллели, ставшей позднее границей между КНДР и Южной Кореей, нанося удар по 17-му фронту. С воздуха войска фронта поддерживала 9-я воздушная армия генерал-полковника авиации И. М. Соколова. 10-й мехкорпус генерал-лейтенанта танковых войск И. Д. Васильева вел бои в полосе 5-й армии.

С этим фронтом взаимодействовала основная часть сил Тихоокеанского флота, базировавшаяся во Владивостоке. Согласованные операции подвижных частей с суши и десантников с моря по овладению корейскими портами Юки, Расин, Селсин и Гензан были быстрыми и удачными. Отличились парашютисты, высадившиеся в Харбине, Гиричине и Хамхынге — в далеком вражеском тылу: царившая в японских войсках растерянность, вызванная поражением Квантунской

армии на фронте, облегчила парашютистам выполнение ответственных заданий.

Наше совместное с Монгольской народно-революционной армией наступление развивалось успешно с первых же часов. Внезапность и сила первоначальных ударов позволили советским войскам сразу же захватить инициативу. В правительстве Японии начало военных операций Советским Союзом вызвало панику. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, — заявил 9 августа премьер-министр Судзуки, — ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны». Таким образом, именно действия Советских Вооруженных Сил, по признанию японского руководства, а не атомная бомбардировка городов Японии американскими самолетами, произведенная 6 и 9 августа, решили судьбу Японии и ускорили окончание второй мировой войны.

Массовое уничтожение населения японских городов не диктовалось никакой военной необходи-

мостью. Атомная бомба была для правящих кругов Соединенных Штатов не столько актом конца второй мировой войны, сколько первым шагом в «холодной войне» против СССР.

Наступление советских войск проходило в условиях упорного сопротивления врага. Тем не менее на всех основных направлениях советские войска отлично справлялись с выполнением поставленных задач. Передовые части Забайкальского фронта уже к 11 августа подошли к западным склонам Большого Хингана, а подвижные войска главной группировки преодолели его и вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину. Форсирование Хинганского хребта явилось подвигом, не имевшим себе равных в современной войне. К исходу 14 августа войска Забайкальского фронта, пройдя расстояние от 250 до 400 км, вышли в центральные районы Маньчжурии и продолжали продвигаться к ее столице Чанчуню и крупному промышленному центру Мукдену. За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта в условиях труднопро-

ходимой горно-таежной местности, прорвав сильную полосу обороны, напомиравшую «линию Маннергейма», только в больших масштабах, и овладев семью мощными укрепленными районами, продвинулись в глубь Маньчжурии на 120–150 км и завязали бой за город Муданьцзян. Войска 2-го Дальневосточного фронта вели бои на подступах к Цицикару и Цзямусы. Таким образом, уже к исходу шестых суток нашего наступления Квантунская армия оказалась расчлененной на части.

Столь высокие темпы наступления советских войск, действовавших на отдельных, разобценных операционных направлениях, стали возможны лишь благодаря тщательно продуманной группировке войск, знанию природных особенностей местности и характера системы обороны врага на каждом операционном направлении, широкому и смелому использованию танковых, механизированных и конных соединений, внезапности нападения, высокому наступательному порыву, решительным до дерзости и исклю-

чительно умелым действиям, отваге и массовому героизму воинов Красной Армии и моряков.

Огромную помощь войскам Дальнего Востока на протяжении всей кампании оказывали пограничники. В первые же дни Маньчжурской операции они вместе с полевыми войсками атаковали и ликвидировали многочисленные пограничные опорные пункты врага и его укрепленные районы. В процессе дальнейших боев погранвойска принимали активное участие в преследовании противника. Охраняли коммуникации, штабы, важные объекты и тыловые районы полевых войск. В то же время сформированные в первые дни войны на Дальнем Востоке из погранвойск специальные отряды прикрывали, вернее сказать, обороняли по заданию фронтового командования значительные участки фронта, позволяя тем самым высвободить полевые войска и использовать их на основных операционных направлениях. Неоценимую помощь оказали пограничники и в борьбе с диверсионными и разведывательными группами врага.

Насколько решительно, самоотверженно и умело действовали воины-пограничники на протяжении всей кампании Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке, приведу хотя бы такой пример. Только один Джалинский пограничный отряд под командованием Л. К. Попова уже в первом бою уничтожил 50 японцев, из них 13 офицеров, и 150 взял в плен. В последующем джалинцы ликвидировали пограничный полицейский отряд, 2 районных и 11 малых пограничных отрядов, 3 погранпоста, 9 отдельных войсковых групп, 2 парохода. Перед фронтом наступления отряд полностью очистил от противника территорию в 427 км по фронту и 80–90 км в глубину, занял 24 населенных пункта, в том числе один город. При этом, пограничный отряд Попова захватил большие трофеи: вооружение, боеприпасы, боеприпасы, 8 продовольственных и вещевых складов, 4 баржи с грузом и 1 пароход. Так же воевали с японскими милитаристами и другие пограничные отряды Забайкалья и Дальнего Востока под командованием замечательных гене-

ралов П. И. Зырянова, А. А. Никифорова, М. И. Шишкарёва и других.

Перед лицом неминуемого военного поражения 14 августа правительство Японии приняло решение капитулировать. На следующий день пал кабинет премьера Судзуки. Однако войска Квантунской армии продолжали упорно сопротивляться. В связи с этим после разговора со мной на эту тему И. В. Сталина 16 августа в советской печати было опубликовано разъяснение Генерального штаба Красной Армии, в котором говорилось:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции.

Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императо-

ром будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии».

В последующие дни советские войска, развивая наступление, стремительно наращивали его темпы. На 1000-километровом участке Забайкальского фронта: конно-механизированная группа Плиева выходила к Калгану и Чэндэ (Жэхе); 17-я армия через Чифын рвалась к берегам Ляодунского залива; 6-я гвардейская танковая армия, испытывая большие трудности в связи с перебоями в снабжении, настойчиво решала основную задачу фронта по захвату Мукдена; 39-я армия, восстанавливая разрушенные врагом при отходе мосты и железнодорожные пути, продвигалась через Таоань на Чанчунь. Как раз в те дни в разрыв, образовавшийся между 17-й и 39-й армиями, решением командующего фронтом

была введена из второго эшелона 53-я армия для наступления через Кайлу на Фусинь. В результате войска Забайкальского фронта к исходу 19 августа вышли в районы Чифын, Чанчунь, Мукден, Кайтун и Цицикар. Это означало, что в Квантунскую армию вбит с запада гигантский клин наших Вооруженных Сил на площади примерно в 0,6 млн. кв. км.

Войска 1-го Дальневосточного фронта также продолжали развивать наступление. 35-я армия 16 августа вышла на железную дорогу Цзямусы — Тумынь в районе Боли и тем самым прочно обеспечила правый фланг главной группировки фронта, отрезав японскую 4-ю отдельную армию, отходившую перед войсками 2-го Дальневосточного фронта на юг, от муданьцзянской группировки. В это время 1-я Краснознаменная и 5-я армии вели ожесточенные бои за крупный узел железных и шоссейных дорог, важный административно-политический центр Муданьцзян. Яростно обороняясь, противник неоднократно переходил в контратаки, но 16 августа город пал. В этих боях Квантунская

армия потеряла более 40 тыс. солдат и офицеров. 25-я армия совместно с 10-м механизированным корпусом в тот же день овладела городом Ванцин, прикрывавшим подступы к Гирину и северным районам Кореи. Одновременно ее войска совместно с морским десантом овладели крупной военно-морской базой Сейсин и вышли на коммуникации 3-й японской армии, отсекая войска 17-го фронта от 1-го фронта и от побережья Японского моря. Уже к исходу первой недели войны была полностью разгромлена 5-я японская армия и нанесен большой урон 3-й армии и другим войскам 1-го фронта. Попытка противника любой ценой не допустить выхода наших войск на Центрально-Маньчжурскую равнину и к Северной Корее провалилась.

Успешно развивались военные действия по освобождению Кореи, являвшиеся частью кампании советских войск на Дальнем Востоке. Основную задачу решила 25-я армия при взаимодействии с Тихоокеанским флотом. 12 августа они овладели городами Северной Кореи

Юки и Расин (Наджин). С выходом советских войск к Сейсину (Чхонджину) полностью нарушилась оборона Квантунской армии на приморском направлении. Были также осуществлены морские и воздушные десанты в ряде портов и городов Северной Кореи. В начале сентября советские войска вышли на линию 38-й параллели, установленную соглашением союзных держав.

Красная Армия пришла в Корею как освободительница, как друг и союзник корейского народа. И корейский народ по достоинству оценил жертвы, принесенные во имя его свободы и независимости. Свидетельством тому явились массовые демонстрации дружбы и искренней благодарности населения, проходившие в городах и селах, куда вступали части Красной Армии. Символами вечной признательности корейского народа своим освободителям стали монументы в честь советских воинов в Пхеньяне и других городах Кореи.

Нанеся сокрушительное поражение японским войскам в Корее, Красная Армия создала тем самым

благоприятные возможности для деятельности революционных сил, борющихся за национальное освобождение и социальный прогресс. В северной части страны трудящиеся под руководством коммунистов приступили к строительству первого в истории Кореи подлинно независимого, народно-демократического государства. Но южнее 38-й параллели, где по согласованию между союзниками высадились американские войска (в начале сентября 1945 года), у власти остались капиталисты и помещики, которые превратили Южную Корею в оплот антикоммунизма и реакции.

Освобождение Кореи Красной Армией, помощь ей со стороны Советского Союза, который сам еще не оправился тогда от последствий тяжелой войны, в создании нового государства, в развитии народного хозяйства и культуры — это воплощение на деле ленинских принципов пролетарского интернационализма.

Войска 2-го Дальневосточного фронта за эти дни овладели городом Цзямусы и во взаимодействии

с Краснознаменной Амурской военной флотилией наступали вдоль Сунгари на Харбин. Советская авиация господствовала в воздухе на всем театре военных действий. Тихоокеанский флот прочно закрепил за собой побережье Северной Кореи. Квантунская армия терпела сокрушительное поражение.

17 августа, окончательно потеряв управление разрозненными войсками и сознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, главнокомандующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада отдал приказ начать переговоры с советским Главнокомандованием на Дальнем Востоке.

В 17 часов 17 августа от главнокомандующего Квантунской армией была принята радиограмма о том, что он отдал японским войскам приказ немедленно прекратить военные действия и сдать оружие советским войскам, а в 19 часов в расположение войск 1-го Дальневосточного фронта с японского самолета были сброшены два вымпела с обращением штаба 1-го фронта Квантунской

▲ Пленные японцы

▲ Порт-Артур наш

армии о прекращении военных действий. Однако на большинстве участков японские войска продолжали не только оказывать сопротивление, но местами переходили в контратаки. В связи с этим я вынужден был тогда же передать генералу Ямада следующую радиogramму:

«Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен. Указанный выше срок дается для того, чтобы штаб Квантунской армии мог довести приказ о прекра-

щении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск. Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия».

Одновременно я приказал командующему 1-м Дальневосточным фронтом выслать офицеров штаба на аэродромы Муданьцзяна и Мулина, уполномочив их сообщить представителям штаба Квантунской армии, что военные действия советских войск будут прекращены лишь тогда, когда японские войска начнут сдаваться в плен. Такая мера была вызвана тем, что многие японские воинские части и гарнизоны из-за потери связи либо не получили приказа Ямада, либо отказались выполнять его. 18 августа в 3 часа 30 минут Ямада ответил по радио советскому Главнокомандованию о готовности выполнить все условия капитуляции. 18 августа на многих участках фронта японские части начали сдаваться в плен.

Чтобы ускорить разоружение капитулировавших японских войск и освобождение захваченных ими территорий, 18 августа я отдал следующий приказ войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов:

«В связи с тем, что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гирин и Харбин перейти к действиям специально сформированных, быстроподвижных и хорошо оснащенных отрядов. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от своих главных сил».

Такие отряды создавались во всех армиях Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов из танковых частей, стрелковых подразделений,

посаженных на автомашины, и подразделений самоходной и истребительно-противотанковой артиллерии. Для захвата важных военных и промышленных объектов и приема капитуляции их гарнизонов были высажены воздушные десанты в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и Гирине. Вслед за воздушными десантами в Мукден, Чанчунь, Порт-Артур и Дальний вступили передовые отряды, а затем части и соединения 6-й гвардейской танковой армии.

Японские военнослужащие, застигнутые врасплох, сдавались в плен. Среди пленных оказался и маньчжурский император Генри Пу И. В 1933 году в возрасте 27 лет этот представитель Цинской династии был произведен японскими хозяевами в императоры Маньчжурии, став на самом деле их марионеткой. Его неотлучным спутником и постоянным советником стал японский генерал Иосиока. При императоре имелось японское посольство, которое возглавлял командующий Квантунской армией. Когда 19 августа 1945 года наше воздушно-десантное подразделение приземлилось на Мукденском аэродроме, Пу И со свитой, включая его японских

советников, уже готовился улететь в Японию, но вместо этого вынужден был сдаться в плен советским военнослужащим.

18 августа в Харбине воздушный десант под командованием заместителя начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта генерал-майора Г. А. Шелахова неожиданно встретил на аэродроме начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Х. Хата. При переговорах с ним Шелахов предложил ему для согласования вопросов, связанных с капитуляцией всей Квантунской армии, в сопровождении лиц, выбранных по усмотрению японского командования, на нашем самолете отправиться на КП командующего 1-м Дальневосточным фронтом. Х. Хата принял это предложение, и 19 августа в 15 час. 30 мин. по дальневосточному времени там произошла встреча с ним и японским консулом в Харбине Миякава.

Мы предъявили требования о порядке капитуляции, указали сборные пункты приема военнопленных, маршруты движения и время. Х. Хата принял все условия. Невыполнение некоторыми японскими частями и подразделениями приказа о сдаче оружия он объяснил тем, что

командование Квантунской армии не смогло вовремя довести приказ о капитуляции, так как на второй день наступления Красной Армии штаб Квантунской армии потерял управление войсками. Далее мы предупредили Х. Хата, что японские войска должны сдаваться организованно, вместе со своими офицерами и что в первые дни капитуляции забота о питании пленных ложится на японское руководство. Войска обязаны переходить к нам с кухнями и запасами продовольствия, японские генералы — являться со своими адъютантами и необходимыми личными вещами. Было также заявлено, что мы гарантируем гуманное отношение не только к высшим чинам, но и ко всем военнопленным.

Характерно, что Х. Хата просил разрешить до прихода частей Красной Армии в отдельных районах Маньчжурии и Кореи оставить у японских солдат оружие, поскольку, как объяснил он, «население там ненадежное». Мы ответили, что советское командование обеспечит полный порядок на территории, занятой Красной Армией, и не допустит никаких незаконных эксцессов. Затем мы распорядились о предстоящих встречах советских офицеров с японским

▲ Допрос Василевским А.М. начальника штаба Квантунской армии Хата Хикосабуро

▲ Пленный главком Квантунской армии Ямада

командованием, о том, какие самолеты при этом надлежит использовать, и уточнили, кто из штаба Квантунской армии куда будет направлен. Х. Хата попросил оставить в распоряжении японского командования необходимый транспорт и средства связи, чтобы быстрее передать войскам указание советского командования. Просьба была удовлетворена. После уточнения деталей капитуляции Квантунской армии он и сопровождавшие его лица получили разрешение отбыть на нашем самолете в сопровождении советских офицеров в свой штаб.

В течение всех переговоров Х. Хата и большинство его спутников выглядели довольно уныло. От «самурайской» самоуверенности не осталось и следа. Вчерашние надменные распорядители Маньчжурии держались покорно, даже униженно, при каждой нашей фразе

поспешно кивали головами. Видно, они были и психологически надломлены.

С 19 августа японские войска почти повсеместно начали капитулировать. У нас в плену оказалось 148 японских генералов, 594 тыс. офицеров и солдат. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской армии и других сил противника, располагавшихся в Маньчжурии и Северной Корее. Успешно завершались операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов.

Подошла пора подвести итоги кампании. В связи с этим хочу рассказать об одном курьезном случае, причем я отнюдь не имею целью этим бросить какую-то тень на «виновника» этого курьеза. Он хорошо воевал и неизменно соблюдал субординацию в служебных отношениях.

Завершив военные действия, мы прежде всего занялись организационными вопросами, а дел по налаживанию нормальной жизни на освобожденных территориях было много. И как-то так получилось, что с подготовкой итогового доклада ЦК партии и Ставке о прошедших военных действиях, к тому же все детали их им уже известны были и с отчетом о них нас не торопили, мы несколько задержались.

И вот при одном из телефонных переговоров И.В. Сталин спрашивает меня:

— Товарищ Василевский, кто у нас командует войсками Дальнего Востока?

Я не знал, что отвечать, и несколько замедлил с ответом. Он продолжал:

— Командующий Первым Дальневосточным фронтом Мерецков прислал в Ставку отчет о военных действиях. Вы знаете об этом?

— Нет.

Я хорошо знал К. А. Мерецкова и не придал его докладу Ставке какого-либо значения. Но когда он прибыл ко мне в штаб в Хабаровск, я по его виду понял, что он переживает по поводу своей поспешности с докладом.

Военная кампания Вооруженных Сил СССР на Дальнем Востоке увенчалась блестящей победой. Ее итоги трудно переоценить. Официально кампания длилась 24 дня. Были наголову разбиты ударные силы врага. Японские милитаристы лишились плацдармов для агрессии и основных своих баз снабжения сырьем и оружием в Китае, Корее и на Южном Сахалине. Крах Квантунской армии ускорил капитуляцию Японии в целом.

Окончание войны на Дальнем Востоке спасло от гибели сотни тысяч американских и английских солдат, избавило миллионы японских граждан от неисчислимых жертв и страданий и предотвратило дальнейшее истребление и ограбление японскими оккупантами народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

В результате разгрома Японии создались благоприятные условия для победы народных революций в Китае, Северной Корее и во Вьетнаме. Мао Цзэ-дун, когда-то считавшийся с исторической правдой, писал в августе 1945 года: «Красная Армия пришла помочь китайскому народу изгнать агрессоров. Такого примера еще не было в истории Китая. Влияние этого события неопределимо». Народно-освободительная армия получила огромные запасы трофейного оружия. Только два наших фронта захватили у бывшей Квантунской армии и передали представителям НОА 3,7 тыс. орудий, минометов, гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около 1,2 тыс. пулеметов, почти 680 различных воинских складов, а также корабли Сунгарийской военной речной флотилии. Позднее была передана значительная часть советского оружия. Советское командование позаботилось, чтобы все оружие было в порядке и пригодно для боевого применения. Помню, мне докладывали, что представители Китайской народно-освободи-

тельной армии высказывали чувства признательности и благодарности Советскому Союзу, его Вооруженным Силам, создавшим важные предпосылки для победы китайской революции. Трофейное и наше, отечественное, оружие и боевая техника помогли перевооружить Народно-освободительную армию и технически оснастить ее новые части и соединения, ставшие потом костяком и ударной силой революционного Китая. Не подлежит сомнению, что без решающей помощи Советского Союза китайский народ не смог бы так быстро сбросить ярмо японских милитаристов и добиться освобождения своей страны.

С разрешения Ставки я совершил поездку по освобожденной Маньчжурии. Прибывший из Москвы А. И. Микоян присоединился ко мне, и мы побывали в ряде городов, ознакомились с состоянием оружия и складского хозяйства Квантунской армии. Судя по тому, что боевая техника, боеприпасы, обмундирование и продовольствие хранились в больших размерах и в хорошем состо-

▲ Деревянко К.Н. подписывает Акт капитуляции Японии

янии, Япония намеревалась долго пребывать на китайской земле.

Разгром японского милитаризма способствовал мощному подъему национально-освободительного движения во всей Азии. 17 августа была провозглашена независимая Индонезийская республика. 2 сентября, когда японский министр иностранных дел Сигемицу и начальник генштаба Умедзу подписывали акт о безоговорочной капитуляции, президент Хо Ши Мин провозгласил Демократическую Республику Вьетнам. 12 октября лаосские патриоты провозгласили Патет-Лао (свободную Страну Лао).

Победа, одержанная нашими Вооруженными Силами на Дальнем Востоке, явилась ярким свидетельством могущества социалистического общественного и государственного строя, великой организующей роли Коммунистической партии, новым торжеством советского военного искусства. Родина достойно оценила подвиг своих сынов. 87 воинов стали Героями или дважды Героями Советского Союза. Свыше 300 тыс.

человек получили ордена и медали. Многие соединения и части удостоились почетных наименований Курильских, Сахалинских, Уссурийских, Харбинских, Амурских, Хинганских, Мукденских, Порт-Артурских и др. Всем участникам войны с Японией была вручена медаль «За победу над Японией».

И вот окончилась вторая мировая война. Более четырех огненных лет шли советские люди к этому моменту, неся при этом на себе самое тяжелое ее бремя. Для военного человека, который являлся непосредственным участником вооруженной борьбы, наступление мира было по-особому приятно. Да, наши воины проделали колоссальную работу, объем и содержание которой вряд ли можно будет с чем-либо сравнить. Но окончание войны сразу же поставило перед партией и правительством новые задачи, и главные из них — это восстановление страны и перевод ее и Вооруженных Сил на условия мирной жизни. К решению этих задач партия и правительство приступили немед-

ленно. Что касается Вооруженных Сил, то сразу же после окончания войны на Дальнем Востоке — 4 сентября 1945 года — Указом Президиума Верховного Совета СССР был упразднен Государственный Комитет Обороны. Прекратила свою деятельность и Ставка Верховного Главнокомандования. Непосредственное руководство Вооруженными Силами было возложено на Наркомат Вооруженных Сил, в который вошел и Военно-Морской Флот. Наркомат вскоре вместе с другими наркоматами Союза был переименован в министерство.

Нужно было по окончании войны срочно провести демобилизацию первой очереди, затем немедля — второй очереди, спланировать все вопросы, касающиеся распределения, дислокации и расквартирования войск, как остающихся за рубежом, так и возвращающихся на родную землю, обеспечить в связи с этим передвижение войск и воинов, увольняемых из армии, а самое главное — определить чи-

▲ Порт-Артур, сентябрь 1945

▲ Освободители

сленность Вооруженных Сил, потребную стране в условиях мирного времени, выработать и придать им организацию, наиболее отвечающую этим условиям и сохраняющую их боеспособность, и устроить их.

Находясь со своим штабом после разгрома Квантунской армии в Хабаровске, я в конце сентября 1945 года получил указание Сталина не позднее 29 сентября быть в Москве. Дальнейшее руководство войсками на Дальнем Востоке и начавшимся за несколько дней до этого частичным выводом советских войск из Маньжурии, а затем и главных сил, который должен был последовать во второй половине октября, мне было приказано возложить на маршала Малиновского.

29 сентября я прибыл в Москву и вечером был принят И. В. Стали-

ным в его кремлевском кабинете в присутствии большинства членов Политбюро. Из военных присутствовал при этом прибывший со мною в Кремль А. И. Антонов. И. В. Сталин и члены Политбюро задали мне ряд вопросов, относящихся к нашей Дальневосточной кампании, к характеристике боеспособности японских войск и оценке японского командования, а также об отношениях к нам китайского населения и о положении в Китае в целом.

Затем И. В. Сталин, говоря о переходе страны и ее Вооруженных Сил к мирным условиям, подчеркнул, что выработка более приемлемых и правильных направлений дальнейшего строительства, организации и развития Вооруженных Сил, расстановка руководящих кадров являются для ЦК партии

и правительства одной из важнейших задач. Поинтересовался при этом И. В. Сталин и моим настроением, планами на дальнейшее. Я ответил, что готов работать там, где укажет партия. Сталин порекомендовал мне, прежде всего, как следует отдохнуть с семьей в одном из санаториев, а по возвращении будет решен вопрос о моей работе. После этого он поздравил меня с наступающим 50-летием и тепло распрощался со мной.

На следующий день рано утром я взял «Правду» и с большим волнением и глубочайшей благодарностью прочитал на первой странице газеты приветствие в мой адрес ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров и Указ Президиума Верховного Совета СССР о моем награждении четвертым орденом Ленина. ■

Е.А. ШИТИКОВ, вице-адмирал

ИСПЫТАНИЕ КОРАБЛЕЙ НА НОВОЗЕМЕЛЬНОМ ПОЛИГОНЕ

▲ Новая Земля весной

В 1955 году заканчивались работы по послевоенной десятилетней программе строительства кораблей для Военно-Морского Флота. Предстояло принять новую программу. На протяжении всей истории российского флота кораблестроительные программы вызывали жаркие споры среди государственных и военных деятелей, так как требовали больших материальных затрат. В данном случае обстанов-

ка осложнялась тем, что появилось оружие небывалой разрушительной силы — атомная бомба. Возникли принципиальные разногласия о роли флота в будущей войне, а она представлялась атомной. Высказывались различные мнения, вплоть до ненужности флота вообще.

Главкомандующий ВМФ адмирал флота Н.Г. Кузнецов представил 31 марта 1954 года доклад о новом плане военного судостроения и до-

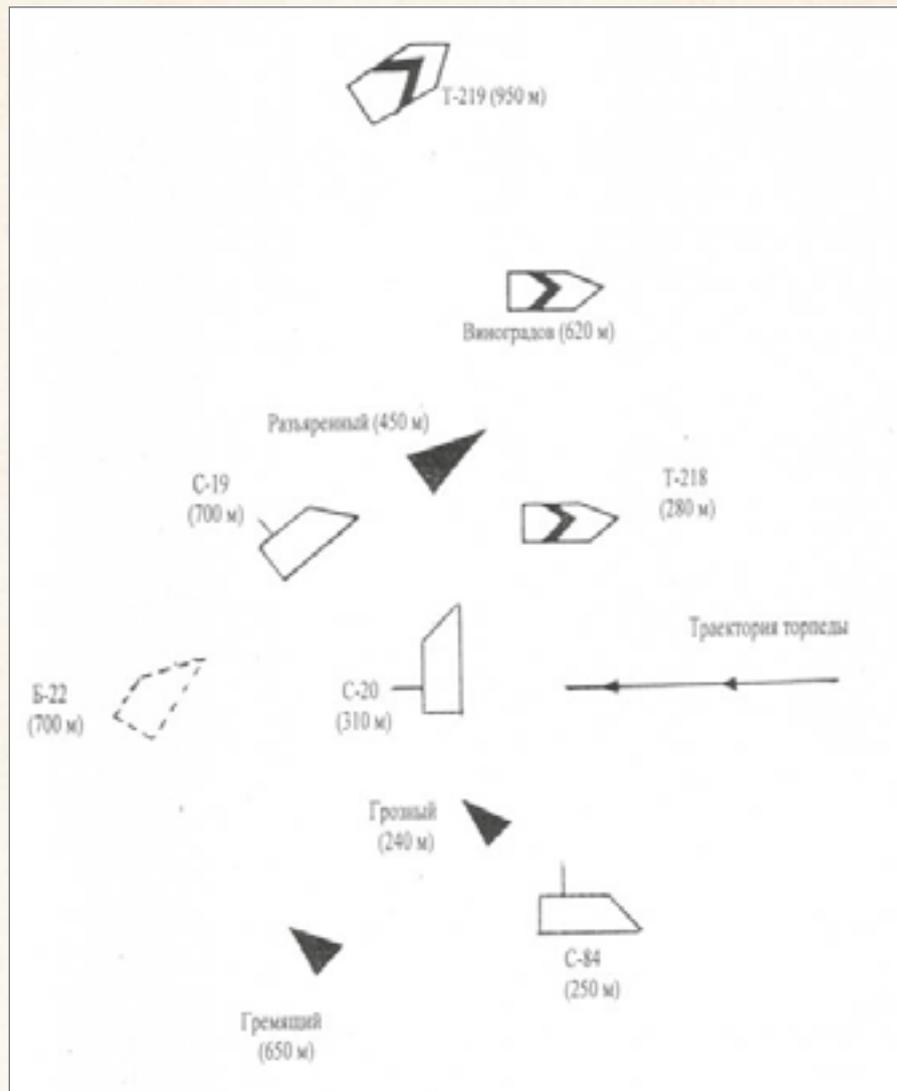
бывался его скорейшего обсуждения на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС. Первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев неоднократно откладывал рассмотрение этого вопроса. Более того, он и министр обороны Г.К. Жуков в следующем году приняли решение об освобождении стальных корпусов, что означало резку их корпусов на металл. Вот в такой сложной обстановке срочно готовились испыта-

ния кораблей на воздействие поражающих факторов ядерного оружия.

Сроки проведения этих испытаний зависели в первую очередь от готовности ядерного заряда для торпеды. Разработчики заряда хотели сначала получить положительный результат на Семипалатинском полигоне, а затем уже испытывать корабли на Новой Земле. В связи с тем, что в июле 1955 года заряд еще не был проверен на сухопутном полигоне, заместитель министра среднего машиностроения Б. Л. Ванников предложил перенести морские испытания на 1956 год. Однако адмирал С. Г. Горшков немедленно ответил, что считает «невозможным отменить» в 1955 году испытания, так как отсутствие данных по воздействию подводного атомного взрыва на корабли задерживает решение принципиально важных вопросов в военном кораблестроении. После этого Минсредмаш форсировал подготовку испытаний заряда для торпеды на Семипалатинском полигоне. Три модификации заряда успешно прошли испытания в июле и августе 1955 года. В июне вышла директива Главного штаба ВМФ о создании бригады опытовых кораблей (241-я БОК). Бригада формировалась в Молотовске и все время пополнялась кораблями и судами Северного и Балтийского флотов. В августе новая бригада перебазировалась на Новую Землю. Командовал ею капитан 1 ранга П. А. Бердяшкин, начальником штаба был капитан 2 ранга И. Я. Овчинников. В нее входили 6 эсминцев, 10 больших охотников, 7 подводных лодок, 14 тральщиков, а также штабной корабль. На полигоне уже базировались танко-десантный корабль, буксиры, баржи, катера. По числу кораблей 241-я БОК приближалась к корабельному составу Северного флота перед войной (8 эсминцев, 15 подводных лодок, 2 тральщика и ни одного большого охотника).

В техническом отношении опытные корабли находились в удовлетворительном состоянии, за исключением старых эсминцев типа «Новик», их было три — «Реут» (бывший «Урицкий»), «Карл Либкнехт», «Куй-

▲ Размещение кораблей при опыте 21 сентября 1955 г.

бышев» и двух транспортов — «Камбала» (бывш. «Турайда») и «Скумбрия» (бывш. «Кери»). Эсминцы советской постройки, подводные лодки и тральщики 241-й БОК находились в строю от 10 до 20 лет.

В бригаду входили корабли, строившиеся в четырех странах: штабной корабль «Эмба» водоизмещением 3,5 тыс. тонн был построен в Дании, в состав ВМФ СССР вошел в 1945 году; подводные лодки немецкой постройки VII серии С-81 и С-84; американские тральщики типа УМС Т-181 и Т-183; отечественные эсминцы проекта 7 «Гремящий», «Грозный», «Разъяренный», крейсерская подводная лодка типа «К» XIV серии Б-9 (бывш. К-56), средние подводные лодки типа «С» IX бис серии

С-19 и С-20, подводные заградители типа «Л» XIII серии Б-20 и Б-22, тральщики проекта 73к «Павлин Виноградов» и «Федор Митрофанов», базовые тральщики проекта 53у Т-218 и «Контр-адмирал Хорошхин» (Т-219) и другие корабли. Тральщики американской постройки в качестве кораблей-мишеней не использовались.

В соответствии с «Программой испытаний кораблей-мишеней по корпусной и электромеханической частям» на кораблях размещалась измерительная аппаратура, регистрировавшая давление в ударной волне и на конструкциях, напряжение в основных связях корпуса, ускорения на корпусных конструкциях и фундаментах отдельных механизмов, углы крена и дифферен-

▲ Испытатели

та, уровни радиации, зараженность воздуха, напряжения и величины тока у отдельных электромеханизмов и другие параметры. Устанавливались также механические приборы для измерения характеристик сотрясений, световых импульсов, прогибов и других величин. Для фиксации суммарных доз радиации на каждом корабле размещались специальные индикаторы. Различные измерения производились одновременно более чем в 2000 точках. Включение приборов для записи осуществлялось за одну секунду до взрыва по команде, передававшейся по радио.

На Новой Земле было проведено три крупномасштабных натуральных опыта по изучению воздействия поражающих факторов атомного взрыва на корабли. Целью испытаний являлось получение экспериментальных данных, необходимых для проведения мероприятий по противозатопной защите кораблей (ПАЗ).

Первый опыт, 21 сентября 1955 года

Испытания проводились для проверки атомного заряда к торпеде калибра 533 мм, оценки воздействия подводного атомного взрыва на корабль и получения экспериментальных данных для разработки теории подводного ядерного взрыва.

Рассказывает участник испытаний **Б. М. Абрамов:**

«Была проделана огромная работа по измерительному комплексу на кораблях. Подготовили схемы измерений и реализовали их созданием различных приборов и аппаратуры, иногда уникальных. Уже после расстановки кораблей-мишеней на опытной акватории провели установку на них датчиков, произвели отладку автоматического запуска аппаратуры, включая осциллографы. Наиболее насыщенным аппаратурой оказался эсминец

«Гремящий» (командир капитан 3 ранга Леонов). Правительство придавало этим испытаниям большое значение и сочло возможным обеспечить их в трудное время всем необходимым. Достаточно сказать, что для электропитания корабельной измерительной аппаратуры поставили более трехсот очень дефицитных мощных аккумуляторных батарей (типа СТК).

Это были испытания не только техники, но и людей, их умения и способности решать сложные научно-технические задачи. Самоотверженно работали экипажи кораблей. Зарядка и эксплуатация массы аккумуляторных батарей, сосредоточенных в малых замкнутых объемах, требовала высокой дисциплинированности матросов и старшин. Уже через час после взрыва команды специалистов были на объектах испытаний. Снимали информацию, регистрирующие

приборы, опытные образцы и т. д. В период подготовки к испытанию на эсминце «Гремящий» побывали все командующие флотами и другие высшие военачальники, а также академик Н. Н. Семенов. После трудного дня на «Гремящем» любил посидеть в кают-компани адмирал Н. Е. Басистый».

Корабли-мишени устанавливались на бочках и штатных якорях. На кораблях во время взрыва личного состава не было. Команды на запуск регистрирующей аппаратуры осуществлялись со штабного корабля с помощью программного автомата и системы радиотелеуправления. Измерительная аппаратура размещалась, кроме кораблей-мишеней, и на 20 специально изготовленных 120-тонных плавучих стендах.

Проведение испытаний правительство возложило на Министерство обороны (ВМФ), Министерство среднего машиностроения и Академию наук СССР. Общее руководство испытаниями кораблей осуществлял адмирал С. Г. Горшков. Конкретно кораблями занимались контр-адмирал

П. Ф. Фомин и заместитель начальника ЦНИИ военного кораблестроения капитан 1 ранга А. К. Попов. В испытаниях также принимали участие заместитель Главкома ВМФ адмирал Н. Е. Басистый, заместитель начальника кораблестроения и вооружения ВМФ вице-адмирал П. Г. Котов, командующие флотами, начальники центральных управлений и научно-исследовательских институтов ВМФ.

На полигон, кроме военнослужащих, для участия в испытаниях прибыли: от Минсредмаша — 61 человек, от Минсудпрома — 31, от Академии наук и Академии медицинских наук — 120. Как видно, испытания вызвали большой интерес среди ученых.

В центре боевого поля стоял малый тральщик Т-393 проекта 253л, с которого на тросе на глубину 12 метров опускалась торпеда с зарядом. Этой операцией руководил капитан-лейтенант Е. Л. Пешкур.

Корабли-мишени устанавливались на шести радиусах от 300 до 3000 метров. Надводные корабли стояли бортом и носом к центру взрыва, подводные лодки — в над-

водном и подводном положении на перископной глубине. На эсминце «Гремящем» во время взрыва работал один главный котел и часть вспомогательных механизмов. Кроме того, на «Гремящем» была закреплена бортовая секция эсминца проекта 56, а на тральщике Т-218 — объемная секция тральщика проекта 254.

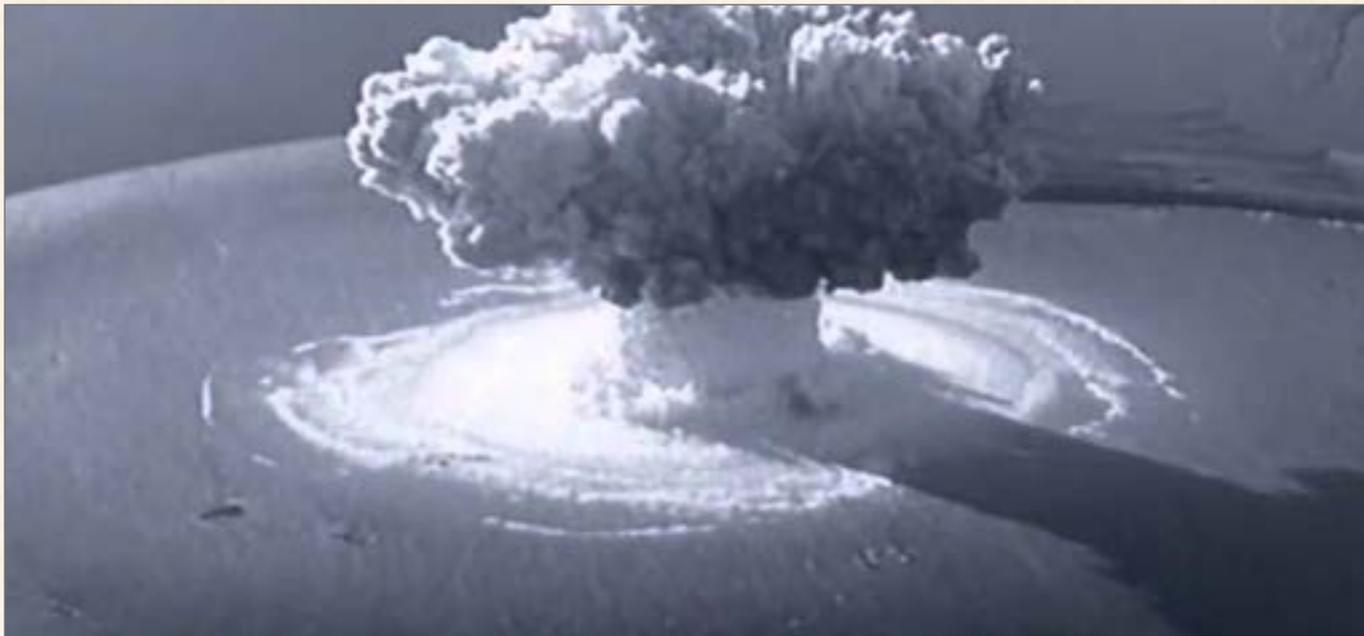
Результаты опыта по подводным лодкам:

- С-81 — затоплен шестой отсек, разрушена аккумуляторная батарея, вмята обшивка легкого корпуса, подлодка полностью вышла из строя;
- Б-9 — из-за нарушения плотности сальников за 30 часов внутрь поступило около 30 тонн воды и залило электродвигатели (повреждения устранены личным составом в течение трех дней);
- С-84 — незначительные повреждения, не влияющие на боеспособность и устраняемые личным составом;

▲ Район полигона

- С-19 — из-за того, что выбило пробку на торпедном аппарате (в соответствии с программой испытаний передняя крышка была открыта), в первый отсек поступило около 15 тонн воды (повреждения устранены личным составом за два дня).

Результаты опыта по эскадренным миноносцам: «Реут» — затонул сразу от гидродинамического удара столба воды (султана); «Гремящий» — ослаблены заклепочные швы, и вода попала в междудонные топливные цистерны, вмятины в надстройке, сорваны с мест отдельные приборы и многие светильники (повреждения устранены личным составом, за исключением деформации надстроек); «Куйбышев» — получил незначительные повреждения, не влияющие на боеспособность; «Карл Либкнехт» — имел постоянную течь корпуса, которая после взрыва усилилась, и корабль пришлось отбуксировать на мель, механизмы не пострадали.

Результаты опыта по тральщикам: Т-219 — повреждено ограждение ходового мостика, вмятины на крышках люков, дымовой трубе, трещины в отдельных трубопроводах, нарушена центровка гидромолоты; Т-218 — затоплен отсек гребных валов, небольшие повреждения в корабельных системах, повреждения устранены

личным составом за несколько часов.

Повреждения каждого корабля зафиксированы в актах их обследования после взрыва.

В испытаниях участвовало 100 собак, из них 75 было размещено на открытых и закрытых боевых постах кораблей, 25 — на наземных объектах. В отсеках кораблей затонуло 6 животных, лучевая болезнь I и II степени развилась лишь у 11 собак, у которых доза облучения превысила 80 рентген. У одной собаки доза облучения приблизилась к 300 рентгенам — животное тяжело заболело лучевой болезнью III степени. Остальные собаки на кораблях не пострадали.

Обобщение научно-технических результатов испытаний было возложено на отдельные комиссии, в которые входили 7 академиков и членов корреспондентов АН СССР. Оценку действия взрыва на корабли возложили на П. Ф. Фомина (председатель), А. К. Попова, С. Н. Архипова, Г. Г. Толстолуцкого, А. И. Ларионова, В. А. Сычева, П. Н. Лемешко, А. Н. Вошинина (ВМФ), В. И. Першина, М. В. Егорова, Б. Г. Чиликина, В. Ф. Безукладова (МСП), Е. А. Негина (МСМ), М. А. Садовского (АН СССР).

После составления технических отчетов по испытаниям общие оперативно-тактические выводы были сделаны специалистами по боевому использованию сил флота под руко-

водством адмирала В. А. Алафузова. Эта группа сделала попытку произвести сравнение эффективности воздушного, приводного и подводного взрывов.

При тротиловом эквиваленте порядка трех с половиной кило тонн радиусы потопления составили 300–400 метров, значительные повреждения легких надводных кораблей происходили от ударной волны на удалении 500–600 метров. Повреждения надстроек легких надводных кораблей от воздушной ударной волны — на расстоянии 700–800 метров. Несущественные повреждения — на удалении 1200–1300 метров.

На подводных лодках значительные повреждения получают аккумуляторные батареи на расстояниях 400–500 метров и незначительные повреждения — на удалении в 700–800 метров.

В результате анализа комиссия В. А. Алафузова рекомендовала разработку самонаводящейся дальнеходной торпеды с зарядом малой мощности. Однако по этому пути развитие торпедного оружия не пошло. В дальнейшем было признано целесообразным использовать торпеду с самонаведением и обычным БЗО или прямоидущую с ядерным боевым зарядным отделением.

В постановлении правительства оговаривалось, что должен быть создан кинофильм, отражающий испытания. Под руководством режиссера М. Д. Абрамовича операторы снимали поврежденные части кораблей, их вооружение и технические средства. Консультантами кинематографистов были офицеры 6-го Управления ВМФ. В результате создали фильм «Подводный атомный взрыв». Это первый фильм 6-го Управления ВМФ, который демонстрировался офицерам флота и кораблестроителям.

Испытания показали эффективность поражения кораблей при их сосредоточенном базировании и, наоборот, ограниченные возможности даже атомного оружия при рассредоточенном базировании

и плавании кораблей. У участников испытаний, как ни странно, не осталось того жуткого впечатления, которое создавали фильмы о предыдущих ядерных взрывах в Тоцком и под Семипалатинском. Да, атомная торпеда страшное оружие, однако в противоатомном порядке ею больше одного корабля не потопить. Вместе с тем рассредоточение кораблей в порядке делает их более уязвимыми при атаках обычным оружием. Все это требовало специальных оперативно-тактических разработок. Виделись и возможности уменьшения расстояний между кораблями в боевых порядках путем повышения взрывостойкости отдельных, наиболее слабых, узлов и корабельных устройств. Правда, мы тогда еще

не знали всего коварства радиации.

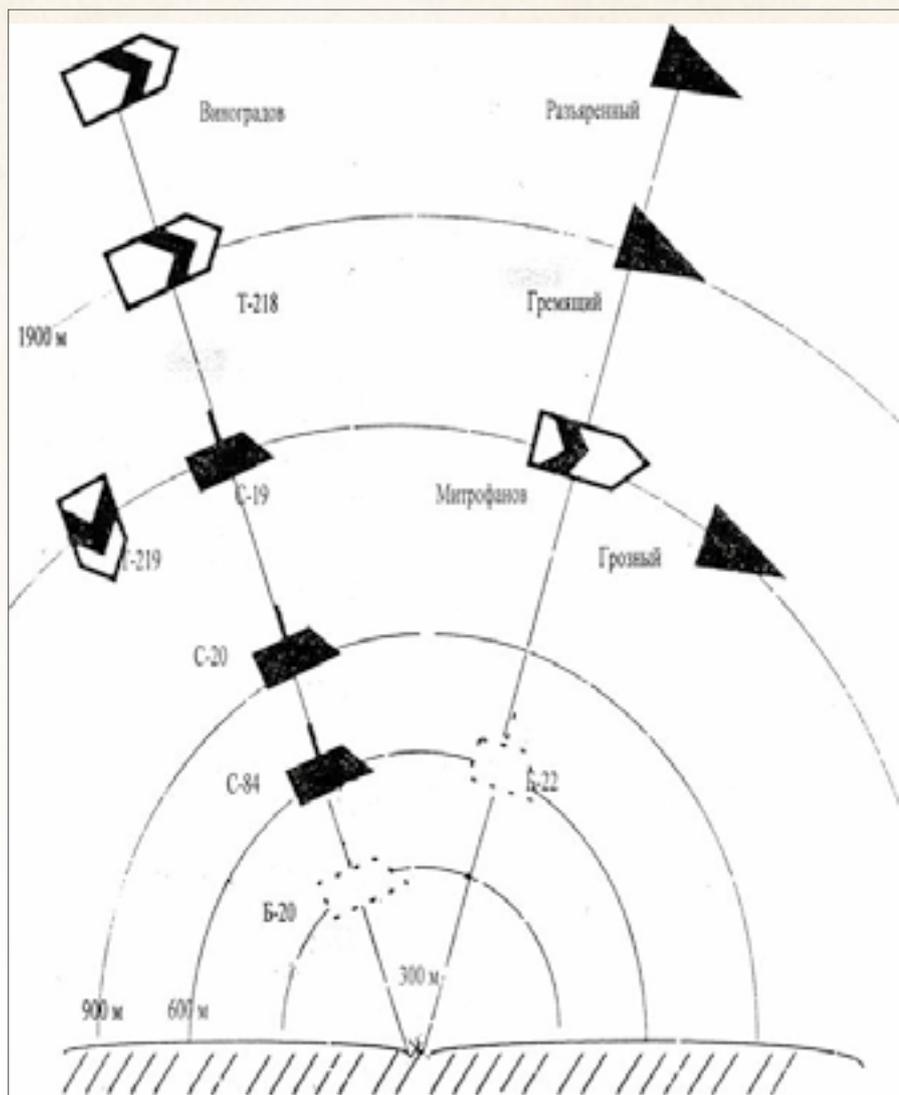
Особенность испытания 1955 года — малоуглубленный подводный взрыв. Сразу после испытаний Б. В. Замышляев оперативно выполнил исследование, в котором, в частности, показал, что при заглублении того же заряда на 70 метров, вместо 12 в опыте, эффект возрастает примерно в полтора раза (на глубоководной акватории).

Результаты испытаний кораблей в 1955 году были тщательно изучены и проанализированы в научно-исследовательских институтах ВМФ и Минсудпрома.

Второй опыт, 7 сентября 1957 года

В постановлении Совета Министров СССР от 31 июля 1954 года № 1559–699 впервые было предусмотрено провести в 1956 году «взрыв специзделия в воздухе над кораблями-мишенями». Министерство судостроительной промышленности должно было оборудовать 17 кораблей-мишеней, а ВМФ обязывался провести испытания. Научная сторона эксперимента возлагалась на Академию наук СССР (И. В. Курчатов, Н. Н. Семенова). Научно-исследовательские институты ВМФ, МСП, АН СССР настаивали на проведении испытаний кораблей новых проектов. В связи с этим заместитель Главкома ВМФ адмирал Н. Е. Басистый еще в июле 1955 года подписал директиву о подготовке к испытаниям крейсеров проекта 68к («Чкалов») проекта 68бис («Ушаков»), двух эсминцев проекта 56, двух подлодок проекта 613, двух сторожевых кораблей проекта 50.

В июне 1956 году заместитель Главкома по вооружению адмирал Н. И. Виноградов и врио заместителя Главкома по кораблестроению вице-адмирал Г. Ф. Козьмин своим решением уточнили состав испытываемых кораблей. Из новых кораблей вошли только эсминцы проектов 30к и 30бис, подлодки проекта 613. Кроме того, был включен крейсер «Адмирал Макаров» (немецкой постройки, бывший «Нюрнберг»).

▲ Размещение кораблей при опыте 7 сентября 1957 г.

Однако Главком ВМФ С.Г. Горшков после первого опыта посчитал недопустимым выводить из строя новые корабли и предложил использовать только корабли 241-й БОК, входившие в состав полигона.

В 1956 году у Минсредмаша не было заинтересованности в испытании зарядов на Новой Земле (от испытания сверхмощного заряда отказались). На следующий год поступили предложения от двух разработчиков зарядов: провести физический опыт ФО-3 в стационарных условиях и испытать водородную бомбу большой мощности. Военно-Морскому Флоту необходимо было испытать торпеду Т-5 с ядерным зарядом. В связи с этим вышло постановление Совета Министров СССР № 416–206 от 15 апреля 1957 г. «О подготовке и проведению в 1957 г. физического опыта и заключительного этапа государственных испытаний торпеды Т-5 на объекте 700». Корабельную мишенную обстановку решили обустроить при физическом опыте, хотя были проработки и по мощному взрыву, и при испытании торпеды.

Зарядное устройство разместили на металлической вышке вблизи уреза воды в губе Черная. Комиссию по проведению физического опыта возглавлял В.Ю. Гаврилов (Минсредмаш). Во время испытаний случилось неприятное происшествие. При подготовке 20 раз повторили контрольные программы автоматики управления подрывом и запуска измерительной аппаратуры. Замечаний не было. На 21-м боевом включении взрыва не произошло. Для выяснения причин к заряду направилась группа смельчаков В.П. Ковалев, В.И. Жучихин, И.И. Симанков и Ю.Н. Коленов. Оказалось, что в первом радиоканале перегорел предохранитель на приемнике, а во втором — на передатчике. Небывалый случай за всю историю испытаний ядерного оружия. Ввели дополнительный третий канал. Пришлось перезарядить пленку на всей регистрирующей аппаратуре и заново проводить генеральную репетицию. Со второго захода ядерное зарядное устройство взорвалось. Мощность взрыва оценили в 32 килотонны. Близкая к ней вели-

чина тротилового эквивалента была принята за стандартную для оценки взрывостойкости кораблей и эффективности мероприятий по противорадиационной защите кораблей. Начиная со второго опыта проводилась оценка уже принятых мер по ПАЗ и корректировка расчетных методик.

Корабли стояли на шести радиусах:

- 300 м — подлодка Б-20; на грунте (глубина 31 м);
- 600 м — подлодка С-84 в крейсерском положении и лодка Б-22 на грунте (глубина 31 м);
- 900 м — подлодка С-20 в крейсерском положении;
- 1500 м — эсминец «Грозный», тральщики Т-219 и «Федор Митрофанов», подлодка С-19;
- 1900 м — эсминец «Гремящий» и тральщик Т-218;
- 2200 м — эсминец «Разъяренный» и тральщик «Павлин Виноградов».

Для проверки конструкций корпусов новых кораблей и ударостой-

ких средств вооружения и корабельного оборудования на отдельных кораблях были установлены: бортовая секция эсминца проекта 56 («Гремящий»), объемная секция тральщика проекта 254 (Т-218), надстройки эсминца проекта 57, двери, крышки люков и иллюминаторы, спроектированные с учетом ПАЗ. Учитывая опыт испытаний 1955 года, на подлодках установили относительно ударостойкие аккумуляторы. На надводных кораблях испытывались быстрозапорные вентиляционные задвижки, срабатывавшие от датчика ударного давления. Проходили испытания фильтры грубой и точной очистки. Проверялась работоспособность системы обмыва корабля.

В момент взрыва на кораблях действовали или находились под питанием некоторые механизмы и системы. На «Гремящем» работали в режиме якорной стоянки главный котел, турбогенератор, пожарный

насос, вентиляторы. Работали многие вспомогательные механизмы. На других двух эсминцах работали дизель-генераторы, находились под питанием размагничивающие устройства, радиоприемные устройства и электроприборы.

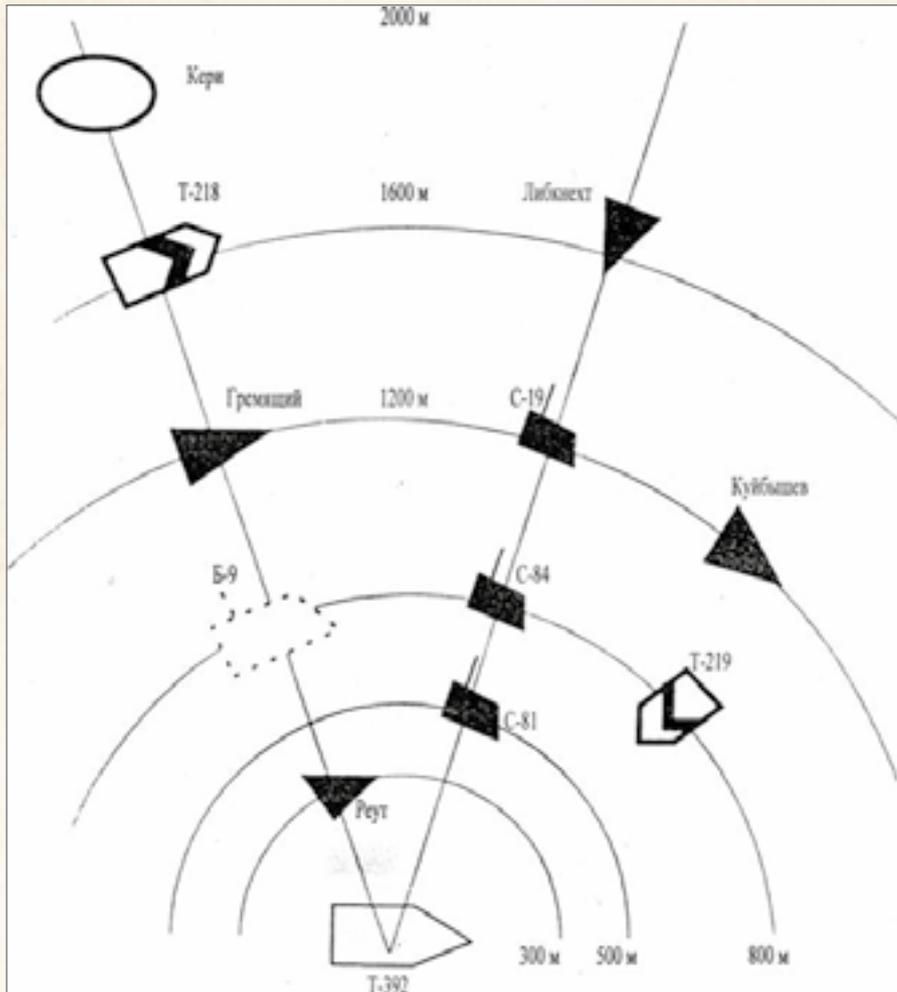
На надводных кораблях было установлено нештатное подопытное оборудование и вооружение (радиолокационные антенны, артиллерийские и штурманские приборы). Испытывались и опытные средства ПАЗ. Всего 17 наименований новых технических средств.

На всех подводных лодках было включено 30% светильников нормального электроосвещения. На отдельных лодках находились в действии радиоприемные устройства, вентиляторы, гирокомпасы и другие потребители электроэнергии. Все корабли перед опытом были проверены водолазным осмотром, а подводные лодки заранее прошли докование.

Результаты опыта по подводным лодкам, находившимся на грунте:

- Б-20 — килектором поднять не смогли из-за попадания воды (не менее 600 тонн) внутрь корпуса, лодку оторвали от грунта двумя 400-тонными понтонами и отбуксировали на мель, где осмотр водолазами видимых повреждений не выявил, вероятная причина затопления — нарушение герметичности всей забортной арматуры;
- Б-22 — поднята 75-тонным килектором, продукты цистерны главного балласта, повреждений и сотрясений не зарегистрировано, лодка сохранила боеспособность. Подводные лодки, находившиеся в крейсерском положении:
- С-84 — полностью потеряла боеспособность, получила постоянный крен, не могла ни погрузиться, ни всплыть, но не утонула,

▲ Размещение кораблей при опыте 10 октября 1957 г.

так как прочный корпус повреждений не получил;

- С-20 — повреждения надстройки и ограждения рубки, повреждения конструкций легкого корпуса (достаточно много вмятин) частично снизили боеспособность корабля, другие повреждения могли быть устранены личным составом;
- С-19 — повреждений не получила и сохранила боеспособность.

Эсминцы «Грозный», «Гремящий», «Разъяренный» получили разной степени повреждения надстроек, котельных кожухов и дымовых труб, шахт вентиляции, антенных и других устройств. Задействованные механизмы на «Гремящем» работали нормально.

Результаты опыта по тральщикам: «Федор Митрофанов» и Т-219, хотя и были на одном радиусе, повреждения получили разные — на первом, стоявшем бортом к взрыву, надстройка сильно деформирована, на втором же, обращенном к взрыву носом, пострадала ходовая рубка; Т-218 и «Павлин Виноградов» получили повреждения надстроек.

Сравнение расчетов радиусов безопасности, проведенных ЦНИИ-45, с полученными экспериментальными данными показало их различие по эсминцам до 30 %, по тральщикам до 150%. Весьма слабым местом для надводных кораблей оказались надстройки.

Воздушная ударная волна — основная причина повреждения кораблей в этом опыте. Сейсмические

волны, а также преломленная в воду ударная волна повреждений не вызывали.

Воздействие радиационных факторов на корабли и личный состав проявилось в сравнительно ограниченном районе. Помимо первичной радиации, имело место радиоактивное заражение кораблей. Наибольшая суммарная доза на кораблях в основном набралась в течение 10–20 секунд. На открытых постах дозы резко отличаются от доз на закрытых боевых постах. Коэффициент ослабления внутри корабля изменяется от 2 до 10 раз в зависимости от размещения боевого поста, а для подводных лодок в надводном положении он равен 8.

Однако подводные лодки, выдерживая ударную волну, в надводном положении при воздушном ядерном взрыве все-таки попадают в зону поражения личного состава радиацией вплоть до лучевой болезни второй степени.

Фактически на безопасном радиусе не стоял ни один надводный корабль. Из подводных лодок на безопасном расстоянии оказались С-19 (1500 м в надводном положении) и Б-22 (600 м в подводном положении). Как и ожидалось, при воздушном взрыве подлодке выгодно находиться в подводном положении. Воздействие светового излучения на корабли оказалось меньше ожидаемого — обгорела только краска относительно темных тонов.

Третий опыт, 10 октября 1957 года

Особенность этого эксперимента состояла в том, что он совмещался с Государственными испытаниями торпеды Т-5 и проходил на фоне оперативной обстановки — нанесение атомного удара торпедой с подводной лодки по кораблям в базе. Руководителем испытаний являлся заместитель Главкома ВМФ адмирал Н.Е. Басистый. Новизна программы испытаний кораблей-мишеней заключалась в виде взрыва — подводный на глубине 35 метров. Больше заглублять заряд было нецелесоо-

бразно из-за относительного мелководья акватории (максимальная глубина 70 метров). Вторая особенность состояла в том, что по кораблям стреляли торпедой с большой дистанции, поэтому из-за возможных отклонений торпеды от точки прицеливания менялись, по сравнению с программой, расстояния от эпицентра взрыва до кораблей (в предыдущих опытах они были фиксированными). Так фактически и произошло: отклонение эпицентра взрыва от расчетного составило 130 метров. Мощность заряда оказалась выше, чем при испытании 1955 года.

Условия испытания кораблей в третьем опыте были более жесткими по сравнению с предыдущими экспериментами. Во-первых, это закладывалось в программе последнего опыта. Во-вторых, фактическое отклонение торпеды уменьшило расстояние от эпицентра взрыва до большинства подопытных кораблей.

Для испытаний в качестве мишеней выделили 10 кораблей, участвовавших в предыдущем опыте.

Подводные лодки были представлены четырьмя единицами, которые находились в трех положениях: С-84 — в крейсерском, С-19 и С-20 — в позиционном (часть цистерн заполнена водой, на поверхности видна только рубка), Б-22 — на глубине 30 метров. Лодка С-84, получившая большие повреждения при воздушном взрыве, располагалась в непосредственной близости от ожидаемого центра взрыва с целью определения нагрузок, выводящих из строя прочный корпус. Ведь до этого прочные корпуса не имели видимых повреждений. Лодка Б-22 была уложена на грунт примерно на том же расстоянии, что и в предыдущем опыте. Это давало возможность сравнить эффективности различных видов взрывов. Подлодки С-19 и С-20 были оснащены приборами для автоматической записи различных параметров. Они находились в позиционном положении.

Испытанию подверглись три эсминца проекта 7: «Грозный», «Разъяренный» и «Гремящий». Все они стояли на опасных расстояниях

для ожидавшейся мощности взрыва.

Три тральщика размещались соответственно на безопасном радиусе, на критическом радиусе и на радиусе потопления.

Результаты опыта по подводным лодкам: С-84 (в крейсерском положении на расстоянии 250 м от эпицентра взрыва) — затонула через несколько десятков секунд из-за сильных повреждений прочного корпуса; С-20 (в позиционном положении на расстоянии 310 м) — постепенно заполнялись кормовые отсеки, дифферент достиг 90°, лодка затонула через 4 часа после взрыва; С-19 (в позиционном положении на расстоянии 520 м) — осталась на плаву, но получила сильные повреждения вооружения и технических средств, которые сделали лодку совершенно небоеспособной; Б-22 (положение подводное на глубине 30 м на расстоянии 700 м от эпицентра взрыва) — повреждений не получила и полностью сохранила боеспособность. Опять была подтверждена выгодность положения лодки на грунте — при заполнен-

▲ Новая Земля

▲ Полигон на Новой Земле

ных водой цистернах легкий корпус становится как бы «прозрачным» для ударной волны в отличие от надводного положения, когда сухие цистерны выходят из строя первыми из-за того, что энергия «задерживается» на легком корпусе. Кроме того, образующаяся у дна отраженная волна может уменьшать эпюру давлений (импульс) на корпус лодки.

Результаты эксперимента по эскадренным миноносцам: «Грозный» (на расстоянии 240 м от эпицентра взрыва) — затонул до того, как рассеялась базисная волна; «Разъяренный» (на расстоянии 450 м) — получил повреждения корпуса и затонул через 4 часа после взрыва; «Гремящий» (на расстоянии 650 м) — остался на плаву, но принял значительное количество воды, получив дифферент на нос и крен на левый

борт, хотя был ориентирован к центру взрыва правым бортом. Крен на противоположный борт объясняется наличием на правом борту секции проекта 56. Через 6 часов корабль отбуксировали на мелкое место и посадили на грунт, при этом нос эсминца в полную воду затапливался. Водолазный осмотр показал, что корпус сильно поврежден. Интересен результат по опытной секции эсминца проекта 56 (размещалась в районе 109–133 шпангоутов «Гремящего»). Она, получив значительные остаточные деформации, все же сохранила водонепроницаемость — наглядное преимущество сварной конструкции перед клепаной. На «Гремящем» зарегистрированы высокие параметры сотрясений, особенно в перекрытиях подводного борта и днища. Только у тяжелых

механизмов (котлы, ГТЗА) сотрясения были невысокие: 10–17 единиц (земных ускорений). Средние механизмы весом от 200 до 2000 кг получили ускорения 28–30 единиц.

В этом случае больше, чем в предыдущих опытах, личному составу кораблей и особенно полигона пришлось работать в радиоактивной воде по снятию информации и регистрирующих приборов, установлению повреждений после взрыва. Трудность работы усиливалась из-за низкой температуры воды и постоянной непогоды.

Результаты опыта по тральщикам: Т-218 (находился на расстоянии 280 м от эпицентра взрыва) — затонул сразу после взрыва; «Павлин Виноградов» (на расстоянии 620 м) — хотя корпус видимых повреждений не получил, боеспособность снизи-

лась из-за выхода из строя вооружения; Т-219 (на расстоянии 950 м) — повреждений не получил, но попал в зону действия базисной волны. Если бы корабль имел ход, то он радиационному воздействию не подвергся бы.

Для прочных и тихоходных кораблей, какими являются базовые тральщики, радиационный эффект выходит на первый план по сравнению с другими поражающими факторами ядерного взрыва.

По результатам испытаний 6-е Управление ВМФ выпускало бюллетени, которые рассылались на флоты, в научно-исследовательские учреждения и конструкторские бюро, связанные с кораблестроением. Приведем некоторые, интересные на наш взгляд, выводы.

Взрывостойкость корпусов подводных лодок значительно выше, чем у надводных кораблей, но при этом она существенно зависит от положения лодки на глубине. Наиболее уязвимой конструкцией в надводном положении является легкий корпус подлодки. Корпуса лодок в погруженном положении выдерживают нагрузки в 2–3 раза большие, чем в надводном положении, даже при подводном взрыве. При воздушном и подводном взрывах разница еще больше. Залегание лодки на грунт весьма благоприятно сказывается на сохранении ее боеспособности при всех видах взрывов. Вообще, когда цистерны заполнены водой, то отпадает проблема взрывостойкости легкого корпуса.

Однако те нагрузки, которые выдерживает корпус лодки, не выдерживают от сотрясений некоторые технические средства (в первую очередь аккумуляторные батареи) и вооружение. Налицо явная неравнопрочность корпуса и оборудования.

Испытания подтвердили большую степень неравнопрочности и надводных кораблей. Наименее стойкими к воздействию воздушной ударной волны оказались надстройки, дымовые трубы, антенны, светильники, электроизмерительные приборы. В отличие от прогноза и американских данных, разницы

в воздействии поражающих факторов атомного взрыва на работающие и неработающие механизмы в опытах не наблюдали.

К слабым местам надводных кораблей при подводном взрыве относятся заклепочные соединения, а также ребра жесткости. При этом нарушается герметичность второго дна и цистерн жидких грузов.

Выход из строя от сотрясений характерен лишь для относительно легкого оборудования и средств вооружения, особенно расположенных на надстройках и мостиках надводных кораблей. От сотрясений больше всего страдают крепления отдельных механизмов, аппаратура связи, радиолокации, гидроакустики, штурманские приборы, дальномеры. Интересно, что повреждения таких средств от сотрясений при подводном взрыве оказываются большими, чем при непосредственном воздействии на них ударной волны при воздушном взрыве (заряда той же мощности). Это оказалось неожиданным, и методика расчета сотрясений была подвергнута серьезной корректировке. Кроме того, на испытаниях выяснилось, что в отдельных случаях амортизация не давала ожидаемого от нее результата. Поэтому пришлось более углубленно исследовать сотрясения корпуса и конструкций, передающих эти сотрясения на оборудование. Наибольшим сотрясениям подвергались механизмы в подводной части борта и днища корабля. На палубах и платформах ускорения в 1,8–2,0 раза меньше. Вертикальная составляющая ускорений превосходит горизонтальную в 1,5–2,0 раза.

Сварные конструкции корпусов оказались прочнее клепаных, которые теряют плотность обшивки по заклепочным соединениям. В то же время при взрывах целостность трубопроводов чаще нарушалась именно по сварным швам.

При подводном взрыве второе дно у надводных кораблей получает большие повреждения, если междудонное пространство заполнено топливом, водой и т. п.

Деформации возрастают не только с увеличением величины дав-

лений во фронте ударной волны, но и с увеличением продолжительности ее действия, точнее, с ростом энергии, приходящейся на единицу площади обшивки корабля. На длительность падающей на конструкцию ударной волны оказывают влияние свободная поверхность воды и дно. Отсюда наибольшие деформации на максимальном углублении. Так, на тральщике с осадкой 2,4 м заметных повреждений на корпусе нет, тогда как на стоявшем на том же удалении эсминце с осадкой 4,2 м получены значительные остаточные прогибы и разрывы по швам. Прогибы на днище эсминцев уменьшаются и исчезают, начиная с глубин от 1,5–2,0 метра и меньше.

Подводный взрыв будет наиболее эффективным, если он произойдет на половине глубины акватории.

Остойчивость кораблей при всех взрывах не нарушалась.

Подвергшиеся испытаниям корабли проектировались и строились без учета ядерного оружия, поэтому к старым конструкциям претензии предъявлять было нельзя. Но проведенные испытания дали повод для размышления при проектировании новых кораблей, оборудования, механизмов и электронных систем с учетом воздействия поражающих факторов ядерного взрыва.

Особого внимания заслуживало изучение радиационного воздействия на корабли и их личный состав, так как радиационный эффект при подводном атомном взрыве оказался выше чем предполагали. При этом виде взрыва на базисную волну приходится 60–80% суммарной дозы гамма-излучения. При накрытии корабля базисной волной возникают уровни радиации до 600 рентген/час. Вместе с тем оказалось, что радиоактивное заражение в условиях накрытия кораблей базисной волной относительно легко устраняется средствами обмыва. При этом имеется в виду, что все помещения были загерметизированы (штатными средствами).

В последнем опыте, при ветре 6–8 м/сек, базисная волна распространилась в наветренную сторону

на расстояние не более 1200 метров. Это обстоятельство позволяет кораблям уклониться от накрытия базисной волной, если они сохранили после взрыва ход. Практически любой корабль, имеющий скорость 15 узлов и более, может избежать контакта с базисной волной.

Для основных закрытых боевых постов кораблей были получены опытные данные по степени ослабления гамма-излучения по сравнению с открытыми боевыми постами. Максимальная степень ослабления для помещений надводных кораблей, расположенных выше ватерлинии, 3–4 раза, для подводных лодок в позиционном положении 30–40 раз.

Неожиданно оказалось, что излучение от столба воды (султана) практического значения не имеет.

По результатам испытаний кораблей на Новой Земле были разрабо-

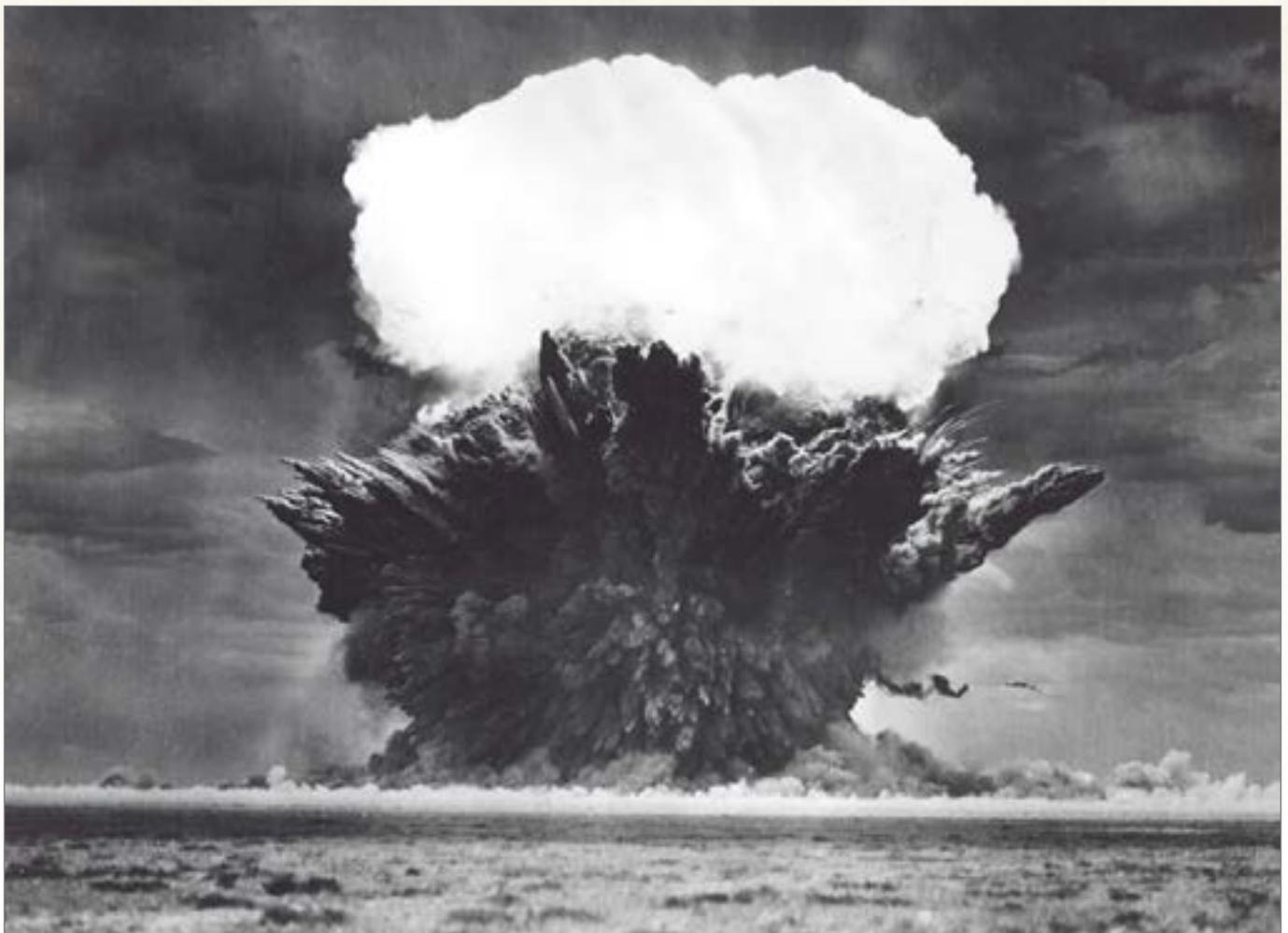
таны рекомендации по противоатомной защите кораблей. В основном они сводились к следующим направлениям: создание равнопрочного корпуса и достижение относительной равнопрочности всего корабля, включая вооружение и технические средства, сокращение размеров надстроек и числа открытых постов, применение второго внутреннего контура и усиление поперечных переборок, герметизация корпуса в надводной части и надстроек, повышение ударостойкости механизмов, установка фильтров, оборудование кораблей системой водяной защиты и другие мероприятия более частного характера.

Рекомендации по базированию кораблей сводились к тому, чтобы больше находиться в местах рассредоточенного базирования. Для подводных лодок дополнительно: в позиционном положении находиться

лучше, чем в надводном, а на грунте — лучше, чем в позиционном, при любом использовании ядерного оружия противником.

После этих испытаний строительство надводных кораблей продолжили, но по откорректированным проектам с учетом требований противоатомной защиты.

В период проведения всех трех испытаний в губе Черной затонули три эсминца («Реут», «Грозный» и «Разъяренный») и один притоплен («Гремящий»), три подводные лодки (Б-20, С-84 и С-20), три тральщика (Т-218 и два «стотонника»). Натурных испытаний кораблей в таком масштабе на Новой Земле больше не было. В последующем проводились испытания только одиночных кораблей на воздействие поражающих факторов ядерного взрыва. ■

АВИАЦИЯ В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ

▲ Битва за Москву

К началу октября 1941 г. обстановка на советско-германском фронте продолжала оставаться напряженной. Противник имел превосходство в силах и средствах и стремился развивать успех наступления. На северо-западном направлении немцы готовили удар на Тихвин с целью осуществления полной блокады Ленинграда. На южном направлении они хотели овладеть харьковским промышленным районом, Донбассом и Крымом.

Главный удар противник намеревался нанести на западном направлении с целью овладения Москвой. Для этого готовилась крупная наступательная операция силами группы

армий «Центр» при поддержке 2-го воздушного флота, имевшего в своем составе около 1 тыс. самолетов. Замысел ее заключался в нанесении мощных ударов с целью уничтожения основных сил советских войск и обхода Москвы с севера и юга. Со второй половины сентября фашистская авиация почти в 2 раза увеличила интенсивность своих действий. Они осуществлялись по железнодорожным объектам, а также войскам и аэродромам. Активно велась воздушная разведка. В сентябре было совершено 11 налетов на Москву. В результате активного противодействия нашей авиации и зенитной артиллерии к городу прорвался всего

лишь 51 вражеский бомбардировщик.

На московском направлении оборонительные рубежи занимали войска Западного, Резервного и Брянского фронтов, которые по своей численности и вооружению значительно уступали противнику и поддерживались фронтовой авиацией в составе 364 самолетов, в том числе более 50% устаревших типов. Кроме того, в районе Москвы базировались и в ходе оборонительной операции частично привлекались для усиления авиации фронтов 6-й истребительный авиационный корпус ПВО, прикрывавший Москву, до пяти дивизий дальнебомбардировочной авиации,

действовавшей по глубокому тылу противника, и авиачасти Московского военного округа, находившиеся в стадии формирования.

Подготовка советских войск и авиации к оборонительной операции началась со второй половины сентября. Общее руководство всей авиацией осуществляла Ставка ВГК через командующего ВВС Красной Армии генерала П. Ф. Жигарева и члена Военного совета корпусного комиссара П. С. Степанова, которые с оперативной группой находились в Москве.

Боевые действия авиации организовывались в соответствии с указаниями командующих войсками фронтов и командующего ВВС Красной Армии. В ВВС Западного фронта (командующий генерал Ф. Г. Мичугин, с 25 декабря 1941 г. генерал Н. Ф. Науменко, военком бригадный комиссар В. Я. Клоков, начальник штаба полковник С. А. Худяков) основные усилия авиации сосредоточивались на левом крыле фронта. В ВВС Резервного фронта (командующий генерал Е. М. Николаенко, военком полковой комиссар А. И. Вихорев, начальник штаба комбриг П. Л. Котельников) авиация привлекалась для содействия войскам 24-й и 43-й армий, оборонявшимся на вероятном направлении наступления про-

тивника. В ВВС Брянского фронта (командующий генерал Ф. П. Польшин, военком полковой комиссар С. Н. Ромазанов, начальник штаба полковник Н. А. Петров) авиачасти направлялись на содействие войскам левого крыла фронта.

В начале боев на дальних подступах к Москве южная ударная группировка противника при поддержке авиации, перейдя 30 сентября в наступление, прорвала тактическую зону обороны на левом крыле войск Брянского фронта, а через два дня и на его правом крыле. К исходу 6 октября войска этого фронта были расчленены на три части. Все попытки контрударными войскам восстановить свое положение успеха не имели. Противник захватил Брянск, Орел и продолжал развивать наступление на тульском направлении.

С целью задержки войск противника Верховное Главнокомандование провело ряд мероприятий. Всеми видами транспорта, в том числе и транспортными самолетами, в короткие сроки были сосредоточены в районе Мценска резервные части и соединения, из которых был сформирован 1-й гвардейский стрелковый корпус. Задачу по переброске войск и вооружения из района Тейково, Ярославль успешно выполнили Московская авиационная группа

особого назначения ГВФ и части дальнебомбардировочной авиации, которые в течение трех дней перевезли почти 5500 солдат и офицеров и около 13 тонн боеприпасов.

На аэродромы в районе Мценска были перебазируемы пять авиационных полков, из которых сформировалась 6-я резервная авиационная группа (командир генерал А. А. Демидов). Авиационные полки этой группы вели напряженные боевые действия по уничтожению противника на подступах к Мценску, прикрытию своих войск, ведению воздушной разведки. В те дни многие летчики проявили примеры отваги, мужества и взаимной выручки. 5 октября во время атаки колонны танков летчик-штурмовик лейтенант В. Я. Рябошапка, заметив вынужденную посадку поврежденного самолета командира звена лейтенанта А. В. Якушева, совершил рядом с ним посадку, забрал его в самолет и возвратился на аэродром. Аналогичный подвиг совершил и сержант П. В. Дубина, спасший своего боевого товарища летчика М. П. Вовкогона. Пример умелого действия проявил командир звена 74-го штурмового авиационного полка лейтенант Г. М. Мошинец. Три самолета Ил-2 под его командованием, идя на бреющем полете, внезапно атаковали

и задержали моторизованную колонну на дороге Орел — Мценск, уничтожив при этом 15 бронемашин и 3 бензоцистерны противника.

В течение нескольких дней боевые действия ВВС Брянского фронта проводились в сложных метеорологических условиях, значительно ограничивавших количество вылетов. Кроме того, быстрый отход наших войск вынуждал авиационные части производить неоднократные перебазирования, что также отрицательно сказывалось на интенсивности действия нашей авиации. В связи с тяжелым положением войск Брянского фронта и ограниченными возможностями его авиации по указанию Ставки ВГК на этом направлении действовали шесть дивизий дальнебомбардировочной авиации, которые днем и ночью вели эффективную борьбу с железнодорожными пе-

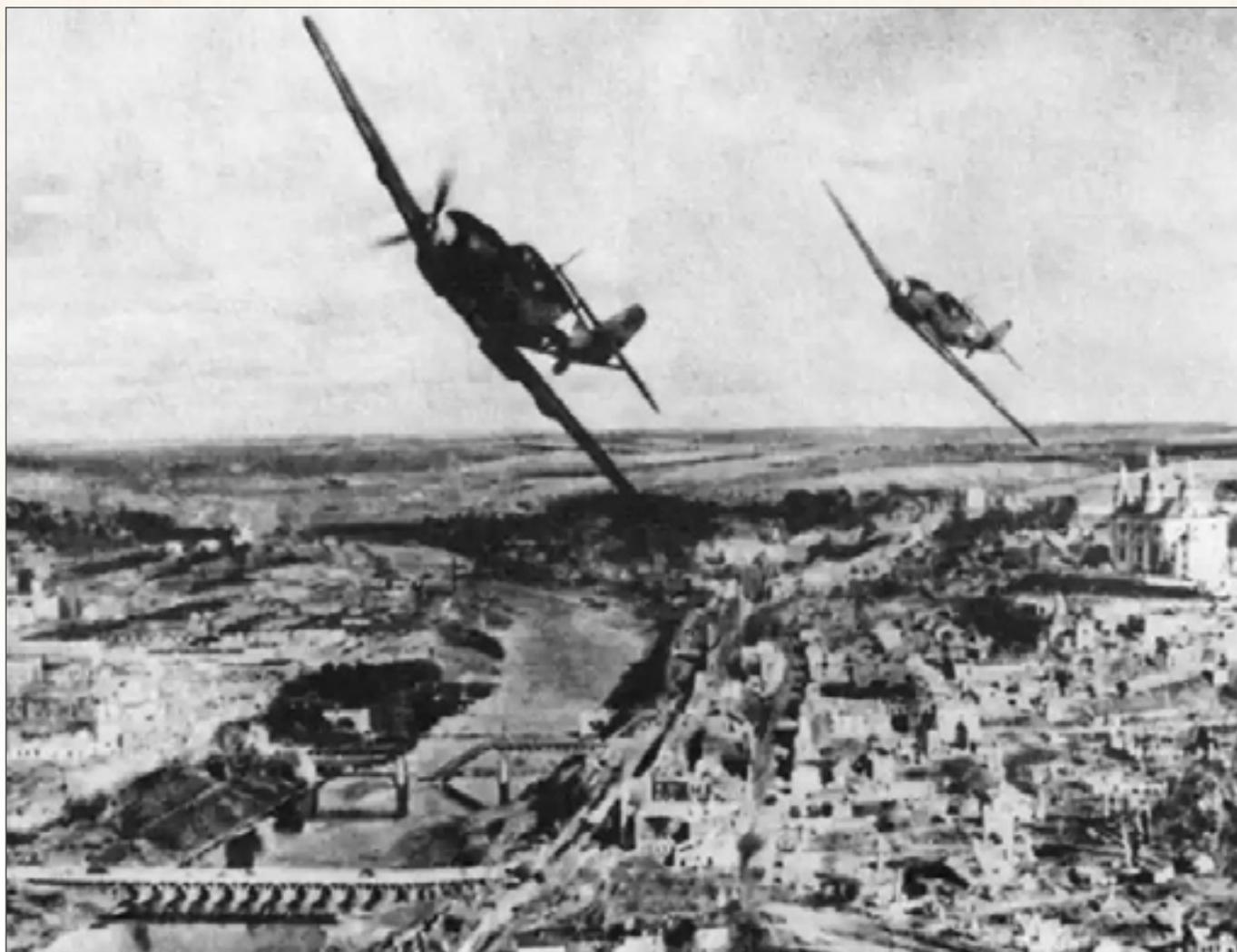
ревозками противника, уничтожали вражеские войска, особенно на дороге Севск — Кромы — Орел.

В интересах войск Брянского фронта за 11 суток наша авиация, несмотря на ограниченное количество исправных самолетов, совершила 1700 самолето-вылетов, из них 65% — по 2-й танковой армии противника. Систематическими действиями она препятствовала продвижению противника на тульском направлении и способствовала выходу из окружения нескольких наших стрелковых дивизий.

В полосе Западного фронта наступление противника началось 2 октября 1941 г. после сильной артиллерийской и авиационной подготовки. Превосходящими силами он нанес главный удар по стыку 30-й и 19-й армий фронта и второй удар в направлении города Белый, про-

рвал оборону наших войск и при активной поддержке своей авиации начал развивать успех в глубину. Контрудары войск фронта успеха не имели. Действия авиации фронта осложнялись потерями самолетов, наличием неисправной техники и перебазированием авиачастей на полевые аэродромы, зачастую не пригодные для действий в осеннее время. В результате наша авиация для действий по войскам врага производила 100–200 самолето-вылетов в сутки.

Для действий в интересах войск фронта были привлечены 6-й истребительный авиационный корпус ПВО, ВВС МВО, несколько дивизий ДБА и две дивизии ВВС Северо-Западного фронта. В течение нескольких дней они наносили удары по наступающей группировке врага на вяземском направлении. Коорди-

▲ Обломки Me-110

нацию действий всей авиации осуществлял представитель Ставки ВГК член Военного совета ВВС Красной Армии корпусной комиссар П. С. Степанов, находившийся с оперативной группой на командном пункте ВВС Западного фронта.

В результате усиления авиации Западного фронта активность ее действий заметно повысилась. В течение девяти дней для поддержки войск фронта она совершила около 2850 самолето-вылетов и нанесла значительные потери врагу. Однако противник, хотя и понес потери, но не был остановлен. Его авиация проявила высокую активность, произведя за это время до 4 тыс. самолето-пролетов в полосе фронта. Советские летчики оказывали активное противодействие фашистской авиации. 5 октября подразделение самолетов Пе-2 39-го бомбардировочного авиаполка под командованием комиссара авиаэскадрильи старшего лейтенанта Б. К. Горелихина после выполнения боевого задания было

атаковано десятью истребителями Me-109. В неравном бою было сбито три истребителя противника.

В полосе войск Резервного фронта наступление противника началось также 2 октября. Прорвав оборону войск фронта, он сумел развить успех в глубину. Малочисленной авиации этого фронта пришлось вести боевые действия в тяжелых условиях отхода своих войск при частой потере связи с ними и между своими авиачастями. Производя в первые дни до 100 самолето-вылетов в сутки, наша авиация действовала по моторизованным колоннам на дорогах в направлении на Юхнов. Через три дня на это направление была привлечена часть сил авиации ВВС МВО, 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО и ДБА. В результате за девять суток советской авиацией для поддержки войск фронта удалось произвести 1340 самолето-вылетов. 10 октября Резервный фронт был расформирован, а его войска и авиация переданы в состав Западного фронта.

В результате 11 дней (30 сентября — 10 октября 1941 г.) тяжелых оборонительных боев войска Западного, Резервного и Брянского фронтов отошли на Можайскую линию обороны, значительно задержав продвижение ударных группировок врага. В этом немалую роль сыграла советская авиация, которая, прикрывая Москву, произвела 8500 самолето-вылетов, из них 68% для поддержки войск фронтов и 32% на прикрытие Москвы.

После 10 октября ожесточенные сражения развернулись на можайском рубеже обороны, калининском и тульском направлениях. Ставка ВГК провела ряд мероприятий, сосредоточив резервы, усилившие оборону войск, особенно на ближних подступах к Москве. На можайском направлении сосредоточились и начали действовать войска 5-й армии и ее авиации в составе более 80 самолетов. С Закавказского фронта были переброшены две дальнебомбардировочные авиадивизии. Кроме

того, прибывали вновь сформированные авиачасти из тыла страны.

Наступая на калининском направлении, противник 14 октября захватил Калинин, пытаясь развивать успех на Торжок, однако был остановлен контрударом наших войск при активной поддержке авиации Западного, Северо-Западного фронтов и дальнебомбардировочной авиации, совершивших 1500 самолето-вылетов. Авиация своими непрерывными ударами нанесла большие потери войскам противника, особенно на дорогах южнее Калинина, а наши истребители, блокировав вражеский аэродром в районе Калинина, уничтожили и повредили на нем более 40 вражеских самолетов. В результате упорной обороны наших войск при эффективной поддержке авиации дальнейшее наступление противника на этом направлении к концу октября было остановлено.

В ходе сражения за Можайский рубеж обороны по данным всех видов разведки нашему командованию стало известно, что противник готовился 12–13 октября совершить крупный массированный удар по оборонявшимся войскам и тыловым объектам в районе Москвы. Для

удара по 20 аэродромам врага было совершено 300 самолето-вылетов. В результате поражения вражеской авиации на аэродромах и в воздухе активность ее действий в полосе Западного фронта сократилась почти в 4 раза.

Активные бои на Можайском рубеже начались не одновременно на различных направлениях и развертывались по мере подхода вражеских войск. В отражении непрерывных атак противника на Боровском направлении существенную поддержку войскам фронта оказали ВВС МВО (командующий генерал Н. А. Сбытов) и 81-я дивизия ДБА (командир полковник А. Е. Голованов), которые наносили удары по войскам на дорогах и в районах Юхнова, станции Угрюмово, Медыни, Боровска, Малоярославца, Мятлево; разрушили переправу через реку Угра на участке Юхнов, Калуга и взорвали бензозаправочную базу. На аэродромах уничтожили и повредили до 40 самолетов противника. С вводом в сражение дивизии 33-й армии и привлечением для поддержки войск фронта нескольких авиационных полков ВВС Западного фронта, дальнебомбардировочной авиации

и 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО наступление войск противника к концу октября было остановлено на реке Нара. Советская авиация на этом направлении с 11 по 31 октября произвела более 2300 самолето-вылетов, оказав существенную помощь войскам фронта.

Одновременно велись ожесточенные бои на Калужском направлении, где войскам противника удалось прорваться к Тарусе и Алексину. Основные усилия нашей авиации были сосредоточены для действий по войскам врага в районе Калуга, Таруса, Алексин. 23 октября противник в результате совместных действий войск и авиации был остановлен западнее Серпухова. В этот день особенно отличились летчики 120-го истребительного авиационного полка. Они пять раз вылетали группами по 6–17 самолетов для штурмовки вражеских войск на поле боя. За 20 суток для поддержки войск фронта на Калужском направлении советская авиация совершила до 1800 самолето-вылетов, оказав активную поддержку войскам 49-й армии.

Непосредственно на Можайском направлении оборонительные бои начались 14 октября. Войска 5-й ар-

мии при поддержке нашей авиации к концу октября остановили противника западнее Кубинки. За 20 суток для поддержки войск фронта советская авиация произвела более 3100 самолето-вылетов, из них свыше 40% — на уничтожение вражеских войск в районе Гжатск, Михайловское, Верея. Особенно эффективно действовала по вражеским войскам штурмовая авиация. 20 октября пять штурмовиков Ил-2 47-й смешанной авиационной дивизии в сопровождении шести истребителей под командованием капитана Романова атаковали западнее Можайска колонну войск. В результате удара повреждено и уничтожено несколько танков и до 17 автомашин. Успеху наших войск и авиации способствовал переход истребителей 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО к систематическому прикрытию войск фронта, что снижало активность вражеской авиации.

На волоколамском направлении наступление врага началось 17 октября, но через девять дней было остановлено. В этом значительную роль сыграла возросшая активность нашей авиации, которая своими действиями уничтожала войска противника в районе Волоколамск, Шаховская, Осташево. Противник понес значительные потери. Группы штурмовиков под командованием офицера В. М. Романова и других офицеров 29 октября уничтожили

и повредили 15 танков и до 60 автомашин.

К концу октября ударные группировки противника в полосе Западного фронта были остановлены. Содействуя войскам, наша авиация за 20 суток совершила 10200 самолето-вылетов. Повышению ее активности способствовало перебазирование авиачастей на аэродромы Московского военного округа с хорошо налаженным материально-техническим обеспечением и прикрытые мощной системой ПВО. Авиация противника понесла значительные потери, резко снизила интенсивность действий. Воздушная обстановка стала изменяться в пользу наших ВВС.

Войска Брянского фронта 10 — 24 октября, сдерживая продвижение противника в районе Мценска, отходили на новые рубежи. К концу октября войска Брянского фронта под натиском превосходящих сил противника отошли на рубеж Тула, Ефремов, Ливны, Тим. В интересах войск фронта советская авиация за 20 суток произвела 3750 самолето-вылетов, из которых более 50% — на поддержку войск фронта.

В ходе оборонительного сражения с 30 сентября по 31 октября 1941 г. наша авиация совершила 26 тыс. боевых самолето-вылетов, в том числе до 80% — на поддержку и прикрытие войск. Только по данным штаба ВВС Западного фронта, противник потерял 228 самолетов,

из них 120 было сбито в воздушных боях, было уничтожено много танков, до 2500 автомашин с грузами и людьми, 130 орудий и значительное количество другой боевой техники. Общие потери немецкой авиации на московском направлении за период с 30 сентября по 14 ноября составили 1020 самолетов, из них 54% уничтожено на аэродромах, 30% — в воздушных боях и 16% сбито зенитной артиллерией.

Ведя борьбу с авиацией противника, наши летчики проявляли отвагу и героизм, стремясь любыми способами уничтожить врага. 29 октября летчик 184-го истребительного авиационного полка младший лейтенант Б. И. Ковзан, возвращаясь с выполнения боевого задания, атаковал вражеский самолет; израсходовав боеприпасы, тараном сбил его в районе Зарайска. Родина высоко оценила славные подвиги своего сына, присвоив младшему лейтенанту Б. И. Ковзан высокое звание Героя Советского Союза.

Наряду с поддержкой войск фронтов советская авиация принимала активное участие в отражении налетов вражеской авиации на Москву и другие объекты тыла. В октябре 1941 г. был совершен 31 налет на Москву с участием от 10 до 50 и более самолетов в каждом налете, но к городу из них прорвалось лишь 72 самолета. Летчики 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО и ВВС Западного фронта в тесном взаимодействии с зенитной артиллерией вели боевые действия днем и ночью с исключительным напряжением, проявляя при этом высокое боевое мастерство, отвагу и мужество.

Не достигнув своей цели в октябре, гитлеровское командование, сосредоточив в середине ноября основные силы группы армий «Центр», подготовило новое наступление, замысел которого заключался в нанесении на Москву охватывающих ударов танковыми группировками с севера и юга при поддержке 950 самолетов 2-го воздушного флота.

На ближних подступах к Москве оборонительные рубежи занимали войска Калининского, Западно-

го и правого крыла Юго-Западного фронтов, которые к середине ноября были несколько усилены и пополнены. Общее превосходство в силах и боевых средствах все еще было на стороне противника.

Наша авиация усилилась. Аэродромы ее базирования прикрывались средствами Московской зоны ПВО, достаточное их количество обеспечивало широкий маневр авиации.

Наличие в районе Москвы авиационных предприятий, ремонтных мастерских, складов материально-технического снабжения, хороших

путей подвоза, проводных средств связи создавало авиации благоприятные условия для ведения боевых действий. Технический состав провел соответствующую подготовку к эксплуатации авиационной техники в зимних условиях.

В целом обстановка для сухопутных войск и авиации на московском направлении к середине ноября 1941 г. по сравнению с началом октября несколько улучшилась, но реальная опасность нового наступления вражеских войск не была еще устранена. Учитывая эти обстоятельства, Ставка ВГК сосредоточила в центре,

севернее и южнее столицы крупные стратегические резервы.

В основу организации обороны войск Западного фронта на ближних подступах к Москве была положена возможность наступления противника на нескольких направлениях. В соответствии с планом обороны ВВС должны были активно участвовать в проводимых контрударах войск 16-й и 49-й армий с предварительным подавлением вражеской авиации на аэродромах. В соответствии с этим штаб ВВС фронта разработал план действий авиации в обороне с привлечением других видов авиации. Он включал варианты действий авиации, исходя из возможных направлений наступления противника.

ВВС Калининского фронта должны были уничтожать войска противника в районе Калинина, прикрывать коммуникации, идущие к фронту. ВВС бывшего Брянского фронта, сосредоточенные на правом крыле Юго-Западного фронта, привлекались для уничтожения подходящих войск противника к полю боя и его колонн на дорогах и для прикрытия своих войск.

Подготовка авиации в ноябре к новым боям по сравнению с октябрём носила более организованный и целеустремленный характер. Она совпала с празднованием нашим народом 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Призывы Центрального Комитета партии стали боевой программой всесторонней мобилизации советского народа и его Вооруженных Сил на разгром противника, оказали огромное влияние на подъем морально-политического состояния воинов и явились основным содержанием партийно-политической работы в авиационных частях.

Одновременно с подготовкой к отражению нового наступления противника наша авиация вела напряженные боевые действия; за период с 1 по 14 ноября она совершила 9400 самолето-вылетов для уничтожения неприятельских войск в районе Калинина, на волоколамском, можайском, тульском и ефре-

▲ В окопах под Москвой

мовском направлениях и для прикрытия Москвы.

15 ноября противник предпринял новое наступление против войск Калининского, а на следующий день и на правом крыле Западного фронта. В течение 10 дней в сложных метеоусловиях для поддержки войск правого крыла Западного фронта было совершено свыше 1300 самолето-вылетов. На дорогах было уничтожено и повреждено десятки танков, сотни автомашин, убито много солдат и офицеров, что способствовало замедлению темпов наступления немецких войск.

Однако противник, воспользовавшись значительным разрывом между смежными флангами войск 30-й и 16-й армий, 28 ноября на узком участке фронта прорвался к каналу Москва — Волга и форсировал его в районе Яхромы. Однако в результате контрудара войск 1-й ударной армии при содействии авиации прорвавшаяся группировка врага была отброшена на западный берег канала. Поддержку войск 1-й ударной армии осуществляла сформированная авиагруппа (командир заместитель командующего ВВС Красной Армии

генерал И. Ф. Петров, начальник штаба полковник Н. П. Дагаев) в составе трех авиадивизий. Она ежедневно совершала 150 — 180 самолето-вылетов для уничтожения войск в районах Яхромы, Клина, Солнечногорска. В результате активных действий наших войск и авиации противник вынужден был прекратить наступление против войск 30-й армии.

В конце ноября — начале декабря наши войска при активной поддержке авиации успешно осуществили ряд контрударов и нанесли немецким войскам значительные потери. Действия бомбардировщиков и штурмовиков по войскам противника усиливались истребительной авиацией 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО. 2 декабря летчики 65-го штурмового авиаполка разгромили автоколонну до 100 автомашин около Солнечногорска. Авиации противника были нанесены также тяжелые потери. В ночь на 2 декабря бомбардировщики ВВС МВО на аэродроме в районе Клина уничтожили до 20 самолетов. Общими усилиями наших войск и авиации, которая за 10 дней совершила 5660 самолето-вылетов, противнику были

нанесены ощутимые потери, и он к исходу 5 декабря севернее Москвы вынужден был окончательно перейти к обороне.

На левом крыле Западного фронта 18 ноября противник прорвал оборону войск юго-восточнее Тулы и через семь дней подошел к Веневу и Кашире. Для усиления поддержки войск 50-й армии в районе Тулы была сформирована авиагруппа под командованием полковника Щербакова. Для действий по противнику, развивавшему наступление на Михайлов и Павелец, привлекались сформированная в районе Рязань авиагруппа под командованием дважды Героя Советского Союза генерала Г. П. Кравченко и части дальней бомбардировочной авиации.

В результате проведенных мероприятий интенсивность действий нашей авиации на этом направлении также возросла более чем в 2 раза. 27 ноября усиленный 1-й гвардейский кавалерийский корпус, поддержанный танками и частью сил ВВС фронта, 6-го истребительного авиационного корпуса и одной дивизией дальних бомбардировщиков, нанес контрудар по 17-й танковой дивизии

противника, прорвавшейся к Кашире, заставив ее поспешно отходить. В эти же дни из района Рязани в общем направлении на Михайлов выдвигались войска 10-й армии при поддержке 28-й авиационной дивизии (командир полковник С.Я. Мозговой). Наша авиация эффективно уничтожала войска противника восточнее Тулы.

В результате активных действий войск и авиации к концу ноября противник прекратил наступление и на рязанском направлении. Попытки его 2 декабря охватить Тулу с севера были ликвидированы. В итоге ожесточенного оборонительного сражения на левом крыле Западного фронта наступление противника было окончательно остановлено.

Войска Западного фронта во взаимодействии с авиацией сорвали попытки противника обойти Москву с севера и юга и нанесли ему большие потери.

На правом крыле Юго-Западного фронта под натиском превосхо-

дящих сил противника наши войска также упорно оборонялись. Фронтонная авиация в составе двух дивизий и нескольких полков дальних бомбардировщиков для поддержки наземных войск ежедневно совершала по 100 самолето-вылетов, нанося удары по наступающему противнику на подступах к городу Ефремов и на павелецком направлении. Это позволило войскам 3-й армии закрепиться на рубеже Шаховское, Любимовка, восточнее Ефремова.

В результате упорной и активной обороны советских войск и напряженных действий авиации наступление противника было окончательно остановлено. Советская авиация за 20 дней в интересах войск трех фронтов совершила более 15840 самолето-вылетов, оказав значительную помощь войскам, а немецкая авиация произвела лишь 3500 самолето-пролетов. В ноябре на Москву противник совершил 41 налет, к городу прорвалось 28 самолетов, что в 2,5 раза меньше, чем в октябре.

Ожесточенные двухмесячные сражения на подступах к Москве явились важнейшим событием всей летне-осенней кампании 1941 г. Германская военная стратегия потерпела здесь первое крупное поражение. Главная группировка немецких войск и авиации, перед которой стояла задача захватить советскую столицу, была обескровлена и перешла к обороне, а гитлеровское командование утратило стратегическую инициативу, захваченную в результате внезапного нападения.

Героическими усилиями наших сухопутных войск и авиации наступление войск врага на подступах к Москве было окончательно остановлено. Наши ВВС за весь период обороны под Москвой совершили 51 300 самолето-вылетов, из них 86% — в интересах обороняющихся войск и 14% — на прикрытие Москвы. На московском направлении противник потерял до 1400 самолетов, из них 85% от действий нашей авиации, что способствовало завоеванию

▲ Бомбардировщики Люфтваффе

▲ Штурмовик-Henschel-129В, 1941

нашей авиацией господства в воздухе и срыву вражеского наступления на Москву.

Советское правительство по достоинству оценило образцовое выполнение летчиками боевых задач и проявленное при этом мужество и героизм. Приказом Народного комиссара обороны от 6 декабря 1941 г. 29-й, 129-й истребительные и 215-й штурмовой авиаполки (командиры майоры Юдаков и Ю. М. Беркаль, подполковник Л. Д. Рейно) были преобразованы в гвардейские, а 61-й штурмовой авиационный полк награжден орденом Красного Знамени. Это были первые полки авиационной гвардии.

За боевые заслуги 1254 авиатора получили ордена. В период оборонительных боев десятки отважных летчиков удостоены высокого звания Героя Советского Союза, в том числе В. А. Шишов, С. Г. Гетьман, А. Ф. Локтионов, А. И. Молодчий, А. Г. Рогов, Ф. М. Фаткулин, А. Н. Катрич,

Е. М. Горбатюк, В. Е. Ковалев, В. В. Талалихин и другие.

Оборонительная операция под Москвой была первой в ходе войны, в которой участвовало большое количество авиационных частей и соединений фронтовой, дальнебомбардировочной и истребительной авиации ПВО, объединенных под руководством командующего ВВС Красной Армии. Опыт боевых действий показал, что в крупных оборонительных операциях наиболее эффективное применение сил авиации возможно при централизованном управлении, обеспечивающем оперативное и тактическое взаимодействие ее с сухопутными войсками.

В ходе оборонительной операции была подтверждена важность борьбы с оперативными перевозками врага, нанесения упреждающих ударов по его авиации на аэродромах и сосредоточивающимся для наступления войскам, а также ведения непрерывной воздушной разведки.

***

В начале декабря 1941 г. обстановка на советско-германском фронте резко изменилась. Противник был измотан и обескровлен Красной Армией в оборонительных боях, что создало необходимые условия для перехода в контрнаступление и на московском направлении. Ближайшая задача предстоящего наступления заключалась в разгроме ударных группировок врага и ликвидации непосредственной угрозы Москве. Планом контрнаступления предусматривалось нанесение двух главных ударов силами Западного фронта с целью разгрома ударных группировок противника северозападнее Москвы и в районе Тулы при содействии войск Калининского и правого крыла Юго-Западного фронта.

Подготовка к контрнаступлению осуществлялась в ходе ожесточенных оборонительных боев в короткие сроки, что не позволило сосредоточить достаточные силы и средства.

Войска трех фронтов уступали противнику в людях, орудиях и минометах и танках соответственно в 1,1; 1,8 и 1,4 раза. Лишь по авиации у нас было превосходство за счет прибытия резервов в состав ВВС фронтов, привлечения 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО и части сил ДБА ГК. К началу контрнаступления в составе советской авиации имелось около 1200 боевых самолетов, а у противника до 700 машин. Учитывая, что в наших авиационных частях до 35% самолетов были неисправными, общее превосходство в силах над фашистскими ВВС было небольшим. Кроме того, следует иметь в виду, что в самолетном парке советской авиации по-прежнему преобладали старые типы самолетов.

Морально-политический дух наших летчиков был высоким, тактически они стали более грамотными, а авиационные командиры и штабы всех степеней приобрели значительный опыт по руководству и управлению боевыми действиями авиации, что отмечало в то время даже и немецкое командование.

«На этом этапе войны, — писали гитлеровские генералы, — как командование, так и летный состав русской авиации стали гораздо опытнее. Бросалось в глаза стремление русских к сосредоточению своих сил, а также к их более организованному тактическому применению».

Все возраставшее сопротивление и повышение активности нашей авиации поколебало веру немецких летчиков в скорую и легкую победу в войне.

В результате усиления ударов наших ВВС по аэродромам противника базирование его авиации было оттянуто в глубину и рассредоточено, что снижало интенсивность ее действий. Перед ВВС фронтов стояла задача поддержки и прикрытия сухопутных войск. ВВС МВО, авиагруппа генерала И. Ф. Петрова, часть сил 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО привлекались для действий в полосе наступления войск Западного фронта, выполнявшего главную задачу. ДБА ГК должна была нарушать железнодорожные перевозки противника.

Боевые действия авиации в контрнаступлении планировались, как правило, на одни сутки. Управление авиасоединениями и частями предусматривалось с командных пунктов командующих ВВС фронтов. Взаимодействие авиации с сухопутными войсками организовывали командующие и штабы ВВС фронта и ВВС армий. На командные пункты командующих общевойсковыми армиями высылались авиационные представители для разработки и согласования таблиц и сигналов по взаимодействию, а также для взаимосообщения о наземной и воздушной обстановке.

Большое внимание уделялось подготовке тыла ВВС к обеспечению боевых действий авиации в условиях наступления. На основании специальных указаний Ставки ВГК командованием ВВС Красной Армии были разработаны мероприятия по подготовке тыла к обеспечению авиации фронтов.

К началу контрнаступления на удалении 15–30 км от линии фронта были организованы аэродромы засад для истребителей и аэродромы подскока для штурмовиков. Авиационные подразделения, ведущие боевые действия

с этих аэродромов, обеспечивались комендатурами, выделенными из состава батальонов аэродромного обслуживания, в которых создавались запасы материальных средств на 2–3 вылета авиационного полка. Фронтные авиасклады были развернуты на удалении 250–400 км от линии фронта и содержали запасы материальных средств на 15–20 дней боевых действий. Такое тщательное и всестороннее планирование тылового обеспечения способствовало успешным и бесперебойным боевым действиям авиации в контрнаступлении под Москвой.

Несмотря на сложность обстановки, в условиях непрерывных боевых действий командование и штабы сумели провести перегруппировку и сосредоточение сил авиации, подготовить ее к предстоящим боям.

Боевые действия авиации в контрнаступлении начались 5 декабря поддержкой 31-й армии Калининского фронта. Основные усилия нашей авиации сосредоточивались на бомбардировке войск и огневых позиций артиллерии противника. Развивая наступление, наши войска 16 декабря освободили Калинин и продвинулись на левом крыле фронта на 15 — 30 км. Авиация

▲ 5 декабря 1941 контрнаступление наших войск

фронта в сложных метеоусловиях за 12 суток произвела 560 самолето-вылетов. После прорыва тактической зоны обороны противника она перенесла свои удары по его отходящим войскам на дорогах, прикрывала свои войска и переправы через Волгу и вела воздушную разведку.

Наступление войск правого крыла Западного фронта началось 6 декабря. Атаке наших войск предшествовала авиационная подготовка ночью, в ходе которой было совершено 150 самолето-вылетов. Бомбардировке подвергались главным образом штабы, узлы связи и резервы противника на направлении главных ударов войск. Одновременно был нанесен удар по аэродромам противника в районе Клина и Ватулино.

Усилия авиационной группы генерала Петрова были сосредоточены на поддержку 30-й и 1-й ударной армий, а ВВС фронта и авиачастей других видов авиации — 16-й и особенно 20-й армий. Авиация уничтожала вражеские войска в районе Дмит-

ров, Клин, Солнечногорск, Крюково, Красная Поляна. Действуя с максимальным напряжением, она совершила в первые три дня наступления до 800 самолето-вылетов. Авиация противника небольшими группами пыталась бомбардировать наши наступавшие войска, но, встречая сильное противодействие истребителей, не смогла существенно помешать наступлению советских войск.

При активной поддержке авиации наши войска прорвали тактическую зону обороны противника, стремясь окружить его клинскую группировку. 9 декабря воздушная разведка установила начало массового отхода противника, особенно интенсивного по дороге Клин — Теряева Слобода. Основные усилия авиации были направлены на уничтожение колонн отступавшего врага. Для того чтобы перерезать фашистам пути отступления, в ночь на 15 декабря западнее Теряевой Слободы был выброшен парашютный десант в составе 415 солдат и офицеров, который успеш-

но выполнил свою задачу и к концу декабря соединился с войсками 30-й армии.

Оставляя боевую технику, артиллерию и автомашины, противник поспешно отступал, неся тяжелые потери от ударов войск и авиации. Дороги между Клином и Теряевой Слободой оказались забитыми трупами солдат, сгоревшими и поврежденными автомашинами и танками. К исходу 16 декабря войска правого крыла Западного фронта, преследуя противника, вышли на рубеж Дорино, Высоковск, Ново-Петровское. За 10 дней для поддержки войск наша авиация совершила более 3600 самолето-вылетов. Эффективность ее ударов была высокой. 13 декабря пять наших истребителей атаковали аэродром в районе Ватулино, где уничтожили и повредили семь самолетов. 15 декабря пять истребителей 43-й смешанной авиационной дивизии под командованием офицера Т.К. Романенко вступили в неравный бой с 40 вражескими бомбардиров-

щиками и 15 истребителями, пытавшимися прорваться к Москве. В ходе боя они уничтожили три вражеских самолета и, не имея потерь, возвратились на свой аэродром.

На левом крыле Западного фронта 10-я армия при поддержке авиации перешла в наступление в направлении Михайлова. Одновременно 50-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус, развивая успех контрударов, продолжали преследовать противника восточнее Тулы. Из-за сложных метеоусловий наша авиация ежедневно совершала лишь по 90 — 100 самолето-вылетов, уничтожая войска на поле боя и на дорогах. Противник, лишенный поддержки с воздуха, скованный боями севернее Москвы, вынужден был поспешно отходить. Советские войска при содействии авиации не позволяли ему закрепляться на промежуточных рубежах и к исходу 16 декабря отбросили деморализованные части его 2-й танковой армии на 130 км. Своими атаками авиация нарушала организованное отступление противника и наносила ему большие потери.

В результате первых десяти дней контрнаступления наших войск обе ударные группировки врага понесли тяжелые потери, были созданы благоприятные условия для наших войск в преследовании и разгроме противника.

Большую помощь сухопутным войскам оказала авиация, которая в сложных метеоусловиях произвела 5400 самолето-вылетов. В немецких документах, захваченных нашими войсками, было отмечено, что танковые части, автотранспорт, обозы несли большие потери от советской авиации.

В целях обеспечения наступления войск левого крыла Западного фронта 6 декабря 13-я и 3-я армии Юго-Западного фронта нанесли удар по елецкой группировке противника, заставив ее отступить. Авиация, поддерживая наступление войск, совершала по 60 самолето-вылетов в день, атаковывала противника в основном на поле боя. Большую помощь своими действиями оказали летчики

дальнебомбардировочной авиации, которые днем и ночью наносили удары по войскам противника на поле боя и активно вели борьбу с его оперативными перевозками по железной дороге Новгород — Псков и Сумы — Киев.

В итоге 10-дневного контрнаступления советские войска прорвали тактическую зону обороны противника и начали преследование его отходящих войск. Авиация, поддерживая войска трех фронтов и прикрывая Москву, совершила около 6950 самолето-вылетов.

Гитлеровское командование стремилось упорным сопротивлением и жесткой обороной остановить наступление наших войск, направляя усилия ВВС на поддержку своих войск. Учитывая благоприятно складывающуюся обстановку, Ставка ВГК решила продолжать контрнаступление с целью создания условий для окружения и разгрома всей вражеской группировки войск. Для осуществления этого плана Калининскому фронту ставилась задача завершить разгром калининской группировки. Западный фронт, продолжая преследование противника севернее и южнее Москвы, переходом в наступление на центральном участке должен был расчлнить главные силы врага для их окружения и разгрома. В целях обеспечения контрнаступления войск Западного фронта с юга 18 декабря вновь был

создан Брянский фронт и его ВВС в составе трех авиационных дивизий (командующий генерал Ф. П. Польшин). Для усиления авиации фронта привлекалась 4-я резервная авиационная группа под командованием полковника Ю. А. Немцевича. Командующий войсками Калининского фронта решил разгромить войска противника ударом с севера (22, 39 и 29-я армии) и с востока (30-я и 31-я армии) в общем направлении на Старицу, сосредоточив основные усилия авиации на поддержку 30-й и 31-й армий, игравших главную роль. В ходе наступления, начавшегося 17 декабря, авиация наносила удары по отходящему противнику на дорогах. Особенно успешно она действовала в районе Старицы, где 24 декабря было уничтожено и повреждено до 60 автомашин и повозок врага.

Решение командующего войсками Западного фронта заключалось в продолжении преследования и уничтожения отходящего противника. 18 декабря 33-я и 43-я армии перешли в наступление, имея для поддержки каждая по одной смешанной авиационной дивизии. Войска правого крыла фронта при содействии авиации в ходе преследования освободили Волоколамск и ряд других населенных пунктов и 21 декабря вышли на рубеж рек Лама и Руза, где встретили организованное сопротивление противника.

Для поддержки войск была создана авиационная группа в составе двух авиационных дивизий под командованием генерала Е. М. Николаенко, которая в сложных метеоусловиях совместно с истребителями ПВО и ВВС МВО уничтожала противника на дороге Клин — Теряева Слобода и западнее Волоколамска.

На левом крыле Западного фронта противник под ударами наших войск продолжал отходить в направлении Калуги, Белева. Для поддержки войск левого крыла Западного фронта авиация в сложных метеоусловиях за восемь суток совершила 380 самолето-вылетов. В целях поддержки наступления 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в его оперативное подчинение была передана 28-я авиационная дивизия.

Для содействия войскам Западного фронта с 17 по 24 декабря авиация совершила 2360 самолето-вылетов. Противник был отброшен на рубеж рек Лама и Руза, Наро-Фоминск, Калуга, Белев.

Перед Брянским фронтом стояла задача развивать успех наступления на орловском направлении. Главная роль отводилась 61-й армии и оперативной группе генерала Х. У. Костенко, на поддержку которых были выделены основные силы авиации

фронта. Войска фронта при поддержке авиации 18–25 декабря разгромили противостоящую группировку войск противника и вышли на рубеж Орловка, Липицы, Верховье.

Дальнебомбардировочная авиация продолжала вести борьбу с железнодорожными перевозками врага на основных направлениях его передвижения в полосе от Пскова до Киева. В результате ударов было взорвано до 50 железнодорожных эшелонов, на многих участках и некоторых станциях разрушено железнодорожное полотно.

В итоге наступательных действий наших войск при поддержке авиации с 17 по 24 декабря противник был отброшен на запад еще на 20–60 км. Немецкая авиация за это время совершила в полосе трех фронтов до 300 самолето-пролетов. Наша авиация, господствуя в воздухе, произвела 3200 самолето-вылетов, только ВВС Западного фронта уничтожили и повредили до 30 танков, 1200 автомашин, 340 повозок, 36 орудий, 50 железнодорожных эшелонов.

Войска Калининского фронта во взаимодействии с Западным фронтом, имея цель окружить и уничтожить отходящего противника в районе Старица, Ржев, 26 декабря после авиационной подготовки на-

несли новый удар на ржевском направлении. Наши летчики повредили и уничтожили 40 автомашин, 30 повозок, а 29 декабря в районе Ржева — 190 автомашин, 130 повозок, 15 арторудий}. Сосредоточение основных усилий авиации на поддержку 39-й армии помогло ей продвинуться до 80 км, выйти к Волге, преодолеть оборону и охватить ржевскую группировку противника с запада.

На центральном участке Западного фронта 33-я и 43-я армии с поступлением резервных частей и авиации (до пяти авиационных дивизий) 24 декабря взломали оборону противника. Авиация свои усилия сосредоточивала для ударов по оборонительным рубежам, войскам и резервам противника. При этом она действовала на узком участке главного направления наступления наших войск, что способствовало прорыву обороны противника и повышению темпов наступления.

Под натиском 33-й и 43-й армий противник продолжал отступать в западном направлении. Интенсивность боевых действий нашей авиации увеличилась до 200 и более самолето-вылетов в сутки. В результате этого потери войск противника возрастали и он был лишен возможности закрепиться на новых рубежах обороны.

Наши войска, повысив темп наступления, 4 января овладели опорными пунктами противника Боровск и Малоярославец.

На левом крыле Западного фронта 49-я армия при поддержке авиации освободила Калугу и завязала бои за город Сухиничи. После 4 января усилия войск фронта были направлены на окружение и уничтожение медынь-кондровской группировки противника. Для усиления их поддержки, особенно 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, на серпу-ховский и тульский аэроузлы была перебазирована авиagrуппа под командованием генерала Е. М. Николаенко. С целью отрезать пути отхода противника из района Медыни было решено высадить воздушный десант численностью около 2 тыс. человек.

Авиационное обеспечение десанта возлагалось на авиацию фронта и Гражданский воздушный флот. Для этого планировалось вести разведку, наблюдение за аэродромами противника и нанести отвлекающие удары по войскам противника в районах Гжатска, Можайска, Юхнова.

В ночь на 4 января 1942 г. авиация нанесла удары по вражеским аэродромам в районах Вязьмы и Юхнова. Однако удалось выбросить десант в эту же ночь лишь в составе 416 человек в район Мятлево.

Во время завершения контрнаступления войска Западного фронта при поддержке авиации отбросили противника на 40–100 км, а войска Брянского фронта на своем правом крыле продвинулись на 20–70 км.

В успешном решении задач контрнаступления под Москвой значительную помощь сухопутным войскам и партизанам оказала наша авиация, которая, прочно удерживая господство в воздухе, в течение 33 дней в сложных зимних условиях погоды совершила около 16 тыс. боевых самолетовылетов. Основной задачей авиации являлось уничтожение войск и боевой техники противника, на что было израсходовано до 50% всех ее усилий. Успешные боевые действия ВВС были бы невозможны без всестороннего обеспечения их прежде всего тружениками тыла страны, воинами инженерно-авиационной службы,

авиационного тыла, штурманской и метеорологической служб ВВС.

Используя успех контрнаступления советских войск под Москвой, Ставка ВГК в начале января 1942 г. организовала наступление на всех стратегических направлениях. Главный удар под Москвой наносился Калининским и Западным фронтами, которые должны были во взаимодействии с Северо-Западным и Брянским фронтами окружить и разгромить главные силы группы армий «Центр». Соотношение сил на западном направлении по пехоте и артиллерии было равным, а по танкам имелось превосходство в 1,3 раза. В связи с продвижением войск на запад 6-й истребительный авиационный корпус ПВО, оставаясь в районе Москвы, не мог оказать существенной помощи наступавшим войскам. Потери, растяжка базирования авиации и наличие большого количества неисправных самолетов значительно снижали боевые возможности нашей авиации.

Дальнейшее наступление войск Калининского и Западного фронтов велось в сложных условиях обста-

▲ МиГ-3

новки и при отсутствии превосходства в силах над противником. Хотя нашим войскам не удалось разгромить противника и освободить Ржев, Гжатск и Вязьму, однако и враг попал в трудное положение. В его тылу действовали значительные силы наших войск и партизан. Поддержка и прикрытие войск осуществлялись в основном малочисленной авиацией фронтов. Наряду с действиями по вражеским войскам, нарушением железнодорожных перевозок, ведением борьбы за господство в воздухе и воздушной разведкой наша авиация выполняла задачи по десантированию войск. С 18 по 31 января она обеспечила выброску в тыл противника частей воздушно-десантных войск численностью свыше 3600 человек, большого количества боеприпасов и вооружения. В феврале в тыл врага был переброшен по воздуху 4-й воздушно-десантный корпус, насчитывавший около 10 тыс. человек.

В результате упорных и тяжелых боев на западном направлении наши войска разгромили 16 дивизий и 1 бригаду противника, отбросили его на 100–250 км, перерезали

железнодорожную магистраль Вязьма — Брянск и создали угрозу с юга тылам основных сил врага, что имело важное военное и политическое значение. В ходе наступления были освобождены Московская, Тульская, а также часть территории Калининской и Смоленской областей. В решении этих задач значительную помощь сухопутным войскам оказала советская авиация. Несмотря на сложные метеословия, она действовала с большим напряжением. На поддержку и прикрытие войск, выброску воздушных десантов, воздушную разведку в январе — марте 1942 г. было совершено более 49 тыс. самолето-вылетов, нанесены большие потери немецко-фашистским войскам и авиации.

***

Наступление Красной Армии под Москвой явилось первым в Великой Отечественной войне крупным военно-политическим событием, началом коренного поворота в ходе войны. Гитлеровцы впервые во второй мировой войне потерпели крупное поражение. Легенда о непобедимости их армии и авиации оказалась развеян-

ной. Красная Армия перешла от стратегической обороны к решительному наступлению, вырвала из рук врага инициативу ведения войны. Была снята непосредственная угроза Москве, сорваны планы противника на соединение немецких и финских войск и овладение Ленинградом.

Вместо дальнейшего продвижения на восток противник под ударами наших войск и авиации был отброшен на значительное расстояние. Победа советских войск и авиации имела важное политическое значение. Она убедительно показала реальную возможность разгрома немецко-фашистских войск, внушила свободолюбивым народам Европы уверенность в том, что они могут быть освобождены от фашистского рабства.

Большой вклад в успех наступления советских войск внесла наша авиация. Систематическая поддержка войск на поле боя, борьба с резервами противника, нарушение железнодорожных перевозок, уничтожение отступавших войск, завоевание господства в воздухе дали возможность нашим войскам вести наступление при равном соотно-

шении сил. Бывший командующий Западным фронтом Г.К. Жуков в воспоминаниях о действиях авиации в ходе наступления пишет:

«Летчики действовали самоотверженно и умело. Благодаря общим усилиям фронтовой, дальней авиации и авиации ПВО у врага впервые с начала Отечественной войны была вырвана инициатива в воздухе. Авиация систематически поддерживала наши наземные войска, наносила удары по артиллерийским позициям, танковым частям, командным пунктам. Когда же немецко-фашистские армии начали отход, наши самолеты непрерывно штурмовали и бомбили отходящие колонны войск. В результате все дороги на запад были забиты брошенной гитлеровцами боевой техникой и автомашинами».

Победа под Москвой явилась важным этапом в развитии оперативного искусства ВВС. Был приобретен значительный опыт подготовки авиации в ограниченные сроки в период

оборонительной операции к действиям в интересах войск фронтов в контрнаступлении. В ходе наступления полное подтверждение получил основной принцип советского военного искусства по применению ВВС — сосредоточение их основных усилий на главном направлении за счет резервов, ВВС соседних фронтов, дальнебомбардировочной авиации и авиации ПВО. Это было особенно характерным в первые дни контрнаступления, когда для удара по самой мощной группировке врага северо-западнее Москвы привлекалось до 75% сил всей нашей авиации, действовавшей на западном направлении.

Был получен также опыт организации и осуществления взаимодействия авиации с сухопутными войсками и между ВВС нескольких фронтов, а также дальнебомбардировочной авиацией и авиацией ПВО Москвы, который был использован в последующих операциях Отечественной

войны и получил дальнейшее развитие.

В битве под Москвой была осуществлена проверка организационной структуры ВВС. Опыт боевых действий показал, что наличие ВВС общевойсковых армий и смешанных авиационных соединений значительно затрудняло маневр и масштабное применение авиации на важнейших участках фронта. В целях сосредоточения авиации в одних руках и дальнейшего повышения ее боеспособности по решению Ставки ВГК в мае — ноябре 1942 г. из ВВС фронтов были созданы воздушные армии. Такая организационная структура авиационных объединений дала положительные результаты и существовала в течение всей Отечественной войны. Одновременно было признано целесообразным выделить соединения дальних бомбардировщиков и создать авиацию дальнего действия, подчиненную непосредственно Ставке ВГК.

▲ Небо Москвы

▲ Бомбардировщики гвардейской части Героя Советского Союза Н.А. Токарева в боевом полете

В битве под Москвой и в операциях на других участках советско-германского фронта привлекались авиационные соединения РГК для усиления ВВС фронтов. Однако незначительное количество таких соединений и небольшой их численный состав не позволяли обеспечивать превосходства над авиацией противника, и поэтому приходилось для усиления ВВС фронтов привлекать авиационные соединения других видов авиации.

Опыт этой операции показал необходимость создания крупных авиационных резервов. Летом и осенью 1942 г. было сформировано десять истребительных, штурмовых и бомбардировочных авиационных корпусов РГК, что было одним из важнейших условий успешного выполнения задач Военно-воздушными силами.

В период наступления под Москвой со всей очевидностью проявились положительные стороны организационных мероприятий по совершенствованию структуры органов авиационного тыла, принятой в августе 1941 г. Батальоны аэродромного обслуживания стали более подвижными, а с упразднением управлений авиационных баз улучшилось руководство ими. Органы

авиационного тыла стали способными в короткие сроки подготавливать новые полевые аэродромы и своевременно создавать на них необходимую материально-техническую базу. Новая структура позволила улучшить управление, планирование и организацию тылового обеспечения боевых действий авиации в операции, проводимой несколькими фронтами. Большой опыт приобрела инженерно-авиационная служба в обеспечении боевых действий и восстановлении поврежденных самолетов.

Получила некоторое развитие и тактика родов авиации.

Истребительная авиация приобрела опыт в прикрытии сухопутных войск патрулированием в воздухе и дежурством на аэродромах. Патрулирование групп самолетов над своей территорией и вылеты на перехват, по данным постов ВНОС, в связи с отсутствием радиотехнических средств были недостаточно эффективными. Авиационные части, вооруженные новыми типами истребителей, стали переходить к выполнению задач в составе пар самолетов.

Штурмовая авиация в основном действовала по войскам противника на поле боя с бреющего полета, но в то же время стала наносить уда-

ры и с высот до 300 м с планирования, что повышало эффективность ее действий.

Сложная обстановка в начале операции и отсутствие достаточного количества истребителей вынуждали нашу бомбардировочную авиацию действовать одиночными самолетами и звеньями. В дальнейшем, по мере улучшения воздушной обстановки, она стала наносить удары группами 6–9 самолетов, что повысило их эффективность. В период битвы под Москвой привлекались легкие бомбардировочные полки, вооруженные самолетами По-2, Р-5. Они успешно действовали ночью одиночными самолетами с высот 400–1000 м на поле боя и нашли широкое применение на протяжении всей войны.

Самоотверженная помощь всего народа умножала силы и укрепляла стойкость советских воинов в битве под Москвой. Они выстояли и победили. На подступах к столице нашли себе могилу около 300 тыс. гитлеровцев, более 1600 самолетов врага было уничтожено. За активное участие в защите столицы медалью «За оборону Москвы» было награждено свыше 1 млн человек, в том числе тысячи авиаторов. ■

СОЗДАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО- ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

▲ Тяжелая промышленность

Всемирно-историческая победа Советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне закономерна. Она была подготовлена всем предшествующим ходом социалистического строительства. Создавая новое общество, новую экономику, осуществляя культурную революцию, наш народ одновременно серьезно готовился к защите Родины.

Последовательно и неуклонно выполняя указание В.И. Ленина о том, что к защите Отечества надо готовиться, начиная с экономического подъема страны, военно-политическое руководство страны во главе с И.В. Сталиным в исторически короткий срок, всего за два десятилетия, превратило нашу страну в могучую индустриальную державу; добилось ее полной экономической

независимости от капиталистических стран, неизмеримо повысило обороноспособность Советского Союза.

На Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г., выступая с речью И.В. Сталин, определил задачи социалистического строительства: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли

капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость.

Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость?

Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил накануне Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать

это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР».

И сколько бы не пытались фальсификаторы истории «доказать», что СССР и его Вооруженные Силы не были готовы к отражению фашистской агрессии, действительность свидетельствует о беспочвенности их утверждений. Именно те грандиозные достижения, которых добился Советский Союз в предвоенные годы в политическом и экономическом развитии и в укреплении своего военного могущества, во многом предопределили нашу победу в Великой Отечественной войне.

▲ В.И. Ленин

После успешного восстановления народного хозяйства страны, разрушенного империалистической и Гражданской войнами, партия большевиков, проводя в жизнь ленинский план построения социализма в СССР, взяла курс на быстрое развитие тяжелой индустрии, крупной машинной промышленности, способной вооружить фабрики и заводы, сельское хозяйство новейшей техникой, превратить страну из аграрной в индустриальную, обеспечить построение социалистического общества. Уже в годы первой пятилетки многие из этих задач были успешно выполнены и перевыполнены. Усилиями всего народа, героическим трудом рабочего класса в стране были созданы мощные черная и цветная металлургия, химическая промышленность и другие отрасли народного хозяйства. Получили дальнейшее развитие горнодобывающая промышленность, особенно угольная, добыча железной и марганцевой руд, цветных и редких металлов, а также транспортное машиностроение, нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая, электроэнергетическая, текстильная, швейная, кожевенно-обувная, фармацевтическая, пищевая и другие отрасли тяжелой и легкой индустрии.

Страна превратилась в гигантскую строительную площадку. Возводился ДнепрогЭС, сооружались Ново-Краматорский завод, Уралмашзавод, Березниковский и Соликамский химические комбинаты, Магнитогорский металлургический комбинат. Строились и реконструировались авиационные, станкостроительные, моторные и другие заводы. Заключалось строительство тракторного завода имени Ф.Э. Дзержинского в Сталинграде и крупных заводов сельскохозяйственных машин в Ростове и Запорожье. Расширялась вторая угольная база Советского Союза — Кузбасс. Много промышленных предприятий было возведено на востоке — в Западной и Восточной Сибири, в Казахстане и Средней Азии, на Дальнем Востоке. Все это, несомненно, имело огромное значение для укрепления могущества нашей страны.

Гигантский размах индустриального строительства и героизм рабочего класса в годы первой пятилетки оказали сильное воздействие и на трудовое крестьянство. Подготовленное рядом политических и экономических мероприятий партии и Советского государства, крестьянство повернуло на социалистический путь развития — приступило к организации колхозов. Решительный поворот основных масс крестьянства к социализму, выразившийся в массовом колхозном движении, означал новый исторический этап в деле строительства социализма в нашей стране.

Еще более крупными достижениями ознаменовалась вторая пятилетка. В стране в основном завершилась техническая реконструкция народного хозяйства: создание и освоение новых предприятий и новой техники в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве; подготовка многочисленных кадров технической интеллигенции для города и деревни. В сельском хозяйстве победил колхозный строй. В результате крестьянство перестало быть классом мелких производителей. Его труд стал коллективным, основанным на общественной собственности. Общность двух форм социалистической собственности (общенародной и колхозно-кооперативной) еще более сблизила рабочий класс и колхозное крестьянство, упрочила их союз.

В результате успешного выполнения народнохозяйственных планов двух предвоенных пятилеток в СССР в основном был построен социализм, что явилось величайшим триумфом организаторской и вдохновляющей деятельности партии большевиков, Советского правительства, самоотверженного труда всего нашего народа. Советский Союз превратился в могущественную индустриально-колхозную державу, обеспечивающую всем необходимым свое хозяйство и нужды обороны.

В 1938 г. XVIII съезд партии принял новую программу развития народного хозяйства СССР — третий пятилетний план.

▲ Уборка хлебов

Задания третьей пятилетки предусматривали бурный рост всех отраслей социалистической экономики, и прежде всего тяжелой и оборонной промышленности. Общий объем промышленной продукции по сравнению с последним годом второй пятилетки должен был возрасти почти вдвое. Особое значение придавалось созданию крупных государственных резервов продовольствия, топлива, вооружения и т. д. Это требовало значительного увеличения бюджетных ассигнований на оборону. В 1940 г. они возросли до 56,8 млрд рублей против 17,5 млрд в 1937 г. Если в 1928–1929 гг. эти ассигнования составляли лишь 10 процентов бюджета, то в 1940 г. — уже 32,6 процента.

Несмотря на то, что третий пятилетний план не был полностью выполнен из-за начавшейся войны, он сыграл решающую роль в повышении военного могущества нашей страны. В результате высоких темпов развития тяжелой индустрии и легкой промышленности, неуклонного повышения производительности труда в предвоенные годы в Советском Союзе был достигнут высокий уровень промышленного производства. Так, в 1940 г. в нашей стране добывалось 165,9 млн т угля против

128 млн т в 1937 г. Более трети добычи угля приходилось на новые угольные базы, созданные на востоке страны. К началу войны СССР по добыче угля вышел на четвертое место в мире и на третье в Европе.

Добыча нефти в 1940 г. по сравнению с 1932 г. возросла на 45 процентов и составила 31,1 млн т, в том числе 22,2 млн т в Бакинском районе. Удельный вес добычи нефти во вновь созданных восточных нефтяных районах — в Поволжье, на Урале, Дальнем Востоке, в Средней Азии и Казахстане — возрос в 7 раз по сравнению с 1932 г. Кроме того, в 1940 г. было добыто 4,4 млн т условного топлива природного газа (вместе с попутным), 13,6 млн т условного топлива торфа, 0,6 млн т условного топлива горючих сланцев и 34,1 млн т условного топлива дров. Всего в стране в этом году было добыто 237,7 млн т условного топлива.

Мощность всех электростанций в стране увеличилась в 1940 г. до 11,2 млн квт, выработка электроэнергии достигла 48,3 млрд квт·ч.

Большое внимание уделялось росту выплавки чугуна и производству высококачественных сталей и проката. В 1940 г. выплавка чугуна увеличилась до 14,9 млн т, производство стали — до 18,3 млн т и проката — до 13,1 млн т.

Увеличилась и сырьевая база черной металлургии. В 1940 г. в стране было добыто 29,9 млн т железной руды и 2 557 тыс. т марганцевой руды, в том числе 216 тыс. на востоке, что составляло 8,4 процента общесоюзной добычи.

В предвоенные годы произошли коренные сдвиги в размещении предприятий цветной металлургии за счет использования разведанных сырьевых ресурсов на Урале, в Восточной и Западной Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане, Средней Азии и строительства здесь медеплавильных, алюминиевых, свинцово-цинковых и других комбинатов и заводов, имевших исключительно важное народнохозяйственное и оборонное значение.

Рост добычи нефти в СССР показан в таблице

Год	Добыча, млн. т
1921	3,78
1928	11,6
1931	22,4
1940	31,1

Важное значение для укрепления обороны страны в предвоенные годы имел высокий темп роста продукции машиностроения. В 1940 г.

было выпущено 58,4 тыс. металлорежущих и 4,7 тыс. кузнечно-пресовых станков, 145 тыс. автомобилей, 31,6 тыс. тракторов и много других машин, а также приборов, средств автоматизации, металлорежущего и химического оборудования, турбин, генераторов к турбинам и т. д. Особенно увеличился выпуск высококачественных станков-автоматов и полуавтоматов, шлифовальных и специальных. По объему продукции машиностроения Советский Союз накануне войны занял первое место в Европе и второе в мире. Отечественное станкостроение в состоянии было создавать необходимую промышленную базу для массового производства любых машин, в том числе и выпуска всех видов боевой и транспортной техники, вооружения, всевозможной аппаратуры и приборов, боеприпасов, горючего и других материальных средств для оснащения и снабжения Советских Вооруженных Сил.

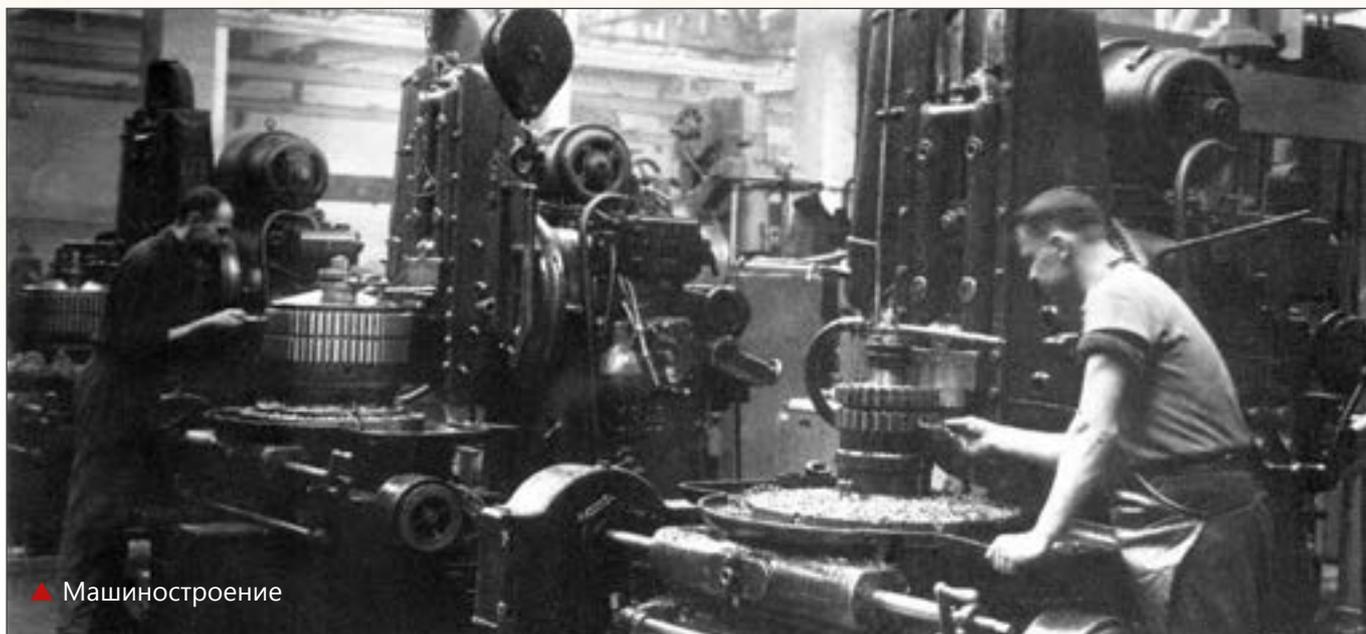
Бурно развивалась химическая промышленность, непосредственно связанная с производством взрывчатых веществ, порохов и т. д. В 1940 г. в стране было произведено 1,6 млн т серной кислоты.

Быстрый и непрерывный рост тяжелой индустрии позволил усилить развитие отраслей оборонной промышленности в целях переосна-

щения Советских Вооруженных Сил новейшей боевой и транспортной техникой, бесперебойно снабжать армию и флот боеприпасами, горючим и другими материальными средствами.

За годы первых советских пятилеток в стране была создана мощная промышленность. Благодаря неустанной заботе Советской власти об укреплении оборонного могущества социалистического государства в СССР еще в первом и втором пятилетиях был достигнут высокий уровень развития самолетостроения, танкостроения, судостроения, налажен выпуск новейших артиллерийских систем, противотанковых ружей, пулеметов, винтовок, автоматов, всевозможных приборов и аппаратов, различных боеприпасов.

Развитие социалистической экономики, укрепление военной мощи СССР происходило в необычайно трудных условиях капиталистического окружения, в обстановке усиления агрессивных устремлений империалистических держав, и в первую очередь фашистской Германии и милитаристской Японии. Советский Союз прилагал огромные усилия, чтобы создать систему коллективной защиты миролюбивых государств. К сожалению, эти усилия не нашли поддержки у правящих кругов крупнейших стран Европы. В 1931–1932 гг. возник

▲ Машиностроение

первый очаг новой мировой войны в Азии. Второй очаг возник в 1933–1935 гг. в Европе.

Правительства Англии, США и Франции вместо решительного отпора агрессорам встали на путь «невмешательства и нейтралитета». Они не противодействовали японской агрессии в Китае и не воспрепятствовали насильственному включению Австрии в состав империи фашистской Германии. Этот опасный путь попустительства и пособничества агрессорам получил свое логическое завершение в мюнхенском соглашении правящих кругов Англии, США и Франции с Германией и Италией. В Мюнхене гитлеровской Германии был передан ряд пограничных районов Чехословакии и предоставлена свобода действий на востоке Европы.

15 марта 1939 г. гитлеровские войска заняли Прагу. 1 сентября Германия напала на Польшу, развязав вторую мировую войну.

До сих пор некоторые военные историки и мемуаристы на Западе пытаются утверждать, что Коммунистическая партия и Советское правительство, а также наше высшее военное командование якобы не видели угрозы Советскому Союзу со стороны гитлеровской Германии. Голословность подобных утверждений станет очевидной, если вспомнить, что Советское правительство, чтобы не допустить войны или хотя бы отодвинуть ее, пошло на заключение с Германией договора о ненападении, предложенного германским правительством. Это решение было принято после того, как полностью выяснилось нежелание Англии, Франции и Польши заключить соглашение с СССР о совместной борьбе против гитлеровской агрессии и были исчерпаны все другие возможности обеспечения безопасности Советского Союза.

Советский Союз в крайне опасной международной обстановке, настойчиво проводя миролюбивую политику, продолжал неуклонно укреплять оборонную мощь страны. Достаточно сказать, что ежегодный прирост производства оборонной продукции за три года третьей пя-

▲ Сталин И.В., Молотов В.М., Ворошилов К.Е.

тилетки составил 39 процентов, в то время как остальной промышленности — 13 процентов. В 1939 г. были приняты решения о строительстве большого числа новых и реконструкции старых заводов по производству военной техники и вооружения, о переводе части предприятий других отраслей на выпуск оборонной продукции.

Позже (1939–1940 гг.), ввиду угрозы фашистской агрессии, программа наращивания производственных мощностей оборонной промышленности СССР была существенно увеличена. К началу Великой Отечественной войны по ряду показателей она даже превосходила производственные мощности Германии. Например, к концу 1940 г. число предприятий авиационной промышленности по сравнению с 1937 г. увеличилось на 75 процентов. Ее производственные мощности к лету 1941 г. почти в 1,5 раза превысили мощности авиационных заводов Германии. Производственные мощности советской танковой промышленности к лету 1941 г. также в 1,5 раза превышали мощности танкостроения Германии.

В 1938–1940 гг. в строй вошло около 3000 новых промышленных и военно-промышленных предпри-

ятий, производивших для Красной Армии и Красного Военно-Морского Флота все необходимое для технического оснащения и снабжения войск и сил флота в мирное и в военное время. Выпуск военной продукции в первой половине 1941 г. возрос по сравнению с 1937 г. в 4 раза.

Готовя страну к обороне, военно-политическое руководство страны, возглавляемое И. В. Сталиным, исключительное важное значение придавало созданию государственных резервов и мобилизационных запасов, а равно стратегических видов сырья, топлива, металлов и других материалов.

В августе 1940 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли постановление «О плане накопления госрезервов и мобзапасов на 1940 год». В июне следующего года аналогичное постановление было принято на 1941 год.

Партия и правительство настойчиво и последовательно проводили в жизнь намеченные в этих постановлениях меры. В результате за два года (с января 1939-го по январь 1941 г.) государственные резервы и мобилизационные запасы выросли по чугуну в 5 раз, по прокату — в 2 раза, по меди — более чем в 2 раза,

▲ Боеприпасы

по цинку — в 2,2 раза и т.д. Было произведено накопление продовольствия и фуража. За последние полтора года до нападения фашистской Германии на СССР общая стоимость наших государственных материальных резервов выросла почти вдвое и составила 7,6 млрд рублей.

На 22 июня 1941 г. запасы Красной Армии по отношению к среднегодовому расходу в войне составляли: по артиллерийским боеприпасам различных номенклатур — более 100 процентов, по автобензину — около 40, по дизельному топливу — до 50, по винтовочным патронам — около 280, по вещевому имуществу — до 150 процентов и т.д.

В интересах лучшей организации производства вооружения, боевой техники, боеприпасов и т.п. в 1939 г. были созданы четыре наркомата: авиапромышленности, судостроения, боеприпасов и вооружения. Учитывая возросшее значение Военно-Воздушных Сил, ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров приняли обширную программу развития авиационной промышленности.

На развитие советской военной авиации в 1940 г. из бюджета Наркомата обороны выделялось около 40 процентов всех ассигнований. Началось производство более совершенных машин, разработанных талантливыми советскими авиаконструкторами А.И. Микояном и М.И. Гуревичем — МиГ-3, А.С. Яковлевым — Як-1, С.А. Лавочкиным, В.П. Горбуновым и М.И. Гудковым — ЛаГГ-3, В.М. Петляковым — Пе-2, С.В. Ильюшиным — Ил-2. Если в 1940 г. на переоснащение Военно-Воздушных Сил поступило только 86 этих самолетов, то в первой половине 1941 г. — уже 2653.

Большинство новых самолетов не только не уступали, но по ряду показателей превосходили однотипные самолеты фашистской Германии. Так, например, самолет Як-1 имел максимальную скорость на высоте 5000 м 577 км в час и набирал эту высоту за 5,7 минуты. В то же время основной тип немецкого истребителя Ме-109Е на этой же высоте имел скорость 546 км в час и набирал ее за 6,3 минуты. Бронированный само-

лет-штурмовик Ил-2 был вооружен двумя пушками калибра 20 мм, двумя пулеметами и мог брать восемь реактивных снарядов или до 600 кг бомб. Такого самолета не имела ни одна капиталистическая страна в течение всей войны. Скорость пикирующего бомбардировщика Пе-2 почти на 100 км превышала скорость однотипного немецкого самолета Ю-88.

По заданию партии и правительства советские конструкторы, инженеры и техники продолжали работать над созданием беспилотных, управляемых по радио, самолетов.

Наряду с созданием новых типов самолетов и авиадвигателей большое внимание уделялось совершенствованию и разработке новых образцов вооружения и специального оборудования. Были созданы пневматические и электрические спуски у оружия, автоматы регулирования температуры в системе авиадвигателей, новые типы боеприпасов, авиационные пушки калибра 20, 23 и 37 мм; внедрялось реактивное оружие (уже в боях на Халхин-Голе на истребителях применялись реак-

▲ Авиационная промышленность

тивные снаряды); создавались новые радио- и радионавигационные средства.

Быстро рос танковый парк Красной Армии. За период с 1930 по 1939 г. он увеличился в 43 раза. С 1939 г. начался новый этап в развитии отечественной танковой промышленности. Он характеризовался большим взлетом научно-технической мысли в этой области военного производства, переоснащением танковых заводов более совершенным оборудованием, строительством новых танковых предприятий.

Талантливые советские конструкторы Ж. Я. Котин, А. А. Морозов, М. И. Кошкин и Н. А. Кучеренко разработали замечательные боевые машины — средний танк Т-34 и тяжелый танк КВ. Оба танка существенно превосходили по своим конструктивным и тактико-техническим данным танки фашистской Германии и других капиталистических стран. Дизельные двигатели, установленные на советских танках, не имели себе равных в мире, а широкая гусеница обеспечивала машинам хорошую проходимость в самых разнообразных условиях местности. Важным преимуществом новых танков являлось и то, что их конструкция отвечала требованиям крупносерийного производства и позволяла осуществлять

ремонт в полевых условиях. Только за первую половину 1941 г. промышленность выпустила 1503 таких танка (1110 Т-34 и 393 КВ).

Коренная перестройка танковой промышленности имела большое значение для дальнейшего развертывания выпуска боевых машин в ходе войны. Она позволила уже в первые ее годы резко увеличить выпуск новых танков (Т-34, КВ) и добиться превосходства в производстве над танковой промышленностью Германии.

▲ Танковый завод КВ

Большое развитие в нашей стране получила артиллерийская промышленность. Из всех важнейших отраслей военного производства накануне войны она была наиболее развитой. Замечательные советские конструкторы В. Г. Грабин, Ф. Ф. Петров, И. И. Иванов, Л. В. Люльев, А. А. Локтев, Б. И. Шавырин и другие в течение 1931–1940 гг. создали ряд новых образцов артиллерийских систем, по своим конструктивным и тактико-техническим данным превосходивших лучшие зарубежные образцы. Это 76-мм дивизионная пушка, 122-мм гаубица, 152-мм пушка, гаубица и гаубица-пушка, 203-мм и 305-мм гаубицы, 305-мм мортира, 45-мм противотанковая пушка, зенитные 37-, 76- и 85-мм пушки. Под руководством конструктора Б. И. Шавырина были созданы новые образцы минометов: 82-мм образца 1937 г., 120-мм полковой миномет образца 1938 г. и 107-мм горно-вьючный миномет образца 1939 г. В предвоенные годы было разработано и новое грозное оружие — реактивные установки.

За пять лет (1934–1938 гг.) количество орудий в войсках Красной Армии возросло на 225 процентов. Из года в год росло производство минометов. Только в 1940 г. по сравнению с 1939 г. оно увеличилось в 10

раз. На 1 января 1939 г. у нас имелось 45 790 орудий против 17 тыс. в 1934 г., то есть в 2,7 раза больше. С мая 1940 г. до начала войны производство орудий росло еще более высокими темпами. За этот срок оно увеличилось более чем в 1,5 раза.

Уровень производства стрелкового вооружения в предвоенные годы вполне обеспечивал потребности Красной Армии. Число пулеметов в войсках к началу войны по сравнению с 1939 г. увеличилось: ручных — на 44 процента, станковых — на 29. По числу пулеметов наша армия превосходила немецкую, однако насыщенность армии автоматическим оружием была у нас ниже. Появились более совершенные образцы стрелкового оружия: самозарядная винтовка Токарева (СВТ, 1938 г.), пистолет Токарева (ТТ, 1933 г.), ручной пулемет Дегтярева (РП, 1927 г.) и станковый пулемет Дегтярева (ДС, 1939 г.), пистолет-пулемет Дегтярева (ППД, 1940 г.).

В 1940–1941 гг. были созданы противотанковые ружья — весьма эффективное оружие в борь-

бе с легкими и средними танками. На вооружение армии поступила новая противотанковая граната, дающая хорошие результаты в борьбе со средними и легкими танками.

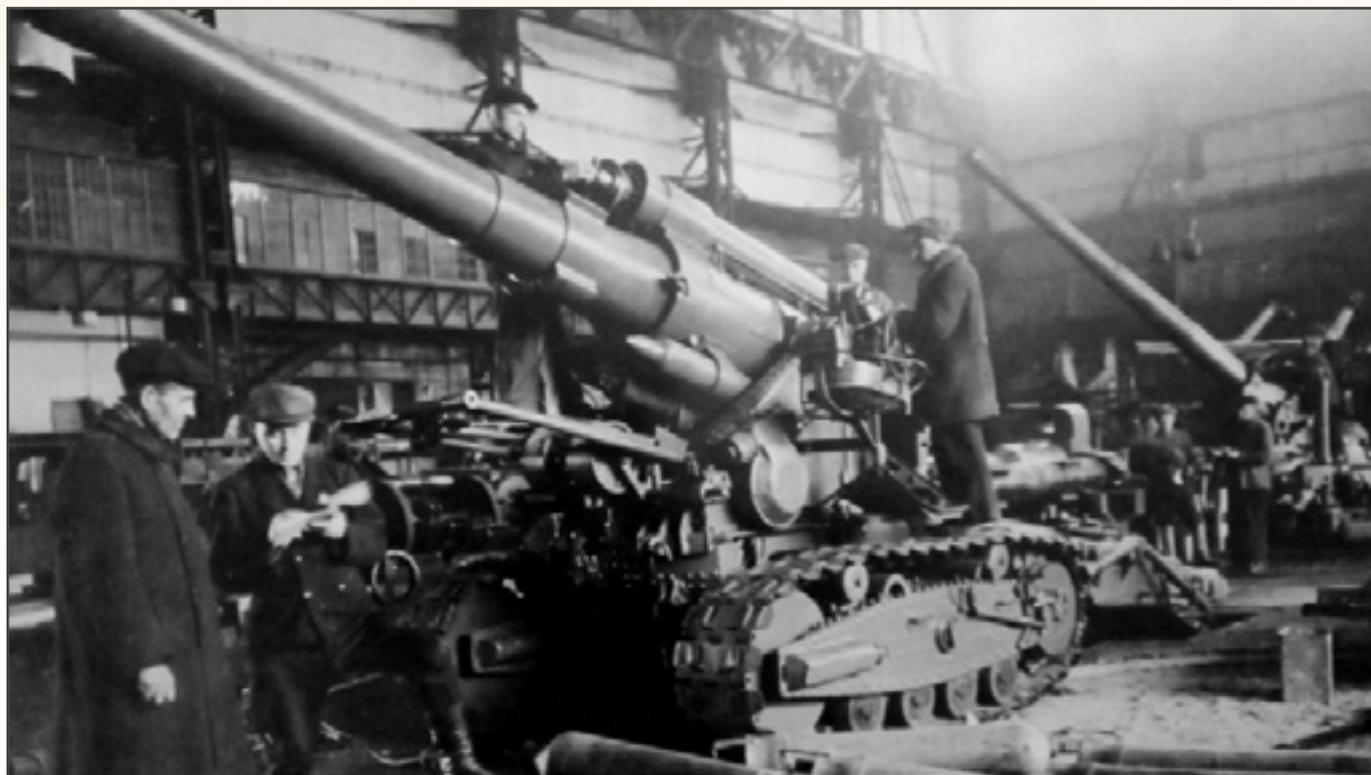
Таким образом, производство боевой техники и вооружения в предвоенные годы в СССР в основном находилось на достаточно высоком уровне и отвечало требованиям того времени, что позволяло оснащать армию новыми средствами вооруженной борьбы.

Перевооружение Красной Армии в предвоенные годы, естественно, требовало и переоснащения специальных родов войск, тыловых частей и учреждений. Поэтому наряду с увеличением выпуска боевой техники и вооружения в предвоенные годы расширялось производство соответствующих технических средств для обеспечения инженерных, дорожных, железнодорожных и автомобильных войск, войск связи, служб снабжения и обеспечения. В предвоенные годы была создана промышленность по производству строительных и дорожных машин. Выпускались

хорошо показавшие себя наплавные парки Н2П и НЛП, паромы, понтоны, совершенные зарядно-осветительные станции АЭС-1 и ЭС-1, силовые электростанции и специальные зарядные станции, а также тяжелые и средние грейдеры, компрессорные станции, катки, механические лопаты, скреперы, лесозаготовительные средства (моторные пилы, лесопильные рамы и станки), подрывные машины ПМ-1, часовые замыкатели, миноискатели и т.д. Кроме того, инженерные войска для добычи воды в полевых условиях пополнялись автофильтрами, водоподъемниками, мелкотрубчатыми колодцами, мешками-бочками, резервуарами на 100 л, насосами, буровыми станциями УА-75 и АВБ-1000, маскировочными средствами и автопоходными мастерскими.

В 1940 г. в стране было выпущено 274 экскаватора, 2104 скрепера, 118 бульдозеров, 693 грейдера, 57 башенных кранов и 139 кранов на автомобильном ходу.

Войска связи оснащались вагонными фронтowymi радиостанция-

▲ На артиллерийском заводе

ми, аэродромными радиостанциями (РАТ), армейскими (2А), корпусными (3А), дивизионными (4А и 11-СК), полковыми (5АК), батальонными (РБ и РБК) и ротными (РРУ, РРС), а также радиоузлами РУК, телефонными коммутаторами КОФ, автомастерскими связи. Производились и поступали в войска другие виды инженерного вооружения и средств связи, которые по своему качеству не уступали немецким. Однако если уровень производства инженерных средств перед войной в основном обеспечивал потребности войск по штатам мирного времени, то производство средств связи, особенно полевых радиостанций, не удовлетворяло их. Имевшиеся в войсках и тылу радиостанции, к сожалению, не обеспечивали радиосвязь на значительные расстояния. Этот недостаток устранялся уже в ходе войны.

В предвоенный период высокого уровня производства достигла автомобильная промышленность, созданная в годы первой пятилетки. По уровню производства грузовых автомобилей Советский Союз в предвоенные годы занимал первое место в Европе и второе в мире. Самого высокого уровня производство автомобилей достигло в 1938 г., когда в нашей стране было выпущено

▲ Завод боеприпасов

211,1 тыс. автомобилей всех типов (из них 180 тыс. грузовых) против 199,9 тыс., в том числе 180,3 тыс. грузовых, в 1937 г.

В составе наших Вооруженных Сил перед войной было около 273 тыс. автомобилей и 42 тыс. тракторов. На случай военных действий предусматривалось использовать наличный автомобильный парк народного хозяйства, насчитывавший на 1 июня 1941 г. 820 тыс. автомобилей, в том числе 700 тыс. грузовых.

В связи с увеличением поставок вооружения начиная со второй половины 1939 г. военно-политическое руководство страны приняло необходимые меры к расширению промышленности, производящей боеприпасы, особенно артиллерийские снаряды и мины. Предусматривалось строительство новых предприятий, реконструкция старых заводов, использование для выпуска боеприпасов ряда гражданских предприятий в военное время. Наркомат боеприпасов должен был значительно увеличить производственные мощности своих снаряжательных заводов и приступить к строительству нескольких заводов по выпуску корпусов снарядов, по производству гильз, по изготовлению порохов. Ввод их в эксплуатацию намечался в 1940 г.

В результате принятых мер в течение 1939–1940 гг. число военных предприятий, занятых изготовлением элементов артиллерийских снарядов, значительно увеличилось.

Придавая особое значение производству боеприпасов, ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили на вторую половину 1941-го и на 1942 год специальный план увеличения выпуска боеприпасов. Была утверждена также программа значительного расширения производственных мощностей артиллерийской промышленности

▲ Горьковский автозавод

▲ Буровые вышки

Наркомата боеприпасов в Центральном районе, на Урале, в Западной Сибири и в других районах страны.

Строительство новых заводов, техническая реконструкция старых предприятий, расширение производственной базы Наркомата боеприпасов в целом и широкое привлечение гражданских предприятий для производства боеприпасов позволили быстро увеличить выпуск их в предвоенные годы.

С ростом технической оснащённости Красной Армии быстро увеличивались и потребности ее в горючем и смазочных материалах. При этом удельный вес горючего в общем объеме материального обеспечения войск неуклонно возрастал. Если в 1934 г. годовая потребность Красной Армии в горючем и смазочных маслах составляла 712 тыс. т, к началу войны она уже возросла до 2 678 тыс. т. Потребность армии в автомобильном и авиационном бензине за восемь предвоенных лет (1934–1941 гг.) увеличилась соответственно со 125 тыс. до 991 тыс. т и со 140 тыс. до 1 148 тыс. т. Возросла номенкла-

тура горючего и смазочных материалов. Накануне войны она составляла до 60 наименований.

Бесперебойное снабжение Красной Армии и Флота горючим и смазочными материалами целиком и полностью зависело от уровня развития нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности.

В конце первой и во второй пятилетке развернулось широкое строительство нефтеперерабатывающих заводов непосредственно в районах потребления горючего. В течение этого времени были построены и введены в эксплуатацию нефтеперерабатывающие заводы в Москве, Ленинграде, Саратове, на Урале, в Азербайджане, Сибири, на Дальнем Востоке общей мощностью 16 млн т переработки сырой нефти в год. Кроме того, в третьем пятилетии народнохозяйственным планом предусматривалось ввести в действие новые нефтеперерабатывающие заводы общей мощностью на 15 млн т переработки сырой нефти в год.

В 1940 г. нефтеперерабатывающая промышленность Советского

Союза произвела: 3 476 тыс. т автомобильного бензина, 1 274,3 тыс. т лигроина, 628,8 тыс. т дизельного топлива, 1 459 тыс. т моторного топлива, 413,2 тыс. т мазута флотского, 1 469,6 тыс. т различных масел. Накануне войны, в первой половине 1941 г., среднемесячное производство нефтепродуктов было на более высоком уровне, чем в первом полугодии 1940-го.

Благодаря настойчивой работе партийных, советских и профсоюзных организаций, развернутому социалистическому соревнованию третий пятилетний план выполнялся успешно. За период 1938–1940 гг. промышленная продукция возросла на 45 процентов.

Большое значение для увеличения объема промышленного производства, укрепления трудовой дисциплины имел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Одним из крупных источников дополнительных трудовых ресурсов в годы войны явилось население, ранее не занятое в общественном производстве, главным образом женщины и подростки. К началу 1940 г. женщины составляли 41 процент всех рабочих и служащих. Увеличение удельного веса женского труда в производстве и рост их трудовой активности имели серьезное оборонное значение.

В предвоенный период остро встал вопрос о подготовке кадров квалифицированных рабочих. Существовавшая система набора рабочей силы путем договоров хозяйственных организаций с колхозами не удовлетворяла потребностей промышленности.

На основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах» была создана новая система подготовки квалифицированных рабочих в ремесленных и железнодорожных училищах, в школах фабрично-заводского обучения.

Трудовые резервы дали стране миллионы квалифицированных рабочих.

В феврале 1941 г. состоялась XVIII партийная конференция. В центре ее внимания находились вопросы дальнейшего укрепления промышленного производства. На конференции был рассмотрен план развития народного хозяйства страны на 1941 год. В ее решениях предусматривалось более быстрое развитие решающих для обороны отраслей народного хозяйства, ликвидация еще сохранившихся в промышленности диспропорций, создание необходимых государственных резервов и мобилизационных запасов.

В предвоенные годы бурно развивалось социалистическое сельское хозяйство нашей страны. Расширялась продовольственная, фуражная и сырьевая база, увеличивались запасы продовольственных и фуражных ресурсов. В 1938–1940 гг. колхозы и совхозы сделали новый шаг по пути превращения сельскохозяйственного производства в крупномеханизированную отрасль народного хозяйства. На 1 января 1941 г. в нашей стране имелось 236,9 тыс. колхозов, 4,2 тыс. совхозов и 7069 машинно-тракторных станций (МТС).

Коллективизация сельского хозяйства СССР на 1 июня 1940 г. охватила 96,9 процента крестьянских дворов. Единоличные крестьянские хозяйства имелись только в Прибалтийских союзных республиках, в областях Западной Белоруссии и Западной Украины, воссоединенных с Советским Союзом в 1939 г. Росла механизация сельскохозяйственного производства и электрификация колхозов и совхозов. К началу 1941 г. в сельском хозяйстве работало 684 тыс. тракторов (в пересчете на 15-сильные), 182 тыс. зерновых комбайнов, 228 тыс. грузовых автомобилей (включая автоцистерны) и много другой сельскохозяйственной техники.

Это позволило расширить посевные площади под зерновые, технические и другие сельскохозяйственные культуры в 1940 г. до 150,6 млн га. Решающее значение для дальнейшего подъема всех отраслей сельского хозяйства, роста благосостояния народа и создания надежной продовольственной базы имело производство зерна, которому партия и правительство уделяли первостепенное и неослабное внимание. Принятые меры

▲ Коллективизация

по повышению урожайности, увеличению валовых сборов зерновых культур дали положительные результаты. В 1940 г. средняя урожайность всех зерновых возросла до 8,6 центнеров с одного гектара, а валовые сборы их достигли 95,6 млн т, в том числе 31,8 млн т пшеницы, 21,1 млн т ржи, 5,2 млн т кукурузы, 12 млн т ячменя, 16,8 млн т овса, 4,39 млн т проса, 1,31 млн т гречихи, 0,30 млн т риса и 2,18 млн т зернобобовых. Увеличились и валовые сборы технических культур. В этом же году было произведено 2,24 млн т хлопка-сырца, 18 млн т сахарной свеклы, 2,64 млн т подсолнечника, 349 тыс. т льноволокна, 76,1 млн т картофеля и 13,7 млн т овощей.

Успехи в сельскохозяйственном производстве, достигнутые самоотверженным трудом колхозников, работников МТС и совхозов, имели неоценимое значение для повышения оборонной мощи Советского государства. В 1941 г. в южных зерновых районах (на Украине, Кубани, в Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях) был выращен богатый урожай зерновых. На базе значительных сборов зерновых и технических культур в 1940 г. в нашей стране были созданы необходимые государственные запасы ржи, пшеницы, овса, муки и крупы,

которые по состоянию на 1 января 1941 г. составили 6162,9 тыс. т. Это позволило создать мобилизационные фонды продовольствия и фуража для 4—6-месячного снабжения личного состава армии на случай войны. Были созданы также резервы и запасы шерсти, хлопка, льноволокна, кожевенного сырья, хлопчатобумажных и шерстяных тканей, обуви и других материалов. Продовольственно-фуражные и сырьевые ресурсы в условиях войны, равно как

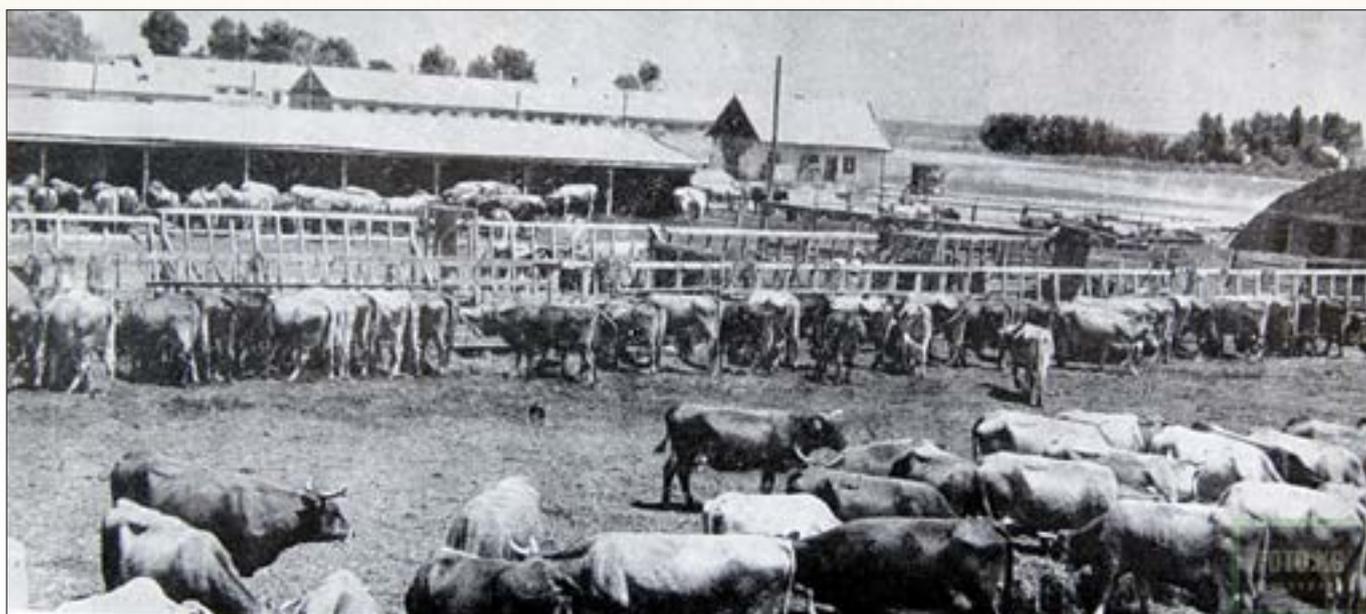
боевая и транспортная техника и вооружение, боеприпасы и горючее, являются средством ведения вооруженной борьбы, без которых ее вести нельзя. «Хлеб, мясо, овощи для армии, — справедливо говорил М. И. Калинин, — столь же необходимы, как и боеприпасы».

Товарная продукция сельского хозяйства и государственные закупки основных продуктов земледелия в 1940 г. показаны в таблице

Продукция	Товарная продукция, млн. т	Государственные закупки, млн. т
Зерно	38,3	36,4
Хлопок-сырец	2,24	2,24
Сахарная свекла	17,4	17,4
Подсолнечник	1,87	1,5
Картофель	12,9	8,5
Овощи	6,1	3,0

Наряду с полеводством развивалась другая важнейшая отрасль сельского хозяйства — животноводство. На 1 января 1941 г. в стране имелось 54,8 млн голов крупного рогатого скота (в том числе 28 млн коров), 27,6 млн свиней, 80 млн овец

и 11,7 млн коз, всего 57 млн голов продуктивного скота в пересчете на крупный. поголовье общественного продуктивного скота в колхозах за 1939—1940 гг. увеличилось с 15,6 млн до 20,1 млн.

▲ Крупный рогатый скот

Рост поголовья скота и его продуктивности позволил увеличить производство мяса, молока, сыра и других продуктов животноводства, а также сырья для промышленности. В 1940 г. в стране было произведено 4,7 млн т мяса, 33,6 млн т молока, 12,2 млрд штук яиц и 161 тыс. т шерсти. Все это позволило не толь-

ко улучшить питание населения и личного состава армии и флота, но и создать необходимые мобилизационные и государственные запасы. Товарная продукция и государственные закупки основных продуктов животноводства в 1940 г. показаны в таблице

молока, 211 сахарных заводов, 416 хлебозаводов, 111 кондитерских фабрик, 49 макаронных фабрик, 34 табачные фабрики, 34 чайные фабрики и большое количество мукомольных и крупорушных, маслобойных предприятий, консервных и других заводов и фабрик пищевой промышленности. Заново было организовано производство новых видов пищевых продуктов — маргарина, пищевых концентратов, свежемороженой фруктов и овощей, витаминов и витаминизированной пищевой продукции.

Основную роль в производстве продукции, идущей для снабжения армии и флота, населения страны, играли крупные предприятия пищевой промышленности, оснащенные высокопроизводительным оборудованием, внедрившие в технологию

Продукция	Товарная продукция	Государственные закупки
Скот и птица (в весе мелкого скота), млн. т	Сведений нет	2,2
То же, в пересчете на убойный вес — мясо, млн. т	2,6	1,3
Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко), млн. т.	10,8	6,5
Яйца, млрд. шт.	4,7	2,7
Шерсть, тыс. т	120	120

Приведенные в табл. 2 и 3 данные свидетельствуют, что перед войной в стране была создана необходимая продовольственно-фуражная база, позволявшая планомерно и бесперебойно обеспечивать население и Вооруженные Силы продовольствием и фуражом, а промышленность — сырьем.

В годы предвоенных пятилеток в Советском Союзе была создана крупная пищевая промышленность. За две первые пятилетки вошли в строй 21 мясокомбинат, 152 маслодельных и молочных завода, 256 хлебозаводов, 91 консервный завод, 14 сахарных заводов и много других предприятий, в том числе такие крупные заводы и фабрики, как Ленинградский и Свердловский молочные комбинаты, Московский мясокомбинат, Воронежская, Курская и Горьковская кондитерские фабрики и другие. Новые сахарные заводы были построены в Казахской и Киргизской ССР, в Алтайском, Приморском и Красноярском краях, а консервные заводы — в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Казахстане. К началу 1940 г. в стране работало 423 мясокомбината, 192 птицекомбината, 9577 заводов по переработке

▲ Вспашка

производства последние достижения науки и техники. К 1940 г. энергетическая мощность, обеспечивающая производственный процесс в пищевой промышленности, составила 1 267 тыс. квт, в том числе 456 тыс. квт приходилось на механические двигатели, 784 тыс. квт — на моторы и 27 тыс. квт — на электроаппараты. Это позволило механизировать процессы производства пищевых продуктов, ввести более совершенную технологию, снизить затраты труда на выпуск этих продуктов.

Продукция	1940 г.
Сахар-песок, тыс. т	2165
Мясо (включая субпродукты первой категории), тыс. т	1501
Улов рыбы, добыча морского зверя, китов и морпродуктов, тыс. т	1404
Масло животное, тыс. т	226
Масло растительное, тыс. т *	798
Маргарин и комбиджиры, тыс. т	121
Цельномолочная продукция в пересчете на молоко, млн. т	1,3
Консервы, млн. условных банок	1113
В том числе:	
мясные и мясо-растительные	108
рыбные	120
овощные	109
молочные	70,4
Кондитерские изделия, тыс. т	790
Макаронные изделия, тыс. т	324
Соль (добыча), млн. т	4,4
Мыло (в пересчете на 40-процентное содержание жирных кислот) и синтетические моющие средства, тыс. т	700

* Данные относятся к промышленному производству и не включают производства в хозяйствах населения, а по мясу и цельномолочной продукции — и производства колхозов.

Особенно высокими темпами развивалась консервная промышленность, которая увеличила выпуск продукции в 1940 г. по сравнению с 1913 г. почти в 10 раз, макаронная — в 11 раз, кондитерская — в 6,3 раза, сахарная, производство животного и растительного масла.

Появление в предвоенные годы многих отраслей пищевой промышленности в новых районах и промышленных центрах страны, особенно на востоке, более равномерное размещение их по территории страны позволили более полно использовать природно-климатические ус-

ловия для увеличения производства продуктов питания и в значительной степени ликвидировать дальние и нерациональные железнодорожные перевозки, что имело большое народнохозяйственное и оборонное значение.

В годы предвоенных пятилеток высокими темпами развивалась и легкая промышленность, снабжавшая Красную Армию и Военно-Морской Флот вещевым имуществом. По объему производства некоторых изделий легкой промышленности в предвоенные годы Советский Союз вышел на первое место в Европе и второе место в мире. Валовая продукция всей легкой промышленности в СССР в 1940 г. возросла в 4,9 раза по сравнению с 1913 г.

Создание мощной тяжелой индустрии позволило коренным образом реконструировать старые текстильные фабрики и создать новые хлопчатобумажные комбинаты и предприятия по производству шерстяных тканей, трикотажных и льняных изделий, швейные фабрики, кожевенно-обувные комбинаты и обувные фабрики. В 1940 г. в нашей стране было выпущено 1312 чесальных машин для хлопка, 1109 прядильных машин, 1823 ткацких станка, в том числе 1735 автоматических, и 20 280 швейных промышленных машин. Таким образом, за предвоенные годы было создано отечественное производство оборудования для легкой промышленности, в основном был разрешен вопрос и с ее сырьевой базой. В результате непрерывного

увеличения производства хлопка, по валовому сбору которого СССР в 1940 г. занял первое место в мире, и льна хлопчатобумажная и льняная промышленность перед войной стала обеспечиваться почти полностью отечественным сырьем. Имелись заметные успехи и в производстве натуральной шерсти. В Советском Союзе в 1940 г. было получено 120 тыс. т товарной шерсти. Но вследствие незначительного роста поголовья овец шерстяная промышленность не обеспечивалась в полной мере сырьем. Уровень развития животноводства в стране пока еще не мог полностью удовлетворить потребности кожевенно-обувной промышленности в кожах для производства подошвы, юфти, хрома, снаряжения и упряжи. В целях удовлетворения потребностей кожевенно-обувной промышленности в сырье в третьем пятилетии были приняты важные решения по развертыванию производства различных заменителей кожи. Промышленное освоение

и расширение производства синтетического каучука, заменителей кожи и других искусственных материалов резко увеличило общие ресурсы сырья для изготовления одежды и особенно обуви в предвоенные годы.

В этот период легкая промышленность не только коренным образом реконструировалась и переоснащалась в техническом отношении, но и превращалась в концентрированное и крупное производство. Происходило постоянное совершенствование техники и технологии производства, внедрялась механизация и поточные методы работы, улучшались условия труда, расширялась и качественно улучшалась сырьевая база. В частности, в хлопчатобумажной промышленности в 1940 г. удельный вес автоматических станков возрос до 16,7 процента против 10,7 в 1932 г.

Производство отдельных видов продукции легкой промышленности перед войной показано в таблице

Продукция	1940 г.
Ткани всех видов, млн. пог. м	4522
В том числе:	
хлопчатобумажные	3954
шерстяные	120
льняные	285
шелковые	77
Чулочно-носочные изделия, млн. пар	485
Бельевой трикотаж, млн. шт.	124
Верхний трикотаж, млн. шт.	59
Изделия с применением химических волокон (шелковые ткани), млн. пог. м	39,4
Обувь кожаная, млн. пар	211

В связи с увеличением численности армии и флота Политбюро ЦК ВКП(б), Совет Народных Комиссаров СССР приняли ряд мер по изысканию дополнительных возможностей для увеличения производства вещевого имущества, создания необходимых мобилизационных запасов.

В 1940 г. вопрос о поставках вещевого имущества дважды обсуждался в Центральном Комитете партии и шесть раз в Экономическом Совете при СНК СССР. План поставок вещевого имущества для армии в 1940 г. был выполнен.

Таким образом, перед началом войны Советский Союз распола-

гал большими производственными мощностями легкой промышленности во всех экономических районах, позволяющими неуклонно расширять производство обмундирования, обуви и снаряжения в ходе вооруженной борьбы. В создании этих мощностей еще раз проявилась повседневная забота партии, Советского правительства и всего нашего народа об укреплении обороноспособности СССР в предвоенные годы.

Военно-экономическая подготовка страны к войне, создание материально-технической базы для всестороннего обеспечения Советских Вооруженных Сил были немыслимы без развитого, бесперебойно работающего в мирное и в военное время транспорта. Партия и Советское правительство в предвоенные годы неустанно заботились о всестороннем развитии всех видов транспорта — железнодорожного, водного (морского, речного, озерного), автомобильного, воздушного, трубопроводного, о превращении его в важнейший фактор обороноспособности СССР.

Состояние и возможности каждого вида транспорта, степень его готовности накануне войны к выполнению огромнейшего объема воинских перевозок с началом и в ходе войны были различны. Самую высокую готовность имел железнодорожный транспорт. В годы предвоенных пятилеток в стране были выполнены большие мероприятия по его дальнейшему развитию и реконструкции. В результате строительства железных дорог протяженность их к 1941 г. увеличилась до 106,1 тыс. км (почти вдвое по сравнению с 1913 г.), а грузооборот возрос в 6 раз. Протяженность электрифицированных линий железных дорог к началу 1941 г. увеличилась до 1,9 тыс. км (2 процента общей эксплуатационной длины). Техническая реконструкция железных дорог позволила резко увеличить их пропускную способность. В результате ввода в эксплуатацию новых линий значительно улучшилось начертание железнодорожной сети и связь центральных районов страны с приграничными районами.

Густота железных дорог в 1940 г. составила 4,8 км на 1000 кв. км территории против 3,2 км в 1913 г., то есть увеличилась в 1,5 раза.

В предвоенные годы большое внимание уделялось дальнейшему развитию средств тяги и подвижного состава. Были построены новые и коренным образом реконструированы старые паровозостроительные и вагоностроительные заводы, из года в год увеличивался выпуск локомотивов большой мощности, вагонов, платформ, цистерн высокой грузоподъемности. В 1940 г. было выпущено 914 магистральных паровозов, 9 магистральных электровозов (29,4 тыс. л. с.), 30,9 тыс. грузовых магистральных вагонов и 1051 пассажирский вагон. Численность паровозного парка в этом году по сравнению с 1913 г. возросла на 40 процентов, а вагонного — на 50, общая сила тяги паровозного парка и общая грузоподъемность парка вагонов увеличилась в 2,5 раза. На железнодорожных магистралях страны появились мощные локомотивы (паровозы ФД и ИС). Увеличился и ка-

чественно улучшился вагонный парк, который пополнился главным образом за счет большегрузных вагонов. Введение автосцепки, автотормозов, автоблокировки, переход ряда железнодорожных линий на электрическую и тепловую тягу резко улучшили работу железных дорог перед войной.

Техническая реконструкция железнодорожных магистралей, обеспечение их новыми мощными паровозами и большегрузными вагонами позволили в 1940 г. увеличить средний вес брутто грузового поезда (все виды тяги, включая передаточные и вывозные поезда широкой колеи) до 1301 т, на электровозной тяге — 1367 т и тепловозной тяге — 1343 т. Средняя техническая скорость движения грузовых поездов возросла до 33,1 км в час, среднесуточная скорость (все виды тяги) — до 20,3 км в час, среднесуточный пробег грузовых вагонов увеличился до 139,9 км, локомотивов в грузовом движении — до 367 км. Заметно уменьшилось время оборота вагонов. В начале 1941 г. ежесуточная погрузка уже

превысила 100 тыс. вагонов против 27 тыс. в 1913 г., то есть возросла почти в четыре раза.

Все это обеспечило значительное увеличение грузооборота железных дорог по сравнению с 1913 г., что свидетельствует о высокой экономической эффективности работы железнодорожного транспорта нашей страны в предвоенные годы. В 1940 г. железнодорожным транспортом страны перевезено: 1343,5 млн человек, 592,6 млн т грузов, в том числе 152,5 млн т каменного угля и кокса, 29,5 млн т нефти и нефтепродуктов, 27,1 млн т черных металлов (включая лом), 35,2 млн т руды, 42,8 млн т продукции лесной промышленности и 44,6 млн т хлебных грузов. Такой колоссальный объем перевозок был достигнут в результате резкого повышения технического уровня железных дорог, быстрого роста веса поездов, подъема производительности труда на погрузочно-разгрузочных работах, лучшего и более эффективного использования транспортных средств и внутренних резервов железнодорожного транспорта.

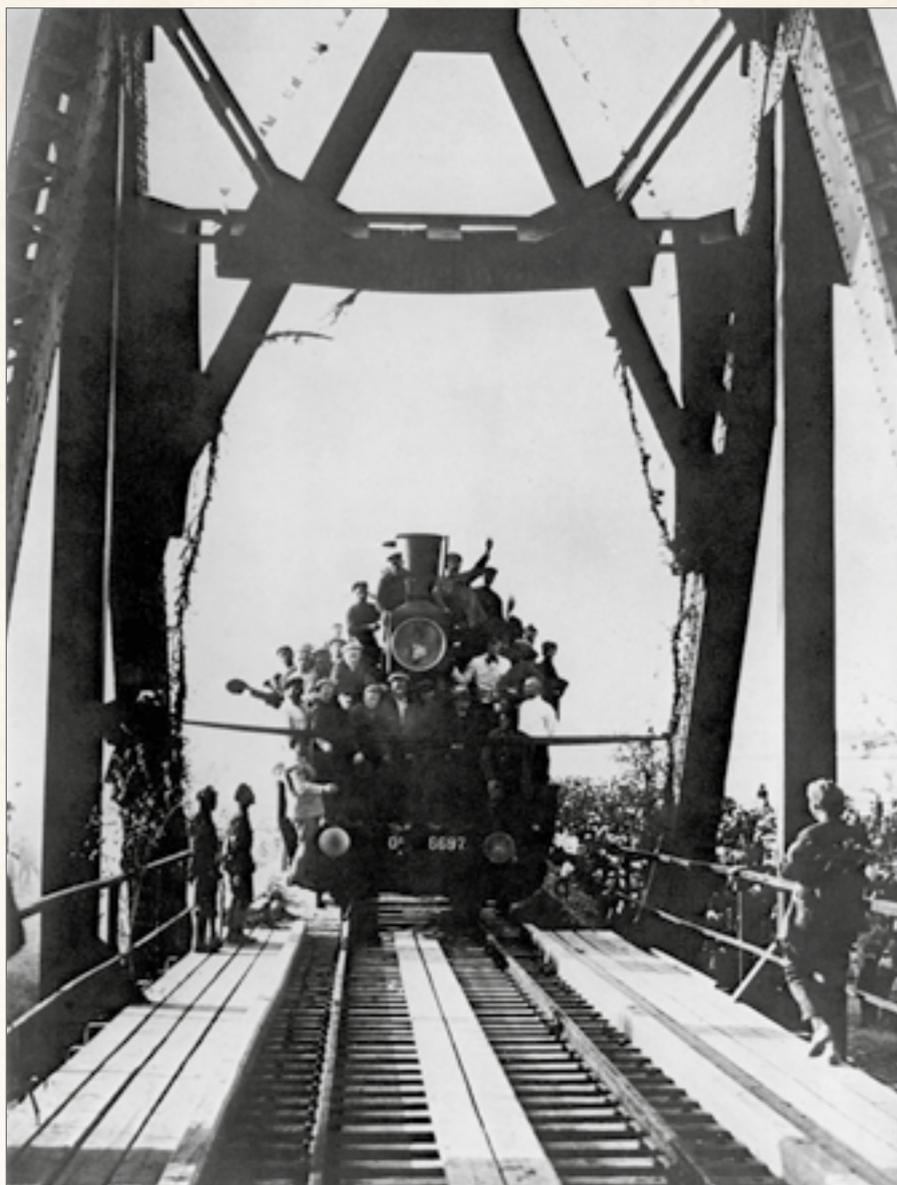

▲ Прокладка железнодорожного пути

В ходе реконструкции железнодорожного транспорта и железнодорожного строительства одновременно решались задачи мобилизационной подготовки железных дорог. В крайне ограниченные сроки был построен и введен в эксплуатацию ряд весьма важных в хозяйственном и оборонном отношении железнодорожных линий и участков: на западном направлении — Тула — Рославль, Брянск — Вязьма, Ворожба — Унеча, Чернигов — Овруч, Орша — Лиепель, Бологое — Себеж, Новосокольники — Жлобин, Кингисепп — Псков — Полоцк и другие; на юго-западном направлении — Фастов — Новоград-Волынский, Фастов — Пятихатка, Погребище — Константинов; на южном — Алят — Джульфа, Османлы — Астра, Термез — Сталинабад (Душанбе) и другие; на Дальнем Востоке — Манзовка — Турий Рог, Биробиджан — Ленинск, Барановский — Краскино, Завитая — Пярково, Борзя — Баин-Тумэн. Одновременно с этим была увеличена пропускная способность ряда важных в народнохозяйственном и тыловом отношении железных дорог фронтального направления, подводящих к государственным границам: Бологое — Полоцк, Смоленск — Витебск, Москва — Минск — Негорелое, Брянск — Гомель — Калининичи, Курск — Киев — Жмеринка, Бахмач — Гомель — Минск и другие. Кроме того, на всем протяжении Восточно-Сибирской магистрали от ст. Карымская до Владивостока были уложены вторые пути. Большое народнохозяйственное и оборонное значение имели и такие железные дороги, как Челябинск — Троицк, Орск — Оренбург, Челябинск — Каменск, Свердловск — Курган, Казань — Свердловск и другие, построенные в предвоенные годы и связывающие промышленный Урал с центром страны.

В результате строительства и реконструкции почти всей железнодорожной сети страны пропускная способность железных дорог по важнейшим направлениям накануне войны возросла в 2–3 раза по срав-

▲ По новому мосту

нению с 1913 г. Пропускная способность железных дорог фронтального направления, из центральных районов страны к западной государственной границе 1939 г. значительно увеличилась в 1940 г.

Наличие фронтальных железнодорожных направлений в западных приграничных военных округах и их пропускная способность в общем создавали благоприятные условия для сосредоточения в мобилизационный период группировок войск, сил и средств тыла, бесперебойного подвоза материальных средств до рубежа государственной границы 1939 г. Труднее обстояло дело

на территориях западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтийских республик и Бессарабии, воссоединенных с Советским Союзом. Сеть железных дорог здесь оказалась слабой, пропускная способность низкой. Учитывая это, Генеральный штаб по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительства вместе с Наркоматом путей сообщения в крайне сжатые сроки разработал план нового железнодорожного строительства, развития и коренной реконструкции железных дорог в западных приграничных военных округах. Этот план предусматривал увеличение пропускной способно-

сти железнодорожных направлений, подходящих к западным границам СССР.

Начавшаяся война помешала выполнить как этот, так и другие планы по дальнейшему развитию железнодорожного транспорта страны. Несмотря на это, по своему техническому состоянию и оснащению, пропускной и провозной способности важнейших железнодорожных направлений и достигнутому уровню эксплуатационной работы железнодорожный транспорт Советского Союза с началом мобилизации и в ходе военных действий был в состоянии обеспечивать выполнение огромных по своему масштабу воинских и народнохозяйственных перевозок.

Важную роль в мобилизационной подготовке железных дорог сыграла разработка воинских графиков движения поездов. В начале 1941 г. Генеральным штабом и Наркоматом путей сообщения был разработан воинский литерный график, который создавал благоприятные условия для выполнения массовых воинских перевозок с началом войны на ряде наиболее важных железнодорожных направлений. В нем были отражены изменения в протяженности, тех-

ническом состоянии и пропускной способности железных дорог нашей страны, происшедшие после разработки предыдущего воинского графика в 1938 г. Новым графиком была установлена унифицированная норма веса воинских поездов — 900 т при длине 120 условных осей для железных дорог запада страны и ряда других железнодорожных направлений. Установление нового веса воинского поезда позволило увеличить на этих направлениях размеры движения и скорости следования воинских оперативных и снабженческих поездов с началом мобилизации. В целях обеспечения ввода воинского графика в действие с началом, мобилизации предусматривалось открытие законсервированных в мирное время разъездов, пунктов водоснабжения, тяговых, экипировочных и других устройств. Планировалось также перемещение на приграничные дороги и подходящие к ним направления, где увеличивалось движение воинских поездов, недостающего локомотивного парка и эксплуатационных кадров.

Генеральный штаб заблаговременно (21 февраля 1941 г.) направил Наркомату путей сообщения план

воинских перевозок на период мобилизации. На его основании Наркомат путей сообщения установил среднесуточную погрузку на железнодорожной сети в первые дни мобилизационного периода, количество вагонов, в том числе 35 процентов вагонов воинских перевозок. Устанавливая эту норму, Народный комиссариат путей сообщения значительно сократил общесетевую среднесуточную погрузку, что создавало благоприятные условия для выполнения воинских перевозок с началом мобилизации. Для их осуществления выделялось необходимое количество паровозов из 27,9 тыс. (в том числе 22,6 тыс. грузовых), имевшихся на железных дорогах страны, что обеспечивало движение поездов по воинскому графику.

Правда, на 18 железных дорогах из 54, имевшихся в западных приграничных военных округах и выполнявших наиболее интенсивные воинские перевозки с началом войны, недоставало 228 паровозов «ФД» (имелось всего 136 локомотивов, а требовалось 364). Это вызвало необходимость с объявлением мобилизации осуществить пере-

группировку локомотивного парка на железных дорогах европейской части СССР. Недостающие паровозы с бригадами должны были поступать на Западную железную дорогу с третьего дня мобилизации одновременно с нарастанием объема воинских перевозок.

Для обеспечения воинских перевозок в мобилизационный период планировалось использовать десятки тысяч порожних вагонов из запаса Наркомата путей сообщения. Предусматривалось также осуществить маневр вагонным парком между дорогами, резко сократить погрузку народнохозяйственных грузов на ряде железных дорог для высвобождения подвижного состава под воинские перевозки.

Важное значение в системе мобилизационной подготовки железнодорожного транспорта имело создание на железных дорогах, особенно западных приграничных военных округов, запасов материальных средств для обеспечения устойчивой работы железных дорог в начальный период войны и своевременное отмобилизование различных подвижных учреждений Наркоматов обороны и пу-

тей сообщения. С этой целью были созданы специальные и неприкосновенные запасы строительных материалов и запасных частей для обеспечения ремонта подвижного состава в первые месяцы войны, мобилизационный запас топлива, запасы материалов и оборудования для восстановления фронтовых железнодорожных участков.

Для обслуживания перевозимых войск на железных дорогах страны были подготовлены к развертыванию военно-продовольственные пункты, в том числе подвижные, агитационные и изоляционно-пропускные пункты. На многих железнодорожных узлах на путях приема воинских поездов были установлены кипятильники, ларьки, водоразборные колонки и другие устройства. Для обеспечения погрузки и выгрузки войск, боевой и транспортной техники, вооружения, боеприпасов и других материальных средств было изготовлено и заложено в запас необходимое количество разборных воинских платформ.

Большая работа проводилась и по подготовке сети автомобильных

дорог. Быстрый рост в стране парка автомобилей и тракторов, неуклонное повышение моторизации Советской Армии настоятельно требовали их коренной реконструкции, и в первую очередь в западных приграничных военных округах. В течение тринадцати лет (с 1928 по 1940 г.) в стране было построено свыше 80 тыс. км дорог с твердым покрытием. В 1940 г. их протяженность составила 143,4 тыс. км — почти в 4 раза больше, чем в 1913 г. Средняя плотность дорог с твердым покрытием к этому времени достигла 0,64 км на 100 кв. км территории, что в четыре с лишним раза превышало плотность дорог дореволюционной России.

В СССР ежегодно строилось и вводилось в эксплуатацию от 8 до 10 тыс. км дорог с твердым покрытием, в том числе 800—1000 км усовершенствованных. Однако большинство вновь построенных автомобильных дорог имело узкую проезжую часть и ограниченную прочность дорожного покрытия. Это приводило к ограничению движения автомобильного транспорта, особенно в весенне-осеннюю распутицу. Во втором пятилетии началась реконструкция и строительство ряда сквозных автомобильных дорог большой протяженности. Перед войной было начато строительство автомагистралей Москва — Минск и Москва — Киев с прочным и широким покрытием проезжей части, допускавшим бесперебойное четырехполосное движение автомобилей в любое время года. К началу войны на автостраде Москва — Минск было выполнено примерно 70 процентов намеченных работ. На всем протяжении этой дороги к 22 июня 1941 г. возведено земляное полотно, построены капитальные мосты, на участке Москва — Борисов уложено асфальтовое покрытие, а на автомагистрали Москва — Киев строители успели заложить только участок от Москвы до Наро-Фоминска.

Был реконструирован ряд шоссейных дорог, главным образом тех, которые подходили к крупным городам (расширена их проезжая часть

до 6–7 м, усилено твердое покрытие): от Москвы до Ярославля, Калинина, Горького, Орла, Можайска, Волоколамска, а также подходы к Ленинграду, Киеву и другим крупным городам. Были частично реконструированы или капитально отремонтированы на всем протяжении автомобильные дороги Ленинград — Киев, Подольск — Слуцк, Орел — Витебск, Орел — Москва и другие.

По решению ЦК ВКП(б) и Советского правительства в 1940–1941 гг. развернулись значительные дорожные работы по строительству новых шоссейных дорог в западных приграничных районах (Орша — Лиепель, Львов — Перемышль, Белая Церковь — Казатин), имевших важное народнохозяйственное и оборонное значение. На многих автомобильных дорогах в это время сооружались новые мостовые переходы. Еще больший объем дорожных и мостовых работ был предусмотрен на 1941–1943 гг. Планировалось построить автомагистрали Москва — Минск — Брест, Харьков — Киев, Киев — Одесса и другие.

Из построенных и введенных в эксплуатацию в предвоенные годы трактов и автомобильных дорог следует отметить также Амуро-Якут-

ский, Чуйский, Усинский, Памирский (Ош-Хорогский), Большой Узбекский тракты, автомобильную дорогу Хабаровск — Владивосток. По автомобильным дорогам СССР в 1940 г. было перевезено 858,6 млн т грузов, в том числе 15,5 млн т автомобильным транспортом общего пользования.

Дорожное строительство потребовало быстрого развития отечественного дорожного машиностроения, создания дорожно-строительных, мостостроительных и дорожно-эксплуатационных частей и органов управления ими. В короткий срок машиностроительные заводы страны освоили серийное производство ряда дорожных машин. К началу войны были разработаны и проходили испытания новые, более совершенные дорожные машины — грейдер-элеватор для постройки цементобетонного покрытия, автогудронатор, автокраны, пневматические сваебойные молоты, автогрейдеры, снегоуборщики различных типов и другое оборудование. Увеличивающийся выпуск уже имевшихся дорожных машин и механизмов в предвоенные годы позволил оснастить дорожное хозяйство страны тракторами, грейдерами, скреперами, катками и другой

дорожной техникой и механизмами, в значительной степени механизировать на основных стройках наиболее тяжелые и трудоемкие работы.

Одновременно с развитием дорожного строительства расширялась и улучшалась подготовка специалистов дорожной службы. Накануне войны инженеров-дорожников готовили два факультета Московского и Ленинградского институтов инженеров путей сообщения, пять автомобильно-дорожных институтов и многие дорожные техникумы. Ежегодно выпускалось свыше тысячи инженеров и более двух тысяч техников-дорожников, в том числе 30–40 процентов специалистов по дорожным машинам.

Развивались и совершенствовались формы и способы организации управления дорожным хозяйством страны и армии. В целях преимущественного развития автомобильных дорог общегосударственного и оборонного значения эти дороги были выделены в особую группу и переданы в ведение образованного в 1936 г. Главного управления шоссейных дорог (Гушосдор) Народного комиссариата внутренних дел СССР. В него входили управления (Ушосдоры), ведавшие эксплуа-

тацией и ремонтом автомобильных дорог в границах определенных административных районов. В составе Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР было создано семь дорожно-строительных трестов и мостовой трест. Для ремонта и содержания наиболее важных автомобильных дорог в эксплуатационном состоянии учреждался ряд управлений дорог.

По состоянию на 1 января 1941 г. силами и средствами дорожных организаций содержалось и обслуживалось 57,8 тыс. км дорог. Все

остальные дороги поддерживались в проезжем состоянии силами местного населения, колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций и предприятий.

Военно-политическое руководство страны уделяло также большое внимание развитию морского и речного транспорта, который, по существу, пришлось создавать заново, так как в годы первой мировой и гражданской войн ему был нанесен колоссальный ущерб. С этой задачей наша социалистическая промышленность справилась

успешно. К началу войны Советский Союз располагал значительным торговым и речным флотом, суда которого предполагалось использовать для обеспечения боевых сил флотов. По состоянию на 1 января 1941 г. торговый флот имел в своем составе 530 судов общей грузоподъемностью 1,47 млн т, в том числе 451 сухогрузное судно грузоподъемностью 1,14 млн т и 79 наливных судов грузоподъемностью 0,33 млн т. Распределение этих судов по морским бассейнам показано в таблице

Бассейн	Сухогрузный флот				Наливной флот			
	количество судов		грузоподъемность		количество судов		грузоподъемность	
	шт.	%	т	%	шт.	%	т	%
Балтийский	138	30,7	337 699	29,7	—	—	—	—
Северный	88	19,5	233 509	20,5	—	—	—	—
Азово-Черноморский	95	21,0	201 723	17,8	16	20,2	115 790	34,8
Тихоокеанский	88	19,5	329 790	29,0	5	6,3	30 570	9,2
Каспийский	42	9,3	34 252	3,0	58	73,5	187 370	56,0
Итого	451	100	1 136 473	100	79	100	337 730	100

▲ Военно-морской флот, крейсер Киров

▲ Военно-морской флот

Самый многочисленный транспортный флот был на Балтике. Но в военное время он не имел выхода из Балтийского моря в связи с закрытым характером этого бассейна.

Транспортный флот открытых Северного и Дальневосточного бассейнов считался основным транспортным средством для обеспечения боевых действий сил флота и войск приморских армий. Кроме того, как в мирное, так и в военное время его можно было использовать для внутренних и внешних перевозок народнохозяйственных грузов, особенно для завоза в навигационный период снабженческих грузов в арктические районы, а также из европейской части СССР на Дальний Восток по Северному морскому пути и обратно.

Транспортный флот Каспия в мирное и военное время являлся главным связующим звеном между республиками Закавказья и Средней Азии. Располагая значительным танкерным флотом, он выполнял

одну из важных народнохозяйственных и оборонных задач по перевозке нефти и нефтепродуктов из Баку в Астрахань для перегрузки горючего на волжские наливные суда, а также в порты Махачкала, Красноводск и Гурьев для передачи на железную дорогу.

Одновременно со строительством морского транспортного флота большие работы проводились по реконструкции, расширению и новому строительству морских портов во всех пяти бассейнах. Многие морские порты были оборудованы механизированными причалами и другими портовыми сооружениями, а на побережье Северного Ледовитого океана созданы новые порты — Беломорск, Диксон, Тикси, Провиденция и другие.

Мобилизационная подготовка морского транспорта в предвоенные годы осуществлялась Наркоматом морского флота по согласованию с Наркоматом Военно-Морского Флота, Наркоматом обороны и Наркоматом внутренних дел СССР

главным образом по линии подготовки средств водного транспорта к выполнению массовых воинских перевозок с началом мобилизации и в ходе войны, выделения и специального переоборудования морских транспортных судов под боевые корабли и вспомогательные суда ВМФ, а также передачи для нужд Военно-Морского Флота ряда гаваней, причалов в портах и других портовых сооружений и объектов. В этих целях предусматривалось, что Наркомат морского флота передаст в состав Военно-Морского Флота с началом мобилизации определенное количество транспортных судов.

В том же направлении осуществлялась мобилизационная подготовка речного флота. В 1940 г. общая протяженность речных и других внутренних водных путей в стране увеличилась до 107,3 тыс. км против 59,4 тыс. км в 1913 г., то есть почти вдвое. В предвоенные пятилетки были построены Беломорско-Балтийский канал, канал Москва — Волга (имени Москвы), коренным

образом реконструированы Днепро-Бугский канал, Мариинская, Северо-Двинская и другие водные системы на северо-западе и западе страны. Большое значение имела постройка перевалочного порта на р. Припять.

Важную роль в выполнении оперативных и снабженческих перевозок в случае войны приобретала Волга и реки ее бассейна Кама и Ока. Волга с глубоководными притоками и искусственными сооружениями, соединяющими ее с мощ-

ными притоками и озерами севера и северо-запада, являлась основной тыловой водной магистралью и могла широко использоваться для водных перевозок в военное время. Одновременно с этим она была рокадой, обеспечивавшей подачу снабженческих грузов на любые фронтовые железнодорожные направления, идущие к западным границам.

Наличие речного транспортно-го флота по основным внутренним водным бассейнам к началу войны показано в таблице

Как видно из таблицы, Волжско-Камский бассейн располагал самым большим количеством сухогрузных и наливных судов. Это позволяло осуществлять здесь широкий маневр грузопотоками и значительно разгружать железные дороги от напряженных народнохозяйственных и воинских перевозок. Особенно много перевозилось по Волжско-Камскому бассейну нефти и нефтепродуктов из Баку в центральные и северные районы страны. Для приема нефтепродуктов в основных портах Волги — Астрахани, Сталинграде, Камышине, Саратове, Куйбышеве, Ярославле, Рыбинске и Других, где производилась перегрузка горючего и смазочных материалов с водного на железнодорожный транспорт, в предвоенные годы были сооружены сотни резервуаров большой емкости.

В 1940 г. грузооборот речного транспорта возрос до 36,1 млрд тонно-километров против 28,5 млрд тонно-километров в 1913 г., то есть в 1,3 раза. В этом же году было перевезено 73,1 млн т грузов — почти в 2,3 раза больше, чем в 1913 г.

Районы страны	Количество судов			
	самоходный флот		несамоходный флот	
	ед.	%	ед.	%
На реках и озерах северо-запада	918	26,2	2165	37
На реках юга и запада	600	17,1	563	9,6
На реках и озерах Сибири и Дальнего Востока	625	17,8	914	15,6
На реках Волжско-Камского бассейна	1351	38,9	2224	37,8
Итого	3494	100	5866	100

В мероприятиях по мобилизационной подготовке речного транспорта особое внимание обращалось на подготовку в военном отношении речных систем запада и северо-запада нашей страны. В частности, для дублирования мостовых переходов через крупные реки в западных приграничных военных округах предусматривалось навести с началом мобилизации наплавные мосты. С этой целью Наркомат речного флота должен был выделить для Наркомата обороны буксиры и баржи, а также оборудовать санитарно-транспортные суда. Предусматривалось также, что Наркомат речного флота выделит в распоряжение частей Наркомата внутренних дел катера для охраны и обороны железнодорожных мостов через крупные водные преграды. Военно-Морскому Флоту планировалось передать из состава речного флота приграничных бассейнов часть лучших транспортных судов, пере-

борудованных для перевозок материальных средств войскам и силам флота. Одновременно предусматривалось держать в резерве необходимое количество таких же судов.

В интересах повышения мобилизационной готовности водного транспорта в конце 1937 г. на морских бассейнах, где имелись военные флоты и флотилии, были созданы линейные органы водных воинских перевозок (управления начальников военно-транспортной службы). Кроме того, в 1940 г. были образованы: управления начальников водных воинских перевозок на Волжско-Камском (в Куйбышеве) и Днепровском бассейнах, переданные Управлению военных сообщений Красной Армии Наркоматом Военно-Морского Флота; управления начальников водных воинских перевозок на Московско-Волжском, Северном и Северо-Западном бассейнах. В Прибалтийском, Ленин-

градском, Западном и Одесском военных округах в этом же году были сформированы отделения водных воинских перевозок при отделах военных сообщений штабов округов. Руководство подготовкой внутренних водных путей (кроме Амурского и Северо-Западного бассейнов) было возложено на Управление военных сообщений Советской Армии. Управления начальников водных воинских перевозок Амурского и Северо-Западного бассейнов находились в подчинении начальника военных сообщений Военно-Морского Флота.

В годы предвоенных пятилеток советский народ, руководимый партией большевиков, возглавляемой И. В. Сталиным, создал лучший в мире воздушный транспорт. Уже в первом пятилетии самолеты транспортной авиации покрыли 17 млн км, перевезли десятки тысяч пассажиров и около полутора

▲ С.В. Ильюшин на авиационном заводе

тысяч тонн грузов. В стране вошло в строй до 30 новых авиационных линий, в том числе первый участок Транссибирской воздушной магистрали Москва — Иркутск. В общей сложности протяженность сети воздушных линий к концу первой предвоенной пятилетки достигла 36 тыс. км. По протяженности авиационных магистралей СССР занял второе место в мире. Подводя итоги первой пятилетки в области развития гражданской авиации, В. В. Куйбышев указывал: «...Характерным показателем нашего движения вперед в области авиации в течение первой пятилетки являются размеры капиталовложений в авиационное дело. Мы за эту пятилетку, то есть за четыре года, в авиационное дело вложили почти в 2,5 раза больше того, что предполагали вложить по пятилетнему плану. Сеть воздушных линий возросла вдвое».

В годы второй пятилетки во много раз увеличились пассажирские перевозки, начала функционировать на всем протяжении (более чем 8 тыс. км) Транссибирская воздушная магистраль. В общей сложности на трассах союзного и местного значения в 1937 г. услугами воздушного транспорта воспользовалось свыше 200 тыс. человек, втрое больше, чем во Франции и Англии, вместе взятых. Еще более бурными темпами шло развитие грузовых перевозок по воздуху. В 1937 г. на самолетах Гражданского воздушного флота было перевезено свыше 36 тыс. т разных грузов. Гражданская авиация по объему пассажирских и грузовых перевозок за это время вышла на первое место в мире. Коммерческая загрузка самолетов в 1937 г. на наших воздушных линиях достигла почти 90 процентов, тогда как в США самолеты загружались на 60–65 процентов. В 1939 г. на XVIII съезде партии в отчетном докладе о работе Центрального Комитета партии приводилась таблица, характеризующая рост грузооборота за 1933–1938 гг. по всем видам транспорта. Данные, касающиеся роли Гражданского воздушного флота, были таковы:

▲ Сборка самолета

	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1938 г. в % к 1933 г.
Гражданский воздушный флот (в млн. тонно-километров)	3,1	6,4	9,8	21,9	24,9	31,7	1022,6

Как видно из этой таблицы, за несколько лет грузооборот на воздушных трассах страны возрос более чем в 10 раз. Воздушный транспорт стал играть весьма существенную роль в социалистической экономике многих промышленных и сельскохозяйственных районов.

Успехи гражданской авиации стали возможны благодаря насыщению ее парка в первом и втором пятилетия новыми образцами самолетов. К числу их следует отнести шестиместную пассажирскую машину

«Сталь-3», отличавшуюся от других пассажирских самолетов выгодным соотношением веса конструкции и полезной нагрузки; четырехмоторный пассажиро-грузовой самолет Г-2, поднимавший три тонны груза; пассажирский гидросамолет МП-1; почтово-пассажирский самолет П-5 и другие. Социалистическая авиационная промышленность во второй пятилетке дала Гражданскому воздушному флоту новые, не уступающие лучшим зарубежным образцам самолеты — ПС-89, ПС-35 и ПС-40.

Количество самолетов, выпускаемых авиационной промышленностью, из года в год неуклонно росло. Если в 1930–1931 гг. производилось в среднем в год 860 самолетов, в 1932–1934 гг. — 2595, то в 1935–1937 гг. — 3578. За вторую пятилетку (с 1933 по 1938 г.) продукция авиапромышленности увеличилась в 5,5 раза.

Новым этапом в создании авиационной техники должна была стать третья пятилетка. Самолетный парк гражданской авиации намечалось значительно обновить и пополнить машинами более совершенных конструкций отечественного производства, а достигнутый объем перевозок увеличить в 1942 г. в 2,5 раза.

Гражданская авиация в предвоенные годы рассматривалась как основа для создания в военное время военно-транспортной авиации. Поэтому партия и Советское прави-

тельство принимали решительные меры к увеличению выпуска современных транспортных самолетов большой грузоподъемности. Для их создания и производства организовывались новые конструкторские бюро, строились заводы. Были выполнены большие работы по расширению сети аэродромов гражданской авиации, оборудованию ночных трасс, развертыванию строительства средств связи и сигнализации, механизации обслуживания материальной части и т. д. К началу 1941 г. в стране имелось 212 аэродромов гражданской авиации, в том числе 34 аэродрома, располагающие механизмами для уборки и укатки снега, обеспечивавшие прием транспортных самолетов на колесах в зимнее время. Многие аэродромы накануне войны были оснащены современным по тому времени навигационным оборудованием.

В предвоенные годы проводилась большая работа по подготовке необходимых летно-технических и командных кадров транспортной авиации Гражданского воздушного флота. Подготовка инженерно-технических кадров осуществлялась в Ленинградском и Киевском институтах и Харьковском техническом училище Гражданского воздушного флота, а переподготовка летчиков — в специальном центре. Только за 1940 год эти учебные заведения выпустили 271 инженера, 611 техников и 541 пилота. 42 685 человек, которые работали в начале 1941 г. в системе Гражданского воздушного флота, в том числе 21 374 человека на эксплуатации самолетов (из них 1836 инженеров, 2456 техников и 3927 летно-подъемного состава), полностью обеспечивали потребности выполнения планируемых перевозок транспортной авиацией в мирное время и с началом войны.

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 5 ноября 1940 г. на Главное управление Гражданского воздушного флота (ГВФ) была возложена задача не только резко увеличить объем перевозок, но и в течение 1941 г. подготовить тысячи пилотов для укомплектования ими в последующем школ Военно-Воздушных Сил. С этой целью Главное управление ГВФ в феврале — апреле 1941 г. развернуло десятки учебных эскадрилий, в которых обучались тысячи курсантов. Они получили дополнительно 1048 учебных самолетов. Таким образом, к началу войны наша страна располагала хорошей материально-технической базой для развертывания военно-транспортной авиации.

Одним из молодых видов транспорта в СССР был трубопроводный. За двенадцать с половиной лет строители протянули свыше 4,1 тыс. км стационарных магистральных трубопроводов, ввели в эксплуатацию вторую линию нефтепровода Баку — Батуми, нефтепроводы Гурьев — Орск, Армавир — Трудовая, Грозный — Туапсе и другие. По решению ЦК

ВКП(б) и СНК СССР в 1941 г. и в последующие годы предусматривалось построить и ввести в эксплуатацию трубопровод Трудовая — Днепропетровск — Киев — Борисов с ответвлением Киев — Тернополь, что существенно облегчило бы подачу горючего войскам Западного и Киевского военных округов в мирное и в военное время. Однако война прервала эту работу.

В предвоенные годы огромными усилиями партии большевиков, Советского правительства и всего нашего народа в Советском Союзе была создана мощная материально-техническая база, позволившая оснастить все рода войск и виды Вооруженных Сил современной по тому времени боевой и транспортной техникой, вооружением, обеспечить их всеми другими видами материальных средств, а также создать необходимые мобилизационные запасы этих средств на случай войны.

Общественная социалистическая собственность, лежащая в основе социалистической экономики, плановый характер ее развития обеспечивали неуклонный рост произ-

водительности труда, высокие темпы развития военного производства и наиболее эффективное использование производственного аппарата, что позволило с началом войны в самые короткие сроки перестроить все народное хозяйство на военный лад. Высокий уровень концентрации и централизации социалистического производства, рациональная специализация и кооперирование позволяли добиваться ускоренных темпов технического прогресса.

Материально-технической базой военно-экономического потенциала Советского Союза накануне войны явилось в основном новое промышленное оборудование, установленное на предприятиях всех отраслей тяжелой, легкой и военной промышленности в период индустриализации страны и коренной технической реконструкции всего народного хозяйства СССР. Это открывало широкий простор для технического прогресса в ходе войны, создавало условия, для производства качественно новых образцов боевой техники, вооружения и других материальных средств, быстрой

▲ Танковый завод

замены их более совершенными образцами, по своим конструктивным и тактико-техническим данным не уступавшим средствам вооруженной борьбы противника, а зачастую и превосходившим их. Это также способствовало неуклонному росту производительности труда на всех предприятиях промышленности, и особенно военных, работающих с большим напряжением для удовлетворения нужд фронта. Наконец, советский военно-экономический потенциал опирался на величайший патриотизм всего советского народа, безгранично преданного Коммунистической партии и нашей социалистической Родине, на высокое морально-политическое единство советского народа, готового идти на любые жертвы во имя защиты социализма в нашей стране, во имя победы над врагом.

История отвела нашему народу крайне ограниченный срок для выполнения тех неотложных мобилизационных мер, которые были приняты партией и Советским правительством возглавляемые лидером и вождем И. В. Сталиным по дальнейшему укреплению обороноспособности СССР, подготовке страны, ее Вооруженных Сил к отражению империалистической аг-

рессии. В результате вероломного нападения фашистской Германии на СССР, недостатка средств не все мероприятия удалось выполнить до конца и в намеченные сроки. Но все, что было сделано героическим народом нашей страны в пред-

военные годы в области укрепления оборонной мощи СССР, создания материально-технической базы для армии и флота, имело решающее значение в достижении победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. ■

▲ Тульский оружейный завод

ВЛАД ГУСКА, антифашист из Англии

ФАШИЗМ НА ЭКСПОРТ ИЛИ НЕУДОБНЫЕ ТАЙНЫ АНГЛИЙСКОГО ДВОРА

▲ Теплая встреча британской королевской четы в Германии

Сегодня не принято говорить об этом на Западе. А именно — кто был теоретическим основоположником фашизма, где он появился, как и почему заразил всю Европу, кто его взрастил, финансировал и кто еще кроме Гитлера незримо стоял у истоков катастрофы второй мировой войны.

Как ни странно, но первым идеологом современного фашизма, принято считать английского философа и публициста Томаса Карлейла (*Thomas Carlyle*) создавшего в своих работах не только культ роли личности в истории, путем представления мировой хронологии как череду деяний героических, исключительных и «обожествленных» личностей, но и он же выдумал тот самый термин — «ниггер». Здесь необходимо пояснить, что ко времени божественных откровений Карлейла, Великобритания владела половиной Африки, Индией, частью Азии и диктовала условия на просторах Ближнего Востока. Разумеется расцвет работорговли и откровенный грабеж колоний однажды должен был найти свое «научное объяснение» и сэр Томас Карлейл путем осмысления происходящего, вдруг додумался что существует избранная богом нация англичан, которая не только может, но и должна поработать, завоевывать и находить полезное эволюционное применение всяким другим, бестолковым племенам полулюдей по недоразумению населявшим эту планету. Вот для этого, и был выдуман такой известный в английском сленге термин «ниггер», который включал в себя не только чернокожих, как считается сегодня, но и все другие народы колониальных территорий, включая недолюдей «кельтов» к коим англичане того времени всерьез относили своих ближайших соседей — ирландцев и французов.

В своем эссе «вопросы по ниггерам» (*«The Nigger Question»/ Miscellaneous Essays, Vol. IV (London, 1899); p. 375.*), основоположник расовой теории Т. Карлейл пишет — «Ни права ниггеров, ни права человека не стоят того, чтобы о них дискутировать. Сила людей — вот о чем идет речь».

Нелишне упомянуть, что речь идет о тех самых временах, когда только что закончился жуткий период «колонизации Ирландии» (*Plantations of Ireland*) в ходе которой помимо лютого рабства, процветающего с XVI по XVII в. был организован искусственный «картофельный»

голод (1845-1849) в ходе которого на изумрудном острове (*так зовут Ирландию*) вымерло до 1,5 млн человек, столько же, отправились искать счастья в Америку. Разумеется, нужен был какой-то глубоко научный повод для морально-нравственного обоснования прав на порабощение и истребление себе подобных.

И разумеется с таким ярким теоретическим началом, знаменитым ученым Британии тут же потребовалось как-то научно обосновать исключительность англичан и вскоре Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927) пишет свою знаменитую расовую доктрину. К слову тот факт, что значительно позже, в 1925 году, главный печатный орган нацистского движения Германии «Народный обозреватель» (*Völkischer Beobachter*) назвал труд Чемберлена «Основы девятнадцатого века» как «библию движения» (*нацистов*), лишь подтверждает, что в основе нацистской идеологии Гитлера лежат именно английские авторы.

Также, в нашем теоретическом экскурсе надо было бы упомянуть еще одного видного английского ученого Френсиса Гальтона — двоюродного брата всем известного Чарльза Дарвина, который задолго до гитлеровцев обосновал социальный Дарвинизм и именно он положил замечательную традицию мерить черепа в попытках выяснить кто достоин права жить, а кто — нет. За основу своих глубоко научных выводов, он взял работу шведского анатома Андерса Адольфа Редциуса, который в 1842 году разработал уже хорошо знакомый нам всем «черепной индекс». Именно Гальтон, на основе своих антропологических измерений придумал такие популярные ныне термины как «арийская раса» и «евгеника». Последнюю, кстати, он предложил в качестве новой проторелигии национального самосознания. В самой Англии следуя этой новомодной научной доктрине, стали агрессивно порицать связи с не арийцами и разжигать воинствующий антисемитизм. Так или иначе, но к началу внезапно вспыхнувшей в Европе первой мировой войны,

целая плеяда английских философов и ученых грезилась идеей исключительности через расовую чистоту, диктат и порядок. Разумеется, модное учение нашло своих последователей, в первую очередь среди буржуазного класса и местной знати заболевшей как им казалось глубоко научным объяснением своей исторической и эволюционной исключительности — семена фашизма попали на благодатную почву и он как всякая зараза, пустил там крепкие корни...

Долго ждать не пришлось, и первыми фашистами Европы с которых началась не теоретическая, а, увы, реальная эпидемия человеконенавистничества, могут по праву считаться капитан Уильям Стэнли Шоу и член парламента от консерваторов майор Эванс Гордон которые еще в 1901 году, организовали «Британскую братскую лигу», активно проповедовавшую лозунг «Британия — для британцев!» (*чуть позже, погромщики в Прибалтике будут кричать этот же лозунг*), сея ненависть против трудовой иммиграции и как ни странно для тех лет — евреев. Почти два десятилетия спустя, антисемитские лозунги подхватят и другие организации, среди которых будет организация «Британцы» под руководством Генри Бемиша и «Имперская фашистская лига» доктора Арнольда Спенсера Лиза. Члены этих первых в своем роде организации, чуть позже войдут в организационное и идеологическое ядро фашистов организации Освальда Мосли, о ней нужно сказать подробнее.

Итак, прочный теоретический фундамент построен, в среде аристократии доктрина получила популярность и для радикализации народных масс, требовалось глобальное социально-экономическое потрясение и совершенно очевидно, что после жуткой Европейской бойни, последствия первой мировой войны с ее депрессией, разрухой, безработицей, калекками, уничтоженной промышленностью и сельским хозяйством создали запрос на доктрину некоего волшебного и моментального способа наведения порядка в послево-

енном хаосе, посредством сплочения радикализированных народных масс вокруг сильного лидера, который придет и волшебным образом порядок наведет. Разумеется, Англия тут же по старой доброй традиции принялась перехватывать влияние на континенте, изящно возвращая лояльных себе лидеров, ловко используя исторические обиды, и собственно дальше наше повествование пойдет уже непосредственно о том, как возвращенный английским истеблишментом фашистский монстр, перепрыгнув с острова в континентальную Европу — быстро вырос и сорвался с цепи.

Первым таким в «новой Европе» национальным лидером, стал диктатор Муссолини, который был завербован Британской разведкой в 1917 году и спонсировался Лондоном (как и другие подобные параллельные проекты). Согласно найденным недавно в личном архиве британского разведчика, члена парламента и представителя консервативной партии сэра Сэмюэля Хора

(*Samuel John Gurney Hoare*), агент «*Il Duce*» в начале своей фашистской карьеры, получал от Лондона 100 фунтов еженедельно с целью распространения военной пропаганды. Именно тогда, острые статьи малоизвестного журналиста Бенито Муссолини в принадлежавшей ему газете «*Il Popolo d'Italia*» с помощью незримой поддержки «старших товарищей» из среды газетных баронов, стали пользоваться невероятной популярностью и уже к началу 1918 года, Бенито Муссолини четко обозначил цели — Италии нужен жесткий и энергичный лидер, после чего началось последовательное движение в этом направлении.

Аналогичная история вероятнее всего приключилась и с молодым австрийским художником Адольфом Гитлером. Версий в настоящее время обсуждается много, но то что его плотно «вели спецслужбы Англии» — факт, в этой связи, достаточно упомянуть что в январе 1942 года, в своих «монологах» (стр. 196) Гитлер совершенно определенно на-

зывает упомянутого уже куратора континентальных проектов Сэмюэля Хора — «своим человеком в Англии» и возлагает большие надежды на его приход к власти (?), рассчитывая в этом случае, чуть ли не на объединение великих империй. По всей видимости, это признание, может свидетельствовать как минимум о хорошем и продолжительном личном контакте, а так же каких-то предварительных договоренностях между Гитлером и Хором позволившим ему строить такие грандиозные планы и при этом не делать из этого совершенно никакого секрета. Сразу оговорюсь, что как только фашистский проект приняли массы в Европе, Хора тут же назначили Британским послом в Мадриде при режиме фашистского диктатора Франко и фактический, вокруг Британского посольства тут же закипела бурная деятельность по тайным переговорам и организации заговоров.

Английский посол в Мадриде был лишь одним из нескольких организованных каналов для организации

▲ Британские фашисты

▲ Мосли в гостях у Муссолини

тайных встреч и переговоров между Берлином и Лондоном. Известные и другие каналы, в одних случаях посредником выступал Ватикан, в других это была жена бывшего польского атташе, полковника Шиманьского, работавшая на Лондон — мадам Холина Шиманьская (*Halina Szymanska*), через которую осуществлялся активный обмен информацией между ведомством Канариса и Британской разведкой. Этот факт упоминается для понимания того, что тесные связи Берлина и Лондона установились задолго до трагических событий всемирной катастрофы, а уже после того как был взят Рейхстаг, по этим же каналам ряд высокопоставленных нацистов получили новые документы и сумели избежать наказания.

Заведомо зная чем вся эта история закончится весной 1945 года, следует сделать краткий исторический экскурс, с целью охватить то, о чем очень не принято ныне говорить, но знать это — обязательно нужно.

Германия, 17 марта 1918 года, слесарь железнодорожного депо Антон Дрекслер, объявляет о создании Комитета независимых ра-

бочих и декларирует что, дескать во всех бедах Германии виноваты — «евреи и иностранцы» (*заметьте, что большевики еще в качестве главной угрозы не назывались*). В январе 1919 года, в пивной Штарнекерброй, путем слияния с Политическим рабочим союзом Карла Харрера, будет организована Немецкая рабочая партия (*Deutsche Arbeiterpartei*)- предшественница национал-социалистической немецкой рабочей партии (*Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei -NSDAP*). На это же заседание, в качестве тайного осведомителя Рейхсвера будет внедрен 29-летний агент Адольф Гитлер. И именно там, он произнесет свою первую зажигательную речь, после чего быстро пойдет по партийной карьерной лестнице. В 1920 году, партия Гитлера (*исходя из ограничения установленных Версальским договором по которому общая численность армии не должна была превышать 100 тыс. человек*), из ветеранов первой мировой войны начнет формирование «охранных отрядов», которые не являлись регулярной армией и не попадали под договорные ограничения, командо-

вание этими подразделениями возглавит телохранитель Гитлера Эмиль Морис. В этом же году, мир впервые увидит свастику в качестве официальной эмблемы нацистской партии.

В это же самое время, но в солнечной Италии (*в марте 1919 года*), из социалистической партии Италии со скандалом исключают радикально настроенного Бенито Муссолини. Тот тут же создает организацию «союз борьбы» (*Fascisti italiani di combattimento*), которая уже в 1921 году, преобразуется в Национальную фашистскую партию (*Partito Nazionale Fascista*). Примерно в это же время теоретики научного коммунизма будут акцентировать свои труды на так непонятной нам сегодня — классовой борьбе, которую развернут простые работяги, выживающие тяжелым трудом на фабриках и заводах. Разумеется, они были бесконечно далеки от расовых теорий исключительного превосходства одних людей над другими, и когда экономический кризис стал невыносим, началась череда стачек и бунтов.

Весна 1919 года в этом плане, выдалась жаркой и 5 апреля 1919 года

восстали рабочие Мюнхена, провозгласившие образование Баварской Советской республики, которая просуществовала почти месяц, пока бунт не был жестоко подавлен правительственными войсками. Спустя неделю, 15 апреля в Ирландии провозгласили Советскую республику — где «совет Лимерика» (*Sóivéid Luimnigh*), восстал против Британского милитаризма. В Ирландии этот проект избежал крови и продержался вплоть до провозглашения независимой Ирландии, т.е. до 12 января 1922 года, после чего в условиях новообретенной независимости потерял актуальность. В это же время (начало 1919), по всей Англии разворачивается начатая социалистами общенациональная забастовка в рамках движения — «руки прочь от России!», которая фактически сорвала морские военные поставки Англии и как следствие — продолжение интервенции Англичан в северную Россию и лишила снабжения армии белогвардейских наемников, сражавшихся под началом англичан, французов и американцев.

Начиная с 1917 года, рабочие западной Европы, далекие от идей

расового и классового превосходства, с большой надеждой поглядывали на восток, где в это время стремительно и не смотря не на что, развивался уникальный цивилизационный эксперимент Советской России. Рабочие запада начали активно объединяться в профсоюзы и всем казалось, что на руинах первой мировой войны, можно для всего человечества разом создать что-то принципиально новое. Все грезили новым миром, где будет править социальная справедливость. В конце концов, стачки в Британии в среде мануфактур, докеров, шахтеров, железнодорожников и сталелитейщиков достигли такого размаха, что как говорилось выше, в 1922 году удалось сорвать планы военной интервенции в Россию, практически блокировав военные поставки на оккупированный интервентами север России. В общенациональной стачке тогда приняли участие до 3 миллионов человек! Такая сила стала настоящим шоком для правящих кругов и аристократам совсем не нравилась перспектива повторить печальную судьбу аристократии Советской России. Разумеется, и крупным про-

мышленникам совсем не нравилось такое непредсказуемое для бизнеса положение дел и потому когда горстка фашистских популистов выступая на столах и табуретках в пивных, перехватив повестку стартовали с социалистическими лозунгами о равенстве, порядке и социальной защите, крупный капитал тут же вмешался и использовал ситуацию для раскола общества и ослабления позиции социалистов и коммунистов, тем самым по недомыслию или с умыслом, выкормив деньгами фашистского монстра. Чуть позже, когда фашистская зараза словно чума заразит Европу и Азию, от имени некой «цивилизованной Европы» будут названы конкретные враги «всего прогрессивного человечества» мешающие ему нормально жить, коими предсказуемо сделают коммунистов и евреев, направив против них всю ненависть одуроченных масс.

К концу 1919 года, предпринимаются целенаправленные усилия, чтобы по всей Европе начала распознаться гниль антисемитизма и человеконенавистничества. Особый размах это «модное движение» достигло в только что образованных

▲ Участники движения «Руки прочь от России»

▲ Гитлер и его ближайший соратник - герцог Карл-Эдуард Кобургский

по историческому недоразумению странах Прибалтики, где планировалось пресечь распространение социализма. Декларированная в качестве символа партии и нации Германии эмблема свастики, снабженная идеологией английских теоретиков Шоу и Гордона — тут же нашла своих горячих последователей в Восточной Европе граничащей с Советской Россией. К примеру, в Латвии, не известную тут ранее свастику нацистов тут же присвоили в качестве эмблемы местным ВВС, а так называемая армия Латвии принялась устраивать масштабные еврейские погромы во Фридрихштадте (*ныне Яунелгава*), Корсовке (*Карсава*) и других городах, где за целых 19 лет до «хрустальной ночи» пролилась первая еврейская кровь. К началу 1920 года, появился и заимствованный у английских фашистов печально знаменитый но увы.. и сегодня популярный нацистский лозунг «*Латвия для латышей!*», а 1 июня 1920 года, в Риге вспыхнули погромы с участием (*так называемой*) армии и полиции которые в последующую неделю, распространились по регионам. Разумеется, в официальном пояснении тогдашний глава МВД Латвии Арвид Бергс, (*уже традиционно*) объявил в этом происками России (*всё, как и сегодня, ничего не меняется..*). Сегодня, избежавшие денацификации

потомки мародеров и убийц предпочитают об этом не вспоминать, кичась какими-то «героическими корнями» и выдуманной в собственное оправдание «национальной» историографией.

Это важно для понимания настроений, царящих в те годы в «цивилизованных странах» просвещенной Европы — а по факту, фашистская зараза у которой тогда еще не было собственного названия и структурированной идеологии, прикрытая «патриотизмом» и «национализмом» быстро распространилась подобно эпидемии и небольшие группы радикалов робко сбившихся в стаи, которые начинают понемногу пожирать умы простого люда, купившийся на заведомо невыполнимые популистские обещания. Нарастающие акции устрашения, пока еще робко пресекаются правоохранителями зараженных фашизмом государств, и настает пора влезть в это дело крупным капиталистам. Летом того же года (*1919*), Гитлер попадает под влияние человека, которого он позже назовет своим наставником, им стал инженер Готфрид Федер, он же завяжет молодого радикала на финансовые круги и именно он выдвигает концепцию борьбы с социализмом и «еврейским капиталом». К концу 1921 года в партии Муссолини состоят уже около 250 ты-

сяч человек, которые начали тактику захватов целых городов, именно так были захвачены города Феррара, Равенна и Тревизо. Всего через три года, на парламентских выборах фашисты возьмут 60% мест и теперь уже, их ничем не остановить...

В 1922 году, к очень модному движению присоединяются и живущая в Германии родня королевского дома Англии, в частности — внук Английской королевы Виктории — Принц Чарльз Эдуард (*герцог Саксен-Кобург-Готский*), который не только щедро финансировал но и укрывал разыскиваемых полицией нацистских боевиков в своих частных владениях. Он же в последствии станет главным посредником между Гитлером и королевским домом Англии, изящно организуя в среде ближайших родственников (*короля, королевы-матери Марии и др.*), весьма пикантные переговоры. Даже когда через много лет, формально герцога объявили врагом и отняли его английское имущество, ничто не мешало ему посещать туманный Альбион и оставаться у своей сестры Алисы, графини Атлонской (*Princess Alice, Countess of Athlone*), в ее имениях встречаясь для переговоров с представителями промышленников, правящего класса и королевского дома.

В 1935 он вступит в нацистскую партию и получит в СА звание группенфюрера, будет курировать промышленность и состоять в наблюдательном совете «Дойче Банк», который будет брать у Лондона крупные займы. Считается, что именно его влияние приблизило к Гитлеру будущего короля Великобритании — Эдуарда VIII, ставшего ему настоящим другом.

В это же время (*1922*) в Италию с периферии, устремляется организованная вереница стажеров на которых возлагалась роль популяризаторов фашизма в своих странах. Особой группой учеников славилась Восточная Европа. Был среди них и Латвийский профессор Озолиньш, который после возвращения со стажировки, разумеется, не без посторонней помощи тут же развернул в Латвии целую сеть про-

фашистских организаций — «патриотическая лига», «стражи отечества», «Латвийские соколы», «стражи Латвии» и даже профильная уголовная фашистская организация «Акропольцы». Молодые лимитрофы в поисках новой идеологии с легкостью заразились фашистской заразой вознесенной в ранг «национальной идеи». Как писал Озолиньш в своей программной статье: «Для оздоровления Латвийской государственности нужен активный фашизм». В разгар экономического кризиса в Прибалтике (1929-1932), эти же «внегосударственные силы» будут устрашать тонущих в нищете рабочих и, в конце концов, весной 1934 г. примут участие в организованных государственных переворотах и приведут к власти в Латвии (15 мая) и Эстонии (12 марта) фашистские режимы К. Ульманиса и К. Пятса. Чуть ранее в 1926 году, аналогичным образом с использованием профашистской организации «союза Литовских националистов» вооруженный переворот произойдет в Литве, где под предводительством диктатора А. Сметоны сразу после захвата власти, будут расстреляны члены компартии Литвы. А все началось с избиения демонстрантов, погромов в рабочих кружках, редакциях газет и в некоторых случаях показательные убийства лидеров общественного мнения. Тоже самое, творилось и в фашистской Италии, где в июне 1923 года фашистскими активистами в целях устрашения масс был похищен и убит депутат социалистов — Джакомо Маттеотти. Его обезглавленное тело со следами пыток, найдут в августе 1923.

Акции устрашения населения в Италии, вскоре перейдут в решительные штурмы городов толпами прогрессивно настроенных фашистов и 27 октября 1922 года, Муссолини с группой единомышленников и горячим желанием очистить Италию от коммунистов и масонов предпринимает поход на Рим. Через год, его немецкий последователь Адольф Алойзыч Гитлер — захочет повернуть аналогичный пиар-ход и предпримет попытку захватить власть в Баварии и оттуда подобно

Муссолини — с песнями, плясками и хоругвями двинуть толпой на Берлин. Попытка эта конечно провалится и в последствии получит название «пивной путч».

Разумеется, не лишним будет напомнить читателю, что как раз перед своей попыткой пивной революции а начале 1923 года, Гитлер имеет контакты с «особыми» представителями Лондона, после чего внезапно меняет внешнеполитическую концепцию, согласно которой он, учитывая стабилизацию власти в стране Советов, вдруг внезапно начинает грезить Германо-Английским военным союзом в походе против России. Вот что он тут же изложил по этому поводу в «Майн Кампф» (книгу писал в тюрьме, после пивного путча): «Мы хотим приостановить вечное движение Германии на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке».

Чуть позже, эта англофильская концепция найдет свое широкое отражение, и подцепленный на крючок Гитлер будет мечтать об этой великой дружбе с англичанами до самого конца войны. По крайней мере,

можно с уверенностью утверждать, что секретные военно-политические контакты и явное подстрекательство «сходить на Москву» со стороны Англии имели место быть. Об этом темпераментный Гитлер нечаянно проболтался, в своей речи 11 декабря 1941 года: «Когда мне стало известно о возможности возникновения угрозы на востоке Рейха в 1940 году через (секретные) сводки от Британской палаты общин(!) и путем наблюдений за перемещениями советских войск на нашей границе, я сразу же отдал приказ о формировании новых танковых, моторизованных и пехотных дивизий...».

Справедливости ради, надо сказать что аналогичными фальшивыми «данными разведки» Англия снабжала и Францию, ловко накручивая премьер-министра Франции Эдуарда Даладые к вторжению на Советский Кавказ. Дошло до того, что 19 января 1940 года тот поручил заместителю председателя Высшего военного совета Франции генералу Морису Гюставу Гамелену и главнокомандующему французским флотом адмиралу Франсуа Дарлану разработать план

испепеляющего удара по Советскому Кавказу с французских аэродромов в Сирии. Были даже произведены разведывательные вылеты и составлен план ударов. Как всегда, Англия дала французам самые железные гарантии полного содействия и совместную операцию по уничтожению Бакинских нефтепромыслов было решено назвать — операция «Копье» (*Operation Pike*). Однако в последний момент, 23 апреля 1940 года, Чемберлен предчувствуя возможные последствия а возможно следуя плану, неожиданно выскочил из этой затеи надеясь, что французы завершат

начатое на свою голову, однако те оказались не такими наивно решительными и операция была сорвана.

Тем не менее, с уверенностью можно сказать, что план разжечь чужими руками войну с СССР Англия сформировала уже к концу 1937 года, что можно почерпнуть из некоторых трофейных документов совещания в Оберзальцберге, между Гитлером, министром иностранных дел Германии фон-Нейратом и лидером палаты лордов, лордом Галифаксом, который представлял на совещании английского премьер-министра Чемберлена. Пикантность этого совеща-

ния заключалась в том, что в это же самое время, Чемберлен отчаянно пытался скинуть с должности своего министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена за его категорический отказ вести сговор с европейскими диктаторами. По этой причине на секретное совещание по вопросам внешней политики и присоединения к «оси Рим-Берлин» к Гитлеру отправился заклятый враг Идена — лорд Галифакс. Там он будет старательно лить елей на уши Адольфа Гитлера, разжигая его аппетиты обещаниями вечной дружбы и всесторонней помощи. Вскоре после этого сговора, последует и захват Австрии, раздел Чехословакии, Румынии и даже захват союзнической Польши все это произойдет под полное молчание Лондона, который давал этим странам самые-присамые надежные гарантии, преследуя всего одну цель — развернуть Гитлера на Москву. Но все это, будет уже чуть позже.

Теперь, пожалуй, настала пора рассказать о том, как все начиналось в самой Англии... В 1923 году, внучка фельдмаршала сэра Линтона Симмонса и дочь майора Линтон-Ормана, ничего не соображающая в политике мисс Рота Линтон-Орман (*Miss Rotha Linton Orman*), прочла в газете страшную новость. Лейбористы Британии, склонные классовому сочувствию к работягам, отправляют в Гамбург делегацию на конференцию социалистов. Сама новость о том, что рабочие фабрик и заводов мечтают диктовать свои права так возмутила защитницу традиционных устоев, что она дала в газету объявление о том, что дескать ищет единомышленников для создания акционерного общества «Британские фашисты» (*British Fascists Ltd*). Вскоре, в почтовый ящик мисс Линтон-Орман посыпались письма с просьбами о вступлении и первыми взносами. В последующие два года, будут приняты несколько программных деклараций в которых общество людей со светлыми лицами, брали на себя нелегкую задачу с помощью патриотизма что есть силы бороться с коммунизмом. Вскоре, по мере расширения круга

▲ Мисс Рота Линтон-Орман

▲ Лондон. Колонна чернорубашечников под охраной полиции шествует на погромы

участников, декларации и требования становились все агрессивнее. В частности, общество активно требовало закрытия воскресных коммунистических школ, запрета рабочих кружков, стачек, отмены пособий по безработице и главное — права вооруженного сопротивления «антиконституционным действиям» со стороны рабочего класса. Как бы наивно это не выглядело, но неожиданно блестящий выход не разбирающийся в политике дамочки, связан с тем, что это была явно не ее идея. Достаточно сказать что председателем общества до 1942 года, тут же (с 7 мая 1924) стал лорд Гарваг (*Lord Garvagh*), а секретарем сменившим его на этой должности — глава ветеранских организации, бригадный генерал Блэки (*Brigadier R. B. D. Blakeney*), правление возглавил депутат парламента полковник сэр Чарльз Бэрн и сэр Артур Гардинг. Разумеется, такой звездный состав заведомо гарантировал успех этого странного мероприятия. К концу 1924 года организация насчитывала уже более 100 тысяч человек, из которых были сформированы локальные ячейки чернорубашечников по 5-7 человек, задача которых

сводилась к противодействию «революционным элементам», наблюдением и шпионажем в своем районе проживания. К счастью, почти сразу организацию стали разрывать внутренние противоречия и пробыв на пике всего два года, с 1926 года интерес масс к этой организации стал неуклонно падать, тем более что на местный фашистский небосвод, выкатилась следующая звезда, им стал ветеринар Арнольд Спенсер Лиз который в 1928 году, будучи избранным в городской совет основал «Имперскую фашистскую лигу» которую в свою очередь, всего через год существования, затмила звезда Освальда Мосли.

В 1924 году, впечатленный Гитлер после неудавшегося «пивного путча», сидя в тюрьме города Лендсберг, начитывает Эмилю Морису — первый том своей работы «Моя борьба» (*Mein Kampf*) которая называлась «Расплата» (*Eine Abrechnung*). Вот тут становится очевидно, что реальный холокост уже не за горами. Из этой доктрины выяснится что огромное влияние на разжигание антисемитских настроений Гитлера, сыграли его австрийские соотечественники —

мэр Вены Карл Люэгер (*кстати, был позорно изгнан за это жителями из города*), лютый антисемит, создатель «Пангерманской ассоциации» Георг фон Шенерер и как бы удивительно это не звучало — Рихард Вагнер, которого мы все знаем как гениального композитора но в большинстве своем, почти ничего не знаем о его «литературных» антисемитских работах, которыми и пропитался Гитлер. Так или иначе, но произошло это в любом случае до 1913 года, когда Адольф Алойзыч покинул Вену в поисках высшего смысла.

К 1925 году, вслед за европейской аристократией в дело финансирования фашистского движения включился крупный капитал. Так в своей горячей речи, руководитель химической корпорации «И. Г. Фарбениндустри» Карл Дуйсбург призвал немцев быть едиными, объединяясь вокруг сильного лидера. В кассу нацистов посыпались первые крупные спонсорские поступления, которые сделали сталелитейный магнат Фриц Тиссен и угольный барон Эмиль Кирдорф. Годом позже, будет подписан ряд соглашений по которым скажем «И. Г. Фарбениндустри» в качестве

филиала Британской «Империал Кемикл Индастрис» контролирует производство и сбыт пороха и взрывчатки, думаю не надо объяснять что тут же должны были «сами собой» образоваться условия, по которым спрос на этот вид продукции будет запредельным, а потому требовалось расползание заразы и вскоре всю периферию Европы охватила череда государственных переворотов.

В мае 1926 в Польше происходит государственный переворот в результате которого к власти приходит диктатура маршала Ю. Пилсудского. Министром иностранных дел, стал бывший посол Польши в Риме Август Залесский которого в Лондоне считали «своим человеком» приближенным и к разведке и к британским промышленникам. Именно А.Залесский чуть позже в Лондоне будет не покладая рук работать на интересы Великобритании, провозгласит себя президентом Польши в изгнании и в период 1947-1972 будет всерьез себя считать таковым. Но это будет чуть позже, а пока будучи главой МИДа, он ловко расставит сети для доверчивых шалопаев в Варшаве.

Внезапно, после переворота новоиспеченный правитель великой Польши, ставит вопрос о возврате своих территорий и восстановления польского государства в границах 1772 года, претензии в первую очередь направлены в сторону Литвы и Латвии. Как известно, именно Пилсудский выдвинул авантюристическую концепцию «межморья», т.е. Польши от моря до моря и тут же, в соседних странах Прибалтики Латвии и Литве — как по мановению волшебной палочки, происходят попытки государственных переворотов (*там тоже торчали английские уши*). В Литве — удачно, в Латвии путч сорвался. Вслед за этим, предпринимаются активные попытки сорвать Советско-Латвийский торговый договор, который по целому ряду причин был не угоден Лондону. Сам того не подозревая, диктатор Пилсудский оказывается в центре заговора и наивно полагая что он теперь реальная сила Восточной

▲ Похороны Пилсудского. Гитлер скорбит отдельно. От нас ушел дорогой друг и верный соратник

Европы, делает многозначительные заявления о новой национальной политике и о том, что Польша должна сохранять строгий нейтралитет между Германией и Россией, при этом укреплять союзнические отношения с Румынией и Францией как гарантами мира в Европе. Правда, нейтралитет понимался весьма своеобразно и уже в 1928 году, как раз когда маршал Фердинанд Фош развернет антисоветскую кампанию, в Латвию наведется французский генерал Шарпи, который провел переговоры с местным военным ведомством и инспекцию того сброда что называлось армией. В это же время, Польской стороной было положено начало плану «Прометей», направ-

ленному на раскол территории СССР по национальным псевдо государствам. В Варшаве, Париже и Лондоне начинается формирование «правительств в изгнании» народов Кавказа и юга России, собранных из уголовников и кого попало. Чуть позже, после смерти Пилсудского вся нарабатанная и прикормленная поляками агентура будет передана Абверу для дальнейшей разработки и верой и правдой послужит Геббельсу.

В 1930 году начался партийный бум и в партию Гитлера стали поголовно вступать и мелкие промышленники. К примеру, широко известный модельер Хуго Босс сделал головокружительную карьеру, создав знаменитую черную форму

СС и в последующие несколько лет, доходы его предприятия за счет государственного заказа и использования труда узников концлагерей — возросли в более чем 100 раз. Тут же, подтянулись и сомневающиеся владельцы крупного капитала. Автопромышленник и личный друг Гитлера Генри Форд не только в свой 75-летний юбилей отхватил «из рук фюрера» (формально на торжественном обеде ее передал консул Германии, приехав к Форду в Детройт) высочайшую награду Рейха «большой крест Немецкого орла», но и вообразив себя великим писателем и философом занялся лютым антисемитским графоманством, распространяя свои труды через предприятия в Европе. В тоже время, в 1940 году по просьбе Геринга, Форд в Пуасси построил завод по производству авиадвигателей, при этом Форд категорически отказался снабжать авиадвигателями ВВС дружественной Англии. Портрет Форда висел в рабочем кабинете Гитлера до самой весны 1945 года. Деньги на подкормку нацистов, вскоре пошли и от таких уважаемых людей как Эмиль Кирдорф, Фриц Тиссен, Ялмар Шахт, Густав Крупп, Фридрих Флик, Альберт Фоглер, Вальтер Функ и других. Фактически все промышленные магнаты вдруг решили дружно скинуться на «хороший проект» и дела у Адольфа Гитлера как-то сразу пошли в гору. В период 1924-1930 года в разбитую войной Германию хлынули более 15 млрд. марок долгосрочных вложений и более 6 млрд. краткосрочных — по тем временам, это астрономические суммы.

В 1932 году, аппетиты набравшего финансовых вливаний нацистского зверя распространились и на соседние государства — германские нацисты предприняли первые попытки расширить границы жизненного пространства «великой Германии», организовав в Австрии серию восстаний и путчей, которые за последующие два года перешли в акции открытого саботажа, террора и убийств. Все это закончилось убийством канцлера Австрии Энгельберта Дольфуса. Как считается, именно после этого про-

изошло некоторое отдаление Муссолини (он был против попыток объединения Германии и Австрии) от Гитлера и вот тут — явно проявилось доктринальное разделение фашизма и нацизма.

Сегодня, можно часто заметить ловкие попытки размазать понятия, дескать — а вот тут вы неправильно, одно другим назвали. На самом деле и фашизм и нацизм две стороны одной и той же медали и в принципе, самым простым решением, было бы ответить что дескать: — в сортах фашистского дерьма вы не разбираетесь... однако разница проста — нацизм принято относить только к Германии, поскольку в его основе лежало расовое (национальное) превосходство немцев над другими недоллюдьми, а вот фашизм образца Муссолини, Пиночета или «чёрных полковников» (т.е. на тех территориях, где по историческим причинам однородной нации нет) — несет идею открытой террористической диктатуры направленной на некую национальную доктрину выстроенную вокруг непререкаемого лидера. Вот и все...

К этому времени, фашистская идеология заразила всю верхушку Бри-

танского истеблишмента и напрямую коснулась семьи Черчилля по линии его жены Клементины. В частности лихо дебютировали дочери его близкого родственника лорда Редесдейла. Под влиянием старшей дочери лорда, Юнити Митфорд которая вскоре стала не только близкой подругой Гитлера но и по некоторым данным — его любовницей, младшая сестра Диана Митфорд бросила мужа и гордо ушла к восходящей звезде национального самосознания и руководителю партии «Британского союза фашистов» — Освальду Мосли. Однако в последствии поездки в Мюнхен к своему близкому другу Гитлеру, для Юнити закончились плохо. В день, когда Англия объявила войну Германии, 3 сентября 1939 года Юнити пошла в английский сад Мюнхена и выстрелила себе в голову из подаренного фюрером наградного пистолета. Осталась жива и, по крайней мере, до ноября 1939 года была под присмотром лучших врачей Германии и самого фюрера, который оплачивал все счета за лечение и часто приезжал к подруге..

Во время последнего визита к ней Гитлера 8 ноября 1939 года, Юнити

▲ Гитлер и его британская подруга Юнити Митфорд - дочь лорда Редесдейла

▲ Обличенный Уильям Джойс, захваченный британской армией в 1945, ранен при захвате

изъявила желание, чтобы ее отправили на родину, после чего вернулась в Англию и только благодаря близкой родственной принадлежности к тогдашнему премьер-министру избежала ареста и наказания. Причиной попытки самоубийства Юнити могла стать не «начало войны», а другая весьма пикантная причина поскольку вскоре после приезда в 1940 году у нее родился сын, об отцовстве которого до сих пор ходит немало вполне оправданных кривотолков. Юнити умрет в 1948 году от менингита, вызванного отеком мозга вокруг не удаленной из головы пули.

Что касается деятельности упомянутого уже «английского Гитлера» — Освальда Мосли и его восхождения,

то здесь без странных метаморфоз так же не обошлось. Человек, который еще в августе 1927 года, стоя на ступеньках городской ратуши Эстона декларировал опасность фашизма в Европе, вдруг... диаметрально меняет убеждения и стремительно набирает популярность. В этот период 1932-1933 года ему удалось предпринять серию паломнических поездок в Рим, в гости к великому вождю Италии.

Поездки широко освещались британской прессой, как невероятное политическое достижение лидера общества лучших граждан туманного Альбиона и сегодня не является секретом, что за формирование положительного общественного

мнения отвечал медиамагнат лорд Ротермир (*Lord Rothermere*), а первые серьезные денежные вливания в проект Мосли сделал нефтемагнат Детертинг и владелец химического концерна Монд (*тот, что уговорил Гитлера на монополию производства пороха и взрывчатки*). Политические контакты с идеологическими коллегами в Европе, обеспечивал тот же лорд Ротермир, финансировавший Гитлера с самого 1923 года и такие серьезные представители двора как лорд Леймнингтон, лорд Астор и принц Уэльский — будущий король Англии Эдуард VIII. Правда, забегая вперед, не лишним будет упомянуть что по мере возрастания влияния Гитлера, у Мосли вскоре появится новый влиятельный друг и вместо Рима, он будет с таким же фанатизмом мотаться уже в Берлин, состоя в трогательной переписке с философствующим идеологом расизма и ярким нацистом Юлиусом Штрейхером. Однако по официальной версии установлению прочных связей с Берлином, способствует его правая рука по партии «Б.С.Ф.» — немецкий агент Уильям Брук Джойс, который позже бежит в Германию, где получит прозвище «лорд гав-гав» и будет чуть ли не единственным козлом отпущения в этой неприглядной истории.

В сентябре 1932 года вдоволь нагулявшись по Европам и впечатлившись политическими успехами Гитлера и Муссолини, Мосли делает гениальный ход — в печать выходит его книга «Великая Англия», ставшая библией местных фашистов. Не трудно догадаться, что и название книги и ее содержание являются своеобразным плагиатом с гитлеровской «Майн Кампф» (*Моя борьба*), после чего созданная единомышленниками «новая партия» исторически преобразуется в «Б.С.Ф.» — «Британский союз фашистов» и вот тут, начинается история, о которой ныне не любят говорить..

1933 год стал во всех отношениях переломным. В Лондоне сформирована парламентская «группа имперской политики» в которую вошли правые консервативные депутаты

под руководством личного представителя короля, лорда Берти-оф-Тейна. В этот необычный клуб по интересам (*a no факту государственный комитет*) вошли лорд Глазго, лорд Филимор, лорд Менсфилд и другие очень уважаемые при дворе люди, которые выступали лоббистами военно-политического объединения усилий Германии и Великобритании. Примечательно, что идеологом, а также редактором «клубного» бюллетеня стал Кеннет де Куррен (*Kenneth de Curren*) — еще один высокопоставленный агент британской разведки, который все это время курировал Гитлера, Муссолини, Пьера Лаваля и другие рвущийся к власти фашистские группировки в Европе. Формирование этого комитета, стало поворотным моментом, поскольку теперь в Германии и Италии появилась не только четкая цель для реализации имперских амбиций, но и возможность для давления на давнего геополитического врага — Францию.

Механизм закрутился и промышленники с крупным капиталом, вдруг обратив внимание на новую силу, не только щедро финансируют борьбу против социалистов «жидов и коммунистов» но и беспардонно лезут в политику чтобы привести Гитлера к власти — 30 января крупнейшие монополисты Гугенберт, Шахт, Шредер и другие, прижимают президента Гинденбурга и пост рейхсканцлера получает Адольф Гитлер. Уже через три недели когда страсти улеглись, 20 февраля торжественно собирается совет старожил, на котором Гитлер торжественно дал обет бороться с коммунизмом. Как уже отмечалось выше, речь вдруг зашла о запрете рабочих движений, которые стачками очень мешали эксплуатации рабочих и притоку капиталов. Осталось только для народа придумать какой-то возмутительный повод для репрессий и вот, уже через неделю 28 февраля психически нездоровый голландский коммунист-отщепенец Маринус ван дер Люббе вдруг, как ни кстати, замахивается на святое и поджигает Рейхстаг. В поджоге обвинили левых и начинается волна террора против коммунистов и соци-

ал-демократов. В это же время, начинаются активные попытки втянуть СССР в войну с Японией и Китаем.

Уже в марте 1933 финансово-промышленные круги задействуют нужных людей и под патронажем США, при содействии фашиста Муссолини возникает навязчивая идея подписать совместный пакт «согласия и сотрудничества» между Англией, Францией, Германией и Италией в историческом объединении Европы против СССР. Целью этого соглашения был фактический пересмотр Версальских соглашений, налагающих ограничения на Германию и соответственно отмену некоторых их них, фактически Англия и США спустили с поводка набирающего силу фашистского зверя. Пакт был торжественно заключен 8 июня, и можно сказать, что первый звонок грядущей мировой войны прозвенел. Промышленники получили возможность, считая деньги, готовить Европу к большой войне.

Тут же с 1933 года в Чехословакии где проживало 3,5 млн немцев как-то внезапно усилились сепаратистские настроения. Начали звучать требования отторжения Судетской области, которые как мы уже знаем 30 сентября 1938 года в результате «Мюнхенского сговора» приведут к печальным для Чехословакии итогам. 5 июля 1933 года в Риме — Великобритания, Франция, фашистская Италия и нацистская Германия подписали «Пакт согласия и сотрудничества». Если руководителей Веймарской республики Лондон и Париж держали на «коротком поводке», то гитлеровскую Германию они сразу же ввели в круг великих держав, с которой стали разговаривать как с равной и Гитлер тут же понял, что его уже ничего не сдерживает.

Попутно начинаются переговоры и с великим «правителем Польши» — Ю. Пилсудским. В торжественной обстановке, 26 января 1934 года был заключен так называемый пакт Гитлера — Пилсудского, или правильнее его назвать «секретный протокол к Германско-Польской декларации о ненападении». Неизвестно как бы развернулись события, но через пол-

года Ю. Пилсудский скоропостижно скончался. Его похороны состоялись 15 мая 1935 года и проводить большого друга Германии, в Варшаву съехалась вся нацистская верхушка.

А тем временем в Англии, лидера местных фашистов от избытка внимания и финансирования стало лихо заносить. К началу 1934 года, по всей Англии насчитывалось более 400 боевых филиалов «Б.С.Ф.» в каждом из которых, состояло не менее 50 человек (*т.е. численность была не менее 25 тысяч активных чернорубашечников*). К сожалению, точное количество рядовых участников установить не удалось, поскольку отчеты соответствующих органов до сих пор засекречены, но можно с уверенностью сказать, что на тот момент это была единственная политическая сила, которая благодаря участию «газетного барона» прирастала членами как снежный ком, и разумеется, памятуя тактику запугивания компании Муссолини-Гитлера середины 30-х годов, агрессивное меньшинство тут же попыталось надавить на пассивное (*как казалось*) большинство. Для создания иллюзии всеобъемлющего движения, «Б.С.Ф.» арендовало самые большие залы во всех крупных городах Англии, где кочующая толпа чернорубашечников немного разбавленная местным контингентом проводила грандиозные митинги. В какой-то момент Мосли совсем снесло крышу и случилось вот что...

Предварительно распространив 20 тысяч пригласительных билетов в среде сомневающихся и оппонентов, Мосли пригласил людские массы на митинг «Б.С.Ф.» в самый большой Лондонский зал «Олимпия». И вот 7 июня 1934 года состоялось то, что позже получило название «*побойце в Олимпии*». Смысл этой акции сводился не к дебатам с лидером «Б.С.Ф.», а к банальной акции показательного устрашения. Суть была такова — Мосли вышел на сцену и негромким голосом стал провоцировать зал, как только раздавалась реплика с места, он останавливал выступление, все прожекторы направлялись на возмутителя спокойствия в зале. После чего к нему

▲ Лондон. Начало штурма полиции для прорыва живой стены антифашистов

устремлялась ответственная за этот сектор зала бригада боевиков-распорядителей в черных рубашках, выволакивала человека и начинала избивать еще в зале на виду у всех под светом софитов, после чего сбрасывала с лестницы или балкона. В ход шли резиновые шланги, палки и кастеты, полиция — не вмешивалась. В 7:30 вечера побоище прекратилось и чтобы довершить начатое, оставшийся 15 тысяч участков выпускались из зала через единственную дверь — шокированные происходящим участники должны были пройти между двух цепей чернорубашечников не поднимая глаз.

Все эти современные публичные люстрации, зеленка, моча, мусорники — всё это унижение зажатого зверьем, беспомощного человека должно было быть обязательно снято на камеру и тут же выложено в сеть на всеобщее обозрение. Методики современных неонацистов те же самые... По их задумке, у вас должна пропасть воля к сопротивлению. Пропала ли она у простых лондонских рабочих.

На следующий день, общественность взорвалась волной воз-

мущения, требуя найти и наказать фашиствующих бандитов. Министр внутренних дел прибыл в больницу западного Лондона, куда свозили изувеченных и выступил с несурзным докладом перед прессой. Одна-

ко высокопоставленные заступники из консервативной партии попросту не дали правосудию случится. Фашистов «нашли» и оштрафовали на незначительную сумму, в ряде случаев временно ограничив их подпиской о невыезде, а вот антифашистов пытавшихся спасти избитых людей и вступивших в схватку — приговорили к реальным тюремным срокам. У власть предержащих главной целью возвращения фашистов — являлась попытка создать противовес и силу устрашения очень крепкому рабочему движению, требующему социальной справедливости. Причем когда в ответ на бойню в Олимпии в городах стали вспыхивать манифестации к их разгону вместо полиции, совершенно официально привлекались чернорубашечники. Фашистская креатура членов королевского двора в полной мере пользовалась полной безнаказанностью, и поле битвы развернулось в каждом городе с развитой промышленностью на ближайшие несколько лет. Полиция негласно поощряла митинги «Б.С.Ф.», зато очень жестоко разгоняла «красных» антифашистов. Такое положение сохранялось по крайней мере до 1937 года, но в Берлине опасность

▲ Лондон. Прорыв полицией стены антифашистов

▲ Ополченцы красной Баварии

распоясавшихся радикалов очень хорошо заметили и оценили.

События в Лондоне показали опасность неуправляемой нацистской шпаны жаждущей крови и 22 июня Гитлер принимает решение о демонстративной чистке рядов. Ночь на 30 июня 1934 года получила название «ночь длинных ножей» (*Nacht der langen Messer*), в ходе ее реализации штурмовики СА во главе с давним соратником Гитлера — Эрнстом Рёмом были обвинены в организации путча и физически ликвидированы.

Справедливости ради, следовало бы добавить что операция «колибри» по ликвидации боевиков СА, была начата еще в апреле, но форсирована, как считается именно после событий в Лондоне, вызвавших у мировой общественности волну всеобщей ненависти к движению фашистов и нацистов.

Настала пора эскалации закулисной игры и на сцену выходит уже знакомый нам герой, дипломат, разведчик и для Гитлера «свой человек в Лондоне» — 18 июня 1935 года министрами иностранных дел Великобритании и Германии Самюэлем Хором и Иоахимом фон Риббент-

ропом путем обмена нотами было заключено соглашение, которое вопреки Версальским ограничениям, предоставило Германии возможность создать военно-морской флот, равный по общему водоизмещению 35% от военно-морских сил Соединенного Королевства и стран Британского Содружества а также право приступить к реализации масштабной программы строительства подводных лодок, что вообще являлось явной ревизией Версальского договора.

Теперь, что бы начать строить флот и лить пушки Гитлеру нужны были деньги... много денег! С этой целью промышленниками и политиками самого высокого ранга, было создано «не политическое» общество «англо-немецкой дружбы». Чтобы представить себе объемы планируемой финансовой помощи, достаточно упомянуть этот закрытый клуб вошли действующий министр авиации маркиз Лондондерри, крупный промышленник и председатель треста «Юнилевер» — д'Арси Купер, председатель ассоциации английских торговых палат — Кларк, председатель имперского треста химической промышленности — лорд Макго-

уэн, директор Шотландского банка и бывший министр консервативной партии — лорд Лотиан, а также директор английского банка — лорд Стэмп и другие исторические не бедные люди которые дружно решили помочь Адольфу Гитлеру деньгами.

Еще через год осенью 1936 года (вслед за фашистскими военными переворотами в Прибалтике и Польше) в Испании разразился фашистский путч и в помощь мятежному генералу Мола наступающему на Мадрид, дружественные фашистские режимы Италии и Германии отправляют значительную военно-техническую помощь. В это же время, Англия и Франция формируют «комитет невмешательства» и из Лондона наблюдают как фашистская зараза уничтожает демократическое правительство в Испании. Не трудно догадаться, что помощь законному правительству Испании оказал только СССР, хотя правды ради нужно сказать, что в составе интернациональных бригад сражались выходцы из 54 стран.

Следует отметить, что британские добровольцы сражались не только на стороне демократического правительства. В Испанию помпезно

прибыл высокопоставленный гость, основатель боевой профашистской организации «Корпуса свободных Британцев», сын госсекретаря Индии Леопольда Стеннета Эмери — Джон Эмери. После начала войны, вдоволь послонявшись по Франции, он с подачи своего приятеля по клубу «антибольшевиков» капитана Вернера Плака в октябре 1942 года прибывает в Берлин где после аудиенции с фюрером, возглавит «Британский антибольшевистский легион» а позже станет главой позорного «Британского корпуса СС» (*British Free Corps*). Однако вскоре нацистское командование отметило, что он оказался совершенно бестолковым командиром и в декабре 1943 года его сняли с должности, заменив гауптштурмфюрером СС Хансом Вернером Ропке. Смеха ради, надо отметить что корпус этот насчитывал всего 39 человек и носил исключительно пропагандистское назначение. Самого Эмери после отставки отправили в ведомство Геббельса, к «лорду гав-гав» где он продолжил заниматься радиопропагандой, на хорошем английском языке вещая на Британию. Позже его отправят в северную Италию, где его выкрадут партизаны и после войны выдадут англичанам, он будет повешен за измену 28 ноября 1945 года.

Гитлер полностью уверенный в безнаказанности собственных дей-

▲ Король Эдуард VIII с супругой в гостях у друга в Оберхофе 1937 г.

ствия, оккупирует отнятую у Германии по результатам Версаля Рейнскую промышленную область, а Британия с Францией на фоне робкого молчания одобряют его действия. По крайней мере, сразу после операции из Лондона к нему прибыл герцог Карл Сакс-Кобургский (*Carl Eduard, Herzog von Sachsen-Coburg*) лично удостоверив Гитлера что его преданный друг, английский король Эдуард VIII всецело одобряет его действия и желает вступить с ним в переговоры необходимость которых видимо

была так важна, что король был готов внести «конституционные ограничения» на категорически возражающих против этого министров и правительство. Собственно к концу 1936 года, нацистские симпатии Эдуарда VIII заставили мобилизоваться оппозиционные политические силы Англии, которые, в конце концов, 11 декабря 1936 года, сменили его на английском престоле.

После отречения от трона Эдуард VIII в течение трех предшествующих войне лет, несколько раз посетит своего доброго друга Гитлера в Германии, а уже после войны, появится ряд свидетельств и показаний о том, что Эдуард VIII во время войны активно сотрудничал с немецкой военной разведкой, выдавая позиции союзных войск и другую стратегическую информацию. Не менее интересной показалась и информация из трофейных документов, свидетельствующих о том, что главным условием к заключению тайного сепаратного мира между Англией и Германией, являлся обязательный возврат на престол Эдуарда VIII, хотя можно с уверенностью утверждать, что персона Эдуарда VIII была наивной пешкой в сложной игре разведслужб, политиков и промышленников, ищущих возможности ловкими манипуляциями отвернуть военную

▲ Почетный караул в честь Эдуарда VIII

угрозу от Англии, на «красный вос-ток» а заодно неплохо на этом подзаработать.

Тем временем, чуть присмирившие английские фашисты решили сменить тактику уличных беспорядков и предприняли попытку к парламентским выборам ноября-декабря 1936 года выдвинуть 100 депутатов «Б. С. Ф.» практически во всех округах Англии, где они были сильны. Учитывая их высокопоставленных покровителей и серьезную финансовую поддержку их мог ожидать относительный успех, и только благодаря «великой битве на Кейбл-стрит», парламент Англии — чуть не стал полностью фашистским, а ведь все к этому шло, даже если не принимать во внимание того, что часть его на тот момент уже состояла в различных фашистских клубах.

А сорвалось все вот как... Решив для начала захватить места в совете Лондонского графства, активисты «Б. С. Ф.» развернули бурную антисемитскую кампанию, однако проводить свою агитацию в рабочих кварталах побоялись и в резуль-

тате рабочие опять проголосовали за лейбористов. Выборы в совет были проиграны и перед парламентскими выборами, надо было срочно как-то вернуть себе образ «сильных и решительных» для чего фашиствующая компания Мосли придумала очередную акцию устрашения «евреев и коммунистов» которую задумали провести в Ист-Энде (*район Лондона где традиционно проживает много евреев*). Подготовка к акции сопровождалась открытым террором боевиков которые в ходе своих рейдов — безжалостно избивали и калечили еврейское население района (*тоже происходило в Стенни и Бетнелл-Грин*). Финальную акцию устрашения назначили на 4 октября, приурочив ее к великой годовщине основания «Б. С. Н.». Семь тысяч вооруженных чернорубашечников торжественно собрались для акции, но... запланированные еврейские погромы не состоялись.

На помощь жителям района пришли рабочие доков и фабрик, ирландские группировки, социалисты, коммунисты и сами жители еврей-

ского района которые живой стеной закрыли кварталы от Лимен-стрит до Олдгейта. Попытка фашистских боевиков прорвать ряды (*не без помощи со стороны полиции*), закончилась штурмом и масштабными уличными боями с баррикадами, ко-страми и всеми присущими городским столкновениям «атрибутами».

Фашистский триумфальный марш был позорно сорван, рабочие в схватке с фашистами победили. Политическая карьера Освальда Мосли на этом фактически закончилась. Закончилась она и у бывшего короля Англии, которого ввиду вполне обоснованных подозрений, от греха подальше сошлют за океан прямо из солнечного Мадрида...

9 июля 1940 г. начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД Павел Фитин направил в Инстанцию (так именовался Кремль) совершенно секретную записку №К5/8175: «*Бывший английский король Эдуард вместе с женой Симсон в данное время находится в Мадриде, откуда поддерживает связь с Гитлером. Эдуард ведет с Гитлером переговоры по вопросу*

▲ Великая битва на Кейбл-стрит

формирования нового английского правительства, заключения мира с Германией при условии военного союза против СССР».

Сменивший Эдуарда VIII на королевском троне, его родной брат Георг VI (правил 1936-1952), как ни странно, также оказался в плену влияния сочувствующих Германии господ во главе с министром иностранных дел лордом Галифаксом, которого он даже всерьез планировал назначить премьер-министром. Так или иначе, вокруг Галифакса вращалась все «сливки» английских и немецких фашистов и тот чувствовал себя настолько уверенно, что мог не скрываясь делать и говорить все что ему вздумается. К примеру в своем заявлении от 19 ноября 1937 года, глава МИДа открыто поблагодарил фюрера за то, что тот оказал невероятную услугу своей борьбой с коммунизмом и что тот не дал распространиться идеям большевиков на запад. Вскоре этот же правительственный кабинет будет горячо приветствовать оккупацию и расчленение Чехословакии и всячески оправдывать права на «расширение жизненного пространства» немецкой нации. Приветствовалось

всякое «расширение» но... исключительно в восточном направлении.

2 сентября 1938 года, Невилл Чемберлен в своей речи заявит следующее: *«Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира... и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России...».*

Все усилия «цивилизованного мира» были направлены на попытку спровоцировать кризис и повод нашлся — 16 сентября 1938 года разгорается первый Судетский кризис. В Чехословацких Судетах, проживающие там 3,5 млн этнических немцев требуют немедленного присоединения к третьему рейху. Чехословакия вводит в район войска и срывает местный путч, ситуация накаляется. Для примирения правительства Чехословакии и Судетско-немецкой партии, в качестве «независимого эксперта» прибывает президент тайного совета Великобритании — лорд Уолтер Ренсимен.. Следуя политике умиротворения Гитлера, миссия Ренсимена однозначно подыгрывает нацистам и категорически требует дать

Судетским немцам автономию фактически провоцируя острый конфликт, который позже будет формальным предлогом для «Мюнхенского соглашения» (*Мюнхенского сговора*) и последующего раздела Чехословакии. Накануне этого позорного события, 10 сентября 1938 года в резиденции Гитлера в Берхтесгадене появились высокопоставленные гости — Невилл Чемберлен и Даладьё которые прилетели в Германию и в обстановке секретности с Гитлером и Муссолини предрешили судьбу Чехословакии. Франция и Англия, принесли Чехословакию в жертву, теперь уже война в Европе — была неизбежна.

Английская аристократия не может простить себе недавний позорный провал движения «Б. С. Ф.» и кулуарные обсуждения причин такого фиаско, довольно быстро обозначили проблему — слишком большое количество неуправляемых масс с улицы, а потому было решено оживить местное фашистское движение исключительно силами аристократов самого высокого пошиба. Так появился «правый клуб» (*в ряде источников его называют «реакционный клуб»*) который возглавил лю-

▲ Мюнхенский сговор — Геринг, Гитлер, Чиано, Муссолини, Чемберлен, сентябрь 1938 г.

тый русофоб и антисемит — капитан Арчибальд Мол Рэмзи. Рэмзи хоть и входил в аристократические круги, но был всего лишь ширмой. В этой связи достаточно упомянуть, что фактическим председателем заседания клуба, был герцог Веллингтонский (*5th Duke of Wellington*), герцог Вестминстерский (*Duke of Westminster*), лорд Семпилл (*Lord Sempill*), граф Гэллоуэй (*Earl of Galloway*) и несколько сотен других, очень уважаемых при дворе людей.

Народные массы, увы, следуя стадному инстинкту предсказуемо радикализировались и ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, получила название «хрустальной ночи» (*Kristallnacht*). Еврейские погромы организовано охватили Германию, Австрию и уже упомянутую выше Судетскую область Чехословакии. Формальным поводом к погрому, послужила выходка польского еврея Гершеля Гриншпана, смертельно ранившего выстрелом из пистолета, секретаря немецкого посольства в Париже Эрнста фон Рата. Он скончался через два дня, как раз в очередную годовщину «пивного путча» и Йозеф Геббельс, по такому случаю выступил с пламенной речью, призвав патриотов «выступить против мирового еврейства». Штурмовики из предварительно сформированных «отрядов нападения» (*Sturmabteilungen*) воодушевленные речью Геббельса — всю ночь яростно громили еврейские магазины, предприятия, синагоги, активисты грабили жилища и... увы, отважились перейти черту. В эту страшную ночь, зверь фашизма поглотил около сотни человеческих жизней (*как минимум 91 еврей погиб*). Около 30 тысяч евреев было арестовано и отправлено в концентрационные лагеря. Через 3 месяца, многие из них были освобождены из лагерей при обязательном условии, что они покинут Германию, но тут... опять случилось то, о чем теперь очень не любят говорить...

Весна 1939... 30 марта Чемберлен дает Польше гарантии полной защиты и содействия на случай нападения со стороны Германии, все торжественно жмут друг другу руки

▲ Чемберлен, Даладье, Гитлер, сентябрь, 1938, Мюнхен

и улыбаются. На следующий день, 31 марта, из Лондона показательно депортируют семью Чехословацких евреев, которых отправили самолетом именно в Варшаву. В общей сложности в британской визе было отказано 500 тысячам евреев-беженцев которые любой ценой цеплялись за возможность выжить. Собранная по инициативе Рузвельта в июне 1938 года, Эвианская конференция, должна была решить вопросы «по (еврейским) беженцам» и «решила» их весьма своеобразно. Представители 32 стран с многовековыми демократическими традициями просто дружно решили под разными предложениями не принимать у себя евреев-беженцев, при этом отлично понимая, какая судьба им уготовлена. Несчастных предали совершенно все «цивилизованные страны», все... кроме дикой Доминиканской республики, давшей согласие приютить и дать земельный надел всем, кто сможет до нее добраться. Те, кто не прошел в установленную ничтожную квоту беженцев — был обречен погибнуть в газовых камерах. Увы, вину за геноцид, удобно свалили лишь на Гитлера...

Потоки предчувствующих смерть людей ринулись в морские порты, где пытались покинуть тлеющую Европу. В Палестину они выехать

не смогли — английский флот блокировал для них эту возможность. Причем когда Черчиллю, (*формально*) возглавлявшему армию и флот в 1940 году кто-то донес об этом — он был в ярости. Однако ему пояснили, что просто «не хотели ставить его в известность», остается только гадать от кого именно исходил приказ, раз никто не был наказан (*подразумеваются тогдашний глава МИДа, ярый антисемит и противник создания еврейского государства — Эрнст Бевин*). Не менее трагические драмы разгорались и на других кораблях с преданными всеми людьми народа израилевом. В мае 1939 пароход «Сент-Луис» до отказа наполненный евреями-беженцами отошел из Гамбурга на Кубу, где люди планировали дожидаться решения визового вопроса и эмигрировать в США. Там местный глава миграционной службы Мануэль Бенитес, обобрал их всех до нитки, продав им фальшивые разрешения на постоянное проживание, после чего в лучших традициях демократии и свободы — пароход развернули обратно в Европу. Почти все кто не смог сойти на берег в Англии — погибли в концлагерях. В ноябре 1940 произошел инцидент с океанским лайнером «Патриа» который забрав еврейских беженцев из порта в Румынии достиг Палестины, но был

▲ Волкова А.Н. германский агент в Лондоне

блокирован ВМС Великобритании и поставлен на рейд в Хайфу. 25 ноября 1940 года, на лайнере произошла диверсия, организованный (как считается сионистами «хагана») взрыв (или торпеда) пробил дно лайнера и в течение 15 минут лайнер затонул со всеми оказавшимися в трюмах людьми. В феврале 1942 из Болгарии в Палестину отправился корабль «Струма» который по невыясненным до сих пор причинам взорвался и затонул в Черном море (формально подозревают торпедирование подводкой Щ-213, но это лишь версия). Подобных драматических и «неудобных» эпизодов можно насчитать много. Достаточно упомянуть и тот факт, что полиция таких цивилизованных стран как Франция, Словакия, Венгрия, Голландия, Бельгия самостоятельно осуществляла аресты еврейского населения по месту жительства или работы и доставляла их прямо в лагеря смерти. Такая вот, тогда была «цивилизованная»

▲ Волков Н.А., контр-адмирал, военно-морской агент России в Лондоне

Европа и, увы, имейте ввиду, что с тех пор мало что изменилось..

В апреле 1940 года, случился переломный момент. Агентами МИ-5 была арестована проживающая в Лондоне Анна Волкова (*Anna de Wolkoff*), русская белоэмигрантка, старшая дочь русского контр-адмирала (1916 г.). Н.А. Волкова, последнего военно-морского агента царской России в Англии. После Октябрьской революции 1917 года, в Лондоне Н.А. Волков представлял военно-морские силы белогвардейцев. В 1919 году был членом Особого совещания по эксплуатации союзниками (читай Антантой) Русского флота.. Волкова завербовала Тайлера Кента, шифровальщика посольства США в Лондоне. Взяли ее при попытке передать через помощника военного атташе посольства Италии, секретное письмо в Берлин, которое было адресовано бежавшему в Германию фашистскому активисту (и агенту немецкой

разведки) Уильяму Джойсу и которое также содержало похищенную через шифровальщика американского посольства секретную переписку Черчилля и Рузвельта, адресованную Абверу. Самым невероятным явилось то, что Волкова являлась секретарем уже упомянутого выше «правого клуба» капитана Рэмзи, куда входила вся радикальная аристократия, промышленники и даже члены королевского двора. Не смотря на попытки помешать следствию, 23 мая 1940 года, грянули внезапные масштабные аресты членов «правого клуба». В штабе фашистов-аристократов была найдена «красная книга» действительных членов объединения, которая насчитывала 375 высокопоставленных фамилий, по убеждению работавших на нацистскую Германию. К слову, материалы расследования этого дела, как и сама «красная книга» строго засекречена (существуют только частичные выписки и официальные заявления) и скорее

всего архивные дела мы не увидим никогда, уж слишком высокопоставленные фамилии там засветились. Через полгода «следствие выйдет» и на уже знакомого нам Освальда Мосли, который также будет арестован и заключен в тюрьму. Следует всегда помнить, что политика Англии, в это время была, мягко говоря, очень далека от попыток победить фашизм как явление и искоренить лютейший антисемитизм.

В 1942 году, когда вовсю дымили печи Освенцима, превращая людей в пепел, бывший министр по делам колонии а на тот момент, министр по делам Ближнего Востока — Барон Мойн (*Уолтер Гиннес*) выступит в палате лордов с зажигательной речью о том, что дескать «современные» евреи к библейским никакого отношения не имеют, а значит рассчитывать на спасение и понимание — не могут. Разумеется, с таким отношением было трудно рассчитывать на какие-то существенные изменения политики в отношении евреев. Уже после войны, в 1947 году достигший Палестины корабль с беженцами «Эксодус» был поврежден тараном британских ВМС и захвачен. В ходе штурма, два человека были убиты, 217 получили ранения. Пароход развернули и пригнали в Германию, где буквально только что выживших в нацистских лагерях еврейских беженцев насильно выгнали с корабля и разместили по британским концлагерям в окрестностях Любека. Также система концлагерей для евреев пытавшихся проникнуть в Палестину, была организована англичанами на Кипре и Мальте. Барон Мойн, за свои деяния будет убит в Египте 6 ноября 1944 года, активистом сионистской организации «ЛЕХИ» Элияху Хакимом. Вернемся снова в конец лета 1939 и продолжим вникать в хитросплетения событий предшествующих мировой войне...

Весной 1939 года, Англия торжественно дает гарантии защиты Польше, а уже в июне в Лондон прибывает уполномоченный Гитлера — Гельмут Вольфат с задачей начать секретные переговоры «о разграничении сфер влияния между Германи-

ей и Англией». С английской стороны переговоры ведет министр по делам заморской торговли Роберт Хадсон и личный советник Чемберлена — Гарольд Вильсон. Позднее, переговоры продолжит посол Германии в Лондоне — Герберт фон Дирксен. Самое пикантное обстоятельство заключается в том, что Англия тут же предает Польшу, уверяя нацистское руководство, что решение обострившегося Данцигского вопроса (*Польша принципиально лезла на рожон, будучи уверена, что за ней стоит Англия, впрочем, как делает это и сегодня...*), предпочитает отдать на усмотрение Германии и в любом случае не будет вмешиваться в его решение. Это означало только одно — Польша была обречена.

Игра подходила к развязке и в Лондоне отлично знали о точной дате нападения на Польшу, которой англичане дали самые железные гарантии защиты и поскольку Англия на самом деле не собиралась и не могла защищать Польшу, то из политического и дипломатического капкана надо было как-то срочно выкручиваться. Прямо накануне нападения, 28 августа 1939 года ан-

глийский посол в Германии Невиль Гендерсон сделал Берлину эксклюзивное предложение — о союзе! Если бы Берлин принял это предложение (*пятью днями ранее, Риббентрон в Москве подписывал знаменитый пакт*), то бездействие в результате нападения на Польшу объяснялось бы непредсказуемостью действий Гитлера и Лондон красиво вышел бы из ситуации как бы не желая портить отношения с только что обретенным союзником, однако будучи отлично информированным о делах при дворе и желая изящно поставить Лондон на место — Гитлер предложение отклонил.

1 сентября Гитлер напал на Польшу. Правительство сбежало в Румынию а почти миллионная грозная армия поляков — не оказав серьезного сопротивления, разбежалась по просторам того, что осталось от исторической Польши. В результате, попытка Англии во время выскочить из игры провалилась и ничего не оставалось как — 3 сентября объявить Германии войну, которая получила название — «странная война». Странной она была потому, что никто толком не воевал, создавая лишь ее

▲ Депортация на смерть

видимость и мы теперь уже точно знаем — почему именно.

Было бы не лишним коснуться и так называемого «Пакта Молотова-Риббентропа». «Цивилизованным миротворцам» необходимо было создать для Гитлера условия, при которых он будет полностью уверен в том, что в случае его похода на Москву, Лондон и Париж будут пребывать в полном нейтралитете. Первоначально, приближая Гитлера к границам СССР планировалось создать ему своеобразный «географический коридор» и не только «скормить» Польшу, но и следующие за ней страны Прибалтики. Для этого, была задумана хитрая дипломатическая волокита с Москвой о некоем «франко-британо-советском договоре» в случае агрессии (*там был еще целый ряд стран*). При этом, договор предлагалось сформулировать так, что Советский Союз заведомо ставился в неравное положение — он был обязан помогать всем, ему никто и ничем не обязан. Фактически Берлину открытым текстом сообщалось, что если Гитлер вздумает занять Прибалтику, то на Западе никто не обидится, мало того, по этому

договору СССР автоматически входит в войну. Готовилась очень хитроумная, как казалось в Лондоне ловушка. Еще весной того же года, 11 мая, на переговорах в Москве польский посол Вацлав Гржибовский при поддержке Англии и Франции категорически отвергает возможность заключения пакта о взаимопомощи с СССР, и с одной стороны считалось, что это должно было спровоцировать «нападение на Польшу» (*годом ранее Польша отказалась пропустить Красную Армию для помощи Чехословакии*) со стороны СССР, а с другой получилось так, что когда Гитлер сожрал Польшу, то СССР, не связанный с ней никакими договорами, просто дождался прекращения существования польского государства и 17 сентября, ничего не нарушая, спокойно занял свои территории по так называемой линии Керзона, закрепленной Версальской конференцией союзников. Как говорится, не копай яму — сам в нее упадешь. Самое забавное в этой истории и то, что парламентарии во главе с Вильямом Стренгом, присланные Лондоном в Москву для подписания договора, даже не имели никаких на то

полномочий, на что указали Советские представители. Иными словами, этот договор в случае подписания не стоил бы даже бумаги, на которой был написан.

В это же самое время, пока Франция и Англия тянула волынку в бесчисленных согласованиях текста «дружественного» договора, в Берлин направляется уже упомянутый ранее министр по делам заморской торговли Англии — Роберт Хадсон, который за спиной Москвы и Парижа провел переговоры с экономическим советником Гитлера Гельмутом Вольтатом о крупном денежном займе для Германии, так необходимым для реализации восточной авантюры, так же было решено великодушно «простить» долг аннексированной Австрии который Англии обязался выплатить Берлин (*но затем отказался это сделать*). Как покажут дальнейшие события в Москве очень хорошо знали о планах Лондона и потому Москва ненавязчиво потребовала внести в готовящийся совместный договор важный пункт о гарантиях Прибалтийским государствам, за которые в случае агрессии должны были заступиться дружест-

▲ Эти две карты так похожи — у них один автор

венные им Англия и Франция (*это была бы гарантия прекратить заигрывания с Гитлером*). Само собой разумеется планируя скормить Прибалтику Гитлеру следующей, такие гарантии дать они категорически не могли и переговоры на этом застопорились. Последовавшее за этим, неожиданное для Франции и Англии заключение советско-германского пакта о ненападении (*которое кстати произошло по инициативе Риббентропа на основе пересмотра договора «о нейтралитете» 1926 года с учетом «взаимных интересов»*) нанесло непоправимый удар по планам развязать войну, дав Советскому Союзу два года времени на военную подготовку и несколько сот километров предполья для обороны границ.

23 августа Риббентроп и Молотов подписывают акт о ненападении, спустя неделю Гитлер спокойно «сжирает» Польшу под провал попытки Англии заключить с Гитлером союз. После того как Польша прекращает свое существование и ее правительство бежит, Прибалтийские государства тут же заключают в Москве договора о взаимопомощи, на основании которых СССР ничего не нарушая выходит к линии Керзона на польской границе и на основании совместного договора размещает свои контингенты в Прибалтике. Попавшая в дипломатическую ловушку Англия, вынуждена объявить войну Германии. Гениальный ход Сталина! Лучшего способа выйти из казалась бы, неразрешимой ситуации с максимальными предпочтениями и придумать нельзя было!

В сентябре 1939 года, после того как Англия, Франция и США позволили Гитлеру занять Польшу, предвкусывая дальнейшее развитие событий по вторжению Гитлера на Восток, в Европе наравне с «еврейским вопросом», как-то вдруг внезапно обострился и «коммунистический». Как только Польша прекратила сопротивление, 26 сентября во Франции правительство Даладье издало декрет о запрете коммунистической партии. Началась череда арестов затронувших даже членов парламента.

▲ К Гитлеру прибыл национальный герой Британии Франс Фетерсон-Годли

В это же время, специальные эмиссары Чемберлена активно наведывались в Рим, рассчитывая использовать влияние Муссолини, что бы надомнить Гитлера не останавливать Польскую кампанию и устремиться дальше — на Москву.

Дабы побудить Гитлера клюнуть на удочку, требовалось не откладывая, срочно инициировать еще один или два пограничных конфликта, в котором будет задействован геополитический союзник Германии. 26 ноября 1939 года в Карелии, пушки с Финской стороны обстреляли поселок Майнила на Советской территории. Началась Советско-Финляндская война, которая надо признаться не смотря на богатую материально-техническую помощь союзников Финляндии агитирующих все «прогрессивное человечество» дружно пойти в «крестовый поход против коммунизма» закончилась в пользу СССР и стоила финнам 11% своей территории, совершенно добровольно переданной по перемирию в пользу СССР, однако это тема отдельного разговора. Лишь упомяну, что обещанную Маннергейму 150-тысячную англо-французскую десантную группировку которую

«обязательно должны были» высадить в Нарвике и Тронхейме так задерживали, что, в конце концов, не прислали.

Кстати, задумка с финской авантюрой начала готовиться, по крайней мере, за три месяца до пограничной провокации. Еще 19 марта 1940 года в палате общин была одобрена поставка Финляндии двух сотен орудий, 101-го самолета и боеприпасов. Франция снабдила Маннергейма 175 самолетами, и поставила свыше 500 орудий с внушительным арсеналом стрелкового оружия. Тогда же Маннергейму пообещали собрать и выслать франко-британский экспедиционный корпус, тот самый — которого он так и не дождался, начав авантюру.

Маннергейм догадался, что его использовали и обманули, отправившись в Москву подписывать перемирие. Гитлера втянуть в военную авантюру с северной войной тогда — не удалось, но военная мощь СССР была значительно ослаблена финской кампанией. Лишь по счастливой случайности, сорвался английский план «наступления с юга» через Турцию и уничтожения Бакинских месторождений с аэродромов в Сирии и Ираке.

▲ У. С. Черчилль и будущий король Георг VI

Так или иначе, Гитлер раскусил планы англичан, решив преподать им небольшой урок и 7 марта 1940 года, отдал приказ о молниеносном захвате Норвегии и Дании. Дания капитулировала всего за час, Норвегия — за двое суток, при этом Норвежцы обвинили Лондон в том, что их предали (*т.е. и этим уже дали пустые обещания*). Порт Нарвика немцы брали прямо под носом у Британского флота, что привело в ярость Лондон, но... ценного немецкого товарища трогать было нельзя, по крайней мере, до того, как он не пошел с войной на Восток, а для этого по всем фронтам кропотливо создавались все необходимые условия.

Ситуация негласного потворства планам нацистской Германии, сохранялась, по крайней мере, до мая 1940 года, когда усилиями внутренней элиты (*10 мая 1940*) премьер-министром Великобритании стал Уинстон Черчилль, который умело использовал парламентский кризис 7-8 мая 1940, где за поражение в Норвегии в пух и прах разнесли действующее правительство.

Тут существуют разные оценки причин и следствий, но очевидно, что политика Чемберлена была хороша, пока в кассу английских промышленников капали денежки и в череде мнимых политических побед, создавалось впечатление контроля над ситуацией. Однако фашистский зверь сорвался с цепи и теперь уже никто не знал что делать. В качестве премьер-министра требовался человек, который не только попробует сыграть с дьяволом, но и возьмет на себя ответственность за последствия этой игры. На политическом горизонте Великобритании, такой человек был только один — Уинстон Черчилль. Тем не менее, бывший премьер все же сохранял желание подруливать ситуацией в свою пользу, используя свою личную клиентуру.

В связи с отставкой правительства Чемберлена, влияние лорда Галифакса конечно несколько ослабло, но раскол влиятельных кругов Англии достиг такого накала, что в июне 1940 года лорд Галифакс и его заместитель полковник Р.Э. Батлер при

посредничестве Шведских дипломатов, самодеятельно обратились к Гитлеру с ходатайством об условиях мира с Германией и только предупреждение Черчилля о том, что в случае продолжения «параллельных» контактов с Берлином, все фигуранты будут арестованы и осуждены за государственную измену, переговоры на полуофициальном уровне прекратились, но, понятное дело, не угасли...

Через месяц, в августе 1940 года, по инициативе герцога Бедфордского и ряда английских политиков в Женеве была организована секретная встреча с представителем Рудольфа Гесса — Хаусхофером. Лондон уверял Гитлера, что мирный договор возможен, но.. на условиях обязательного расторжения Берлином пакта «Молотова-Риббентропа» от 23 августа 1939 года. Гитлера всеми силами толкали на Восток, но тот решил не торопиться и потомить англичан, отложив мирные переговоры до завершения Балканской компании.

В это же самое время, Черчилль предпринимает попытки не толь-

ко прижать друзей Гитлера в среде королевского дома, но и уговорить местную фашиствующую шпану и аристократов открыто сотрудничать с нацистами. Почти через год, после начала «странной войны» Англии с Германией, в мае-июне 1940 года полиция и спецслужбы начинают массовые аресты активистов фашистской партии «Б. С. Н.» а чуть позже, вырисовывается «непопулярная» при дворе стратегия нового премьер-министра — 14 июля, Черчилль делает заявление, что «война будет продолжена до тех пор, пока нацистский режим не будет искоренен либо нами, либо самим немецким народом». И теперь, за дело берутся уже другие силы, которые при таком раскладе рисковали не получить финансовой прибыли от войны.

26 ноября 1940 года, уже упомянутая группа высокопоставленных банкиров и промышленников, образует «международную экспертную группу» под названием «П. Е. П.» («политическое и экономическое планирование») и издает меморандум о необходимости ввода оккупационных войск в Германию для предотвращения распростра-

нения коммунистической идеологии. За кулисами происходят деловые и политические визиты, которые сопровождаются заявлениями о разделе промышленных районов Германии и необходимости ввести американские войска на Балканы (*третий меморандум от 30 апреля 1941*). Следует заметить, что уже более года идет «странная война», буквально только что, десять дней назад 14 ноября немецкая авиация дотла сожгла английский город Ковентри, 19 ноября подвергся массированной бомбардировке Лестер — а тут, некая группа владельцев крупного капитала, беззаботно планирует раздел послевоенного пирога не делая из этого большого секрета.

Мы не случайно упомянули группу «П. Е. П.» Это очередной сюрприз о котором не любят говорить. В январе 1942 года, ведущий экономический эксперт этой группы и по совместительству помощник главреда «Таймс» — профессор Эдуард Халлетт Карр (*Edward Hallett Carr*) публикует свою книгу «Условия мира» в которой он приводит забавную концепцию — западную Германию должна оккупировать

Великобритания с целью «восстановления и поддержания порядка» с поддержкой «любой разумной, пусть и деспотичной администрации», но... с категорическим условием, что производством и финансами будут распоряжаться региональные промышленные группировки под контролем транснациональных контролирующих структур и единого европейского планирующего органа, расположенного в Великобритании. Что это означает? Означает то, что идеологом современного Евросоюза в самый разгар мировой войны можно считать именно Э. Карра. Все что в «евросоюзной» Европе произойдет после войны, фактически точно повторяет план изложенный в его книге. Сам Э.Карр проживет долгую жизнь, будет незримо стоять у истоков союза «угля и стали» (*начало евросоюза в 1951 году*) и скончается осенью 1982 года. Такие вот планы видели в Лондоне, ожидая неплохо нагреть руки на очередном кризисе.

Итак, Лондон и Берлин тайно готовят торжественный акт примирения с элементами театральной постановки, герцог Бедфордский организует в Женеве встречу британских

▲ Гесс перед отлетом в Англию, 1940 г.

политиков с представителем Р. Гесса — Хаусхофером (*главной задачей представителей Лондона, была попытка в обход Черчилля устроить красивое примирение с немцами и вернуть себе влияние*). Через полгода, в феврале 1941 года, к теме германо-английских переговоров вернулись снова, поручив разработку концепции мирного соглашения советнику имперского министерства хозяйства Яквицу, руководителю зарубежных организации НСДАП Болле и самому генералу Карлу Хаусхоферу, который настаивал чтобы переговоры с Лондоном велись исключительно через Гамильтонов (*герцога Гамильтона или генерала Яна Гамильтона*). Параллельно Гитлеру был представлен специальный доклад Хаусхофера под названием «*Английские связи и возможности их использования*» в котором он представил список особо доверенных лиц при дворе. Первыми числились уже упомянутый герцог Гамильтон и (*бывший*) парламентский секретарь Невилла Чемберлена и на тот момент заместитель главы МИДа Великобритании — лорд Дангласс (*сэр Алек Дуглас-Хьюм*). Этот заговорщик не только после войны избежит каких-либо последствий, но и в 1963 году королевой Елизаветой II будет назначен 66-м премьер-министром Великобритании. Также в списке доверенных числились задействованные через ячейку герцога Гамильтона, помощник министра авиации Гарольд Бульфур, помощник министра просвещения Кеннет М. Линдсей и другие. В свою очередь группа Гамильтона состояла в тесной связи с семьей Асторов, лордом Дерби, бывшим министром по делам колонии Оливером Хью Стэнли (*барон Стэнли из Элдерли*) и другими высокопоставленными персонами, присутствие которых в этом деле — частично объясняет ту завесу тайны, что вскоре надежно скроет все следы их деятельности.

И вот, когда все было готово и согласовано с фюрером и принимающей стороной в Англии — 10 мая 1941 года, была предпринята театрализованная попытка устано-

▲ С чувством признательности за содеянное

вить контакт Берлина с друзьями в английском истеблишменте. Один из ближайших соратников Гитлера и ученик уже упомянутого генерала Хаусхофера, Рудольф Гесс в роли «народного парламентаря» совершил самостоятельный перелет в Англию, где высадился на парашюте рядом с родовым именем герцога Гамильтона. Сразу после приземления, «посланник арийского мира» согласно сценарию пьесы предпринял попытку возобновить переговоры, предлагая безграничную дружбу Гитлера братскому народу Англии и совместный поход на большевистскую Россию. Однако, план сорвался..

Несмотря на заступничество высокопоставленной принимающей стороны по приказу Черчилля он был немедленно арестован и в 1946 году предан суду как нацистский преступник. Получил пожизненное и как считается после 46 лет заключения, в 1987 году (*17 августа*), как раз когда ему пришлось в голову издать дневники, он взял и... повесился на электрическом проводе в тюрьме Шпандау, прямо под носом у смены английских охранников которые разумеется «ничего не видели». Документы и протоколы допросов касательно визита Гесса в Англию, по уже понятной причине (*пере*)засекречены до середины этого сто-

летия и скорее всего опубликованы никогда не будут, а результаты расследования инцидента с самоубийством опубликованные в 2013 году указывают на очевидную фальсификацию следствия. Свою тайну, увы.. Гесс унес с собой...

Осенью того же 1941 года, когда Берлин был воодушевлен своими первыми успехами в ходе победного наступления на Востоке, несмотря на сохраняющееся состояние войны, (*13 сентября*) в Лиссабоне состоялась встреча между представителем Германского МИДа Густава фон Кевера и сына английского «газетного короля» лорда Бивербрука Эйткена в ходе которой снова обсуждалась возможность прекращения «дружеского военного междусобойчика» между Гитлером и Лондоном. Точно в это же время, Лондон отправил секретную делегацию в Москву, с целью проработки военно-экономического союза против Германии.

Такова традиционная политика Лондона — не класть все яйца в одну корзину, ловко пользуясь тактическими выгодами от пустых обещаний и союзов. К слову и причины необоснованного затягивания сроков открытия второго фронта, диктовались лишь выжиданием переломного момента в войне и как только случился Сталинград, в Лондоне и Вашингто-

не стало понятно, кто ослаб в смертельной схватке и против кого теперь настало самое выгодное время дружить, что бы добить и поделить трофейный пирог.

Летом 1943 года, западные державы предприняли очередную попытку сыграть по крупному, организовав на вилле в Испанском городе Сантандер встречу представителей разведки. От Германии прибыл глава Абвера адмирал В. Канарис, от Англии — глава УСО Стюарт Мензис и от США — глава УСС Уильям Донован. В ходе переговоров, Канарис заверил заморских товарищей, что в состоянии отстранить от власти Гитлера, заключить мир с западными державами и продолжить войну с Россией до победного конца. Как мы все уже знаем все попытки Канариса устроить «тайные» покушения на Гитлера устроенные не без помощи англичан оказались неудачными и в конце концов в ходе «заговора 20 июля» знаменитая операция «Валькирия» с треском провалилась, почти все заговорщики, включая Канариса, были арестованы и казнены. Попытка перехватить инициативу с устранением Гитлера, но с сохранением войны с Россией до победного конца — окончательно провалилась и компании «доброжелателей» пришлось в феврале 1945 года отправляться на Ялтинскую конференцию и договариваться с дядюшкой Джо (*так они звали товарища Сталина*) о переделе послевоенной Европы.

Летом 1945 года, когда стало ясно, что нацизм будут судить, срочно потребовалось скрыть следы преступного сотрудничества Гитлера с промышленниками, аристократией и членами королевского двора. Для этого король Георг VI поручил Оуэну Моршеду (*архивариус и хранитель королевской библиотеки*) и Энтони Бланту (*разведка и деликатные операции королевского дома*) отправится в немецкий замок Хесс и организовать спецоперацию по захвату личной переписки членов британского королевского дома с немецкими принцами и руководством Третьего рейха. К ужасу Лон-

дона в 1964 году выяснилось, что руководитель секретной операции Энтони Блант с 1937 года являлся одним из советских агентов «Кембриджской пятерки», и можно с уверенностью утверждать, что в Москве имеют представление о подробном содержании бумаг из эвакуированного королевского архива. То, что Москва до сих пор не опубликовала их — несомненно делает ей честь.

Чуть ранее, в апреле 1945 года, британская разведка перехватила телеграмму, отправленную из ставки Гитлера: *«Фюрер считает, что герцог Карл-Эдуард Кобургский ни при каких обстоятельствах не должен попасть в руки врага»*. Слишком много знавшего принца ликвидировать не успели, за свою деятельность он избежит какого-либо наказания или даже порицания и спокойно умрет своей смертью в 1954 году.

Уже упомянутый «английский гитлер» Освальд Мосли был арестован и помещен в тюрьму Брикстон, чуть позже к нему присоединилась жена Диана Мосли (*в девичестве Митфорд, дочь лорда Редесдейла*), где они «отбывают срок» за государственную измену — проживая совместно (*классная тюрьма, правда?*). Казалось бы, все факты государственной измены на лицо, но в ноябре 1943 г. Мосли отпускают из тюрьмы по состоянию здоровья, после чего он открывает «издательство Мосли» и спокойно продолжает издавать фашистский бюллетень. К этому моменту уже давно на свободе и все другие «изменники» — участники «Право-го клуба». Никто из перечисленных в материале высокопоставленных участников активного взаимодействия с нацистами никакого наказания или порицания не понес.

Разумеется, для общественности требовалось кого-то публично очень строго наказать, и козлами отпущения стали мелкие «стрелочники» из числа уличной фашистской шпаны. Виновными в измене назначили бывшего командующего потешным Британским легионом СС — Джона Эмери, а также бежавшего в Германию в августе 1939-го

идеолога «Б. С. Ф.» и члена «Первого клуба» Уильяма Джойса. Оба работали на Геббельса, выступали по радио на английском языке и были отлично знакомы Британскому обывателю. Обоих торжественно повесили в 1945 году. Больше никто наказан не был.

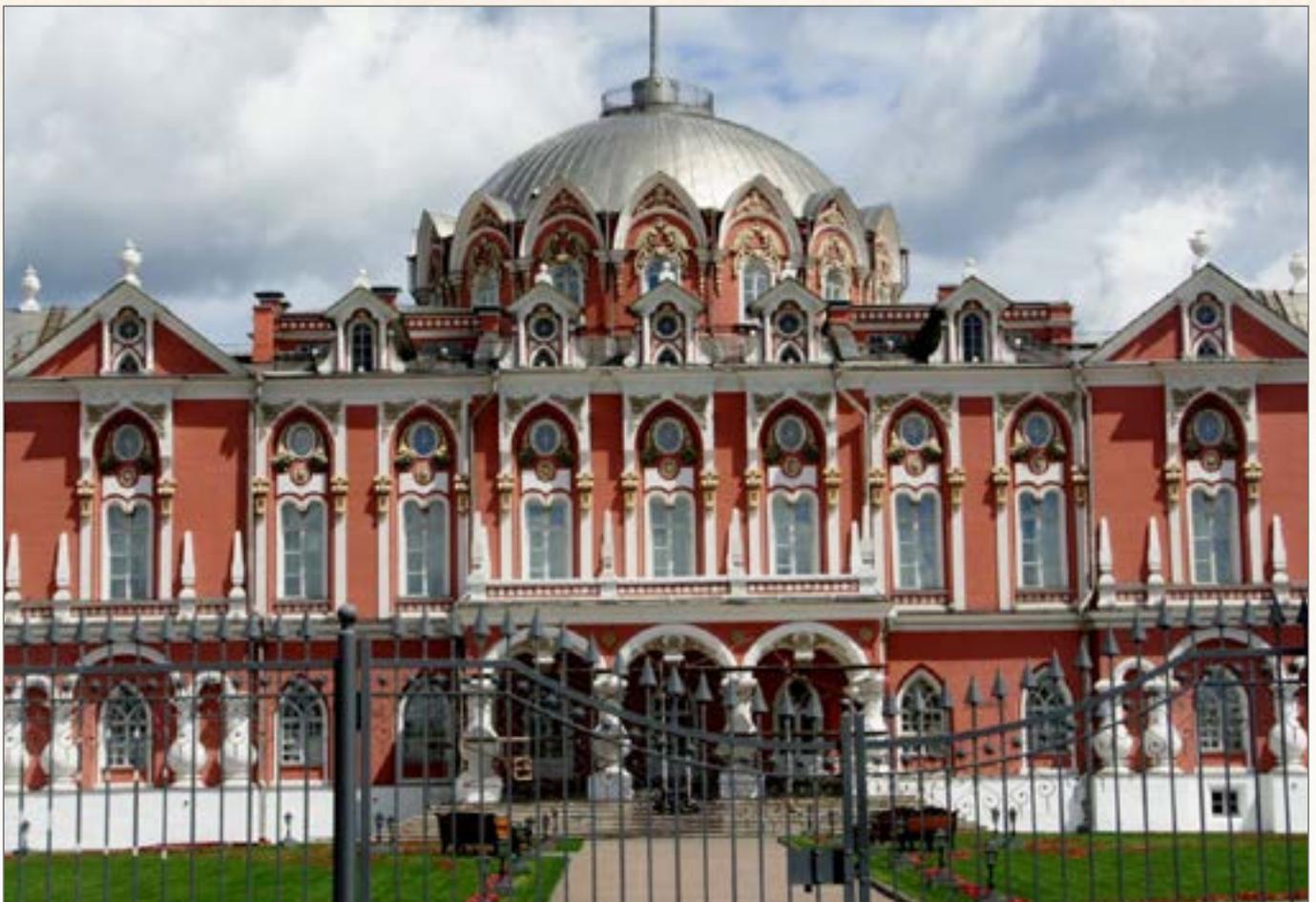
Для остальных же фигурантов с окончанием войны ничего не изменилось. Мосли примкнул к движению реваншистов, рвался в политику и отказывался признавать итоги Нюрнбергского трибунала. В 1947 году Мосли даже умудрился издать книгу «Мой ответ!» (*вторая уже его калька с гитлеровской — «Моя Борьба»*). Никак не уgomонили и воинствующих антисемитов, которые уже в 1946 году перевели дыхание, снова набрались сил и умудрились организовать масштабные погромы в еврейском районе Ист-Энд. В 1947 году по Лондону, Бирмингему, Манчестеру и Ливерпулю так же прокатилась волна еврейских погромов. Взамен прикрытых фашистских клубов для аристократов, открылись новые. Герцог Бедфордский, организовал — «Британскую народную партию», герцогиня Атольская — «новую Имперскую фашистскую лигу». Уже знакомый нам доктор Лиз сделал ребрендинг и ввел нового лидера движения, учителя из Ковентри — Колина Джордана (*Colin Jordan*) который после войны возглавит движение фашистов Британии. Ставку на него, сделают многие бывалые наци. Кстати, бывший глава канувшей в лету «Имперской фашистской лиги» доктор Арнольд Лиз после войны будет активно помогать нацистам избежать правосудия, будет арестован за организацию помощи членам СС и осужден в Англии на целых 6 месяцев тюрьмы. В 1951 году, он завещает Джордану свой роскошный дом в Лондоне, в надежде на продолжение борьбы с «жидами и коммунистами». Все осталось как было и как вы, наверное, уже догадались — это не конец фашистских приключений на туманном Альбионе. ■

С.П. ЕЛИСЕЕВ

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВВИА ИМЕНИ Н.Е. ЖУКОВСКОГО

▲ ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского

Военно-воздушная инженерная орденов Ленина и Октябрьской Революции, Краснознаменная академия имени профессора Н. Е. Жуковского, высшее военно-учебное заведение Вооруженных Сил России, предназначенное для подготовки и переподготовки военных инженеров широкого профиля для Военно-Воздушных Сил, научный центр по разработке проблем в области авиационной техники, её технической эксплуатации и боевого применения. Крупнейшая и старейшая в мире научная школа в области воздухоплавания.

Среди воспитанников Академии — главные маршалы авиации К.А. Вершинин и П.Ф. Жигарев, маршалы авиации Ф.А. Астахов, Г.А. Ворожейкин, С.Ф. Жаворонков, С.А. Красовский, С.И. Руденко, В.А. Судец, Ф.Я. Фалалеев, С.А. Худяков.

Академию окончили конструкторы самолетов С.В. Ильюшин, А.И. Микоян, А.С. Яковлев, В.Ф. Болховитинов, А.Н. Рафаэлянц, генеральные конструкторы авиационных двигателей Н.Д. Кузнецов, С.К. Туманский, А.Д. Чаромский, генерал-полковник-инженер, министр авиационной промышленности СССР П.В. Дементьев и др.

В Академии за годы её существования возник ряд научных школ. Одна из них, в области экспериментальной аэродинамики, была основана академиком Б.Н. Юрьевым. Широко известны работы в области теории крыла члена-корреспондента АН СССР В.В. Голубева, профессора Г.Ф. Бураго и др. Формирование научной школы по динамике полета, устойчивости и управляемости летательных аппаратов связано с именами В.П. Ветчинкина, В.С. Пышнова, Б.Т. Горощенко. В академии накоплен большой опыт по расчету летательных аппаратов на прочность, в области строительной механики авиационных конструкций, по изысканию эффективных форм организации и прогрессивных методов технического обслуживания и ремонта боевой авиационной техники. Труды академика Б.С. Стечкина было положено начало исследованию процессов и характеристик авиационных двигателей, академика Н.Г. Бруевича — применению вычислительных устройств и автоматов в прицельных системах самолетов. Лауреатом Ленинской премии М.Л. Новиковым был изобретен новый вид передач с точечным зацеплением, носящий его имя. На основе работ профессоров Е.Л. Бравина, Д.А. Вентцеля, Г.И. Покровского и др. в академии стали складываться научные направления исследований по внешней и внутренней баллистике, боеприпасам, теориям бомбометания и воздушной стрельбы, теории взрыва.

Одна из старейших — научная школа академика В.С. Кулебакина по электроснабжению, электрооборудованию и автоматизации летательных аппаратов. В послевоенные годы наиболее крупными являются школы, основанные членами-корреспондентами АН СССР В.С. Пугачевым и А.А. Красовским, профессорами С.М. Белоцерковским, В.И. Тихоновым, И.Е. Казаковым.

Елисеев Сергей Павлович, полковник, кандидат военных наук, доцент. Родился 19 мая 1950 года в деревне Синяя Никола Красногородского района Псковской области в семье сельских учителей. Окончил Рижское высшее военное инженерно-авиационное училище имени Я. Алксниса (1972), Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н.Е. Жуковского (1988). Служил в авиационных частях, преподавал в Минском авиационно-техническом училище Гражданской авиации (заместитель начальника училища по военной подготовке — начальник военного цикла). В 1993 году по личному желанию был откомандирован из Республики Беларусь в Российскую Федерацию. Работал старшим преподавателем, начальником военной кафедры Московского государственного технического университета Гражданской авиации. В 2003 году был уволен из армии в запас по возрасту. Был принят на работу в качестве преподавателя на кафедру тактики и оперативного искусства Военно-воздушной инженерной академии им. проф. Н.Е. Жуковского. В 2011 году был уволен по сокращению штатов и передислокацией

академии в город Воронеж. С 2012 по 2017 год работал старшим научным сотрудником Центра военно-стратегических исследований Военной академии Генерального штаба. В 1999 году в Институте военной истории МО РФ защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Развитие организационной структуры и системы управления русской военной авиации (1910-1917 гг.)». Автор четырех монографий по истории строительства отечественных ВВС (1910-1941) и сборника «Авиация России». Опубликовал более 200 научных статей в военной периодической печати.

Проблему подготовки авиационных кадров в Советской России подняли делегаты Второго авиационного съезда Красного Воздушного Флота (КВФ), состоявшегося 15–25 июня 1918 г. в Москве.

Исполнительным органом при Советском правительстве по вопросам образования было тогда «Школьное отделение». Оно выпустило указание, что, «руководствуясь постановлениями (...) Всероссийского авиасъезда» создать в Москве «Высший Авиационный институт» для подготовки инженеров-конструкторов и «Сред-

ний Аэротехникум» для подготовки авиационных техников».

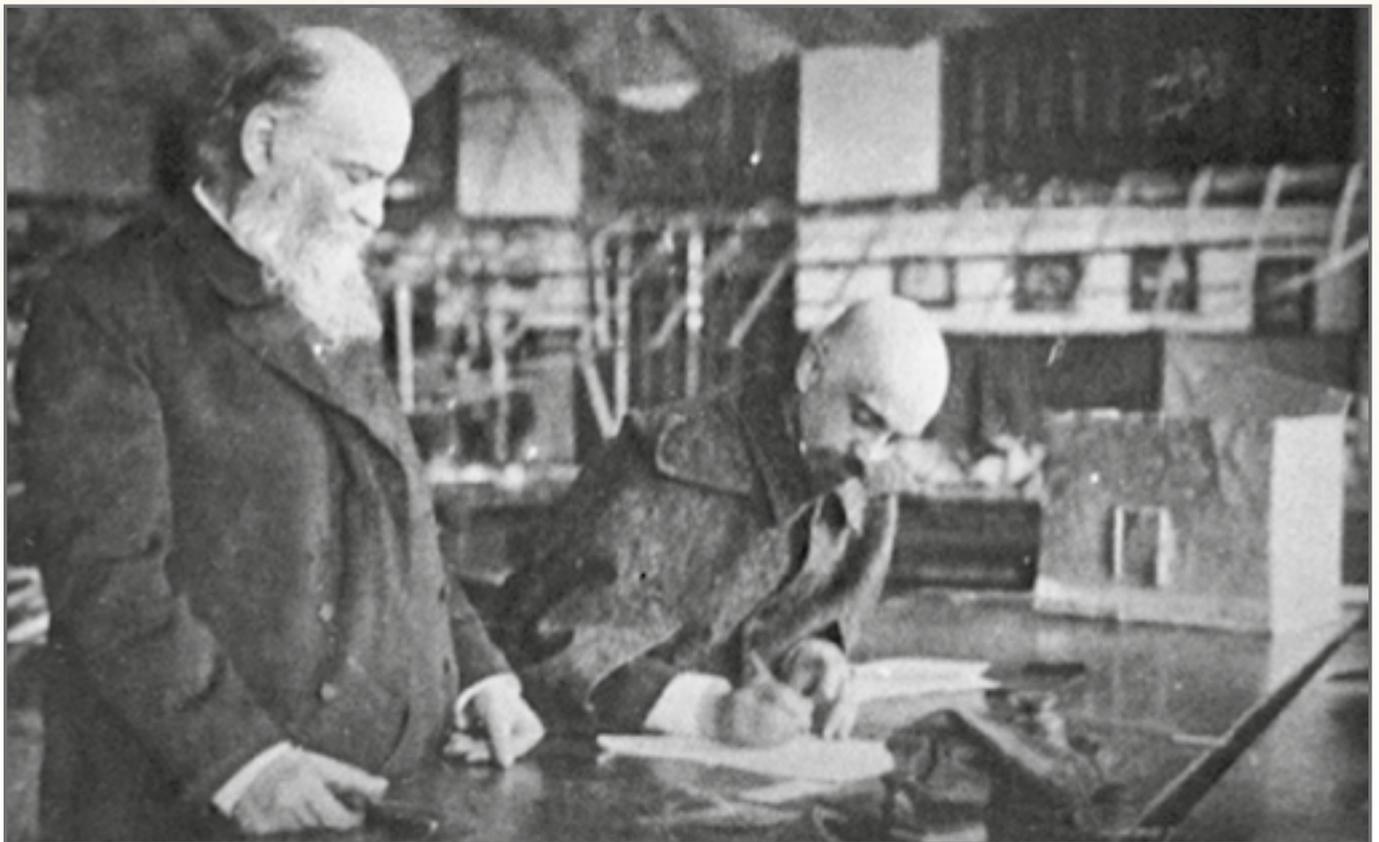
Однако в конце июля 1918 г. в России развернулась широкомасштабная Гражданская война. Проект Высшего Авиационного института и Среднего Аэротехникума по представлению Финансового управления Республики был отклонен.

Вернулись к этому проекту через год, и 5 сентября 1919 г. состоялось открытие Авиационного техникума. Сначала он планировался в качестве среднего технического учебного заведения, однако в связи с отказом

в открытии Института инженеров КВФ решено было использовать Авиатехникум как высшее учебное заведение для подготовки авиационных инженеров.

Самолетов для ведения войны не хватало. За граница их в Россию уже не поставляла. Для возрождения их производства необходимо иметь своих авиаконструкторов и инженеров-производственников.

Заметим, что заказ на специалиста определяли в то время профиль учебного заведения. Поэтому, если стране были нужны авиаконструк-

▲ Жуковский Н. Е. — отец русской авиации

торы, то и учить в Авиатехникуме должны были на авиаконструкторов. Их и стали готовить в Авиатехникуме. Но сразу возник вопрос о преобразовании техникума в высшее учебное заведение, так как авиаконструкторы — это специалисты высшей квалификации.

Преобразование техникума в институт решено было связать со своеобразным юбилеем Н.Е. Жуковского — 50-летием его научной деятельности, авторитет которого был в стране очень высок. Председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин назвал его «отцом русской авиации». В честь этого события в сентябре 1920 г. Главвоздухфлот (Управление авиации и воздухоплавания) оформил преобразование Авиатехникума в «Институт инженеров Красного Воздушного Флота имени Н.Е. Жуковского». Программа Авиатехникума оперативно была доработана до институтской.

Выпускники вуза должны были создать авиационные конструкторские коллективы и наладить разрушенное авиапроизводство. В перспективе, по мере поступления в войска авиатехники, первое в мире авиационное высшее учебное заведение должно было переключиться на подготовку военных инженеров-эксплуатационников авиатехники, однако далеко не все это понимали, и первое десятилетие своего существования Институт, а потом и Академия должны были доказывать финансистам и некоторым «близоруким», но высокопоставленным товарищам, необходимость иметь в стране авиационный вуз.

А пока приказом Реввоенсовета (РВСР) № 2705 в сентябре 1920 г. было утверждено Положение об Институте инженеров КВФ и его штат, введенные в действие с 23 ноября и с 4 декабря 1920 г. соответственно.

Согласно Положению, в Институте разворачивались авиационное, воздухоплавательное, аэромеханическое и научно-исследовательское отделения и другие подразделения. Военного отделения в Институте еще не было. Поэтому на проходившем с 25 июня по 5 июля 1921 г. Четвер-

Группа слушателей академии — участников планерных испытаний в Коуэтебеле в 1924 г. Слева направо: первый ряд — В. С. Пышнов, В. И. Фойнберг; второй ряд — Г. М. Наумов, В. С. Зиновьев, В. А. Деметьев, В. Д. Сорокин, В. С. Вахмистров; третий ряд — Г. К. Волков, С. В. Ильяшин, Н. П. Королев, М. К. Тихонравов, Г. А. Знаменский

▲ Слушатели академии

том Авиационном съезде Институт инженеров КВФ был раскритикован. Подключилась и пресса. Так, в октябре 1921 г. в «Вестнике воздушного флота» появилась статья «К созданию Военно-Авиационной Академии» за подписью «В. Ф.», в которой говорилось, что в авиационном строительстве в период 1918–1921 гг. имелся один главный недостаток — низведение высшего авиационного начальства на роль техническую, а не командную. При такой постановке авиационного дела на фронте «авиационные начальники получали лишь приказания от общевоинского командования, не участвуя в разработке операций». Далее «В. Ф.» предлагал вместо Института создать «Военно-Авиационную Академию», которая должна собрать, объединить, подытожить весь опыт, как в области тактики авиации, так и в учебно-школьной области и «спасти гибнущую авиацию, введя ее в правильное и единое русло».

Фактическое переформирование Института в Академию началось с назначения ее начальником члена Коллегии Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), инженера и красного военного летчика Александра Николаевича Вег-

нера (1882–1927 гг.), который собрал профессорско-преподавательский состав вуза, официально объявил о преобразовании Института в Академию и напомнил о введении в действие новых штатов, исключаящих всякую выборность ректора, деканов и профессоров. При преобразовании Института в Академию в ней были созданы четыре отделения: авиационное, воздухоплавательное, аэромеханическое и научно-исследовательское.

Наконец, когда основные организационные вопросы были решены, в бывшем Английском клубе, 23 но-

▲ А.Н. Вегенер

▲ ЦАГИ

▲ Н.В. Соллогуб

ября 1922 г. был устроен торжественный вечер — собрание личного состава Академии, которое ознаменовало собой открытие Академии в соответствии с приказом РВСР № 2125 от 9 сентября 1922 г. В следующем году, несколько месяцев спустя, 28 марта 1923 г. приказом РВСР № 641, официальной датой годового праздника Академии было объявлено 23 ноября 1922 г. Начался отсчет истории Академии. Однако период деятельности Института с 1920 по 1922 год исключался, что противоречило принципу исторической преемственности вуза. Поэтому в 1960 г. Директивой Генерального штаба Вооруженных Сил СССР от 17 февраля № 52 был установлен День создания Академии 23 ноября 1920 г., когда было утверждено Положение об Институте инженеров ВКФ им. Н.Е. Жуковского.

Нельзя не обратить внимание и на то, что высший авиационный вуз создавался в Советской республике тогда, когда ни в одной стране мира еще не имелось подобного учебного заведения, а наше государство располагало крайне слабой авиацией и авиационной промышленностью.

В 1923 г. в Академии были созданы инженерное и командное отделения, названные впоследствии факультетами. Жизнь показала, что это был правильный шаг к специали-

зации, выразившийся в признании необходимости иметь специалистов высшей квалификации лётно-подъемного и инженерно-технического состава.

Между тем 25 ноября 1923 г. А.Н. Вегенер, под руководством которого вуз приобрел статус военного, перешел на службу в РВСР. Вместо него был назначен 6 декабря 1923 г. Николай Владимирович Соллогуб (1883–1937 гг.), до этого исполнявший должность помощника Командующего войсками Украинского военного округа. Считалось, что именно Н.В. Соллогуб сможет создать в авиационном вузе командный факультет, так как он имел большой опыт руководства боевой подготовкой в Красной Армии.

Через несколько дней, 10 декабря 1923 г., приказом РВС СССР № 2668 для подготовки командных авиационных кадров с высшим образованием в Академии был открыт командный «Факультет службы Воздушного флота» с введением в действие новых штатов (см. организационно-штатную структуру и штатный расчет Академии на рисунке). Теперь в Академии имелись: а) инженерный факультет (четыре года обучения) со специализацией по самолетостроению, моторостроению, воздухоплаванию, воздушным сообщениям и организации

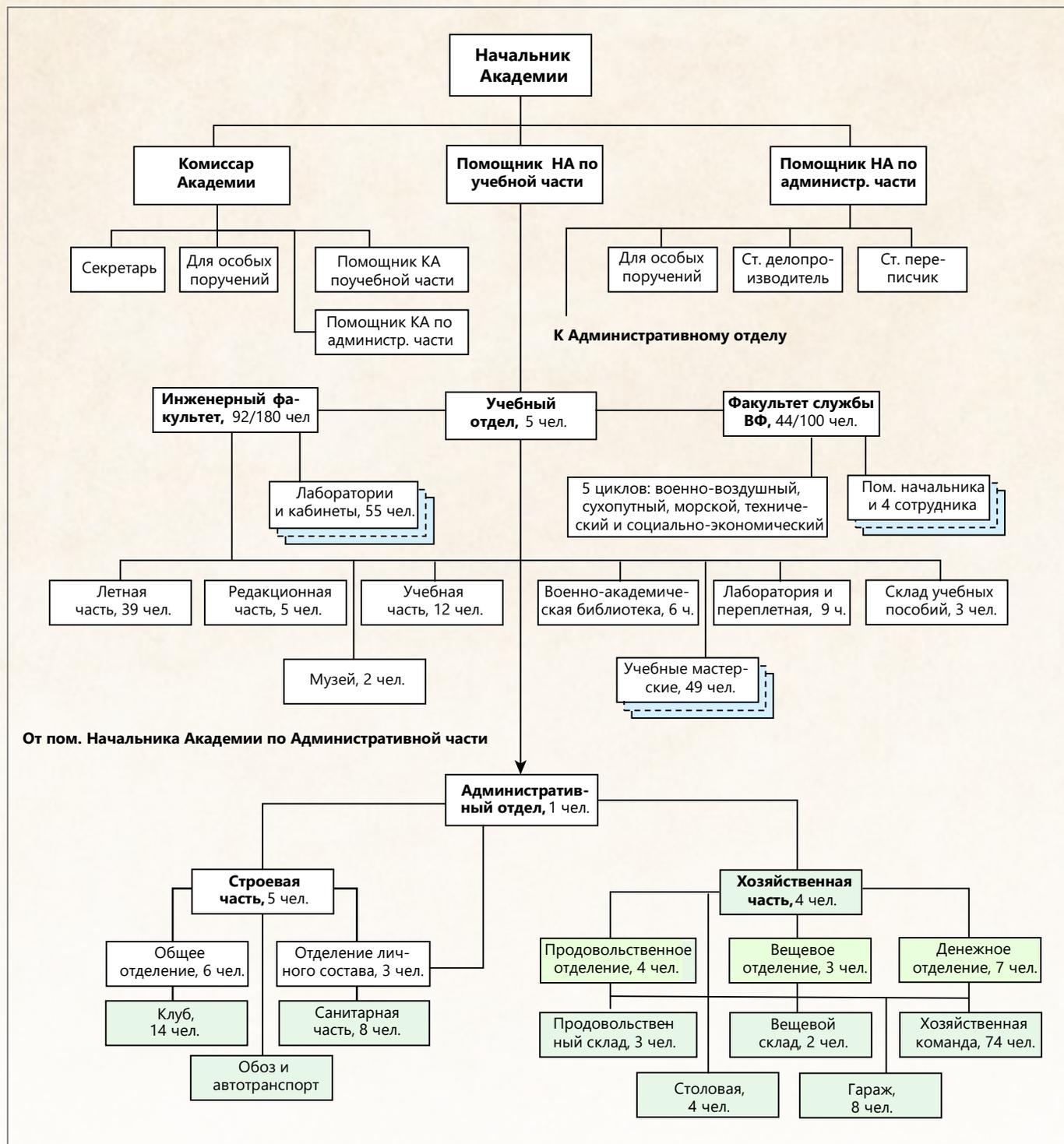
производства; б) факультет службы Воздушного Флота (три года обучения) со специализацией «боевая деятельность авиации». Учебные занятия на командном факультете начались 11 февраля 1924 г.

Через год, 24 февраля 1925 г. на место начальника Академии ВФ им. Жуковского был назначен Владимир Соломонович Лазаревич (1882–1938 гг.), который был убежденным сторонником военной реформы, проводимой в это время М.В. Фрунзе. Академия должна была под руководством Лазаревича подготовить авиационные кадры для обновленной авиации.

▲ В.С. Лазаревич

Примечания:

1) Числитель – пост. состав. Знаменатель – перем. состав.

2) Голубая заливка – авиационные специалисты, светло-зеленая – общевоинские специалисты.

▲ Организационно-штатная структура Академии ВФ в январе 1924 г.

▲ Механики готовят к боевому вылету ДБ-3

Первый выпуск слушателей командного факультета ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского состоялся 29 января 1927 г. в количестве 33 человек. Далее последовало его упразднение, так как на 1 200 боевых самолетов в строю, включая гидроавиацию, не требовалось много командиров. Недостающий кадр авиаторов-командиров давали курсы усовершенствования. Кроме того, в это время часть командиров высокого ранга перешло в ВВС из других войск.

Через несколько лет, в 1930 г., в связи с резким увеличением количества самолетов в войсках и амбициозным планом строительства ВВС РККА в первую пятилетку командный факультет был восстановлен. Работавшая осенью 1930 г. в Академии проверочная комиссия штаба РККА доложила в РВС СССР свое мнение о командном факультете. В результате из РВС последовали указания готовить на нем авиационных командиров-единоначальников и начальников штабов, знающих все основы применения авиации корпуса, армии и фронта, а также авиационную тех-

нику настолько, чтобы уметь грамотно применять ее в тактическом отношении. Кроме того, РВС сократил своим решением срок обучения на командном факультете до двух лет.

Для уяснения, что стало с инженерным факультетом Академии, возвратимся из 1930 в 1923 год. Тогда в Академии определили задачу для инженерного факультета так: подготовка инженеров-авиаконструкторов, инженеров-производственников и инженеров-эксплуатационников.

Начиная с 1924/25 учебного года, в Военной Воздушной Академии имени профессора Н.Е. Жуковского (это название было узаконено 17 апреля 1925 г.) слушателей — будущих инженеров стали готовить для следующих областей деятельности: техническое обеспечение и работа на аэродроме, руководство технической службой авиабазы, авиапарка и склада, руководство ремонтом авиаимущества в мастерских и на ремонтных заводах, аэродромное строительство, служба в штабах и управлениях по руководству техническим хозяйством ВВС и преподавательская деятельность в вузах ВВС.

5 апреля 1925 г. приказом РВС СССР №351 было объявлено о состоявшемся первом выпуске из Академии инженеров-механиков.

После кончины М.В. Фрунзе, случившейся 31 октября 1925 г., отношение к Академии со стороны РВС СССР ухудшилось. К середине 1926 г. инженерный факультет выпустил для всех отраслей Воздушного флота свыше сотни военных инженеров-механиков, однако они в основном стали работать в авиапромышленности и научных учреждениях. То, что Академия, будучи военной, не дает основную свою инженерную продукцию для ВВС, не могло не раздражать Реввоенсовет.

В процессе отстаивания Академии веское слово в ее защиту сказал начальник ВВС П.И. Баранов. Он еще раз четко заявил, что ВВС нужны не теоретики, имеющие универсальное техническое образование, а военные авиационные инженеры, хорошо знающие требования боевого применения авиационной техники и условия ее работы, нужны также специалисты, умеющие конструи-

▲ С.Г. Хорьков

ровать и строить военные самолеты, всесторонне их оценивать и испытывать их качества.

Завязалась упорная борьба, в ходе которой Академию еще раз и уже окончательно удалось отстоять. Руководством ВВС перед Академией в связи с завершением военной реформы ставились актуальные задачи

коренной перестройки работы в соответствии с ускорением развития ВВС и авиационной промышленности, однако начальник Академии В.С. Лазаревич в течение двух лет своей деятельности не смог добиться ее органического вставания в систему ВВС РККА.

Поэтому начальником Академии в этот непростой для нее период должен был стать человек, хорошо представляющий организационно-технические проблемы ВВС РККА. Учтя это обстоятельство, Реввоенсовет в июне 1927 г. приказом № 139 поставил во главе Академии Сергея Григорьевича Хорькова (1895–1938 гг.), работавшего до этого в Управлении ВВС РККА.

В конце 1920-х гг. ВВС РККА вступали в период технической реконструкции. Во всех сферах государства наступал «великий перелом». Именно тогда Академия им. проф. Н.Е. Жуковского стала известна широкой общественности. Организованное газетой «За индустрию» в 1930 г. всесоюзное соревнование на звание первого втуза СССР

по реорганизации подготовки инженерно-технических кадров выиграла ВВА Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) им. Н.Е. Жуковского. Экспертная комиссия 7 апреля 1930 г. вынесла решение: «Военно-воздушная академия имеет особые достижения в области реорганизации: она лучше и раньше всех втузов осуществила партийные директивы. Жюри просит Реввоенсовет в особом приказе отметить заслуги Академии и премировать ее. Академии должно быть вручено переходящее знамя лучшего втуза СССР».

Все вдруг увидели, что академия Жуковского к 1930 г. успела вырасти в крупнейший учебный и научный центр. Сразу после подведения итогов конкурса партийная организация Академии выступила с инициативой, чтобы на основе мобилизации всех сил Академии и развертывания социалистического соревнования, сократить срок обучения с четырех до трех с половиной лет. Однако это сразу вызвало протест среди сторонников традиционных форм подготовки инженеров.

▲ Авиаконструктор С.В. Ильюшин в академии

▲ Полетное задание

Вопреки протестам обучение в Академии было переведено на активно-групповой метод. Лекции проводились в минимальном количестве и только по вопросам, не имеющим печатной литературы. В эти годы ВВА им. проф. Н. Е. Жуковского пришла на помощь гражданским авиавузам и авиафакультетам страны, широко открыв их студентам двери своих лабораторий, мастерских и кабинетов.

Одновременно в Академии набирала силы подготовка научно-педагогических кадров. Одним из первых защитил диссертацию адъютант В. С. Пышнов на тему «Штопор самолета». В июне 1929 г. свои диссертации защитили Я. М. Курецкий («Продольная устойчивость и колебательные движения самолета около поперечной оси») и В. Ф. Болховитинов («Корабельные самолеты и катапульты»). Осенью 1929 г. Академия довела число адъютантов до 15 человек.

В 1931 г. по праву считалось, что воспитанники Академии руководят практически всей авиационной материальной базой СССР. Руководство авиационных заводов, научно-исследовательских и научно-испытательных институтов в основном состояло из бывших слушателей Академии. Ими теперь в значительной степени были насыщены и ВВС РККА. Наиболее ответственная руководящая работа в авиации поручалась воспитанникам Академии.

ВВС СССР и Управление ВВС РККА в начале 1930-х гг. стали рассматривать Академию как главный центр подготовки высококвалифицированных авиационных кадров и научно-исследовательской деятельности по развитию авиации, причем, не только в ее технической области, но и в области военного искусства. Например, авторами труда для летных школ «Тактика бомбардировочной авиации» стали работавшие в ВВА РККА им. Н. Е. Жуковского А. Алгазин, Ф. Ковалев, А. Беляков, Б. Карташев и М. Баташев. Издание этой книги под редакцией В. В. Хрипина стало несчастливым явлением, так как именно в это время, в ВВС поступают на вооружение новые самолеты: тяжелые бомбардировщики (двухмоторный ТБ-1 и четырехмоторный ТБ-3), истребитель И-5 и разведчик Р-5.

В связи с возросшим удельным весом специальности по эксплуатации авиационной техники в июне 1931 г. инженерный факультет был разделен на два факультета: воздушно-технический и эксплуатационный. В том же году в ВВА создается кафедра авиационного тыла.

В начале 1930-х гг. в ВВС РККА обозначился рост аварийности. Главные причины этого: резкое увеличение численности новых самолетов в войсках и прибытие для их освоения массы молодых выпускников летных и технических учебных заведений, где методика подготовки отставала от требований к эксплуатации новой техники. Однако военнополитическое руководство страны назвало главной причиной роста аварийности — отсутствие должной дисциплины в ВВС РККА.

Тогда начальник ВВС РККА Я. И. Алкснис принял ряд мер для наведения в ВВС уставного порядка. Следуя установкам Управления ВВС, начальник Академии С. Г. Хорьков летом 1932 г. весь переменный и постоянный состав ВВА им. проф. Н. Е. Жуковского провел через лагерную учебу. Производственное обучение было перестроено в форму должностной практики на заводах, в ча-

Тогда начальник ВВС РККА Я. И. Алкснис принял ряд мер для наведения в ВВС уставного порядка. Следуя установкам Управления ВВС, начальник Академии С. Г. Хорьков летом 1932 г. весь переменный и постоянный состав ВВА им. проф. Н. Е. Жуковского провел через лагерную учебу. Производственное обучение было перестроено в форму должностной практики на заводах, в ча-

Тогда начальник ВВС РККА Я. И. Алкснис принял ряд мер для наведения в ВВС уставного порядка. Следуя установкам Управления ВВС, начальник Академии С. Г. Хорьков летом 1932 г. весь переменный и постоянный состав ВВА им. проф. Н. Е. Жуковского провел через лагерную учебу. Производственное обучение было перестроено в форму должностной практики на заводах, в ча-

стях ВВС и научных институтах. Академия перешла на строевой расчет: учебная группа была преобразована в отделение с командиром отделения во главе.

Слушатели того времени вспоминали, как они в Хамовнических лагерях (не в пример другим академиям) должны были систематизировать свои знания по элементарной математике и заниматься строевой подготовкой.

В 1932 г. ВВА отметила свой десятилетний юбилей (по отношению к 1922 г.). В связи с этим событием на расширенном заседании РВС 20–25 октября 1932 г. С. Г. Хорьков говорил о том, что «приказ Наркомвоенмора № 090 поставил перед академией наравне с повышением специальной подготовки, задачу — решительно повысить дисциплину, стрелковую, строевую и физическую выучку с тем, чтобы академия являлись образцом в этом отношении. За истекший год Военная воздушная академия в этом направлении сделала больше, чем за все предыдущие девять лет своего существования. (...) За этот год сильно повысилась практическая подготовка нашего командира-инженера. Следует отметить некоторое улучшение снабжения новейшими образцами материальной

части. (...) Досрочные выпуски очень сильно нас били [С. Г. Хорьков имел в виду переход Академии в 1929–1930 гг. на подготовку инженеров за три с половиной года, а затем даже только за три]. Научно-исследовательская работа в области самостоятельных действий авиации, организация нескольких крупных учений были поручены нашей академии. Огромное количество наших преподавателей и слушателей привлекалось к инспектированию и инструктированию строевых частей Воздушного флота. (...) За последние десять лет своего существования академия развернулась в 20 раз, за последние пять лет — в 12 раз. Академия представляет собой очень сложный организм, состоящий из трех факультетов, по сути дела — из трех учебных заведений. Однако нужно отметить, что решение организационных вопросов сильно затягивается из-за разногласий со Штабом РККА».

В 1933 г. на командном факультете были созданы оперативные курсы для подготовки командиров и начальников штабов крупных авиационных соединений. Объясняя необходимость оперативного факультета, в 1934 г. Я. И. Алкснис говорил на собрании Академии: «Проблему среднего звена мы решили, школ и учи-

лиц у нас достаточно. Теперь надо готовить кадры высшего звена. Нам нужны комбриги и командармы». Оперативные курсы оформились в оперативный факультет, который в 1935 г. сделал первый выпуск.

На этом факультете стала зарождаться новая отрасль военной науки — оперативное искусство ВВС. Здесь осмысливалось на научной основе боевое применение тяжелой авиации и оперативных воздушных десантов, разрабатывалась соответствующая уставная литература, велась подготовка к учениям и маневрам с массированным применением авиации.

В 1935 г. на оперативном факультете ВВА, возглавляемом Е. А. Шилловским, лекции читали А. Н. Лапчинский, А. С. Алгазин, В. В. Хрипин, В. П. Афанасьев, М. Н. Никольский, и другие наставники и воспитатели, заложившие основы авиационной теоретической мысли в нашей стране. Обзорные лекции о перспективах развития авиации читал начальник управления боевой подготовки ВВС С. Н. Богомяков.

Несмотря на заслуги в подьеме Академии в первую пятилетку, С. Г. Хорьков, отличавшийся независимостью взглядов на строительство ВВС, был в 1933 г. снят с должности

▲ Академия, 1935 год

▲ А.И. Тодорский

начальника Академии и переведен на руководящую должность в дирижаблестроение.

Начальником Академии в декабре 1933 г. назначается Александр Иванович Тодорский (1894–1965 гг.). При нем в 1934 г. организуется воздушно-артиллерийский факультет, переименованный вскоре в факультет авиационного вооружения.

Теперь в Академии имелось пять факультетов: командный, оперативный, эксплуатационный, воздушно-технический и авиационного вооружения, а также ряд курсов усовершенствования.

Академия в 1930-е гг. имела возможность вести летные практи-

ческие занятия. Так, в 1935 г. над Центральным аэродромом будущие командиры-летчики практиковались в полетах на новом скоростном бомбардировщике СБ. В числе слушателей был Герой Советского Союза Н.П. Каманин.

Заключительным этапом учебы было обобщение накопленного опыта через составление разработки по оперативно-тактической подготовке. Например, у будущего маршала авиации С.А. Красовского тема разработки имела название «Действия авиационного корпуса в наступательной операции».

На командном факультете ВВА регулярно проводились теоретические конференции. Участникам одной из них запомнилось выступление слушателя Академии будущего дважды Героя Советского Союза Г.П. Кравченко. Он говорил о тактике воздушного боя так: «Любой воздушный бой складывается из трех компонентов: осмотрительности, маневра и огня. И овладеть им надо в совершенстве. Главное — нападать, в этом ключ к победе. Его спрашивали, а если враг жмет числом? — Все равно нападать. Оборона в воздушном бою немислима».

Во второй половине 1930-х гг. Р.К. Ратауш, С.И. Руденко, В.Ю. Юнгмейстер, П.И. Пумпур, С.Ф. Жаворонков, Б.А. Туржанский, А.С. Колесов, Ф.Г. Мичугин, К.Н. Смирнов, И.Е. Богослов, А.И. Таюрский и дру-

гие выпускники ВВА им. Н.Е. Жуковского заняли ответственные посты в ВВС РККА.

С 1 июля 1935 г. в связи с награждением Академии орденом Ленина она стала именоваться: «Военная Воздушная ордена Ленина академия РККА имени Н.Е. Жуковского».

В 1936 г. приказом начальника ВВС №062 «О научно-исследовательских работах в Военно-Воздушной Академии» предписывалось в научно-исследовательские работы (НИРы), проводимые в ВВА им. Н.Е. Жуковского, запланировать исследование вопросов по скорости, дальности и высотности полетов. В Академии был создан Совет по НИР. Результаты НИР докладывались Главному инженеру ВВС.

В связи с открытием в 1930–1932 гг. ряда вузов, в частности — Московского, Харьковского, Новочеркасского, Казанского авиационных институтов, положивших начало массовой подготовке инженеров для авиапромышленности, изменилось целевое назначение Академии. Она к 1936 г. почти полностью перешла к подготовке специалистов по эксплуатации состоящей на вооружении авиатехники. Как следствие перехода к единому профилю военного инженера, в 1936 г. в Академии эксплуатационный и воздушно-технический факультеты объединились в инженерный факультет.

▲ Выпускники академии у наркома обороны К.Е. Ворошилова

А. И. Тодорский в течение двух с половиной лет «при содействии партийной организации и передовых людей Академии» (так всегда подчеркивал сам Тодорский) продолжал поддерживать Академию в числе лучших технических вузов и военных академий страны. В 1936 г. он был награжден орденом «Красной Звезды» и золотыми часами от Наркома обороны. В том же году Тодорский назначается на должность начальника Управления военно-учебных заведений РККА. В середине 1930-х гг. в ВВС неослабно шла борьба с аварийностью. В апреле 1936 г. получила премию за безаварийность Военная школа морских летчиков и летнабов в Ейске, начальником которой был Зиновий Максимович Померанцев (1896–1993 гг.). В 1935 г. налет на одну аварию в этой школе составил 124 459 посадок за 1935 г. За тот же год налет на одну аварию в строевых частях ВВС составил 3 921 на посадку, а по школам в среднем — 19 737 посадок. Нарком обороны К. Е. Ворошилов и начальник ВВС Я. И. Алкснис высоко оценивали опыт Померанцева в борьбе с аварийностью. Это послужило одной из причин его назначения в сентябре 1936 г. на освободившуюся должность начальника ВВА РККА им. Жуковского.

21 августа 1936 г. НКО издал приказ № 154, определявший профили и целевую установку на обучение во всех академиях и на военных факультетах. В ВВА им. Жуковского Нарком утвердил четыре факультета: инженерно-командный, эксплуатационный, инженерный и авиационного вооружения, не считая курсов усовершенствования высшего начальствующего состава, однако вскоре наименования факультетов вновь были изменены.

В сентябре 1938 г. приказом НКО № 0172 отдел подготовки штурманов ВВА РККА имени проф. Жуковского был развернут в факультет авиационных штурманов с трехгодичным сроком обучения.

В 1938 г. отражением потреб-

ностей ВВС в кадрах явилось разветвление структуры ВВА им. Н. Е. Жуковского. Вместо командного факультета развернулись курсы усовершенствования начальствующего состава ВВС, командиров частей авиационного тыла, штабных офицеров, инженеров, преподавателей авиашкол и т. д. Увеличился набор на факультеты: авиационного вооружения, оперативный, заочного обучения (создан в 1937 г.) и штурманский. В 1938 г. началась подготовка инженеров и по реактивной специальности. До войны было произведено два выпуска, после чего данная подготовка была упразднена до 1944 г.

С сентября 1939 г. при ВВА им проф. Н. Е. Жуковского для повышения теоретической подготовки инженеров-практиков строевых частей и школ ВВС, не имевших высшего технического образования, были созданы семимесячные курсы.

Развертывание ВВС накануне Великой Отечественной войны потребовало реорганизации высшей подготовки авиационных кадров. Поэтому 29 марта 1940 г. приказом Наркома обороны (НКО) СССР № 73 на основании решения Комитета обороны от 11 марта того же года из состава Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского были выделены факультеты: командный, оперативный, штурманский, заочный командный и курсы усовершенствования начальствующего состава ВВС в самостоятельную академию, получившую название «Военная академия командного и штурманского состава ВВС Красной Армии» с дислокацией в пос. Монино. Вновь созданный вуз возглавил З. М. Померанцев. Начальником же Академии им. Жуковского в составе факультетов: инженерного, авиационного вооружения, заочного и курсов по переподготовке инженерного состава стал Николай Александрович Соколов-Соколенок (1902–1972 гг.).

24 августа 1940 г. приказом НКО № 0196 было объявлено об увеличении количества слушателей в Академии им. Жуковского. Пред-

▲ З.М. Померанцев

писывалось новый набор слушателей на 1 курс в 1940 г. произвести по штатной численности, указанной в прилагаемой к приказу ведомости (см. «Таблица 6.12»). Очевидно, что таблица, составленная в Генштабе, не учитывает, какие на самом деле в это время работали в Академии им. Жуковского факультеты. Она отражает сложившуюся потребность в специалистах. В таблице учтен опыт Советско-финляндской войны, выветивший нехватку специалистов по вооружению и недостаточное метеорологическое обеспечение действий авиации. Кстати, война в Афганистане (1979–1989 гг.) также выявила недостаток в ВВС специалистов-вооруженцев.

▲ Н.А. Соколов-Соколенок

Наименование академии и факультета	Квалификация	Штат слушателей
Военно-воздушная академия им. Жуковского		
Факультет вооружения	Военный инженер по вооружению авиации	800
Инженерный факультет	Военный инженер авиации	800
Гидро-метеорологический факультет	Военный метеоролог с высшим военно-специальным образованием	200
Заочный факультет	–	500
Вечерний факультет	–	100
Курсы переподготовки инженерного состава	–	100

В феврале 1941 г. Генштаб уточнил: «Для покрытия некомплекта в инженерах по эксплуатации, вооружению и спецоборудованию: а) расширить Академию им. Жуковского на 1 100 человек, доведя общее количество переменного состава до 2 800 слушателей, из них: на инженерном факультете — 1 200, на факультете авиавооружения — 1 000 и на факультете специального оборудования — 600 человек переменного состава. Срок обучения в ВВА — 3 года» — уменьшался на один год (с четырех до трех лет).

Старшие техники авиаэскадрилий, заместители старших техников авиаэскадрилий по вооружению, начальники авиамастерских, начальники самолетных и моторных цехов, начальники связи авиационных соединений и частей, командиры отдельных частей связи, преподаватели и инструкторы авиатехнических школ готовились на курсах переподготовки и усовершенствования ВВА им. Жуковского.

В апреле 1941 г. в Академии был сформирован факультет электро-спецоборудования.

Во время Великой Отечественной войны ведущая роль в пополнении инженерами ВВС КА принадлежала Академии Н. Е. Жуковского. В июле 1941 г. при ней был создан учебный центр для освоения новых самолетов. Обучение занимало не больше недели. Тем не менее это позволило быстро переучить на новую авиационную технику тысячи летчиков, штурманов и техников, прибывших из запаса.

В связи с приближением фронта к Москве решено было перебазировать Академию в Свердловск (ныне Екатеринбург). 26 июля 1941 г. первый

▲ Еланские лагеря, 1940 г.

▲ С.П. Хадеев

эшелон с демонтированным оборудованием и личным составом направился к месту нового базирования. Для размещения Академии в Свердловске было выделены корпуса Свердловского пехотного училища.

В августе 1941 г. начальником ВВА им. Жуковского был назначен полковник (военинженер I ранга) Степан Петрович Хадеев (1901–1977 гг.), так как Н.А. Соколов-Соколенок был назначен начальником тыла ВВС. Но-

вый начальник Академии руководил восстановлением учебной и научно-исследовательской работы в Свердловске. По инициативе С.П. Хадеева при Академии в помощь фронту были созданы курсы усовершенствования инженеров ВВС.

В Свердловске личный состав Академии обучал летно-технический состав ВВС, прибывавший на кратковременные сборы для повышения квалификации и изучения новой техники. В течение августа и начала сентября 1941 г. эту подготовку прошли более 5 000 (!) человек. Занятия проводились в две смены. Были также организованы курсы переподготовки выпускников гражданских технических вузов.

В Академии в условиях эвакуации на инженерном факультете был образован диссертационный ученый совет. Не прекращалась научно-исследовательская работа. Во время войны она была направлена на повышение надежности и эффективности боевого применения самолетов, точности воздушной стрельбы и бомбометания.

В октябре 1942 г. начальником Академии снова стал Н.А. Соколов-

Соколенок. В июне 1943 г. ВВА им. Жуковского возвратилась в Москву. В 1945 г. за значительный вклад в Победу над фашистской Германией она была награждена орденом Красного Знамени.

6 августа 1946 г. Академия приобретает название: «Военно-воздушная инженерная академия имени профессора Н.Е. Жуковского». В этот же день в ней образуется радиотехнический факультет. После войны в работе ВВИА все больше внимания стало уделяться эксплуатационной направленности обучения слушателей. Подготовка инженеров организовывалась и проводилась с максимальным приближением к практике и запросам частей ВВС. Придавалось особое внимание дисциплинам, относящимся к области аэродинамики сверхзвуковых скоростей, конструкции двигателей, авиационного вооружения, систем электроснабжения самолетов, автоматики и вычислительной техники, автоматизированных систем управления.

В марте 1947 г. начальником ВВИА им. Жуковского был назначен Волков Владимир Иванович

▲ Парад на Красной площади, 1945 год

▲ В.И.Волков

(1900–1988 гг.). Под его руководством в послевоенный период осуществлялось дальнейшее развитие Академии на базе новейших достижений авиационной, военной науки, опыта Великой Отечественной войны и совместных разработок с ЦАГИ, конструкторскими бюро и промышленностью в области самолетостроения и реактивного двигателестроения, а также вооружения, авиационного приборного и радиотехнического оборудования. В эти годы в Академии существенно вырос научный потенциал, успешно развивались новые научные направления. В. И. Волков добился расширения материально-технической базы Академии за счет возвращения ей Петровского путевого дворца, передачи в ее ведение корпуса «Е», лагеря под Каширой, проектирования и строительства моторно-испытательной станции с уникальным экспериментальным оборудованием, нового учебно-лабораторного корпуса «К» с учебным ангаром и др. В Академии постоянно проводился в жизнь принцип: «В военном учебном заведении и стены должны учить». В 1961–1968 гг. в Академии прошли инженерную подготовку 15 слушателей-космонавтов, в том числе — Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриан Николаев, Павел Попович, Алексей Леонов, Владимир Комаров.

▲ Слушатели академии — команавты СССР

С 1958 по 1969 г. в Академии состоялось более 60 научно-технических конференций и совещаний. Ученые Академии в своих трудах решили много важных проблем дальнейшего развития и совершенствования боевой техники. Ряд ученых Академии за научные труды был отмечен Ленинскими и государственными премиями.

В 1957 г. слева от Петровского путевого дворца (тогда Дворца Красной авиации) был открыт памятник «отцу советской космонавтики», почетному профессору Академии К. Э. Циолковскому, который выступал с лекциями перед слушателями и находился с Академией в переписке.

В 1959 г. в Академии справа от Петровского путевого дворца был открыт памятник основоположнику гидро- и аэродинамики, «отцу русской авиации» и создателю Академии профессору Н. Е. Жуковскому.

ВВИА вела большую работу по укреплению связей с войсками, расширению сотрудничества, организации сборов руководящего командного, политического и инженерно-технического состава авиационных частей и соединений, оказывала им учебную и консультационную помощь в овладении новой техникой. В 1964–1969 гг. в Академии было подготовлено более 80 учебных пособий по эксплуатации

новой боевой техники и оборудования.

Большую помощь оказывала Академия высшим летным училищам: готовила научно-педагогические кадры, организовывала переподготовку преподавательского состава, вела разработку учебников и учебных пособий, рецензирование и консультации по вопросам учебно-методической и научно-исследовательской работы.

В октябре 1969 г. Академию возглавил Николай Максимович Федяев (1918–1999 гг.). В это время в Академии работало 67 докторов наук и 50 профессоров, 344 кандидата наук, 180 доцентов, 165 старших научных сотрудников. За заслуги в подготовке высококвалифицированных инженерных и научно-педагогических кадров, в развитии авиационной науки и техники, активное участие в решении задачи повышения боеготовности ВВС в 1970 г. Академия была награждена орденом Октябрьской Революции.

В сентябре 1972 г. Министр обороны издал приказ, в котором поставил задачу провести в течение 1972–1975 гг. работу по совершенствованию учебных планов и программ военно-учебных заведений на основе результатов научных исследований по определению объема знаний и практических навыков, которые должны иметь

▲ Н.М. Федяев

выпускники вузов. В связи с этим начальник Академии Н. М. Федяев возглавил комплексную НИР по совершенствованию подготовки офицеров в Академии и авиационных вузах ВВС. Она выполнялась всеми факультетами и отделами ВВИА совместно с Киевским и Рижским высшими авиационными инженерными училищами. По результатам этой работы были приняты важные

▲ В.В. Филиппов

рекомендации по корректировке учебных планов и программ обучения, по введению новых учебных дисциплин, по созданию специализированных лекционных аудиторий и классов.

В феврале 1973 г. начальником Академии стал Василий Васильевич Филиппов (1920–2005 гг.). Он привнес в учебный процесс свой опыт руководителя инженерно-авиаци-

онной службы ВВС. В. В. Филиппов лично активно участвовал в учебном процессе. Он явился одним из основателей в 1975 г. научного семинара «Инженерно-авиационное обеспечение (ИАО), эксплуатация и восстановление авиационной техники». Основная задача этого семинара состояла в выработке общих тенденций развития системы ИАО авиации ВВС.

В 1973 г. в Академии была введена в эксплуатацию Цифровая вычислительная машина (ЦВМ) второго поколения М-222, во второй половине 1970-х гг. ЦВМ третьего поколения ЕС-1022, ЕС-1033 и четыре управляющих вычислительных комплекса М-6000. Широкое применение вычислительной техники позволяло интенсифицировать научные исследования, улучшить подготовку научно-педагогических кадров, повысить качество учебного процесса. Был создан специальный вычислительный центр. На ЭВМ «Мир» слушатели, адъюнкты и преподаватели производили необходимые расчеты.

В 1973–1974 гг. в Академии были проведены исследования и выработаны научно обоснованные

▲ Занятия на учебном КП

▲ В.Я. Кремлев

рекомендации по совершенствованию организации и повышению качества подготовки авиационных кадров с высшим образованием. Их результаты были обсуждены в декабре 1974 года на межвузовской научно-методической конференции на тему «Пути дальнейшего совершенствования подготовки авиационных кадров». По инициативе В.В. Филиппова в Академии началась подготовка руководящего инженерного состава ВВС (ПРИС). На ней обучались слушатели, имевшие опыт работы в войсках и базовое инженерное образование.

Определяющим направлением новых учебных планов и программ ВВИА имени Н.Е. Жуковского во второй половине 1970-х гг. являлись подготовка и изучение передового опыта эксплуатации и ремонта авиационной техники, вопросов ее боевого применения, методов оценки боевой эффективности, надежности и живучести. Было увеличено время на изучение оперативно-тактических и военно-специальных дисциплин, на практику и войсковую стажировку. На всех факультетах наладилось широкое изучение вычислительной техники. Обучение слушателей ориентировалось на новую авиационную технику — сверхзвуковые самолеты третьего поколения. В учебные пла-

▲ В.В. Коваленок

ны вводился ряд новых дисциплин по боевым авиационным комплексам, учитывался опыт боевого применения авиации в Афганистане.

В 1980-х годах наряду с традиционными методами обучения в Академии стали применяться новые методы обучения, включая проблемный метод В.Ф. Шаталова.

С 1986 г. Академию возглавлял Кремлев Виталий Яковлевич (1928–2006 гг.). Под его руководством была начата подготовка инженеров из гражданской молодежи, осуществлены меры по оснащению Академии новой авиационной техникой, по интенсификации подготовки научных кадров, усилению интеграции вузовской науки с производством за счет создания на кафедрах проблемных лабораторий, повышению роли ученого совета Академии в решении проблем качества подготовки инженерных кадров и эффективности научных исследований.

В июле 1992 г. начальником Академии стал Владимир Васильевич Коваленок 1942 года рождения. За годы его руководства Академией в 1994 г. был образован научно-методический центр, в 1995 г. сформирован факультет базовой подготовки, создано несколько новых кафедр.

В 1998 г. Петровский дворец в течение 75 лет бывший главным корпусом, сердцем и одним

▲ А.Н. Максимов

из символов Академии, был передан в ведение лужковской мэрии Москвы. Управление Академии переехало в дом №3 на Планетной улице.

В 2002 г. ВВИА им. Н.Е. Жуковского возглавил генерал-майор Анатолий Николаевич Максимов. Во время руководства Академией Анатолий Николаевич прилагал максимум усилий для сохранения традиций и достигнутого уровня преподавания Академии. В сложных условиях организационных неурядиц и недофинансирования постоянному составу ВВИА, руководимому А.Н. Максимовым, это удалось. ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского вплоть до объединения с ВВА им. Ю.А. Гагарина продолжала выпускать для авиации Вооруженных Сил РФ специалистов с высочайшим уровнем подготовки.

1 сентября 2008 г. Военно-воздушная инженерная орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменная академия имени профессора Н.Е. Жуковского объединилась с Военно-воздушной академией им. Ю.А. Гагарина. Объединенный вуз стал именоваться: «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина».

В 2011 г. объединенная ВВА переехала в г. Воронеж.

▲ Г.В. Зибров

В настоящее время Академия им. Жуковского продолжает свою деятельность по подготовке военных авиаторов в вузе под наименованием: Военный учебно-научный центр

ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина».

Образовательную деятельность в составе Академии ведут 21 факуль-

тет, 89 кафедр, размещенные в Воронеже и филиалах в Челябинске и Сызрани, научно-исследовательские центры и другие структурные подразделения. В Академии функционируют докторантура и адъюнктура очной формы обучения. Для защиты кандидатских и докторских диссертаций действуют 8 диссертационных советов по 18 научным специальностям. Также осуществляется целевая подготовка адъюнктов иностранных государств. Научный потенциал составляют авторитетные ученые — заслуженные деятели науки и работники высшего образования, возглавляющие 22 научные и научно-педагогические школы. В их числе: доктора наук и профессора — 125 человек, кандидаты наук — 872, доценты и старшие научные сотрудники — 467 человек.

13 декабря 2012 г. начальником Военного учебно-научного центра ВВС «Военно-воздушная академия имени проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» был назначен

▲ Экзаменационная комиссия

▲ Учебная база академии

Геннадий Васильевич Зибров. Под его руководством Академия сегодня успешно готовит кадры для Воздушно-космических сил.

Послесловие: Столетняя история Академии насыщена важными событиями. В ней заключены судьбы многих выдающихся людей. Ведущая роль в деятельности учебного заведения, каковым является прославленная «Жуковка», принадлежит профессорско-преподавательскому составу. Поэтому, отдавая должное всем его представителям, скончавшимся и ныне здравствующим, нельзя в юбилей Академии не назвать замечательных ученых и преподавателей, деятельность которых известна не только в России, но и в мире. Среди них:

Белоцерковский Сергей Михайлович (1920–2000 гг.) — заместитель начальника Академии по учебной

и научной работе, доктор технических наук, профессор, генерал-лейтенант авиации.

Вентцель Елена Сергеевна (1907–2002 гг.) — советский математик, писатель, популяризатор науки, доктор технических наук, профессор, автор учебников по теории вероятности и исследованию операций.

Доброленский Юрий Павлович (1917–1993 гг.) — профессор, доктор технических наук, генерал-майор авиации, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, начальник факультета авиационного оборудования.

Кулебакин Виктор Сергеевич (1891–1970 гг.) — академик, ученый в области теории управления, специалист по самолетостроению, представитель первого поколения кибернетиков в СССР. Коллеги подчеркивали, что все-таки люби-

мой работой Виктора Сергеевича была педагогическая деятельность по подготовке инженеров.

Пугачев Владимир Семенович (1911–1998 гг.) — выдающийся российский ученый и педагог, доктор технических наук, профессор, академик АН СССР, заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

Стечкин Борис Сергеевич (1891–1969 гг.) — академик, русский и советский ученый и конструктор в области авиадвигателей. Значительную часть деятельности Бориса Сергеевича составляла преподавательская работа.

Юрьев Борис Николаевич (1891–1970 гг.) — академик, русский и советский ученый-авиатор, заместитель начальника Академии, ученый и конструктор в области авиадвигателей, изобретатель автомата перекоса вертолета. ■

В.Н. УСОВ

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

▲ Руководство ГПУ во главе с Ф.Э. Дзержинским

В Советской России разведка велась по нескольким каналам: по линии ВЧК, ОГПУ; по линии военной разведки Красной Армии (ГРУ) и по линии Коминтерна и по линии Народного Комиссариата Иностранных Дел (НКВД). Все секции Коминтерна в Оргбюро находились в тесном контакте с советскими службами безопасности и разведки Красной Армии.

Летом 1917 г., когда большевики готовились к захвату власти, Яков Христофорович Петерс (1886–1938) руководил своего рода контрразведкой внутри партии.

С октября 1917 г., когда появилась Советская Россия, перед ней встала серьезная задача — борьба с тай-

ными контрреволюционными организациями внутри страны, большая часть которых была связана с иностранными разведками, опиралась на их помощь и поддержку. Гражданская война, голод и разруха, разгул бандитизма остро ставили вопрос о существовании самой Советской России. В этой кризисной для новой власти ситуации уже 20 декабря 1917 г. для борьбы с контрреволюцией и саботажем была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), которую возглавил Ф. Э. Дзержинский. В связи с тем, что внутренняя и внешняя угроза оказались тесно связанными, переплеталась борьба с внутренними враждебно настроенными к новому режиму тай-

ными организациями и с внешней контрреволюционной и разведывательной деятельностью большинства зарубежных государств, желавших ликвидации новой России и ее самостоятельности, вскоре «щиту и мечу» Революции — ВЧК были переданы разведывательные и контрразведывательные функции. Разведка оказалась в рамках силовых, репрессивных структур. В. И. Ленин прилагал усилия к тому, чтобы внутри механизма репрессий соблюдались определенные рамки. «Человек твердого и решительного характера, он не стремился к насилию, даже когда внутренняя уравновешенность слишком рано уступает место „болезненному“ восприятию оппозиции, —

Усов Виктор Николаевич — советский, российский китаевед, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской Академии Наук. Родился 5 января 1943 года в Москве в семье служащих. В 1967 году окончил Институт Восточных языков при МГУ (ныне Институт стран Азии и Африки) по специальности историк, востоковед, референт-переводчик китайского языка. В 1966 году проходил языковую практику в КНР в Пекинском институте иностранных языков. С началом «культурной революции» досрочно был выслан на родину. В 1974 году защитил кандидатскую диссертацию «Политическая борьба в Китае на начальном этапе «культурной революции». Во время работы в Институте Дальнего Востока РАН выезжал на стажировку за рубеж: в Сингапурский государственный университет (1975), Пекинский институт иностранных языков (1986), Народный университет Китая, факультет истории партии (1989). Был в научных командировках в США, Венгрии, Польше, Монголии, Китае. В 1998 году защитил докторскую диссертацию «КНР в первой половине 60-х годов XX века: поиск путей развития». В.Н. Усов известен как специалист по новейшей истории Китая. Член Ученого совета Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра изучения новейшей истории ИДВ РАН, руководитель курсов китайского языка при

Институте практического востоковедения и ИДВ РАН, член редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока», член Центрального правления Общества российско-китайской дружбы. Основные направления научных исследований — история Китая, китайская культура (быт, нравы, традиции), российско-китайские отношения, история КПК и КНР. Автор более 200 научных работ по исследуемым темам, изданных в восьми странах (КНР, США, Франция, Польша, Чехия, Венгрия, Россия и др.).

отмечают известные на Западе историки Р. Фалиго и Р. Коффер в своей книге «Всемирная история разведывательных служб». — После смерти В. И. Ленина режим ужесточается по указке тандема Зиновьев-Каменев. Но вскоре они были устранены Сталиным, который положил начало самой кровавой и тоталитарной форме правления».

Архивные материалы свидетельствуют, что уже с первых месяцев существования ВЧК ею предпринимались попытки ведения разведывательной деятельности за рубежом.

С началом интервенции и Гражданской войны возникла необходимость усилить борьбу с подрывной деятельностью различных иностранных разведок в Красной Армии. 19 декабря 1918 г. Бюро ЦК РКП(б) приняло Постановление об объединении ВЧК и Военного контроля Реввоенсовета (военная контрразведка). Заведующим Военным контролем (Военным отделом) ВЧК был утвержден профессиональный революционер М. С. Кедров.

1 января 1919 г. был создан Особый отдел (ОО) ВЧК, а органы Военного контроля слиты с армейскими ЧК и преобразованы в Особые отделы. 6 февраля 1919 г. Президиум ВЦИК утвердил «Положение об Особом отделе ВЧК и его местных органах», которое возлагало на Особые отделы борьбу с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте; в Положении отмечалось, что ОО ВЧК работает под контролем Реввоенсовета Республики и выполняет все его задания, а его заведующим назначается один из членов Коллегии ВЧК по согласованию с Реввоенсоветом Республики. Особый отдел находился под личным руководством Ф. Дзержинского и следил за «политической благонадежностью» офицеров Красной Армии.

Особые отделы создавались в центральном аппарате ВЧК, в крупных воинских и военно-морских подразделениях, в некоторых губерниях. В Гражданскую войну Троцкий с успехом использует бывших царских офицеров в полках Красной

Гвардии. В.И. Ленин и Ф.Э. Дзержинский считают, что эта значительная сила постоянно и на все сто процентов должна контролироваться режимом, за ней и должны наблюдать эти органы.

Первым руководителем ОО ВЧК был М.С. Кедров. В августе 1919 г. на этот пост был назначен сам председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, а позднее член коллегии ВЧК В.Р. Менжинский. В ОО работал и один из будущих руководителей внешней разведки А.Х. Артузов (Фраучи) выходец из семьи итальянского швейцарца, сыродела, переселившегося в Россию, племянник М.С. Кедрова.

Поражение в войне с Польшей весной 1920 г. вынудило советское руководство сделать еще большей акцент на работе разведки. В сентябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о ее кардинальной реорганизации. В нем говорилось: «Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы,

что особенно ясно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу. Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

В целях укрепления руководства разведывательной работой за рубежом в 1920 г. создается Иностраный отдел внутри ОО ВЧК. Итак, внешняя разведка зародилась в недрах Особого отдела ВЧК, еще не получив самостоятельного статуса и оставаясь внутри структур армейской контрразведки.

Для разработки мер по улучшению деятельности разведки была создана специальная комиссия, в которую вошли И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский и ряд других лиц. На основании разработанных комиссией предложений Ф. Э. Дзержинский 12 декабря 1920 г. отдал следующее распоряжение управляющему делами ВЧК: «Прошу издать секретный приказ за моей подписью о том, что ни один отдел ВЧК не имеет права самостоятельно отправлять агентов, или уполномоченных, или осведомителей за границу без моего на то согласия. Составьте проект приказа об Иностранном отделе ВЧК (с ликвидацией Иностранного отдела Особого отдела ВЧК) и начальнике его и о том, что все агенты за границу от ВЧК могут посылаться только этим отделом».

А уже 20 декабря на его базе создается самостоятельный Иностраный отдел (ИНО) ВЧК — внешняя разведка.

Вот что говорилось в приказе ВЧК за № 169, подписанном Ф. Дзержинским 20 декабря 1920 г.:

«1. Иностранный Отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранного отдела ОО ВЧК передать в распоряжение

▲ Дзержинский Ф.Э. Менжинский В.Р

вновь организуемого Иностранного Отдела ВЧК.

3. Иностранный отдел ВЧК подчинить начальнику Особого отдела тов. Менжинскому.

4. Врио. начальника Иностранного Отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного Отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центрозваком и Бюро Коминтерна всем отделам ВЧК производить только через Иностранный Отдел».

В «Положении о закордонной части ИНО СОУ ГПУ» в части о его зарубежной работе говорилось:

«Закордонная часть ИНО ГПУ является организационным центром, сосредотачивающим все руководство и управление зарубежной работой разведывательного характера, проводимой ГПУ».

«Для выполнения всех вышеизложенных задач за границей в определенных пунктах по схеме, вырабатываемой Закордонной частью ИНО ГПУ, имеют местопребывание уполномоченные, именующиеся резидентами».

В разработанной для Иностранного отдела инструкции указывалось, что при каждой дипломатической и торговой миссии РСФСР в капиталистических странах будет создана резидентура во главе с резидентом, который должен занимать официальное положение в миссии, и как разведчик может быть раскрыт только перед главой миссии. «Каждый резидент, — указывалось в инструкции, — отправляет сведения в Центр в шифрованном виде не реже одного раза в неделю». В целях конспирации было принято обозначать источника резидентуры номером. Позже в практику были введены псевдонимы.

Таким образом, это был первый шаг к созданию сети «легальных» резидентур. В инструкции предусматривалось также, что в страны, не имевшие дипломатических отношений с РСФСР, агентура органов ВЧК направляется нелегально.

Итак, с 20 декабря 1920 г. врио начальника ИНО был назначен Я. М. Давтян (Давыдов).

Я. Х. Давтян сын армянского коммерсанта, учился в Петербурге, студентом в 1905 г. вступил в РСДРП. Через три года был арестован за политическую дея-

тельность, а затем эмигрировал в Бельгию. Там он получил образование инженера. В 1915 г. Давтян едет в Россию, по дороге попадает в немецкую тюрьму для интернированных российских граждан. После революции он оказывается в Париже, являясь членом миссии Российского Красного Креста. Эта работа расширила его политический кругозор, обогатила знаниями мировой культуры. Он приобрел прекрасные манеры и блестящее знание трех европейских языков, так пригодившихся в его дальнейшей работе. В 1919 г. он вернулся в Россию и обратился в ЦК с просьбой помочь устроиться на работу с учетом приобретенного зарубежного опыта. С начала 1920 г. Я. Х. Давтян начал работать в Народном Комиссариате иностранных дел, вскоре стал заведующим отделом Прибалтийских стран и Польши. В это время Дзержинский подыскивал надежную кандидатуру на работу в Иностранный отдел ВЧК. Инесса Арманд рекомендовала ему присмотреться к кандидатуре Я. Х. Давтяна, которого она хорошо знала по работе за рубежом. И вот Дзержинский уже обращается в ЦК с просьбой откомандировать Я. Х. Давтяна из НКВД в органы ВЧК для назначения на создаваемую должность и.о. начальника Иностранного отдела (ИНО). Вскоре (12.XI.1920 г.) Протоколом Оргбюро ЦК утверждено: «Просьбу т. Дзержинского удовлетворить. Откомандировать в его распоряжение т. Давтяна».

Давтян совмещал работу зав. отделом Прибалтийских стран и Польши в Наркоминделе с исполняющим обязанности начальника ИНО ВЧК до февраля 1921 г.

Давыдов—Яков Христофорович Давтян (1888—1938 гг.) исполнял обязанности начальника Иностранного отдела с 20 ноября 1920 по 20 янва-

▲ Давыдов-Давтян

ря 1921 г., когда начальником ИНО назначили Катаняна, а с 10 апреля 1921 г. начальником ИНО вновь стал Давтян.

Следующим начальником ИНО с 6 августа 1921 г. был назначен С.Г. Могилевский, который, не проработав и нескольких месяцев, погиб в авиакатастрофе.

Приказом АОУ ВЧК № 9 от 14 января 1921 г. было образовано Секретно — оперативное управление (СОУ). Его возглавил по совместительству с должностью начальника ОО В.Р. Менжинский. СОУ объединяло три отдела: Оперативный, Особый и Секретный. Особый отдел (начальник — В.Р. Менжинский, заместитель начальника — Г.Г. Ягода, помощник начальника — А.Х. Артузов) имел спецотделения, 14-е спецотделение занималось странами Востока (начальник — Калужский). Через год СОУ включало в себя уже пять отделов: Секретный, Особый, Оперативный, Информационный и Иностранный.

Приказом Управления делами ВЧК № 277 от 2 декабря 1921 г. были введены новые штаты ИНО, а также утверждена новая расстановка личного состава отдела: начальник — С. Г. Могилевский, заместитель начальника — А. И. Апетер, помощники начальника — Р. А. Пилляр и М. А. Трилиссер; Закордонная часть

ИНО (начальник — М. А. Трилиссер, заместитель начальника — Г. Е. Прокофьев); Осведомительная часть ИНО (начальник — Л. Б. Залин, заместитель начальника — В. Ф. Высоцкий); Бюро виз (начальник — Н. Ф. Угаров).

В декабре 1921 г. новым начальником ИНО назначается Михаил (Меер) Абрамович Трилиссер (1883—1940).

Трилиссер М. А. (1883—1940, псевдоним Москвин), уроженец Астрахани, стал профессиональным революционером в 1901 г., когда ему было всего 18 лет. До Первой мировой войны он занимался преимущественно выявлением полицейских шпионов в среде большевистской эмиграции. М. Трилиссер был главным организатором и руководителем Финляндской военной организации РСДРП в 1906 г. После ареста и суда был отправлен на бессрочную каторгу в Сибирь. Позднее Михаил Трилиссер войдет в состав советского военного комиссариата по Восточной Сибири и Забайкалью, станет правительственным эмиссаром Амурской области Дальневосточной Республики. Он создаст первую на советском Дальнем Востоке специальную шифровальную службу для связи с Центром и начнет формировать разведывательный агентурный аппарат. (Р. Фалиго и Р. Коффер считают, что М. Трилиссер вместе со своим братом работал в разведаппарате Коминтерна. Однако скорее всего они ошибаются (хотя у Трилиссера и был брат), это был один и тот же человек, работавший в двух организациях. Так, фамилию М. Трилиссера мы находим в решении Оргбюро ИККИ от 19 декабря 1922 г. о создании нелегальной комиссии (Постоянная нелегальная комиссия ИККИ) вместе с фамилиями О. Пятницкого, Г. Эберлейна и Э. Прухняка).

В феврале 1921 г. М. Трилиссер как делегат от коммунистов Забайкалья участвует в работе X съезда РКП(б). Ему предлагают ра-

▲ Трилиссер М.А.

боту в аппарате ЦК: заниматься вопросами руководства парторганизациями Дальнего Востока. Через полгода, в августе 1921 г., Ф.Э. Дзержинский берет его на работу в ИНО ВЧК. Трилиссеру было поручено заниматься организацией разведывательной работы в странах Западной и Восточной Европы, несмотря на его просьбы заняться работой по восточному региону (Китай, Корея, Япония, Монголия).

В архивном деле Трилиссера имеется его записка (май 1922 г.) о целях и задачах возглавляемого им подразделения.

«Вся разведывательная работа в иностранных государствах, — говорилось в ней, — должна проводиться с целью:

- установления на территории каждого государства контрреволюционных групп, ведущих деятельность против РСФСР;
- тщательного разведывания всех организаций, занимающихся шпионажем против нашей страны;
- добывания документальных материалов по всем указанным направлениям работы.

«...Резидент, — писал Трилиссер, — должен оказывать полное содействие полпреду в работе... Одновременно резидент вправе требовать от полпреда такого же содействия в работе, особенно в целях обеспечения конспирации, использования средств связи и передачи поступающих из ИНО ГПУ денежных средств».

При формировании штатов Трилиссер обращал особое внимание на оперативную подготовку кадров, знание иностранных языков, умение работать с агентурой и приспособляться к быстро меняющимся усло-

виям. Он пригласил некоторых своих старых соратников по подпольной работе в Сибири и Приморье для работы в ИНО. Его заместителем стал С. Г. Вележев — бывший начальник разведупра комвойск в Сибири, ответственными работниками отдела — Я. Минскер, А. Нейман, А. Мюллер, проводившие в свое время разведывательные операции в Маньчжурии.

Сергей Георгиевич Вележев (Ведерников) (1885–1972). Сын священника, участник Первой мировой войны, прапорщик. Член РСДРП с 1905 г. Социал-демократ-интернационалист в 1917–1918 гг. Большевик с 1918 г. В 1917 г. член Омского вокома. С августа 1917 г. помощник командующего Омским военным округом. 12 октября 1917 г. арестован в Петрограде. В апреле 1918 г. кооптирован в состав Центросибири, был членом коллегии Сибирского военного комиссариата. С октября 1918 по апрель 1919 г. в плену у японских интервентов. С октября 1919 г. в партизанском отряде. Помощник командира, командир эскадрона, действовавшего в районе Хабаровска. С марта 1920 г. член Хабаровского райвоенкомата, с апреля — начальник штаба Хабаровского (Восточного) фронта. В июле—ноябре 1920 г. член Военного совета Амурского фронта. С февраля 1921 г. комиссар Оперативного управления, с июня заместитель начальника, а с октября — начальник Разведупра штаба помощника главкома по Сибири. В 1923–1929 гг. — помощник начальника ИНО ОГПУ.

В 1926 г. по инициативе Дзержинского Трилиссер становится заместителем председателя ОГПУ, одновременно исполняя обязанности начальника ИНО.

В 1930 г. по указанию И. Сталина его переводят возглавить органы

▲ Глеб Бокий

Рабоче-крестьянской инспекции. По западным данным, он возвращается работать в Коминтерн. Это соответствует фактам. Так, 21 августа 1935 г. по инициативе И. Сталина он избран в члены Секретариата ИККИ под псевдонимом М. Москвин вместе с руководителем НКВД Н. Ежовым, а в январе 1936 г. решением Секретариата ИККИ была создана «комиссия по проверке квалификации работников аппарата ИККИ» во главе с секретарем ИККИ Москвиным (М. Трилиссером).

В 1922 г. ВЧК реорганизуется в Государственное политическое управление (ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД). После создания СССР ГПУ было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР.

Иностраннный отдел — внешняя разведка — вошел в состав сформированного ОГПУ Секретно-оперативного управления и стал называться ИНО СОУ ОГПУ. Его расширили и укрепили личным составом, достигавшим 70 человек.

Было выработано и Положение об ИНО, определявшее задачи внешней разведки:

- выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, веду-

щих подрывную деятельность против СССР;

- установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем;
- освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений об их экономическом положении;
- добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;
- контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей.

Для решения этих задач было создано шесть географических секторов, которые и должны были заниматься агентурной работой за рубежом. Впоследствии они стали называться отделениями, и число их увеличивалось по мере роста количества резидентур, расширения географических рамок работы и появления новых направлений деятельности развед-

ки. К 1930 г. общий штат ИНО возрос до 122 человек, из них 62 — сотрудники резидентур за рубежом.

К середине 20-х годов перехват и дешифровка разведывательных сообщений стали играть важную роль в советской разведке. Во главе спецотдела ОГПУ, который осуществлял перехват и дешифровку, с 1921 по 1937 г. стоял Г. И. Бокий.

Глеб Иванович Бокий родился в 1878 г. в семье украинского учителя, старого большевика. Участник революции 1905 и 1917 гг., он 12 раз отбывал срок в царских тюрьмах и дважды был сослан в Сибирь, репрессирован в 1937 г.

Спецотдел начал функционировать в ЧК еще в 1921 г., но в то время его деятельность была специализированной и главным образом касалась трудовых лагерей. Постепенно аппарат отдела переключился на перехват и дешифровку документации. Уже к этому времени сотрудникам спецотдела удалось установить подслушивающие устройства в некоторых иностранных посольствах в Москве. Кроме того, они раскрыли ряд дипломатических шифров.

РАЗВЕДУПР — IV УПРАВЛЕНИЕ — ГРУ РККА

5 ноября 2018 г. российская военная разведка отметила свое 100-летие. Именно в этот день в 1918 г. приказом Реввоенсовета Республики (РВСР) за № 197/27 был объявлен штат Полевого штаба РВСР, в его составе штат Регистрационного управления — центрального аппарата, объединившего все органы военной агентурной разведки, которые уже существовали к этому времени (сокращенно Региструп, иногда именуемое в документах и Региструп). Цель военной разведки — сбор,

обработка и доведение до высшего руководства военной, военно-политической и военно-экономической информации.

Однако военная разведка не возникла на пустом месте. В годы Первой мировой войны военной разведкой и контрразведкой ведал Отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) русской армии (сокращенно: Огенквар). Итак, военная разведка направлялась Главным управлением генерального штаба. Структура ее выглядела так: 1) полевые управления: ставка и штабы фронтов; 2) заграничная агентура: военные агенты (так назывались тогда военные атташе) и негласная агентура; 3) штабы Одесского и восточных округов: Туркестанского, Иркутского, Омского, Приамурского и Заамурского.

Агентурная разведка на Дальнем Востоке, помимо негласной агентуры Главного управления Генерального штаба и наших военных агентов в Японии и Китае, входила также и в обязанности штабов округов.

К концу 1917 г. стало окончательно ясно, что Огенквар слишком громоздок. Поэтому было принято решение о его разделении на две части: Отделы 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров. В первом стали заниматься вопросами оперативного характера, а во втором — разведкой, военной статистикой иностранных государств и контрразведкой. Возглавлял тогда 2-й отдел генерал-майор П. Ф. Рябиков, преподававший ранее в Академии генерального штаба (АГШ). Начальником разведывательной части, в состав которой входили добывающее и обрабатывающее отделения, и помощником Рябикова был 3-й квартирмейстер полковник Андрей Васильевич Станиславский.

А. В. Станиславский — 1883 г. рождения, в 1911 г. окончил АГШ, имел звание полковника, с ноября 1917 по сентябрь 1918 г. руководил зарубежной агентурной разведкой, по служебной надобности в сентябре 1918 г. выехал в район

Брянска, перешел линию фронта и предоставил себя в распоряжение белых, умер 21 июля 1941 г. во Франции).

Структурно отдел в начале 1918 г. состоял из восьми отделений. Первое (разведывательное) возглавлял Николай Николаевич Шварц. Выпускник АГШ, штабс-капитан, руководитель Разведотделом штаба Московского военного округа в 1918–1919 гг.

Шварц Н. Н. (1882 г. рождения), окончил АГШ в 1911 г., полковник, с января по октябрь 1918 г. руководил агентурной разведкой, затем работал в Штабе РККА, потом до конца жизни (1936) преподавал в Военной Академии РККА, был начальником ее Восточного факультета.

М. В. Цейтлин в своей книге «Разведывательная работа штабов» вспоминал: «...После октябрьского переворота деятельность штабов вообще замерла, в том числе и разведывательная служба. После подписания Брестского мира, благодаря ликвидации всех штабов, разведывательная служба прекратилась совершенно, и хотя всевозможные партизанские отряды и вели разведку, но ее никто не объединял, и сведения пропадали...Некоторое время продолжалась еще, по инерции, агентурная разведка, получались сведения от русского отделения междусоюзнического бюро в Париже и от иностранных военных миссий, особенно французской». Разведывательные сводки от последней поступали вплоть до конца июля 1918 г.

В мае 1918 г. к руководству операциями на фронтах подключается Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам (Оперод Наркомвоена), преобразованный из оперативного отдела штаба Московского военного округа.

В первое время Оперод объединял всю агентурную и войсковую разведку на территории Советской России, а также выполнял специальные задания Совнаркома. Руководил разведкой Б. И. Кузнецов (1889–1957), в последующие годы служивший на штабных должностях в РККА (с 1940 г. — генерал-майор).

Заграничной агентурной разведкой по-прежнему руководил ГУГШ, возглавляемый с ноября 1917 г. по май 1918 г. генерал-квартирмейстером Н. М. Потаповым (1871–1946).

Н. М. Потапов (1871–1946) генерал-квартирмейстер ГУГШ. С июля 1917 г. Потапов сотрудничал с Военной организацией Петербургского комитета РСДП, возглавлял ГУГШ до его ликвидации в мае 1918 г., затем — на различных ответственных постах в военном ведомстве, на военно-научной и преподавательской работе. Участник чекистской операции «Трест». Генерал-лейтенант.

С переездом в 1918 г. правительственных учреждений в Москву, сюда переехало и ГУГШ, его Отдел

▲ Потапов Н.М.

▲ Сталин И.В. и руководство НКВД

2-го генерал-квартирмейстера размещился на Большой Молчановке, дом 20 (в особняке Глебовых). По структуре Отдел по-прежнему состоял из добывающего (разведывательного) и обрабатывающих (региональных) отделений, все его сотрудники окончили АГШ. Начальником Дальневосточного отделения был К. И. Эзеринг, отвечавший за составление статистических сводок, обзоров по Северной Америке, Китаю и Японии.

В начале мая 1918 г. этот отдел был преобразован в Военно-статистический отдел (ВСО) Оперативного управления Всероссийского главного штаба (ВГШ). ВСО состоял из семи отделений, которыми ведал начальник разведывательной части, шестое отделение было дальневосточным. Им ставилась задача: изучать соответствующие государства «по данным, доставляемым нашей военной разведкой», особенно обращая внимание на изучение их вооруженных сил, вероятных планов войны его с соседями, составление и издание популярных справочников для войск.

Три отделения были в распоряжении начальника регистрационной службы (контрразведки), а также имелись еще военно-агентское и общее отделения, подчинявшиеся

непосредственно начальнику ВСО.

Характерными причинами плохой работы военной разведки в то время было отсутствие взаимоотношений, нескоординированность и разобщенность действий ее основных служб, рассредоточенность в ВГШ, Высшем военном совете и Опероде Наркомвоена.

«В настоящее время разведка ведется рядом органов, большей частью не связанных между собой никакими служебными взаимоотношениями и совершенно независимыми в принятии того или иного плана работ, — констатировал в июне 1918 г. ВСО. — ...Вследствие отсутствия разграничения сфер компетенции в деле разведки между перечисленными выше органами и отсутствия единого руководства всем этим делом выяснились и дают себя чувствовать следующие отрицательные явления: 1) параллельная работа нескольких органов в одном и том же направлении и рядом с этим оставление вовсе без внимания и обследования некоторых районов и данных, 2) чрезмерная расточительность одних органов в расходовании денежных средств на разведку и полное отсутствие кредитов у других, хотя часто эти последние имеют все данные для успешного развития дела разведки,

3) отсутствует орган, объединяющий и систематизирующий материалы по разведке, добываемые всеми перечисленными органами. Дело разведки без подведения итогов и без научной систематической обработки сырых материалов является совершенно не отвечающим пользе дела и обречено на естественное замирание, 4) в связи с отсутствием руководства разведывательной деятельностью всех перечисленных органов резко бросается в глаза бессистемность общей работы».

Для улучшения разведывательной работы была сформирована комиссия по выработке «Общих положений о разведывательной и контр-разведывательной службе», в которую вошли: ее председатель С. А. Кузнецов (ВГШ), врид начальника ВСО А. В. Станиславский и его сотрудники (врид начальника разведчасти А. Л. Нолькен, начальник разведотделения Н. Н. Шварц, врид начальника регистрационной службы (контрразведки) А. А. Чернявский; от Высшего военного совета — помощник начальника Оперативного управления по разведке Б. М. Шапошников; от Оперода Наркомвоена — начальник Отдела военного контроля (контрразведки) М. Г. Тракман, представители штабов военных округов,

от ВЧК — Я. Г. Блюмкин (единственный человек не из военного ведомства).

В этом документе, состоящем из трех глав: 1) о разведывательной работе; 2) о контрразведывательной службе и 3) об ассигнованиях на разведку и контрразведку, утверждалось, что «руководство всей разведкой, в смысле разграничения районов деятельности различных органов разведки и постановки задач принадлежит Всероссийскому Главному штабу». В статье 2 главы 1 говорилось: «Всероссийский Главный штаб ведает:

а) заграничной агентурной разведкой как в мирное время, так и в период мобилизации и во время войны;

б) разработкой после окончания работ общего мирного конгресса всех вопросов, связанных с «мобилизацией» разведки, обеспечивающей ее непрерывность с объявлением войны и соответствие заграничной агентурной сети военным коалициям держав, в) разграничением районов разведки и постановкой разведывательных задач всем органам, ведущим разведку на территории Российской Республики и общим руководством этой работой в соответствии со ст. 1-й и примечаниями 1-м и 2-м той же статьи, г) окончательной разработкой и систематизированием сведений, добываемых нашими раз-

ведывательными органами».

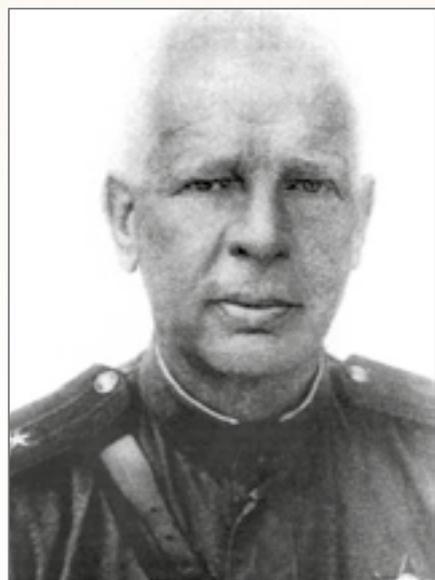
Вместо расформированного Высшего военного совета и его штаба были образованы Революционный военный совет Республики (РВСР) и его штаб, начальником разведывательного отдела штаба был назначен Б. М. Шапошников, начальником разведывательного отделения этого отдела — Ф. Л. Григорьев.

1 ноября 1918 г. председателем Реввоенсовета Республики (РВСР) Э. М. Склянским, главкомом И. И. Вацетисом и членом РВСР К. Х. Данилешевским был утвержден штаб Полевого штаба (ПШ) РВСР, начальником его назначили бывшего офицера царской разведки, члена РВСР, члена Реввоентрибунала Республики, комиссара ПШ РВСР Семена Ивановича Аралова (1880–1969), который впоследствии отсидел в ГУЛАГе до 1953 г.

Семен Иванович Аралов — сын купца, окончил коммерческое училище и коммерческий институт. В 1902 г. поступил вольноопределяющимся в Перновский гренадерский полк, где вступил в социал-демократическое движение. Участник русско-японской войны, участник революции 1905–1907 гг., заочно приговорен к расстрелу. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. После Февральской революции 1917 г. — заместитель председателя, затем председатель армейского комитета 3-й армии, примыкал к меньшевикам, стоял на позициях оборончества. После Октября — помощник командира полка. Член партии большевиков с 1918 г. В 1918–1920 гг. начальник оперативного отдела вначале Московского военного округа, затем Народного комиссариата по военным и морским делам, член РВС 12-й, 14-й армии Юго-Западного фронта. В ноябре 1918 — июне 1919 гг. начальник Регистрационного (разведывательного) управления Полевого Штаба РВСР.

▲ Аралов С.И.

В его структуре было предусмотрено Регистрационное управление (Региструпр), на которое было возложено объединение всех органов агентурной разведки и военной контрразведки. Состоял Региструпр из двух отделов: 1-го — отдела военного контроля (т. е. контрразведки), сокращенно Отвоенкон, и 2-го — агентурного, в котором по штату числилось 39 человек (включая техперсонал). При Региструпре имелись Курсы разведки и военного контроля. Региструпру и курсам было приказано разместиться в Москве на улице Пречистенка в домах № 35, 37 и 39, где раньше находился Оперод Наркомвоена. Большинство сотрудников пришло вместе с Араловым из Оперода, который он возглавлял с мая 1918 г. По штату после начальника следовали: консультант Г. И. Теодори (он же начальник Курсов разведки и военного контроля); начальник агентурного отдела В. Ф. Тарасов, однако через несколько дней он отбыл на фронт и его обязанности стал исполнять Г. Я. Кутырев; комиссар отдела В. П. Павулян, вскоре ставший заместителем Аралова; начальник агентурного отделения Г. Я. Кутырев, которого после перемещения в агентурное отделение сменил В. А. Срывалина. Отвоенкон возглавляли М. Г. Тракман и его помощник латыш В. Штейнгарт, ранее руководившие Отделом военного контроля Оперода Наркомвоена. Однако в ведении Региструпра Отвоенкон был всего два месяца, а затем он был передан в ВЧК с изменением его названия и руководства (Особый отдел ВЧК во главе с М. С. Кедровым).

В докладе 1-го отделения 1-го отдела Региструпра Срывалина, где подводились итоги работы органа агентурной разведки за 10 месяцев, говорилось, что «правильная организация разведки должна считаться столь же необходимой, как и организация вооруженных сил Государства и должна быть неотъемлемым их дополнением, иначе армия явится лишь слепым организмом». «Разведка не может быть делом импровизации и кустарничества, ибо

она основывается на деятельности сети мелких тайных агентов, которые должны быть выбраны с большим разбором, — писал Срывалин, — затем подготовлены и натасканы и, наконец, еще испытаны, раньше чем считать возможным довериться их донесениям, которые нередко должны лечь основанием важных военных операций. Разведка должна вестись настойчиво и непрерывно, и связь с агентами должна быть надежной. Работа тайной организации за границей должна быть обставлена строжайшей тайной, и агентура должна быть так организована, чтобы арест или измена одного агента не влекли за собой провала всей организации. Количество агентов должно быть достаточно велико, чтобы путем многочисленных засечек иметь возможность проверить правдоподобность донесений агентов». В документе подчеркивалось, что недостает людей, желающих заниматься агентурной работой, что очень невысок коэффициент (ниже 35 % от общего числа поступивших на службу) полезных лиц из партийных работников. В докладе сообщалось о низком образовательном уровне состава агентуры (у 66 % агентов уровень городского училища или церковно-приходской школы), 50 % агентуры по профессии рабочие и 90 % агентов никогда не занимались не только тайной военной разведкой, но даже нелегальной партийной работой. Среди прочих недостатков агентуры Срывалин отмечал отсутствие стремления к методической и кропотливой работе и необъективность. Подводя итоги, автор доклада среди недостатков называл: 1) малочисленность агентуры, 2) сильную текучесть в личном составе, 3) отсутствие выбора и подбора кадров, 4) плохую связь, 5) «власть на местах» («В многочисленных докладах, составивших целое дело и представленных в течение последних 3-х месяцев, приводится много фактов о препятствиях в работе агентуры, встречаемых начиная от ЧК и кончая командармами»). В качестве примера можно привести «дело» Георгия Ивановича Теодори. 1 марта 1919 г. ближайший

помощник Аралова в Опероде Наркомвоена и Региструпре Теодори был командирован в Литву, Латвию, на Северный и другие фронты для выполнения особых заданий РВСР по агентурной разведке. 12 марта он был арестован особистами в Двинске и этапирован в Москву, где по подозрению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации содержался в Бутырской тюрьме и в Особом отделе ВЧК до 4 января 1921 г. После освобождения служил на различных должностях в РККА до своего ареста и расстрела в апреле 1937 г. (реабилитирован в 1957 г.).

В декабре 1918 г. ВЧК отобрало у военного ведомства контрразведку (отдел военного контроля), входившую в состав Региструпра Полевого штаба РВСР, и полностью сменило его руководство, уже накопившего определенный опыт работы. Усилиями Дзержинского Совет Труда и Обороны принял в ноябре 1920 г. постановление за личной подписью Ленина о подчинении Региструпра (военной разведки) помимо РВСР еще и ВЧК на правах отдела. Но решение это не было исполнено.

19 июня 1919 г. впервые было принято положение о Региструпре, согласно которому он определялся как «центральный орган тайной агентурной разведки», который подчиняется непосредственно РВСР (минуя начальника ПШ РВСР). В Региструпре имеется три основных подразделения: 1-й — сухопутный агентурный, 2-й — морской агентурный, 3-й — военно-цензурный. Агентурный (сухопутный) отдел состоял из четырех отделений: Северного, Западного, Ближневосточного и Дальневосточного, включавшего Сибирь, Китай и Японию. Его начальником назначался Н. М. Чихиржин (Назаров). Однако в те годы руководство постоянно менялось. Так, уже в июле Аралов передал свои дела как военкома ПШ РВСР новому члену РВСР С. И. Гусеву, а в самом начале 1919 г. сдал и должность члена РВСР Сергей Иванович Гусев (1874–1933) стал начальником Региструпра. В дальнейшем он был начальником Политуправления Реввоенсовета Ре-

спублики, в 1924–1933 гг. работал в аппарате ЦК ВКП(б) и ИККИ. После Гусева в январе—феврале 1920 г. управление возглавил Г. Л. Пятаков, с февраля — Владимир Христианович Ауссем (1879–1937). В июле 1920 г. Ауссема сменил Ян Давыдович Ленцман.

То же самое происходило и с заместителями начальника Региструпра. В сентябре 1919 г. от этой должности был освобожден В. П. Павулан, его сменил Т. П. Самсонов, затем (с февраля 1920 г.) Д. Р. Ипполитов, а с сентября 1920 г. — А. Я. Зейбот, в январе 1921 г. появился еще один заместитель — А. М. Устинов.

Также часто менялись начальники в Агентурном отделе. В июне 1919 г. его несколько недель возглавлял В. Г. Зиверт, затем Н. М. Чихиржин, с декабря — В. К. Вальтер, с января 1920 г. — В. Н. Соколов, с апреля — А. П. Апшен, с декабря 1920 г. — Я. К. Берзин. Региструпр располагался по адресу: Б. Лубянка, дом № 12.

На проведенном в декабре 1919 г. совещании сотрудников Региструпра, представителей фронтов и армий, а также зарубежных бюро РКП(б) Т. П. Самсонов сообщил, что до его прихода на пост заместителя начальника Региструпра агентурная работа почти не велась, создать подобное совещание до сих пор было невозможно, так как начальники Региструпра только числились на этой должности, но не исполняли ее; кроме того, требовалось время на то, чтобы «вычистить» из Региструпра всех военспецов — теперь их не стало; в дальнейшем агентурная разведка будет классовой.

К началу 1920 г. Региструпр израсходовал на разведработу около 6 млн. рублей. Число его агентов составляло 285 человек.

С 1 января 1920 г. были введены в действие новый штат и положение о Региструпре. В его составе теперь имелось четыре отдела: мобилизационный, оперативный (агентурный), информационный и хозяйственно-финансовый. Несколько позднее прибавился еще один — общий. Мобилизационный отдел привлекал

сотрудников «для работы по тайной разведке», занимался их обучением и разрабатывал для них инструкции и указания.

В апреле 1920 г. Ауссем отмечал, что разведка в тылу белогвардейских войск «на окраинах» страны отпадает или сокращается до минимума одновременно с очищением этих окраин. На первое место выходит глубокая разведка в странах Западной Европы, Японии и Америки, которые рассматриваются как потенциальные противники. Заграничная тайная разведка, писал Ауссем, значительно отличается от разведки в тылу белогвардейцев, она требует большого политического кругозора, знания языков и местных условий, для чего достаточно 10–20 человек из старой (дореволюционной) русской эмиграции, которым можно доверить связи Коминтерна. Но проблема в том, чтобы найти их и отправить в распоряжение Региструпра. Резолюция на документе гласила: «Тов. Ауссему необходимо помочь людьми, знающими тамошние условия и языки».

К началу 1921 г. комсостав Региструпра состоял из начальника Управления Я. Д. Ленцмана, его помощников А. Я. Зейбота и В. М. Устинова. Оперативный отдел: начальник Я. К. Берзин, «для поручений при нем» — С. Т. Мандрико, В. В. Татаринов, 1-е отделение (оперативное), начальник — Ф. И. Буш, 2-е (организационное) — Н. И. Никольский, 3-е (техническое) — Я. Я. Бренгман.

В результате давления со стороны Троцкого и Генерального штаба в 1920 г. начали формировать Разведупр. В приказе от 3 мая 1921 г. будет уточнена форма его организации.

В 1921 г. в Разведупре числилось 275 человек.

Некоторое время спустя Разведупр будет называться Четвертым (разведывательным) управлением Генерального штаба Красной Армии, затем Главным разведывательным управлением (ГРУ). Оно начнет действовать в Военной Александровской школе, затем переедет в дом № 19 по улице Знаменского.

Начальником ГРУ с марта 1924 по 1935 г. был Ян Карлович Берзин.

▲ Берзин Я.К.

Берзин Ян Карлович, его настоящее имя Петерис Кюзис (он же Берзиньш). Родился в 1889 г. в семье латышских крестьян. С 15 лет активно участвовал в работе подпольных революционных организаций. В 1906 г. в столкновениях с полицией ранен и арестован. Военный трибунал присудил его к 8 годам каторги. Однако это наказание в связи с его несовершеннолетием было заменено двумя годами тюремного заключения.

В 1911 г. он вновь арестован за вооруженный налет на банк. Его ссылают в Иркутск, откуда он возвращается 3 года спустя. По возвращении его мобилизуют в царскую армию, откуда он дезертирует и приезжает в Петроград и устраивается работать механиком.

В феврале 1917 г. принимает активное участие в революции. Летом, когда большевики и приверженцы Троцкого готовят оружие для борьбы с меньшевиками, П. Кюзис редактирует латышский революционный листок «Пролетарская Сина». В октябре 1917 г. он уже в Петроградском комитете партии большевиков. Он становится Яном Карловичем Берзиньш, неофициально

его называют Павел Иванович. Он командует специальным подразделением, в его обязанности входит охрана В.Ленина и других вождей партии, проявляет себя там с лучшей стороны. Он пробует себя в контрразведке, выступая как коррумпированный карьерист, готовый сотрудничать с противниками режима. Берзин так хорошо исполняет свою роль, что проникает в британскую разведку Роберта Брюса Локкарта. Затем он становится заместителем наркома Внутренних дел в Латвии. Он устанавливает контакты с Красной Армией. Под контролем ЧК Я.Берзин создает первые отряды военной разведки. В первую очередь ведется наблюдение за офицерским составом. Его задача: раскрывать «контрреволюционеров», засланных белогвардейцами. В апреле 1921 г. его переводят в Разведупр и почти сразу же назначают руководителем ШУ управления, занимающегося иностранной разведкой, а с марта 1924 г. по 1935 г. начальником Разведуправления. В 1936–1937 гг. — главный военный советник в Республиканской армии в Испании. Арестован 27 ноября 1937 г., расстрелян 29 июля 1938 г.

В мае 1924 г. было введено новое «Положение о Разведывательном Управлении Штаба РККА», а уточненный его вариант был официально утвержден председателем РВС СССР И. С. Уншлихтом, курировавшим разведку в те годы. В составе Управления по-прежнему числилась общая (административная) часть и два отдела: 2-й (агентурный) и 3-й (информационно-статистический). Начальник Разведупра назначался РВС (по согласованию с председателем ОГПУ) и подчинялся «в общем порядке службы Начальнику Штаба РККА, в отношении же агентурной разведки и ее организации — непосредственно одному из членов РВС СССР». В 1924 г. в составе Разведотдела, сменившего Разведупр, остался 91 сотрудник.

С сентября 1926 г. наименование управлений штаба РККА стали номерными и Разведупр превратился с тех пор в IV Управление. Произошли изменения и в структуре Управления. С декабря 1925 г. был восстановлен 1-й отдел (войсковой разведки). С сентября 1926 г. появился новый — 4-й отдел (внешних сношений); тогда же шифровальное отделение было выведено из состава 2-го отдела и стало 1-й (шифровальной) частью Управления. 1-й отдел возглавляли: с декабря 1925 г. Н. А. Семенов, с февраля 1927 г. А. И. Гречанин, с марта 1930 г. В. Е. Луцкевич.

Цели и задачи, которые ставились перед Разведупром, наглядно видны из доклада Я. К. Берзина руководству наркомата в первой половине 1925 г.: «Основной задачей Разведупра является: обслуживание высшего командования, штабов, учреждений, заведений и частей Красной Армии, а также заинтересованных государственных и партийных органов СССР в отношении информации о современном состоянии военной мощи иностранных государств, в особенности наших соседей и вероятных противников, и об их планах и намерениях в отношении Союза. Необходимые для этого данные Разведупр добывает в первую очередь при помощи своего агентурного аппарата, а затем черпает дополнительные сведения из иностранной прессы

и литературы и из случайных сообщений некоторых гражданских органов, как-то: НКВД, ГПУ, Коминтерн и др. В общей сумме эти материалы чрезвычайно обширны и требуют огромной работы по их систематизации, оценке, проверке и обработке...».

Стало больше внимания уделяться формированию специальной библиотеки Управления, которая в 1925 г. насчитывала свыше 48 тыс. томов (книг и журналов), только в 1924–1925 гг. в нее поступило 4275 книг и 9929 номеров журналов.

Объем работ Разведупра в 1924–1925 гг. наглядно виден из доклада начальника 3-го отдела А. М. Никонова, который информировал, что «через агентурный аппарат Разведупра получено 9851 агентурных материалов с общим количеством 84 148 листов и 3703 книг и журналов; кроме того, получались материалы непосредственно Информационно-Статистическим Отделом от НКВД, ОГПУ и некоторых других органов — в количестве 1986 материалов, так что в общей сумме количество всех полученных Отделом материалов выражается цифрой 11 837». Помимо этого отдел получал и обрабатывал 110 ежедневных иностранных газет и 247 журналов на 24 иностранных языках из 25 стран. В то же время в качестве самокритики признавалось, что еще имеется недостаточная согласованность работы добывающего и обрабатывающего аппаратов (то есть 2-го и 3-го отделов IV Управления).

начальник штаба 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии, воевал на Севере, на латвийском фронте, участвовал в походе на Варшаву. С 1921 г. — в 3-м отделе Разведупра, в 1922–1924 гг. — помощник начальника 3-го отдела. С 1924 г. начальник 3-го (информационно-статистического) отдела и одновременно с 1925 г. — помощник начальника IV (Разведывательного) управления Генштаба РККА. Близкий друг и соратник Я. К. Берзина. В 1927 г. окончил курсы усовершенствования высшего состава. В 1935–1937 гг. — заместитель начальника Разведупра. После ареста Берзина исполнял обязанности начальника Разведупра. Арестован 3 октября, расстрелян 26 октября 1937 г.

▲ Никонов А.М.

Александр Матвеевич Никонов (1893–1937) — один из руководителей советской военной разведки. Родился в деревне Леликово Олонецкой губернии. Окончил духовную семинарию и один курс Педагогического института, призван на военную службу, в 1916 г. окончил школу прапорщиков в Петергофе. Участник Первой мировой войны, служил в 44-й пехотной дивизии, подпоручик. Член РКП(б) с 1918 г., участник гражданской войны. Помощник начальника штаба оперативной группы,

Со второй половины 20-х годов усиливается конкуренция и борьба между IV разведуправлением РККА и отделами ОГПУ за «правильность», «достоверность» и «важность и ценность» сообщаемой наверх информации, получаемой от их резидентов за границей. Причем отголоски этой борьбы будут чувствоваться на всем протяжении работы разведок во второй половине 20-х и 40-х годов, в том числе и в Китае.

В качестве примера можно привести докладную записку Особого отдела ОГПУ наверх, в которой сообщалось: «Из разговоров ответственных работников Разведупра Штаба РККА о состоянии агентурного аппарата в Англии и Америке устанавливается, что агентурный аппарат в указанных государствах работает крайне неудовлетворительно. Имеет место постоянная присылка из Англии совершенно неценных материалов. Если же в редких случаях попадает материал, имеющий относительную ценность, то такой оказывается взятый из официальной экономической печати. Еще хуже работает резидентура в САСШ. По имеющимся данным таковая совершенно не усвоила своих функций... Работу резидентур в Англии и Америке можно расцени-

▲ Шанхай

вать в области выполнения заданий и использования находящихся в их распоряжении средств как халатное, граничащее с преступностью отношение к делу».

Помощнику начальника Разведупра Б. Б. Бортновскому (1894–1927), который в 1925 г. был секретарем Китайской комиссии политбюро, в июне 1926 г. пришлось делать специальный доклад председателю РВС СССР Ворошилову о состоянии работы по указанным в «записке» странам. Он утверждал, что «крайнее недовольство, выраженное в агентурной записке, отражает лишь настроение политического сектора, который действительно до сих пор не обслужен. Факт этот особенно нас не тревожит, поскольку политической агентурой занимается главным образом ИНО ОГПУ». Докладчик отрицал как неправильное мнение, что работа военных резидентов является «халатной», подчеркивая, что это мнение лишь отдельных «сотрудников обрабатывающего аппарата», которые незна-

комы ни с личностью резидента, ни с условиями работы. «На деле в этих странах у нас имеются весьма ответственные и испытанные товарищи, известные по прежней работе, и даже при плохих результатах работы их нельзя обвинить в халатности, — сообщал Бортновский. — ... В качестве вывода могу указать, что вся записка отражает настроение низших сотрудников политической части 3-го отдела, которые из-за ревностного отношения к делу часто недовольны недостатком тех или других материалов, которые мы, из-за объективных условий, не всегда можем в этом смысле удовлетворить».

Расхождения в оценках ситуации ОГПУ и военным разведывательным ведомством проявлялись и во многих других случаях. О причинах этого еще в августе 1925 г. сообщал заместитель начальника Штаба РККА С. А. Пугачев: «...Разногласие в определении боеспособности армии между органами аппарата Управления Наркомвоенмора и ОО ОГПУ объясняется тем, что последний делает обобщения на ос-

новании отдельных, ничем не связанных между собой фактов, поскольку вся его работа направлена главным образом на выявление отрицательных, а не положительных сторон...»

В апреле 1927 г. при IV Управлении было созвано совещание работников разведки военных округов. Со вступительным словом выступил начальник Штаба РККА М. Н. Тухачевский, отметивший ряд недостатков в деятельности военной разведки. О состоянии дел в IV Управлении сообщили выступившие Берзин и Никонов. Последний специально остановился на разведке в странах Востока. «По этим странам накоплен огромный материал, который лишь частично обработан и непрерывно пополняется новыми материалами. Страны Востока уже на основании имеющихся материалов могут быть освещены в достаточной мере. Однако развивающаяся на Востоке национально-освободительная борьба и наступление мирового капитализма с каждым днем затрагивает все больше и больше непосредственно

СССР, и странам Востока будет уделено должное внимание и в будущем, — заявил Никонов. — Необходимо освещение во всех деталях вооруженных сил Японии, которая в силу политических и иных условий до сих пор охватывалась нашим агентурным аппаратом в недостаточной мере, но которая представляет огромный интерес как страна, имеющая первоклассные сухопутные, морские и воздушные силы. На основании изложенных данных, характеризующих информационную работу IV Управления, можно сказать, что в настоящее время Управление располагает достаточными данными для того, чтобы поставить на должную высоту дело изучения иностранных армий в войсковых частях и штабах РККА...»

В заключение совещания заместитель начальника штаба РККА

С. А. Пугачев подвел итог: «Использование всех способов разведки, я надеюсь, будет поставлено на ноги под руководством IV Управления. Не надо забывать, что на горизонте тучи начали сгущаться: нападение на погранпосты поляков в 1925 г., вопрос о КВЖД и, наконец, нападение на наше посольство в Пекине и консульство в Шанхае. При другой нашей политике мы уже давно бы вступили в войну, но мы этого не хотим. Что касается Центра, то мы постараемся все сделать, чтобы облегчить вашу работу».

К концу 20-х годов IV Управление имело в своем распоряжении сильный заграничный аппарат, работавший по легальной линии, и разветвленную нелегальную сеть. На «специальную работу» в 1929–1930 гг. Управлению было выделено 750 тыс. ам. долл. и 515 тыс. рублей

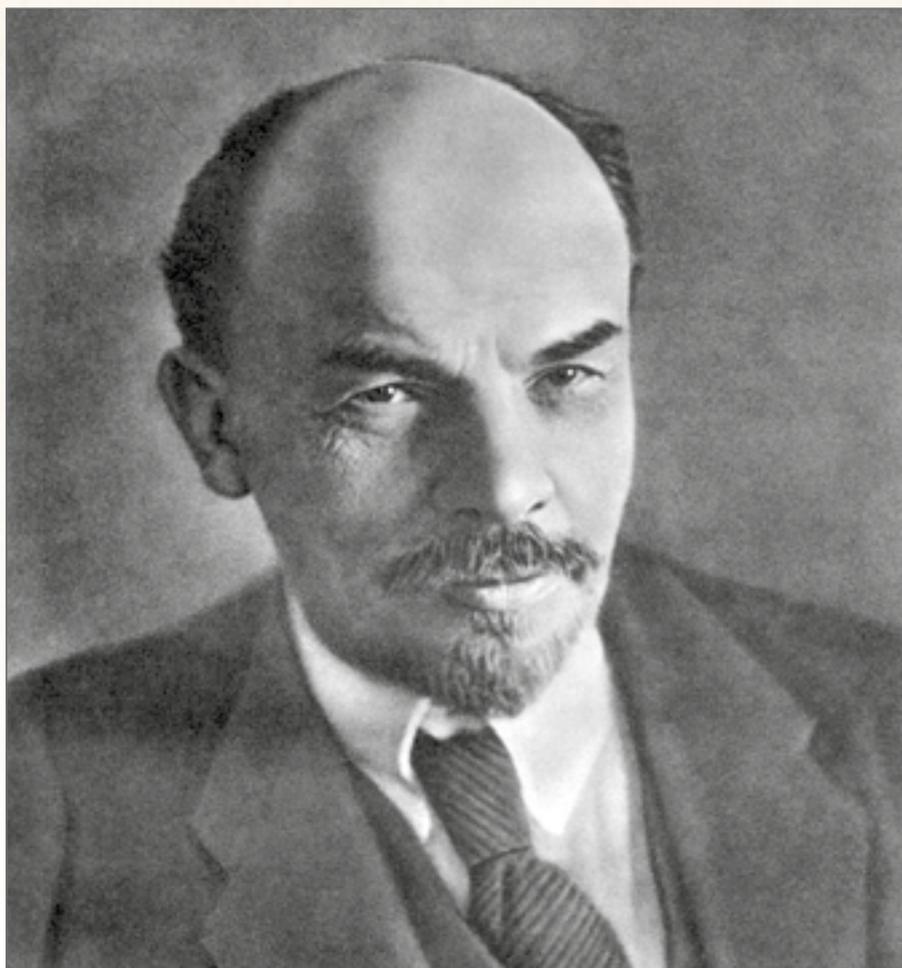
(в ту сумму не входили денежное содержание военных и военно-морских атташе и оплата научных командировок).

Пополнение кадров оперативных работников IV Управления производилось в основном за счет командиров, оканчивающих восточный и основной факультеты Военной академии РККА и другие военные академии, срок обучения в которых обычно равнялся 4–5 годам. Существовали также годичные курсы усовершенствования комсостава при Разведывательном управлении, где обучались лица, прошедшие специальную подготовку, и специальная высшая школа разведслужбы.

Почти с самого начала существования военной разведки имели место случаи необоснованных репрессий против ее сотрудников, которых, в лучшем случае, увольняли по настоянию Особого отдела, арестовывали и содержали под стражей, в худшем — расстреливали. Среди них: Г. И. Теодори (12 марта 1919 г. арестован особистами в Двинске, этапирован в Москву и посажен в Бутырскую тюрьму по подозрению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации, где и просидел до 4 января 1921 г., затем выпущен, расстрелян в 1937 г.), о котором мы уже писали, Б. И. Кузнецов (арестован в 1919 г.), Г. Г. Димма (1922 г.), Р. Я. Грасис (1923 г.), О. А. Ионфор (1924 г.). В 1927–1929 гг. в военном ведомстве работала совершенно секретная комиссия «по просмотру личного состава Центральные управления», в том числе и Разведупра. Председателем комиссии был назначен Я. К. Берзин.

КОМИНТЕРН

Коминтерн после своего основания в 1919 г., провозгласив себя мировой партией революционного действия, стремился стать (особенно в первые годы деятельности) своего рода штабом по подготовке и осуществлению мировой пролетарской революции. Архивные документы свидетельствуют, что руководство РКП(б) и Коминтерна, исходя из роли

▲ Ленин В.И.

Коминтерна как «штаба мировой революции», стало активно пользоваться презумпцией «революционной целесообразности», отвергая юридические и иные нормы как «буржуазные», «классово чуждые» и даже враждебные.

Представление, господствующее у большей части руководства Коминтерна (кстати, как и руководства РКП(б)), о верховенстве «революционного права», «революционной целесообразности» и «революционной совести», активно влияло на весьма бесцеремонное их отношение к государственным границам и национальным отношениям. Это влияло также и на вопросы финансирования революционно-пропагандистской и иной деятельности создаваемых компартий.

«Коммунистический Интернационал ставит себе целью: борьбу всеми средствами, даже с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии», — говорилось в Уставе Коминтерна, принятом его II конгрессом в августе 1920 г. Для ведения такой борьбы требовалась соответствующая организация. «По существу дела Коммунистический Интернационал должен действительно и фактически представлять собой единую всемирную коммунистическую партию, отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране».

Вместе с тем следование ленинской концепции мировой революции предусматривало объединение вокруг Советской России «всех просыпающихся народов Востока» для решающего натиска на мировой империализм.

Тогда созданный в Москве Коминтерн казался организатором мировой пролетарской революции. «Можно ручаться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема... победа Коммунистического Интернационала во всем мире и в срок не чрезвычайно далекий — эта победа обеспечена», — говорил Ленин в марте 1920 г. в связи с первой годовщиной Коминтерна.

Известно, что внешняя и внутренняя политика большевиков в эти

годы базировалась на целом комплексе противоречивых и утопических идей, основой которых была теория мировой социалистической революции. В контексте этой общей идеи важная роль предписывалась подрыву и разрушению империалистической периферии посредством национально-освободительных революций. И в этой работе должное место отводилось Коминтерну.

Аппарат ИККИ разрабатывал инструкции о работе коммунистов в армиях зарубежных стран по их разложению. В архиве Коминтерна сохранился совершенно секретный проект документа «Организация работы среди вооруженных сил буржуазии (армия, флот, полиция, жандармерия, фашистские организ[ации]».

В окончательном виде этот секретный документ получил название «Инструкция по работе среди войск». Он был переведен с русского на немецкий, английский и французский языки, надо думать, что и на китайский тоже. Немецкий текст датирован 31 августа 1928 г. «Инструкция» была наиболее развернутым изложением отношения Коминтерна и компартий

к революционной борьбе за власть и вооруженному восстанию, к военно-конспиративной работе коммунистов по разложению армии вообще — к подрывной деятельности против государственных учреждений стран капитала как в мирное время, так и во время войны, особенно же на случай военных действий против Советского Союза. VI конгресс Коминтерна специально указывал, что в центре борьбы против военной опасности должна стоять защита СССР. Компартии обязаны ориентировать международный пролетариат на поддержку национально-революционных войн и революций, вести антивоенную работу в армиях империалистических государств, а в случае возникновения новой империалистической войны выдвинуть — как и во время Первой мировой войны — лозунг превращения ее в войну гражданскую, иными словами, в международную социальную революцию».

Жесткий курс на откровенное революционное насилие как в Советской России, так и во внешнем мире делал коммунистических вождей

▲ Савинков Б.В.

слепыми и глухими к любым предостережениям морального характера, в том числе исходящим от деятелей культуры — В. Короленко, М. Горького. Остался без ответа и остро поставленный одним из теоретиков анархизма П. Кропоткиным в письме Ленину от 21 декабря 1920 г. вопрос: «Зачем же толкать революцию на путь, который поведет ее к гибели, главным образом от недостатков, которые вовсе не свойственны социализму и коммунизму, а представляют пережиток старого строя и старых безобразий неограниченной, все пожирающей власти?» Поводом для написания письма на имя В. Ленина стала публикация в газетах «Известия» и «Правда» заявления, что Советской властью решено взять в заложники эсеров из группы Савинкова и Чернова, белогвардейцев Национального и Тактического центра и офицеров-врангелевцев; и что в случаях покушения на вождя Советов решено «беспощадно истреблять» этих заложников.

Б. В. Савинков (1879–1925) — активист партии эсеров, один из руководителей ее «боевой организации», заместитель военного министра Временного правительства, генерал-губернатор Петрограда. После Октябрьской революции — организатор ряда

антисоветских заговоров; арестован в 1924 г., покончил жизнь самоубийством.

В. М. Чернов (1873–1952) — один из создателей партии эсеров, ее теоретик. В мае — августе 1917 г. — министр земледелия Временного правительства. После Октябрьской революции — член контрреволюционных правительств на территории России. В 1920 г. эмигрировал за границу, в годы Второй мировой войны — участник движения Сопротивления во Франции.

«Национальный центр» — объединение бывших кадетов, промышленников, боровшихся против Советской власти, создан в Москве в 1918 г. В апреле 1919 г. Центр совместно с другими московскими организациями — Союзом возрождения, Советом общественных деятелей — объединился в «Тактический центр». По версии ВЧК, Тактический центр готовил контрреволюционный мятеж в поддержку войск Колчака и Деникина. Поддерживал связь с зарубежными контрреволюционерами. 16–20 августа состоялся процесс по делу Национального центра.

«Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам Средневековья и религиозных войн и что они недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах; что на такие меры не может идти тот, кому дорого будущее коммунизма? — спрашивал у В. Ленина П. Кропоткин. — Неужели никто не объяснил, что такое заложник? Заложник посажен в тюрьму — не как наказанный за какое-нибудь преступление. Его держат, чтобы угрожать его смертью своим противникам: — «Убьете одного из наших, а мы убьем столько-то ваших!» — Но разве это не все равно, что выводить человека каждое утро на казнь и отводить назад в тюрьму, говоря: «Погодите! Не сегодня!»

И неужели ваши товарищи не понимают, что это равносильно восставлению пытки — для заложников и их родных?

Надеюсь, никто не скажет мне, что людям, стоящим у власти, тоже невесело жить на свете. Нынче даже среди королей есть такие, что смотрят на покушение на их жизнь как на «особенность их ремесла».

...Даже короли и попы отказались от таких варварских способов самозащиты, как заложничество. Как же могут проповедники новой жизни, строители новой общественности прибегать к такому оружию для защиты от врагов?

Не будет ли это сочтено признаком, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся и спасаете уже не дорогое вам строительство жизни, а лишь самих себя?

Неужели ваши товарищи не знают, — спрашивал В. Ленина П. Кропоткин, — что вы, коммунисты, какие бы вы не наделали ошибки, — работаете для будущего? И что поэтому вы ни в ком случае не должны запятнать свое дело актами, так близкими к животному страху? — что именно подобные акты, совершенные революционерами в прошлом, делают так трудными новые коммунистические попытки?

Я верю, что лучшим из вас будущее коммунизма дороже собственной жизни. И помыслы об этом будущем должны заставить вас отвергнуть такие меры».

Здесь хотелось бы также обратить внимание читателя на критические взгляды Розы Люксембург на точку зрения В. Ленина и Л. Троцкого о демократии и диктатуре. Известно, Р. Люксембург высоко оценивала историческую инициативу большевиков, которые взятием власти в России смело пошли впереди мирового пролетариата, показывая ему пример. Вместе с тем она предельно ясно высказала свое несогласие с российскими большевиками по вопросу о демократии. «Основная ошибка теории Ленина — Троцкого, — считала она, — состоит именно в том, что они, как и Каутский, противопоставляют диктатуру де-

▲ Роза Люксембург

мократии... Последний решает для себя вопрос, естественно, в пользу демократии, а именно буржуазной демократии, ибо именно ее он противопоставляет как альтернативу социалистическому перевороту. Ленин — Троцкий, напротив, решают в пользу диктатуры в противовес демократии и тем самым диктатуры горстки людей, т. е. буржуазной диктатуры. Таковы два противоположных полюса, равноудаленных от истинной социалистической политики».

«Свобода, — писала Р. Люксембург, — лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии, сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если свобода становится привилегией».

«Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается

в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия... Более того, такие условия должны привести к одичанию общественной жизни — покушениям, расстрелам заложников и т. д. Это могущественный объективный закон, действия которого не может избежать никакая партия», — как актуально и сегодня звучат ее слова, сказанные почти более 80 лет назад.

Ошибки большевиков Роза Люксембург объясняла экстремальными условиями, в которых оказалась русская революция, оставшись изолированной в Европе. Однако она видела серьезную опасность в том, что большевики «нужду выдают за добродетель, хотят теперь по всем пунктам теоретически зафиксировать навязанную им этими фатальными условиями тактику и рекомендовать международному [пролетариату] как образец социалистической тактики, достойной подражания. Тем самым они не только совершенно неоправданно зарывают свои действительные, неоспоримые исторические заслуги в груде вынужденных ошибочных шагов, но и оказывают плохую услугу международному социализму, во имя которого сражались

и страдали, стремясь внести в его арсенал в качестве новых открытий все перекосы, обусловленные в России чрезвычайными обстоятельствами, в конечном же счете явившиеся следствиями банкротства интернационального социализма в этой мировой войне... Все мы подвластны закону истории, а социалистическая политика может осуществляться лишь в международном масштабе».

Итак, общим для арсенала средств, методов деятельности, применявшихся Коминтерном, был акцент на вооруженное насилие, хотя оно не всегда являлось единственным путем движения к цели. Тем самым операции Коминтерна нарушали нормы уголовного права той или иной конкретной страны. Поскольку центром управления всей системой Коминтерна являлась Москва, вне зависимости от того, насколько значительной была связь между ним и советскими государственными органами или РКП(б), если бы она была установлена, Советское правительство несло ответственность за его действия. Все это обуславливало чрезвычайную конспирацию как едва ли не ведущий принцип организации аппарата Коминтерна — структуры

▲ Чичерин Г.В. и Литвинов М.М.

и методов деятельности персонала. Таким путем стремились не только предупредить раскрытие операций самого Коминтерна, но и закамуфлировать его неразрывную связь с советским механизмом политической власти, хотя это было сделать очень трудно.

Известно специальное письмо генерального секретаря Профинтерна С. А. Лозовского от 28 декабря 1923 г. в политбюро ЦК ВКП(б) о взаимоотношениях Советского правительства и Коминтерна. Оно написано в связи с заявлением 18 декабря 1923 г. в сенате США государственного секретаря Юза об отказе американского правительства от переговоров с Советской Россией и от восстановления с ней дипломатических отношений. Одним из мотивов отказа был, по утверждению Юза, факт «все продолжающейся пропаганды за ниспровержение существующего у нас строя». 19 декабря госдепартамент США сделал заявление для печати. В нем излагалось содержание «инструкции», будто бы посланной Ко-

минтерном Рабочей партии Америки, по организации «боевых ячеек» для обучения стрельбе и подрывному делу. Госдепартамент здесь же попытался обосновать тождественность Советского правительства с Коминтерном. В заявлении Г. Чичерина по этому поводу говорилось, что «любые документы, опубликованные г. Юзом как якобы перехваченные инструкции Американской рабочей партии, излагающие детально разработанные планы революции, — фальшивка».

До сегодняшнего дня некоторые стороны Коминтерна как организации и его деятельности остаются еще неясными. Это связано как с тем, что далеко не все работники Коминтерна фиксировали на бумаге, так и тем, что многие действующие лица ушли в «мир иной», в основном в годы репрессий 1937–1939 гг. (по далеко не полным данным было уничтожено более ста человек руководства Коминтерна), к стати как и деятелей военной разведки и ИНО ОГПУ, что мы наглядно увидим в дальнейшем.

Итак, А. Лозовский предлагал «каким-нибудь формальным актом, на который можно было бы в дальнейшем всегда ссылаться, торжественно заявить об «абсолютной независимости» Советской власти от Коминтерна и наоборот». «В этом постановлении, — писал автор, — воздав должное Юзу и всем другим дипломатическим жуликам, сказать примерно так: «Всероссийский Съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов торжественно заявляет, что Коммунистический Интернационал, как и Красный Интернационал Профессиональных Союзов, находящихся на территории Союза Республик, представляют собой добровольные международные объединения, деятельность которых не может быть контролируема Советской властью и ее органами. С другой стороны, эти добровольные международные объединения революционных рабочих не могут, со своей стороны, контролировать деятельность Советской власти, исключительно по-

дотчетной Всероссийскому Съезду Советов». А. Лозовский откровенно писал, что такое «заявление должно в дальнейшем служить прикрытием для всех наших дипломатов». В связи с этим интересен такой факт. Когда британское правительство через свои службы узнало, что в Китае действует в качестве политического советника М. Бородин, то оно запросило советскую сторону о роли этого «советника» в Китае. На что Литвинов ответил, что «Бородин неизвестен ни ему, ни комиссару Иностранных дел, и если он предпринимает что-либо в Китае, то вне компетенции Советского Союза».

Типичным для деятельности Коминтерна в 20-е годы становится использование его закордонных организаций в качестве инструмента советской внешней разведки и организации повстанческих операций. Для И. Сталина и его окружения Коминтерн постепенно становится лишь «поставщиком кадров для ведения подрывной и разведывательной работы».

Учитывая, что к революционной деятельности Коминтерна за рубежом было явно отрицательное отношение, его представителям приходилось там работать в нелегальных условиях, тесно координируя свою работу с разведывательными органами ИНО ВЧК и военной разведкой, часто под ди-

пломатической «крышей» советских полпредств или торговых миссий. Характерно, что и многие руководители советской внешней разведки вышли из структур Коминтерна или работали в его руководящих органах. Так, в бюро Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) с 29 марта 1919 г. входил Я. Берзин, он же входил в Малое бюро ИККИ с июля 1919 г. по август 1920 г., состоящее из 3–6 человек. Многие из лучших советских разведчиков начинали свою деятельность в структурах Коминтерна и затем, после соответствующей проверки, передавались в Разведупр РККА или в ИНО ОГПУ.

По данным сына О. Пятницкого, по численности и количеству коминтерновских заграничных «пунктов» (т. е. резидентур) они не уступали ни резидентурам 4-го управления Генштаба РККА, ни резидентурам ИНО ОГПУ. Коминтерновская разведка иногда зарубежными исследователями именуется как «политическая разведка».

Однако каждая из резидентур работала самостоятельно на свое ведомство и не должна была подменять друг друга. Это наглядно видно из проекта Положения об отделениях Коминтерна за границей и представителях Разведупра и ВЧК от 8 августа 1921 г.

«1. Представитель Коминтерна не может в одно и то же время быть и уполномоченным ВЧК и Разведупра. Наоборот, представители Разведупра и ВЧК не могут выполнять функции представителя Коминтерна в целом и его отделов.

2. Представители Разведупра и ВЧК ни в коем случае не имеют права финансировать за границей партии или группы. Это право принадлежит исключительно Исполкому Коминтерна.

Примечание: НКВД и Внешторгу также не дается право без согласия ИККИ финансировать заграничные партии.

Представители ВЧК и Разведупра не могут обращаться к заграничным партиям и группам с пред-

▲ Ворошилов, Подвойский, Чудов, Калинин на Ходынке, 1927 год

ложением об их сотрудничестве для Разведупра и ВЧК.

3. Разведупр и ВЧК могут обращаться за помощью к компартиям только через представителя Коминтерна.

4. Представитель Коминтерна обязан оказывать ВЧК и Разведупру и его представителям всяческое содействие».

Подписан этот документ от Коминтерна Зиновьевым и Пятницким, от ВЧК Уншлихтом, от Разведупра Арвидом Зейботом.

Для практической работы ИККИ был создан аппарат, который на протяжении всей истории Коминтерна подвергался реорганизациям — в зависимости от изменения политических задач или же перипетий внутривластной борьбы в рядах ВКП(б). В состав аппарата ИККИ входили отделы, ведавшие определенными отраслями работы.

Высшим органом Коминтерна являлись всемирные конгрессы. Между конгрессами руководство осуществлялось Исполнительным комитетом Коминтерна (ИККИ). Для решения наиболее важных вопросов, связанных с деятельностью Коминтерна и компартий, проводились пленумы ИККИ. Внутри ИККИ, в свою очередь, с самого начала действовали свои коллективные руководящие органы.

Малое бюро ИККИ было создано по рекомендации ЦК ВКП(б) в июле 1919 г. 14 сентября 1921 г. оно было переименовано в Президиум ИККИ, который избирался Исполкомом Коминтерна и отчитывался о своей деятельности на его заседаниях. В качестве руководящего органа ИККИ Президиум просуществовал вплоть до роспуска Коминтерна в 1943 г.

Секретариат ИККИ был организован в 1919 г. в качестве организационно-технического аппарата Исполкома и возглавлялся в разное время одним или несколькими секретарями ИККИ.

На II Конгрессе Коминтерна в июле — августе 1920 г., где был специально обсужден национально-колониальный вопрос, был в общем виде принят план действий Коминтерна на Востоке. После II Конгресса были созданы три региональных цен-

тра для «руководства революционным движением на Востоке» — в Баку, Ташкенте и Шанхае. Туркестанское бюро Коминтерна (Ташкент), существовавшее с осени 1920 по осень 1921 г., имело два своих филиала по операциям в Северо-западном Китае (Джунгарии и Кашгарии) в Андижане и Алма-Ате (тогда г. Верный). Исходя из принципов Коминтерна о необходимости сочетания легальной и нелегальной деятельности, в структуре Туркбюро Коминтерна с самого начала проводилось строгое разделение. Так, закордонную работу вели конспиративные базы вдоль границы со странами Востока с помощью штатных инструкторов-нелегалов.

Однако по поводу эффективности деятельности Туркбюро Коминтерна имелось довольно много вопросов. Его работу проверял А. А. Иоффе, который затем направил свой доклад Троцкому, Зиновьеву и Чичерину. В нем он откровенно сообщал, что для него «совершенно ясно, что это учреждение более вредное, нежели полезное», «фактически работу ведут политические младенцы, играющие в революцию... денег тратится уйма, а дела никакого».

19 октября 1921 г. Иоффе направил специальное письмо Г. Зиновьеву, в котором дал более развернутую характеристику деятельности Туркбюро. Он признавал, что «китайской работы совершенно нет», а «в Кашгаро-Джунгарии работа сводится к организации бедноты на нашей территории», что «политического значения это не имеет, но приводит к тому, что возвращающиеся на родину безжалостно расстреливаются».

ОТДЕЛ МЕЖДУНАРОДНОЙ СВЯЗИ КОМИНТЕРНА

8 августа 1920 г. Малое бюро приняло решение о создании специального Секретного отдела (взамен образованной вскоре после I конгресса Особой комиссии по связи ИККИ).

По решению ЦК РКП(б) от 18 июля 1919 г. Бюро ИККИ

▲ Бейко Д.С.

постановило выделить из своего состава Малое бюро ИККИ. В него вошли: Я.Берзин, А.Руднянский, Г.Клингер, Н.Бухарин (в качестве представителя РКП(б)). 24 апреля 1920 г. Малое бюро было перизбрано в следующем составе: Н.Бухарин, К.Радек, Я.Берзин, Г.Клингер, А.Руднянский. Малое бюро стало играть роль руководящего органа Исполкома.

Его организация была поручена латышу, члену компартии с 1903 г. Давиду Самуиловичу Бейко (Бэйка).

Д. С. Бэйко (Бэйка)(1885–1946). В годы революции 1905 г. был в числе руководителей знаменитого движения «лесных братьев». С 1910 по 1917 г. находился в эмиграции в США. Одновременно Бэйко являлся управляющим делами ИККИ. Владимир Пятницкий дает его фамилию как Бэйка.

Для деятельности Бейко, как, кстати, и для деятельности его известного земляка Яна Берзина было

характерно использование своих соотечественников. При нем ключевые позиции в аппарате ОМСа заняли латыши, некоторые из них так и остались работать в Коминтерне после его ухода. Так, заместителем Бейко в ОМСе был его близкий приятель Симонис Бергис (1887–1943), член компартии с 1905 г., живший в эмиграции в Германии и США, арестован в декабре 1937 г. К 11 ноября 1920 г. отдел оформился как Конспиративный отдел во главе с Д. Бейко. Но этот отдел был слишком слаб и плохо организован и совершенно не соответствовал ставившимся перед ним задачам и нуждам всемирного коммунистического движения. С июня 1921 г. отдел стал называться Отделом международной связи (сокращенно ОМС, эта аббревиатура известна во всем мире) с подотделами связи, финансирования, литературы, шифровальным. ОМС руководил

всей конспиративной деятельностью Коминтерна и имел разветвленную систему прямых связей с руководством национальных компартий всего мира. ОМС был, пожалуй, самым законспирированным и секретным из всех других отделов Коминтерна и действовал нелегально. Чисто внешне он полностью копировал любую разведслужбу, то есть располагал штатом оперативных работников, легальных и нелегальных, курьеров, шифровальщиков, радистов, службой по изготовлению фальшивых паспортов и других документов. Его главной задачей являлось осуществление конспиративных связей между ИККИ и коммунистическими партиями, что включало в себя пересылку информации, документов, директив и денег, переброску функционеров из страны в страну и т. д. «Наиболее секретным был Отдел международных связей (ОМС), — писала жена

Отто Куусинена Айно, работавшая в свое время в Коминтерне. — Это был мозговой центр, святая святых Коминтерна. Сеть уполномоченных ОМСа охватывала весь мир. Через его агентов руководителям компартий отдавались приказы Коминтерна. Уполномоченные ОМСа передавали компартиям средства, выделяемые Коминтерном на их партийную деятельность и пропаганду...Этому отделу подчинялись все тайные торговые предприятия, депутации и секретные службы информации. Отдел также занимался редактированием, шифровкой и расшифровкой донесений и пропагандой.

Кроме того, ОМС был связующим звеном между Коминтерном и Разведслужбой Генерального штаба, а также между Коминтерном и тайной полицией».

Итак, ОМСу подчинялись все тайные торговые предприятия ИККИ и секретные службы информации. Он занимался также редактированием, шифровкой и расшифровкой донесений. В его функции входило и взаимодействие с ОГПУ — НКВД и Разведупром РККА. Кроме того, в состав ОМСа входил отдел документации, которым руководил Фриц Мильтер. Именно здесь подделывались визы, паспорта, печати, документы.

2 мая 1921 г. Малое бюро ИККИ назначило заведующим ОМСа И. А. Пятницкого, вступившего в должность после III конгресса Коминтерна.

▲ Пятницкий И.А.

Иосель Орионов Таршис (Пятницкий Иосиф Аронович) родился в уездном городке Ковельской губернии Вилькомире (ныне Укмерге, Литва) в 1882 г. У него было три старших брата и три сестры. Иосель выучился читать самоучкой, не по букварю, а по газетам и листовкам на русском, еврейском и литовском языках, большинство из которых было революционного содержания. В семье говорили только по-еврейски. В тринадцать лет родители отдали его в обучение к дамскому портному.

Так он становится ремесленником и начинает самостоятельную жизнь. В конце 1897 г. Иосель перебирается в Ковно (Каунас) к одному из братьев, у которого и поселился. Брат был столяром. Иосель включился в деятельность кружка самообразования и нелегального профсоюза столяров. А оттуда — прямой путь к подпольной революционной деятельности. Интересно, что в Ковно в этот же период начинают действовать будущие соратники Пятницкого по Коминтерну: Пранис Эйдукавичус, Арон Сольц и Викентий Капсукас (Мицкевич), а также молодой Феликс Дзержинский.

Из Ковно Иосель перебирается в Вильну, где с помощью местных товарищей получает работу и вступает в нелегальный профсоюз дамских портных, а вскоре становится его секретарем и кассиром, не оставляя работы в мастерской. Здесь, в Вильне, в 1900 г. происходит боевое крещение Пятницкого, он участвует в захвате полицейского участка и освобождении трех арестованных товарищей. Спустя две недели ему поручили обеспечить переход двух женщин из числа освобожденных через границу. Это был первый случай, когда ему пришлось иметь дело с нелегальным переходом границы, делом, которым он позднее профессионально занимался на протяжении десяти лет.

Иосель помимо еврейского и литовского, говорил очень плохо на русском и немецком, немного на польском языках. Он, как вспоминают его современники, был очень коммуникабельным человеком, был очень ловок, предприимчив и отважен. Но, несмотря на пылкость натуры, умел сочетать смелость с точным расчетом. В Вильне он знакомится со слесарем по кличке Файвчик, прибывшим из Парижа по поручению группы «Освобождение труда», только что объединившейся с «Искрой». От приезжего Иосель узнает о программе группы «Освобождение труда» и о подготов-

ке издания газеты «Искра». Происходит знакомство с младшим братом Мартова (Цедербаума) Сергеем Цедербаумом (Ежовым). Иосель всецело переключается на транспортировку «Искры» в Россию и отправку нужных людей за границу. Он сопровождает транспорты с нелегальной литературой и занимается переправкой своих людей через границу. В 1902 г. первый арест девятнадцатилетнего Пятницкого в вагоне поезда. Его отправляют в Киев в Лукьяновскую тюрьму. Там он знакомится со многими крупными социал-демократами: Н.Бауманом, М.Литвиновым (Валах), наборщиком «Искры» Иосифом Блюменфельдом, последний всерьез занялся политическим образованием Иоселя.

18 августа 1902 г., отсидев за пять месяцев и четыре дня, вместе с группой единомышленников Пятницкий совершает дерзкий побег из тюрьмы.

В Киевском государственном архиве имеется несколько материалов Департамента полиции и Киевского губернского жандармского управления. Вот один из них от 5 сентября 1902 г.: «Литер Б-262. Секретно.

Сведения о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого:

Таршис Иосель:

...П.18. Место воспитания, образование: ни в каких учебных заведениях не был. Совершенно не грамотен по-русски и малограмотен по-еврейски.

...П.22. Основания для привлечения к дознанию: агентурная связь и данные наблюдения, из коих известно, что Таршис был знаком многим крупным деятелям и носил в партии конспиративную кличку «Виленец».

Именно с этого времени у Иоселя появилась кличка, ставшая фамилией на всю жизнь. Социал-демократки мать и дочь Бахи придумали ему в целях конспирации прозвище Фрейтак (в переводе с немецкого Пятница), так как

▲ Могилевский С.Г.,
нач. ИНО, 1921 г.

он постоянно назначал им встречи именно по пятницам.

К 1903 г. Пятницкий оказывается в Берлине, сразу же включившись в организацию транспорта литературы и людей в Россию. В конце 1903 г. в Берлин приехал член ЦК РСДРП Носков. Пятницкий вместе с ним выехал в Лондон, где в то время находилась редакция «Искры». Там он впервые встретился с Лениным и Крупской. Речь шла о создании транспортного пункта «Искры» в Берлине. Пятницкий должен был организовать службу связи заграничного центра партии с Россией. С этого момента он стал специализироваться в конспиративной и подпольной «технике» и обладал этим делом настолько, что после 1917 г. ЦК партии поручил ему организовать Службу связи Коммунистического Интернационала. Он должен был реорганизовать и улучшить работу ОМСа. Фактически И.А. Пятницкий стал создателем нового конспиративно-технического аппарата Коминтерна. В конце 1921 — начале 1922 г. он лично объехал все основные зарубежные пункты связи, по результатам поездки представив доклад руководству.

Заместителем его по отделу, а с декабря 1922 г. заведующим отделом стал П. А. Вомпе (1890–1925). С августа 1925 г. заведующим ОМСа стал М. Грольман, затем до июня 1926 г. — А. Е. Абрамович, известный также как Альбрехт, Александр, Четувев, Арно, Вудро, М. Хабер (1888—?). После ухода из ОМСа А. Е. Абрамовича (он в 1926–1931 гг. стал референтом Отрготдела ИККИ, в 1926–1930 гг. (с перерывами) представителем ИККИ в Китае, в дальнейшем на научно-педагогической и хозяйственной работе, с 1961 г. на пенсии) И. А. Пятницкий, который к этому времени возглавлял одновременно Бюджетную комиссию Коминтерна, Орготдел, Оргбюро и Секретариат ИККИ, вызывает из Берлина в Москву руководителя одного из первых опорных пунктов ОМСа за рубежом А. Л. Абрамова, вошедшего в историю под фамилией Абрамова-Мирова, который в 1926 г. назначается заведующим ОМСа. Первым заместителем Абрамова-Мирова был Рыльский-Люберецкий, вторым — С. Б. Бричкина (1883–1967). В 1926 г. в ОМСе работали 33 человека, в 1927 г. — 45, а в середине тридцатых только в московском аппарате работали 65 человек.

Александр Лазаревич Абрамов (Миров-Абрамов) (1895 — 1937) один из руководителей советской военной разведки. Видный деятель Коминтерна. Родился в Москве в купеческой семье. Получил образование в Германии. Большевик с 1916 г., участник Февральской и Октябрьской революций в Москве. С 1921 г. на дипломатической и коминтерновской работе в Берлине. С ноября 1935 г. — заместитель заведующего. Службы связи ОМС. С 5 сентября 1936 г. — в IV (Разведывательном) управлении Генштаба РККА — помощник начальника Управления, руководитель испанского направления. Арестован 21 мая, расстрелян 25 ноября 1937 г.

В 1920–1921 гг. значительную часть работы ОМС составляла переправка

в Москву и обратно делегатов конгрессов Коминтерна, пропагандисткой литературы, различных грузов, в том числе оружия. Этим занималась специальная курьерская служба, созданная при ОМС решением ИККИ. 21 января 1921 г. Малое бюро по докладу Бейко постановило «просить ЦК РКП, чтобы 1) в числе сотрудников НКВД (в отделе дипломатических курьеров) был товарищ, назначаемый Коминтерном и исполняющий поручения Коминтерна; 2) то же в Наркомвнешторге; 3) то же в каждой из торговых миссий». Такое право Коминтерну было предоставлено.

Следует сказать, что курьерская служба и фельдъегерская связь были самыми распространенными средствами связи. Основным средством передвижения вплоть до начала 30-х годов на Дальнем Востоке оставался железнодорожный транспорт, так как регулярное воздушное почтовое сообщение Москва—Новосибирск открылось только 1 августа 1928 г. Весь путь с четырьмя пересадками продолжался 26 час. 30 мин.

30 августа 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение о том, что отныне пересылка всей секретной корреспонденции за пределами Москвы должна осуществляться силами специального вновь созданного при ГПУ НКВД подразделения фельдъегерской связи. Иркутск использовался как «пункт сбора информации»

▲ Миров-Абрамов А.Л.

на Китай, Чита — на Монголию, затем собранная информация из этих городов один раз в три недели отправлялась по назначению в Китай и Монголию. Однако существовали и определенные трудности. Секретарь Восточного отдела ИККИ И.Мусин жаловался 22 марта 1923 г. на отсутствие возможности передачи информации по маршруту Москва—Владивосток. Так как официальный фельдъегерский маршрут существовал только до Читы, дальнейшая же передача информации могла осуществляться на основе «личной договоренности» с работниками региональных партийных органов власти. Выпадение по каким-либо причинам того или иного «неформального курьера» вело к нарушению информационного обмена по всей цепочке между центральными органами КИ и их региональными подразделениями восточнее Читы, особенно зарубежными. В среднем получение обратного ответа на письменное сообщение посредством фельдъегерской связи осуществлялось через один месяц. За период прохождения информации от одного к другому адресату от одного до нескольких месяцев происходили серьезные изменения в обстановке на местах, которые не могли учитываться в Центре.

Горестное признание медленной передачи информации и документов на большие расстояния, которое вредит революционному делу, содержится в письме полномочного представителя Советской России в Китае А. Иоффе на имя В. Ленина от 27 января 1923 г.: «Месяцами мы совершенно ничего не получали из Москвы, ни директив, ни указаний, ни даже серьезной информации газетного характера. Когда я посылал подробную телеграфную информацию в Москву, то получал сообщение, что это слишком дорогое должно быть отменено; информация моя о Китае, как правило, должна идти с курьером и лишь в исключительных случаях по телеграфу. Принимая во внимание, что Китай как никак, а переживает свою революцию, и события здесь разворачиваются с чрезвычайной быстротой, благо-

даря всему этому создалась полная взаимная оторванность, при которой сообщаемые мной с курьерами факты, сплошь да рядом, по получению их Вами, уже менялись и уступали место другим, зачастую их отрицающим фактам, а в кои веки получаемые Вами соображения относились к событиям уже несуществующим. К этому нужно прибавить, что еще чаще Вами даются указания по вопросам, касающимся политики в Китае, не мне, а Дальбюро, Дальревкому, и притом указания, которые противоречат моей политике здесь и все чаще противоречат Вашим же собственным директивам, данным ранее».

Телеграфные линии вдоль КВЖД (Иркутск — Пекин), а также часть других линий, связывающих Россию с границей (в Восточной Азии — связь по линии Шанхай — Нагасаки — Владивосток), еще в 1906 г. были отданы в концессию «Датскому северному телеграфному обществу», которое взимало плату за свои услуги в свободно конвертируемой валюте. В соответствии с действующими тарифами «Датского общества», Дальневосточный отдел ИККИ в Москве, исходя из своего бюджета, был, например, в состоянии отправить границу только 15 страниц (8 слов в строке; 30 строк на 1 стр.) телеграмм в год. Кроме того, этому же отделу полагалось только 24 часа пользования «прямым телеграфным проводом» в год для переговоров со своими подразделениями в Сибири и на Дальнем Востоке.

Одной из наиболее сложных проблем в те годы были вопросы финансирования. Почти всегда Коминтерн испытывал недостаток денег для закордонной работы. Еще в начале 1919 г. Л. М. Карахан обратился с «совершенно секретным» меморандумом на имя Ленина по вопросам финансирования. Он просил «отпустить Народному комиссариату по иностранным делам 200 тыс. золотых рублей на поддержку рабочих организаций Востока, посылку агитаторов для целей пропаганды на Востоке,

на первую четверть года, январь—март 1919 г.». Среди стран, перечисленных в данном меморандуме, в которые планировалось направить «агитаторов» для поднятия угнетенных масс на пролетарскую революцию, указывались Северный и Южный Китай, Корея, Персия, Индия.

Первый бюджет Коминтерна, принятый специальным решением политбюро в апреле 1922 г. по докладом Сокольников и Пятницкого и подписанный Сталиным, составлял 5 536 400 золотых рублей.

Однако в эти годы официальный бюджет составлял лишь часть ассигнований на деятельность Коминтерна. Зачастую из так называемого «резервного фонда», фонда политбюро, бюджета ОГПУ направлялись деньги на те или иные запросы национальных компартий. Так, в апреле 1922 г. Карахан докладывал И. В. Сталину, что он передал крупные суммы корейцам (дважды золотом на сумму 600 тыс. рублей и один раз царскими купюрами — 4 млн. рублей) для создания двух типографий (в Шанхае и Пекине) и для непосредственной нелегальной работы в Корее против японцев, в том числе для организации вооруженного сопротивления.

Часто на места Коминтерн посылал не денежные купюры, а драгоценности, бриллианты, их легче было нелегально перевозить через границу. Они занимали меньше места. Драгоценности довольно часто заделывались в подметки ботинок и каблуки туфель агентов Коминтерна, направлявшихся в ту или иную страну. В Коминтерновском архиве найден интересный документ от 18 августа 1919 г., как повторное письмо на имя секретаря ЦК ВКП(б) Е. Д. Стасовой на вопрос: зачем для нужд служб Коминтерна необходимо определенное количество кожи следующего содержания:

«Уважаемый товарищ Стасова! Кожа нам нужна для подметок, в которые мы будем заделывать ценности, главным образом бриллианты. У нас теперь имеется для этого вполне надежный человек.

Очень прошу Вас сделать соответствующую надпись на нашей бумаге.

С товарищеским приветом управляющий делами Клиггер». И видимо необходимая коминтерновским работникам кожа была выделена.

Однако не всегда деньги попадали по назначению, часто они шли на иные цели. К примеру, руководитель Восточного отдела Коминтерна Г. И. Сафаров докладывал Сталину, что денежные средства и ценности выдаются совершенно «безответственным людям из отдельных групп». Он приводил пример, когда неким Ху Нан Гену и К° Чи Иру было выдано 200 тыс. золотых рублей для поддержки национального движения в Корее, однако, как выяснилось, деньги пошли для продолжения фракционной борьбы в корейской эмиграции.

Известен и другой случай. Таро Есихара (псевдоним — Ноги) приехал в Россию в 1920 г. из США, где он был активистом профцентра Индустриальные рабочие мира, руководимого Уильямом Хэйвудом. В России он участвовал в первом съезде народов Востока в Баку в 1920 г. и был делегатом III Конгресса Коминтерна в 1921 г. Осенью 1921 г. по поручению Коминтерна он был направлен в Японию для установления связи с японскими коммунистами, вез с собой драгоценные камни на крупную сумму для финансирования организационных мероприятий по созданию КПЯ, но растратил эти средства.

Очевидно, злоупотребления были настолько очевидны, что В. Ленин вынужден был лично набросать проект секретного письма ЦК РКП(б) от 9 сентября 1921 г. следующего содержания:

«Нет сомнения, что денежные пособия от К[оммунистического] И[нтернационала] компартиям буржуазных стран, будучи, разумеется, вполне законны и необходимы, ведут иногда к безобразиям и отвратительным злоупотреблениям.

Ведя беспощадную борьбу с этими злоупотреблениями, ЦК РКП обращается с этим секретным письмом ко всем членам партии, работающим за границей, находящимся там или знакомым ближайшим образом (тем или иным путем) с этой работой.

ЦК заявляет, ч[то] признает величайшим преступлением, за которое будут безоговорочно исключать из партии (не говоря об уголовном преследовании и об ошельмовании в прессе, при малейшей к тому возможности)

— не только всякое злоупотребление полученными от К[оммунистического] И[нтернационала] деньгами (в смысле поддержки направления, желающего отличиться «левизной» или «революционностью»; в смысле обеспечения себе или другим лучших, чем средние для партработников, условия жизни и т. п.),

— но и малейшее сокрытие от ЦК подробностей насчет расходования этих денег, понимая под сокрытием всякое, прямое или косвенное, уклонение от аккуратнейшей и безусловно правдивой информации ЦК насчет каждой копейки расходующихся за границей и получаемых от К[оммунистического] И[нтернационала] денег.

Всех виновных в подобного рода сокрытии правды, как умышленном, так и по небрежности, ЦК будет третировать как воров и изменников, ибо вред, приносимый неряшливым (не говоря уже о недобросовестном) расходованием денег за границей, во много раз превышает вред, причиняемый изменниками и ворами.

Всякий, берущий деньги от К[оммунистического] И[нтернационала], предупреждается, что он обязан с абсолютной пунктуальностью выполнить все инструкции и условия, необходимые для безусловно полной, быстрой и правдивой информации ЦК РКП насчет каждой копейки расходующихся денег.

ЦК поручает членам РКП, работающим в ИККИ, немедленно выработать детальнейшую инструкцию насчет правил расходования денег, полученных от ИККИ, и отчетности в этом расходовании.

Основными положениями этой инструкции должны быть:

(1) расходование денег без ведома и согласия ЦК местной, аффилированной к К[оммунистическому] И[нтернационалу], комм [унистиче-

ской] партии, объявляется воровством;

(2) всякий, берущий деньги, хотя бы только для перевозки, обязан давать расписку в ИККИ (или присылать ее), удостоверяющую получение и подчинение правилам расходования;

(3) всякий, получающий деньги, обязан осведомлять о каждой копейке расхода не менее как 2-х товарищей на месте расхода, из коих по крайней мере 1 д[олжен] б[ыть] совершенно легален, т. е. не участвовать ни в малейшем нелегальном акте;

(4) не реже, как раз в три месяца, всякий получающий деньги должен личной явкой в Москву (или явкой одного из упомянутых в параграфе 3 лиц) отчитываться в Москве подробнейшим образом и письменно в каждой копейке».

Как утверждал В.Пятницкий, его отец, который стал председателем Бюджетной комиссии ИККИ, одновременно являясь секретарем делегации ЦК ВКП(б) в Коминтерне, руководителем его Оргбюро и руководителем личного секретариата при Исполкоме Коминтерна, быстро навел порядок в финансовой сфере. Однако по воспоминаниям жены одного из лидеров компартии Германии 20-30-х годов и деятеля Коминтерна Маргаретте Бубер-Нейман можно сделать вывод, что это не всегда было так. Она приводит пример, когда ее муж Нейман по поручению И. Сталина должен был встретиться с представителем Коминтерна в Китае (с июля по ноябрь 1927 г.) В. В. Ломинадзе и с ним поехать в Кантон и возглавить там руководство восстанием, одновременно они должны были привезти восставшим деньги.

В. В. Ломинадзе (псевдоним Вернер) (1897–1935) — в 1925–30 гг. кандидат в члены ЦК партии. В 1925–1926 гг. — секретарь ИК Коммунистического Интернационала Молодежи. С апреля 1926 г. по декабрь 1926 г. — член Прези-

диума ИККИ. С июля по ноябрь 1927 г. — представитель Коминтерна в Китае. С 1928 г. — на партийной работе. Покончил жизнь самоубийством.

▲ Ломинадзе В.В.

Итак, Ломинадзе и его друг Нейман встретились в китайском порту, предположительно в Шанхае. «На борту океанского лайнера они продолжили путешествие в Гонконг и здесь вскоре угодили в ловушку излишней конспирации, — вспоминала она. — Они, конечно, путешествовали под фальшивыми именами и вели себя, по возможности, так, чтобы не бросаться в глаза. Их больше всего занимала мысль о ценном содержимом чемодана. Кто-то один из двух постоянно дежурил в каюте. Но когда прибыли в следующий порт, корабль сделал остановку на несколько часов, и все пассажиры отправились на берег, чтобы осмотреть город, оба попали в затруднительное положение. Что им делать? Остаться на борту и навлечь на себя подозрение? Или оставить ценный багаж без присмотра? Они были молоды и легкомысленны. Ну что может случиться с чемоданом за такое короткое время? Наконец, они удостоверились, что за ними не было слежки и сошли на берег. Когда они вернулись

▲ Шанхай

на пристань, их ожидала неприятная новость. Пассажирам сообщили, что взять их на борт невозможно, так как скоро разразится тайфун. Корабль отправился дальше, так как он должен следовать по расписанию, их же лишь завтра другим пароходом доставят в Гонконг. Само собой разумеется, что ответственность за их багаж берет на себя пароходство.

Что им делать? Оба эмиссара Коминтерна были в ужасе. Они ни в коем случае не могли передать свой чемодан «под ответственность пароходства». В отчаянии ходили они от одного владельца джонки к другому. Каждый качал головой. Я же не самоубийца! Когда уже была потеряна всякая надежда, Нейман и Ломинадзе нашли оборванного владельца старенькой лодки, которая едва ли вообще могла плавать по морю. Он согласился за большую сумму доставить их на борт, и действительно, доставил их на своей жалкой шлюпке на пароход, который уже собирался отплывать. Чемодан остался нетронутым, но случилось

именно то, что они так не хотели. Они обратили на себя внимание. Впрочем, это не помешало им беспрепятственно достичь Гонконга и отправиться поездом дальше в Кантон». В гостиничном номере одного из отелей Кантона они встретились с «ответственными товарищами из Кантонской секции КПК», которым они должны были передать деньги. Китайцы дважды пересчитали доллары, взволнованно пошептались, зачем-то вышли в соседнюю комнату для беседы, затем посланцам Коминтерна сообщили, что в ожидаемой и уведомленной сумме не хватает 3 тыс. долларов. Последние были потрясены. Значит, в их отсутствие кто-то вскрывал чемодан. Они еще раз попросили китайцев пересчитать деньги. Сумма оставалась прежней. Тогда они потребовали, чтобы позвонили в Шанхай и узнали, сколько денег было в чемодане. Ответ из Шанхая был более чем неожиданным. Была названа сумма на 2 тыс. долларов меньше той, которую доставили Ломинадзе и Нейман.

«Этот эпизод доказывал, — констатирует Нэйман, — какая хаотическая неразбериха в финансовых делах господствовала тогда в аппарате Коминтерна».

Решение финансовых вопросов поглощало порой значительную часть времени сотрудников Коминтерна. Так, на заседании Туркбюро Коминтерна 18 июня 1921 г. под председательством Я. Э. Рудзутака из 9 пунктов повестки дня три были посвящены решению финансовых проблем, в одном из них говорилось, что «выделена крупная сумма в китайской валюте и значительное количество опиума (!) для отправки агентов в Южный Китай».

Между руководством ОМСа и Наркоминделом первое время часто возникали противоречия и споры по ряду организационных и финансовых вопросов.

Вопрос о взаимоотношениях между органами Народного комиссариата иностранных дел и Коминтерна был даже заслушан на политбюро ЦК РКП(б) весной 1921 г.

и были приняты специальные Тезисы. В них говорилось, что использование аппарата Наркоминдела в «целях осуществления партийных задач Коминтерна должно проводиться с соблюдением всех правил строжайшей конспирации и интересов сохранения в целостности аппарата Наркоминдела. Все поручения дипкурьерам от Коминтерна передавать только через тт. Пятницкого и Вильковского (сотрудника НКВД, отвечающего за доставку дипломатической почты за границу), возложив на них персональную ответственность за сохранение конспирации. «Поручения дипкурьерам от Коминтерна за границей, — говорилось в Тезисах, — даются представителем Коминтерна с ведома и согласия полномочного представителя РСФСР.. Курьерские отправления представителей Коминтерна передаются непременно через аппарат миссии». Агентам Коминтерна в особо важных случаях разрешалось посылать зашифрованные телеграммы через полномочные представительства РСФСР, «но при условии, что текст этих телеграмм сообщается открыто полномочному представителю для зашифрования шифром Наркоминдела».

В Тезисах также оговаривалось, что «при использовании службы ди-

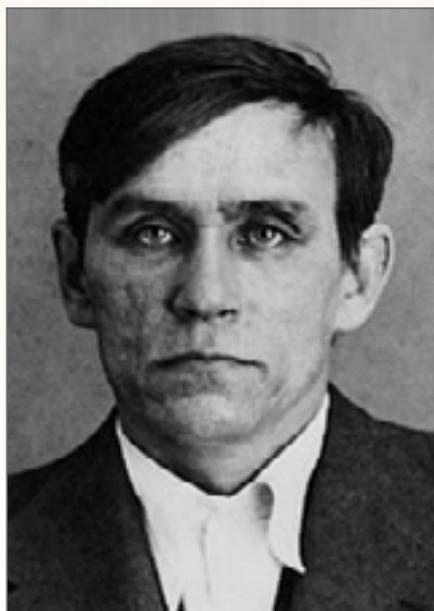
пломатических курьеров необходимо иметь в виду установленный по согласованию с отдельными сторонами предельный вес неприкосновенной дипломатической почты и пользоваться ею поэтому исключительно для пересылки письменных сообщений и пакетов малого веса». В примечании специально подчеркивалось, что при посылке такой почты «необходимо соблюдать строжайшую экономию в весе — писать на папиросной бумаге, из тонкой бумаги иметь конверты, избегать многих сургучных печатей». Такое примечание не было случайным. Так, по соглашению между правительствами РСФСР и Германии от 18 февраля 1921 г. о взаимных правах представительств обоих государств вес секретного багажа дипломатических курьеров ограничивался 15 кг. Однако и этот объем советской дипломатической почты, и предусмотренная соглашением «свобода передвижения курьеров» вызывали «особенно большие сомнения» министра внутренних дел Германии и его протест статс-секретарю германского МИДа (от 25.03.1921 г.). Министр утверждал (и, видимо, он был недалек от истины), что в мешках дипломатической почты РСФСР «будет лежать не что иное, как материал для агитации за мировую революцию, так как у России не найдется ничего лучшего на экспорт».

Вставал вопрос о плате за проезд сотрудников и гостей Коминтерна. Коллегия Наркомата иностранных дел 29 сентября 1921 г. постановила, что с «иностранцев путешественников Коминтерна плата за проезд взимается наравне с другими». Последовал протест Пятницкого, который он направил в Президиум ВЦИК (копию в НКВД). «Иностранцы-коммунисты едут не за свой счет и даже не за счет партии, а за счет Коминтерна, — говорилось в нем. — За визы и за проезд нужно платить в иностранной валюте, которая приобретается нами с большим трудом через Наркомфин и Наркомвнешторг». А поскольку, по словам Пятницкого, ежемесячно в Москву приезжали по 30–40 человек, то «иностранную валюту придется, конечно, брать из золотого фонда,

который был ассигнован Коминтерну. Если мы за него будем платить советскому учреждению в иностранной валюте, нам придется на эту сумму увеличить бюджет. Нельзя ли просто сделать бухгалтерский перерасчет между учреждениями?» (Напомним, что, к примеру, бюджет Коминтерна на апрель 1922 г. определялся в 3,15 млн. рублей золотом, из которых 400 тыс. выделялось в резервный фонд.)

13 октября 1921 г. коллегия НКВД оперативно откликнулась на обращение Пятницкого следующим постановлением: «Слушали: О невзимании платы за проезд в вагонах НКВД с делегатов Коминтерна. Постановили: Отказать, принимая во внимание соображения конспирации и что оплата взимается не за вагон НКВД, а за проезд вообще». На заседании Президиума ВЦИК под председательством А.Енукидзе, состоявшемся 24 октября, было принято аналогичное решение: «Ходатайство отклонить». Однако проблема финансирования не была снята с повестки дня. Боролись за деньги обе организации. 20 апреля 1922 г. на политбюро был поставлен вопрос: «О взаимоотношениях НКВД и ИККИ в деле финансирования работы на Востоке» по докладом Г. Сафарова и Л. Карахана. Было принято следующее решение: «а) установить, что, как правило, ни один расход особого назначения на Востоке впредь не может производиться НКВДом иначе как по согласованию с ИККИ и с санкции политбюро: б) поставить на вид НКВДу произведенные им расходы без согласования с ИККИ и политбюро: в) поручить комиссии, назначенной политбюро 20 апреля с. г. (Молотов, Сокольников и Пятницкий — протокол № 3, пункт 8), при рассмотрении сметы Коминтерна выделить определенную сумму в пределах этой сметы для усиления расхода на агитацию среди японских солдат». Этой комиссией из общей суммы резервного фонда Коминтерна в 400 тыс. золотых рублей 100 тыс. выделялось для компартий Дальнего Востока.

Другой пример. НКВД отказывался включать сотрудников ОМСа

▲ Мельников Б.Н.

▲ Сталин И.В.

в свои делегации и миссии. 12 октября 1921 г. заведующий ОМС ИККИ И. А. Пятницкий, в связи с этим писал Г. Зиновьеву: «По поручению Молотова я был вызван в ЦК РКП. Там мне показали письмо Чичерина, где он возражает против включения нашего представителя в миссию, которая едет в Норвегию, ссылаясь на постановление ЦК РКП об отделении работы Коминтерна и Наркоминдела. Я заявил, что ЦК нам предоставил право включать одного представителя в каждую миссию, и от этого права мы не можем отказаться. Можно спорить, годен ли тот или иной представитель, нужно ли послать в тот или иной пункт. Но ставить вопрос принципиально, чтобы работа Ки [Коминтерна] и НКВД шла так раздель-

но, чтобы мы не могли иметь своего представителя, посылать телеграммы и вообще пользоваться аппаратом, невозможно».

28 февраля 1921 г. Секретариат ИККИ разослал всем заведующим отделами ИККИ циркулярное письмо с требованием «принять к сведению и руководству, что в целях упорядочения дела и сохранения конспирации всякие сношения с границей, как-то: отправка писем, выписка литературы, пересылка печатного материала и т. д. обязательно, без всяких исключений, должны передаваться для исполнения Отделу международной связи и производиться только через его посредство».

В начале 20-х годов ОМС состоял из 4 секторов: сектора шифровки,

сектора передачи (связи), счетно-финансового сектора (бухгалтерский учет и финансы), сектора учета техники (под этим названием функционировал центр изготовления фальшивых документов). В 1923 г. создается так называемый технический сектор. Затем наравне с сектором шифровки был образован сектор учета различных данных и адресов на функционеров национальных компартий и лиц, которые интересовали ИККИ. При секторе учета организуются фотолаборатория и фотоархив.

Финансирование ОМСа осуществлялось вне сметы Коминтерна. Так, в одном из писем сотрудников ОМСа руководству Коминтерна указывается: «Мы имеем еще второй текущий счет в Госбанке под названием «8-я база физкультурников из Спортинтерна» и проводим по нему операции, когда указать «Коминтерн» нежелательно». Зачастую для нужд ОМСа использовались и валютные поступления в фонд МОПРа.

ОМС имел свои нелегальные объекты, расположенные вне Москвы. Все их территории были огорожены высокими заборами с колючей проволокой, тщательно охранялись военизированными нарядами и собаками.

Так, на базе в Подлипках (закодированная в документах Коминтерна под названием «База № 1») находилось производство специальной бумаги для документов, изготавливались фальшивые паспорта и удостоверения, специальные чернила для их заполнения и другие подручные материалы.

В Ростокине («База № 2») действовал мощный радиоцентр, оборудованный по последнему слову техники и позволяющий осуществлять надежную связь с резидентурой ОМСа в большинстве стран Запада и Востока. Его руководителем был Д. Г. Липманов (Глезер). Здесь следует сказать, что в первое время деятели Коминтерна да и советских разведывательных органов, как представляется, явно преувеличивали свои конспиративные возможности и недооценивали западные разведки.

«В течение первого десятилетия пребывания большевиков у власти советские разведывательные органы страдали от двух наиболее серьезных недостатков, — писал ведущий западный теоретик разведывательных проблем Кристофер Эндрю. — Во-первых, большевики, боясь использовать унаследованные от царского режима сравнительно сложные коды и шифры, ввели менее надежную систему передачи секретной информации, на первом этапе основанную на простой перестановке букв. Во-вторых, сильнейшая в мире царская служба дешифровки была расформирована, а некоторые ее ведущие сотрудники, к несчастью для большевиков, бежали за границу».

Так, британское разведывательное сообщество (прежде всего школа шифровальщиков правительственной связи), благодаря наличию в его штабе Эрнеста Феттерлейна (Фетти), бывшего ведущего криптоаналитика «черного кабинета» царской России, который вместе с женой убежал в Англию, спрятавшись на борту шведского парохода и благополучно переждав обыск, смогла «расколоть» все шифры и коды, применявшиеся Москвой для связи с дипломатическими представителями в Англии и на Востоке, прежде всего в Афганистане. Главнокомандующий Южной группы Красной Армии, разгромившей в Крыму белого барона Врангеля М. В. Фрунзе был одним из первых, кто оценил масштабы рассекречивания советской системы шифровки и кодирования. 19 декабря 1920 г. он с возмущением писал в Москву следующее: «Из доклада, представленного мне сегодня бывшим начальником врангелевской радиостанции в Севастополе Ямченко, следует, что абсолютно все наши шифры, вследствие их примитивности, разгадываются врагами... Отсюда вывод: все наши враги, особенно Англия, все это время были в курсе нашей внутренней военно-оперативной и дипломатической работы».

Когда в Москве узнали, что их шифры и коды, применявшиеся как

на Западе, так на Востоке, раскрыты, были немедленно приняты меры по разработке и введению новых шифров и кодов. К примеру, советская торговая делегация в Лондоне в конце 1920 г. получила указание вплоть «до разработки новой системы шифра» пересылать свою корреспонденцию только курьерской почтой. Уже в начале 1921 г. были введены новые советские шифры, которые, по признанию британских криптоаналитиков, в течение нескольких лет за рубежом не могли раскрыть.

В 1925 г. первый заместитель Пятницкого в ОМС Абрамов создал секретную школу по подготовке иностранных радистов Коминтерна для поддержания шифрованного радиобмена с ОМС в Мытищах.

На «Базе № 3» в окрестностях поселка Пушкино располагалась школа связи Коминтерна, созданная в 1933 г., которая в обиходе ИККИ называлась Восьмой спортивной международной базой. При школе имелся и ряд лабораторий специального назначения. В эту школу слушателями подбирались молодые, умные, холостые люди, способные к изучению языков и техники. Программа занятий была очень обширной и разнообразной: изучение языков, географии района будущей работы и истории. Особое внимание уделялось изучению тайнописи, приемов конспирации, шифровальному делу, кодам Морзе, средствам связи. Изучались различные варианты изготовления оборудования средств связи в условиях подполья и подручных материалов.

Еще в 1920 г. при Коминтерне была создана Военная школа. Малое бюро 15 января 1921 г. приняло решение об улучшении материального положения школы и подготовке в ней курсантов, которые впоследствии могли бы стать военными организаторами в своих партиях. Однако решением Малого бюро ИККИ от 26 августа 1922 г. Военная школа была закрыта, а ее лучшие курсанты переданы военным ведомствам РСФСР.

ОМС, руководимый О.Пятницким, в 1921–1922 гг. создал или реоргани-

низовал конспиративные пункты связи в ряде стран, включая Китай (Шанхай). Пункты связи в странах подчинялись непосредственно только ОМСу, их старались оградить от какого-либо контроля со стороны руководства компартий соответствующих стран и некоторых советских ведомств.

Часто через пункты связи ОМСа передавались шифрограммы, деньги и документы соседей — Разведуправления РККА и ИНО ОГПУ. В свою очередь, и последние помогали в случае необходимости ОМСу в его работе.

Основных ключевых работников пунктов связи ОМС назначал главным образом из числа функционеров других партий (не страны местонахождения данного пункта), часто из эмигрантской коммунистической среды. Однако наличие эмигрантов обостряло психологическую напряженность и резко повышало степень риска, возможность провалов из-за усилившихся полицейских преследований. Челночные рейсы его курьеров также могли вызвать сильные подозрения у местных властей. После ряда провалов это привело в 1923 г. к необходимости использования ОМСом фельдъегерской службы Государственного политического управления (ГПУ).

Конспиративный характер деятельности ОМСа, проводимые им нелегальные заграничные операции, требовали искать для них какое-то прикрытие. Большая часть печатной продукции, различных грузов и товаров, предназначенных для Коминтерна, шла на адрес Наркомата внешней торговли в Москве. Телеграммы и радиogramмы Коминтерна за границу передавались компартиями только через Наркомат иностранных дел (была учреждена должность «представителя ИККИ при НКВД по отправке радиogramм»). Для перевозки людей и грузов ОМС использовал выделенные в его распоряжение по решению Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома специальные железнодорожные вагоны и торговые суда. По данным Р. Фа-лиги и Р. Коффера, «реальное число

подпольных агентов международных связей» ОМСа к концу 20-х годов приближалось к двумстам.

С начала 20-х годов работники ОМСа, как правило, являлись сотрудниками посольств СССР, торгпредств, представительств ТАСС и других легальных советских организаций за границей.

В докладной записке одного из руководителей службы связи ИККИ Б. Орлова от 4 марта 1939 г. по так называемому «делу Рюэггов» (известно также как «дело Ноуленсов») (Яков Рудник и его жена, руководители пункта связи ОМСа, арестованные в Шанхае в 1931 г.) указывалось: «До 1927 г. в страны, где имелись дипломатические представительства, работники ОМСа посылались легально с дипломатическими или служебными паспортами, то есть для властей и остальных сотрудников учреждения они числились обыкновенными сотрудниками, на деле же вели работы исключительно для ОМСа. Вся связь с Москвой — деньги, телеграммы, посылка почты и печатного дела — производилась через аппараты НКВД, и часть своей работы сотрудники ОМСа выполняли в стенах посольства. После обы-

ска помещений Аркоса в Англии, сов[етского] посольства в Пекине в 1927 г. решено было реорганизовать работу ОМСа во всех странах на новых, более конспиративных началах. Работникам ОМСа было запрещено встречаться с иностранными коммунистами в советских учреждениях, держать там нелегальные архивы или заготовлять фальшивые паспорта. Диппочтой можно было пользоваться только для получения денег и посылки шифрованных денежных отчетов, а также по вопросам въездных виз в СССР для иностранцев по линии К[оммунистического] И[нтернационала]».

Яков Матвеевич Рудник (псевдоним Анри, Генри, Марин, Нуленс, Руэгг) (1894–1963). Польский еврей. Родился под Киевом в бедной семье. Окончил коммерческое училище. Учился в Петербургском политехническом институте, откуда мобилизован в армию. Окончил военное училище, прапорщик. Участник Февральской революции. Большевик с марта 1917 г. Во время Октябрьской революции комиссар ВРК в Финляндском полку. Участник штурма Зимнего, подавления восстания юнкеров, мятежа Керенского — Краснова. Организатор Красной гвардии в Финляндии. В начале 1918 г. — член коллегии ВЧК в Петрограде. Затем в политотделе Высшей военной инспекции. Летом 1918 г. руководил нелегальной доставкой оружия в Киев. В конце 1918- начале 1919 г. учился в Академии Генерального штаба, затем на нелегальной работе на Украине, в Крыму. В марте 1919 г., спасаясь от ареста в Одессе, выехал на пароходе с демобилизованными французскими солдатами во Францию. Активно участвовал в коммунистическом и забастовочном движении во Франции, подвергался преследованиям. В сентябре 1920 г. вернулся в Россию, политработник на Южном фронте. Затем в аппарате Коминтер-

на. В феврале 1921 г. направлен резидентом советской разведки во Францию. В 1922 г. арестован и осужден на два года тюремного заключения. В 1925–1931 гг. сотрудник ОМС ИККИ. В 1925–1927 г. в Австрии, в 1928–1931 гг. в Китае, где был арестован под фамилией Руегг. Находился в заключении до 1937 г. В 1939 г. вернулся в СССР. С 1940 г. на преподавательской работе в СССР. В 1941–1943 гг. в армии, затем в Красном Кресте и в Институте международных отношений.

Так, 15 марта 1928 г. на Политбюро ЦК ВКП(б) специально слушался вопрос О.Пятницкого. И было принято следующее решение, подписанное И. Сталиным: «Для упорядочения связи между ком. — и проф. — организациями Китая и Коминтерном и Профинтерном необходимо:

1) Организовать отделение ОМС ИККИ в Харбине вне совучреждений. Органы ГПУ должны оказывать всяческое содействие при переходе территории СССР через границы направляющихся не через официальные гранпункты и без установленных виз.

2) Выделить из работников Х[арбинского] консульства верного товарища, который направлял бы кодированные телеграммы в Москву и получал бы таковые. Этот товарищ должен будет быть конспиративно связанным с одним из товарищей Харбинского отделения ОМС.

3) В консульстве ничего не должно храниться. Этот работник никого не должен у себя принимать и т. д. (в общем, те же условия, которые применяются к товарищам, работающим в некоторых полпредствах на аналогичной работе, должны быть выполнены и этим товарищем)».

С октября 1921 г. было создано Организационное бюро ИККИ, которое должно было заниматься вопросами организационной структуры отдельных компартий — секций Коминтерна, а также осуществлять «надзор за подпольной работой

▲ Мильграм И.В.

в отдельных секциях», так как «контр-революция из месяца в месяц нагнетает и не ограничивается одной политической областью, а прибегает в борьбе с коммунистами к террору, убийству и каторге». В начале 1923 г. в Оргбюро вошел Г. Войтинский.

После III конгресса Коминтерна продолжалось формирование Восточного отдела ИККИ. В конце 1921 — начале 1922 г. в Коминтерне существовали два отдела, отвечавшие за осуществление его восточной политики: Отдел Ближнего и Среднего Востока и Дальневосточный секретариат ИККИ; последний нередко именовался Отделом Дальнего Востока. Дальневосточный секретариат ИККИ в Иркутске уже имел сравнительно постоянные подразделения: президиум, четыре секции: монголо-тибетскую, китайскую, корейскую и японскую, с общим штатом более 100 человек. Летом—осенью 1922 г. в ходе реорганизации было создано три отдела: 1) Отдел Ближнего Востока; 2) Отдел Среднего Востока и 3) Отдел Дальнего Востока. Создание этой структуры в ИККИ, подбор кадров, знающих специфику различных стран Востока, происходили наряду с одновременными мерами по обустройству опорных пунктов на местах и укреплению связей с ними.

▲ Бустрем В.В. — Логинов А.В.

По решению IV конгресса Коминтерна Исполком должен был обратить особое внимание на организацию Восточного отдела. В докладной записке сотрудников ИККИ М. Гольмана и К. Трояновского от 12 декабря 1922 г. о реорганизации Восточного сектора критиковалась его деятельность за то, что у него не было определенного плана, рационального распределения труда, царила «полная бессистемность». Поэтому IV Конгресс «счел необходимым заменить Восточный сектор Восточным политическим секретариатом», или Восточным отделом. Впервые для работы на Востоке была создана единая всеохватывающая структура с соответствующим разграничением функций.

4 мая 1923 г. Президиум ИККИ назначил заведующим отделом К. Радека, а заместителем заведующего Г. Войтинского, с 8 марта 1924 г. руководителем стал Ф. Петров (Ф. Ф. Раскольников (Ильин), 1892–1939, а заместителем остался Г. Войтинский. Одной из трех секций была секция Дальнего Востока, куда входили такие страны, как Япония, Китай, Корея и Монголия.

В январе 1923 г. по предложению Оргбюро ИККИ принимается решение о создании Дальневосточного секретариата ИККИ. Его руководителями были назначены Войтинский, Катаяма, Маринг.

Восточный отдел имел тесные контакты с ГПУ. Так, советские органы Дальнего Востока регулярно сообщали в ИККИ или прямо в Восточный отдел имеющиеся у них сведения о слежке полицейских властей Японии, Китая, Кореи за коммунистами, об арестах, провалах нелегальных типографий и связных пунктов, а в свою очередь эти органы сами нередко запрашивали подобного рода информацию.

Обмен информацией шел и по линии ОМС и органов разведки. К примеру, 13 мая 1922 г. М. А. Трилиссер писал О. Пятницкому: «Некоторые из материалов, получаемые от наших резидентов из-за границы, могущие интересовать Коминтерн, мы направляем Вам».

▲ Пудин, разведчик, Харбин, 1927 г.

А вот в качестве примера еще одна секретная информация О. Пятницкому:

«21.12.1925 г. Совершенно секретно. Лично ИККИ — тов. Пятницкому.

Уважаемый товарищ. 1) По проверенным данным, т. Демьяненко, пом. комиссара штаморсил на Д. В., работающий по связи Ки, вследствие неумения ставить конспиративную работу расшифрован как Ваш сотрудник перед японцами и администрацией пароходов. Доводя об этом до Вашего сведения, добавляем, у нас имеются сведения, что в результате халатности т. Демьяненко была провалена целая группа товарищей, направлявшихся в Кантон». И подпись: Начразведупра Берзин.

ОМС продолжал руководить своими пунктами, созданными в основном в портовых городах СССР и зарубежных стран и занимающихся переправкой людей и грузов нелегальным путем в СССР и обратно, внедрением «нелегалов» в другие страны под «крышей» торговцев, представителей фирм и т. д.

Законспирированность деятельности ОМС, его тайные операции в зарубежных странах способствовали укреплению связей отдела ИККИ с ГРУ—ОГПУ.

▲ Рихард Зорге

Так, в апреле 1923 г. заведующий ОМС Петр Вомпе (возглавлял отдел с 19 декабря 1922 г. по август 1925 г.) и начальник фельдъегерского корпуса ГПУ П. Митрофанов подписали соглашение «на предмет использования фельдъегерской связи ГПУ для нужд Отдела международной связи». В соглашении указывалось, что ОМС должен давать своим органам «распоряжения о выдаче местным отделам ГПУ соответствующих полномочий на право получения корреспонденции ОМСа». ОМС должен был «сообщать в фельдкорпус ГПУ дислокации о расположении своих местных органов и всякие последующие изменения расположения таковым для включения в расписание маршрутов». Таким образом, ГПУ имело полную картину дислокации всех пунктов ОМСа.

ГПУ через ОМС предупреждало гостей Коминтерна об опасностях, ожидающих на их родине (обыски или аресты на границе, готовящиеся преследования полиции). Иностранному отделу ГПУ запрашивал у ОМСа сведения о деятелях зарубежных партий, приезжавших в Советскую

Россию на учебу или работу, а также обеспечивал ОМС интересующими его разведанными.

VI конгресс, исходя из того, что некоторые секции Коминтерна находятся на нелегальном положении, а также считаясь с вероятностью периода нелегальной работы для некоторых других партий, поручил Президиуму ИККИ «заняться подготовкой соответствующих партий к этой нелегальной работе». С этой целью Оргбюро ИККИ 19 декабря 1922 г. создало нелегальную комиссию в составе: М. Трилиссер, И. Пятницкий, Г. Эберлейн, Э. Прухняк. Заведующему ОМС П. Вомпе было предоставлено право участвовать с совещательным голосом в ее заседаниях. Комиссия стала называться Постоянная нелегальная комиссия ИККИ. 3 февраля 1923 г. вместо выбывших Г. Эберлейна и Э. Прухняка в состав ее были введены Е. Ярославский и В. Мицкевич-Капсукас. 28 февраля 1923 г. по решению Оргбюро в ее состав были введены также заместитель председателя ВЧК И. С. Уншлихт (1879–1938) (Яворский), К. Радек и начальник Политуправления РСВ В. А. Антонов-Овсеенко.

Эта комиссия проводила специфическую работу: помимо выяснения наличия нелегальных партийных организаций, их форм и размеров, уровня связи внутри нелегальных организаций, методов осуществления работы в армии и т. д., комиссия занималась также подготовкой нелегальных явок и нелегальных типографий, вела наблюдение за фашистскими и белогвардейскими организациями.

17 марта 1926 г. ИККИ избрал новый состав Оргбюро, председателем которого 26 марта 1926 г. стал И. А. Пятницкий. В конце 1926 г. Оргбюро ИККИ было ликвидировано.

17 марта 1926 г. ИККИ избрал Секретариат ИККИ из 11 человек и 3 кандидатов в Секретариат, председателем стал О. Куусинен. С июля 1926 г. в заседаниях Секретариата ИККИ участвовал Р. Зорге, а с августа ему было поручено докладывать Секретариату ИККИ о ходе контроля и проверки выполнения его решений.

Р. Зорге следующим образом оказался в Коминтерне. В 1924 г. в Германии проходил IX съезд Компартии Германии. Не него прибыла делегация Коминтерна, в которую

входили О. Куусинен, С. Лозовский, Д. Мануильский и И.А. Пятницкий. Охрану делегации поручили группе боевиков военного отдела партии, возглавляемой Р.Зорге. Там и состоялось знакомство Пятницкого с Зорге. В 1925 г. Зорге вызывают из Германии в распоряжение ИККИ и направляют на работу в ОМС. С ноября 1929 г. Зорге рекомендуют начальнику Разведупра РККА для работы в военной разведке.

24 марта 1926 г. в связи с решением о создании секционных секретариатов Президиум ИККИ постановил «ликвидировать Восточный отдел, как отдел, а всех сотрудников передать в аппарат ИККИ». Вместо Восточного отдела был создан Секретариат для Ближнего и Дальнего Востока (лендерсекретариат). Фактически этот подотдел лендерсекретариата находился на правах самостоятельного секретариата и в документации назывался Дальневосточный секретарит (ДВС).

Восточный отдел перестал существовать с 1 апреля 1926 г., после того как Г.Н. Войтинский 31 марта

отчитался о его работе за весь период существования, сдал документацию в архив и распустил референтов в другие отделы.

Дальневосточный секретариат, функционировавший с 9 апреля 1926 г. до начала 1927 г., включал такие страны: Китай, Монголия, Корея, Япония. Ответственным секретарем за страны Дальнего Востока был Г. Войтинский. Под его началом работали американский коммунист М. Бедахт (псевдонимы — Маршалл, Джеймс) (1883 —?), английский коммунист Э. Фергюсон, индийский коммунист М. Н. Рой (1892–1954) (псевдонимы Аллен и Роберт), представитель Явы Р. Семаун (1899–1971) и немецкий коммунист Г. Реммеле (1880–1939). Он имел свой опорный пункт в Китае — Бюро ИККИ в Китае.

Для усиления влияния Коминтерна в Китае было предложено создать специальное Дальневосточное бюро в Шанхае. 25 марта 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «не возражать против образования в Шанхае Дальневосточного бюро Коминтерна». И уже по решению ДВС от 27 апреля 1926 г. было ор-

ганизовано Дальневосточное бюро ИККИ, в состав которого, утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б) 29 апреля 1926 г., входили Г. Н. Войтинский (председатель) (псевдоним Сергей, Сергин), М. Г. Рафес (Макс) (1883–1939) — секретарь, Л. Н. Геллер (профессор) (от Профинтерна), Т. Г. Мандалян (Черняк), Н. А. Фокин (Молодой) (от КИМа), выехавшие в Китай. На месте планировалось ввести в него представителей китайской, корейской и японской компартий. С китайской стороны в него вошли Генеральный секретарь ЦК партии Чэнь Дусю (псевдоним Старик) и Цюй Цюбо (Литератор). Работа Дальбюро ИККИ в Шанхае началась с июня 1926 г. и велась в нелегальных условиях. Финансировалась работа Дальбюро из Москвы. В письме от 10 мая 1926 г. в Бюджетную комиссию ИККИ Дальбюро просило выделить на содержание 6 членов бюро ежемесячно по 2400 руб. и 3400 руб. на содержание остальных сотрудников, телеграфные и квартирные расходы и закупку литературы.

Руководство ВКП(б) и Коминтерна в октябре—ноябре 1926 г. фактиче-

▲ Харбин

▲ Серебрянский Я.И.

ски признало деятельность Дальбюро неудовлетворительной. Практически с начала 1927 г. его деятельность в Китае была прекращена.

10 марта 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: а) Признать, что Даль[невосточное] бюро должно быть единым для всех восточных стран, со включением в сферу его деятельности Китая. б) Утвердить Дальбюро ИККИ в следующем составе: члены — тт. Бородин, Розенберг, Рой и Секретарем Дальбюро наметить т. Лепсе, поручив тт. Кудряку и Молотову переговорить с ним после приезда его в Москву». (И. И. Лепсе фактически не приступал к работе и не выезжал в Китай).

В критический период развития событий в Китае для усиления координации работы политических

представителей ВКП(б), Коминтерна и военных советников 9 и 16 июня 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании в Китае Бюро Коминтерна в составе М. Н. Роя, М. М. Бородина и В. К. Блюхера. В конце июня Рой был отозван в Москву. Ему на смену был прислан Г. Нойман, а затем В. В. Ломинадзе. В начале июля из Китая был отозван М. М. Бородин, и некоторое время представителем ИККИ там оставался один В. К. Блюхер.

С марта 1929 г. в составе нового представительства Коминтерна в Китае работали И. А. Рыльский (руководитель) и Г. Эйслер, Дж. Харди, в 1927–1928 гг. представителем Коминтерна работал Д. Пеппер, в 1927–1930 гг. представитель Профинтерна в Китае и секретарь Тихоокеанского

секретариата профсоюзов (ТОС) и А. Масси. В целом, за некоторым исключением, эта группа представителей составляла Дальневосточное бюро ИККИ, занимавшаяся также вопросами работы компартий Кореи, Японии, Индокитая и Филиппин.

Свой пункт связи в период с V до VI конгресса Коминтерна, как уже говорилось, ОМС имел в Шанхае. Через него была налажена связь с компартиями других стран Дальнего Востока и ЮВА. Отдел продолжал заниматься распространением политической, в том числе коминтерновской литературы, переправкой людей по суше и по морю, изготовлением поддельных документов, передачей денег представителям компартий. ОМС конспирировал не только свою работу, но и себя — как за границей, так и в России. 31 марта 1924 г. секретарь ИККИ И. А. Пятницкий писал начальнику иностранного отдела ГПУ М. Трилиссеру: «В целях сокрытия при получении (валюты) из Госбанка названия нашего учреждения, нам необходимо, чтобы получатель валюты Эклунд А. А. — предъявитель сего — был бы снабжен фиктивным удостоверением. Поэтому просим Вас выдать ему удостоверение в том, что он сотрудник по ответственным поручениям ИНО, либо какого-нибудь крупного треста, если таковые у Вас имеются».

Возникали определенные сложности с получением валюты для зарубежных компартий на местах. Ее получение по ежеквартальным запросам с мест по телеграфу могло привлечь внимание местных спецслужб. Поэтому, к примеру, агент ОМСа в Шанхае Альбрехт в своем письме Пятницкому предлагал «принять меры, чтобы бюджеты (компартий. — В. У.) посылались нам не телеграфно, по запросу, а простыми банковскими переводами и регулярно без запроса, причем не от одного лица, а из разных стран от разных людей».

В другом документе — письме заведующего ОМСом П. Вомпе начальнику специального отдела ГПУ Г. И. Бокину от 7 июня 1924 г. — говорилось: «Нам необходимы невыпол-

ненные (так в тексте, видимо, незаполненные, чистые. — В. У.) бланки, снабженные лишь печатями и подписями на немецком языке, разных советских крупных хозяйственных учреждений и смешанных обществ, имеющих связи с границей, особенно с Германией и другими странами Средней Европы». По таким подложным документам прибывали в Москву и многие делегаты конгрессов Коминтерна. В свою очередь, ИНО ГПУ неоднократно обращался в ОМС ИККИ с просьбой об изготовлении паспортов для своих работников, так как ГПУ «не в состоянии снабдить (своих людей) такими паспортами».

Эта просьба не была случайной. В 20-е годы Коминтерн за рубежом организовал важный технический отдел по подделке паспортов. В Берлине, в штаб-квартире Западного бюро Коминтерна был создан «Н-Аппарат». Он состоял из нескольких бюро. Паспортное бюро располагалось на втором этаже жилого дома с окном во двор. Оно действовало с 1923 г. под видом технического бюро, без вывески и уведомления полиции. Были еще бюро по связи и бюро по заготовлению материала для работы, мастерская по изготовлению печатей, штампов с несколькими складами материалов и штемпелей, служба по изготовлению цинкографических клише. Специальный человек занимался изготовлением оригиналов для клише и приобретением типографских шрифтов в берлинских типографиях. Однако из-за плохой конспирации, по доносу жильцов дома, полиция однажды нагрянула на квартиру, где располагалось паспортное бюро. Все это следует из отчета сотрудника нелегального паспортного бюро ЦК КПК Франца о провале бюро от 4 ноября 1924 г. В связи с данным отчетом, полученным нелегальной комиссией ИККИ, Исполком подготовил в конце 1924 г. проект циркулярного письма к компартиям, в котором требовал неукоснительного соблюдения правил конспирации. С 1926 г. помощник начальника ОМС Яков Миронов-Абрамов становится руко-

водителем «Н-Аппарата». Лео Флиг, ветеран по руководству молодежью и тайный советник КПК, организует практическое изготовление паспортов с помощью подпольного центра в Берлине (Пасс-Аппарат). Ему помогают два специалиста: Рихард Грокопф (Тургель) и Карл Вин (Шиллинг). В начале 30-х некий Риат становится директором Бюро паспортов Коминтерна, с приходом к власти нацистов Пасс-Аппарат переезжает в Копенгаген под руководство датского коммуниста Рихарда Енсена. В 20-е и в начале 30-х годов Пасс-Аппарат в среднем изготовлял около сотни паспортов в год.

Более точная иллюстрация методов, используемых Коминтерном, может быть найдена в деле Ноуленса, которого раскрыли в Шанхае в 1931 г. Руководители Дальнево-

сточного Бюро Коминтерна, месье и мадам Ноулэнсы были арестованы в Шанхае. И у них было обнаружено множество паспортов.

Отдел международной связи добился, чтобы люди и грузы, направлявшиеся по его линии, как правило, освобождались на территории СССР от таможенного и паспортного контроля (в паспорте имелся условный знак). В тех случаях, когда уполномоченные ОМСа сопровождали груз морем, они зачислялись в состав команды советского судна, транспортировавшего данный груз.

Расширились различные контакты и связи ОМСа с ГПУ-ОГПУ. Это касалось не только переправки людей и грузов и обеспечения подложными документами, о чем уже писалось.

ОМС получал из Наркоминдела тексты бесед сотрудников полно-

▲ Уншлихт А.С.

▲ Блюхер В.К., Западный С.И., Дерибас Т.Д.

мочных представительств СССР с руководителями компартий, материалы о положении в зарубежных коммунистических и социал-демократических партиях.

Из документа «О взаимоотношениях отделения ОМС с уполномоченными ИККИ» от сентября 1927 г. наглядно видно, как непросто складывались взаимоотношения между уполномоченными ОМСа и ИККИ. Речь шла об отделении ОМСа в Китае. В нем, в частности, говорилось, что это отделение «имеет целью установить связь между ИККИ и Китаем» и оно «не подчинено уполномоченным ИККИ в Китае, а ответственно за свою работу перед ОМС ИККИ». Более того, любые сношения уполномоченного ИККИ с отделением ОМСа должны были производиться «исключительно через заведующего ОМСом или его заместителей», финансовые операции — «лишь по ука-

занию ОМС ИККИ», то же касалось заказов паспортов, прохождения всей переписки с границей. Наконец, «все конфликты между уполномоченными ИККИ и отделением разрешаются ОМСом».

Увеличение количества провалов у военных разведчиков к лету 1925 г. вынудило Москву провести 14 августа совещание представителей Разведупра, ИНО ОГПУ, НКВД и Коминтерна. Оно было созвано по предложению советского полпреда в Чехословакии Антонова-Овсеенко (одновременно являвшимся представителем Коминтерна под псевдонимом Ковач). В письме он указывал, что Разведупр, ИНО и Коминтерн не согласовывают своей деятельности, подкапывают друг под друга и т. д. Совещание, в котором приняли участие И. А. Пятницкий, Я. Берзин, А. Логинов, приняло решение вынести работу

разведок из посольств, сократить работу спецслужб через местные компартии и прибегать к ней только с согласия местных ЦК или руководства Коминтерна. Было решено, что в случае, если члены компартии переходят на работу в разведку, то они обязаны предварительно выйти из рядов своей компартии. Было принято также решение, что список таких людей будет составляться в единственном экземпляре и храниться у И. А. Пятницкого. Характерно, однако, что данное совещание решило не прерывать полностью сотрудничество компартий с разведкой, так как «товарищ Берзин указывал, что невозможно обойтись без квартир и адресов местных товарищей».

В связи с обострившейся международной обстановкой, ухудшением дипломатических отношений с рядом стран и раскрытием некоторых

советских резидентов, по инициативе Политбюро ЦК ВКП(б) был принят ряд мер, которые усложнили условия работы уполномоченных ИККИ. Им было запрещено использовать в качестве «крыши» советские официальные представительства за рубежом. «Обязать ИККИ, ОГПУ и Разведупр в целях конспирации принять меры к тому, чтобы товарищи, посылаемые этими организациями за границу по линии НКВД и НКТорга, в своей официальной работе не выделялись из общей массы сотрудников полпредств и торгпредств, — говорилось в Постановлении Политбюро ЦК от 5 мая 1927 г. — Вместе с тем обязать НКВД обеспечить соответствующие условия для выполнения возложенных на этих товарищей специальных поручений от вышестоящих организаций».

«Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа... Проверить состав представительств ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна... Привести в порядок финансовые операции Госбанка по обслуживанию революционного движения в других странах с точки зрения максимальной конспирации», — говорилось в Постановлении Политбюро ЦК от 28 мая 1927 г.

Как правило, по данным советского дипломата Г. Беседовского, распределение должностей в посольствах СССР за рубежом происходило по такой схеме: представитель ЧК — ОГПУ обычно получал должность второго секретаря, представитель военной разведки — военного атташе, а представитель Коминтерна — референта бюро печати. Хотя бывали и исключения из этого правила.

28 апреля 1928 г. по докладу И. Сталина «О Коминтерне и Советской власти» было принято решение, где говорилось, что «для того, чтобы не дать врагам лишнего повода утверждать о переплетении Сов[етской] власти с Коминтерном, снять доклад т. Рыкова об СССР

на VI конгрессе... т. Бухарину и Пятницкому разработать вопрос о выдаче денег секциям Коминтерна не из Москвы и не через русских, а из Берлина (Запбюро) и Иркутска (Востбюро), обязательно через иностранных товарищей».

За время с 1928 по 1935 г. в работе ОМС произошли значительные изменения. В конце 1929 г. был создан секретно-инструкторский подотдел. Он находился в подчинении заведующего ОМСом, непосредственное руководство им было возложено на заместителя заведующего

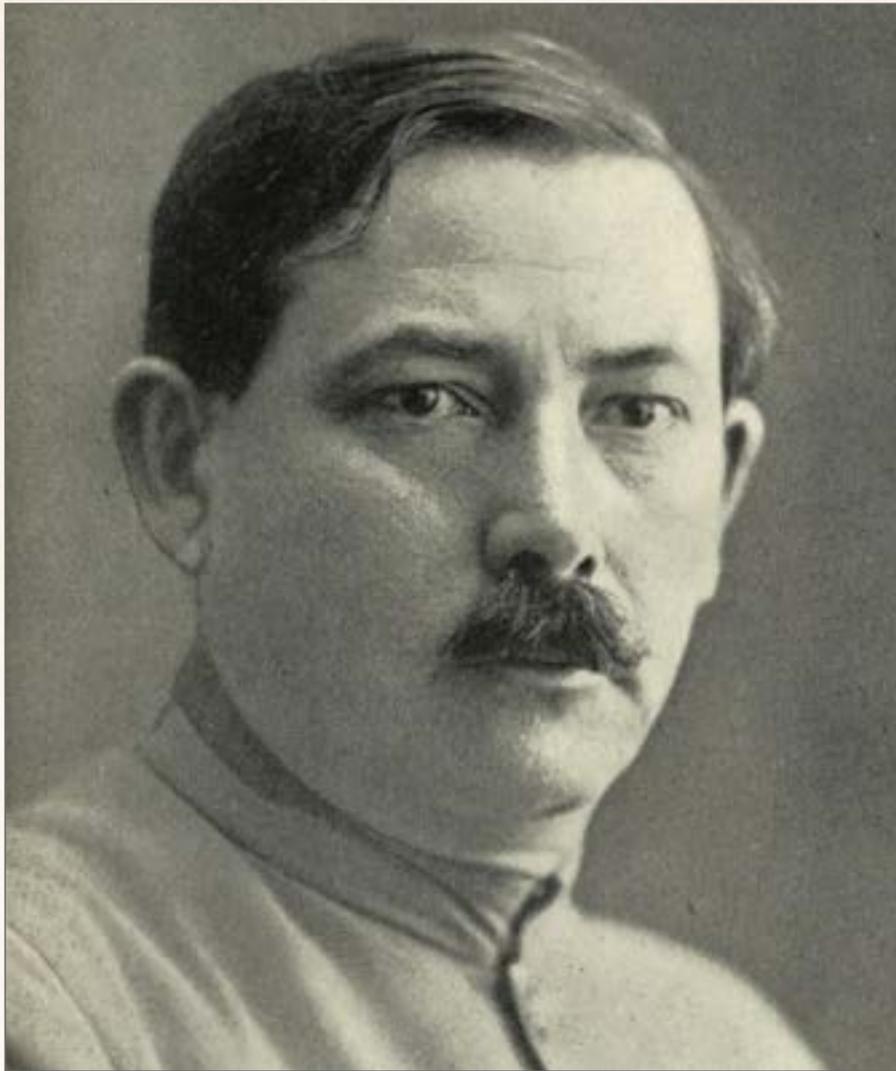
отделом С. А. Сиротинского.

Шире развернул работу пункт связи ОМСа в Шанхае — крупнейший в Азии, стремившийся наладить контакты с революционными организациями Китая, Кореи, Японии и других стран. Шанхайский пункт занимался получением и отправкой почты, зашифровкой и расшифровкой шифротелеграмм (в связи с усложнением работы после налетов на наши представительства в 1927 г. представитель ОМСа в Шанхае предлагал Пятницкому усилить конспирацию, «чтобы ка-

▲ Рыков и Сталин

▲ Бородин М.М.

ждая телеграмма имела собственный ключ, так как в наших условиях неудобно хранить телеграммы»), распространением коммунистической литературы, финансовыми операциями, в том числе передачей денег из Москвы руководителям компартий, приемом и отправкой работников ИККИ и обеспечением их квартирами, включая явочные, отправкой китайских студентов в Международную ленинскую школу, Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) и другие специальные учебные заведения СССР. Связь с представителем ОМСа в Шанхае предлагалось осуществлять следующим образом: приезжий должен был сначала остановиться

в отеле «Палас», «Плаца» или «Барлингтон Отеле», затем по телефону 188-24 в течение дня позвонить и справиться о каком-нибудь товаре, но только у Хабера (А. Е. Альбрехта. — В. У.) и, между прочим, должен сказать, что он от Мишеля из Парижа или что-либо вроде этого. Запрещалось приезжим прямо идти на квартиру агента ОМСа или на его «предприятие».

Пункт связи ОМСа в Шанхае действовал через подставные экспортно-импортные фирмы. Так, в 1928 г. это была «Метрополитен Трейдинг К». «У нас здесь имеется довольно солидное предприятие, — писал агент ОМСа Альбрехт Пятницкому, имея в виду данную фирму, — кото-

рое мы используем для получения средств и некоторых материалов».

Основной костяк работников азиатских пунктов связи составляли европейцы, за которыми полиция устанавливала слежку (к примеру, в Китае работали американцы Юджин Деннис, Эрл Браудер (Джордж Морис), Гаррисон Джордж, Филипп Аронберг, Джим Долсон, Стив Нелсон, супруги Маргарет Унжюс и Чарльз Крумбей, Паскаль Косгрейв, Марион Эмерсон и др.). Предпочтение отдавалось западным европейцам. «Присылайте сюда (в Шанхай. — В. У.) только людей, которые могут сойти за европейцев (немцев, французов, англичан и т. д.), — просил агент ОМСа в Шанхае, — но ни в коем случае «чехов, болгар, югославян» и т. д.». Причем предлагалось их соответствующим образом проинструктировать, чтобы они держались «подальше от наших «соседей», под которыми имелись в виду сотрудники ИНО ОГПУ и IV управления Штаба РККА.

Нередко это были недостаточно подготовленные в профессиональном отношении люди, плохо знакомые с особенностями местных условий жизни, обычаями и традициями данного народа, что послужило причиной ряда крупных провалов и арестов работников пунктов связи ОМСа в Шанхае, Харбине, Ханькоу, Сингапуре.

Между Коминтерном и Наркоминделом часто возникали противоречия и вспыхивали стычки из-за вмешательства во внешнеполитические дела сотрудников Коминтерна. В документах от своих сотрудников глава Наркоминдела Г. В. Чичерин часто видел доказательства «отрыва коминтерновской политики от общей линии внешней политики» Советской России. В одном из писем Чичерин 6 августа 1921 г. писал, что «Отдел внешних сношений жалуется на деятельность Туркбюро Коминтерна, которое безответственным образом вмешивалось во внешнюю политику и рассылало агентов в соседние страны, причиняя вред их деятельностью нашим международным отношениям». ■

Н.Ф. ЧЕРВОВ

КОВАРСТВО СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ДЕЗИНФОРМАЦИИ ГИТЛЕРА

▲ Берлин, 1939 год

В истории войн и военного искусства дезинформация и маскировка всегда были и применялись как важнейшие категории обеспечения военных действий. Однако в отличие от прошлого в фашистской Германии эти категории занимали особо приоритетное место в агрессивных планах нацистов.

Они приняли государственный размах: проводились в политической, оперативно-стратегической, экономической и других областях; для их проведения привлекались все органы государственного и военного управления, все средства массовой информации.

Приняв на вооружение теорию

тотальной и молниеносной войны, сделав упор на внезапность подготовки и развязывания войны, нацисты стремились надежно скрыть свои истинные цели и замыслы, дезорганизовать правительства других государств и народов, подорвать их способность к организованному сопротивлению. При этом для до-

Червов Николай Федорович (1922–2013), генерал-полковник Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, кандидат военных наук. Родился 22 ноября 1922 года в Сибири (город Кемерово). В 1941 году был призван в ряды Красной Армии. Всю Великую Отечественную войну воевал в составе войск Калининского, Западного, Брянского, Юго-Западного, 3-го Украинского фронтов. Прошел путь от командира пехотного отделения до командира стрелкового батальона. После войны окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, затем Военную академию Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова. В течение ряда лет преподавал в академии Фрунзе на кафедре Оперативного искусства. С 1969 по 1990 годы проходил службу в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР. С 1979 года начальник Договorno-правового управления Генерального штаба. Участвовал в разработке позиций по вопросам

ограничения и сокращения вооружений, обеспечения безопасности. В составе официальных делегаций Советского Союза принимал участие в ряде международных совещаний, конференций, симпозиумов, Пагуошском движении ученых. Вел активную научную работу. Автор монографий: «Оборона дивизии в крупном городе», «Ядерный круговорот», «Провокации против России», «На выходе из «холодной войны», «Ядерный круговорот: что было, что будет», «Россия в условиях глобализации» и многочисленных публикаций по военно-политическим проблемам в отечественной и зарубежной печати. Был активным членом российской группы «Генералы и адмиралы за мир и безопасность». Награжден орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, боевыми медалями.

стижения своих целей Гитлер ничем не гнушался. Он шел на подлость, коварство, ложь, обман, предательство, вероломство, нарушение норм международного права. Избранные приемы и методы намечались заранее, тщательно разрабатывались и осуществлялись с учетом конкретной обстановки.

Советское руководство, безусловно, знало коварство нацистской политики, ее лицедейство и двуличие на опыте милитаризации Германии, возрождения вермахта, а также гитлеровской агрессии против Польши, Франции и других стран. Однако в своих практических действиях наши политические и военные деятели не всегда своевременно раскрывали хитросплетения истинных и обманливых намерений нацистов.

Приведу примеры нацистских акций дезинформации и маскировки по созданию военно-экономическо-

го потенциала Германии, возрождению армии и ее перевооружению за счет англо-американского и немецкого капитала, а также по маскировке агрессии против СССР.

Дезинформация по возрождению военной экономики и перевооружению нацистской Германии. Придя к власти 30 января 1933 г., Гитлер взял курс на создание мощной военной экономики и перевооружение армии. Это была открытая милитаризация Германии, которая таила в себе военную опасность. Тактику надо было менять. Дикие методы нацистов до прихода к власти в новой обстановке были не пригодны. Нужен был камуфляж для внутренней и внешней политики, облегчающий проведение избранного курса. Поэтому в первом же воззвании своего кабинета 30 января фюрер цинично заявил в рейхстаге: «Мое правительство откажется от всех видов оружия,

если другие народы пойдут на разоружение».

Указания фюрера услышали внутри страны и за ее пределами. В период 1933—1936 гг. жизненные потребности своей милитаризации нацисты прикрывали «камуфляжным миром». В стране и по всему миру развертывалась одна за другой шумные кампании под лозунгами: «Гитлер хочет мира», «Война — это безумие, коммунистический хаос», «Гитлер желает жить с соседями в мире и согласии», «Сегодня одна задача — обеспечение мира во всем мире» и др. Такая тактика сработала.

Маска миролюбия привела в июле 1933 г. к «пакту четырех» (о согласии и сотрудничестве между Великобританией, Францией, Италией, Германией), а точнее, к союзу политики «умиротворения» и антикоммунизма. Подобный союз долго вызревал и наконец-то созрел с при-

ходом к власти Гитлера. Он готов был подменить Лигу Наций. На деле это был первый сговор (без камуфляжа) западной демократии с фашистами, в результате которого за Германией признавалось равенство прав в области вооружений. Другими словами, перевооружению нацистской Германии был дан «зеленый свет», то есть то, что требовал Гитлер. Примечательно, что только два политических деятеля в мире — У. Черчилль и И. В. Сталин высказали тревогу в связи с указанной акцией.

Черчилль, выступая в палате общин, назвал «равенство Германии в вооружениях» признаком всеобщей европейской войны и смертельной опасностью для Великобритании.

Сталин на XVII съезде ВКП(б) равенство в вооружениях и выход Германии из Лиги Наций определил как «торжество идеи реванша», мощный толчок к росту вооружений в Европе, как практическую подготовку к новой войне.

Камуфляжное миролюбие продолжалось. Используя момент, когда конференция по разоружению в Женеве зашла в тупик, Германия 14 октября 1933 г. покинула конференцию и объявила о выходе из Лиги Наций. 16 марта 1935 г. в Германии была введена всеобщая воинская повинность. При этом никакого риска не было. Нацистские акции в Лондоне и Париже были приняты к сведению. Вашингтон стоял в стороне.

21 мая 1935 г. Гитлер предложил всем странам заключить с Германией пакты о ненападении. Для подтверждения своих слов он восхвалял всемерно значение заключенного в январе 1934 г. германо-польского соглашения о ненападении. Гитлер хорошо понимал, как много значит для него политическая инициатива о мире, разоружении и особенно о «примирении» с Польшей.

Верили в лозунги Гитлера? Да, многие западные страны были убаюканы «мирной» демагогией фюрера. Государственные деятели США, Англии и Франции в лице Гитлера видели своего сторонника в борьбе с коммунизмом, нарастающим рабочим движением в Западной Европе,

в борьбе против Советского Союза. Получалось так, что антисоветская направленность политики ведущих капиталистических стран объективно совпадала с бескомпромиссной политикой антикоммунизма Гитлера, его устремлениями по «завоеванию и беспощадной германизации жизненного пространства на Востоке» (из книги «Майн кампф»). Поэтому западная демократия дала карт-бланш Гитлеру в перевооружении Германии, наивно полагая, что при необходимости можно будет направить фашистскую агрессию в нужном направлении — лишь против Советского Союза.

Что происходило на деле в области перевооружения Германии под

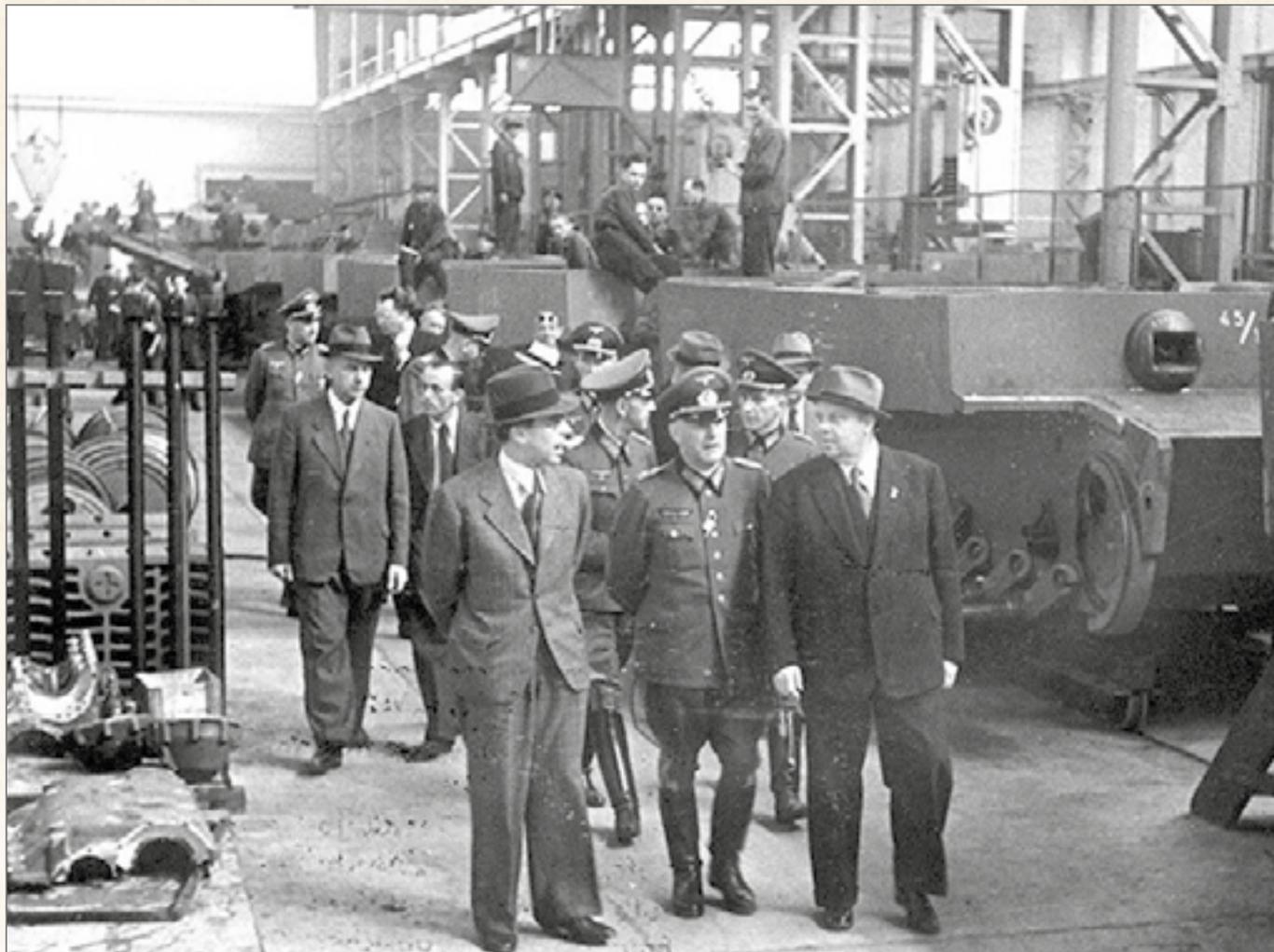
прикрытием мнимого миролюбия Гитлера?

Не будет преувеличением сказать, что чудовищная германская «коричневая чума» является кровавым детищем американо-британского капитала и немецких олигархов (промышленников и банкиров). Многочисленные протоколы допросов обвиняемых Нюрнбергского процесса убедительно подтверждают: без «брачного союза» этих прародителей Гитлер и нацисты никогда не захватили бы власть в Германии и не смогли бы буквально в считанные годы построить империю зла, насилия и агрессии. Сошлюсь на конкретные факты.

▲ Подписание советско-германского пакта, 1939

Еще в условиях Веймарской республики за 6 лет (1924—1929) Германия получила только кредиты преимущественно от США на сумму 22 млрд марок. В это же время долгосрочные капиталовложения составили свыше 10—15 млрд марок, из которых не менее 70% приходилось на долю США, и свыше 6 млрд марок краткосрочных вложений.

По официальным данным, прямые вложения американского капитала в германскую промышленность в 1930 г. составили 216,5 млн долларов, а по оценке сенатской комиссии (комиссия Килгора) — 1 млрд долларов. Американские капиталовложения направлялись в машиностроение, автомобильную, электротехническую, авиационную, химическую и другие отрасли промышленности военного назначения. Кроме того, США имели в Германии

около 60 филиалов американских концернов.

В мае 1933 г. президент Рейхсбанка Я. Шахт, будучи в Америке, от имени фюрера установил доверительные контакты с правящими кругами страны, был принят Ф. Рузвельтом.

Банкир Шредер имел в США филиалы своей банковской фирмы, которые поддерживали тесные связи с американскими банками.

В 1934 г. Германию посетили банкиры США Олдрич и Манн для обсуждения вопросов, связанных с финансированием вооружений Германии. Договорились о том, что капитал США будет участвовать в перевооружении Германии путем строительства новых заводов на ее территории и реконструкции уже имеющихся.

В феврале 1933 г. американский химический трест Дюпона

заклучил соглашение с немецким «ИГ Фарбениндустри» о продаже взрывчатых веществ и боеприпасов, которые направлялись в Германию через Голландию.

В 1934—1935 гг. американские промышленники поставили нацистам сотни новейших авиационных моторов. Трест «Стандард ойл» предоставил Германии миллионы долларов для добычи нефти и газа. Другие американские монополии помогли немцам в производстве алюминия, магния, ванадия, бериллия и прочих стратегических материалов. Между американскими и немецкими фирмами существовало множество секретных соглашений о взаимной информации и обмене патентами в области вооружения.

Лондонский банк в 1939 г. предоставил германскому Рейхсбанку

заем в 750 тыс. фунтов стерлингов. Под гарантии лондонского банка фирмы Великобритании снабжали Германию в кредит медью, алюминием, никелем и другим сырьем, необходимым для германской военной промышленности.

Английская автомобильная компания «Роллс-Ройс» передала гитлеровскому правительству крупную партию новых моторов для самолетов. В мае 1934 г. гитлеровцы разместили в Англии заказ на 80 мощных авиационных моторов этой компании.

18 июня 1935 г. английское правительство Болдуина подписало британско-германское морское соглашение, которое, по оценке У. Черчилля, открывало возможности фашистской Германии для огромного, фактически безграничного увеличения морских сил.

Таким образом, монополии США и Англии добротнo вскармливали фашистскую Германию. Они широко снабжали рейх деньгами, патентами, сырьем, стратегическими материалами, различными видами вооружения, помогали в строительстве военных заводов, то есть перевооружали и вооружали Германию для агрессии.

Огромные капиталовложения в военное производство Германии (они составили 57% в 1935 г.), осуществляемые иностранными монополиями и немецкими промышленниками (банкирами), показаны в таблице 1.

Миллиарды долларов, фунтов стерлингов и рейхсмарок дали возможность Гитлеру в 1933—1939 гг. израсходовать на перевооружение германской армии больше ресурсов, чем Англия, США и Франция, вместе взятые. Достаточно сказать, что в первые три года фашистской диктатуры было построено более 300 новейших крупных военных заводов, из них 60 авиационных, 45 автомобильных и бронетанковых, 80 артиллерийских.

Обильное вливание капитала в военное производство, форсированное перевооружение армии, создание высокими темпами огромной военной мощи позволили Гитлеру еще в августе 1936 г. раскрыть

свои замыслы дальнейших действий. В специальном меморандуме для руководителей третьего рейха он поставил следующие задачи: «1) Германская армия через четыре года должна быть приведена в боевую готовность. 2) Германская экономика через четыре года должна быть готова к войне».

Разумеется, речь шла о Второй мировой войне. То есть дата ее развязывания была уже определена Гитлером — не позднее 1940 г.

Вот так, начав с аллилуйи о миролюбии, Гитлер под маской обманного откровения и с благословения западных демократов возродил мощную военную экономику, приступил к пе-

ревооружению вермахта и к непосредственной подготовке войны с целью подчинения своему господству стран Западной Европы, разгрома Советского Союза и создания условий для завоевания мирового господства. Таковы были замыслы и планы Гитлера, пока еще замаскированные.

Человечество всегда будет помнить, как эти планы практически осуществлялись благодаря странному поведению западных демократов. Ведь это они не только вскармливали нацистов, но потакали их агрессии. Назову в этой связи лишь простой перечень актов агрессии гитлеровской Германии, которые совершались

Таблица 1

Годы	Все капиталовложения (млн марок)	В т. ч. в военное производство	
		сумма (млн марок)	процент ко всем капиталовложениям
1933	3 150	720	23
1934	6 760	3 300	49
1935	9 040	5 150	57

▲ Гитлер и Ялмар Шахт

с одобрения западной демократии: военное участие нацистов на стороне мятежников против республиканской Испании (июль 1936 г.); ввод германских войск в демилитаризованную Рейнскую зону (7 марта 1936 г.); оккупация Австрии и присоединение ее к Германии (12 марта 1938 г.); захват Судетской области (28 сентября 1938 г.); оккупация южных районов Словакии (8 ноября 1938 г.); присоединение к Германии Чехии и Моравии (15 марта 1939 г.); передача Германии Клайпедской (Мемельской) области (22 марта 1939 г.). Попутно в сферу влияния гитлеровцев были отданы Венгрия, Румыния, Болгария.

Такова была базарная цена политики умиротворения Англии, Франции и США, которая определялась не в спешке, а в результате спланированной сделки демократов с фашистами. Угодливость и уступки Гитлеру были роковыми. Дальнейший ход войны в Европе приобрел необратимый и крайне опасный характер для самих западных демократов. Вместо объединения Англии, Франции, США и Польши с Советским Союзом и создания антигитлеровской коалиции они передали будущим потомкам печальный опыт разъединения перед совместной угрозой.

В обстановке отчаяния руководителей западной демократии охватил политический склероз. Война стучалась к ним в дверь, а они словно чумные твердили: «Нам нечего бояться третьего рейха. Его экспансия направлена на Восток. Не мешайте Гитлеру». Но не так думали в Берлине. Камуфляжный мир закончился.

1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. За 18 дней Польша в одиночестве была разгромлена. Затем была разгромлена Франция (10 мая — 25 июня 1940 г.); попутно захвачены Дания и Норвегия (9 апреля 1940 г.), Голландия (14 мая), Бельгия (17 мая); были разгромлены в районе Дюнкерка союзные войска (английские, французские, бельгийские); 15 апреля 1941 г. немцы вошли в Белград (Югославия), а 30 апреля — в Афины (Греция).

Как взбесившейся зверь метался германский фашизм по Европе, покоряя одну страну за другой. Война подошла вплотную к границам Советского Союза.

Военно-стратегическая и политическая дезинформация фашистской агрессии против Советского Союза. Почему все-таки война с Германией началась намного раньше, чем думал Сталин? Где истоки заблуждений советского руководства относительно времени нападения Германии на Советский Союз?

Вопросы эти принципиальные и имеют важнейшее значение не только для познания нашего прошлого, но и для осмысленных действий в области безопасности страны в настоящем и будущем. Поэтому ответы на них требуют максимальной открытости анализа происходящих событий накануне Великой Отечественной войны.

Если обратиться к нашей военно-исторической литературе, то мы увидим в ней много суждений о том, что слепая вера Сталина в советско-германский договор о ненападении явилась одним из главных факторов, обусловивших просчет в оценке времени нападения Германии. Видимо, такой фактор нельзя исключать из анализа ошибок. Но этого мало.

Необходимо разобраться в другом, а именно — почему появилась слепая вера и что способствовало ее утверждению.

На этот вопрос пыталось ответить «Независимое военное обозрение» (2001. № 22). В статье «Бюро по обману Сталина» высказывается мнение о том, что якобы советского лидера ввели в заблуждение и ублаживали его бдительность дезинформации 27-летнего латвийского журналиста, собкора в Берлине рижской газеты «Бриве земе» Ореста Берлинкса, который состоял на службе гестапо и был завербован резидентом внешней разведки НКГБ в Берлине А. Кобуловым.

Собственный источник информации будто бы, вращаясь в кругах германского МИДа, поставлял Кобулову информацию, в которой вкрадчиво намекал: надежда на мирное урегулирование советско-германского конфликта сохраняется; наращивание рейхом вооруженных сил у советских границ преследует цель оказать политическое давление на Москву; Берлин хочет от Советского правительства каких-то далеко идущих уступок и вот-вот выступит с инициативой переговоров или, напротив, ждет, что Москва возьмет инициативу на себя...

Фальшивки агента Кобулова стряпались в бюро Риббентропа с ведома самого фюрера и после его собственноручной правки («Германия сделает все возможное, чтобы избежать войны на два фронта»; «фюрер не может идти на такой риск, как война с Советским Союзом, опасаясь нарушить единство национал-социалистической партии; в рейхе исчерпаны все запасы зерна» и т.д.). Сталину все это докладывалось в первоизданном виде, практически без каких-либо комментариев.

По мнению автора статьи в «НВО», поступающая в Кремль дезинформация Гитлера ввела в заблуждение Сталина, сбивала его с толку. «Разумеется, у нас правда о наивной доверчивости советского руководителя много десятилетий была похоронена в архивной пыли... Но рассекреченные документы архива Службы внешней разведки РФ помогают увидеть истоки рокового заблуждения советского руководителя под новым углом зрения».

Представляется, что и этот опубликованный факт дезинформации

Сталина по линии лжеагента советской внешней разведки нельзя не принимать во внимание при оценке мероприятий гитлеровцев по введению в заблуждение советского руководства накануне войны. Правдивые сообщения «Красной капеллы» и других источников шли в одном потоке с фальшивками. Отличить правду от лжи было очень нелегко. К тому же ложь поступала от выдвигенца и близкого соратника Берии и во многом была созвучна заветным чаяниям Сталина.

Тем не менее, на мой взгляд, главные мероприятия по дезинформации советского политического и военного руководства лежат намного глубже и могут быть правильно поняты лишь в их совокупности, а не по отдельно взятому примеру.

Гитлер долго и тщательно готовился к войне с Россией. Он всегда помнил, ради чего Германию вскармливали и вооружали страны западной демократии. Более того, он был уверен, что Чемберлен и Даладьде пойдут на любые жертвы, чтобы направить фашистскую агрессию

на Восток, а при определенных обстоятельствах могут оказаться его союзниками. Поэтому все его военные разбойные походы по завоеванию Европы были подчинены одной цели — создать благоприятные военно-стратегические, экономические и политические условия для начала войны с Россией.

Определенный след в воинственном мышлении Гитлера оставил начальник военной разведки и контрразведки адмирал Канарис. Хитрый и опытный Канарис верой и правдой служил фюреру с момента мюнхенского путча (1923 г.), вступил в нацистскую партию (1929 г.), стал шефом абвера (1935 г.). Однако... теперь известно, что в конце Первой мировой войны молодой офицер Канарис сотрудничал с английской разведкой, а в 1942 г. имел связь с Алленом Даллесом (разведкой США). Был казнен эсэсовцами 9 апреля 1945 г. в концлагере Флоссенбург.

Он убеждал фюрера в огромной опасности для Германии в случае проведения немцами десантной операции на туманный Альбион.

▲ Вильгельм Канарис

В своих докладах шеф абвера утверждал, что «надо смотреть правде в глаза» — немцев ждут на островах 36 английских дивизий (хотя у англичан в то время было 16 дивизий), сильный подводный флот и превосходство в воздухе современной авиации. «Поэтому, — говорил Канарис, — достаточно морской блокады Англии, чтобы поставить ее на колени, окончательно обессилить и попытаться привести к власти британских фашистов».

По мнению адмирала, Англия была и будет немецким союзником. Враг Германии — Советская Россия. Пока этот колосс не готов к войне, Германии надо обеспечить себе

жизненное пространство на Востоке за счет России.

Внушения Канариса не прошли даром: фюрер все более утверждался в мыслях о том, чтобы заставить покориться Британию без высадки десанта на острова, только путем морской блокады и воздушных ударов.

Уверенный в этих своих замыслах, Гитлер осознанно остановил разгром англичан в районе Дюнкерка (май 1940 г.), дал им возможность бежать в метрополию, полагая таким путем найти с чемберленской Англией взаимопонимание.

Однако приход к власти Черчилля (10 мая 1940 г.) обеспокоил фюре-

ра. В своей жизни он всегда боялся двух людей — Сталина и Черчилля. Теперь эти люди остались единственными врагами на его пути к мировому господству. Борьба с ними решала судьбу фюрера и нацистской Германии. Какой разложить карточный пасьянс, чтобы безошибочно определить свое будущее? Какую избрать стратегию войны?

Фюрер понимал, что теперь мира с Англией не будет, ее можно подчинить своей воле только путем вторжения на острова или максимального ослабления британского государства жестокими воздушными ударами.

Риск вторжения на туманный Альбион был слишком велик: не хватало десантных средств, не было превосходства на море и в воздухе, страшила подводная война англичан. Вторжение на острова в этих условиях было смерти подобно. Германия могла подорвать свой престиж (военный и политический) и втянуться в длительную войну с Англией, исход которой был трудно прогнозируемым. Выгоднее было блокировать англичан на островах, а подготовку к вторжению использовать в целях дезинформации России.

К тому же германская разведка докладывала о том, что Сталин форсировано перевооружает Красную Армию и готовится к войне. Через год-два военная мощь России превзойдет германскую. Гитлер верил своей разведке и пришел к окончательному выводу о том, что терять время более нельзя, так как через год-полтора война с Россией будет обречена на поражение.

Приход Черчилля к власти и неготовность Германии к вторжению на Британские острова предопределили замысел дальнейших военных действий Гитлера, который фактически в мае—июне 1940 г. принял решение начать непосредственную подготовку к войне с Россией.

Более года фундаментально шла непосредственная подготовка к военному походу на Восток. При этом особо важное место в подготовке занимала разработка и осуществление мероприятий по введению советского руководства в заблуждение отно-

сительно своих истинных намерений. Политические акции были направлены на то, чтобы убедить Москву в верности соблюдения Германией советско-германского договора о ненападении и сохранить в тайне сам факт готовящейся агрессии. Акции военно-стратегического характера имели цель — скрыть от русских меры по организации агрессии, в частности, стратегическое сосредоточение и развертывание вооруженных сил у советских границ, районы основных ударных группировок, направление главных ударов, время нападения.

Анализируя известные сегодня события и факты, рассекреченные материалы на этот счет, приходишь к выводу о том, что советское военное руководство накануне войны не сумело правильно понять и оценить крупномасштабные, хитро задуманные и умело проводимые гитлеровскими главарями дезинформационные мероприятия по маскировке подготовки агрессии, а содержание некоторых из них вызывало споры даже после войны. Сталин и его окружение допустили ряд просчетов весной и летом 1941 г. в оценке расстановки и взаимодействия основных политических сил на международной арене.

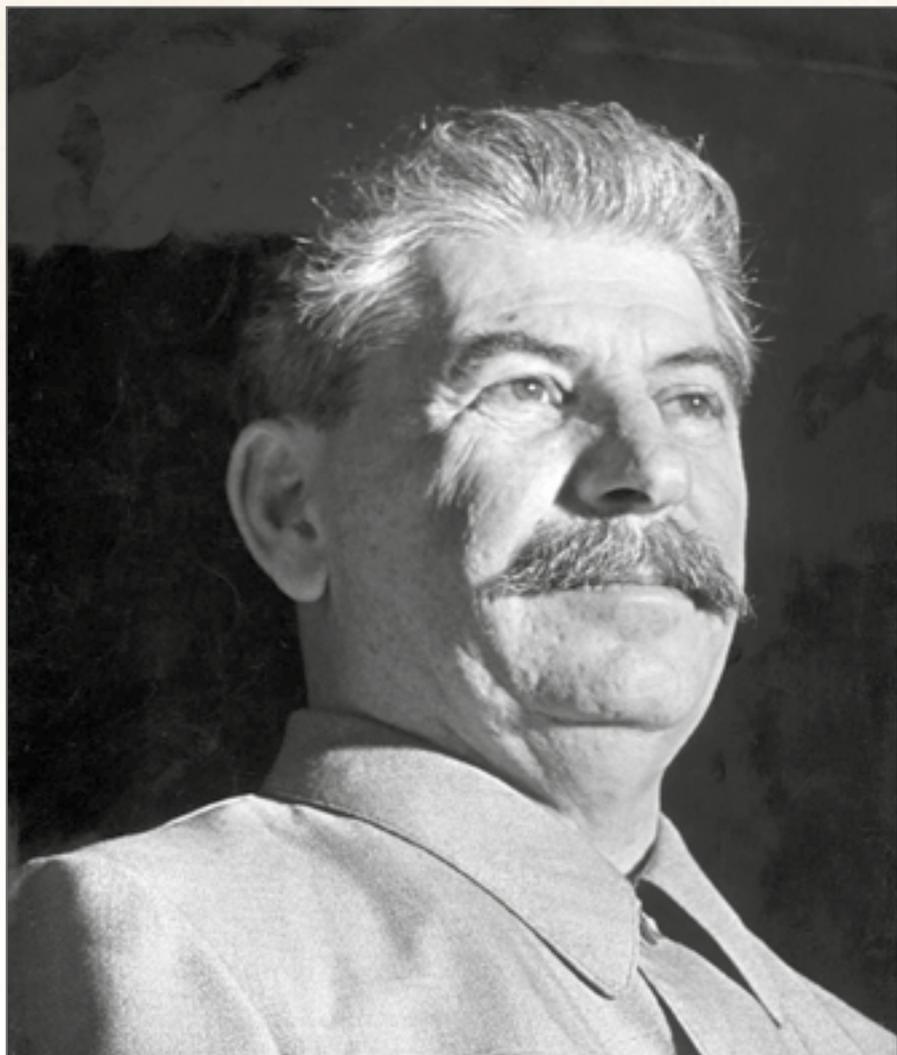
«План стратегической маскировки и дезинформации противника» разрабатывался в строжайшей тайне с участием предельно ограниченного круга лиц и осуществлялся в реальных масштабах по всем правилам военного искусства. Он являлся приложением к плану «Барбаросса» и этим определялась его важность и значение в общей системе мероприятий по подготовке агрессии (Приложение 4). Планом предусматривались военные, политические, экономические мероприятия, дезинформация, шантаж, обман, двуличие и т. д. И надо сказать, что в принципе все меры сработали и поставленные цели были в основном достигнуты.

В военно-стратегической области большую роль сыграл беспрецедентный в истории дезинформационный маневр, связанный с подготовкой

к вторжению германских вооруженных сил на Британские острова (операция «Морской лев»). Эту гитлеровскую дезинформацию советский Генеральный штаб принял за реальную версию, не сумел глубоко разобраться в ней с военной точки зрения и фактически тоже считал, что Гитлер надолго «завяз на Западе».

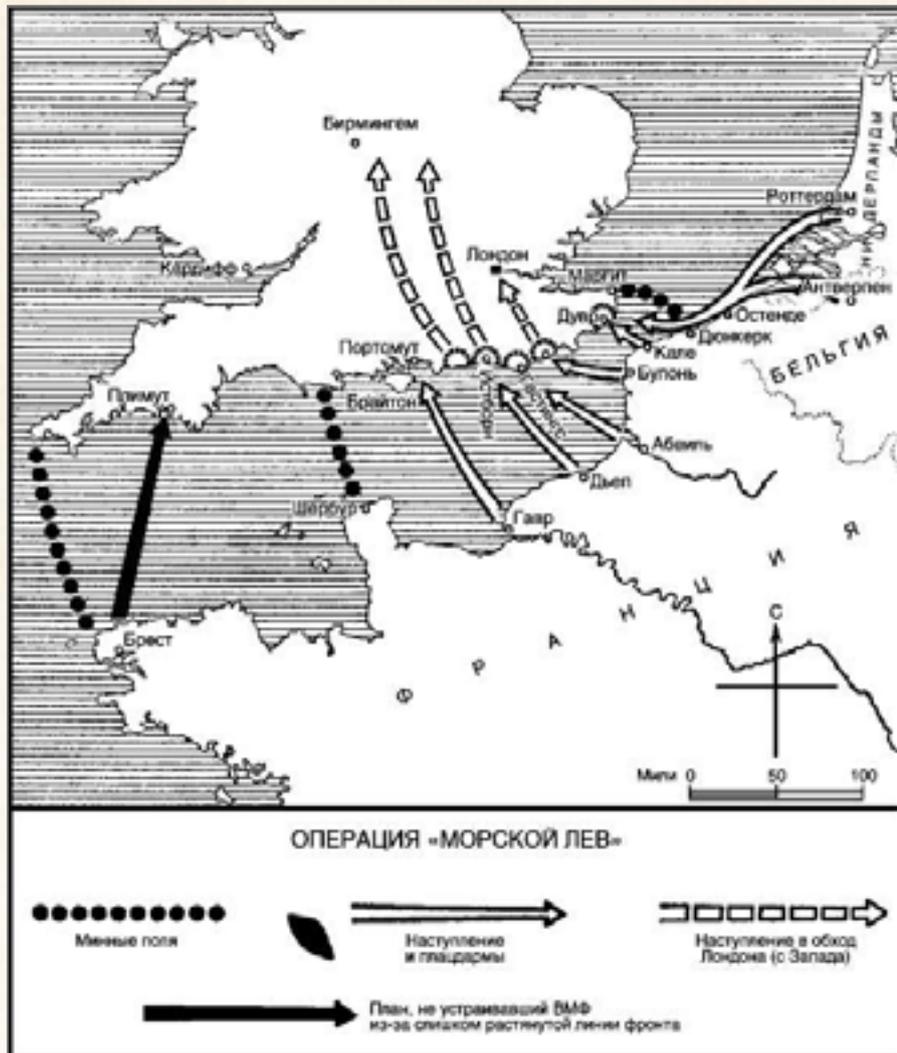
Что представляла собой операция «Морской лев»? Для демонстрации приготовлений к десантированию гитлеровцы привлекли три полевые армии (16, 9 и 6), а с весны до лета 1941 г. провели массированное воздушное наступление на Англию. Со всей оккупированной Европы были стянуты к району десантирования около 4 тыс. транспортных судов и барж, построены ложные десантные объекты.

В массовом количестве были напечатаны топографические карты и другие материалы по Англии. В войсках находилось большое количество переводчиков английского языка. Многие районы на побережье проливов Ла-Манш и Па-де-Кале были «сцеплены» как запретные зоны. На побережье строились ложные зенитные батареи, а также инженерные сооружения. Был издан тиражом более 20 тыс. экземпляров справочник английских особо важных объектов (Минобороны, Форин Оффис, радиоцентры, пункты связи и др.), которые высадившиеся войска должны были захватить в первую очередь. Солдат и офицеров обеспечили англо-немецкими словарями и разговорниками. В войсках распространялись приказы и распоряжения

▲ И.В. Сталин

▲ Операция «Морской лев»

о том, что они идут на отдых перед вторжением в Англию. Распространялись также слухи, что будто бы они будут пропущены через советскую территорию для наступления против Индии. Вовсю работала геббельсовская пропаганда на Англию, прекратив свои выпады против Советского Союза.

Таким образом, гитлеровское руководство, используя состояние войны с Англией, делало умно и хитро все необходимое, чтобы привлечь внимание мировой общественности к району Британских островов и убедить мир, разумеется, Москву в первую очередь, что вторжение вот-вот

начнется. Между тем в это же время под прикрытием «Морского льва» проводилась переброска немецких войск на Восток, к советским границам. Советской стороне гитлеровцы объясняли, что их войска отводятся на отдых перед вторжением в Англию.

В Кремле и Генеральном штабе этим фальшивым заявлениям Гитлера верили. По оценке маршала Г. Жукова (1965 г.), «операция «Морской лев» — это план вторжения немецкой армии в Англию... оно напряжено там ожидалось в это время».

В отечественной исторической литературе даже сегодня при оцен-

ке операции «Морской лев» бытуют различные версии.

Например, ряд историков считает, ссылаясь на записи военного дневника Гальдера, что Гитлер требовал еще в августе 1939 г. «поставить Англию на колени, разгромить Францию». На закрытых совещаниях фюрер неоднократно заявлял: «Мы можем выступить против России, лишь, когда развяжем себе руки на Западе». Поэтому «Морской лев» — это был реальный план вермахта по захвату Британских островов.

Другие считают, что «Морской лев» — это психологическая война против Англии, не более чем обманный маневр с целью оказать давление на ее правительство и заставить заключить мирное соглашение. Дюнкерк* и «Морской лев» являются звеньями одной цепи по умиротворению англичан, чтобы побудить туманный Альбион заключить мир с Германией.

Существует еще одна версия, согласно которой подготовка операции «Морской лев» показала, что для ее реализации в короткие сроки сил и средств оказалось недостаточно: не было господства в воздухе, не хватало десантных средств, не было уверенной гарантии, что прыжок через Ла-Манш увенчается победой. Поскольку Англия в то время не представляла серьезной опасности для Германии, можно было временно ограничиться ее блокадой, а главные силы направить против СССР. Поэтому Гитлер отказался от «Морского льва», считая, что разгром СССР поставит Британию в безысходное положение и вынудит к капитуляции. При этом ссылаются на заявление Гитлера в июле 1940 г.: «Если Россия будет разбита, то у Англии пропадет последняя надежда. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: на основании этого Россия должна быть ликвидирована. Срок готовности — весна 1941 г.»

* После капитуляции Бельгии немецко-фашистские войска отрезали группировку англо-французских войска (18 французских и 10 английских дивизий) во Фландрии в районе порта Дюнкерк, создав угрозу их полного разгрома. Однако это не входило в расчеты Гитлера. По его приказу наступление немцев было остановлено. Дюнкерк они взяли после эвакуации англичан (без оружия и боевой техники), а французы прекратили сопротивление.

Однако, как пишет в своих воспоминаниях генерал авиации Вернер Крейпе, Гитлер отдал распоряжение, что операция «Морской лев» не отменяется, она только переносится на весну 1941 г.

Представляет интерес такой примечательный факт. В 80-е гг. мне приходилось по долгу службы встречаться с некоторыми гитлеровскими генералами и офицерами. В одной из бесед генерал-лейтенант Краузе, вспоминая битву за Англию, рассказал о том, что у большинства немецких офицеров армии, авиации и флота не было никаких сомнений о подготовке к наземному вторжению в Англию. Все делалось реально, никакой демонстративной показухи, строжайшая дисциплина, работали день и ночь. В войсках часто бывали высшие штабные контролеры, следили за подготовкой.

В июле 1940 г. офицеров ознакомили с директивой Гитлера, в которой фюрер требовал сохранять скрытность, закончить все работы по подготовке к вторжению к середине августа. ВВС после разгрома

Франции наносили мощные удары по Англии, подводные силы флота контролировали Ла-Манш. Все были убеждены, что десантная операция состоится, хотя сроки вторжения якобы из-за плохой погоды несколько раз переносились (с июля на август, с августа на октябрь 1940 г., с октября на весну 1941 г.).

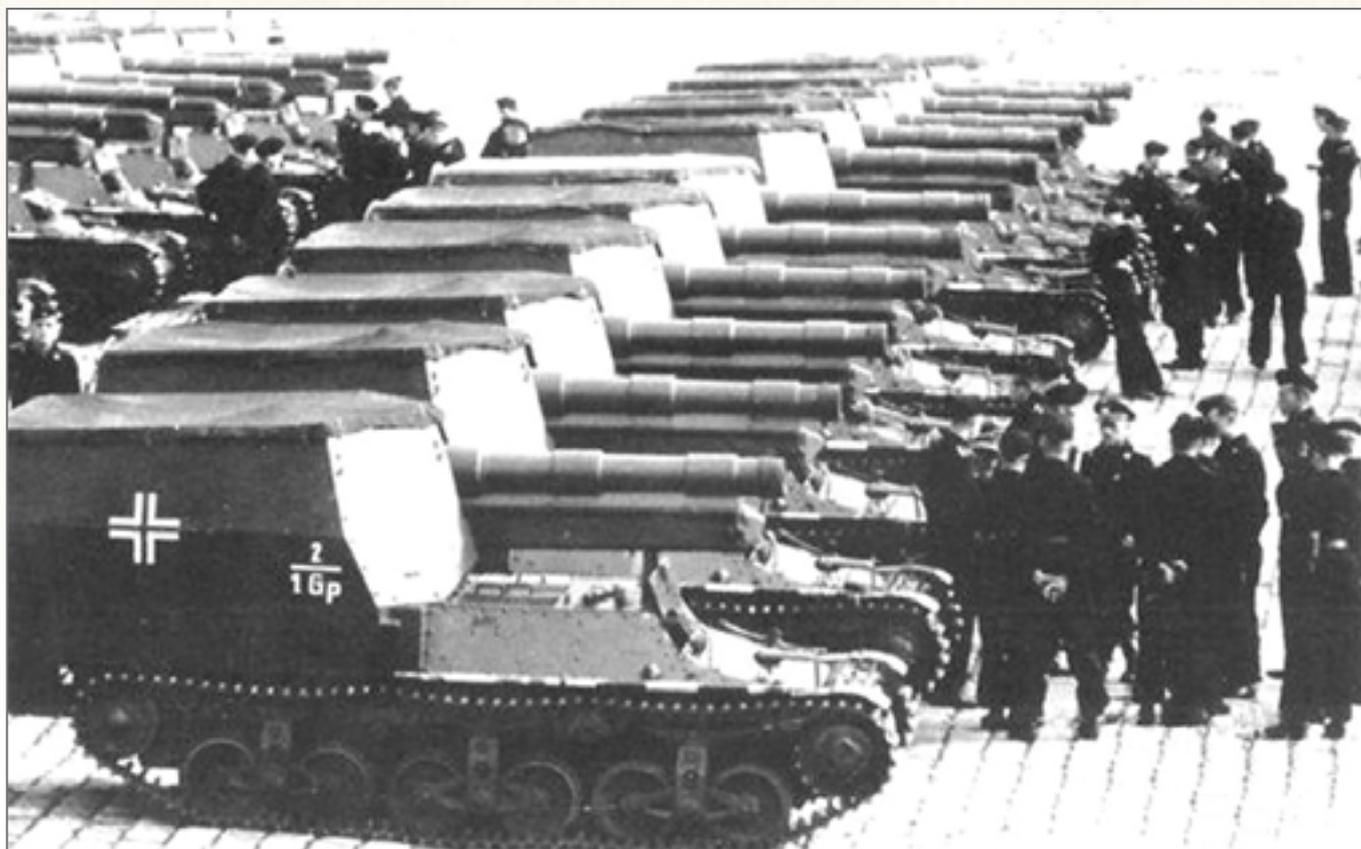
Только в мае 1941 г., когда большая часть авиации стала перебазироваться на Восток, у немецких офицеров возникло сомнение относительно наземной операции по вторжению в Англию.

Таким образом, задуманный Гитлером грандиозный дезинформационный маневр продолжительное время держал в заблуждении войска вермахта, Генеральный штаб Красной Армии и мировую общественность. Даже в том случае, когда сроки вторжения откладывались, об этом войска широко оповещались, с тем чтобы о намерениях Гитлера знал и противник.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что гитлеровский «Морской лев» был задуман изначально пре-

жде всего как великая дезинформация для России и одновременно как средство давления на Англию, чтобы заставить ее пойти на мирное соглашение с Германией. Свою оценку на этот счет подтверждаю исследовательскими работами по данной тематике, проведенными в середине 60-х гг. некоторыми преподавателями Военной академии Генерального штаба, а также показаниями немецкого фельдмаршала Паулюса. (Приложение 5).

Сегодня можно признать, что «Морской лев» сработал отменно. Даже после войны в военных академиях обсуждали и спорили о роли и значении этой акции: была ли она стратегической дезинформацией, маскировкой или несостоявшейся военной операцией. Между тем под прикрытием «Морского льва» были решены многие важные задачи подготовки войны по плану «Барбаросса». Представляется, что при оценке данной гитлеровской акции советский Генеральный штаб игнорировал ее истинные цели, что, в конечном счете, негативно сказалось на опре-

делении общего замысла агрессивных действий гитлеровской Германии и в этой связи — сроков ее нападения на Советский Союз.

Гитлеровцы проводили другие дезинформационные военные операции, например, «Марита» (агрессия против Греции), «Подсолнечник» (боевые действия в Северной Африке), «Гарпун» (вторжение в Англию с территории Норвегии). Все эти военные операции имели для Германии известное стратегическое значение, обеспечивая тыл нацистов. Но они служили также прикрытием переброски фашистских войск на Восток. А по плану «Гарпун» фашистские войска сосредоточились в Норвегии не для вторжения в Англию, а для ведения военных действий в советском Заполярье.

В экономической области Германия инициировала переговоры по торговым соглашениям, которые были подписаны между Германией и СССР. Соглашениями предусматривался вывоз из Советского Союза в Германию сырья, а из Германии в нашу страну промышленных изделий (машин, станков, инструментов и т. д.). Соглашения свидетельствовали об интересах Германии в деловом сотрудничестве, хотя на деле германские промышленные фирмы по указанию Гитлера саботировали выполнение наших заказов. Саботаж при этом объяснялся просто: «Германский рейх ведет сейчас с Англией борьбу не на жизнь, а на смерть, поэтому мобилизует все свои ресурсы для этой окончательной схватки с британцами».

По личному указанию Гитлера советские представители в порядке «доверия» были допущены на военные заводы, где им показали производство новых самолетов, танков, артиллерии. Незадолго до войны Советскому Союзу были проданы тоже в порядке «доверия» новейшие самолеты «мессершмитт», «хейнкель», «юнкерс», «дорнье». Гитлер понимал, что у СССР нет времени для использования новейшей немецкой технологии в самолетостроении, но сам факт «доверия», по мнению фюрера, убедит советских руководителей

в дружеском отношении Германии к СССР. Этот умысел тоже сработал.

Крупные маскировочные и дезинформационные мероприятия проводились гитлеровцами в политической сфере. Сошлюсь на примеры, связанные с оценками руководством Москвы советско-германских отношений вокруг Болгарии, советско-японского договора о нейтралитете, а также так называемой «загадки Гесса».

17 января 1941 г. Молотов в Москве, а советский посол Деканозов в Берлине сделали германской стороне следующее заявление: «По всем данным, германские войска в большом количестве сосредоточились в Румынии и уже изготовились вступить в Болгарию, имея своей целью занять Болгарию, Грецию и Прованс... Советское правительство несколько раз заявляло Германскому правительству, что оно считает территорию Болгарии и обоих Провансов зоной безопасности СССР, ввиду чего оно не может остаться безучастным к событиям, угрожающим безопасности СССР».

Ввиду всего этого Советское правительство считает своим долгом предупредить, что появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Провансов оно будет считать нарушением безопасности СССР».

22 января германская сторона дала ответ, в котором, наряду с заверением в отсутствии у имперского правительства намерений нарушать интересы безопасности СССР, Москва ставилась перед фактом, что «германская армия намерена пройти через Болгарию, если какие-либо операции будут производиться против Греции».

На этом взаимные претензии были исчерпаны без каких-либо выводов относительно ближайших намерений нацистского руководства.

Что касается заключения договора с Японией, то этот вопрос постоянно находился в центре внимания Сталина. Он считал, что если удастся хотя бы временно ослабить Тройственный союз путем нейтрализации Японии, то отсутствие у Советского

Союза второго фронта на Дальнем Востоке заставит Гитлера отложить агрессию до более благоприятной для него международной ситуации. Поэтому советская дипломатия осенью 1940 г. и весной 1941 г. принимала максимальные усилия для нормализации советско-японских отношений, однако безрезультатно. Япония оставалась верна Германии и верность свою соблюдала.

Помня о разгроме своих войск на Халхин-Голе, японцы считали, что удобный момент для агрессии против СССР они выберут сами после того, как Германия нападет на Советский Союз. Не отказываясь от подготовки агрессии против СССР, военщина Японии с сентября 1940 г. сдвинула направление своей агрессии на юг в сторону Индонезии, Малайзии, Бирмы, Сингапура. В связи с этим выявилась ее заинтересованность в улучшении отношений с Москвой. Еще осенью 1940 г. Токио сделал предложение о заключении советско-японского договора о ненападении, требуя однако серьезных уступок: продать Японии Северный Сахалин и прекратить помощь Китаю. На такой основе договоренности не получилось.

27—29 марта 1941 г. министр иностранных дел Мацуока находился в Берлине, где получил от Гитлера рекомендации атаковать Сингапур, то есть фактически выступить войной против Англии и связать значительные английские силы на Тихом океане. При этом Советского Союза бояться не стоит. Риббентроп говорил Мацуоке: «В случае, если Советский Союз выступит против Японии, Германия незамедлительно нанесет удар по СССР. Мы обещаем это. Поэтому Япония может, не опасаясь войны с Советским Союзом, двигаться на юг, на Сингапур».

13 апреля 1941 г. Мацуока, возвращаясь из Берлина, остановился в Москве и подписал договор о нейтралитете без каких-либо условий и обязательств по другим вопросам. Одновременно была подписана Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской

Народной Республики и Маньчжоу-Го. Была достигнута договоренность о разрешении в течение нескольких месяцев вопроса о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Германия об этом, безусловно, знала и считала такие договоренности, в том числе пакт о нейтралитете, фактом третьестепенной важности, так как «Рубикон был перейден» и поход на Восток — дело решенное.

План «Барбаросса» не был отсрочен ни на один день. Военный министр Японии Тодзио (будущий премьер-министр) заявил: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР».

Сейчас положение таково, что государства не останавливаются перед нарушением соглашений».

На какой основе строилась дипломатическая конструкция Крем-

ля? В Москве исходили из того, что если бы Германия воспротивилась советско-японскому пакту, то это означало бы, что решение о нападении на СССР в Берлине принято окончательно. Но со стороны Берлина никакой реакции не последовало. Значит, Японии этот пакт нужен не для прикрытия подготовки агрессии против СССР, а для обеспечения свободы действий на южном направлении.

Пакт очень нужен и Советскому Союзу: с одной стороны, чтобы обезопасить свои восточные границы; с другой — показать Германии, что советско-японские отношения улучшаются и второго фронта на Востоке не будет. Поэтому в Москве высоко оценивали пакт о нейтралитете с Японией. Газета «Правда» 14 апреля писала о том, что подписанный документ представляет «большую политическую важность». Выступая 5 мая 1941 г. в Кремле на приеме

выпускников военных академий, Сталин особо подчеркнул значение пакта о нейтралитете с Японией для сохранения мира. Беспрецедентный случай — Сталин лично провожал Мацуоку на Ярославском вокзале.

Конечно, в той довоенной паутине взаимоотношений государств было архисложно разобраться в расстановке сил на мировой арене. К тому же нависала реальная угроза изоляции СССР, противоборство со всем капиталистическим миром. Поэтому заключение с Японией пакта о нейтралитете рассматривалось в Москве как ослабление Тройственного союза, нанесение мощного удара по агрессивным планам Берлина, что, возможно, по оценке Кремля, заставит Гитлера отложить срок нападения на нашу страну на 1942 г.

Но, как показали дальнейшие события, такая оценка советско-японского договора была преувеличенной

▲ Советско-японский договор

и сыграла негативную роль в военно-политическом мышлении Кремля при определении сроков нападения Германии на Советский Союз.

Теперь о так называемой «загадке Гесса». О ней много написано, но не все сказано. Рудольф Гесс — заместитель Гитлера, его правая рука, рейхсминистр, который 11 мая 1941 г. на личном самолете улетел в Шотландию и оказался в руках англичан. Об этом факте тогда ходили легенды.

И неудивительно. В то время никто ничего не знал о Гессе: сообщили, что улетел и пропал, как в воду канул. Сам фюрер терялся в догадках. Через неделю в Германии его объявили шизофреником и «забыли». Американцы тоже были в неведении и шепотом выражали свою неудовлетворенность британскому правительству за сокрытие от них тайны. Даже на Нюрнбергском процессе «загадка Гесса» не была раскрыта, так как обвиняемый все отрицал

и не признал себя виновным. Видимо, была договоренность — Гессу обещали сохранить жизнь (пожизненное заключение в тюрьме Шпандау), а туманному Альбиону — честь.

Ну и что, скажет читатель и спросит: какое отношение Гесс имеет к оценке сроков нападения Германии на СССР? И в чем состоит «загадка Гесса»?

Отвечаю: отношение к оценке сроков начала агрессии Гесс имеет самое, что ни на есть прямое. И загадка в этом была довольно непростая. В связи с постановочными вопросами считаю необходимым отметить три весьма важных, на мой взгляд, момента, которые сыграли не последнюю роль в определении Кремлем сроков нападения Германии на Советский Союз.

Первый момент состоит в том, что советский разведчик Ким Филби (сотрудник английской разведки) 14 мая 1941 г. известил Москву о всех

похождениях и делах Рудольфа Гесса в Англии. Причем все переговоры Гесса в Англии записывались на магнитную ленту, которая без промедления отправлялась в Москву.

Второй момент свидетельствует о содержании «миссии Гесса». Гитлер лично послал своего верного и преданного заместителя в Англию с одной целью: используя влияние «мюнхенцев» на британскую политическую жизнь, заключить германо-британское мирное соглашение, с тем чтобы парализовать Англию и без страха за свои тылы обрушиться на Россию. А уже после разгрома России предполагалось решить судьбу Британии и ее империи.

Важно было, считал Гитлер, сохранить «миссию Гесса» в любых условиях и при любом ее исходе в строжайшей тайне, особенно от Москвы, с тем, чтобы не потерять стратегическую внезапность плана «Барбаросса», не раскрыть Стали-

▲ Самолет Гесса в Шотландии

ну заранее «свои карты», сохранить у него надежды на незабываемость советско-германского договора о ненападении. Гитлер шел на крупный риск. Как будет показано ниже, он переоценил влияние «мюнхенцев» на правительство Черчилля и недооценил его решимость продолжать войну с фашизмом.

С чем полетел Гесс в Англию? Как пишет в своем документальном очерке Г. Л. Розанов, беседы с Гессом 13-15 мая 1941 г. вел опытный дипломат британского Форин Оффис Айвор Киркпатрик — бывший советник английского посольства в Берлине. Беседы записывались и срочно передавались У. Черчиллю. Одновременно советский разведчик Ким Филби также срочно переправлял их в Кремль, лично Сталину. О чем велись беседы?

«Гесс старался убедить Киркпатрика в том, что Англия войну проиграла, дальнейшее ее продолжение грозит стране лишь новыми поражениями и бедствиями. Положение Англии, — утверждал Гесс, — совершенно безнадежно, ее изгнали из континентальной Европы, и ей уже никогда не восстановить там своих позиций, Англия осталась в одиночестве, и ее мощь будет сокращаться, тогда, как сила Гитлера будет возрастать с помощью всей Европы. Гесс приводил цифры производства военных самолетов Германии и Англии, сравнивал потери английского флота с возраставшим количеством спускаемых на воду немецких подводных лодок. Он нарисовал довольно мрачную картину будущего Англии, если она не прекратит войну: Германия создаст огромный воздушный и морской флот, авиация подвергнет непрерывным и безжалостным ударам английскую промышленность и города. Весь остров превратится в груды развалин, а население будет вымирать с голоду, так как из-за подводной блокады в Англию не прорвется ни одно судно с продовольствием.

Гесс заявил Киркпатрику, что он пользуется безраздельным доверием фюрера. Это позволяет ему со всей ответственностью вести переговоры

▲ Айвор Киркпатрик

и заверить... в готовности фюрера заключить великодушный мир с Англией на следующих условиях: гегемония Германии на Европейском континенте и возврат ей бывших немецких колоний; гегемония Великобритании в ее заморских владениях, которые останутся нетронутыми и получают гарантии от Германии. Таким образом, немецкая армия и английский флот будут править всем миром. Такая англо-германская коалиция будет настолько сильной, что позволит... без всякого риска или неприятностей распрощаться с американцами, и это будет хорошо для всего мира...

В случае отказа Англии от соглашения с Гитлером Германия будет вести морскую и воздушную блокаду Англии до тех пор, пока не будут

прерваны все линии снабжения. Блокада не кончится и в том случае, если метрополия капитулирует, а империя будет продолжать сражаться...

Немцы учитывают американское вмешательство и не боятся его. Они знают все об американской авиационной промышленности и о качестве ее самолетов. Германия может превзойти совместное производство Англии и Америки».

Гесс передал англичанам документ под названием «Основные соглашения». Он гласил: «1. Чтобы воспрепятствовать возникновению новых войн, между державами оси и Англией должно быть проведено разграничение сфер интересов. Сферой интересов стран оси должна быть Европа, сферой интересов Ан-

глии — ее империя. 2. Возвращение Германии ее колоний. 3. Возмещение германским гражданам, которые жили в Британской империи до или во время войны, ущерба, причиненного их имуществу или жизни мероприятиями правительства в империи или такими действиями, как грабеж, беспорядки и т. д. Германия обязуется на равных условиях обеспечить возмещение ущерба британским подданным. 4. Заключение перемирия и мира с Италией».

Как реагировали на «миссию Гесса» в Лондоне, Берлине и Москве?

У Черчилль в резкой форме отверг ультимативные предложения Гесса о германо-английском мирном

соглашении и проигнорировал нацистские угрозы. Британский премьер дал указание закрыть наглухо возможную утечку информации о «наци №3», сделать так, чтобы другие государства, особенно Германия и СССР, поверили, что никакого Гесса в АНГЛИИ НЕТ. Даже Рузвельта приказано было не информировать. По мнению Черчилля, глубокое молчание туманного Альбиона может заставить Гитлера поверить в возможность заключения англо-немецкого мирного соглашения и тем самым подтолкнуть его ускорить нападение на Россию, о подготовке которого Черчилль знал во всех подробностях.

Таким образом, Англия молчала

о «миссии Гесса». Именно в этом скрывалась приманка для фюрера. И Гитлер на нее клюнул. Ход мыслей Черчилля был простой: молчание Гесса фюрер примет за возможное согласие Англии на перемирие, а боязнь, что Гесс может расколоться и выдать план «Барбаросса» англичанам, заставит его ускорить поход на Восток. Впоследствии Черчилль в душе всегда гордился тем, что ему удалось перехитрить в поединке самого фюрера.

Гитлер, оставаясь в неведении о результатах переговоров Гесса, действительно склонялся к мысли, что Англия, скорее всего, не откроет второй фронт на Западе в случае германского похода на Восток. Она, по расчетам Гитлера, больше других государств заинтересована в нападении Германии на СССР, чтобы отвести от себя угрозу разгрома. Поэтому он считал, что наступил самый подходящий момент для похода на Восток. Иначе через год-полтора обстановка может для Германии ухудшиться и соотношение военных сил будет в пользу противников Тройственного союза. Таким образом, «миссия Гесса» не внесла никаких изменений в военный календарь Гитлера, а лишь укрепила его в правильности своего решения.

Сталин, имея полные разведывательные сведения о «миссии Гесса», утвердился в мысли о том, что фронт военных действий на Западе со стороны Англии для Германии существует, и будет существовать. Черчилль не пошел на сговор с Гитлером. Следовательно, «второй Мюнхен» не состоится. Военная угроза для Германии не снята. Учитывая опыт Первой мировой войны, полагал Сталин, Германия не рискнет воевать на два фронта. Это была бы авантюра, которая связана с ее неизбежным разгромом. Видимо, Гитлер это понимает и в 1941 г. войны против СССР может и не быть. Поэтому не следует провоцировать Гитлера на военное нападение, а продолжать ускоренно укреплять оборону страны.

Такая оценка обстановки Сталиным в основном была правильной. Однако значение «фронта со сторо-

▲ Черчилль У.С.

ны Англии» было существенно преувеличено, что привело к ошибочным выводам, которые взяли верх во всех дальнейших действиях советского лидера.

В целом «миссия Гесса» и 10-дневные переговоры с ним в Лондоне сработали в пользу Великобритании. Англичане многое узнали от «наци №3» по плану «Барбаросса», замыслам Гитлера, времени нападения на СССР и другие судьбоносные секреты. Кое-что, очевидно, со своей стороны пообещали. Но все это осталось и хранится до сих пор за «семью печатями» в Форин Оффисе. Приказано документы переговоров с Гессом предать гласности только после 2017 г. Чем объяснить такую сверхсекретность? Об этом узнает другое поколение.

Мы совершенно не случайно вышли на причины, объясняющие, почему война обрушилась на нашу страну именно в 1941 г., а Красная Армия оказалась недостаточно подготовленной к отражению ударов агрессора. Не слепая вера Сталина в советско-германский договор о ненападении являлась причиной допущенных просчетов и ошибок перед войной. Никто из его ближайшего окружения не слышал никогда от Сталина каких-либо успокоительных суждений, связанных с пактом о ненападении. В этом деле сработали другие обстоятельства, а участниками были многие другие персоны.

Сильнейшее влияние на формирование мышления Сталина перед войной, как мне представляется, оказали: заключение советско-японского договора о нейтралитете; тщательно продуманные и грамотно проведенные дезинформационные и маскировочные мероприятия Германии, особенно операция «Морской лев» и так называемая «загадка Гесса», а также другие военно-экономические и политические обманные факторы, которые, как показано было выше, достигли поставленных целей.

В результате стратегических обманных ходов политическая игра была проиграна, так как хитрые дезинформационные меры объективно

заставляли советского лидера думать в том направлении, что будто бы войну России с Германией можно хотя бы на несколько месяцев оттянуть, что ее можно задержать на Западе хотя бы до 1942 г., если проводить политику непровоцирования.

Находясь под давлением указанных факторов, Сталин сомневался в правоте разведанных, которые ему докладывались, и недоверчиво воспринимал информацию Англии и других западных правительств о подготовке Германии к нападению на СССР, считая, что они делают это в шкурных интересах — толкнуть Гитлера на войну с Советским Союзом и таким путем спасти себя от катастрофы.

Высшее военное руководство страны также оказалось не на высоте в этот период. В частности, Генеральный штаб не разобрался в сути странной войны Англии и Франции против Германии, не смог сделать правильных военно-политических выводов из операции гитлеровцев по изгнанию в мае—июне 1940 г. английских войск (около 340 тыс. человек) с континента, хотя имелась реальная возможность их полного разгрома. Остались неразгаданными гитлеровская операция «Морской лев» против Англии и проводимые другие мероприятия по плану стратегической дезинформации, что вводило в заблуждение советских руководителей относительно общего стратегического замысла войны Гитлера.

Основная причина здесь, в моем понимании, состояла в том, что начальники Генерального штаба 1940—1941 гг. были слабыми политиками, не имели собственного мнения в оценке международной обстановки и ее влияния на военную стратегию Германии и СССР. Не хватало им и широкого стратегического мышления, охватывающего все театры войны и военных действий того времени и способности предвидеть развитие мировых событий. Все это появилось у них позднее.

В многочисленной мемуарной литературе советского военно-по-

литического руководства, как правило, делаются ссылки на неосведомленность о конкретной дате начала агрессии, о выходе вражеских войск в исходные районы для наступления, о составе ударных группировок противника. Этим объясняются наши неудачи начального периода войны.

Однако анализ потока разведывательных данных о подготовке Германии к войне против Советского Союза и возможном времени нападения вермахта на нашу территорию неопровержимо свидетельствует о том, что советское военно-политическое руководство располагало достаточно достоверными сведениями о начале вторжения, возможных силах и средствах, о составе ударных группировок противника, а также о выходе их в исходное положение для наступления.

Разведка госбезопасности, Разведывательного управления Генерального штаба и других служб в этом плане работала достойно. Источники информации направляли в Москву сотни документов, в которых сообщалось о мероприятиях Германии по подготовке к войне, о дислокации войск вермахта в пограничной зоне СССР, об основных направлениях сосредоточения германских сил, о сроках вторжения и даже конкретном дне нападения. Соответствующим начальникам в Центре не хватало решимости взять на себя высокую ответственность и аргументированно сказать правду об этом. У них не хватало воли и доказательности.

Из всего сказанного мне представляется, что ссылки в нашей историографии на мемуарную литературу о недостаточной осведомленности советского военно-политического руководства по указанным вопросам нуждаются в переосмыслении. Они не выдержали проверку временем и требуют корректировки с учетом новых рассекреченных архивных документов. Необходимость пересмотра указанных выше вопросов очевидна, ибо пережитое в Великой Отечественной войне живет сегодня с нами. ■

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

ФИЛЬТРАЦИОННАЯ РАБОТА

▲ Плененные немцы, 1945 г.

Одним из направлений деятельности органов контрразведки СМЕРШ согласно постановлению ГКО и приказу наркома обороны № 0521 (о создании фильтрационных лагерей) было участие в интересах розыска и фильтрации военнопленных, в государственной проверке репатриантов из числа советских граждан в составе пересыльных пунктов и проверочно-фильтрационных пунктов.

*ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГКО СССР № ГОКО-1069СС
27 ДЕКАБРЯ 1941 Г.*

Совершенно секретно

В целях выявления среди бывших военнослужащих Красной Армии, находящихся в плену и в окружении противника, изменников родины, шпионов и дезертиров, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать Наркомат обороны (т. Хрулев) создать в пределах армейского тыла сборно-пересыльные пункты для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника, обнаруженных в местностях освобождаемых частями Красной Армии от войск противника.

2. Обязать Военные Советы фронтов, армий и командование соединений и подразделений войсковых частей Красной Армии при освобождении городов, сел и иных местностей от войск противника обнаруживаемых бывших военнослужащих Красной Армии, как находившихся в плену, так и в окружении противника, задерживать и направлять в распоряжение начальников сборно-пересыльных пунктов Наркомата обороны.

3. Для содержания указанных выше категорий бывших военнослужащих Красной Армии и обеспечения их фильтрацией, НКВД СССР организовать специальные лагеря:

В Вологодской области — для Карельского, Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов;

В Ивановской области — для Западного и Калининского фронтов;

В Тамбовской области — для Брянского и Юго-Западного фронтов;

В Сталинградской области — для Южного фронта, назначив начальниками лагерей опытных оперативных работников НКВД.

4. Для обеспечения работы по проверке бывших военнослужащих Красной Армии и выявления среди них изменников родины, шпионов и дезертиров, НКВД СССР организовать в каждом из перечисленных выше лагерей Особые отделы.

5. Лиц, в отношении которых после проверки их Особыми отделами не будет установлено компрометирующих материалов, начальникам лагерей передавать соответствующим военным комиссариатам — по территориальности.

6. Обеспечение организуемых НКВД лагерей помещением, казарменным инвентарем, постельными принадлежностями, питанием, отоплением, необходимым обмундированием и санитарной обработкой возложить на Наркомат обороны (т. Хрулев).

7. Возложить перевозку бывших военнослужащих Красной Армии от сборно-пересыльных пунктов до специальных лагерей НКВД на Управление военных сообщений Красной Армии (т. Ковалев), а конвоирование их в пути следования, а также несение охраны лагерей — на войска НКВД СССР.

*Председатель Государственного Комитета Обороны
И. Сталин*

засылки своей агентуры. Начальник VI управления РСХА (СД) Вальтер Шелленберг в своих мемуарах писал по этому поводу:

«В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах вглубь русской территории. Их основной задачей, наряду с передачей текущей информации, было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам. Чтобы поскорее добиться успеха, мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе».

Непосредственный начальник бригадфюрера СС В. Шелленберга, начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА) обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих (носивший кличку «палач») в дополнение к директивам для отрядов Охранно-полицейской службы, переданным в распоряжение стационарных лагерей для военнопленных издал государственной важности, секретный документ:

1) В директивах от 17.7.41 я неоднократно указывал на то, что задача оперативной группы Охранной полиции и Службы безопасности — выявлять не только подозрительные, но и те надежные элементы, кандидатуры которых могут рассматриваться для дальнейшего восстановления Восточных областей.

Вновь обращаю внимание на одинаковую важность как той, так и другой задачи.

В целях создания полного представления о деятельности оперативной группы в целом приказываю особое внимание обращать

Одним из стереотипов, назойливо и бессовестным образом внедряемых в общественное сознание сегодняшними «демократами» есть лживый миф о судьбе советских военнопленных после их освобождения из немецкого плена; душераздирающая картина чуть ли не поголовно бывшие советские военнопленные после вызволения из немецких

концлагерей отправлялись в лагеря на Колыму или в штрафбаты.

Военнослужащие, вернувшиеся из плена, должны быть обязательно подвергнуты проверке органами контрразведки хотя бы потому, что среди них заведомо имеется определенное количество вражеских агентов. Ведь немцы (и не только они) активно использовали этот канал для

▲ Шелленберг

▲ Гейдрих

на цифру 4 (число для лиц, не вызывающих подозрения) в еженедельных отчетах, распоряжение о которых было передано ранее. В сведениях о военнопленных, проявивших себя как не вызывающие подозрений и занимавших ранее в советской экономической жизни руководящие должности, указывать максимально точно соответствующую область экономики и последнее место работы этих лиц.

2) Еще раз напоминаю, что при принятии решений особое внимание следует обращать на национальную принадлежность.

Украинцев, белорусов, азербайджанцев, армян, народы Северного Кавказа, Грузии, представителей тюркских народов вообще указывать в списках с пометкой «очень подозрительный» и обращаться с ними согласно имеющимся директивам только в тех конкретных случаях, когда действительно речь идет о фанатично настроенных большевиках, политкомиссарах и прочих опасных активистах.

Следует помнить, что особенно среди тюркских народов часто встречаются лица с еврейской внешностью и что обрезание само по себе еще не является доказательством еврейского происхождения (например, среди мусульман).

3) Понятие «интеллигент» не должно трактоваться по европейским меркам.

Самый простой, самый примитивный советский безграмотный в своем политическом фанатизме может быть опаснее, чем, например, советский инженер, который хоть и мог благодаря своим способностям и показной политизации учиться в советском вузе, но не имел глубокой внутренней связи с большевистской системой.

Как интеллигентов в этой связи следует рассматривать, в первую очередь, профессиональных революционеров, писателей, редакторов, служащих Коминтерна и т. п.

4) Сведения о выявленных советских гражданах, попавших в список «очень подозрительных», следует без промедления — как указано в директивах от 17.7.1941 г.

— передавать в комендатуру. После поступления подтверждения о необходимости исполнения особых мер без промедления приступать к приведению предписанных мер к исполнению.

Более длительного их пребывания в данном лагере по понятным причинам следует избегать.

И наконец, я еще раз напоминаю, что казни ни в коем случае не должны проводиться в лагере или в непосредственной близости от него.

Само собой разумеется, казни не должны быть публичными. Присутствие зрителей принципиально недопустимо.

5) Наконец, подчеркиваю, что особой обязанностью руководителей и служащих оперативной группы является безупречное поведение на службе и за ее пределами, полное взаимопонимание с комендантами лагерей и тщательный контроль.

Подпись: Гейдрих

Приложение №1

Директивы по выявлению подозрительных советских военнопленных и гражданских лиц, плененных в ходе Восточной кампании и находящихся в лагерях для военнопленных и пересыльных лагерях в тылу германских сухопутных войск.

(Секретный документ государственной важности)

Откомандирование оперативных групп Охранной полиции и Службы безопасности осуществляется в соответствии с договоренностью, достигнутой между руководством Охранной полиции, Службы безопасности и Главным командованием сухопутных войск, от 7.10.41 г.

Отряды действуют на основании особых полномочий и в соответствии с полученными ими общими

директивами относительно лагерного режима самостоятельно и под свою ответственность. Разумеется, руководство поддерживает самые тесные контакты с комендантами лагерей и офицерами контрразведки.

Большевизм — смертельный враг Национал-социалистической Германии. Этот противник прошел не только армейскую выучку, но и политическую, в разрушительном для народов большевистском духе. Он ведет борьбу всеми доступными для него средствами: с помощью саботажа, растлевающей пропаганды, поджогов, убийств и т. д. Поэтому большевистский солдат утратил всякое право на обращение с ним как с честным солдатом, которого требуют женеvские договоренности.

Особое положение Восточной кампании требует беспощадных и энергичных мер при малейших признаках неповиновения, особенно в отношении большевистских провокаторов, активистов, политруков и т. д.

Поэтому отряды Охранно-полицейской службы должны по возможности незаметно отсортировать все те элементы из числа военнопленных, которые рассматриваются как большевистская движущая сила.

Специальные меры должны осуществляться с чувством ответственности и сознания долга и быть свободными от бюрократических и административных влияний.

Всякое общение военнопленных с гражданским населением должно пресекаться.

Таким образом, задачей отрядов Охранно-полицейской службы является осуществление политической проверки всех лагерных пленных, а также отсортировка и дальнейшая обработка

а) неприемлемых в политическом, уголовном и прочем отношении элементов, а из их среды

б) тех лиц, которые могут быть использованы для восстановительных работ на оккупированных территориях.

Для осуществления этой задачи службам охраны и безопасности не могут быть предоставлены необходимые вспомогательные средства. Поэтому они должны суметь используя информаторов из числа надеж-

ных военнопленных и все другие возможности, с самого начала, шаг за шагом, выявить среди заключенных лагеря все подлежащие выбраковке элементы.

Краткие допросы выявленных лиц и, по возможности, опрос других пленных должны в любом случае помочь отрядам окончательно принять решение о применении необходимых мер.

Показаний одного информатора, безусловно, недостаточно для того, чтобы внести заключенного в список подозрительных лиц. По возможности необходимо каким-то образом добиться подтверждения поступившей информации.

Прежде всего, надо выявить:

1. всех значительных государственных и партийных деятелей, в особенности профессиональных революционеров,
2. деятелей Коминтерна,
3. всех важных партийных деятелей ВКП(б) и ее смежных организаций в Центральном Комитете, обкомах и райкомах,
4. всех народных комиссаров и их заместителей,
5. всех бывших политкомиссаров Красной Армии,

6. руководителей государственных министерств и ведомств высшего и среднего уровня,

7. руководителей — хозяйственников,

8. представителей русской советской интеллигенции и евреев, если речь идет о профессиональных революционерах или о политиках, писателях, редакторах, служащих Коминтерна и пр.,

9. всех смутьянов и фанатичных коммунистов.

В связи с существенной нехваткой врачей и санитаров в лагерях таких людей, даже если речь идет о евреях, необходимо освободить от выбраковки и оставить в лагерях, кроме отдельных обоснованных случаев.

Выбраковка военнопленных по признаку национальной принадлежности производится руководством лагеря.

Не менее важно, как уже упоминалось, выявлять те лица, которые могут быть использованы для восстановления, административного и экономического управления завоеванных русских областей (особенно подпадающих под пункты 6 и 7).

Наконец, необходимо иметь лиц, которые еще понадобятся для завер-

шения дальнейшего расследования, неважно, полицейского или какого-то другого свойства, а также для выяснения общих актуальных вопросов. Сюда относятся, помимо лиц, названных в пунктах 6 и 7, те высшие государственные и партийные руководители, которые в силу своего положения и своих знаний способны давать информацию о мероприятиях и методах работы Советского государства, Коммунистической партии и Коминтерна.

В случае необходимости принятия решений, разумеется, необходимо также учитывать национальную принадлежность.

Руководство отрядов особого назначения еженедельно передает своему начальству краткий отчет. Он должен содержать следующую информацию:

1. Краткое описание проделанной за прошедшую неделю работы
2. Число лиц, которых можно окончательно рассматривать как подозрительные (достаточно указать количество)
3. Поименный список руководителей — видных деятелей Коминтерна, крупных партийных деятелей, народных комиссаров, политкомиссаров. Краткое описание положения, которое занимали выявленные лица.
4. Число лиц, которые можно отнести к неподозрительным:
  - а) военнопленных
  - б) гражданских лиц.

Руководители оперативных групп под собственную ответственность принимают решения о мерах исполнения и передают соответствующие указания спецслужбам.

Для выполнения предписанных мер отряды особого назначения должны на основании этих указаний затребовать у лагерного руководства выдачу пленных. Комендатуры лагерей получили от Главного командования сухопутных войск соответствующие указания о необходимости удовлетворять подобные запросы.

Приведение приговора в исполнение должно происходить незаметно в подходящих для этого отдаленных местах и не может осу-

ществляться в непосредственной близости от лагеря, а тем более в самом лагере. Следует следить за медленным и надлежащим захоронением трупов.

В случае необходимости расстрела из соображений лагерной дисциплины командир группы особого назначения обращается по этому вопросу к коменданту лагеря.

О результатах проведенной спецобработки отряды особого назначения должны по возможности вести соответствующие списки. В них необходимо указать:

- порядковый номер
- имя и фамилия
- дата и место рождения
- воинское звание
- опознавательный номер
- профессия
- последнее место жительства
- основание специальной обработки
- день и место исполнения специальной обработки.

Эти списки (подборку) направлять руководству оперативной группы.

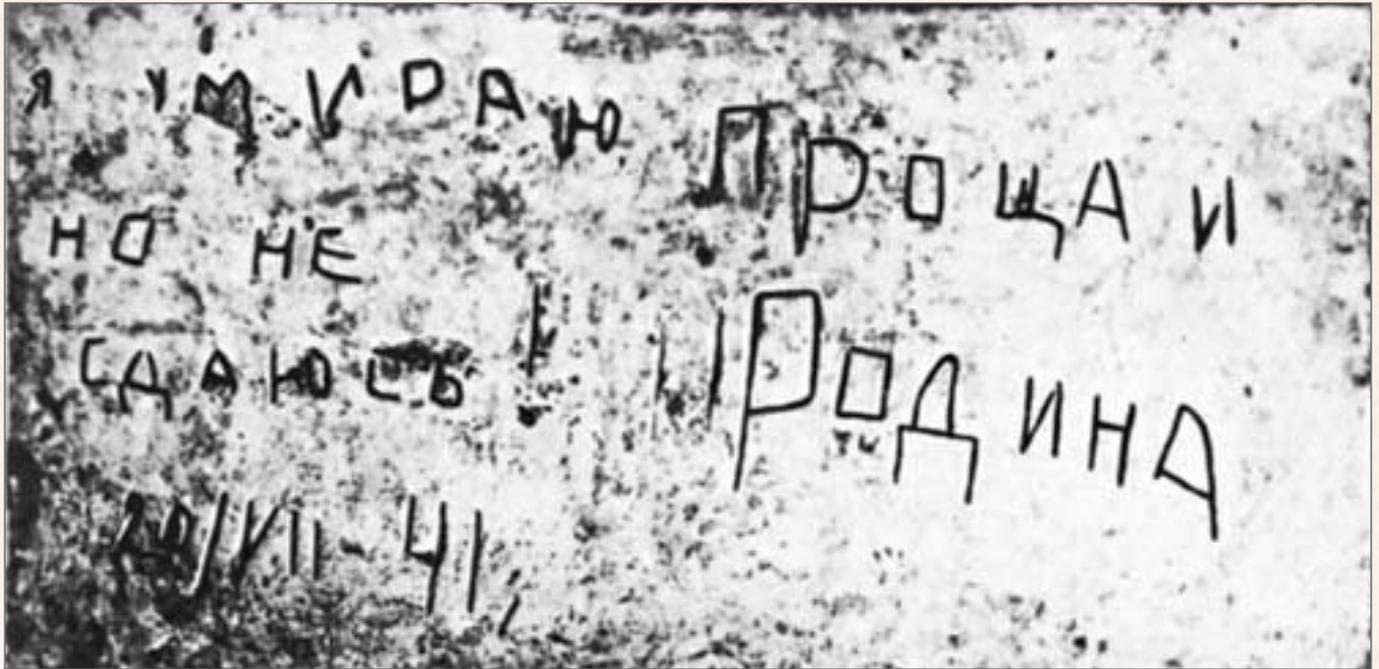
Командование оперативных групп ежемесячно представляет мне лично краткие отчеты о деятельности отрядов особого назначения по задачам своей группы по форме, предусмотренной для отчетов о деятельности отрядов особого назначения.

Вопросы возможной передачи надежных информаторов из лагеря в распоряжение оперативных групп в тылу армии, в администрации области или в военном округе I руководство отрядов особого назначения должно решать совместно с командованием своих оперативных групп.

Особой обязанностью руководителей и подчиненных отрядов особого назначения является безупречное поведение на службе и за ее пределами, отличное взаимопонимание с комендантами лагеря и немедленные проверки.

Служащие отрядов особого назначения постоянно должны помнить об особой важности поставленных перед ними задач.

▲ Брестская крепость, 1941 г.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (РСХА). Г. БЕРЛИН
ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК (ОКХ)
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ № 11/41 ПРИЛОЖЕНИЕ: 2

Секретно

1. В связи с изменением распоряжения б) в пересыльных лагерях в тылу германской армии для отбраковки нетерпимых элементов использовать в соответствии с прилагаемой инструкцией отряды особого назначения (зондеркоммандос) Охранно-полицейской службы, которая действует под собственную ответственность.
2. По соглашению с руководством Охранной полиции и Службы безопасности использовать для особых мер отряды особого назначения следующим образом:
  - а) Предусмотренные для выполнения этой задачи спецподразделения передаются в подчинение уполномоченному лицу начальника Охранной полиции и Службы безопасности при командовании тыловых областей германской армии на основании соглашения от 28.4.41 г., переданного вместе с распоряжением по данному вопросу.
  - б) Использование спецподразделений в соответствии с договоренностью с командованием тыловых областей армии (комендантами лагерей военнопленных) производится таким образом, что выбраковка происходит максимально незаметно, а ликвидация — незамедлительно и на таком расстоянии от лагерей и населенных пунктов, что место исполнения остается не известным остальным военнопленным и местному населению.
  - в) Верховное командование групп войск и командование тыловых областей германской армии в соответствии с соглашением от 28.4. могут с учетом проводимых операций отказаться от использования отрядов особого назначения в соответствующих районах на завоеванных территориях.
  - д) В пересыльных лагерях на завоеванных территориях, где выбраковка еще не могла производиться отрядами особого назначения, коменданты должны действовать под свою ответственность в соответствии с прежними указаниями. С прибытием спецподразделений выбраковка нетерпимых элементов становится исключительно задачей этих подразделений (совместные операции по выбраковке и т.п. исключены).
3. Письменная — даже выборочная — передача исключена. Приказ передается в устной форме лично командованию завоеванной территории или коменданту пересыльного лагеря.

Подпись и.о. ОКХ, 7 октября 1941 г.

Секретно. Дело государственной важности.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ДИРЕКТИВЫ ПО ОТБОРУ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ И ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ, ВЗЯТЫХ В ПЛЕН В ХОДЕ ВОСТОЧНОЙ КАМПАНИИ, В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ, В РАЙОНАХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ, В ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ И В ЛАГЕРЯХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕЙХА

I. Цель

Вермахт должен срочно избавиться от всех тех элементов среди военнопленных, которые будут признаны движущей силой большевизма. Поэтому особое положение в связи с проведением восточной кампании требует особых мер, и они должны быть осуществлены без бюрократических и административных проволочек и с высокой ответственностью.

Если до сих пор в основе распоряжений и приказов по делам военнопленных лежали соображения военного характера, то теперь на первый план выдвигаются политические цели — защитить немецкий народ от большевистских подстрекателей и взять власть на оккупированных территориях в свои руки.

II. Пути достижения поставленной цели

а. С этой целью заключенных русских лагерей следует сначала рассортировать по следующим категориям:

- 1) гражданские лица;*
- 2) солдаты (в том числе и те, кто явно переоделся в гражданскую одежду);*
- 3) политически ненадежные элементы согласно п.п. 1 и 2;*
- 4) лица согласно п.п. 1 и 2, вызывающие особое доверие и поэтому пригодные к использованию для восстановления оккупированных территорий;*

▲ Выжженная земля

▲ Пепелище

5) этнические группы среди гражданских лиц и солдат.

в. Если сортировка согласно разделу «а», п.п. 1-5 проводится лагерными органами самостоятельно, то отбор лиц по разделу «а» п.п. 3-4 должен проводиться фюрером СС оперативного отряда Полиции безопасности и СД.

Они подчиняются непосредственно начальнику Полиции безопасности и СД, специально обучены для выполнения своей задачи и осуществляют меры и расследование в рамках лагерного порядка, в соответствии с директивами, полученными ими от начальника Полиции безопасности и СД.

Комендантам и их офицерам контрразведки вменяется в обязанность самым тесным образом сотрудничать с оперативными отрядами.

III. Дальнейшее обращение с отобранными группами

а. Гражданские лица, не вызывающие подозрения, остаются отдельной группой в лагере до тех пор, пока не представится возможность их возвращения на оккупированную территорию. Время для этого определяет соответствующий командующий Вермахта (или командующий участком тыла) по согласованию с компетентными инстанциями начальника Полиции безопасности и СД. Основопологающим критерием для возвращения является обеспечение работой по месту проживания или в особо созданных рабочих формированиях.

За охрану указанных лиц несет ответственность командующий Вермахта (или командующий соответствующим участком тыла). По возможности лагерь выделяет конвой.

Относительно подозрительных лиц см. раздел II, а, п. 3.

в. Военные лица

В связи с возможным использованием на территории рейха следует отделять азиатов от солдат с европейской внешностью. Офицеры должны в большинстве своем рассматриваться как «подозрительные лица». С другой стороны, в целях предотвращения влияния офицеров на рядовых их следует отсортировать заблаговременно.

Приказ об отправке по этапу военных лиц будет издан отдельно. Однако уже сейчас следует отметить, что отправке в Германию азиаты и лица, владеющие немецким языком, не подлежат.

с. Вопрос о том, кого считать «подозрительными лицами» (см. раздел II, а, п. 3), решает оперативный отряд Полиции безопасности и СД.

Если отдельные подозрительные лица позднее не окажутся таковыми, то они возвращаются в лагерь к остальным гражданским лицам и солдатам.

В распоряжение оперативного отряда следует выдавать и других лиц, если на них поступил запрос от оперативного отряда.

д. Лиц, вызывающих доверие, сначала необходимо привлекать к отбору подозрительных лиц (II., а., п. 3) и к выполнению прочих заданий администрации лагеря. (особое внимание следует уделить поволжским немцам).

Если они окажутся особо пригодными для использования на восстановительных работах на оккупированной территории, то отказывать в ходатайстве оперативного отряда об их выдаче можно только в том случае, если в конкретном лице заинтересован Абвер.

е. Этнические группы (например, украинцы, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы, финны, грузины и поволжские немцы). Отделение солдат от гражданских лиц, если им в ближайшее время не предстоит отправка на оккупированную территорию.

Об использовании различных этнических групп приказ будет издан особо.

Создание в конце 1941 года по приказу Наркома обороны СССР №0521 фильтрационных лагерей для проверки освобожденных из плена было насущной необходимостью.

Поступавший туда контингент делился на три учетные группы:

1-я — военнопленные и окруженцы.

2-я — рядовые полицейские, деревенские старосты и другие гражданские лица, подозреваемые в изменнической деятельности.

3-я — гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником.

Среди рядового и сержантского состава благополучно проходило проверку свыше 95 % бывших военнопленных. Несколько иначе обстояло дело с побывавшими в плену офицерами. Арестовывалось из них меньше 3%, но зато с лета 1943 до осени 1944 года значительная доля направлялась в качестве рядовых и сержантов в штурмовые батальоны. И это вполне понятно и оправдано — с офицера спрос больше, чем с рядового.

Кроме того, надо учесть, что офицеры, попавшие в штрафбаты и испутившие свою вину, восстанавливались в звании. Например, 1-й и 2-й

штурмовые батальоны, сформированные к 25 августа 1943 года, в течение двух месяцев боев показали себя с отличной стороны и приказом НКВД были расформированы. Бойцов этих подразделений восстановили в правах, в том числе и офицеров, и затем отправили воевать далее в составе Красной Армии.

Для содержания военнопленных на территории СССР и других государств, помимо 24 фронтовых приемно-пересыльных лагерей, были сформированы и действовали 72 дивизионных и армейских пересыльных пункта, более 500 стационарных лагерей (в том числе 4 офицерских лагеря, созданных в Ивановской, Горьковской, Вологодской областях и Татарской АССР), 214 спецгоспиталей, 421 рабочий батальон, 322 лагеря органов репатриации военнопленных, интернированных и иностранных граждан.

Основная тяжесть этой работы легла на плечи сотрудников 2-го отдела ГУКР Смерш НКО СССР, которые координировали деятельность Управлений фронтов в работе среди военнопленных, осуществляли их информационное обеспечение и принимали активное участие в проверке перспективных дел.

В июне 1943 года отдел возглавил и до конца войны руководил его работой полковник Сергей Николаевич Карташев. Это была уникальная личность. Его феноменальная память и невероятная работоспособность поражали даже немало повидавших на своем веку контрразведчиков. Он наизусть знал материалы большинства дел, помнил сотни имен, фамилий и псевдонимов разоблаченных агентов.

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 27 декабря 1941 года и Совета Народных Комиссаров СССР от 24 января 1944 года все бывшие в окружении и плену военнослужащие Красной Армии через сборно-пересыльные пункты поступали в спецлагеря НКВД на проверку, откуда проверенные передавались для отправки в Красную Армию через военкоматы, частично на работу в промышленность, а частично и арестовывались органами Смерш. Так к 20 октября 1944 года в такие лагеря НКВД поступило 354 590 человек, из них после проверки возвращено в Красную Армию 231 034, в штурмовые батальоны 18 382, находилось в стадии проверки 51 615, передано в промышленность 30 749,

▲ Пленение немцев

в конвойные войска 5 924, арестовано органами Смерш 11 566, убиты по разным другим причинам, в том числе в госпитали и лазареты Наркомата обороны, и умерли 5 347 человек.

В ноябре 1944 года ГКО СССР принял постановление, согласно которому освобожденные военнопленные и советские граждане призывного возраста вплоть до конца войны направлялись непосредственно в запасные воинские части, минуя спецлагеря. В их числе оказалось и более 83 000 офицеров. Из них после проверки 56 160 человек было уволено из армии, более 10 000 направлены в войска, 1 567 лишены офицерских званий и разжалованы в рядовые, 15 241 переведены в рядовой и сержантский состав.

По своим масштабам и размаху, задействованным оперативным силам и средствам оперативно-розыскная и следственная работа, проделанная органами советской военной контрразведки Смерш по фильтрации военнопленных вражеских армий в ходе и по окончании II мировой войны, не имеет аналогов в истории спецслужб мира.

К осени 1941 года гитлеровские войска потеряли былой темп наступления. Блицкриг провалился. В плен все чаще попадали не только рядовые, но и офицеры немецко-фашистских войск. К 1 января 1942 года их численность возросла до 9 000, а после поражения вермахта под Сталинградом в плен попало 151 246 человек, в их числе 2 500 офицеров, 24 генерала во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Порядок содержания и учета военнопленных в лагерях был определен еще в начале войны в специальной инструкции, введенной в действие приказом НКВД СССР от 7 августа 1941 года. Согласно этому нормативному акту до марта 1943 года учитывались только военнопленные, содержащиеся в лагерях, без контингента, находящегося на излечении в спецгоспиталях. Боевые действия под Сталинградом вскрыли недостатки этой системы учета. 1 марта 1943 года вышел приказ НКВД СССР, который отменял ежедневную отчетность лагерей по численности военнопленных и вводил отчет, начиная с первого числа месяца, через каждые пять дней в виде

телеграфной сводки. Приемные пункты НКВД на фронтах должны были отчитываться ежедневно. Аналогичный порядок вводился в спецгоспиталях Народного комиссариата обороны и Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ). 20 марта 1943 года лагеря и приемные пункты для военнопленных должны были провести единовременную перепись всего контингента.

Охрана солдат и офицеров противника с момента их пленения до передачи в приемные пункты осуществлялась силами и средствами армейских частей.

Основную работу по охране военнопленных с момента их поступления в приемные пункты, а также при переводе из одного лагеря в другой и при конвоировании на работу осуществляли конвойные войска НКВД СССР. Внутреннюю охрану лагерей обеспечивал вахтерский состав.

Большое количество военнопленных, поступивших зимой 1942-1943 годов на Сталинградском направлении, создало трудности при их конвоировании, что нередко приводило к незаконным действиям по от-

ношению к ним со стороны конвоя. Например, в расположении Сталинградского, Воронежского и Юго-Западного фронтов военнопленным до места назначения приходилось передвигаться на расстояние от 150 до 200 км. От резкого истощения военнопленные падали по дороге. Как свидетельствуют документы, были случаи, когда конвой их пристреливал. Иногда военнопленные направлялись в приемные пункты вообще без всякой охраны, и длительное время бродяжничали, расходились по деревням. Например, летом 1943 года более двадцати бывших военнослужащих румынской армии были обнаружены среди работников колхозов на территории Сталинградской области.

Приказ НКО № 001 от 2 января 1943 года был нацелен на ликвидацию всех этих недостатков. Он должен был сыграть важную роль в предотвращении побегов военнопленных и злоупотреблений со стороны армейских частей, в деле сохранения удовлетворительного физического состояния солдат и офицеров противника в период их транспортировки в лагеря.

Примером также может служить и следующий документ.

**ДИРЕКТИВА ВОЕННОГО СОВЕТА ДОНСКОГО ФРОНТА
ВОЕННЫМ СОВЕТАМ АРМИЙ О НАРУШЕНИЯХ В ОБРАЩЕНИИ
С ВОЕННОПЛЕННЫМИ И СПЕЦКОНТИНГЕНТОМ И МЕРАХ ПО ИХ
УСТРАНЕНИЮ.**

29 января 1943 г.

Отмечен ряд фактов недопустимого благодушия и ротозейства в отношениях к пленным и спецконтингентом.

1. У доставленного в штаб Донского Фронта немецкого генерала Дреппера оказался в кобуре, висевшей на поясе, заряженный пистолет, не отобрана записная книжка, личные документы, переписка (57 армия).

2. При конвоировании на приемные пункты оставляют самостоятельно двигаться отставших, теряют их в дороге, создают условия для побега из плена.

3. На участках 57 и 21 армий зафиксировано 2 случая организованного побега офицерского состава с целью прорваться к Ростову.

4. В 57 армии военнослужащий Красной Армии, остановленный на дороге регулировщиком, на требование предъявить документы произвел в регулировщика выстрел из имевшегося в кармане револьвера.

5. В 65 армии один из конвоиров 27.01.43 вел под руку прихрамывающего пленного немца вместо того, чтобы заставить это делать других немцев.

▲ Плененные немцы

Все это свидетельствует о наличии преступной беспечности, отсутствии должного порядка в районах войсковых тылов.

Военный совет Донского Фронта требует:

- 1. Всех военнопленных подвергать обыску, изымать оружие и острорежущие предметы, личные документы и переписку.*
- 2. Офицерский состав сопровождать отдельно под усиленным конвоем.*
- 3. В связи с наличием ряда фактов переодевания офицерского состава в солдатскую форму всех военнопленных подвергать тщательной проверке.*
- 4. Строжайше требовать от конвоев не допускать растяжки колонн и отставания в/пленных в пути.*
- 5. Освобожденных из плена бывших военнослужащих Красной Армии сопровождать на сборные пункты под строгим конвоем. Немедленно принять меры к полной очистке тыловых районов от этой категории людей, среди которых много продажной сволочи и предателей.*
- 6. Потребовать от заградотрядов более тщательной прочески районов и строгой проверки документов.*
- 7. Прекратить направление пленных в тыл без специального направления соответствующего штаба (полк-дивизия).*
- 8. Наказать виновных работников РО 57 армии, не изъявших оружия у генерала Дреппера. О принятых мерах донести.*

*Член Военного совета Донского фронта
Телегин*

▲ Предатели «хиви»

К концу 1943 года в связи с широким наступлением Красной Армии и освобождением значительной территории от немецких оккупантов работа органов военной контрразведки Смерш по «спецконтингенту» во многом усложнилась. В освобожденных районах, помимо фильтрации и проверки военнопленных, следовало выявлять лиц, активно сотрудничавших с гитлеровской администрацией и войсками. Это касалось бургомистров, старост, редакторов профашистских печатных органов, а также тех, кто добровольно служил во вспомогательных силах вермахта. Самыми многочисленными из добровольцев были так называемые «хиви» (от немецкого *Hilfswilige* — добровольные помощники), численность которых в 1943 году составила около 400 000 человек. В основном «хиви» использовались в тыловых и прифронтовых частях вермахта для выполнения охранных, обозных и строительных функций. Они же служили на побегушках у немецких солдат и офицеров и делали всю грязную работу — мыли казармы, чистили конюшни, туалеты. Полицейские функции на оккупированной территории выполняли подразделения «оди» (*Ordnungsdienst* — ОД — полицейская служба), численность которых составляла порядка 60-70 тысяч человек. Эту шваль, набранную в основном из уголовников, бывших кулаков и белогвардейцев, а также не разоблаченных в свое время вредителей, немцы использовали для поддержания порядка среди местного населения и борьбы с партизанами. Кроме того, во вспомогательных силах вермахта служили так называемые «шума» (*Schutzmanschaft* — личный состав обороны), отъявленные подонки и мерзавцы, негодяи и садисты, которые принимали участие в карательных акциях, где отличались особой жестокостью. Прежде всего, это батальон «Бергман», легион крымских татар, 15-я и 16-я латышские дивизии СС, 20-я эстонская дивизия СС, 1-я и 2-я русские дивизии СС, 14-я дивизия «СС Галичина». Общая численность этих формирований

▲ Абакумов В.С.

за время войны составляла около 25 000 человек. Всего в рядах вермахта, по немецким данным, служило порядка 750 000 добровольцев.

Ко всем этим «хиви», «оди», «шума» и прочим предателям Родины воины действующей армии, смершевцы и в частности В.С. Абакумов испытывали жгучую ненависть. Однажды, присутствуя на оперативном совещании 2-го отдела ГУКР Смерш, Абакумов заявил буквально следующее:

- Полицейские и каратели из числа советских граждан хуже немецких фашистов. Этих негодяев следует выявлять и давить, как говно, без всякой жалости, поскольку фактом своего гнусного предательства, они поставили себя вне закона! -

С ноября 1943 года в некоторые из 20 спецлагерей НКВД стали поступать бывшие старосты, полицейские, каратели. Они, как наиболее социально-опасный элемент, содержались отдельно от другого «спецконтингента». Всего к марту 1944 года их поступило 9 002 человека. До конца войны органы военной контрразведки Смерш изобличили десятки тысяч подобных преступников, которые понесли суровое, но справедливое наказание.

▲ Отряд «оди» готовится к карательной операции

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗЛОДЕЕВ, ВИНОВНЫХ В УБИЙСТВАХ И ИСТЯЗАНИЯХ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ПЛЕННЫХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ, ДЛЯ ШПИОНОВ, ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ ИЗ ЧИСЛА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН И ДЛЯ ИХ ПОСОБНИКОВ

19 апреля 1943 г. Не для печати

Москва, Кремль

В освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков городах и селах обнаружено множество фактов неслыханных зверств и чудовищных насилий, учиненных немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками Родины из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами. Многие десятки тысяч ни в чем неповинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев зверски замучены, повешены, расстреляны, заживо сожжены по приказам командиров воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и сел, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей.

Между тем, ко всем этим преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, и к их пособникам из местного населения применяется в настоящее время мера возмездия, явно не соответствующая содеянным ими злодеяниям.

Имея в виду, что расправы и насилия над беззащитными советскими гражданами и пленными красноармейцами и измена Родине являются самыми позорными и тяжкими преступлениями, самыми гнусными злодеяниями, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

▲ «Шума» в Бабьем Яру

1. Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение.

2. Пособники из местного населения, уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

3. Рассмотрение дел о фашистских злодеях, виновных в расправах и насилиях над мирным советским населением и пленными красноармейцами, а также о шпионах, изменниках Родины из числа советских граждан и о их пособниках из местного населения возложить на военно-полевые суды, образуемые при дивизиях действующей армии в составе: председателя военного трибунала дивизии (председатель суда), начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политической части (члены суда), с участием прокурора дивизии.

4. Приговоры военно-полевых судов при дивизиях утверждать командиром дивизии и приводить в исполнение немедленно.

5. Приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов при дивизиях — повешение осужденных к смертной казни — производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предает свою Родину.

Председатель Президиума Верховного

Совета СССР М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного

Совета СССР А. Горкин

ГАРФ, Ф. Р-7523, Оп. 4, Д. 164, Л. 118–120, подлинник.

Главное управление контрразведки СМЕРШ

№ 45820 20 августа 1943

Сов. секретно

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ШТАБ
ПАРТИЗАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

Товарищу ПОНОМАРЕНКО

Как Вам известно, по указанию товарища Сталина, оперативное обслуживание штабов партизанского движения и борьба с агентурой противника, проникающей в эти штабы и партизанские отряды, возложены на органы контрразведки СМЕРШ.

Несмотря на это, имеет место ряд случаев, когда разоблаченные и явившиеся с повинной в партизанские отряды шпионы, диверсанты, террористы, участники так называемой «Русской освободительной армии» и других формирований, созданных немцами, доставляются на нашу сторону без ведома органов контрразведки СМЕРШ, допрашиваются ра-

ботниками штабов партизанского движения, которым не свойственно заниматься расследованием по такого рода делам. Доставляемые из партизанских отрядов документы и составленные при допросах разоблаченных шпионов протоколы — размножаются и вместе с сообщениями рассылаются в различные адреса, в результате чего некоторые серьезные оперативные мероприятия становятся достоянием большого круга лиц.

В целях усиления борьбы с агентурой противника, прошу дать указание по линии штабов партизанского движения о следующем:

1. Все поступающие материалы из партизанских отрядов о задержании или явках с повинной шпионов, диверсантов, террористов, захваченных официальных сотрудников и документов немецких разведывательных органов — передавать в органы контрразведки Смерш.

2. По требованию органов контрразведки СМЕРШ доставлять из тыла противника задержанных шпионов, диверсантов, террористов, а также официальных сотрудников и документы разведывательных и контрразведывательных органов.

3. Сообщать в органы контрразведки СМЕРШ о переходах на сторону партизан групп и подразделений РОА и других созданных немцами формирований.

Лиц из этих формирований, интересующих органы контрразведки, доставлять на нашу сторону по требованию органов контрразведки СМЕРШ.

В. С. АБАКУМОВ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ДВУМ
ВЫЕЗДНЫМ СЕССИЯМ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА
СССР, НАПРАВЛЕННЫМ
В ЗАПАДНЫЕ ОБЛАСТИ
УКРАИНСКОЙ ССР, ПРАВ
ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ**

5 декабря 1944 г. Без опубликования

Предоставить двум выездным сессиям Военной Коллегии Верховного Суда СССР, направленным для рассмотрения дел на арестованных оуновцев и участников оуновских банд в западных областях Украинской ССР, права военно-полевых судов, установленные для последних Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.

▲ Контрпартизанский отряд «оди»

Приведение в исполнение приговоров сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР (повешение осужденных к смертной казни оуновцев) производить публично, по месту совершения осужденными преступления.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

ГАРФ, Ф. Р-7523, Оп. 4, Д. 241, Л. 53, подлинник.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

декабрь 1944 г.г. Москва, Кремль

Направляемой в Белорусскую ССР Выездную Сессию Военной Коллегии Верховного Суда СССР предоставить права военно-полевых судов, установленные для последних Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. за № 160/23. Приведение в исполнение приговоров Сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР (повешение осужденных к смертной казни) производить публично, по месту совершения осужденными преступлений.

Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР А. Горкин

▲ Полицай «оди»

В период оккупации территории Советского Союза германскими войсками в 1941–1944 гг. на захваченных врагом территориях было развернуто партизанское движение, в котором участвовало около 1 255 200 человек, из них:

- в Белоруссии — 440 000 человек (87 из них стали Героями Советского Союза и 120 000 были награждены орденами и медалями);
- на Украине — свыше 500 000 человек (95 человек были удостоены звания Героя Советского Союза и 185 000 человек награждены орденами и медалями);
- в Латвии — свыше 12 000 человек (из них звание Героя Советского Союза получили 3 человека и 1 100 человек были награждены орденами и медалями);
- в Литве — свыше 10 000 человек (из них 7 Героев Советского Союза и 1 800 награжденных орденами и медалями);
- в Эстонии — около 7 000 человек (2 Героя Советского Союза и 500 награжденных орденами и медалями);
- в Молдавии — свыше 1 200 человек (2 Героя Советского Союза и «многие партизаны награждены орденами и медалями»);

▲ Немецкий концлагерь

- в РСФСР — свыше 250 000 человек партизан и 35 000 подпольщиков (57 Героев Советского Союза и около 40 000 человек были награждены орденами и медалями).

С другой стороны, граждане Советского Союза по мобилизации или добровольно служили в рядах вермахта и войсках СС, где с оружием в руках сражались против частей Красной Армии, участвовали в борьбе с партизанами, выполняли полицейские функции. Кем были эти люди? Это были изменники и предатели Родины, некоторые стали на путь измены по «идеологическим соображениям», иные из-за полного отсутствия боевого духа сопротивления перед врагом, ради спасения своей шкуры пошли на предательство. А сколько в начале Великой Отечественной войны добровольно сдалось немцам в плен?

СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОО НКВД ДФ В УОО НКВД СССР О ПИСЬМАХ РУССКИХ «ДОБРОВОЛЬЦЕВ»

7 декабря 1942 г.

Зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР Комиссару государственной безопасности 3-го ранга тов. Абакумову

При занятии х. Голубинского на участке 21 армии, в здании комендатуры обнаружено 18 неотправленных писем. Обратные адреса показывают, что отправители — русские, числятся на службе в германской армии, носят название «добровольцев». Все отправители из 11 взвода, полевая почта 24 158. Письма адресованы женам, родственникам: 12 писем в Ростовскую область, 6 писем в Краснодарский край. Отправители — донские и кубанские казаки сообщают семьям, что они находятся на службе в германской армии, обеспечены одеждой, питанием, зарплатой, получаемой на себя и членов семьи, запрашивают о положении семьи, предлагают обратиться за помощью в местные комендатуры.

Глухов Николай пишет своей жене **Глуховой** Александре и своим детям в с. Синявка, Никлиновского р-на, Ростовской области: «Я жив и здоров, одет и сыт очень хорошо, болею о вас, живы ли вы и есть ли у вас чего покушать. Я думаю, староста Синявский знает, где я нахожусь и он должен оказать тебе жена и моим детям пособие. Деньги на вас я получаю, наладится почта, буду вам высылать».

▲ Белогвардеец Краснов

Глухов Иван пишет своей жене **Глуховой Анне** в с. Синявка, Никлинского района: «Нахожусь в немецкой армии... Мы живем хорошо, нас одели и обули и кушать есть чего на каждый день. Как получишь мое письмо, обратись к коменданту военному и гражданскому, в чем нуждаешься, попроси помощи. Когда получишь письмо и будешь иметь переписку, то я смогу прислать тебе справку, где я нахожусь, тебе она намного поможет». В таком же стиле выдержаны почти все письма. Некоторые сообщают, что находятся вместе в одной части со своими станичниками.

Тот же **Глухов Иван** пишет жене **Глуховой Анне** в Ростовскую область, станицу Синявка, Никлинского района: «...Мы, синявские, находимся в одном месте: я, Семен Каменщиков, Ваня Аксайский, Николай, Василий Шишкины».

Ларин Семен пишет отцу **Василию Ларину** в станицу Егорлынская: «...Нас в одной части 3 станичника: я, Головатенко Илья, Шапошников Максим».

Большинство восхваляют в письмах силу германской армии и ее командование.

Ларин Семен пишет отцу: «...Имею право гордиться, что нахожусь в германской армии солдатом, числюсь как донской казак. По мобилизации не воевал, сразу пошел на сторону германской армии. Вообще у красных не воевал ни одной минуты, а пошел в германскую армию».

Кривенко Алексей пишет жене **Кривенко Анне** в гор. Краснодар, ул. Ленина, 81: «Нахожусь в германской армии... наше командование о нас беспокоится, не только о нас, но даже о наших семьях».

Из писем видно, что отправители находились в рядах Красной Армии, совершили измену. Характерно, что письма написаны на Сталинградском фронте, а должны были быть отправлены адресатам через Мариупольскую полевую комендатуру. Считаем, что такое направление писем преследует цели пропаганды, а также возможность вербовки разведорганами родственников «добровольцев». Найденные письма вместе с тем документально подтверждают наши данные о проводимых германским командованием формированиях донских и кубанских казаков. Указанные выше письма прилагаются при списке. В отношении авторов писем объявляется всесоюзный розыск. Для оперативной ориентировки обо всех этих изменниках сообщается ОО Сталинградского и Кавказского фронтов.

Подпись: — Казакевич

Постоянные попытки современных преступных антинародных и антипатриотических СМИ правящего режима обелить черную сторону предательства — есть преступление перед историей Великой Отечественной войны. Добровольная сдача в плен есть преступный поступок, независимо от того, карается он Уголовным кодексом или нет. Сдавшийся добровольно врагу в плен нарушил Военную присягу, то есть совершил тяжчайшее преступление. И поэтому объявлять бывших военнопленных героями это значит глумиться над светлой памятью тех советских солдат и командиров Красной Армии, которые предпочли умереть, но не сдать врагу.

Вот данные из немецких архивов об антисоветских воинских формированиях в годы II мировой войны: в Министерстве Германии по делам оккупированных Восточных областей по состоянию на 24 января 1945 г. числились:

- вооруженные литовские формирования — 36 800 человек;
- вооруженные латвийские формирования — 104 000 человек;
- вооруженные эстонские формирования — 10 000 человек;
- резервисты из турок и татар из Идель-Урала (включая 20 000 военнопленных) — около 45 000 человек;
- войсковая группа СС «Крым» — 10 000 человек;
- формирования казаков — 70 000 человек;
- вооруженные армянские формирования — 7 000 человек;
- вооруженные азербайджанские формирования — 31 000 человек;
- калмыцкие конные отряды — 5 000 человек;
- вооруженные северокавказские отряды — 7 000 человек;
- русские вооруженные формирования — 10 000 человек;
- белорусские вооруженные формирования — 19 000 человек;

- украинские вооруженные формирования — 75 000 человек;
- общее число восточных добровольцев в армии, войсках СС, авиации и полиции 373 800 человек;

Русская освободительная армия А. А. Власова (РОА) — 300 000 человек.

Общее число восточных добровольцев — 748 000 человек.

Кроме того, около 330 000 жителей Украины, Белоруссии и Прибалтики служили в указанное время в батальонах «шума», местной полиции и отрядах самообороны, подчиненные начальникам СС и полиции рейхс комиссариатов.

«Общая численность созданных в составе Вермахта „восточных“ формирований и отдельных советских граждан, служивших в немецких частях в качестве „добровольных помощников“, единовременно достигала 900 тысяч человек без учета полиции и вспомогательных военизированных организаций. Примерно

треть из этого числа представляла собой вооруженные формирования, сражавшиеся на фронтах II мировой войны против Красной Армии и войск союзников по антигитлеровской коалиции и на оккупированных территориях против партизан. Функции „восточных“ формирований изначально ограничивались вспомогательной службой в тыловых районах и на фронте, где они использовались широко, но разрозненно. Роль их в военных операциях была минимальна, однако, как вспомогательные формирования эти части полностью оправдывали свое назначение. Активно участвуя в контрпартизанской борьбе, карательных операциях и замещающая в тыловых подразделениях немецких солдат, они стали серьезным подспорьем для Вермахта. Одна лишь их численность, составлявшая 10–15 % от общей численности германских вооруженных сил, говорит о той роли, которую играли в военных усилиях Третьего Рейха советские граждане».

СПЕЦСООБЩЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ «СМЕРШ» 1-ГО ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА Н. Г. ХАННИКОВА О ВСКРЫТИИ ГРУППЫ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ НЕМЕЦКИХ АКТИВИСТОВ В ГОРОДЕ ЖАГАРЕ ЛИТОВСКОЙ ССР И АРЕСТЕ ЕЕ ЧЛЕНОВ.

2<2> сентября 1944 г. Сов. секретно

№ 20175/2

Начальнику Главного управления

контрразведки «Смерш»

комиссару государственной безопасности 2-го ранга

товарищу Абакумову

гор. Москва

7 сентября 1944 г. ОКР «Смерш» 8-пушечной артдивизии 51-й армии был арестован активный пособник немецких оккупантов литовский националист — Плекавичус Антонас Ионосович, 1904 г.р., уроженец и житель м. Жагаре, Литовской ССР по национальности литовец, беспартийный.

Допросом арестованного и показаниями свидетелей установлено, что в мае 1941 г. Плекавичус был арестован органами НКВД за нелегальный пронос оружия через границу с целью организации вооруженной борьбы с советской властью. В июле 1941 г. Плекавичус был освобожден из тюрьмы немецкими войсками, вернулся в м. Жагаре,

▲ Каратели

где вступил в так называемую организацию немецких активистов, в составе которой принимал активное участие в расстреле советских активистов и лиц, лояльно настроенных к советской власти.

По показаниям Плекавичуса, 17 сентября 1944 г. были арестованы другие участники упомянутой организации:

1. Яницкскас Ионас Симоносевич, 1908 г.р., уроженец гор. Риги, беспартийный, образование низшее.
2. Герикас Станислав Антонасович, 1906 г.р., уроженец м. Круопяй Шауляйского уезда Литовской ССР, беспартийный
3. Сточкус Доменикас Викентьевич, 1898 г.р., уроженец имения Манюми Груздевской волости Шауляйского уезда Литовской ССР.

Следствием установлено, что 30 июня 1941 г. в м. Жагаре местные жители Качкис Статис и Каунас Симонас из числа лиц, наиболее враждебно настроенных к советской власти, с санкции немецкого командования создали так называемую организацию немецких активистов, основными задачами которой являлись:

1. Сбор оружия и боеприпасов, оставленных отступавшими частями Красной Армии, и вооружение членов организации.
2. Охрана всех общественных мест и несение патрульной службы.
3. Выявление, задержание и арест коммунистов, советских работников, военнослужащих Красной Армии и советских активистов.

В состав организации, так называемой пятерки, входили: Качкис — начальник штаба; Каунас — заместитель начальника штаба; Касперавичус — член штаба; Гедминас — член штаба; Яницкис — член штаба.

Все перечисленные лица, кроме арестованного Яницкиса, бежали с немцами, секретарем штаба являлся литовец Болтокас Винцас Казимирович, 1906 г.р., образование высшее, житель м. Жагаре.

Всего в организацию «немецких активистов» было вовлечено около 60 чел. Вступление оформлялось личным заявлением вступающего о желании служить немцам.

В распоряжении организации «немецких активистов» находилась тюрьма на Базарной площади в м. Жагаре, охранявшаяся членами организации.

В первых числах июля 1941 г. штаб организации наложил контрибуцию на советских граждан м. Жагаре в 10 тыс. рублей, а в августе — 20 тыс. рублей, которые были собраны и поступили на нужды членов организации.

Активная карательная деятельность «немецких активистов» началась с августа 1941 г., когда были расстреляны 8 коммунистов, а также проведен ряд облав по задержанию работников советского актива. В расстреле принимали участие ныне арестованные Плекавичус, Яницкас, Герикас и Сточкус.

С августа 1941 г. «организацией немецких активистов» начал руководить представитель партии шаулистов, направленный из гор. Шауляя Крупшас Людвиг, литовец, уроженец м. Жагаре. По указанию немецких властей он производил регистрацию евреев, собрав их в лагерь «гетто» до 3500 чел., часть из которых была направлена из Шауляя.

По указанию Крупшаса и под непосредственным руководством начальника Жагарской полиции Крутулиса Иозаса, позднее сбежавшего с немцами, с 4 по 6 сентября 1941 г. в парке м. Жагаре был произведен массовый расстрел 3,5 тысячи советских граждан. Расстрел производили 25 литовских солдат и арестованные по настоящему делу лица под начальством лейтенанта Колокша.

Советских граждан привозили сотнями к заранее подготовленным могилам, раздевали и потом убивали. Затем следующую группу пригнанных для расстрела людей живыми сталкивали в ту же яму, а поверх их сваливали убитых. Среди расстрелянных были старики, женщины и дети.

Вещи и ценности расстрелянных убицы поделили между собой.

Кроме этого массового расстрела в конце августа 1941 г. группой «организации немецких активистов», в состав которой входили все арестованные по делу, на западной окраине м. Жагаре были расстреляны 47 советских граждан, причем ныне арестованный Яницкас заранее составил список лиц, подлежащих расстрелу.

На глазах ожидавших расстрела убицы вырыли могилу, заставили их раздеться догола и начали расстреливать по 4 человека. Тех, которые молили о пощаде, расстреливали на месте. Сразу же после расстрела участники его поделили вещи убитых советских граждан.

Следствие по делу заканчивается, после чего будет передано на рассмотрение военно-полевого суда. Судебно-медицинской экспертной комиссией проводятся раскопки могил и эксгумация трупов.

Начальник Управления контрразведки
«Смери» 1-го Прибалтийского фронта
генерал-лейтенант Ханников

▲ Эти предатели сжигали людей заживо

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА УКР «СМЕРШ» ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА А. С. БЫСТРОВА
НАЧАЛЬНИКУ ГУКР «СМЕРШ» НКО В. С. АБАКУМОВУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭСТОНСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ «ОМАКАЙТСЕ»**

Сов. секретно

Начальнику Главного управления контрразведки

«Смерш» НКО СССР

комиссару госбезопасности 2 ранга

товарищу Абакумову

5 октября 1944 г.

Опергруппа управления контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта и отделы «Смерш» 8 и 2-й ударных армий (последняя выбыла на другой фронт в начале октября) работают на территории Эстонской ССР с 13–15 сентября с. г. С целью предупреждения возможной активизации вооруженного характера организации «Омакайтсе» нами за истекшее время разыскивались и изымались в основном руководящие и командные кадры этой организации. По состоянию на 25 октября с. г. изъято: командиров взводов — 11, командиров рот — 17, командиров батальонов — 4, начальников уездных отрядов, отделов и служб — 2.

Следственными материалами по этим делам, а также официальными документами, захваченными у противника, устанавливается, что «Омакайтсе» представляла из себя вооруженную профашистскую националистическую организацию с централизованным построением, имевшую цель всемерно, причем, вооруженным путем, обеспечить создание «самостоятельного» эстонского государства под протекторатом фашистской Германии.

Базой для воссоздания «Омакайтсе» послужили остатки распущенных в 1940 г. националистических организаций буржуазной Эстонии, ушедших в подполье в период установления в Эстонии советской власти. Руководящий состав организации, главным образом, состоял из наиболее реакционной части офицерства эстонской буржуазной армии, принадлежащих в большинстве своем к националистической организации «Кайтселиит», а частично, из лиц, проходивших службу в Красной Армии, но в силу своих антисоветских убеждений перешедших на сторону противника в период участия в боевых действиях 8-го Эстонского стрелкового корпуса.

Возрождение организации «Омакайтсе» относится к июлю месяцу 1941 г. с руководящим центром в г. Тарту.

В период отхода частей Красной Армии из Эстонии наиболее враждебная советскому строю часть мужского эстонского населения ушла в леса, с одной стороны, для оказания прямой вооруженной поддержки наступавшим немецким войскам, и, с другой стороны, уклонения от призыва в Красную Армию. Позднее из бежавших в леса стали организовываться бандитские группы, получившие наименование «лесных братьев», которые, как это видно из выступления главы эстонского «самоуправления» Мязэ, впоследствии организовались в отряды «Омакайтсе».

Своей организованной вооруженной борьбой против Красной Армии и, особенно, в напряженный период 1941 г., «Омакайтсе» заслужили полное доверие со стороны немецких ставленников — главарей оккупированной Эстонии, и у них являлись главной вооруженной опорой на протяжении всего времени.

Из речи Мязэ 26 июля 1942 г. в Кохила в день первой годовщины организации «Омакайтсе», опубликованной в газете 28 июля 1942 г.: «...Кто мог отдать свою жизнь, чтобы бороться за освобождение своего народа и родины, тот пытался скрываться в лесах и болотах... Так возникло движение, которое сегодня называется „лесными братьями“. У наших „лесных братьев“ была задача: действуя в одиночку, самостоятельно и мелкими группами, при полном понимании обстановки, помочь немецким войскам тогда, когда фронт придет ближе, сообщением им военных данных о враге, сохранением от уничтожения имущества и от убийства людей, которые предпримет враг. Если мы сегодня вдумаемся в то, что происходило, то „лесные братья“ были одновременно основной и наскоро созданной организацией при возникновении „Омакайтсе“.

Практическая деятельность „лесных братьев“ сводилась к проведению боев с истребительными батальонами и мелкими подразделениями Красной Армии, к осуществлению бандитских налетов на отдельных военнослужащих Красной Армии, захвату автомашин, вооружения, боеприпасов, арестам и расстрелам коммунистов и советского актива.

Материалами следствия устанавливается, что „лесные братья“ в момент отхода из Эстонии в 1941 г. частей Красной Армии в некоторых уездах предпринимали организованное выступление против подразделений Красной Армии и до прихода немецких войск удерживали в своих руках целые населенные пункты, чиня при этом расправы над коммунистами и советским активом.

▲ «Лесные братья»

Арестованный нами бывший пастор уезда Пярну, впоследствии командир „Омакайтсе“ Экбаум Юхан Виллемович, 1912 г.р., уроженец уезда Вильянди, образование — высшее, окончил Тартуский университет, о деятельности „лесных братьев“ на допросе от 22 октября с.г. показал: „В июне месяце 1941 г. в момент начала войны Советского Союза с фашистской Германией я, как и многие другие враждебные Советскому Союзу лица, проживавшие в Эстонии, стал надеяться на победу фашистской Германии, которую рассчитывали использовать для установления старых буржуазных порядков в Эстонии путем оказания помощи, даже вооруженной, немецким властям и свержения советской власти.“

В период эвакуации населения из уезда Пярну многие, в том числе и я, не желали эвакуироваться в тыл Советского Союза и, имея намерения использовать подходящий момент в целях свержения советской власти на местах, с оружием укрылись в лесах.

3 июля 1941 г. намечалась массовая эвакуация населения из г. Килинги-Нымме и близлежащих к нему волостей. В это время многие из числа „лесных братьев“ стали выходить из лесов и производить аресты местных советских руководителей и советских активистов.

Лично я решил, что наступил самый подходящий момент организовать мятеж и свергнуть Советскую власть. Во исполнение этого намерения я, взяв машину на фабрике в г. Килинги-Нымме, поехал в волость Тали, где, как я слышал, власть уже была захвачена „Лесными братьями“. По приезде в волостной исполком волости Тали я встретился с руководителями „Метса-Венад“ Виркусом, Карбусом и Ратьсепом, которым приказал передать власть бывшему волостному старшине, вывесить старые флаги, существовавшие при эстонской буржуазной республике, объявив при этом, что в волости устанавливается старая буржуазная власть. Кроме того, я отдал распоряжение об аресте коммунистов, представителей Советской власти и советского актива“.

По показаниям обвиняемого Экбаума Ю.В., в организации контрреволюционного мятежа в ряде волостей уезда Пярну в 1941 г. и чинимых расправах над советскими людьми принимал активное участие бывший владелец фабрики, впоследствии командир „Омакайтсе“ Юсаар Херман Виллемович, 1905 г.р., урож. уезда Пярну, волости Сарде, образование — окончил гимназию. Принятыми мерами розыска Югасаар Х.В. нами задержан и арестован. На допросах Югасаар показал, что он, находясь в преступной связи с пастором Экбаумом Ю.В., являлся организатором контрреволюционного мятежа в ряде волостей уезда Пярну. Созданный им отряд

численностью до 100 человек из банд „Метса-Венад“ по его указанию в волостях Тихуметса и Тали арестовал и расстрелял свыше 50 человек коммунистов и др. лиц из числа советского актива. Помимо этого отряд участвовал в боях против истребительного батальона Красной Армии.

В отношении остальных активных участников контрреволюционного мятежа приняты меры розыска.

Также характерным примером непримиримой враждебности организации „Омакайтсе“ к советскому строю служат показания задержанного нами члена „Омакайтсе“ бывшего члена Государственной Думы Эстонии, а впоследствии депутата Верховного Совета Эстонской ССР Уусталу Юрия Михкелевича, 1889 г.р., урож. д. Каусе, вол. Масу, у. Ляанемаа, который на допросе показал: „...Мне хорошо были известны задачи, которые стояли перед членами „Омакайтсе“, а посему записался я вполне сознательно...Депутатом Верховного Совета Эст. ССР я себя никогда не считал. Я очень много думал над этим и даже собирался написать заявление в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой освободить меня от работы депутатом и исключить из списков...“ (Подробное спецсообщение о нем отдельно).

Из имеющихся у нас отдельных номеров газеты „Постимеес“ и опубликованной в них статьи капитана буржуазной эстонской армии Толпака, впоследствии начальника уездного отряда „Омакайтсе“ — „Восстание в Тарту“ видно, что аналогичный факт вооруженного выступления имел место и в г. Тарту. Из статей Толпака усматривается весьма характерный факт, заключающийся в том, что еще до начала Отечественной войны в Тарту уже существовала подпольная законспирированная организация, подготовлявшая вооруженное выступление против молодой Советской власти в Эстонии. (Справка по статье Толпака „Восстание в г. Тарту“ при этом отдельным Приложением).

После оккупации Эстонии немецкими войсками организация „Омакайтсе“ использовалась в основном как вооруженная сила по охране тылов немецкой армии, проведению карательных экспедиций, против советских партизан, поимке советских разведчиков, военнослужащих Красной Армии, выходящих из окружения войск противника, и бежавших из лагерей военнопленных, а также как охрана в концлагерях, тюрьмах и несения патрульной службы в городах, селах и на коммуникациях.

Деятельность „Омакайтсе“ в период оккупации Эстонии немецкими войсками представляет собой картину методичного и беспощадного истребления партийно-советского актива, партизан и советских парашю-

▲ На щирой Украине

тистов-разведчиков, безудержного насилия и издевательства над вышеуказанными и тем самым создавала тяжелые условия для подпольной антифашистской деятельности и партизанского движения в Эстонии.

Арестованный нами бывший руководитель „Омакайтсе“ г. Каллисте, позднее командир роты лейтенант немецкой армии Тятте Рихард Густавович, 1920 г.р., эстонец, в период оккупации Эстонии немцами активно проводил борьбу с советским партийным активом, советскими парашютистами и лицами, сочувствующими Советской власти. В конце июля месяца 1941 г. Тятте с группой „Омакайтсе“ в 7 чел. задержал председателя Каллистского горсовета Феклистова Маркела, над которым учинил расправу. После избияния Феклистова ему рвали нос железными крючками, простреливали плечо, а на второй день полуживого закопали в землю. Кроме этого, избивал мирное население города, лиц, сочувствующих Советской власти, арестовывал и направлял в концлагеря. Зимой 1943 г. при проческе леса задержал трех советских парашютистов, которых расстрелял на месте.

По показаниям свидетелей установлено, что в Тартуском уезде в 1941 г. существовала контрреволюционная бандитская группа из „Омакайтсе“ в составе 17 чел., возглавляемая полицейским Миксоном. Группа Миксона учиняла зверства и расправы над советскими активистами. Этой группой было расстреляно до 35 чел. коммунистов и представителей Советской власти, как то: председатель волисполкома Сирге Эдуард, его жена Сирге Эльвина, заместитель председателя волисполкома Лаан Аксель, парторг Рятсен Освальд, зав. нардомом Майсте Карл, представитель комитета заготовок Тотте и др. (Спецсообщение представлено Вам за № 323534 от 04.10.44).

Арестованный старший лейтенант Мурре Арнольд, 1915 г.р., уроженец дер. Кехла, уезда Харьюмаа, в 1941 г. состоял в отряде „Омакайтсе“, возглавляемом капитаном Толпаком, участвовал в боях против Красной Армии. Позднее до 1943 г. являлся командиром роты карательного отряда, действовавшего в районе Нарва-Кингисепп-Веймарн. Мурре со своей ротой задержал более ста партизан, большая часть которых была им расстреляна

Арестованный нами руководитель сельской организации „Омакайтсе“ Тыннисте Эйно Августович, 1909 г.р., житель дер. Кюкиты, уезда Тарту, осенью 1941 г. с группой „Омакайтсе“ расстрелял гражданина Кулакова Николая за то, что у него два сына служат в Красной Армии. Тогда же им расстреляны 7 чел. советского актива. Тыннисте лично расстрелял задержанного в лесу капитана Красной Армии, организовывал облавы на партизан, жег постройки коммунистов, присваивая их имущество.

Арестованный член „Омакайтсе“ Пяртельтега Мартин Антонович, 1911 г.р., урож. уезда Тарту, волости Карбэ, дер. Роя, последнее время служил в немецкой армии, на следствии показал, что он в октябре месяце 1941 г. вместе с другими членами „Омакайтсе“ произвел арест 8 коммунистов жителей деревень Кинета и Райми, которых они впоследствии расстреливали на берегу Чудского озера.

Члены „Омакайтсе“ на острове Сааремаа (Эзель) продолжали бесчинства и издевательства над советскими людьми вплоть до последних дней. Несмотря на приход частей Красной Армии в Эстонию и ее освобождение от оккупантов, члены „Омакайтсе“ продолжают хранить у себя оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества в различном количестве.

Арестованный нами командир роты „Омакайтсе“ Линд Яак Карлович, 1902 г.р., с 1941 г. вплоть до прихода в Эстонию частей Красной Армии, состоя членом организации „Омакайтсе“, проводил активную борьбу с советскими разведчиками, советским и партийным активом. При аресте у Линда изъято два 50-мм миномета, 100 штук мин к нему, 2 винтовки, 3 запасных ствола к станковому пулемету и до 1000 штук винтовочных патронов.

Отделом „Смерш“ 8-й армии арестован командир отделения „Омакайтсе“ Микк Ельмар Рейнгольдович, который показал, что он в 1941 г. участвовал в бою в Килинги-Нымме против советского истребительного батальона и учинял зверства над советским активом в м. Тали. При обыске в доме Микка изъято 2 винтовки, автомат ППС, пистолет „Парабеллум“ и 5 кг тола

Арестованный командир взвода „Омакайтсе“ Кимаск Р.Е., у которого при аресте изъята винтовка, ручные гранаты и патроны, на допросах показал, что он перед отступлением из Эстонии немецких войск от командира роты лейтенанта Райгла получил указание сохранить оружие на случай восстания в тылу советских войск.

Нами установлено, что до сего дня руководящий и командный состав организации „Омакайтсе“, а также рядовые каратели и пр. актив продолжают скрываться в различных местах: на отдаленных от центров хуторах, в сараях, лесных массивах и т. д., причем, часть из них пытается легализоваться по фиктивным документам под вымышленными фамилиями, проникать в города для устройства в советские учреждения и предприятия, а часть стремится попасть в Красную Армию.

Вышеизложенное и наличие отдельных фактов убийств военнослужащих Красной Армии и действия в районах лесных массивов мелких бандитских групп и в настоящее время дают все основания утверждать, что значительная часть членов организации „Омакайтсе“ с приходом в Эстонию советских войск ушла в подполье с прямым заданием от своего руководства на проведение повстанческо-террористической и диверсионной деятельности в тылу войск Красной Армии.

Организация „Омакайтсе“ использовалась немцами как база для вербовки своей агентуры, выбрасываемой для шпионской и диверсионной деятельности в тылы советских войск. Из членов организации „Омакайтсе“ комплектовались целые группы для обучения в разведывательно-диверсионных школах противника.

Арестованный нами командир взвода „Омакайтсе“, впоследствии руководитель группы разведывательно-диверсионной школы м. Улброк Роотс на допросе от 17 октября с.г. показал, что он по заданию немецкой разведки, при содействии командира эстонского погранполка Васка отобрал для „Абвер-команды“ № 204 всего 39 чел., преимущественно из членов „Омакайтсе“, которых направил в диверсионную школу мест. Улброк. После окончания учебы в диверсионной школе группа Роотса подготавливалась для выброски в тыл советских войск с диверсионным заданием.

Отделом „Смерш“ 13-й воздушной армии задержан и арестован немецкий разведчик-диверсант Колк Лембит Освальдович, который, состоя членом „Омакайтсе“, был зачислен в разведывательно-диверсионную школу м. Улюрок. После окончания разведшколы Колк в числе других 4 агентов, также членов „Омакайтсе“, с Рижского аэродрома был выброшен в советский тыл для совершения диверсионных актов и сбора шпионских сведений. При задержании у Колка изъято: взрывчатка, мины, различные „сюрпризы“ и ручные гранаты. Колк и др. задержанные показали, что вместе с ними готовились для шпионской и диверсионной деятельности в тылу Красной Армии еще до 30 чел., из коих большинство являются членами „Омакайтсе“.

Материалами следствия устанавливается, что центральным руководящим органом организации „Омакайтсе“ являлся Главный штаб, находившийся в г. Таллине по улице Пагарн, 1. Последний вначале был подчинен

▲ Фашистские палачи

директории внутренних дел, а впоследствии немецкому командованию. В ведении начальника уездного отряда „Омакайтсе“, непосредственно подчиненного Главному штабу, было от 4 до 9 батальонов с ротным построением (3–4 роты в каждом батальоне), с численным составом по 100 чел. в каждой роте. Основной состав батальонов проживал по месту жительства. Часть батальонов в городах и роты в сельской местности находилась на казарменном положении. Структурное построение уездных штабов было аналогично построению Главного штаба. Как тот, так и другой имели отделы: оперативный, административный, хозяйственный и службы: связи, инженерную и химическую.

Арестованный нами бывший начальник административного отдела таллинского отряда „Омакайтсе“ Коммуссаар Отто Янович показал, что руководство Главным штабом осуществлял директор подполковник Рейсаар, бывший офицер буржуазной эстонской армии. В последний период вплоть до прихода войск Красной Армии директором Главного штаба „Омакайтсе“ был полковник Синка, 1897 г.р., уроженец волости Кайсама, уезда Пярну. В 1916 г. Синка окончил Гатчинское училище прапорщиков, в 1929 г. — финскую военную академию. В эстонской армии был начальником отделения разведотдела Генштаба. Заместителем директора Главного штаба был также бывший офицер эстонской армии подполковник Гутман.

В задачу оперативного отдела Главного штаба, возглавляемого капитаном Сайдра, входила разработка планов и руководство боевой подготовкой.

Административный отдел (начальник отдела подполковник авиации Кальберг Теодор) ведал учетом личного состава, приемом в члены организации и увольнением.

Хозяйственный отдел (начальник отдела подполковник Хийно Пауль) занимался вопросами обеспечения организации, в особенности подразделений, находившихся на казарменном положении, питанием, обмундированием и другими видами довольствия.

Из показаний арестованного нами начальника инженерной службы уездного штаба „Омакайтсе“ г. Раквере Майдре Хейно Даниловича, 1914 г.р., урож. г. Тарту, устанавливается наличие в организации „Омакайтсе“ контрразведывательной службы. Так, по этому вопросу Майдре показал: „Оперативный отдел штаба состоял из двух частей, которые возглавлялись помощниками начальника отдела по оперативной части и контрразведывательной службе. В организации „Омакайтсе“ г. Раквере помощником начальника оперативного отдела по контрразведывательной службе был лейтенант Линдъярв Харальд. Линдъярв формально был подчинен командованию уездной организации „Омакайтсе“, а фактически подчинялся разведывательному органу „Абвер“ в г. Таллине. Линдъярв имел свою агентуру как среди членов организации „Омакайтсе“, так и среди населения и свою деятельность осуществлял через командиров батальонов и рот, которые являлись резидентами. Через свою агентуру Линдъярв выявлял антифашистски настроенных лиц, местонахождение партизан, советских парашютистов, разведчиков, и по его указаниям организовывались облавы. Задержанных лиц Линдъярв лично подвергал допросам, а затем передавал немецким разведывательным и контрразведывательным органам. Линдъярв по своей деятельности, помимо „Абвера“, имел связь с ГФП в г. Раквере, с отделом „дивизии безопасности“ в г. Тарту и разведывательным органом „фронтауфклярунгсгрупп“, дислоцировавшимся в д. Кадила, волости Раквере“.

Показания Майдре о наличии в „Омакайтсе“ контрразведывательной службы подтверждаются и показаниями арестованного агента контрразведки противника командира взвода „Омакайтсе“ Эуна Отто Альфредовича

Прием членов в организацию „Омакайтсе“ в первый период проводился исключительно на принципах добровольности, а позднее рядовой состав пополнялся за счет мобилизованных из гражданского населения. Каждый вступающий в организацию „Омакайтсе“ заполнял анкету, которая направлялась в административный отдел штаба. Окончательное решение о приеме выносил в отношении рядового состава начальник отряда, в отношении офицеров — директор Главного штаба. От принятого в члены организации отбиралось письменное обязательство на верность организации.

Снабжение организации „Омакайтсе“ оружием осуществлялось через немецкое военное командование.

Наряду с проведением на территории Эстонии с июля 1944 г. всеобщей мобилизации в немецкую армию часть личного состава организации „Омакайтсе“ была призвана в армию и использовалась в боях против Красной Армии.

В связи с общим ухудшением военного положения для немецкой армии на советско-германском фронте и вынужденным отступлением немецких войск в Прибалтике резко возросло дезертирство из немецкой армии эстонцев. Помимо того, большое число подлежащих мобилизации уклонялось от призыва и уходило в леса. С целью усиления борьбы с дезертирством и уклоняющимися от призыва немцами наряду с использованием

▲ Пособники фашистов: на переднем плане Науменко В.Г. и Шкуро

в этой области „Омакайтсе“ были созданы из наиболее враждебной советскому строю части молодежи Эстонии, а частью из членов „Омакайтсе“ так называемые „охотничьи команды“.

О задачах и назначении „охотничьих команд“ арестованный б. командир батальона „Омакайтсе“ Экабаум Юхан Виллемович на допросе от 13.10.44 показал: „Охотничьи команды“ производили облавы и вылавливали советских активистов, парашютистов, партизан, дезертиров немецкой армии и передавали их в немецкую комендатуру, которой непосредственно подчинялись „Охотничьи команды“. „Охотничьи команды“, как правило, руководил член „Омакайтсе“ из числа руководящего состава

Все лица, обвинявшиеся в дезертирстве и уклонении от призыва в немецкую армию, предавались Особому военному суду, созданному по приказу главы Эстонского самоуправления» Мяз от 27 октября 1943 г.

Из показаний арестованных членов «Омакайтсе», материалами и официальными документами, захваченными у противника, выявлено большое количество руководящего состава «Омакайтсе», в отношении которых приняты меры розыска. Розыск и изъятие, главным образом, руководящего и командного состава из организации «Омакайтсе», продолжаем. А также о них и других лицах, известных нам из следственных и других: материалов, сообщаем в органы НКВД и НКГБ.

1941 год и последующее время с полной очевидностью показали исключительную враждебность организации «Омакайтсе» советскому строю. Наличие большого количества скрывающегося и в настоящее время актива этой организации на территории Эстонии, который лишь в силу сложившейся неблагоприятной для него обстановки временно прекратил свою организованную деятельность, но не отказался от нее и при наличии малейшей возможности, несомненно, явится реальной силой для вооруженных выпадов против Красной Армии и Советской власти.

На основании изложенного полагал бы необходимым проведение органами НКГБ и НКВД массового изъятия членов организации «Омакайтсе» путем ареста активной части и административной высылки остальных за пределы Эстонской ССР.

Начальник управления контрразведки «Смерш»

Лен. фронта

генерал-лейтенант Быстров

СПЕЦСООБЩЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА УКР «СМЕРШ» 3-ГО ПРИБАЛТИЙСКОГО ФРОНТА М.И. БЕЛКИНА НАЧАЛЬНИКУ ГУКР «СМЕРШ» НКО В.С. АБАКУМОВУ О МАТЕРИАЛАХ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ ЧЛЕНОВ КАРАТЕЛЬНОГО ОТРЯДА ПРИ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ЛАТЫШСКОЙ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ СД

Сов. секретно

Начальнику Главного управления контрразведки «Смерш»

комиссару госбезопасности 2 ранга

тов. Абакумову

10 марта 1945 г.

В январе — феврале 1945 г. Управлением контрразведки «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта была арестована группа сотрудников карательного отряда при т. н. Латышской вспомогательной полиции безопасности — СД, возглавляемого майором германской армии Арайсом: Лавиньш Мирвальд Андреевич, Ванас Александр Альбертович, Станкевич Петр Иванович, Гайоис Имантс Теодорович, Гринцевич Висвальдис Гербертович, Бутлерс Петр Францевич, Локманис Харитон Теодорович, Балалайка Владислав Станиславович, Зикелис Зигфрид Иванович.

Проведенным по их делу следствием установлено:

С первых дней оккупации фашистскими войсками столицы Латвийской ССР германские карательные органы приступили к массовому истреблению советских граждан. В начале июля 1941 г. были созданы концентрационные лагеря и гетто, которые являлись местом массового истребления ни в чем неповинных советских граждан. В результате трехлетнего проведения в жизнь карательной политики фашизма немецкие захватчики и их пособники из числа антисоветски настроенных элементов только в районе г. Риги истребили свыше 300 тысяч советских людей.

Специально для производства арестов и расстрелов оккупационные власти создали карательный отряд при т. н. Латышской вспомогательной полиции безопасности СД, во главе которого стоял начальник рижской полиции майор германской армии Арайс, отличившийся особой жестокостью в истреблении советских граждан. Сформированный на добровольных началах отряд Арайса, доходивший численностью до 3000 человек и подразделявшийся на роты, выполнял следующие карательные функции:

- проведение арестов антифашистски настроенных лиц по всей территории Латвийской ССР;
- проведение массовых расстрелов советских граждан;
- проведение карательных экспедиций против партизан;
- несение охранной службы в концентрационных лагерях и гетто.

▲ Белкин М.И.

▲ Казненные изменники

▲ Бандеровцы

Отряд Арайса являлся также базой для комплектования контрразведывательных органов противника. Большинство лиц, служивших в нем, направлялись на учебу в Фюрстенбергскую школу СД (Германия), после окончания которой исполняли карательные функции в качестве официальных сотрудников СД.

Сотрудники отряда Арайса были обмундированы сначала в форму бывшей латышской армии, носили на рукавную повязку с изображением черепа и 2 костей и надписью «вспомогательная полиция безопасности», а впоследствии — немецкую форму войск СС.

Практическая карательная деятельность обвиняемых, привлеченных к настоящему делу, выразилась в следующем.

Обвиняемый Лавиньш, будучи враждебно настроен к советской власти, в первые дни немецкой оккупации г. Риги добровольно поступил на службу в карательный отряд Арайса при СД. Будучи сотрудником этого отряда Лавиньш принимал непосредственное участие в злодеяниях, творимых немецко-фашистскими захватчиками над мирными советскими гражданами. С июля по декабрь 1941 г. Лавиньш систематически вместе с другими карателями производил расстрелы еврейского населения, в том числе женщин, детей и стариков, в Бикерниекском лесу г. Риги, а также выезжал специально для расстрелов в г. Либаву, м. Талой и на ст. Царниково (Царникава). С его участием было расстреляно свыше 10 тысяч человек. Кроме того, Лавиньш производил аресты советских граждан в г. Риге, во время которых занимался грабежами.

Обвиняемый Ванагс, будучи антисоветски настроен, после оккупации немцами г. Риги в июле 1941 г. в момент формирования карательного отряда Арайса при СД добровольно поступил в него и принимал непосредственное участие в злодеяниях, творимых немцами захватчиками над советскими гражданами.

Будучи сотрудником этого отряда, Ванагс в июле 1941 г. систематически участвовал в массовых расстрелах советских граждан в Бикерниекском лесу близ г. Риги; специально в составе команды отряда Арайса выезжал в г. Либаву, где производил аресты, а затем в течение двух дней расстреливал арестованных советских граждан. За участие в расстрелах Ванагс в качестве вознаграждения получал ценности, награбленные у расстрелянных.

Как установлено следствием, в Бикерниекском лесу г. Рига, где Лавиньш и Ванагс совместно с другими карателями производили массовые расстрелы, истреблено 46500 советских граждан.

Обвиняемый Станкевич, будучи шофером военизированного аэродромного строительства, находясь в г. Пскове в июле 1941 г., изменив Родине, дезертировал, перешел линию фронта на сторону врага, прибыл в г. Ригу, оккупированную немецкими войсками, и в августе того же г. добровольно поступил на службу в речную полицию, будучи сотрудником полиции, Станкевич вместе с карателями из отряда Арайса при СД дважды, 30 ноября и 7 декабря 1941 г., принимал участие в массовых расстрелах Советских граждан в Румбульском лесу, в котором, как это установлено следствием, за период оккупации истреблено было 33 тысячи человек. При конвоировании заключенных на расстрел Станкевич грабил их.

Обвиняемый Гайлис, будучи антисоветски настроен, в феврале 1942 г. добровольно поступил на службу в карательный отряд Арайса при СД. Сотрудник отряда Гайлис выезжал для проведения карательных экспедиций против советских партизан в районы городов Великие Луки, Барановичи, Слуцк, Вилейки и Минск, во время которых участвовал в 3 боях против партизан, стрелял в них из имеющейся у него винтовки, в результате чего были потери со стороны партизан. Кроме того, Гайлис нес охранную Службу Саласпилского концентрационного лагеря с заключенными в нем советскими гражданами. Находясь в г. Риге после освобождения ее частями Красной Армии, Гайлис скрыл свою преступную деятельность, пробрался на службу в органы милиции.

Обвиняемый Гринцевич, проживая на оккупированной территории в г. Валмиере, в июле 1942 г. добровольно поступил на службу в карательный отряд Арайса при СД и окончил 3-месячную контрразведывательную Фюрстенбергскую школу СД. После окончания школы обвиняемый в составе 2-й роты карательного отряда Арайса при СД нес охранную службу в Саласпилском концлагере и конвоировал на каторжные работы заключенных в нем советских граждан. С марта по апрель 1943 г. Гринцевич участвовал в проведении карательных экспедиций против партизанских отрядов в районе м. Освея, в процессе которых вел бои с партизанами. С июля по август 1943 г. вместе с другими карателями Гринцевич участвовал в аресте 45 семей в д. Аудрини Илукстского уезда, имевших связь с партизанами, и конвоировал их в Саласпилский концлагерь. Кроме того, там же он участвовал в облавах и засадах на партизан, в результате которых с его участием было поймано три партизана. В ноябре и декабре 1943 г. Гринцевич участвовал в боях против частей Красной Армии на Невельском участке советско-германского фронта, где был ранен. До сентября 1944 г. обвиняемый проходил службу в войсках СС и находился на передовой линии фронта. Оставшись на освобожденной частями Красной Армии территории с целью скрыть свою карательную деятельность, изменил свой год рождения с 1924 на 1927.

▲ Украинские фашистки, 1942 г., г. Киев

▲ Палачи из «шума»

Обвиняемый Балалайка, вступив в июле 1941 г. в контрреволюционную военно-фашистскую организацию «айзсарги», а затем, поступив на службу в полицию Корсовской волости, нес охранную службу различных военных объектов германской армии, а также заключенных в гетто евреев, которые впоследствии были арестованы. 3 февраля 1942 г. Балалайка перешел на службу в карательный отряд Арайса при СД, окончил контрразведывательную Фюрстенбергскую школу СД, после чего в должности начальника караула нес охранную службу и конвоировал на различные работы заключенных в Саласпилском концентрационном лагере советских граждан. Кроме того, Балалайка в марте 1943 г. в течение полутора месяцев участвовал в карательной экспедиции против партизан в районе м. Освея, а в ноябре-декабре 1943 г. в боях с частями Красной Армии на Невельском участке фронта. До прихода частей Красной Армии в г. Ригу Балалайка в составе войск СС возводил укрепления на передовой линии фронта.

Обвиняемый Бутлерс, поступив добровольно в феврале 1942 г. на службу в карательный отряд Арайса при СД, окончил специальную контрразведывательную Фюрстенбергскую школу СД, после чего был зачислен на работу официальным сотрудником Валмиерского отделения СД. Будучи сотрудником СД, Бутлерс ведал картотекой розыска и учета коммунистов, советских активистов и антифашистски настроенных лиц. Кроме того, обвиняемый конвоировал на каторжные работы заключенных и нес охранную службу в Саласпилском концентрационном лагере.

Обвиняемый Локманис, проживая в г. Рига и будучи вызван в полицию на допрос, выдал двух советских активистов. В апреле 1942 г. Локманис добровольно поступил на службу в полицейский батальон, в составе которого нес охранную службу, а затем был направлен на учебу в Бранденбургский полк германской армии, в котором готовились кадры для диверсионной и террористической деятельности в тылу Красной Армии. В мае 1942 г. Локманис, перейдя на службу в карательный отряд Арайса при СД, нес охранную службу еврейского концентрационного лагеря и еврейского гетто в имени Юмпрово (Юмправмуйжы). В результате невыносимых условий и массовых расстрелов, чинимых администрацией и охраной лагеря, за период немецкой оккупации там было истреблено 101100 советских граждан. Кроме того, обвиняемый Локманис с марта по август 1943 г. проходил службу в легионе СС.

Обвиняемый Зикелис, проживая на оккупированной немцами территории, в июле 1942 г. добровольно поступил на службу в карательный отряд Арайса при СД, в составе которого нес охранную службу военных

объектов германской армии, а затем был послан на учебу в контрразведывательную Фюрстенбергскую школу СД, которую окончил в ноябре 1942 г. Кроме того, Зикелис в ноябре 1943 г. служил в т. н. Латышском легионе СС. После прихода в Гиру частей Красной Армии Зикелис, скрыв свою преступную деятельность, пробрался в комсомол и работал комсоргом школы.

Все обвиняемые полностью признали себя виновными в совершенных преступлениях. О результатах судебного разбирательства дела сообщу дополнительно.

Начальник управления контрразведки «Смерш»

3-го Прибалтийского фронта

генерал-лейтенант Белкин

Наряду с фашистскими пособниками в спецлагеря продолжали поступать пленные солдаты и офицеры противника, а также бывшие военнопленные Красной Армии, освобожденные из немецкого плена. По официальным данным количество бывших военнопленных в 1943 году составило 127 628 человек, а в 1944 году — 12 885 человек. Органами военной контрразведки Смерш было проверено и передано в войска 72 760 военнослужащих.

С выходом Красной Армии на государственную границу и переносом во второй половине 1944 года

боевых действий на территорию стран Восточной Европы военной контрразведкой СМЕРШ в целях пресечения террористических актов и диверсий в тылу наступающих советских войск были интернированы и помещены в лагеря 208 239 человек, «способных носить оружие», и 61 573 функционера низовых фашистских партийных и административных органов.

Кроме того, органы военной контрразведки СМЕРШ начали осуществлять проверку советских граждан, насильственно угнанных на работу в фашистскую Германию. При

этом военным контрразведчикам неоднократно приходилось предотвращать самосуды, которые, случалось, устраивали бывшие «рабы» над своими прежними хозяевами. В январе 1945 года в районе города Крейцбург русские девушки, угнанные фашистами из Смоленской области, избili некоего гера Попельбаума и его жену. Лишь оперативное вмешательство сотрудника СМЕРШ 5-й гвардейской армии офицера Сухопарого спасло их от неминуемой смерти.

Следует отметить, что проверка Военной контрразведкой СМЕРШ, прежде всего, советских граждан

▲ Белорусский вокзал Москвы, лето 1944 г.

▲ Бойцы УПА

призывного возраста проходила прямо на месте, минуя спецлагеря НКВД. Тех, кто прошел проверку, направляли в запасные части, откуда после прохождения боевой подготовки по семидневной программе отправляли на фронт.

Выдержка из донесения начальника политуправления 1-го Украинского фронта начальнику Главного политического управления Красной Армии о политико-воспитательной работе с новым пополнением от 7 апреля 1945 года:

«На 20 марта было направлено в части более 40 000 человек... В боях с немецкими захватчиками подавляющее большинство бойцов нового пополнения ведут себя стойко, мужественно, отважно. Нередко молодые воины идут на самопожертвование во имя советской Родины. Стрелковый батальон, ...состоящий на 80 процентов из нового пополнения, неоднократно сражался в сложной боевой обстановке. Ему приходилось отбивать контратаки численно превосходящего противника... Испытав на себе все ужасы

немецкой неволи, фашистского плена, бойцы пополнения сильно ненавидят немецких оккупантов и выражают нетерпение с оружием в руках скорее отомстить им на поле боя».

После разгрома фашистской Германии и капитуляции германских вооруженных сил необходимо было организовать прием и проверку освобожденных союзными войсками на территории Западной Германии советских военнопленных и интернированных граждан, которых насчитывалось более 1,5 млн. человек. В тыловых районах для их размещения было создано около 100 лагерей.

Из военнопленных, освобожденных после окончания войны, репрессиям подверглись 14,69%. Как правило, это были власовцы и другие пособники оккупантов. Так, согласно инструкциям, имевшимся у начальников проверочных органов, из числа репатриантов подлежали аресту и суду:

- руководящий и командный состав органов полиции, «народ-

ной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций;

- рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей;
- бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника;
- бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов;
- сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов.

Какой же была дальнейшая судьба этих попавших в руки НКВД «борцов за свободу»? Большинству из них было объявлено, что они заслуживают самого сурового наказания, но в связи с победой над

Германией Советское правительство проявило к ним снисхождение, освободив от уголовной ответственности за измену Родине, и ограничилось отправкой на спецпоселение сроком на 6 лет.

Такое проявление гуманизма явилось для пособников фашистов полной неожиданностью. Вот характерный эпизод. 6 ноября 1944 года в Мурманск прибыли два английских судна, на борту которых находилось 9 907 бывших советских военнослужащих, сражавшихся в рядах немецкой армии против англо-американских войск и взятых ими в плен. По статье 193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону противника в военное время предусматривалось только одно наказание — смертная казнь с конфискацией имущества. Поэтому многие «пассажиры» ожидали, что их расстреляют сразу же на мурманской пристани. Однако официальные советские представители объяснили, что Советское

правительство их простило и что они не только не будут расстреляны, но и вообще освобождаются от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 году большинство из них было освобождено, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж.

Неизмеримо сложнее оказалось вести фильтрационную работу среди своих. Для бывших командиров и бойцов Красной Армии, испытывавших горечь поражения первых месяцев войны, проводивших в лагерях долгие месяцы унижительного плена, но не дрогнувших и сохранивших верность Родине, изнурительные с пристрастием допросы смершевцев казались оскорбительными и несправедливыми. Это «чистилище» явилось для них не меньшим испытанием, чем фашистский плен.

В литературе, в мемуарах «жертв» (в кино и на телевидении) о ВЧК, ОГПУ, НКВД, и о СМЕРШЕ в частности, очень часто акцентируется внимание, указывается и подчеркивается на то, что всех, кто попадал в эти органы, с самого порога били и мучили, пытали с одной единственной целью — чтобы «бедные и несчастные жертвы оговорили себя». Эта мода описывать «ужасы сталинских застенков» появилась и расцвела пышным букетом ядовитых цветов в «царствование царя Никиты», но не исчезла после него, а в перестроечные времена и в «период царствования царя Бориса» набрала новую силу. Купленная пресса, СМИ выполняют заказ своих хозяев.

Внимательно проанализировав это явление, обнаруживается, что сведения о пытках исходят из двух очень заинтересованных источников. Первый источник — это сами осужденные, которые не только оговорили себя (это малодушие морально еще можно простить), но и других людей, которых из-за этого оговора были осуждены и погибли. Что остается делать этим преступникам, по вине которых погибли оговоренные невинные ими люди? Остается одно. Врать и утверждать, что показания они дали под пытками, не выдержав физических мучений, сложились из-за изощренных зверских приемов палачей из НКВД.

Второй источник — это «творения» продажных современных писак и лжеисториков, которые на воплях об этих пытках делали и делают сегодня себе карьеру и деньги.

Одним из таких писак и одновременно «жертвой произвола» СМЕРША в одном лице, является автор бездарного и сумасбродного «Архипелага ГУЛАГ» Солженицын А. И.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский дал оценку этому «произведению»:

«Как в советской, так и в прогрессивной иностранной литературе давно и неопровержимо установилось мнение о Власове, как приспособленце, карьеристе и изменнике. Только предатель А. Солженицын, перешедший на службу к самым

Командир Красной Армии Тонконогов — комбриг (1939), генерал-майор (Указ ВС СССР от 07.05.1940), награжден медалью «За отвагу» № 1211, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.02.1939 года «За образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощности Советского Союза и за выдающиеся успехи в боевой; политической и технической подготовке соединений, частей и подразделений Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Командуя 141-й стрелковой дивизией (16.08.1940 по 19.09.1941) Тонконогов, при выходе из окружения, будучи раненый, в районе хутора Жабок, попал в плен. Войну провел в лагерях.

26 мая 1945 года работниками Главного управления «СМЕРШ», которые действовали под видом сотрудников уполномоченного СНК СССР по репатриации, на двух самолетах из Парижа в Москву было доставлено 29 бывших генералов Красной Армии, 3 комбрига и 1 бригадный врач, которые находились в немецком плену. Среди 33 высших офицеров, которые значились в списке, поданном Сталину, был и генерал-майор Тонконогов. После проверки в НКВД в 1946 году Тонконогов восстановлен на военной службе с возвращением воинского звания, орденов и медалей. Он был назначен на должность начальника военной кафедры Саратовского экономического института. С 1949 года в отставке. Похоронен в Киеве на Лукьяновском кладбище.

реакционным империалистическим силам, воспекает и восхваляет Власова, власовцев и других предателей Советской Родины в своем циничном антисоветском произведении «Архипелаг ГУЛАГ».

В феврале 1945 года капитан службы АИР (артиллерийская инструментальная разведка) Солженицын А.И. (он никогда не был командиром артиллерийской батареи) был арестован УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта. В письмах арестованный критиковал политику Сталина, «размышлял», как обустроить Россию без Сталина. Осужден на восемь лет.

Находясь в Казахском Особлаге (лагерь «Песчаный» под Карагандой), стал заниматься доносительством, не бедствовал. Стал секретным осведомителем, кличка «Ветров». В лагере сидели власовцы, бандеровцы, польские офицеры националисты.

«Ветров» близко сошелся с сидевшим за измену Родине Самутиным

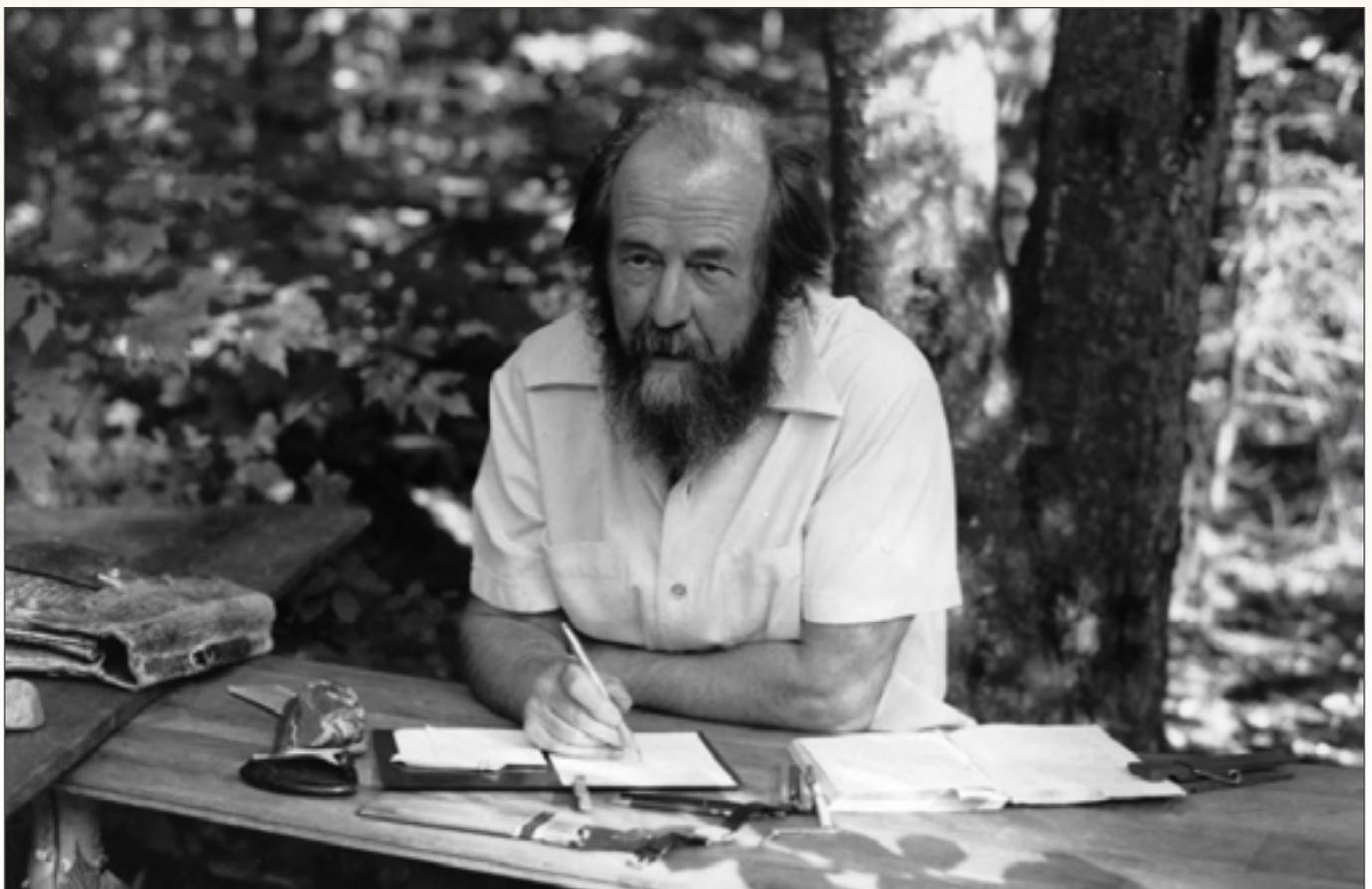
Л.А., редактором власовской газеты (передан датчанами в руки СМЕРШ и реабилитированный Хрущевым).

На излете своей жизни Самутин опубликовал книгу «Не сотвори себе кумира». В ней он с возмущением «на ложь и извращение действительности в «Архипелаге ГУЛАГ» опровергая опусы Солженицына, пишет: «Мы все ждали «пыточного следствия», не сомневались, что нас будут избивать не только следователи, но и специально обученные и натренированные дюжие молодцы с засученными рукавами. Но опять «не угадали»: не было, ни пыток, ни дюжих молодцов с волосатыми руками. Из пятерых моих товарищей по беде ни один не возвращался из кабинета следователя избитым и растерзанным, никого ни разу не втащили в камеру надзиратели в бессознательном состоянии, как ожидали мы, начитавшись за эти годы на страницах немецких пропагандистских материалов рассказов

о следствиях в советских тюрьмах.

Спустя четверть века, листая рукопись «Архипелага», я снова увижу описание «пыточного следствия», да еще в тех же самых словах и красках, которые помнятся мне еще с того, немецко-военного времени. Это картины, сошедшие почти в неизменном виде с гитлеровских газетных статей и страниц пропагандистских брошюр. Теперь они заняли десятки страниц «Архипелага», книга, которая претендует на исключительность, объективность и безупречность информации.

Из-за водянистости, отсутствия строгой организации материала и умения автора затуманивать сознание читателя, играя на его чувствах, при первом чтении проскакивает как-то незаметным одно очевидное несоответствие. Красочно и драматично рисуя картины «пыточного следствия» над другими, дошедшие до Солженицына в пересказах, он затем на доброй сотне страниц бу-

▲ Солженицын-Ветров

▲ Смершевцы

дет рассказывать не столько о самом себе в роли подследственного, сколько о том, в какой обстановке протекала жизнь в следственной тюрьме: как заключенные читали книги, играли в шахматы, вели исторические, философские и литературные диспуты. И как-то не сразу придет мне в голову несоответствие картин фантастических пыток с воспоминаниями самого автора о его благополучном пребывании в камере.

Итак, пыток перенести не пришло ни автору «Архипелага ГУЛАГ» Солженицыну, ни его соседям по тюрьме в Москве, ни мне с товарищами в подвале контрразведки 5-й ударной армии на территории Германии. И в то же время у меня нет оснований утверждать, что моё следствие шло гладко и без неприятностей. Уже первый допрос следователь начал с мата и угроз. Я отказался говорить в таком «ключе» и, несмотря на усилившийся крик, устоял. Меня отправили вниз, я был

уверен — на избивание, но привели «домой», то есть в ту же камеру. Два дня не вызывали, потом вызвали снова, все началось на тех же нотах, и результат был тот же. Следователь позвонил по телефону. Пришел майор, как потом оказалось, начальник отдела. Посмотрев на меня сухими, недобрыми глазами и выслушав претензии и жалобы следователя, он спросил: «Почему не даете старшему лейтенанту возможности работать? Почему отказываетесь давать показания? Ведь все равно мы знаем, кто вы такой, и все, что нам еще нужно, узнаем. Не от вас, так другими путями».

Я объяснил, что не отказываюсь от показаний и готов давать их, но протестую против оскорблений и угроз. Честно говоря, я ожидал, что майор бросит мне: «А чего еще ты, сволочь, заслуживаешь? Ждешь, что с тобой тут нянчиться будут?» Но он еще раз сухо взглянул на меня и сделал какой-то знак следователю. Тот ткнул рукой под стол — нажал кнопку

вызова конвоира. Тут же открылась дверь, и меня увели.

Опять не вызывали несколько дней, а когда вызвали, привели в другой кабинет и меня встретил другой человек с капитанскими погонами. Предложил сесть на «позорную табуретку» — так мы называли привинченную табуретку у входа, на которую усаживают подследственного во время допроса, потом сказал: «Я капитан Галицкий, ваш следователь, надеюсь, что мы с вами сработаемся. Это не только в моих, но и в ваших интересах».

И далее повел свое следствие в формах, вполне приемлемых. Я стал давать показания, тем более, что с первого же дня нашего общения капитан усадил меня за отдельный столик, дал чистые листы бумаги и предложил писать так называемые «собственноручные показания». Лишь потом, когда показания он стал переводить на язык следственных протоколов, я понял, что этот

человек «мягко стелет, да жестко спать». Галицкий умело поворачивал мои признания в сторону, нужную ему и отягчавшую мое положение. Но делал это в форме, которая, тем не менее, не вызывала у меня чувства ущемленной справедливости, так как все-таки ведь я был действительно преступник, что уж там говорить. Но беседовал капитан со мной на человеческом языке, стараясь добираться только до фактической сути событий, не пытался давать фактам и действиям собственной эмоционально окрашенной оценки. Иногда, очевидно, желая дать мне, да и себе тоже, возможность отдохнуть, Галицкий заводил и разговоры общего характера. Во время одного я спросил, почему не слышу от него никаких ругательных и оскорбительных оценок моего поведения во время войны, моей измены и службы у немцев. Он ответил: «Это не входит в круг моих обязанностей, мое дело — добыть от вас сведения фактического характера, максимально точные и под-

твержденные. А как я сам отношусь ко всему вашему поведению — это мое личное дело, к следствию не касающееся. Конечно, вы понимаете, одобрять ваше поведение и восхищаться им у меня оснований нет, но, повторяю, это к следствию не относится...»

Время пребывания в следственных подвалах растянулось на четыре месяца из-за продления следствия. Я боролся изо всех своих силенок, сопротивлялся усилиям следователей «намотать» мне как можно больше. Так как я скупно рассказывал о себе, а других материалов у следствия было мало, то следователи и старались, по обычаю того времени, приписать мне такие действия и навалить на меня такие грехи, которые я не совершал. В спорах и возне вокруг не подписываемых протоколов мне удалось скрыть целый год службы у немцев, вся моя «эпопея» у Гилия в его дружине осталась неизвестной. Не могу сказать, какое имело бы следствие в то время разоблачение

еще и этого этапа моей «деятельности», изменило бы оно ход дела или все осталось бы в том же виде. Тут можно предполагать в равной степени и то, и другое. Тем не менее, весь свой лагерный срок до Указа об амнистии 1955 года я прожил в постоянном страхе, что этот мой обман вскроется и меня потащат к новой ответственности...»

Ежели Самутин не оговаривал себя и других, как это делали Солженицын и его «герои», то у него нет и оснований лгать, что его пытали и что он выдавал, не выдерживая пыток.

Следует также отметить, что определенная часть солдат и офицеров Красной Армии, оказавшаяся в немецком плену, соглашалась работать на противника с одной целью — вырваться из гитлеровских лагерей и перейти к своим, чтобы продолжить борьбу с захватчиками. Руководство Абвера и СД понимало это и весьма скептически оценивало эффективность своих резидентур

▲ Пленные немцы, Белоруссия, 1944 г.

из числа советских военнопленных. После войны бывший начальник отдела «Абвер-1» генерал-лейтенант Ганс Пиккенброк признавал:

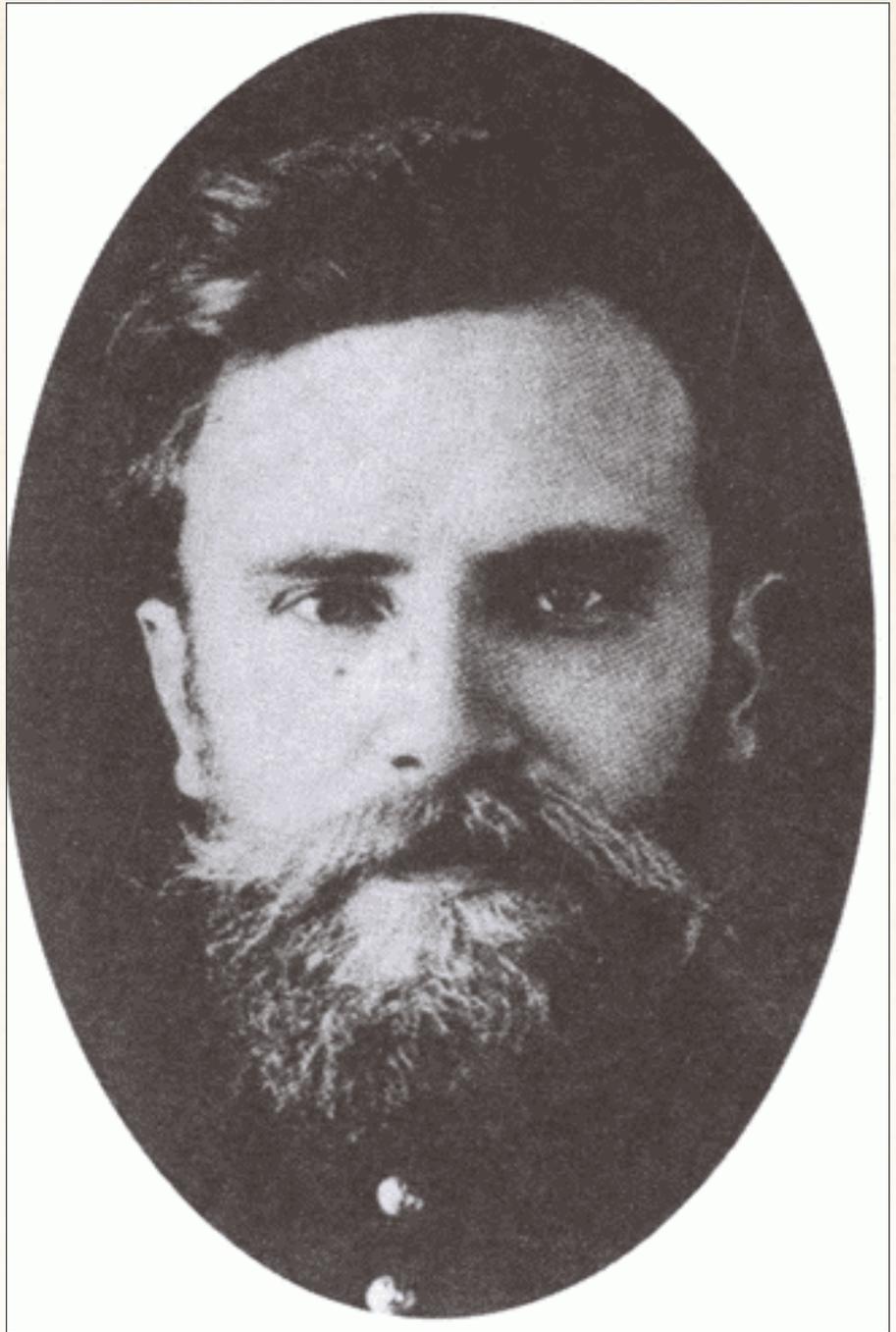
«Россия — самая тяжелая страна для внедрения вражеской разведки... После вторжения германских войск на территорию СССР мы приступили к подбору агентов из числа военнопленных. Но трудно было распознать, имели ли они действительно желание работать в качестве агентов или намеревались таким путем вернуться в ряды Красной Армии... Многие агенты после переброски в тыл советских войск никаких донесений нам не присылали».

Всего за годы Великой Отечественной войны через «чистилище» проверок особых отделов и подразделений военной контрразведки СМЕРШ прошло около 5 млн. 416 тысяч человек, из них 1 млн. 836 тыс. человек военнопленных и около 3 млн. 582 тыс. гражданских лиц. В Красную Армию и запасные части было передано около 1 млн. 230 тыс. бывших военнопленных. Около 600 000 изобличенных военных преступников и фашистских пособников было отправлено в спецлагеря НКВД.

Следует сказать и о бывших советских военнопленных, зачисленных в рабочие батальоны, это отнюдь не репрессированная категория лиц, как их пытаются представить псевдо правозащитники.

В 1945 году после увольнения в запас красноармейцев тех возрастов, на которые распространялся приказ о демобилизации, были отпущены по домам и военнопленные рядового и сержантского состава соответствующих возрастов. Вполне естественно и справедливо, что остальных военнопленных, сверстники которых продолжали служить в армии, следовало восстановить на военной службе. Однако война уже кончилась, и теперь стране были нужны рабочие, а не солдаты. Поэтому в соответствии с постановлением ГКО СССР от 18 августа 1945 года часть из них была зачислена в рабочие батальоны.

Согласно директиве Генерального Штаба Вооруженных сил СССР

▲ Родзаевский

от 12 июля 1946 года эти батальоны, являвшиеся аналогом современных батальонов строительных войск (т.н. стройбатов), были расформированы, а их личный состав получил статус «переведенные в постоянные кадры промышленности». По Постановлению Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 года на них было полностью распростране-

но действующее законодательство о труде, а также все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий и строек. Они сохранили статус полноправных граждан СССР, но без права покинуть установленное государством место работы.

В 1946-1948 годах из Красной Армии были демобилизованы во-

▲ Семенов Г.М.

еннослужащие ряда возрастов. Соответственно, их ровесники, ранее зачисленные в рабочие батальоны, получили разрешение вернуться в места, где они жили до войны.

К 1 марта 1946 года было репатрировано 4 199 488 советских граждан (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 1 846 802 поступило из зон действия советских войск за границей и 2 352 686 принято от англо-американцев и прибыло из других стран.

***

С 22 июня 1941 года по 8 мая 1945 года советские войска пленили 4 377 000 военнослужащих противника. После разгрома Квантунской японской армии их число увеличилось еще на 639 635 человек. Однако, не все взятые в плен, направлялись в лагеря. На завершающем этапе войны, после первичной проверки, значительная часть пленных репатриировалась на родину.

В общей сложности из прифронтовой полосы возвратилось домой 680 000 человек из числа бывших военнослужащих германской армии и 64 888 — армии Японии. Более 183 000 человек было отправлено на родину даже без оформления на них документов на репатриацию.

В 1984 году немецкий общественный деятель Генрих Бёлль писал: «До сих пор большинство немцев так и не поняло, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побежденных».

В период боевых действий в Маньчжурии в августе 1945 года сотрудниками ОКР СМЕРШ 6-й таковой армии Забайкальского фронта были арестованы руководитель всероссийской фашистской партии Родзаевский К.В. и белогвардейский атаман Семенов Г.М. Интересно, что Родзаевский, скрываясь какое-то время в Шанхае, отправил оттуда письмо И.В. Сталину. В нем он выражал сожаление о допущенных им ошибках

и заявлял о готовности «посвятить оставшиеся дни служению родине, партии и ее вождю в Советском Союзе». Более того, оказавшись на Лубянке, «маньчжурский фюрер» принялся утверждать, что на скользкую, кривую дорожку антисоветской деятельности его заставил встать атаман Семенов, «этот жуткий тип, страшный пьяница и сластун», а на самом деле, он Родзаевский, в душе всегда был большевиком...

Как только началась война с Японией (9 августа 1945 года), японцы не раз предлагали Семенову специальный катер для бегства на юг Кореи, но он категорически отказывался. Все последние дни, по воспоминаниям современников, он был бодр, а когда в Дайрэнь (Дальний) начали прибывать эшелоны с советскими войсками, надел генеральскую форму, ордена, нацепил шашку и, попрощавшись с семьей, поехал на извозчике на вокзал.

Никому из своих не разрешил себя провожать, поехала с ним толь-

ко его родственница некая Елизавета Михайловна. Как раз прибыл эшелон. На перроне Семенов подошел к одному из офицеров, который был слегка навеселе, и, взяв под козырек, громко представился: «Я, Семенов!» Офицер от неожиданности захлопал глазами, попятился и тут же рявкнул: «В ружье!» Моментально атамана окружили, отняли шашку, прощупали карманы. Появились люди с повязками на рукаве (военная комендатура), атамана, подталкивая в спину дулами автоматов, увели.

Так в сентябре 1945 года был захвачен советскими войсками в Маньчжурии Семенов и по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР повешен. К Семенову отношение было особое. К примеру, за несколько дней до ареста белогвардейского атамана на станции Барим (западная ветка КВЖД) были расстреляны два русских табунщика за то, что плодили и берегли семеновских лошадей, а главное, не проявили большой радости при экспроприации табуна; вдобавок пытались утаить несколько коней. Две дочери и жена белогвардейского атамана сгинули в лагерях Колымы.

Семенов Г. М. родился в Читинской обл. в сентябре 1890 г. В 1917-1920 годы гаварь контрреволюции в Забайкалье, генерал-лейтенант (1919). Окончил Оренбургское военное училище в 1911 г. Участник 1-й мировой войны 1914-1918 гг., есаул. С июля 1917 г. комиссар Временного правительства в Забайкальской области по формированию контрреволюционных добровольческих частей. В ноябре-декабре 1917 г. поднял мятеж против советской власти, потерпел поражение и бежал в Маньчжурию.

Свыше четырех миллионов военнопленных прошло через «сито» проверок особых отделов и подразделений ГУКР СМЕРШ. В результате удалось выявить целую армию затаившихся кадровых сотрудников спецслужб противника и их агентов. Десятки тысяч военных преступников и нацистских пособников были изобличены и понесли справедливое наказание. Всего за время войны среди военнопленных было установлено свыше двух тысяч сотрудников разведывательных органов и других специальных служб

фашистской Германии, около 900 — Японии. В их числе оказались лица, занимавшие видные руководящие посты в Абвере и РСХА.

«Я доволен тем, что мне пришлось пройти школу контрразведки СМЕРШ, — рассказывал ветеран Н.Н. Месяцев, — Почему? Во-первых, я был на пике борьбы во время Великой Отечественной войны — на пике борьбы двух мощных разведок и контрразведок, нашей и германской. Во-вторых, я научился разбираться в человеческой натуре. Можете мне не верить, но, когда я распрощался с органами, мне иногда было неудобно разговаривать с людьми. Я видел, что человек говорит неправду, я чувствовал. Мой профессиональный опыт позволял слышать шорох скрытых мыслей сидящего передо мной».

Своевременно добывая через военнопленных ценную разведывательную информацию, контрразведчики СМЕРШ внесли значительный вклад в успех ряда сражений Красной Армии. ■

▲ Плененные немцы, Брестская крепость, 1944 г.

К 290-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РУССКОГО ПОЛКОВОДЦА

АЛЕКСАНДР КАМЧАТОВ

ГЕНЕРАЛИССИМУС СУВОРОВ

▲ Швейцарский поход

Посещая Свято-Троицкую духовную обитель (Алекса́ндро-Невскую лавру), основанную по указу Петра Великого на месте, где князь Александр Ярославович Невский одержал победу над шведами, смотришь на священный некрополь с мощами Святого Великого князя Владимирского, на величественные Благовещенскую церковь и Троицкий собор, подходишь к могилам великих русских людей ратных и светских. Среди них находишь и скромную могилу на гранитной надгробной плите, которой высечены слова Гавриила Державина: «Здесь лежит Суворов». Ни даты рождения, ни смерти... Скромно, лаконично, сурово звучат слова, как и сама военная деятельность великого мужа России.

Генералиссимус Александр Васильевич Суворов. Ни один из самых высших титулов не обладает таким обаянием и не пользуется таким уважением, как титул Генералиссимуса. На самом деле — ни президент, ни король, ни император, ни фараон, ни султан, ни патриарх не выдерживают в этом смысле сравнения с Генералиссимусом — это высшее воинское звание. Старинная русская пословица гласит: «Крепка рать воеводу». — За всю историю человечества прогремело около 15 тысяч войн. Выдающиеся полководцы, великие ратные люди древности, Средневековья, современного времени и особенно, наш Суворов придали званию Генералиссимуса ореол воинской славы, доблести, непревзойденного военного мастерства. Имя Суворова золотыми буквами вписано в военную историю. 50 лет провел граф Рымникский, князь Италийский в почти непрерывных боях и походах. У своих противников — пруссаков, поляков, турок, французов он взял 609 знамен, 2670 пушек и 50 тысяч пленных. Суворов был шесть раз ранен в боях, дал 63 сражения и не проиграл ни одного, будучи только три раза численно сильнее неприятеля. — «Воюют не числом, а умением».

▲ Суворов А.В.

Князь Александр Васильевич Италийский, граф Суворов-Рымникский, сын генерал-аншефа, сенатора и кавалера ордена Святого Александра Невского, Василия Ивановича Суворова, родился в Москве 13 ноября 1730 года. Отец его, человек просвещенный, готовил сына к гражданской службе, но Суворов, с самых юных лет, оказывал предпочтение военной: обучался с успехом Отечественному языку, французскому, немецкому, итальянскому, истории философии, с жадностью читал Корнелия Непота, древнеримского историка и биографа, современника Марка Туллия Цицерона, Плутарха, описание походов французского полководца, маршала Франции Тюренна и австрийского фельдмаршала Монтекукули, чем заставил отца своего переменить намерение. Под руководством отца изучал артиллерию, фортификацию, каждый день читал с ним Вобана, которого Василий Иванович перевел в 1724 году с французского на русский язык по приказанию своего крестного отца, Петра Великого, заставлял сравнивать перевод с подлинником. Одаренный от природы необыкновенной памятью, молодой Суворов знал Вобана почти наизусть. Суворов закалял свой слабый от рождения организм физическими упражнениями.

В 1742 году был записан солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк. Медленно и трудно возвышал-

ся в военной карьере Суворов. Современные полководцы: П. А. Румянцева был произведен в полковники на девятнадцатом году от рождения. Г. А. Потемкин подпоручиком гвардии и камер-юнкером Высочайшего двора в чине бригадира на двадцать шестом. А. И. Репнин в таких же годах пожалован в полковники. Суворов служил капралом — 1747, унтер-офицером — 1749, сержантом — 1751 и только в 1754 году выпущен в армию поручиком, произведен через два года в обер-провиантмейстеры, потом в генерал-аудитор-лейтенанты и имел чин премьер-майора в 1759 году, когда победоносные войска наши в третий раз вступили в Пруссию. Почему? Может быть, из-за строгого соблюдения воинской дисциплины, а может быть из-за «негнущегося» позвоночника.

Еще в юном возрасте, Суворов строго соблюдал военную дисциплину. Стоя однажды с ружьем в дворцовом карауле, отдал честь императрице Елизавете Петровне. Она спросила, как его зовут, и пожаловала ему крестовик. Но Суворов осмелился и сказал: «Всемилоостливейшая государыня! Закон запрещает солдату принимать деньги на часах».

« — Ай, молодец! — произнесла

государыня, потрепав его по щеке и дав поцеловать руку, — ты знаешь службу. Я положу монету здесь на землю, возьми, когда сменишься».

Во время Семилетней войны 1756-1763 годов с 1758 года Суворов находился на штабных и командных должностях, участвовал в Кунерсдорфском сражении 1759 года, во взятии Берлина 1760 году и Кольберга в 1761 году. В 1762 году Суворов произведен в полковники и назначен командиром Астраханского пехотного, а в 1763 году — Суздальского пехотного полка. В 1764-1765 годах Суворов составил и ввел в действие «Полковое учреждение» — оригинальное наставление о воинском распорядке, правилах обучения и воспитания офицеров и солдат.

В 1768-1772 годах, командуя полком, бригадой и отдельными отрядами в корпусе генерала И. И. Веймарна, действовал в Польше против войск Барской конфедерации. Созданный 29 февраля 1768 года в городе Бар (Подолия) вооруженный союз польской шляхты, направленный против России, боролся за сохранение привилегий католической церкви и шляхетских вольностей, против реформ государственного

устройства Польши и равноправия православных с католиками. Суворов нанес им поражения под Ореховом в 1769 году, Ландскруной, Столовицами в 1771 году и овладел Краковским замком в 1772 году. В 1770 году Суворов был произведен в генерал-майоры. В 1772 году командовал Санкт-Петербургской дивизией.

В 1773 году по личной просьбе направлен на театр русско-турецкой войны в 1-ю армию генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского. В мае-июне 1773 года отряд Суворова дважды форсировал Дунай и разбил турок у Туртукая. 10 мая небольшой отряд в составе 1 500 человек с 7 орудиями в ходе демонстративных действий, имевших целью отвлечь противника от намеченного пункта переправы русской армии в районе Силистрии, неожиданно для противника захватил крепость — так называемый «поиск на Туртукай», которую оборонял 4-тысячный гарнизон с 20 орудиями. Успех обеспечила ночная переправа и внезапная атака. Было захвачено 16 орудий и 30 судов. 17 июня отряд Суворова (3 300 человек, 15 орудий) действовал на вспомогательном направлении общего наступления русской армии.

▲ Измаил

▲ Штурм Измаила

Суворов вновь применил внезапную ночную атаку, вынудив турок (4 000 человек, 14 орудий) оставить крепость, захватил всю артиллерию противника и 35 судов. В обеих атаках крепости отряд Суворова потерял всего 200 человек убитыми и ранеными, а турки около 700 человек. Суворов применил под Туртукаем новый для того времени боевой порядок — колонны в сочетании с рассыпным строем егерей.

В сентябре 1773 года Суворов руководил обороной Гирсово и отбросил турецкие войска. В июне 1774 года вместе с генералом М. Ф. Каменским нанес поражение 40-тысячному турецкому корпусу при Козлудже.

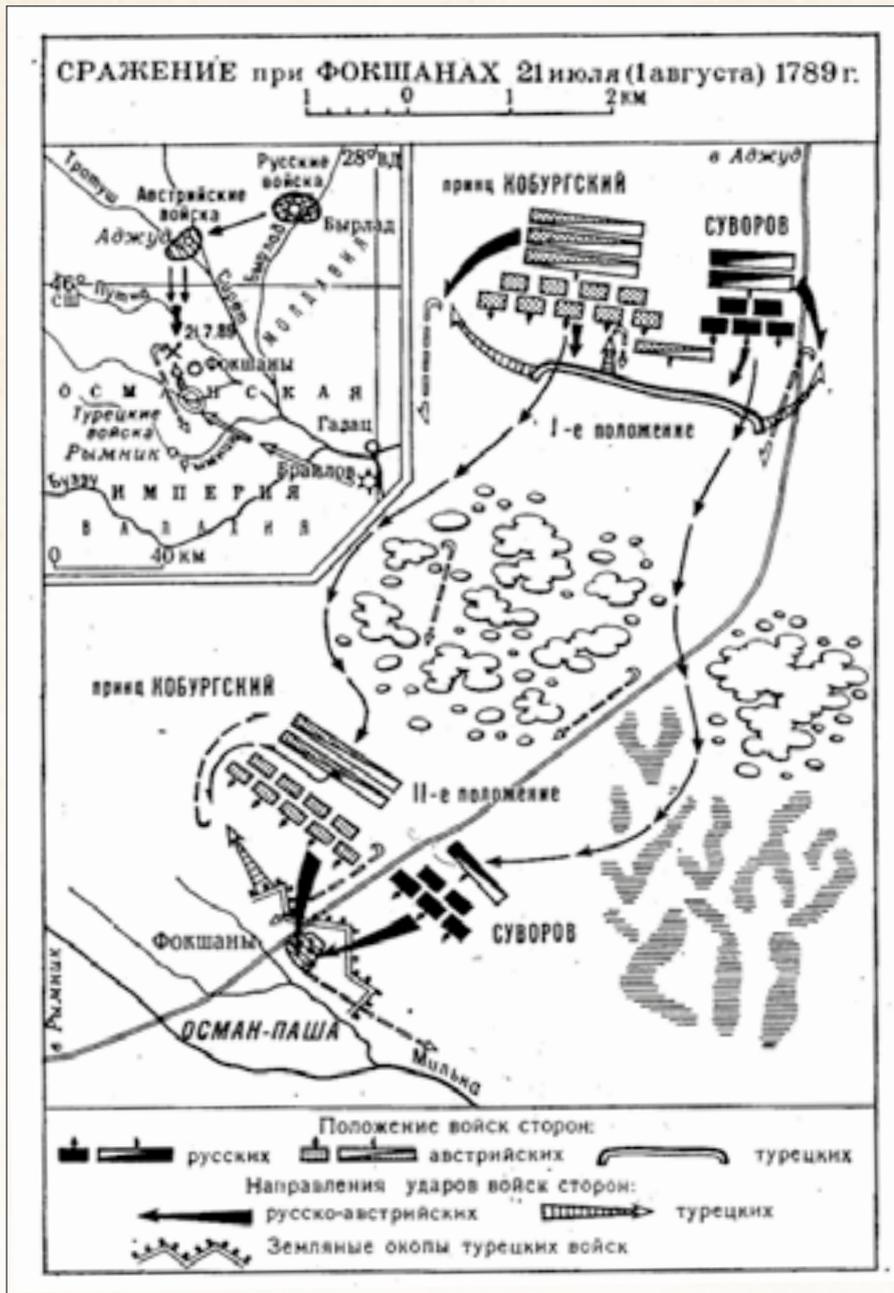
Русское войско (корпуса генерал-поручиков Суворова и Каменского) насчитывало около 25 тысяч чело-

век, турецкое войско, возглавляемое Абдул-Резаком, — около 40 тысяч. По плану главнокомандующего генерала Румянцева русские корпуса, переправившись через Дунай у Гирсова и Измаила, должны были наступать на Базарджик, Козлуджа с целью отвлечь внимание турок от Шумлы — пункта сосредоточения турецкой армии и главного объекта действий русских войск. 8 июня корпуса Суворова и Каменского соединились у деревни Юшенлы в 6 верстах восточнее Козлуджи. 9 июня следовавший в авангарде 14 тысячный корпус Суворова при поддержке корпуса Каменского внезапно атаковал выдвигавшиеся из Козлуджи превосходящие силы турецких войск. 8-часовое сражение закончилось поражением и отступлением турецких войск к Шумле и Праводам.

В сражении при Козлудже Суворов успешно применил боевой порядок в виде батальонных каре в сочетании с рассыпным строем егерей. Победа у Козлудже оказала влияние на исход войны, открыв русским войскам путь к последнему пункту обороны турок — Шумле, где находилась ставка великого визиря. 10 июля Турция вынуждена была заключить с Россией Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 года.

В августе 1774 года по приказу императрицы Екатерины II Суворов направлен с войсками для подавления Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, но восставшие были разбиты до прибытия Суворова, которому пришлось лишь сопровождать захваченного в плен Пугачева в Симбирск. В 1774-1786 годах Суворов командовал ди-

визиями и корпусами в различных районах России; руководил сооружением Кубанской укрепленной линии и усилением обороны Крыма, предотвратил в 1778 году высадку турецкого десанта в Ахтиарской бухте, чем была сорвана попытка Турции развязать новую войну в невыгодной для России международной обстановке.

В 1786 году Суворов был произведен в генерал-аншефы. В начале русско-турецкой войны 1787-1791 годов он командовал 30-тысячным корпусом, оборонявшим побережье в рай-

оне Херсон — Кинбурн, и уничтожил турецкий десант около Кинбурна в октябре 1787 года. На рассвете 1 октября турецкая эскадра (22 корабля, около 600 орудий) после бомбардировки Кинбурна — гарнизон которого с подошедшими подкреплениями насчитывал около 4 тысяч штыков и сабель, 90 орудий — высадила на косе 5 тысячный десант янычар, начавший наступление на крепость. Суворов, построив войска в две батальонные колонны, при поддержке орудий крепости и галеры «Десна» организовал

контратаку. Турки не выдержали стремительного удара и оставили часть своих траншей, но затем привели войска в порядок и восстановили положение. Во второй и третьей контратаках Суворов возглавил войска, подавая пример личной храбрости. Завязался ожесточенный бой.

С наступлением темноты, когда основные силы турецкого флота, понеся потери от огня крепостной артиллерии, отошли, русские войска всеми силами атаковали вражеский десант и разгромили его. Турки потеряли 4 500 человек убитыми. Крепостная артиллерия два турецких судна потопила и два серьезно повредила. Потери русских составили 450 человек. Суворов был дважды ранен. Победа под Кинбурном сорвала наступательный план турецкого командования и обеспечила русской армии условия для овладения крепостью Очаков. Оборона Кинбурна — выдающийся образец активной защиты крепостей русскими войсками. Важнейшими факторами, обеспечившими успех русских войск, явились: быстрота и внезапность действий, умелое использование резервов, правильное сочетание огня и штыкового удара.

В 1788 году Суворов участвовал в осаде Очакова, где был ранен. Преследуя турок, сделавших вылазку, он, в пылу боя, с несколькими гренадерскими батальонами ворвался в неприятельский ретраншемент (фортификационное сооружение в системе полевых позиций вокруг крепости), почти овладел им, но был ранен пулей, которая попала на два пальца от горла и застряла в затылке. Суворов находился у ворот смерти. Пулю вынули, но началось воспаление. Прибегли к новой операции, вырезали из раны несколько кусков сукна из подкладки от мундира. Ожидали кончины страдальца, но глубокий сон возвратил ему силы. За время своей боевой деятельности Суворов получил шесть тяжелых ранений.

В 1789 году командовал дивизией в Молдавии и, руководя действиями русских и союзных австрийских войск, разгромил превосходящие силы турок в сражениях при Фокшанах в июле 1789 года. Турецкая армия,

сосредоточенная в районе Браилова, передовым корпусом Осман-паши (30 тысяч человек) расположилась в двух пунктах — у переправы через реку Путна (13 верст севернее Фокшан) и в укрепленном лагере у Фокшан. Рассчитывая разгромить своих противников поочередно, турецкое командование в середине июля начало выдвигать армию на север, чтобы нанести первый удар по австрийскому корпусу принца Кобургского (12 000 человек), располагавшемуся около Аджуда на реке Сирет.

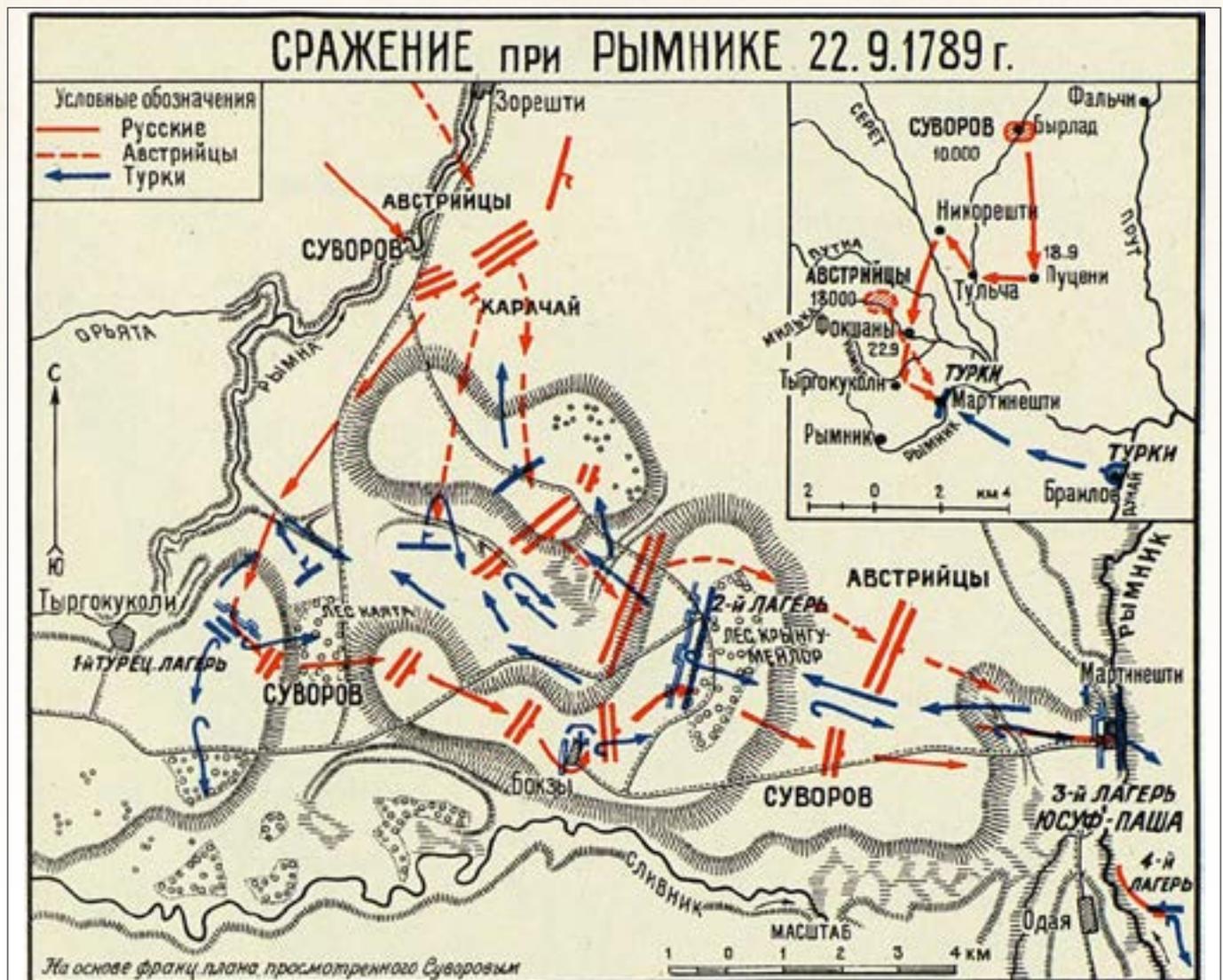
Принц Кобургский обратился за помощью к Суворову, дивизия которого (свыше 5 000 человек) прикрывала в районе Бырлада правое крыло русской армии. Оставив несколько пехотных и кавалерийских подразделений у Бырлада, Суворов

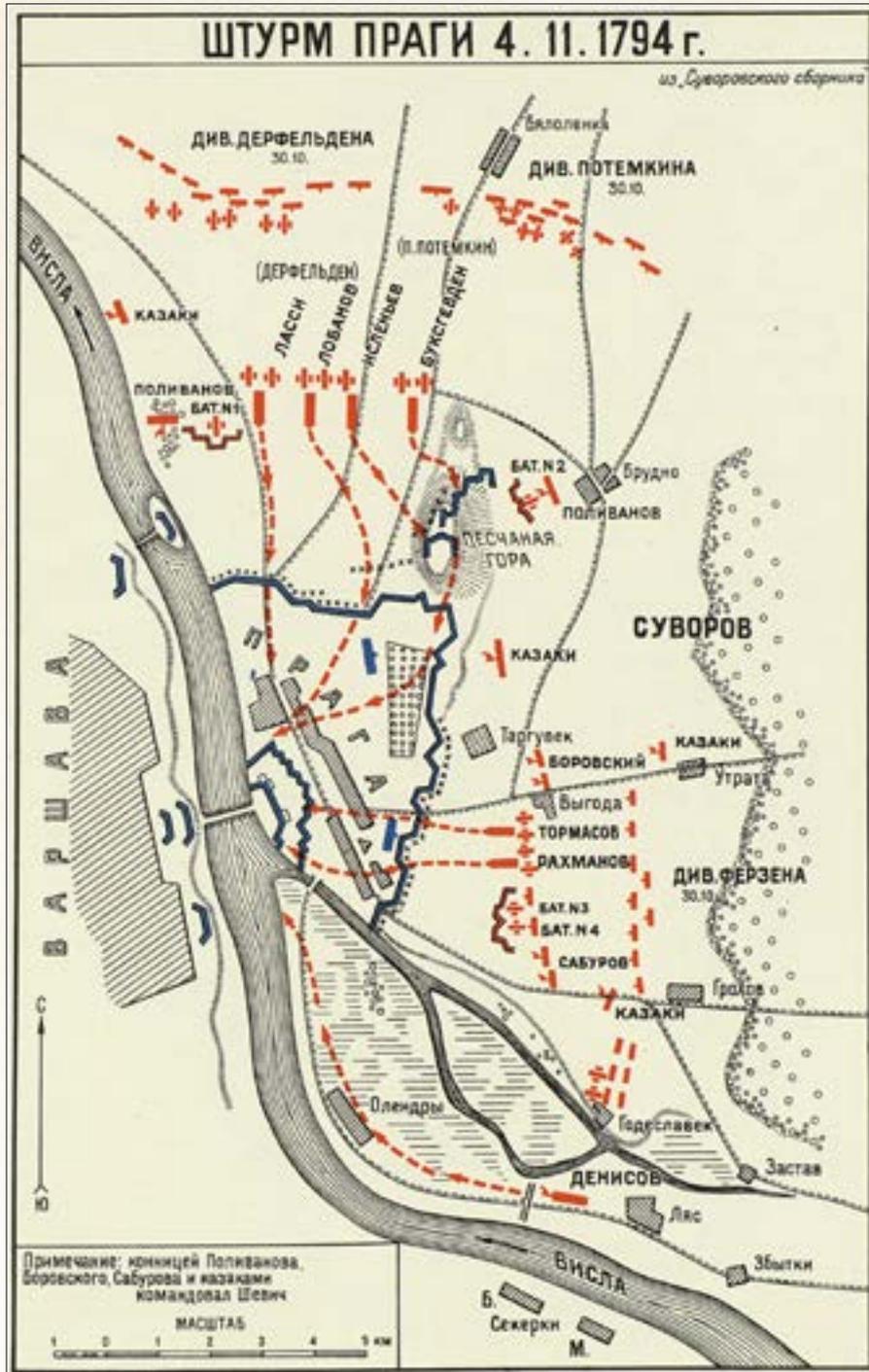
главными силами совершил форсированный переход (60 верст за 28 часов) и 17 июля вечером прибыл в Аджуд. Суворов предложил воспользоваться разобщенностью турецкого корпуса, разгромить его и взять укрепленный лагерь. Принц Кобургский принял план Суворова.

Утром 19 июля русско-австрийский отряд перешел в наступление. 20 июля он отбросил авангард турецкого корпуса за реку Путна, переправился через нее и 21 июля атаковал корпус Осман-паши у Фокшан в следующем боевом порядке: пехота — в две линии батальонных каре, конница — позади них в развернутом строю. После короткой артиллерийской подготовки русско-австрийские войска стремительно штурмовали турецкий лагерь и в ре-

зультате упорного боя овладели им. Турки бежали, преследуемые конницей, однако часть их, укрывшись в монастыре, продолжала сопротивление. Через 2 часа русско-австрийский отряд взял монастырь штурмом. В итоге сражения корпус Осман-паши потерял около 1 600 человек убитыми и 12 орудий, русско-австрийские войска — около 400 человек. Замысел противника разъединить союзные армии и разгромить их поочередно был сорван. Победа при Фокшанах была достигнута меньшим числом русско-австрийских войск благодаря искусным и решительным действиям Суворова, который руководил союзными войсками в сражении.

В сентябре того же 1789 года Суворов разгромил турецкую армию у Рымника. В начале сентября

Рымник (у села Одая) соорудила четвертый лагерь. Суворов решил разгромить противника по частям. На рассвете 11 сентября союзные войска, совершив 14-км ночной марш, в глубоком построении — впереди пехотное каре, за ними конница, внезапно атаковали лагерь Тыргу-Кукули и овладели им. Затем, искусно маневрируя и отражая огнем каре контратаки конницы противника, они овладели укрепленным лагерем у Крынгу-Мейлора и, преследуя беспорядочно отступавших турок, захватили турецкий укрепленный лагерь в Мартинешти.

На следующий день русские войска заняли и лагерь у Одая. Потери турок у Рымника составили около 20 тысяч человек, из них 10 000 убитыми, вся артиллерия и обоз. Союзники потеряли около 700 человек. Сражение при Рымнике вошло в историю русского военного искусства как выдающийся образец сложного маневрирования войск на поле боя с целью разгрома противника по частям и достижения победы «не числом, а умением». Победа в сражении у Рымника решила судьбу кампании 1789 года в пользу России. Суворов был награжден орденом святого Георгия 1-го класса и получил титул графа Рымникского.

В 1790 году Суворов, командуя 30-тысячным осадным корпусом под Измаилом, в течение двух недель подготовил штурм этой сильнейшей крепости и 11 декабря 1790 года овладел ею. Находившийся в Яссах среди блеска и пышности князь Таврический Г.И. Потемкин пригласил к себе победителя, обнял его и произнес: «Чем могу я вас наградить за ваши заслуги?» «Нет, ваша светлость, — ответил Суворов, — я не купец и не приехал с вами торговаться. Меня наградить, кроме Бога и всемилостивейшей государыни, никто не может». Потемкин промолчал, но помешал смелому подчиненному получить предназначенный фельдмаршалский жезл. Награда ограничилась званием подполковника лейб-гвардии Преображенского полка.

В 1791-1794 годах Суворов командовал различными соединени-

турецкая армия великого визиря Юсуф-паши (свыше 100 000 человек, 80 орудий) перешла в наступление против австрийского корпуса принца Кобургского (18 000 человек, 43 орудия), располагавшегося в районе Фокшан. Узнав о действиях турок против войск союзной Австрии, Суворов с отрядом в 7 000 человек из района Бырлада в ночь на 8 сентября выступил на помощь союзни-

кам и, совершив за 2,5 суток 100-км переход, прибыл в Фокшаны раньше турецких войск. Возглавив русско-австрийские войска, он выяснил, что турецкая армия, не ожидавшая нападения, расположилась в укрепленных лагерях у Тыргу-Кукули (около 15 000 человек) в лесу Крынгу-Мейлор (около 40 000 человек) и у Мартинешти (около 45 000 человек), а за рекой

ями в Финляндии и на Юге России, руководил строительством укреплений на границах России. В августе 1794 года Суворов был назначен командующим русскими войсками, направленными для подавления Польского восстания 1794 года. В сентябре — октябре Суворов нанес поражения войскам повстанцев при Крупчицах, под Брест-Литовском, Кобылкой и др. Его войска штурмом овладели предместьем Варшавы Прагой и заняли Варшаву. При этом Суворов проявил гуманное отношение к мятежникам — отпустил пленных, запретил реквизиции, требовал не допускать «обид жителям». 24 октября последняя ограда мнимой польской независимости в три часа пала пред русскими штыками. Первое донесение Суворова импера-

трице звучало: «Ура! Варшава ваша. Суворов». Императрица ответила: «Спасибо, фельдмаршал! Екатерина». Через год, в октябре 1795 года Суворов был отозван из Польши.

Приняв в 1796 году командование войсками на юге, в Тульчине, Суворов написал знаменитое произведение «Наука побеждать», обобщавшее многолетний опыт обучения и воспитания войск. «Наука побеждать» явилась прямым протестом на новый воинский устав Павла I, заимствованный у прусской армии. Критика павловского устава и отказ Суворова приказ императора приветствовать подчиненные ему войска «в мой порядок» повлекли за собой увольнение Суворова из армии 6 февраля 1797 года и ссылку в село Кончанское Новгородской губернии.

Вступив в 1798 году в состав 2-й антифранцузской коалиции (Великобритания, Австрия, Турция и Королевство обеих Сицилий), Россия направила из Черного в Средиземное море эскадру вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова, в Северную Италию — корпуса генералов И.И. Германа и А.Г. Розенберга (около 33 000 человек), в Швейцарию — 27-тысячный корпус генерала А.М. Римского-Корсакова. К началу 1799 года французы имели 58 000 армию генерала Б. Шерера в Северной Италии и 34 000 армию генерала Ж. Макдональда в Средней и Южной Италии. Пока союзники собирали силы, французы перешли в наступление, нанесли поражение австрийской армии фельдмаршала М. Меласа (86 000 человек) и заняли почти всю Швейцарию

▲ Итальянский поход

и Северную Италию. Тогда по настоянию австрийского и английского правительств главнокомандующим союзными войсками в Северной Италии был назначен Павлом I генерал-фельдмаршал А. В. Суворов.

Император Павел I милостиво принял престарелого воина и старался новыми наградами загладить прежние его обиды. Он сам надел на него орден Св. Иоанна Иерусалимского большого креста. «Господи! Спаси царя!» — воскликнул Суворов. «Тебе спасать царей» — отвечал император.

Суворов 15 марта, поздно вечером, прибыл в Вену, где остановился у русского посланника. Зная, что фельдмаршал был врагом роскоши, граф Разумовский приготовил для него комнаты без зеркал, картин и драгоценной мебели; велел вместо кровати разложить сено: на нем опочил будущий освободитель Италии.

Прибыв 4 апреля 1799 года в Валледжо, Суворов решил, прежде всего, подготовить войска к согласованным

действиям и поднять боеспособность австрийской армии. Суворов организовал ее обучение, обратив особое внимание на умение владеть холодным оружием, совершать ночные марши и атаковать колоннами. Для обучения армии он использовал принципы «Науки побеждать», написал ряд инструкций и наставлений, прикомандировал к австрийским частям офицеров и унтер-офицеров русского корпуса, для повышения мобильности армии сократил обозы и создал подвижные магазины с продовольствием и боеприпасами. В армии был сформирован главный артиллерийский резерв.

Ускоренная подготовка союзников к наступлению (в течение 10 дней) позволила упредить противника в действиях и вырвать у него стратегическую инициативу. Выделив часть сил для блокирования крепостей Пескьера и Мантуя, Суворов силами 8 апреля выступил против армии Шерера и 14 апреля вышел

к реке Адда. К этому времени командование французской армией, расположенной на ее западном берегу, принял генерал Ж. Моро.

Суворов решил нанести главный удар на Милан, предприняв демонстративные действия на других направлениях. В трехдневном сражении 15-17 апреля на реке Адда союзные войска нанесли армии Моро крупное поражение. Развивая успех, они в течение 6 недель заняли почти всю Северную Италию. Французское командование, подтянув силы, намеревалось двумя охватывающими ударами разгромить союзные войска. Главный удар должна была нанести армия Макдональда (36 000 человек) из Тосканы в направлении на Модену, Парму, Пьяченцу; вспомогательный — армия Моро (14 000 человек) из района Генуи на Тортона.

Перейдя в наступление, Макдональд 1 июня разбил австрийцев у Модены и двинулся на Парму. Суворов разгадал замысел французов

и противопоставил ему свой план разгрома неприятеля по частям. Оставив у Александрии заслон против Моро, он с остальными войсками (около 22 000 человек) двинулся навстречу армии Макдональда. За 48 часов войска Суворова прошли 85 км и 6 июня неожиданно для противника вышли к реке Треббия. При полуторном превосходстве противника в силах во встречном сражении при реке Треббия 6-8 июня Суворов добился успеха. Армия Макдональда в беспорядке отступила. Суворов выделил для ее преследования австрийские войска, а главные силы 12 июня повернул против армии Моро. Узнав о приближении войск Суворова к Александрии, Моро поспешно отступил к Генуе, где соединился с остатками армии Макдональда.

В конце июля объединенная французская армия (35 000 человек) под командованием генерала В. Жубера перешла в наступление из района Генуи на Александрию против главных сил союзников чи-

сленностью до 50 000 человек. В сражении при Нови 4 августа Суворов разбил армию Жубера, нанеся ей сокрушительные удары во фланг и тыл. Сражение явилось классическим образцом умелого использования вспомогательных ударов для обеспечения разгрома противника на главном направлении.

В итальянском походе полководческая деятельность Суворова протекала в исключительно сложной обстановке. Политические противоречия внутри коалиции, различие в военных системах, а также стратегических и тактических концепциях, господствовавших в союзных армиях и определявших их боевую подготовку и воспитание, стремление английского и австрийского правительств переложить тяжесть борьбы с общим противником на русскую армию — все это крайне затрудняло полководческую деятельность Суворова. Австрийский император и его полководцы настаивали на овладении территорией и крепостями

противника, в то время как Суворов видел главную цель боевых действий в уничтожении его вооруженных сил.

Успехи Суворова в Северной Италии и русского флота в Средиземноморском походе Ушакова почти полностью ликвидировали французское господство в этом районе. Опасаясь усиления влияния России, Великобритания и Австрия решили удалить русские войска из Италии. В середине августа 1799 года Суворов получил из Вены предписание австрийского императора, санкционированное царем Павлом I, об отводе союзных войск через Альпы в Швейцарию для соединения с корпусом Римского-Корсакова, чтобы оттуда развернуть наступление на Францию.

Суворов, стоявший во главе австро-русских войск в Италии, планировал предпринять наступление союзников во Францию одновременно из Италии, Швейцарии и Южной Германии. Великобритания и Австрия, опасавшиеся утверждения России в Средиземном море, с со-

▲ Сражение

▲ Суворов в Альпах

гласия русского императора Павла I приняли другой план. Намечалось, оставив часть австрийских войск в Италии, главные силы австрийской армии под командованием эрцгерцога Карла из Швейцарии перебросить на Рейн для ведения действий против французских войск в Бельгии и совместно с англо-русским корпусом — в Голландии. Русские войска Суворова должны были сосредоточиться в Швейцарии, куда направлялся также русский корпус Римского-Корсакова и французский эмигрантский корпус Л.Ж. Кондэ. Затем все эти силы под командованием

Суворова должны были вторгнуться из Западной Швейцарии во Францию.

Такой план, распыляя силы союзников, был целиком подчинен интересам Великобритании и Австрии. Павел I согласился на этот план с условием, что до ухода австрийских главных сил Швейцария будет ими очищена от французских войск. Но австрийское командование пошло лишь на то, чтобы задержать часть австрийских войск в Швейцарии. В соответствии с планом союзников Суворов предпринял поход в Швейцарию.

К началу похода в Швейцарии действовала французская армия генерала А. Массены — 84 000 человек, главные силы которой были сосредоточены в Муотенской долине. Против них вели боевые действия русский корпус генерала Римского-Корсакова — 24 000 человек, австрийский отряд генерала Ф. Хотце — 10 500 человек, а также 5 других небольших австрийских отрядов общей численностью около 23 — человек.

Опасаясь, что французы могут разбить русско-австрийские войска по частям, Суворов решил кратчайшим путем прорваться через Альпы, оттянуть на себя главные силы армии Массены, а затем совместными усилиями всех союзных отрядов ударом по сходящимся направлениям на Люцерн, Цуг, Эйнзидельн окружить их и разгромить. Австрийское командование должно было подготовить в Таверне для войск Суворова 1 430 мулов, боеприпасы и 4-дневный запас продовольствия.

31 августа войска Суворова (21 500 человек, том числе 4 500 австрийцев) выступили в поход и, пройдя за 5 дней 150 км, 4 сентября сосредоточились в Таверне. Ввиду того что австрийцы не выполнили своевременно своих обязательств по обеспечению похода, войска вынуждены были здесь задержаться на 5 дней. Только 10 сентября русские войска двумя колоннами двинулись на соединение с корпусом Римского-Корсакова по кратчайшему, хотя и более трудному пути — через перевал Сен-Готард на Швиц. 13 сентября они овладели перевалом, а на следующий день с боем прошли через Чертов мост и 15 сентября вышли к Люцернскому озеру. Здесь выяснилось, что вопреки сведениям австрийского штаба дорог к Швицу вдоль Люцернского озера не было, а переправочные средства через озеро увезены противником.

Войска Суворова были вынуждены горной тропой преодолевать труднодоступный перевал Росток — свыше 2 400 м и Муотенскую долину. 16 сентября они преодолели перевал и спустились в долину. Однако

здесь стало известно, что французы разбили корпус Римского-Корсакова и отряд Хотце в Цюрихском сражении. Это поставило войска Суворова в критическое положение: почти без боеприпасов и продовольствия они оказались окруженными втрое превосходящими силами противника. На военном совете, созванном Суворовым, решили пробиваться через перевал Прагель на Гларус.

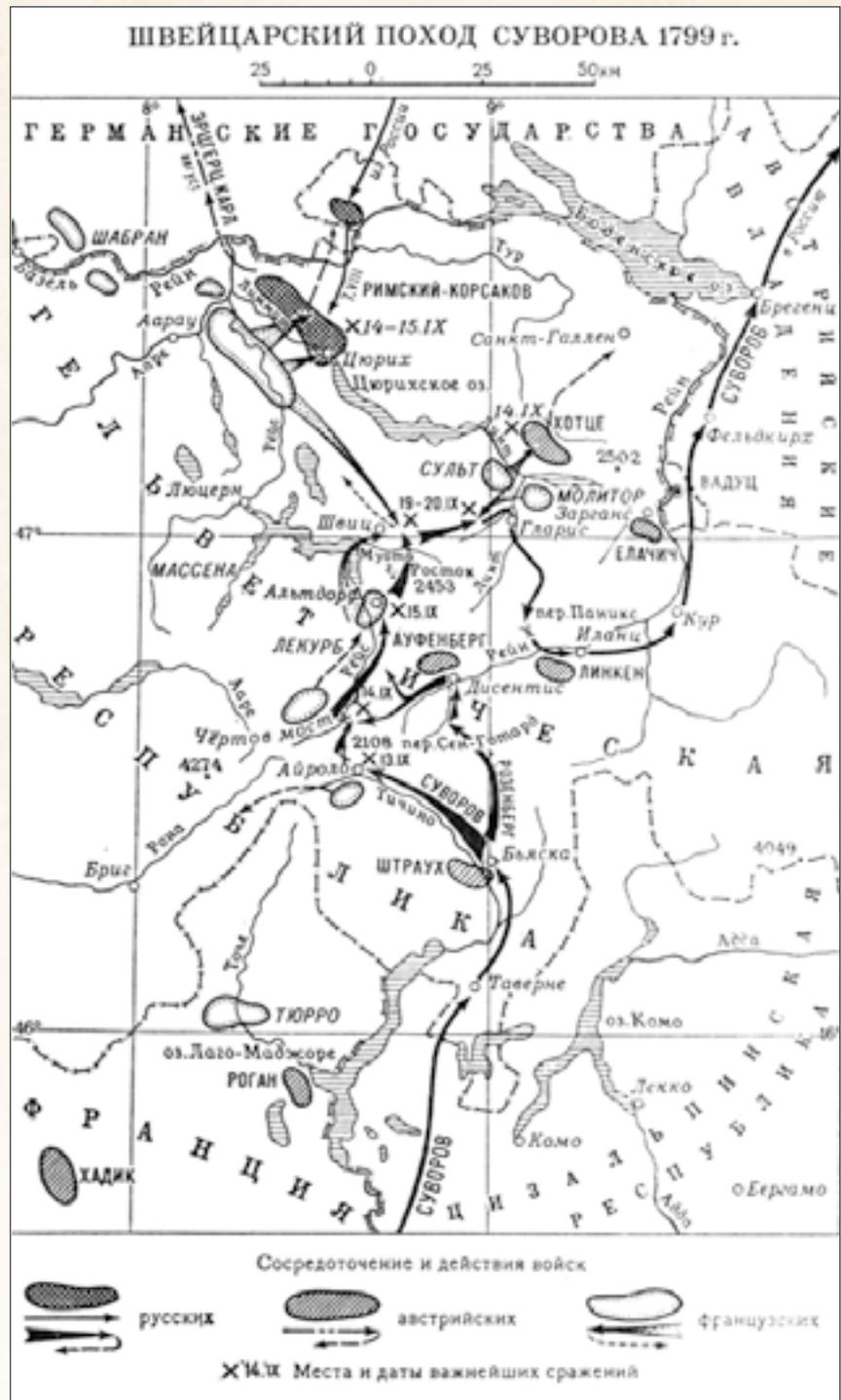
19-20 сентября русские войска, имея в авангарде отряд генерала П. И. Багратиона, отбросили французскую бригаду генерала Г. Ж. Молитора от Муотена, разбили противостоящие силы французов и открыли дорогу на Гларус. Одновременно арьергард генерала А. Г. Розенберга отразил атаки французов с тыла и 23 сентября присоединился к главным силам.

Совершив труднейший переход через перевал Ригенкопф (Паник), 27 сентября русская армия вышла в район Кура, откуда отошла в Австрию. За время этого беспримерного в истории войн горного перехода армия Суворова потеряла свыше 4 000 убитыми и ранеными и нанесла четверо больший урон противнику. «Меня прогнали в Швейцарию, чтобы там уничтожить», — писал Суворов.

Переход с боями наиболее высокой в Европе горной системы — один из выдающихся образцов военного искусства, мужества и самоотверженности русских войск. В нем, по меткому выражению самого Суворова, «русский штык прорвался сквозь Альпы».

Предательские, по существу, действия австрийского командования, поражение под Цюрихом, неудачи войск коалиции на других фронтах, крайнее изнурение войск Суворова привели к тому, что цель Швейцарского похода Суворова не была достигнута. Это вынудило Павла I расторгнуть в октябре 1799 года союз с Австрией и отозвать войска Суворова в Россию.

Император Павел I, возводя А. В. Суворова в ранг Генералиссимуса, писал 28 октября 1800 года: «Ныне, награждая Вас по мере при-

знательности моей и ставя на высший ступень, чести и геройству предоставленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков». Павел I повелел вылить бронзовую статую Суворова для установления в столице.

Возвращаясь в Россию, в Кракове у Суворова проявились первые признаки опасной болезни. В своем

имени в Кобрине он слег. Император прислал лейб-медика Вейкарта. Суворов начал выздоравливать. По случаю Великого поста проводил в молитвах в церкви, приглашая и лейб-медика исполнять все обряды Православной Церкви. Наконец, доктор позволил ему отправиться в дорогу в столицу, но не в кибитке, а в дормезе (дорожной карете, в ко-

▲ Чертов мост

торой можно лежать вытянувшись), и не более 25 верст в сутки. На всем пути толпы народа выходили к нему навстречу, безмолвно провожали, молились за него. 20 апреля Генералиссимус въехал в столицу и, избегая уже всех почестей, остановился в доме своего племянника, графа Д. И. Хвостова. Тотчас по прибытии Суворов слег в постель. Крепкая воля его боролась еще со смертью, но час его близился, и 6 мая 1800 года, во 2-м часу полуночи, причастившись Святых Тайн, Суворов отошел в вечность.

Останки великого вождя русских дружин были преданы 9 мая земле в церкви Благовещения Александро-Невской обители, с почестями,

установленными для генерал-фельдмаршалов.

По воспоминаниям современников Суворов был среднего роста, сухощавый; имел покрытое морщинами лицо, большой рот, взгляд быстрый и часто грозный, волосы седые. Был жесток и сострадатель, горд и доступен, снисходителен и склонен к насмешкам, скор во всех своих действиях: не ходил, а бегал, не ездил верхом, а скакал. Жил в армии как простой солдат, употребляя суровую пищу, спал на соломе и часто являлся в лагере в одной рубашке или солдатской куртке, в изодранном родительском плаще, с опущенными чулками и в старых сапогах. Был доволен, когда его не узнавали, ездил

на неоседланной казачьей лошади. Поутру в два часа он вставал, до зари пел три раза петухом, пробуждая, таким образом, войско. Купался или окачивался холодной водой; обедал утром в семь часов, а в шесть часов вечера ложился спать.

Суворов строго исполнял все церковные обряды. В высшей степени презирал роскошь, не терпел лести и охотно давал милости. Он отличался редким бескорыстием, примерным бесстрашием и самоотвержением; во всю жизнь поражал неприятелей многочисленных меньшими силами, Был любим, боготворим солдатами, наказывал виновных отечески и никого не погубил. Все русское было близко сердцу Суворова, любя Родину, он часто повторял: «Горжусь, что я россиянин».

Суворов пробежал обширное поле истории всех веков; со вниманием читал, слушал биографии великих мужей, хвалил примеры их величия, но для своей славы проложил новую, дотоле неизвестную тропу. Не имея сановности и дара слова Румянцева, миллионов и видной наружности Потемкина, он начал играть роль, ни от кого не заимствованную, а самим им для себя сотворенную, и выдержал ее во всех превратностях долговременной жизни: «был героем и казался чудачком». Никто не соединял более его и в высшей степени качества военачальника, никто лучше его не умел одушевлять войско. Видимо, в подробнейшем знании нрава русского народа заключается главнейшая тайна непобедимости нашего бессмертного полководца.

***

Суворов, опираясь на вековые военные традиции России, возродил и развил прогрессивные черты петровской армии в области организации, боевой подготовки и военного искусства. Суворов был одним из самых образованных военных деятелей XVIII века; он знал математику, философию, историю, владел немецким, французским, итальянским, польским, турецким, а также мог говорить на арабском, персидском и финском языках; в со-

вершенстве знал фортификацию; изучал состояние современных армий, внимательно следил за ходом военных и политических событий в Западной Европе, будучи постоянным подписчиком многих иностранных газет, журналов, научных изданий. Политическим идеалом Суворова была «просвещенная монархия». Являясь сторонником самодержавия, представителем и защитником классовых интересов дворян-помещиков, Суворов в то же время осуждал «тиранство» сомодержцев — Екатерины II и Павла I, резко критиковал придворные нравы (фаворитизм, протекционизм, праздность, угодничество, карьеризм) насаждавшиеся при Павле I прусские военные порядки и «бесполезную жестокость в войсках». Независимость суждений Суворова, его огромный авторитет в армии вызвали недоверие к нему со стороны правительства и были поводом для постоянных унижений, опал и тайного надзора.

Патриотизм Суворова был основан на идее службы отечеству, глубокой вере в высокие боевые способности русского воина, «в свете храбрее россиянина нигде нет», в военный талант своих подчиненных и учеником — М. И. Кутузова, П. И. Багратиона, М. И. Платова, М. А. Милорадовича и др. На идеях Суворова были воспитаны Д. М. Милютин, М. И. Драгомиров, А. А. Брусилов и др. Суворов проявлял гуманное отношение к мирному населению и пленным («не меньше оружия поражать противника человеколюбием»), сурово преследовал мародерство.

Военно-теоретическая и практическая деятельность Суворова отражена в его огромном литературном, документальном и эпистолярном наследии, включающем «Полковое учреждение», «Науку побеждать», различные наставления, инструкции, приказы, диспозиции, памятные записки, переписку с военными и государственными деятелями. Оно характеризует Суворова как выдающегося военного теоретика, стратега и тактика, глубоко понимавшего проблемы военного дела, во мно-

гом опередившего свое время, создавшего оригинальную систему взглядов на способы ведения войны и боя, обучения и воспитания войск, основавшего свою прогрессивную школу военного искусства.

Одержав множество побед над сильными противниками, Суворов снискал славу непобедимого и обогатил военную практику блестящими примерами успешных действий в трудных условиях, а военную науку — новыми идеями и положениями, составившими в совокупности суворовскую «науку побеждать». В области стратегии Суворов считал, что война должна быть по возможности скоротечной, для чего необходимы своевременная и энергичная мобилизация всех сил и средств для ее успешного ведения с учетом международной обстановки, сил и намерений противника, постановка перед вооруженными силами решительных целей, быстрота наступательных действий с целью разгрома прежде всего живой силы противника.

Суворов был решительным противником господствовавшей в то время в европейских армиях кордонной стратегии, которой были присущи крупные недостатки: рассредоточение сил на широком фронте, легкость прорыва его противником, трудность маневрирования и управления войсками, отсутствие войсковых и стратегических резервов.

Суворов рассматривал маневр войск на театре военных действий не как самоцель, а как средство уничтожения источников снабжения и пополнения противника, сосредоточения своих сил против его «слабого пункта» для решительного удара в полевом сражении. Следуя принципу «держатъ по возможности все силы свои в совокупности», Суворов предвосхитил стратегическую идею массирования сил, обычно приписываемую Наполеону I. Он учил, что успех сражения обеспечивают тщательная разведка (войсковая, агентурная), скрытность замыслов и действий, внезапность удара. Громадное значение при-

давал фактору времени: «расчет времени есть главное правило ведения войны», «от единого иногда мгновения разрешается жребий сражения». Непримиимый враг догматизма и шаблона, Суворов учил: «все кампании различны между собой», «никакой баталии в кабинете выиграть не можно и теория без практики мертва».

Резко критикуя систему руководства боевыми действиями с помощью составленных «для проформы» «примерных планов кабинетов» без учета постоянно изменяющейся обстановки, Суворов считал, что главнокомандующий должен обладать полнотой власти. Он строго учитывал обстановку и характер театра военных действий (топография, климат, время года, сырьевые ресурсы, речные системы, дороги и др.), особенности противника, возможности привлечения в свою армию местного населения (славян и греков в русско-турецких войнах, итальянцев и швейцарцев в войне с Францией). Большое внимание Суворов уделял задачам обеспечения армии людскими и материальными резервами, транспортными средствами, четкой работе квартирмейстерской и штабной служб.

Считая наступление главной формой боевых действий, Суворов не пренебрегал обороной и «великим принципом»: «никогда не надо слишком удаляться от своих ресурсов». Тактика Суворова была органически связана с его наступательной стратегией и носила решительный характер. Суворов применял в бою различные боевые порядки: линии, каре, колонны (полковые, батальонные, взводные и др.) и их сочетания. Еще в 1778 году он пришел к выводу о преимуществе применения колонн: «...колонна та гибче всех построений, быстра в ее движении, ежели без остановки, то все пробивает». Действия колоннами сочетались с действиями пеших и конных егерей в рассыпном строю перед фронтом и на флангах боевого порядка. Суворов нередко проводил бои ночью. При действиях против крепостей отдавал пред-

▲ Надгробие могилы А.В. Суворова

почтение решительному и тщательно подготовленному штурму перед длительной осадой.

В 1799 году Суворов разработал «Правила ведения военных действий в городах». Тактическим приемом Суворова являлась быстрота движения войск в наступлении с целью сократить потери в зоне действительного огня и сохранить силы для штыковой атаки. В то же время Суворов, увеличив запас ружейных патронов до 100 на солдата, требовал прицельной стрельбы. Суворов тщательно и детально разрабаты-

вал диспозиции сражений, осад, штурмов крепостей. Вместе с тем после отдачи общего приказа он предоставлял командирам дивизий и корпусов право действовать «наилучшим образом» по их усмотрению «в зависимости от местных условий».

Большое внимание Суворов уделял боевой подготовке войск. Он обучал своих солдат «во всякое свободное время» в мирной и военной обстановке, настойчиво проводя свой принцип: «легко в ученье — тяжело в походе, тяжело в уче-

нье — легко в походе». Суворов ввел в боевой подготовке «сквозные атаки», то есть двусторонние маневры армии, во время которых отрабатывались наступление, оборона, встречный бой, действия на пересеченной местности, преследование и т. д. Воспитывая войска в духе «смелой наступательной тактики», Суворов всеми мерами развивал у подчиненных инициативу. Не только офицерам, но и унтер-офицерам и солдатам сообщалось о плане предстоящих действий, так как «каждый воин должен понимать свой маневр».

Инициативу, предприимчивость, храбрость Суворов поощрял боевыми наградами, способных (в том числе солдат и унтер-офицеров) продвигал по службе. Суворов постоянно заботился о высоком морально-боевом духе войск, воодушевлял солдат в трудном походе своим красноречием и юмором. Суворов воспитывал у них чувство товарищества, профессионального достоинства, заботился о военной выправке, опрятности и нравственности солдат, выступал против бессмысленной муштры и жестокого обращения с ними. От подчиненных он требовал грамотности и сообразительности, не терпел «леноумия» и «немогузнайства».

Суворов поддерживал строгую военную дисциплину, но всегда считался с обстоятельствами, смягчающими вину нарушителя. Он проявлял неустанную заботу о здоровье и физической закалке солдат, санитарном состоянии казарм и лагерей, хорошем питании, обеспечении удобным и теплым обмундированием и обувью. Ввел весьма передовые для своего времени «Правила медицинским чинам». В результате в войсках Суворова резко сократились заболевания, которые были бичом армий XVIII века.

В царской России лишь передовые военные деятели и писатели признавали заслуги Суворова, в некоторых официальных трудах его военное наследие либо оставалось без внимания, либо искажалось. В Советском Союзе было положено

начало подлинно научному изучению военного наследия Суворова, изданы его труды.

В грозное лихолетье Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года был учрежден военный орден Суворова трех степеней «для награждения военачальников за выдающиеся успехи в деле управления войсками, отличную организацию боевых операций и проявленные при этом решительность и настойчивость в их проведении, в результате чего была достигнута победа в боях за Родину в Великой Отечественной войне».

21 августа 1943 года постановлением Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) были созданы Суворовские училища. Они были созданы для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Великой Отечественной войны, а также для детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших в борьбе с фашистскими оккупантами. В 1943 году открылось 11, в 1944 — еще 6 Суворовских военных училищ.

В СССР существовали музеи Суворова в Ленинграде, Новой Ладогге, Очакове, Измаиле, Кобрине, селе Кончанском в Новгородской области, селе Тимановке Винницкой области, селе Ундол Владимирской области. В честь Суворова были названы населенные пункты — села в Пензенской, Новгородской областях, в Болгарии.

Имя Суворова составляет великую гордость и славу нашего Отечества.

«Суворов был и всегда будет представителем нашего воинства. Пройдут многие годы, явятся в русском народе другие великие вожди и укажут полкам нашим новые пути к победам и славе, но каждый раз, когда стальная стена штыков русских должна будет обрушиться на врагов наших, мы вспомним Суворова».
И. Сталин. ■

И.Р. ГРИГУЛЕВИЧ

БОЛИВИЙСКИЙ ДНЕВНИК

Окончание. Начало в №№ 8,11 ВИА

Судя по его августовским записям в дневнике, Че чувствовал себя прескверно: его одолевали астма и постоянное расстройство желудка. Но, поев горячей пищи в доме Рохаса, он вновь почувствовал прилив сил и бодрости. 1 сентября он отмечает в дневнике: «Врач не поправился, а я — да и прекрасно еду верхом на муле».

В отличие от августа в сентябре он только три раза жалуется в дневнике на состояние своего здоровья.

В сентябре отряд Че продвигается в более населенной зоне, часто натываясь на крестьянские хижинки и возделанные поля. Это дает возможность партизанам улучшить свой рацион, утолить жажду. С другой стороны — контакт с крестьянами смерти подобен. Крестьяне не только не помогают партизанам, они

сотрудничают с армией. Че на этот счет не питает уже никаких иллюзий. В сентябрьском анализе он с присущей ему искренностью и откровенностью запишет, что «крестьянская масса ни в чем нам не помогает, крестьяне становятся предателями».

Но если Че в сентябре как бы обретает второе дыхание, уже не жалуясь более на состояние своего здоровья, то его сподвижники один за другим выходят из строя. Девять месяцев нечеловеческих усилий измотали их не только физически, но и духовно. Нет, они не потеряли веру в конечную цель, они еще готовы были сражаться с оружием в руках, но теперь больше всего они хотели отдохнуть, выспаться, утолить голод. 12 сентября Че записывает, что Антонио ведет себя как помешанный... Отказался выполнить при-

каз Чапако. 13 сентября Че предложил Дарио, проявившему признаки нервного расстройства, покинуть отряд. 16 сентября — крупная ссора между Антонио и Чапако. Эустакпо обвинил Ньято в том, что он объедает товарищей, Хулио обвинил больного врача в симуляции. 18 сентября Бенигно не выполнил приказ. Че его обругал, Бенигно разрыдался. Че подозревает, что Вилли (боливец Симон Куба) в первой же стычке с армией попытается скрыться...

И все же Че записывает в месячном анализе, что «моральный дух большинства оставшихся у меня людей довольно высок». Да, он любит этих мужественных людей, готовых сражаться за великие освободительные идеалы до последней капли крови... Бенигно, Паблито, Антонио... В эти дни исполняется их день ро-

ждения, и Че разрешает отметить его, сварив рис.

Чтобы дать возможность отдохнуть хоть немного своим бойцам и запастись пищей, Че вынужден идти на риск и заходить в селения. Крестьяне встречают партизан с недоверием, страхом, враждебностью. Многие отказываются даже продать им продовольствие. Бойцы пытаются вести политические беседы с населением, по тщетно.

22 сентября партизаны вошли в селение Альто-Секо. Здесь в 50 убогих хижинах ютились крестьяне — индейцы кечуа. Повстанцы устроили в школе митинг. Перед молчаливыми крестьянами, настроенно, но внимательно слушавшими чужаков, сперва выступил Инти, затем Че. Инти говорил о тяжелой доле индейцев, об эксплуататорах помещиках, о продажных чиновниках. Инти пояснил, что партизаны борются за лучшую долю крестьян. Че напомнил своим слушателям, в какой нищете они живут. «Увидите, — сказал он, — что после нашего посещения власти впервые вспомнят о вас. Они пообещают вам построить

больницу или еще что-нибудь. Но это обещание будет вызвано единственно тем, что мы действуем в этих местах, но если оно будет выполнено, то вы почувствуете, хоть и не прямым образом, какую пользу принесло вам наше партизанское движение». Это было последнее публичное выступление Че.

26 сентября отряд занял селение Итера, расположенное на высоте 2280 метров. При выходе из селения наткнулись на засаду. Короткий бой с чуть ли не катастрофическим исходом. Трое — Коко, Мигель и Хулио — убиты, Бенигно ранен, Паблито с поврежденной ногой, боливийцы Камба и Леон дезертировали и сдались в плен. Остальные еле спаслись бегством.

Вся зона в окружности контролируется войсками. По всем дорогам наблюдается передвижение армейских частей. Теперь и думать нельзя заходить в селения, они превратились в мышеловки.

28 сентября Че записывает в дневнике: «День кошмаров. Нескольким раз нам даже казалось, что это наш последний день». Вокруг —

солдаты. Любая стычка с ними грозит партизанам гибелью. Военные сводки, переданные по радио, сообщают, что Че окружен и в ближайшее время ожидается ликвидация его отряда.

30 сентября Че отмечает в месячном анализе:

«Месяц этот напоминает по своим чертам предыдущий, но сейчас армия явно показывает большую эффективность в своих действиях...

Наиболее важная задача — уйти отсюда и искать более благоприятную зону. Кроме того, надо наладить контакты, хотя весь наш аппарат в Ла-Пасе разрушен и там нам также нанесли тяжелые удары».

Первый день октября прошел спокойно. Утром партизаны добрались до редкого лесочка, где разбили лагерь, выставив у подходов к нему сторожевые посты. Внизу лежало ущелье, по которому проходили солдаты. Поблизости виднелись крестьянские хижины, они были заняты солдатами. Только поздно ночью партизаны раздобыли воды и смогли поесть. На следующий день солдаты куда-то скрылись, и партизаны спустились в ущелье, надеясь там заночевать.

▲ В партизанском лагере

▲ Перед походом

чевать, но Ньято затерялся. Решили вернуться, но заблудились и всю ночь не спали, страдая от голода и жажды.

3 октября партизаны смогли добыть воды и утолить голод. Приготовив еду про запас, они вновь пустились в путь. Радио сообщило, что Камба и Леон взяты в плен. Че записывает в дневнике: «Оба дали обильную информацию о Фернандо (последний псевдоним Че. — Авт.), его болезни и всем остальном, не говоря уж о том, что они сказали такое, о чем официально не сообщается».

Следующие три дня партизаны продолжали продвигаться из одного ущелья в другое, избегая встреч с крестьянами и военными патрулями, время от времени попадавшими в их поле зрения. Люди страдали от жажды. У Бенигно нагноилась рана, врач продолжал жаловаться па сильные боли в спине. 7 октября партизаны вошли в ложбину Кебрада де Юро. Точнее — это две ложбины, одна называется Юро, другая — Сан-

Антонио, проход между ними имеет свое название — Фило. Че пишет в этот день в дневнике:

«Одиннадцать месяцев со дня нашего появления в Ньянкауасу исполнилось без всяких осложнений, почти идиллически. Все было тихо до полпервого, когда в ложбине, в которой мы разбили лагерь, появилась старуха, пасшая своих коз. Нам пришлось задержать ее. Она ничего внятного о солдатах не сказала, отвечая на все наши вопросы, что ни о чем не знает, что она уже давно в этих местах не появлялась. Она смогла рассказать нам только про дороги. Из ее слов явствует, что мы находимся примерно в одной версте от Игеры и Хагуэя и в двух верстах от Пукари. В полшестого Инти, Анисето и Паблито отравились в хижину к старухе, у которой одна дочь парализована, другая почти карлица. Старухе дали 50 песо и сказали, чтобы она никому ни слова о нас не говорила. Но мы мало надеемся на то, что она сдержит свое обеща-

ние. В пять часов мы вышли в путь. Луна еле светила, и переход был очень утомительным. Мы оставили много следов, идя по ложбине, в которой не было домов, но были посева картофеля. Их поливают водой из канав, отходящих от ручья, рядом с которым мы располагались до этого. В два часа ночи мы решили отдохнуть, но потом сочли бессмысленным продолжать наш путь. При ночных переходах Чино (страдавший сильной близорукостью. — Авт.) превращается в настоящую обузу.

Армия передала странное сообщение о том, что в Серрано расположились 250 солдат, преграждающих путь окруженным 37 партизанам, и что мы находимся между реками Асеро и Оро. Новость эта выглядит забавно».

На этой записи, которая была сделана между 2 и 4 часами утра 8 октября, обрывается «Боливийский дневник» Че.

О том, что произошло в воскресенье, 8 октября, мы знаем со слов

Инти, Помбо, Бенигно и Урбано. В 4 часа утра 17 бойцов отряда Че после двухчасового отдыха вновь пустились в путь.

Вдруг в авангарде заметили какой-то свет. Похоже было, что кто-то ходит, освещая себе дорогу электрическим фонарем. Стали наблюдать, но свет исчез. Решили, что им показалось, и возобновили марш. Впоследствии оказалось, что это ходил местный крестьянин, привлеченный, по-видимому, голосами партизан. Он их заметил и немедленно донес солдатам в надежде получить крупную денежную награду, обещанную за информацию об отряде Че. Еще до него солдат уведомила о прохождении партизан старуха крестьянка, которую они встретили накануне.

С рассветом партизаны увидели, что ложбина была покрыта низким кустарником, а окружающие ее холмы — редкими деревьями. Партизаны были на виду. Че понял, в каком опасном положении оказался отряд, и поспешил послать несколько бойцов вперед по ложбине, а также на холмы справа и слева разведать обстановку. Вскоре с правого фланга сообщили, что ложбина окружена войсками. Часы показывали 8.30 утра.

Че не знал, известно ли о присутствии партизан в этой ложбине войскам или они пока что действуют вслепую. Поэтому он приказал своим бойцам наилучшим образом замаскироваться и никоим образом не выдавать себя, надеясь, что с наступлением темноты отряду удастся с боем прорвать окружение.

Че таким образом распределил своих бойцов: на правый фланг он выдвинул Бенигно, раненного в плечо, Дарио и Инти, на левый — Помбо и Урбано. Сам он остался с 11 бойцами. На случай прорыва было условлено, что все собираются вместе у реки Пидельпарго.

В 13.30 Че послал Нято и Анисето на смену Помбо и Урбано. Когда они попытались выполнить приказ, раздался выстрел, сразивший наповал Анисето. Нято залег недалеко от Помбо и Урбано.

Солдаты открыли по партизанам ураганный огонь из винтовок, пулеметов и гранатометов. Стрельба продолжалась до сумерек. Что происходило внизу в ложбине, сверху не было видно. Около семи часов вечера, когда утихла стрельба, бойцы, находившиеся на флангах, выждали некоторое время, а затем спустились

в ложбину в надежде застать там Че. Но ни Че, ни других товарищей они не обнаружили. Из их рюкзаков, оставленных в этом месте, были изъяты документы и деньги. Они решили, что Че отступил в условленное место встречи, и направились туда. По дороге Инти обнаружил измятую алюминиевую тарелку, которой пользовался Че, и разбросанную еду, в частности рассыпанную муку, что особенно привлекло его внимание, так как Че ни при каких обстоятельствах не разрешал бросать пищу. Среди следов, которые вели к условленному месту встречи, бойцы легко различили следы Че, который в отличие от своих товарищей носил сшитые из сыромятной кожи мокасины. Поэтому они все еще рассчитывали на встречу с ним. Но в условленном месте ни его, ни его товарищей не оказалось. Инти и находившиеся с ним бойцы забеспокоились. Они продолжали идти по следам Че, которые привели их в Игеру, где они устроили короткий привал в кустах, неподалеку от сельской школы, не подозревая, что в тот момент в одной из комнат этой школы в руках неприятеля находился раненый Че.

▲ На базе

▲ Че перед Боливией

Что же в действительности произошло с Че и его товарищами в ложбине Юро 8 октября 1967 года? Помбо, Бенигно и Урбано, исходя из известных сегодня фактов, так реконструируют события. Как только началась стрельба, Че разделил своих бойцов на две группы, в одну вошли больные — врач, Эустакио и Чапако. К ним он определил Паблито в качестве полноценного бойца и приказал им спешно отходить к реке Пидельпарго. Сам же с Вилли, Антонио, Артуро, Пачо, а также Чино, который самостоятельно не мог передвигаться, решил прикрывать отход первой группы. Таким образом, чтобы спасти в первую очередь больных, Че и его товарищи приняли огонь на себя. Когда огонь стих, Антонио, Артуро и Пачо оказались убитыми, а Че ранен в ногу. Винтовка его была изуродована вражеской пулей, в пистолете — пустая обойма. Следовало, не теряя времени, уходить с этого места. Вилли относит на себе раненого Че на ближайший уступ, где они скрываются в редком кустарнике. Чино пытается

следовать за ними, но теряет очки и опускается на землю, безуспешно стараясь их найти. Некоторое время спустя на уступе, где скрываются Че и Вилли, солдаты пытаются установить гранатомет, слышат шорох в кустах, бросаются к ним. Видят, Че перевязывает себе рану на ноге. Солдаты стреляют. Минуту спустя Че и Вилли в их руках. Пленников связывают и доставляют в Игеру, в школу, превращенную в место заключения. Несколько позже туда же заключают взятого в плен Чино.

Но обо всем этом Помбо и его товарищи узнают значительно позже. Теперь же, с рассветом 9 октября, они спешили покинуть окрестности Игеры. Днем они видели, как прилетел в Игеру вертолет, а потом вновь поднялся в воздух и скрылся вдалеке. Этот вертолет увозил из Игеры труп Че. Но и этого они тоже тогда еще не знали.

У Бенигно сохранился маленький приемник. По нему партизаны узнали о взятии в плен и гибели Че. Но они все еще отказывались верить, что-то страшное, о котором каждый

из них думал, все-таки свершилось.

Только на следующий день, 10 октября, когда все радиостанции стали передавать со всякого рода подробностями о взятии в плен и гибели Че, последние сомнения рассеялись, и Инти и его товарищи были вынуждены признать, что Че действительно уже больше нет в живых. Но смерть вождя, несмотря на безмерную скорбь и горе, охватившие их, не поколебала их решимости продолжать борьбу до конца...

В тот же день по радио они узнали, что войска продолжают преследовать оставшихся в живых десять партизан. Из этого они заключили, что, кроме них, сохранилась еще одна группа бойцов из четырех человек, а вместе с Че погибли или попали в плен шесть человек.

12 октября они услышали по радио, что в стычке с войсками у истоков реки Миске погибли кубинский врач Моро, боливец Паблито (Франсиско Уанка Флорес), перуанец Эустакио (Луисо Гальван Идальго — радиотехник) и боливец Чапако (Хайме Арана Комперо).

Теперь в живых осталась только их группа из шести человек. Но у них было еще оружие и железная воля защищать свою жизнь до последней капли крови.

Маленький отряд, командиром которого бойцы назначили Помбо, сражаясь, прорвал два кольца окружения и 13 ноября вышел в район шоссе Кочабамба — Санта-Крус. Здесь произошла очередная стычка с преследовавшими его на пятам войсками, в которой погиб общий любимец Ньято — 30-летний боливийский коммунист, мастер на все руки Хулио Луис Мендес. Но теперь партизаны действовали в зоне, где у них были друзья. И хотя правительство Боливии обещало награду в 10 миллионов боливийских песо (около 430 тысяч американских долларов) за их поимку, никто из крестьян, к которым они обращались за помощью, их не выдал. Весть о героическом партизане Че, отдавшем свою жизнь за народное дело, дошла уже до всех уголков Боливии, и теперь многие крестьяне считали своим святым долгом оказывать помощь оставшимся в живых героическим бойцам из его легендарного отряда...

Весть о том, что Инти и его товарищи находятся в районе шоссе Кочабамба — Санта-Крус, дошла до их единомышленников в этих городах, и те решили сделать все возможное, чтобы спасти преследуемых. По шоссе стали курсировать автомашины с друзьями, искавшими контакта с партизанами. На одну такую машину наткнулся Инти. Это было спасение. Вскоре вся пятерка перебралась в Кочабамбу и укрылась у надежных товарищей. В феврале 1968 года кубинцы Помбо, Бенигно и Урбано достигли западной границы Боливии и перешли в Чили.

В Чили их арестовали, но вскоре выслали на остров Пасхи, откуда самолетом трое кубинцев вылетели по тихоокеанскому маршруту в Париж. Прошло еще несколько дней, и они вернулись в родную Гавану.

Инти и Дарио остались в Боливии. Они решили продолжать вооруженную борьбу, верные заветам своего командира Эрнесто Че Ге-

▲ Гарри Прадо, командир отряда спецназ

вары. 9 марта 1969 года в Ла-Пасе полиция напала на дом, в котором скрывался Инти. В завязавшей перестрелке этот верный сподвижник Че погиб. 31 декабря того же года в перестрелке с полицией погиб и Дарио — Давид Адриасоля.

Полицейский агент, руководивший ликвидацией группы Инти, некий Роберто Кинтанилья, был в награду назначен боливийским консулом в Гамбурге. Но это не спасло его от заслуженного возмездия. В апреле 1971 года полиция обнаружила труп Кинтанильи с тремя пулями в нем.

Такова была судьба участников отряда Фернандо, он же Рамон, он же Монго. Но история самого Че на этом не заканчивается.

ПО ТУ СТОРОНУ БАРРИКАДЫ

Последние часы его жизни во власти презренных врагов должны были быть очень горькими для него. Но никто из людей не был лучше подготовлен, чем Че, встретить подобное испытание.

Фидель Кастро

Боливия — цивилизованная страна, но...

Генерал Альфредо Овандо

Рене Баррьентос Ортуньо, новый правитель Боливии, слыл за опытного политического интригана, пришедшего к власти в результате целой серии предательств. Он родился в 1919 году недалеко от Кочабамбы,

его отец был испанским эмигрантом, мать — индианка. От нее он унаследовал хорошее знание кечуа. Еще находясь в военно-авиационном училище, будущий президент вступил в подпольное революционное националистическое движение, за что был исключен из училища. В 1946–1949 и 1950 годах он арестовывался, сидел в тюрьме. Однако в 1952 году он вновь был принят в армию, в авиацию, в чине лейтенанта. Когда в том же году произошел в Боливии переворот, поставивший у власти партию Националистическое революционное движение, Баррьентос полетел в Буэнос-Айрес, откуда вернулся с лидером этой партии — будущим президентом Пасом Эстенсоро.

Жертвы и рвение молодого лейтенанта были оценены по заслугам новым правителем Боливии. Баррьентос получил повышение в чине, а затем удостоился и высшей награды: был послан в США на длительную учебу. Таким образом, в 1953 году, когда Че знакомился в Ла-Пасе

с «достижениями» боливийской революции, его будущий противник находился в Оклахоме (США), изучая летное дело и английский язык. Пребывание в Янкиландии, как латиноамериканцы называют США, пошло на пользу Баррьентосу: он заимел там надежных покровителей, которые с тех пор не упускали его из виду. На родине Баррьентос продолжал делать успехи. Он стал генералом, командующим авиацией. Чего ему еще не хватало? Разумеется, только президентского кресла. Но режим Паса Эстенсоро оказался, как на грех, прочным. Пас Эстенсоро удержался у власти все положенные ему конституцией четыре года. В 1956 году он передал на следующие четыре года бразды правления своему единомышленнику Эрнану Силесу Суасо. Этот тоже, на удивление всем, просидел четыре года в президентском кресле и в 1960 году вернул власть Пасу Эстенсоро. К тому времени, однако, такая невиданная в анналах Боливии политическая стабильность всем партиям предельно

осточертела. Даже НРД — партия самого Паса Эстенсоро — раскололась. Ее левое крыло под руководством рабочего лидера Хуана Лечина перешло в оппозицию. Ополчился против Паса Эстенсоро и бывший его верный единомышленник Силес Суасо, не говоря уже о других политических группировках. Чтобы удержаться у власти, Пасу Эстенсоро пришлось поклониться штыкам, взять себе в напарники генерала Баррьентоса, который в свое время, рискуя жизнью, доставил его на самолете из Буэнос-Айреса в столицу и который с тех пор считался его доверенным человеком в армии. Таким образом Баррьентос стал вице-президентом Боливии. Теперь его от президентского кресла отделял всего лишь один шаг, и браваый генерал готов был его сделать, тем более что ему была обеспечена поддержка покровителей из США. Последних все больше нервировали шахтеры, сохранявшие некогда данное им Пасом Эстенсоро оружие. Шутка ли, 20 тысяч вооруженных хоть и плохими, старенькими ружья-

▲ Встреча Че Гевары с боливийскими левыми

▲ В партизанском отряде, слева Таня

ми — но все-таки ружьями — шахтеров, все громче поговаривающих о провозглашении своих шахт «свободной территорией Боливии»! Чуть зазеваешься, и Боливия станет второй Кубой. Одна надежда на армию, которая может спасти положение, заменив «тряпку» Паса Эстенсоро надежным «гориллой». Так рассуждали в Пентагоне и госдепартаменте, где на роль «гориллы» выдвинули жаждавшего власти Баррьентоса. Но провести такую замену оказалось не так просто. Баррьентос контролировал только авиацию, сухопутные войска подчинялись генералу Овандо Кандии, который считал себя не менее Баррьентоса достойным титула президента. Овандо оказался на редкость упрямым и несговорчивым человеком. Чтобы заручиться его поддержкой, пришлось титул президента разделить пополам между ним и Баррьентосом. Таким образом, 4 ноября 1964 года Пас Эстенсоро был свергнут и выслан в Перу, власть же перешла в руки двух «сопрезидентов» — Баррьентоса и Овандо, случай редкий даже в видавшей всякие виды Боливии. Но ведь недаром говорят об этой стране, что в ней не только все может случиться, но и все случается.

Разумеется, двух «горилл» оказалось слишком много даже для Боливии. Грызня за первое место продолжалась между ними почти полтора года. Баррьентос утверждал, что за это время его пытались восемь раз убить. Но он не только остался жив и невредим, но и оттеснил на второй план, по крайней мере на время, своего соперника Овандо. Баррьентос выдавал себя за демократа, реформатора, революционера. Сколотил свою собственную политическую организацию — «Боливийский революционный фронт». Этот «динамичный», как характеризовал его американский журналист Джон Гантер в своей известной книге «Внутри Южной Америки», генерал, владевший английским языком не хуже, чем кечуа, явно импонировал янки. Под давлением начальника службы ЦРУ в Боливии, военного атташе посольства США в Ла-Пасе полковника Эдварда Фокса, Овандо был вынужден уступить, получив клятвенные заверения Баррьентоса и Фокса, что через четыре года его допустят к власти. В качестве же гарантии за Овандо был оставлен пост командующего армией.

В июле 1966 года Баррьентос и его напарник, тоже бывший деятель НРД Силес Салинас, были избраны президентом и вице-президентом и в августе того же года официально приступили к своим обязанностям. Однако политическая напряженность от этого в стране не уменьшилась. Газеты открыто писали, что Овандо «недоволен» и может в любой момент «убрать» Баррьентоса. А так как такая возможность всем наблюдателям боливийских дел казалась вполне реальной, то объявился и третий в очереди претендентов кандидат на президентское кресло — полковник Маркос Васкес Семпертеги, начальник генерального штаба армии. Васкес Семпертеги заранее предупредил, что в случае захвата власти Овандо постарается быстренько его убрать и сам «усядется» на его место, благо «свято место пусто не бывает». Овандо не потерпел такой угрозы: Васкес Семпертеги был смещен, и на его место был назначен генерал Хуан Хосе Торрес. Овандо не подозревал, что этим назначением он сам себе рыл могилу...

Пока велась эта мышиная возня среди претендентов па пост первого «гориллы» Боливии, все

упорнее и упорнее ходили слухи о готовившемся вот-вот вспыхнуть партизанском движении и о присутствии в стране Эрнесто Че Гевары. Баррьентос, отличавшийся крайней самоуверенностью и хвастливостью, решительно опровергал эти слухи. 11 марта 1967 года он заявил журналистам в Ла-Пасе: «Я не верю в привидения. Я убежден, что Че Гевара на том свете вместе с Камило Сьенфуэгосом и другими жертвами режима Кастро».

Но именно в этот день, 11 марта, из «Каламины» бежали Висенте Рокабато Террасас и Пастор Баррера Кинтана. Как выяснилось позже, первый из них был старым полицейским шпиоком, второй — просто дезертиром, жаждавшим стать предателем. Оба они надеялись в Ла-Пасе задорого продать имевшуюся у них информацию: шутка ли сказать, ведь им подлинно известно присутствие кубинцев в партизанском отряде и то, что его возглавляет сам Че Гевара! Правда, они

не видели его в лицо, но им показывали фото, на котором он был заснят, они знали его кличку «Рамон» и даже дату его прибытия в Боливию. Кроме того, они видели в лагере Дебрэ, Бустоса, Таню, Чино, одним словом, знали всех и вся. Предателям, однако, не удалось добраться до Ла-Паса. Они были задержаны в Вальегранде, где их 14 и 15 марта допрашивала военная разведка. Можно легко себе вообразить, в какое возбуждение пришли военные от показаний предателей. Они не верили своим ушам: Че, которого искали по всему белу свету, в Боливии, у них под боком! Но если это не бред двух свихнувшихся шахтеров, то это чертовски серьезно, чертовски опасно! У страха глаза велики. Ведь легендарный Че не сунется так просто в боливийские дебри, наверное, у него черт знает какая сила! Наверное, в его лагере не только кубинцы, но китайцы, русские и всякие прочие коммунисты со всего света! Военные не на шутку струхнули.

Из Вальегранде полетели телеграммы в Ла-Пас к Баррьентосу. В правительственных кругах сообщение о присутствии Че в районе реки Ньянкауасу на первых порах показалось сплошной фантастикой. Тем не менее был отдан приказ немедленно захватить «Каламину» и проверить показания предателей.

16 марта отряд солдат выполнил приказ и занял «Каламину», где обнаружил различные предметы, подтверждавшие присутствие в зоне партизан. Один из солдат, оставленных в дозоре, был убит неизвестными. Убили его партизаны? Совершенно верно. Это подтвердил захваченный военными на следующий день, 17 марта, другой участник отряда, Салусто Чоке, который оказался не менее болтливым, чем два первых предателя. Новые детали к этой картине добавил Варгас, который засек Маркоса и, идя по его следу, вывел солдат на партизанский лагерь.

▲ Солдаты продвигаются в район расположения партизан

▲ Пленный Че Гевара, слева агент Родригес

О показаниях Рокабадо, Барреры, Чоке, о их предательстве, о Варгасе — проводнике карателей — мир узнал во время процесса над Дебрэ. На этом процессе выявилась и предательская роль соседа «Каламины» — Альгараньяса. Их разоблачил, вернее — о них говорил Дебрэ, ибо разоблачать их не было необходимости, ведь они сами сидели на скамье подсудимых вместе с Дебрэ, напоминая суду о своих «заслугах» в деле ликвидации отряда Че.

Каким образом эти предатели и полицейские осведомители оказались на скамье подсудимых вместе с Дебрэ, читатель узнает несколько позже, а сейчас напомним, что действия этих осведомителей привели к тому, что 23 марта произошло первое крупное вооруженное столкновение с партизанами, которое позорно проигрывает боливийская армия. Она теряет 6 убитых и 14 пленных,

8 солдат спаслись бегством. Они еле живыми от страха добрались до Камири, где, преувеличив в несколько раз число партизан, доложили в штабе четвертой дивизии о постигшем их несчастье.

Из Камири спешно полетела шифровка в Ла-Пас, о ее содержании было доложено начальнику штаба генерал-майору Хуану Хосе Торресу, который немедленно сообщил полученные новости командующему армией генералу Альфредо Овандо и начальнику военной разведки Федерико Аране. Овандо передал новость президенту Баррьентосу, а Арана — дежурному американскому советнику из Службы военной помощи США, действовавшей при генштабе боливийской армии.

Баррьентос и американский советник, в свою очередь, проинформировали о событиях посла США в Боливии Дугласа Гендерсона, ко-

торый, не теряя времени, послал соответствующую шифровку в Вашингтон, где с нею сперва ознакомился Уильям Боудлер, советник президента Джонсона по латиноамериканским делам, а затем Уолт Уитмен Ростоу, советник президента по неотложным, особо важным зарубежным делам, который при содействии ЦРУ и Пентагона стал выработать соответствующие предложения президенту США.

Пентагон в лице начальника генштаба генерала Джонсона и командующего Сауткомом (так называемая Группа южного командования вооруженных сил США с местопребыванием в зоне Панамского канала) генерала Роберта У. Портера настаивал на немедленной интервенции в Боливию и предлагал создать для этого ударную группу под названием «Командование региональной помощи». Разведка в лице директора ЦРУ

▲ Школа, где был убит Че Гевара

Ричарда Хелмса предлагала поручить ей ликвидацию отряда Че.

О том, что было решено тогда в Вашингтоне и какая линия поведения была продиктована «горилле» Баррьентосу, который послушно ожидал приказов своего хозяина и, получив их, преданно следовал им, можно судить как по последующим его действиям, так и по действиям его покровителей из Белого дома.

Как ни парадоксально может показаться на первый взгляд, но факт остается фактом: Вашингтон, а за ним и боливийские власти сделали все возможное, чтобы скрыть от общественности то, что им стало известно в марте 1967 года, а именно — что в Ньянкауасу действует международный партизанский отряд, возглавляемый прославленным партизанским командиром Эрнесто Че Геварой.

Об этом молчали в Гаване, ибо не хотели, чтобы об этом узнали США, узнал Баррьентос, об этом молчал и сам Че, выдававший себя за Рамона. Когда же об этом узнали и США и Баррьентос, они, в свою очередь, сделали вид, что якобы им все еще неизвестно, что Че находится в Боливии. Когда боливийские газеты сообщили, что партизан возглавляет Че, боливийские власти поспешили разьяснить, что речь идет не о Че,

а о его однофамильце шахтерском вожаке Мойсесе Геваре.

Чем объясняется такое странное поведение тех, кто, казалось бы, получив неопровержимые данные о пребывании Че во главе партизанского отряда в Боливии, должен был оповестить об этом весь мир?

Необычность данной ситуации заключалась именно в том, что, получив, казалось бы, такой блестящий повод для посылки войск в Боливию, как пребывание Че во главе партизанского отряда в этой стране, правящие круги США отказались им воспользоваться. А для этого было необходимо скрывать и сам повод, иначе пришлось бы объяснять, а почему, собственно говоря, США на этот раз отказываются им воспользоваться?

Но все-таки почему? А потому, что интервенция в Боливии могла бы действительно создать «второй Вьетнам» в Латинской Америке, о котором говорил Че. Более того, за американскими войсками в Боливию поспешили бы ввести туда свои войска — с юга — Аргентина, а с востока — Бразилия, давно уже соперничавшие между собой за влияние на эту страну. Присутствие же в Боливии американских, аргентинских и бразильских войск было чревато

самыми разнообразными осложнениями. Тройственная интервенция могла вызвать среди боливийцев взрыв возмущения, не говоря уже о том, что Чили и Перу восприняли бы такую интервенцию крайне отрицательно, опасаясь, что дело кончится разделом Боливии между Аргентиной и Бразилией.

Таким образом, решишь на посылку войск в Боливию, Вашингтон как бы выполнял волю Че, действовал бы ему на руку. Но с президента Джонсона было достаточно одного Вьетнама, и он вовсе не пылал желанием создать «второй Вьетнам». С него было достаточно одной интервенции в Доминиканскую Республику, которая вызвала огромную волну протестов не только во всей Латинской Америке и на других континентах, но и в самих США, чтобы он вновь отдал приказ послать войска в боливийские джунгли. Спешить с этим, во всяком случае, никоим образом ему не хотелось.

А если так, то признаваться в присутствии там Че не следовало. Ибо в противном случае ультраправые в США могли бы заставить Джонсона все-таки послать моряков в Боливию; с другой стороны — подтверждение присутствия Че могло убыстрить развитие революционного кризиса в этой стране и привести к свержению Баррьентоса, что тоже было нежелательно для обитателя Белого дома.

Следовало избавиться от Че любым другим способом, и желательно руками самих туземцев, как это было сделано с партизанами в Перу, Гватемале, Венесуэле, Аргентине, и только в крайнем случае, уж если действительно другого выхода не будет, то послать туда свои войска и превратить Боливию если не во «второй Вьетнам», то, во всяком случае, во вторую Доминиканскую Республику.

Конечно, в такой линии поведения был своего рода риск и для правящих кругов США, и для Баррьентоса. Ведь Че мог набрать такую силу, что потом никакая интервенция не смогла бы с ним покончить. Ну что ж, если бы такая опасность возникла, то можно было бы тогда изменить принятый курс.

А пока что следовало сохранять хладнокровие, для паники еще оснований не было, ведь у Че было всего несколько десятков человек, правда, больше, чем у Фиделя десять лет тому назад, но ведь история могла на этот раз не повториться, как она не повторилась в Гватемале, Колумбии, Венесуэле, Перу, где местные власти без прямого участия американской армии все-таки справлялись с партизанской опасностью.

Арест в апреле Дебрэ, Бустоса и Роса только подтвердил, что Че располагал весьма ограниченными средствами, и еще более убедил вершителей судеб Боливии и их покровителей в Вашингтоне в необходимости меньше разглаживать о Че. К тому же продажная печать, плясавшая под американскую дудку, столько раз писала о смерти Че, о том, что его убили на Кубе, в Перу, Конго, даже в Советском Союзе, сам Баррьентос говорил, что не верит в привидения. Воскрешать Че, да еще во главе отряда или, может быть, армии партизан было не просто трудно, но страшно.

Но если на Че было наложено табу, то о Дебрэ не только можно было, но и следовало кричать во всеуслышание. На беспитчие и рыба соловей. Таким «соловьем-разбойником» суждено было стать на некоторое время тому, кто не без самонаименования именовал себя Дантоном.

С его арестом 20 апреля боливийские власти обрели необходимого им «злодея». Ему даже была шита специальная полосатая роба каторжника с огромным номером «001» на спине, что должно было означать «враг №1».

Это не Че, а француз, точнее — «франко-кубинец» Дебрэ, если верить пропаганде боливийского правительства, был интеллектуальным вдохновителем партизанских действий, «убийцей» боливийских солдат, это его казни требовали «простые люди» (полицейские агенты в штатском), осаждавшие офицерский клуб в Камири, где был заключен Дебрэ. Правда, в Боливии смертная казнь была отменена, но Баррьентос обратился в послушный ему парламент

с требованием восстановить ее вновь и надеялся задним числом применить ее к своему узнику. Генерал — президент Боливии, конечно, мог приказывать прикончить Дебрэ «при попытке к бегству». Но за жизнь Дебрэ заступился Де Голль, и Баррьентос был вынужден считаться с пожеланием президента Франции. Он помнил, что случилось, когда в прошлом столетии один из его предшественников, президент Мельгарехо, рассердившись на английского посла, выслал его на осле из Ла-Паса в Буэнос-Айрес: королева Виктория в отместку приказала из всех карт вычеркнуть имя Боливии. Баррьентос не хотел ссориться с генералом Де Голлем и рассчитывал «цивилизованно», «законно» лишить Дебрэ жизни.

Такими, по крайней мере, были планы Баррьентоса и его вашингтонских покровителей по отношению к Дебрэ, против которого тем временем лихорадочно готовился показательный процесс. А так как Дебрэ проявлял «несговорчивость», то было решено посадить вместе с ним на скамью подсудимых и сверхсговорчивого Бустоса, который не только рассказал абсолютно все, что знал о Че и Ньянкауасу, но даже нарисовал, и неплохо для художника-любителя, портреты всех, кого он видел и с кем общался в партизанском лагере. А вместе с Бустосом на скамью подсудимых были посажены полицейские шпики — Рекабадо и Баррера, Чоке и Сиро Альгараньяс, которым было приказано разыгрывать из себя «раскаившихся» партизан. В числе обвиняемых фигурировал и Хорхе Васкес Мачикадо Вианья, тот самый Биготес, который чуть не упал в обморок, когда впервые узнал Че, но на процессе он не присутствовал — «по болезни», а в действительности потому, что его уже не было в живых. Он погиб, не выдержав полицейских пыток. Но правительство «стеснялось» признаться в этом, и во время процесса прокурор неоднократно обещал представить его суду и, естественно, не выполнил своего обещания, ибо боливийские охранники могли лишить жизни неугодного им человека,

но воскресить его было не в их силах. Они были вынуждены заявить о его «бегстве», что дало им возможность приговорить умершего «заочно» к тюремному заключению.

Но подготовка процесса над Дебрэ, которая длилась около пяти месяцев, и сам процесс сами по себе еще не могли покончить с Че. Его лично и его отряд нужно было ликвидировать в физическом смысле, а добиться именно этого Баррьентос оказался неспособным.

Все бои с партизанами, вплоть до августовской расправы при переправе Иесо, где погиб отряд Хоакина, боливийская армия проигрывала. Создавалось впечатление, что партизаны действительно непобедимы и имеют немалые шансы добиться своего, по крайней мере, вызвать падение правительства Баррьентоса, чего желали не только партизаны, но и многие политические противники генерала-президента.

Характерно, что появление партизан во главе с Че, если не считать правительственных кругов, было встречено весьма благожелательно боливийским общественным мнением, тем более что в первые месяцы они выигрывали все сражения. Достаточно привести по этому поводу высказывания Виктора Паса Эстенсоро: «Партизанское движение — это логическое следствие развития событий в Боливии. Мы, представители Националистического революционного движения, с симпатией относимся к повстанцам...» Правда, эта симпатия проявлялась только на словах, но они свидетельствовали, что даже такие прожженные политики, как Пас Эстенсоро, не исключали возможности того, что партизаны могут добиться успеха.

Даже генерал Овандо пытался использовать наличие партизанского движения для укрепления своих позиций в борьбе за власть с Баррьентосом, доказывая, что президент не способен подавить геррилью.

Баррьентос боялся своего командующего армией больше, чем партизан, но сместить его не мог, тому противился посол США в Ла-Пасе Гендерсон.

Крикливые угрозы министра внутренних дел Антонио Аргедаса Мендиеты в адрес партизан и обещания превратить их в «самое ближайшее время» в окрошку были вызваны, как мы теперь знаем, не столько его воинственностью, сколько желанием замести следы своих связей с партизанами. Таким образом, из трех ведущих членов правительства только Баррьентос стремился поскорей от них избавиться. Овандо не проявлял в этом отношении особого пыла, а Аргедас под покровом своих кровожадных выступлений стремился, насколько мог в тогдашней обстановке, помешать деятельности того и другого.

Но если в преследовании партизан правительство не могло до августа похвастаться особыми успехами, иначе обстояло дело с преследованием других антиправительственных сил. Забастовки, враждебные демонстрации студентов подавлялись быстро и решительно. Виновных бросали за решетку, ссылали или попросту

убивали.

25 июня войска предприняли наступление на шахтерскую зону Катави-Уануни, где устроили настоящую бойню. 80 шахтеров было убито, сотни ранено. Шахтеров обезоружили, «свободная шахтерская зона» перестала существовать, так и не оказав никакой помощи партизанскому отряду Че. Шахтеры оказались неспособными не только на наступательные действия, но даже на успешное сопротивление войскам. Они фактически позволили себя разгромить, не оказав эффективного сопротивления карателям. Падение шахтерской «республики» настолько расхрипло Баррьентоса, что он наконец разрешил командиру четвертой дивизии Луису Рэке Терану заявить 5 июля о присутствии Че в его районе, крайне преувеличив его силы — около 400 партизан! — а также позволил в тот же день журналистам проинтервьюировать Дебрэ, который, в свою очередь, подтвердил, что Че действительно там «был». Можно было

подумать, что его там уже нет!

Однако оптимизму властей был нанесен серьезный удар несколько дней спустя, когда стало известно о захвате партизанами городка Самаипаты, в 350 километрах от Камири. То, что партизаны въехали в Самаипату в автобусе и что местный гарнизон во главе с подполковником не оказал им какого-либо сопротивления, вызвали уныние в правительстве и среди его американских покровителей. Посол Гендерсон заявил в Вашингтоне, выступая перед одной из сенатских комиссий, что боливийскому правительству будет очень трудно расправиться с партизанами, а «Нью-Йорк таймс» писала в те дни, что партизаны с военной точки зрения набирают силы и имеются основания сомневаться, в состоянии ли режим Баррьентоса покончить с ними.

Между тем в стране не прекращались антиправительственные выступления студентов, бастовали учителя, ходили слухи о возникновении партизанских очагов в других местах страны. В августе в Камири начался долгожданный процесс против Дебрэ, но стремление правительства использовать его для консолидации своих позиций путем разжигания ультранационалистических страстей не увенчалось успехом. Общественное мнение склонялось не в пользу правительства. Следствием этого было то, что конгломерат разношерстных политических групп, поддерживавший Баррьентоса, так называемый Боливийский революционный фронт, распался.

А что же делали в это время американцы? Они еще более энергично, чем в прошлом, стремились не допустить развития революционного антиимпериалистического движения на континенте, нагло вмешиваясь во внутренние дела латиноамериканских стран. Вашингтон продолжал душить блокадой Кубу и через ЦРУ лихорадочно готовил физическую расправу над вождем кубинской революции Фиделем Кастро, как это было выявлено во время конференции ОЛАС в Гаване. С другой стороны — Пентагон усиленно

▲ Недобитый экс-агент ЦРУ Феликс Родригес

▲ Майор Роберто Шелтон в Боливии для подготовки боливийских солдат

добивался создания объединенных межамериканских вооруженных сил, под вывеской которых могли бы осуществляться прямые вооруженные интервенции против «строптивых» латиноамериканских республик.

Что касается непосредственно Боливии, то она была наводнена американской агентурой, которая собирала всевозможную информацию и внимательно следила за развитием событий в этой стране. В Вашингтоне была создана Специальная оперативная группа (СОГ) для ликвидации отряда Че. Ее возглавил бригадный генерал авиации Уильям К. Скер, начальник разведки южного командования (Саутком) в зоне Панамского канала, владевший испанским языком и набивший руку на подавлении партизанских движений в Перу, Колумбии и Венесуэле. Его заместителем были назначены подполковник Редмонд И. Уебер, командир восьмого полка специальных сил («рейнджеров»), размещавшегося в той же зоне Панамского канала. Уебер создал из своих «специалистов»-диверсантов подвижное тренировочное подразделение из 50 человек под началом 38-летнего майора Ральфа У. Шелтона по прозвищу

«Паппи» — бывшего начальника «антипартизанских школ» в Лаосе и Доминиканской Республике, которому и было поручено подобрать из боливийцев и подготовить отряд «рейнджеров» в 600 человек. На это ему было дано два месяца. Одновременно тот же Паппи должен был организовать интенсивную переподготовку трех пехотных рот для борьбы с партизанами. На это ему отпустили месяц. В конце апреля эти части были спешно переброшены на сахарную плантацию «Эсперансы», превращенную в тренировочный лагерь и находящуюся в ста километрах к западу от Санта-Крус, где уже разместились Паппи и его специалисты по «мокрым» делам, которые, не теряя времени, приступили к обучению будущих убийц Эрнесто Че Гевары.

Важную роль при подготовке этих частей для борьбы с партизанами имела разведывательная работа, которую должны были вести специальные разведгруппы при соединениях «рейнджеров». В задачу этих групп входила не только вербовка агентуры среди местного населения, по и вкрапливание в местную среду профессиональных осведомителей,

которые выдавали себя в сельской местности за сантехников, охотников, купцов, учителей, родственников местных людей, сборщиков налогов, агрономов, студентов и просто туристов. На базе около Санта-Крус эти «науки» преподавали агенты ЦРУ кубинские контрреволюционеры капитаны Феликс Рамос, Эдуардо Гонсалес и капитан-пуэрториканец Маргарито Крус.

В начале августа «рейнджеры», подготовленные Паппи, были распределены в зоне действий партизанского отряда Че. А Рамос, Гонсалес и «консультант» министерства внутренних дел, некий Габриэль Гарсия, все трое кубинцы, выдававшие себя за докторов неизвестно каких наук, снабженные рекомендациями Баррьентоса, начальника военной разведки Федерико Араны и резидента ЦРУ в Боливии Уильяма Коулхэна, были прикомандированы к штабу четвертой дивизии, расположенному в Камири, где взяли под свой контроль всю разведывательную работу. Они лично допрашивали Дебрэ и других арестованных, подозреваемых в связях с партизанами, инструктировали осведомителей и занимались другими подобными делами. Начальник разведки четвертой армейской дивизии Арнольдо Сентено заявил 13 июля 1968 года суду, рассматривавшему дело Антонио Аргедаса: «Во всех действиях против партизан мы широко сотрудничали с Феликсом Рамосом и Эдуардо Гонсалесом, так как знали, что они служили Соединенным Штатам — стране, являвшейся нашей союзницей в антипартизанской борьбе».

Подполковник Андрес Селич Шон — командир 3-го батальона «рейнджеров», участвовавших в последнем сражении с отрядом Че, показал на том же суде: «Находившиеся в районе боевых действия агенты ЦРУ осуществили важную работу. Хочу особо отметить, что они предоставили нам фотографии действовавших в этом районе партизан, сообщили их приметы и, таким образом, позволили узнать о них все до их поимки».

Офицер боливийской разведки Майсес Васкес, со своей стороны,

заявил тому же суду, что «вся информация министерства внутренних дел, прежде чем поступить в разведывательный отдел армии, направлялась в американское посольство через сотрудника Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов капитана Хьюго Мэррея. Эта информация представлялась его агентами, работавшими в министерстве внутренних дел...»

Начальник разведывательного отдела министерства внутренних дел полковник Роберто Кинтанапилья, в свою очередь, подтвердил, что Рамос, Гонсалес и Гарсия «передавали информацию своему посольству в обход министра внутренних дел, прежде всего информацию, касающуюся осведомителей. Это они делали сами, скрывая от нас».

Было бы, однако, наивным считать, что такого рода беспардонная деятельность агентов ЦРУ в Боливии началась лишь в связи с партизанскими действиями отряда Че. ЦРУ,

по признанию Антонио Арредаса, окватило Боливию своими щупальцами еще в 1957 году, то есть за два года до победы кубинской революции и за десять лет до начала партизанских действий в этой стране.

Этот бой в ложбине Юро 8 октября 1967 года ведут против Че и его бойцов части «рейнджеров», вымуштрованных и руководимых агентом ЦРУ Шелтоном и кубинскими контрреволюционерами Рамосом, Гонсалесом и Гарсией.

Уже 29 сентября американские агентства сообщили из Камири, что боливийские войска обнаружили отряд Че Гевары в ложбине в 128 километрах к северо-западу от этого города и что к этому месту перебрасываются из Санта-Круса части «рейнджеров».

Американцы были настолько уверены, что их подручным удастся на этот раз расправиться с их смертельным противником, что «Нью-Йорк таймс» 7 октября публикует

статью под названием «Последнее сражение Че Гевары», в которой бьет в литавры по поводу его предстоящей и неминуемой гибели.

8 октября сержант Уинка, захватив в плен Че и Вилли, сообщил об этом командиру отряда «рейнджеров», действовавшего в ложбине Юро, капитану Гари Прадо. Это были первые пленные (Чино схватили несколько часов спустя), и, естественно, Прадо поспешил взглянуть на них. Он сразу же узнал в одном из раненых Че. «Я был так поражен, что чуть не лишился сознания», — признался впоследствии журналистам этот вояка. Прадо немедленно связался по радио с командующим дивизией полковником Сентено, которому передал кодовую фразу: «500 кансада», она означала: «Че пленен».

Вслед за этим Че и Вилли под усиленной охраной были направлены в Игеру. Че шел, хромяя, опираясь на двух солдат; Вилли со скрученными сзади руками. В Игере, куда они

▲ Андрес Селич (в центре) празднует победу

прибыли ночью, их привели в школу — маленькую хибару из двух комнаток. В одной из них поместили Че, связав ему предварительно руки, в другой — Вилли, тоже со скрученными руками. Несколько часов спустя военный санитар Фернандо Санко обмыл водой, продезинфицировал рану Че на ноге.

С рассветом начинают приземляться в Игере вертолеты с важными персонами. Первым появляется полковник Андрее Селич и полковник разведки Мигель Аноро, затем полковник Сентено, командующий армией генерал Овандо, контр-адмирал Угартече, «доктор» Гонсалес и другие агенты ЦРУ. Все они входят в комнату к Че, пытаются разговаривать с ним.

Что говорил своим врагам в эти свои последние часы Че, нам доподлинно неизвестно.

У него была еще беседа со школьной учительницей 22-летней Хулией Кортес. На классной доске было написано мелом по-испански: «Я уже умею читать».

Че сказал учительнице, улыбаясь:

— Слово «умею» написано с ударением: это ошибка!

Затем он стал ей рассказывать о развитии образования на Кубе. Даже в эти предсмертные часы он не забывал вести революционную пропаганду.

«Доктор» Гонсалес пытался его допрашивать, но Че молчал.

— О чем же вы думаете? — спросил его враг.

— Я думаю о бессмертии революции.

Возможно, это были его последние слова.

Все утро Овандо и другие высокие чины совещались по радио с Баррьентосом, а Гонсалес и его коллеги по ЦРУ — с американским посольством.

Гонсалес хвастливо передал по радиотелефону своему начальнику майору Ральфу У. Шелтону по прозвищу Паппи:

— Паппи, он у меня в руках.

Да, он действительно теперь был в руках своих смертельных врагов.

В полдень все они, за исключени-

▲ Че в плену

ем Селича и Анора, покинули Игеру и направились в Вальегранде. Они увезли с собой документы из рюкзака Че, в их числе его знаменитый дневник.

К тому времени в комнате, где содержался Вилли, уже находился и Чино.

Около половины второго 9 октября 1967 года к Вилли и Чино вошли «рейнджеры» и из автоматов убили обоих. Вилли успел крикнуть перед смертью: «Я горд, что умираю вместе с Че!»

Немедленно к Че ворвался младший лейтенант Марио Теран и в упор расстрелял его.

БЕССМЕРТНОЕ ДЕЛО РЕВОЛЮЦИИ

Мое поражение не будет означать, что нельзя было победить. Многие потерпели поражение, стараясь достичь вершины Джомолунгмы, и, в конце концов, Джомолунгма была побеждена.

Эрнесто Че Гевара

Враги убили Че. Они спешили убить его. Почему?

Совершенно очевидно, что, вероломно убивая раненого, связанного пленника, его враги не только стремились утолить душившую их жажду мести. Убийство Че было не обыч-

▲ Палач Гевары сержант Марио Теран

ное, а политическое преступление, ибо живой Че, хоть и плененный, хоть и в оковах, хоть и израненный, представлял для его врагов все еще огромную опасность.

Вряд ли Баррьентос удержался бы у власти, испытав на себе филиппики подсудимого Че, а уж его американским патронам пришлось бы не слаще. Держать же живого Че без суда за решеткой было бы для них не менее опасным. Весь мир поднялся бы на защиту Че, и, пока он оставался бы в темнице, спокойно не могли бы спать ни «гориллы» в Ла-Пасе, как и в других странах Латинской Америки, ни их дрессировщики в Вашингтоне.

Только со смертью Че они вновь надеялись обрести покой и уверенность в себе.

Они убили его еще и потому, что были уверены: их отвратительное преступление останется нераскрытым.

Когда в тот же день, 9 октября, еще не остывший труп Че был доставлен вертолетом в Вальегранде и сдан в местную больницу врачам на предмет констатации смерти, то представители боливийского командования заявили журналистам, что Че скончался от ран, полученных в бою в ложбине Юро.

Но сами же буржуазные журналисты помогли разоблачить эту ложь.

Во-первых, еще до того, как была пущена в ход эта лживая версия, Овандо бахвалился перед журналистами, что Че якобы заявил, оказавшись в плену: «Я потерпел поражение». Однако и врачи, осматривавшие труп Че в Вальегранде, и журналисты, которым было предоставлено такое же право, и сделанные ими снимки неопровержимо свидетельствуют, что на теле Че было 9 пулевых ран, из них по крайней мере две были смертельные: рана в сердце и рана в шею. Из этого следовало, что если Че получил эти раны в бою, то он не мог сделать заявление, которое приписывал ему Овандо, если же он сделал такое заявление, то, значит, он был убит, уже находясь в плену у «рейнджеров».

Журналисты разыскали десятки свидетелей, которые подтвердили, что Че был доставлен в Игеру с одним пулевым ранением в ногу, что там его пытались допрашивать, что он говорил с учительницей, наконец, что его убил Марио Теран. Никто не подвергал сомнению и того факта, что Вилли и Чино были действительно расстреляны в комнате рядом с Че, хотя о них тогда меньше всего говорилось в печати.

Журналисты стали задавать по поводу всех этих фактов «нескромные» вопросы представителям боливийских властей, которые не могли связать концы с концами и с каждым новым «пояснением» и «опровержением» все больше запутывались и выдавали тех, у кого руки были обгажены кровью Че.

Естественно, что главным ответственным — из боливийцев — за убийство Че все называли президента генерала Баррьентоса, который счел необходимым опровергнуть возводимые на него обвинения, заявив корреспонденту «Вашингтон пост» следующее: «Солдаты, захватившие Че, не обращались в Ла-Пас за инструкциями и не получали от нас приказа убить его. В этом не было необходимости. Военные части уже имели приказ не брать пленных. Слишком часто партизаны, обещая сдаться в плен, встречали их огнем. Лично я пред-

почитал бы иметь его пленником, чтобы навсегда разрушить миф Гевары. И так как я президент и обязан изыскивать средства, чтобы помогать Боливии, я рассмотрел бы любое предложение передать его живым Фиделю Кастро или любому другому за, скажем, 20 миллионов долларов».

Все было ложью в этом трусливом и постыдном заявлении.

Когда стало очевидным, что скрыть от мировой общественности правду об убийстве Че становится все труднее, боливийские власти пошли на новое преступление: они скрыли труп Че.

10 октября труп Че исчез из Вальегранде. По одним заявлениям Баррьентоса и Овандо, труп Че был захоронен в Боливии в только им известном месте, по другим же их заявлениям — тело Че подверглось кремации, а прах — захоронению. Ходили слухи и о том, что труп Че был передан ЦРУ, агенты которого увезли его в американскую зону на Панамском канале.

Точно установлено одно: прежде чем избавиться от тела Че, носившего на себе доказательства их вины, убийцы сняли с его лица маску и отрубили кисти его рук, заспиртовав их. Им были нужны доказательства, что их жертва — действительно Че. Они опасались, что народы не поверят, что эти пигмеи могли одолеть такого гиганта, каким был Че.

Но их опасения были напрасны. Сомнений быть не могло, что Че погиб, что его уже нет в живых. И одним из первых, кто за пределами Боливии признал этот факт, был сам Фидель Кастро.

Уже с 10 октября кубинская печать изо дня в день публиковала самые различные сведения о трагических событиях в Боливии, в том числе различные подробности и версии о гибели Че. Хотя все эти сведения печатались без комментариев, народ понимал, какую страшную правду они несут.

15 октября это подтвердил Фидель Кастро в своем выступлении по телевидению и радио. Вождь кубинской революции подробно осветил об-

стоятельства гибели Че и разоблачил его убийц, лихорадочно пытавшихся замести следы своего преступления. В заключение Фидель Кастро прочитал постановление Совета министров Кубы, в котором отмечались заслуги Че в борьбе кубинского народа и народов Латинской Америки за их освобождение от империалистического гнета. Объявлялся 30-дневный траур, и 8 октября провозглашалось «Днем Героического партизана». Учреждалась комиссия по проведению траурных мероприятий и увековечению памяти Че — во главе с Хуаном Альмейдой.

18 октября в 8 часов вечера на площади Революции в Гаване, где народ столько раз приветствовал Че, десятки тысяч жителей кубинской столицы в глубоком молчании слушали слова Фиделя Кастро о героических подвигах и трагической гибели того, кто жил, боролся и отдал свою жизнь за свободу и счастье народов Латинской Америки...

Гибель Че потрясла и взволновала трудящихся всех стран. В Гавану нескончаемым потоком шли послания с соболезнованием от коммунистических партий и других прогрессивных организаций, от деятелей

▲ Растрелянный Че Гевара

▲ Растрелянный Че Гевара

международного рабочего движения.

17 октября 1967 года Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза направил в адрес Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы товарищу Фиделю Кастро телеграмму следующего содержания:

«Коммунисты Советского Союза с глубокой скорбью восприняли весть о героической гибели товарища Эрнесто Че Гевары.

Товарищ Че Гевара погиб за великое дело освобождения народов от гнета и эксплуатации. Он навсегда останется в нашей памяти как мужественный революционер, человек высокой душевной чистоты и беспримерной самоотверженности».

18 октября эта телеграмма была опубликована в «Правде», где также был напечатан некролог об Эрнесто Че Геваре, подписанный Генеральным секретарем Л. И. Брежневым и другими членами Политбюро ЦК КПСС.

Что касается Латинской Америки, то там гибель Че вызвала такую волну возмущения и гнева против империализма США и его боливийских слуг, такое глубокое чувство со-

лидарности с подвигом Че, которые по своему накалу и эмоциональности можно было сравнить разве только с волной солидарности, захлестнувшей континент в связи с победой кубинской революции в 1959 году.

Смерть Че породила тысячи и тысячи новых врагов империализма в странах Латинской Америки, еще более обострила классовые противоречия в этих странах. Весьма характерно, что даже многие буржуазные газеты как в США, так и в Латинской Америке писали в эти дни, что гибель Че ничего не решает, ибо, пока народы Латинской Америки будут жить в нищете, здесь неизбежны новые социальные потрясения, появление еще более мощных революционных движений, чем то, которое возглавлял расстрелянный в неизвестной сельской школе в Игере Эрнесто Че Гевара.

Нам предстоит рассказать еще о некоторых фактах, имеющих отношение к пребыванию Че в Боливии, в частности к обстоятельствам его смерти.

Когда погиб Че, в Камири все еще продолжался процесс над Дебрэ, Бустосом и другими участниками партизанского движения.

Теперь, со смертью Че, отпала необходимость для боливийских властей в продолжении этого фарса. 17 ноября военный суд осудил Дебрэ и Бустоса на 30 лет тюремного заключения, провокаторы тоже получили «сроки», что не помешало им сразу же обрести свободу.

Дебрэ и Бустос просидели в заключении в том же Камири до января 1971 года, когда были амнистированы и высланы в Чили. Месяц спустя Дебрэ прибыл на Кубу. Кубинская печать сообщила, что Дебрэ выступит перед журналистами с рассказом о своих боливийских злоключениях, но такой пресс-конференции не последовало. Вскоре он покинул Кубу и вернулся в Европу, где опубликовал книгу о беседах с Сальвадором Альенде, президентом Чили.

В июле 1968 года весь мир облетела сенсационная новость: Фидель Кастро объявил в Гаване, что кубинское руководство получило из Боливии от одного своего доброжелателя фотокопию дневника Эрнесто Че Гевары и что, убедившись в его подлинности, решило опубликовать его большим тиражом на Кубе для бесплатного распространения. Кубинское руководство также решило

безвозмездно передать зарубежным издательствам копию дневника для его опубликования за границей.

В Ла-Пасе Фиделя Кастро попытался опровергнуть президент Баррьентос. Он заявил, что все фотокопии дневника Че находятся под его личным контролем и что Фидель Кастро может представить или подложную копию дневника, или часть его, склеенную из разрозненных мест, опубликованных в разное время самим боливийским правительством.

3 июля 1968 года Фидель Кастро выступил по гаванскому телевидению и представил для всеобщего обозрения фотокопии дневника Че, а также других документов, захваченных боливийскими властями при его пленении. Глава кубинского правительства разоблачил постыдные махинации боливийских высоких чинов, пытавшихся на протяжении восьми месяцев продать иностранным издательствам дневник своей жертвы чуть ли не за миллион долларов.

Сомнений быть не могло: дневник Че и все другие документы из его рюкзака, хранившиеся до сих пор за крепкими замками в сейфах президента Боливии и ЦРУ в Вашингтоне, оказались в Гаване, и теперь революционная Гавана, а не Ла-Пас и Вашингтон, обнаружит их.

Через несколько дней президент Баррьентос был вынужден признать, что Гавана действительно обладает подлинными фотокопиями документов Че. Но если это было так, то возникал другой законный вопрос: кто их передал в Гавану? Не подлежало сомнению, что передать их могло только очень высокопоставленное лицо. Но кто?

Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать. 19 июля того же года из Боливии бежал в Чили министр внутренних дел Антонио Аргедас, один из самых доверенных людей президента Баррьентоса. Аргедас заявил чилийским журналистам, что на протяжении ряда лет он являлся агентом ЦРУ и что именно он, решив порвать со «зловещей бандой, которая плетет заговор против человечества», переслал документы Че в Гавану.

То, что последовало вслед за этим, было похоже на детективный фильм. Аргедас из Чили направился в Лондон, потом в Нью-Йорк, потом в Лиму. Всюду он делал различного рода, часто противоречащие друг другу заявления. В Лиме Аргедас неожиданно объявил, что возвращается в Ла-Пас, где готов предстать перед судом и ответить за свои действия.

Действительно, Аргедас вернулся в Ла-Пас, где был арестован. Его судил высший военный трибунал, но судил при закрытых дверях, и, о чем там шла речь, некоторое время оставалось тайной. Стало известно только, что суд не вынес никакого решения по его делу, а самого Аргедаса освободил.

Год спустя Аргедаса пытались убить неизвестные в Ла-Пасе, где среди бела дня в него стреляли из пулемета из мчавшейся машины. Аргедас был ранен, пролежал в госпитале, по выходе из которого укрылся в мексиканском посольстве.

В сентябре 1969 года власти решили ему покинуть Боливию, и Ар-

гедас с семьей уезжает в Мексику, а некоторое время спустя обосновывается на постоянное жительство в Гаване.

Вскоре после этих событий фотокопии тайного судебного дела Аргедаса — 250 фотоотпечатков — очутились за границей, и выдержки из него стали появляться в печати разных стран Латинской Америки и Европы. Затем протокол этого процесса был полностью опубликован в книге аргентинского публициста Грегорио Сельсера «ЦРУ в Боливии». Некоторые места из этого дела мы уже цитировали. Аргедас в своих показаниях перед судом разоблачал подрывные действия ЦРУ и его агентуры в Боливии. Объясняя свои действия, Аргедас заявил суду: «Я покинул страну, так как, выполняя обязанности министра внутренних дел, убедился в том, что моя родина в значительной степени лишилась своего национального суверенитета, что североамериканские службы в Боливии всемогущи. Я стал жертвой правительства Соединенных Штатов».

▲ Прядь волос отпечатки пальцев Че Гевары

▲ Кисти рук Че Гевары

Аргедас признал, что именно он передал дневник Че в Гавану, сделал он это безвозмездно и из патристических побуждений. «Из бесед с североамериканскими чиновниками, — сказал Аргедас суду, — я выяснил, что североамериканское правительство хотело вызвать широкий интерес к содержанию походного дневника майора Эрнесто Гевары, дабы затем дать дневнику собственную версию и внести значительные изменения в оригинал с целью оправдать многостороннюю вооруженную агрессию против Кубы и массовые репрессии внутри страны. То есть была задумана провокация с выпуском фальшивого или далекого от подлинного текста дневника».

Документы процесса Аргедаса дают обильную пищу для размышлений о том, каково было в действительности политическое лицо этого

не совсем обычного персонажа боливийской драмы.

— Вы коммунист? — спросил Аргедаса председатель суда.

— Я марксист-гуманист, — не моргнув глазом ответил обвиняемый.

— Какого вы мнения о Геваре?

— Он герой, пример для всей Америки.

— Расскажите суду, были ли вы знакомы с Эрнесто Че Геварой и братьями Передо и какие отношения вы с ними поддерживали?

— Я не имел чести лично знать майора Эрнесто Гевару. С майором Инти Передо у меня было шапочное знакомство. Что же касается майора Роберто Передо (Коко), лично я его глубоко уважал, хотя никогда не поддерживал с ним связей политического характера.

С опубликованием подлинного дневника Че в Гаване провокацион-

ные планы ЦРУ провалились.

Но Аргедас, проявивший немало личного мужества во всех этих делах, ибо, пока добрался до Гаваны, он ходил по острию ножа, передал кубинцам не только документы из рюкзака Че. Об этом сообщил Фидель Кастро в 1970 году, выступая на митинге в честь 26 июля.

«Я хочу сообщить вам следующее, — сказал тогда глава кубинского правительства, — после истории с дневником д-р Аргедас продолжал бороться и старался переправить в нашу страну гипсовый слепок с лица Че, маску, которая была сделана там в день, когда он был убит, и, кроме того, он сохранил и переправил в нашу страну кисти рук Че Гевары.

Руки Че хорошо сохранились. Кубинские специалисты приложили для этого особые усилия.

Традиции нашей страны известны. Она хоронит своих сынов. Это традиция. У каждого народа есть свои традиции. Масео, Марти были похоронены. И так мы будем поступать всегда. Но мы задались вопросом: „Что делать с руками Че?“

Это его плоть, единственное, что у нас осталось от него. Нам даже неизвестно, удастся ли нам когда-нибудь найти его останки. Но у нас есть руки, которые практически в целости и сохранности.

И именно поэтому мы желаем задать народу вопрос, каково его мнение по этому поводу. (Возгласы: „Сохранить их!“)

Сохранить? Тогда мы хотим вынести на суд народа такое предложение: уже сделана копия с маски, и мы можем сделать таким способом много репродукций и сохранить оригинал маски. Можно также хранить руки Че в стеклянной урне и поставить ее здесь, у статуи Марти, в каком-нибудь зале в день очередной годовщины его гибели. Это руки, в которых он держал оружие, ведя борьбу за освобождение, руки, которыми он писал, излагая свои блестящие мысли, руки, которыми он работал на плантациях сахарного тростника, в портах, на стройках. И можно сделать нечто вроде музея

Че, если вы захотите, нечто вроде временного музея.

Че не принадлежит нашей стране. Че принадлежит Америке. И в один прекрасный день эти руки будут находиться там, где пожелают народы Америки. А пока наш народ будет хранить их и будет заботиться о них...

Итак, в ближайшую годовщину гибели Че Гевары мы откроем это помещение, где будут находиться его маска и его руки и куда сможет свободно приходить народ и осматривать их. Хотя нужно признать, что в такой момент любому человеку будет трудно. Я знаю, что на многих товарищей даже сама эта идея произвела большое впечатление, оказала сильное воздействие. Я понимаю, что такое же воздействие это окажет и на всех вас.

Перед началом митинга здесь была Алеидита (Алеида Марч — жена Гевары. — Авт.). Я разговаривал с ней, и я сказал ей об этом, чтобы не застать ее врасплох. Ее глаза немного покраснели, из них выкатилось несколько слезинок, но она сказала:

„Да, хорошо“.

Так что подруга Че знала об этом. Отец знал об этом. Об этом знало всего несколько человек. Дети, например, об этом не знали.

Так или иначе, мы всегда будем крайне признательны д-ру Аргедасу за то, что он сделал.

Че убили, но не смогли помешать тому, чтобы его дневник попал на Кубу. Старались сделать так, чтобы его тело исчезло, но не смогли помешать тому, чтобы его руки оказались на Кубе. Неизвестно, для чего сделали его маску, но ничто не могло помешать тому, чтобы она попала в руки кубинского народа.

Справедливая идея, дело Че, его достоинство, его величие сделали то, что казалось невозможным. Человек, который официально был в составе боливийского правительства, ведшего борьбу против Че, рисковал жизнью не один, а много раз, чтобы спасти дневник Че и переправить его на Кубу, а затем чтобы спасти руки и маску Че и переправить их нам.

Вот об этом я хотел сказать вам».

***

Когда смотришь на события, которые произошли в Латинской Америке после гибели Эрнесто Че Гевары, невольно вспоминаешь совет известного уже читателю Тэда Шульца, автора книги «Ветры революции», заклинавшего своих коллег не следовать правилам рассудка или логики, анализируя здешнюю действительность. Главное же, предупреждал Шульц, не пытайтесь предсказывать ход событий, если не хотите остаться в дураках: сцена слишком заполнена актерами, они действуют слишком быстро, движимые видимыми и скрытыми пружинами огромной силы.

Действительно, вряд ли самый опытный наблюдатель латиноамериканской политической сцены мог в дни гибели Че предсказать то, что произошло на этом континенте некоторое время спустя. События же здесь развивались следующим образом.

В ночь со 2 на 3 октября 1968 года в Перу власть взяло в свои руки высшее командование перуанской армии, образовавшее военное прави-

▲ Останки Че Гевары, доставленные на Кубу

▲ Тело Че, привязанное к полозьям вертолета

тельство во главе с генералом Хуаном Веласко Альварадо. Прогрессивная общественность встретила настороженно военный переворот в Перу, однако вскоре новые военные власти в этой стране своими действиями доказали, что они пришли к власти вовсе не для защиты интересов помещиков и иностранных монополистов. Наоборот. Правительство генерала Веласко Альварадо в короткие сроки национализировало собственность американской «Интернэшнл петролеум компани», осуществило радикальную аграрную реформу, установило дипломатические отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Прошло два года, и в Чили на президентских выборах победил блок Народного единства, объединяющий все прогрессивные революционные силы страны. Президентом Чили стал лидер блока — Сальвадор Альенде. Впервые демократическим путем, через избирательные урны в одной из стран Латинской Америки к власти пришли революционные силы. Озлобленная их бескровной победой, реакция пыталась убийством военного министра генерала

Шнейдера и другими действиями спровоцировать гражданскую войну, но ее происки потерпели провал. Правительство президента Сальвадора Альенде, опираясь на единство революционных сил и поддержку трудящихся, укрепило свои позиции и приступило к осуществлению намеченных преобразований: национализировало главное богатство страны — медь, убило проведение аграрной реформы, стало осуществлять независимую внешнюю политику, восстановив дипломатические отношения с Кубой и другими социалистическими странами.

События в Перу и Чили не прошли бесследно и для Аргентины. Правительство этой страны, возглавляемое генералом Лануссе, высказалось вопреки планам Пентагона за сотрудничество с Перу и Чили на основе взаимного невмешательства и уважения суверенитета.

Не менее знаменательные события произошли в эти годы в Боливии, 27 апреля 1969 года президент Баррьентос погиб в авиационной катастрофе. Его место занял вице-президент Силес Салинис. Пять месяцев спустя, 26 сентября того же

года, в результате очередного военного переворота президентом был провозглашен генерал Альфредо Овандо Кандия. Но он уже не мог править страной традиционными методами своих предшественников. Чтобы удержаться у власти, Овандо был вынужден не только говорить о защите национальных интересов, но и кое-что сделать реальное в этом направлении.

Подражая перуанским генералам, он национализировал собственность «Боливиэн галф ойл компани» — филиала крупной американской нефтяной монополии «Галф ойл корпорейшн». Он тоже установил дипломатические отношения с Советским Союзом и даже пытался возложить всю ответственность за гибель Че Гевары на покойного Баррьентоса, утверждая, что когда судьба Че решалась в боливийском правительстве, то он, генерал Овандо Кандия, голосовал против убийства героического партизана. Более того: Овандо стал говорить о позитивном вкладе Эрнесто Че Гевары в развитие боливийской революции. Гевара, сказал в одном из своих выступлений Овандо, «боролся другими средства-

ми за идеал великой латиноамериканской родины, за который боремся и мы».

Поведение Овандо вызвало резкое недовольство на Капитолийском холме в Вашингтоне. В конфиденциальном докладе правительства США сенатской комиссии по иностранным делам Овандо был назван «оппортунистом без идеологии и политических убеждений». Это стало известно боливийскому правительству, которое устами своего министра информации Альберто Бэйли обвинило презренных янки в подрывной деятельности. «Они, — заявил Бэйли, — обвиняют в коммунизме всякое правительство, ставящее интересы своей страны выше интересов крупных империалистических американских корпораций, которые уже лишили наши страны стольких богатств, сделав нас беднее, чем когда-либо».

Но действия Овандо, хотя и вызывали недовольство Вашингтона, не прибавляли ему друзей среди боливийцев, в частности среди офицерства, на поддержку которого он рассчитывал в первую очередь.

Американская агентура в армии, в особенности офицеры, принимавшие непосредственное участие в карательных антипартизанских акциях, считали Овандо чуть ли не предателем, в то же самое время для патриотически мыслящих офицеров Овандо, правая рука Баррьентоса, оставался одиозной фигурой, руки которого обгажены кровью Че.

Лишившись поддержки тех и других, 6 октября 1970 года Овандо был свергнут. Некоторое время в стране господствовала неразбериха. Одновременно шесть военных заявляли, что они являются президентами страны. Дело кончилось тем, что в президентском дворце в Ла-Пасе утвердился генерал Хуан Хосе Торрес, который при Баррьентосе был начальником генерального штаба.

Торрес выдвинул прогрессивную программу социальных преобразований, его поддержали трудящиеся — шахтеры, крестьяне. Торрес восстановил демократические свободы, освободил политических заключенных, в том числе и Дебрэ. Однако и он не смог удержаться у власти:

в августе 1971 года его, в свою очередь, свергли. Демократические силы Боливии, раздробленные, оказались не в состоянии оказать действенное сопротивление реакции. Знаменательно, что в эти дни борьбы за власть мужественно и решительно выступал на стороне народа полковник Рубен Санчес, тот самый Рубен Санчес, который в одной из стычек 10 апреля 1967 года был взят в плен партизанами Че. По-видимому, этот эпизод сыграл положительную роль в жизни этого военного, ставшего одним из ближайших сотрудников генерала Хуана Хосе Торреса.

И все же, несмотря на это поражение, революционный процесс в Латинской Америке после гибели Эрнесто Че Гевары развивается успешно.

Действительно, пять лет назад мало кто мог предположить, что активными участниками этого процесса станут высокопоставленные военные и даже некоторые из тех, кто вел войну против Эрнесто Че Гевары и его мужественных соратников.

▲ Памятник Че Геваре в Боливии Лас Игерас

* * *

Смерть Че породила десятки, сотни книг и брошюр на многих языках мира. Ему посвящены стихи, поэмы, драмы, рассказы, романы, фильмы. Разумеется, о нем пишут не только доброжелатели и друзья, но и коварные и хитрые враги. Они, эти враги, убив его физически, пытаются теперь убить его политически, ибо образ Че-революционера для них не менее опасен, чем был опасен сам живой Че. Чего только не пишут эти продажные писаки о Че... Одни делают из него супергероя-одиночку, трагическую личность, революционера-самоубийцу, другие выдают его за анархиста, троцкиста, последователя Мао Цзэ-дуна, как это делает, например, выполняя поручение ЦРУ, в своей биографии Че Даниэль Джеймс.

Вся эта фальсификаторская работа шита белыми нитками. Че терпеть не мог революционной позы, псевдогероику, всякого рода сектантов, мелкобуржуазных брехунов и ультра-троцкистов и им подобных провокаторов, которых объединяла и объединяет ненависть к коммунизму и к Советскому Союзу. И как бы клеветники ни старались, им не удастся «присвоить» себе светлый образ Че, коммуниста, борца и друга Советского Союза, каким он был в действительности и каким он навсегда останется в памяти всех прогрессивных людей мира.

ОТ РЕДАКЦИИ

Всех, кто был причастен к насильственной смерти Эрнесто Че Гевары, постигла суровая кара возмездия — проклятья и месть легендарного партизана.

27 апреля 1969 года в окрестностях боливийского местечка Арке близ Кочабамбы взорвался вертолет. В нем летел президент Боливии Рене Баррьентос. В свое время согласно одной из лживых версий о гибели Че Гевары, распространенной пресс-службой президента, тело латиноамериканского революционера Эрнесто Че Гевары было сожжено. Баррьентос реально сгорел.

▲ Клаус Барбье

14 июля 1969 года бойцы командос из боливийской партизанской Национально-освободительной армии привели в исполнение приговор Онорато Рохасу, предавшему Че Гевару, добровольно выдавшему властям за 30 сребреников точное место расположения отряда партизан.

Марио Тиран, расстрелявший раненого Че Гевару, вскоре сошел с ума. В 1969 году он пытался покончить с собой. Выбросился из окна многоэтажки в городе Санта-Крус. Но выжил. После этого несколько лет его держали в закрытой психлечебнице. Выйдя из лечебницы — ослеп.

В начале 1970 годов ликвидирован майор Хуан Айороа командир рейнджеров, преследовавших партизан в последнем бою.

В мае 1970 года Андрес Селич, лично участвовавший в допросах Че Гевары, пытавшийся применить к пленному особые, усиленные пытки, был забит палками в боливийской тюрьме. Став министром внутренних дел в правительстве диктатора

Уго Бансера, организовал заговор с целью свержения диктатора. Заговор был раскрыт Селич разоблачен и арестован.

В конце мая 1970 года в Париже был убит боливийский посол генерал Хоакин Сентено Анайя. В 1967 году он командовал дивизией, в чью зону действий входил район Вальегранде, где действовал отряд Че Гевары. Генерал передал приказ Баррьентоса в ла Игера о казни пленного Че Гевары: код 500 — 600. 500 — Че Гевара, 600 — казнить.

25 сентября 1970 года в Гамбурге был ликвидирован генеральный консул Боливии Роберто Тото Кинтанилья. В 1967 году полковник Кинтанилья возглавлял разведывательный отдел министерства внутренних дел. Под его непосредственным руководством и в его присутствии мертвому Че Геваре отрубили кисти рук. Приговор привела в исполнение член боливийской партизанской Национально-освободительной армии боевик Моника Эртль, тремя выстрелами

в грудь из револьвера в помещении консульства. 12 мая 1973 года Моника Эртль была убита в Боливии агентами боливийских спецслужб, попав в засаду, по косвенным признакам устроенной Клаусом Барбье. У диктатора Баррьентоса консультантом, почетным полковником боливийских спецслужб был Клаус Барбье — «лионский мясник», бывший шеф гестапо в Лионе. Барбье настоятельно советовал Баррьентосу «обязательно расстрелять плененного Че Гевару». Барбье под именем Клауса Альтмана работал на министерство внутренних дел Боливии. В 1983 году был выдан французским властям, где предстал перед судом. Был признан виновным в преступлениях против человечности и осужден к пожизненному заключению.

9 октября 1970 года на шоссе из Ла-Паса в Оруро был обнаружен обезглавленный труп. Это был полковник Эдуардо Уэрта Лоренцетти, возглавлявший оперативное руководство действиями против партизан, пленение Че Гевары, допросы, пытки и издевательства как над са-

мим Че Геварой, так и над пленными партизанами.

12 февраля 1976 года в Буэнос-Айресе тремя пулями в голову был убит генерал Хуан Хосе Торрес, занимавший пост начальника генерального штаба армии в 1967 году.

Командующий сухопутными войсками генерал Альфредо Овандо после смерти Баррьентоса возглавил страну. На него было совершено покушение, но он остался жив, был убит его любимый сын Марсело. Вскоре он сам был свергнут военной хунтой.

В 1981 году во время подавления выступления в провинции Санта-Крус был тяжело ранен бывший капитан боливийских рейнджеров Гарри Прадо. Пуля прошла сквозь оба легких, задела позвоночник, вызвав паралич.

Долгое время оставался невредимым бывший министр внутренних дел Боливии «марксист-гуманист» генерал Антонио Арбедас. На него было совершено несколько безрезультатных покушений. В 2002 году на центральной площади Ла-Паса

в руках 72-летнего боливийца взорвалось взрывное устройство. Боливийцем был Антонио Арбедас.

***

11 октября 1967 года тела расстрелянных Че Гевары и шестерых его соратников были тайно захоронены в могиле, которую сравняли с землей и залили асфальтом на взлетно-посадочной полосе аэродрома в окрестностях населенного пункта Валлегранде.

В 1995 году боливийский генерал в отставке Марио Варгас Салинас заявил, что Эрнесто Че Гевара похоронен на аэродроме Валлегранде. Поиски и раскопки тайного захоронения велись длительное время, наконец, было обнаружено захоронение. Среди нескольких останков тел, у одного не было кистей рук.

17 октября 1997 года останки Че Гевары торжественно, при огромном стечении народа, были помещены в мавзолей, устроенный в основании памятника, воздвигнутого к двадцатой годовщине его гибели в городе Санта-Клара, Куба. ■

▲ Монумент Че Геваре в Санта Кларе, Куба

Ю.А. НЕРСЕЦОВ

СМЕРТЬ ВЕРСАЛЬСКОЙ ГИЕНЫ

▲ Версальская мирная конференция

Воссозданная на Версальской мирной конференции Польша родилась уродливой и склочной. С первых месяцев существования страна ухитрилась втянуться сразу в несколько конфликтов с почти всеми соседями, включая Советскую Россию, Германию, Украину, Чехословакию и Литву. За любовь к нападениям на противников, находящихся в беспомощном состоянии, британский премьер Уинстон Черчилль остроумно сравнил Польшу с гиеной. «Польша с жадностью гиены приняла участие в ограблении

и уничтожении Чехословацкого государства. Польша — это гиена Восточной Европы».

Поддержка Великобритании и Франции, которые видели в Польше свой восточный форпост против Германии и Советского Союза и тяжелейшие внутренние неурядицы соседей позволили полякам отхватить изрядные куски их территорий, включая Западную Украину, Западную Белоруссию, Вильнюс с окрестностями и часть населенной немцами Силезии. (Причем именно ту часть, на которой добывалось 90 %

бурого угля). Так на карте появилась Вторая Речь Посполитая. Она в полной мере унаследовала этническую и религиозную пестроту первой, и также постоянно стремились округлить свою территорию почти исключительно за счет соседей. Кроме походов на Москву, Вильно и Киев, польские генералы, грезили парадом победы в Берлине и требовали десятую часть африканских колоний Германии. На худой конец годились французский Мадагаскар или португальский Мозамбик.

Плантаций с неграми паны так

Нерсесов Юрий Аркадьевич, российский публицист и журналист, родился в Ленинграде 13 октября 1967 года. Окончил Ленинградский государственный морской технический университет в 1991 году. Работал инженером в НИИ завода «Электросила». В годы перестройки состоял в различных политических организациях (Союз спасения Родины им. Л.П. Берии, Федерация Социалистической молодежи, Социалистический союз трудового народа и др.), тогда же проявил себя как публицист. В 1993 году участвовал в обороне Верховного Совета в Москве. В 1996-1998 годах судился с Анатолием Собчаком. Судебный процесс выиграл. В 1990-2000 годах активно сотрудничал в изданиях «Санкт-Петербургские Ведомости», «Новый Петербург», «Правда», «Советская Россия», «Спецназ России», «Завтра» и др. Со второй половины 2000 годов выпускающий редактор интернет-издания «АПН Северо-Запад», дочерней структуры Агентства политических новостей. Автор книг исторической публицистики.

и не получили. Обидели их и в конфликте с Чехословакией. Видя в этой стране еще один противовес Германии и СССР, англо-французы не дали полякам завладеть целиком Тешинской областью с Тршинецким металлургическим заводом, входившим в число крупнейших в Европе. Пришлось удовлетвориться восточной частью области, где поляки составляли большинство населения, а приобретение западной, где находился Тршинецкий завод, но 67 % населения составляли чехи, отложить до удобного момента.

Удобный момент настал после прихода к власти Гитлера. Польское руководство сразу попыталось заручиться и его покровительством, чтобы получить свою долю добычи от грядущего передела Европы. Когда Гитлер в 1938 году потребовал от Чехословакии передать ему немецкоязычную Судетскую область, а Франция с Англией отказали Праге в поддержке, Польша присоединилась к Гитлеру вместе с Венгрией, и это окончательно вынудило Чехословакию капитулировать.

Чехословацкие вооруженные силы были немногим слабее германских, а по некоторым показателям даже превосходили их, однако воевать в одиночку одновременно

против Германии, и поддержавших ее Венгрии и Польши, Чехословакия не могла. Союзники выставляли против нее вдвое более многочисленную армию, а граница с Венгрией, Польшей и присоединенной к Германии Австрией в отличие от немецко-чехословацкой была укреплена довольно слабо. Главное же — 27,5 % населения страны составляли немцы, венгры и поляки, в большинстве симпатизирующие братьям по крови, да и среди представлявших 27 % населения словаков и обитающих в Закарпатье русинов преобладали сепаратистские настроения. При первых же крупных столкновениях с противником, чехословацкая армия могла просто развалиться, и потому власти предпочли передать Германии Судетскую область, а Венгрии — южную Словакию.

Польша за помощь фюреру была награждена западной частью Тешинского края. Заодно поляки прихватили словацкие деревни Гладовка, Лесница, Сухая Гора и Татранская Яворина, после чего разохотившись, стали готовить полную оккупацию Литвы, но после протестов из Москвы и Парижа были вынуждены сдать назад. В марте 1939 года Польша снова поучаствовала в ликвидации остатков Чехословакии, и ее вой-

ска помогли Венгрии оккупировать Закарпатье.

Однако главной задачей польской политики оставалась борьба с москалями. «Расчленение России лежит в основе польских государственных интересов на Востоке, — заявлял создатель и диктатор новой Польши, знаменитый террорист Юзеф Пилсудский. — Создание ряда национальных государств на территории Европейской России, которые находились бы под влиянием Варшавы, позволило бы Польше стать великой державой, заменив в Восточной Европе Россию». («Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy». Т.ІІІ.)

Отрезать Пилсудский предполагал самые теплые и богатые земли. «Замкнутая в пределах границ времен XVI века, — считал он, — отрезанная от Черного и Балтийского морей, лишенная земельных и ископаемых богатств Юга и Юго-Востока Россия могла бы легко перейти в состояние второсортной державы, неспособной серьезно угрожать новообретенной независимости Польши. Польша же, как самое большое и сильное из новых государств, могла бы легко обеспечить себе сферу влияния, которая простиралась бы от Финляндии до Кавказских гор».

▲ Заключение Пакта Пилсудского-Гитлера

Впервые с подобными идеями будущий вождь выступил в 1904 году, когда после начала русско-японской войны просил у приближенных императора Муцухито денег на борьбу с кровавым царским режимом. Японцы денег не дали, но после 1918 года в распоряжении пана Юзефа оказался бюджет целого государства. Вскоре Варшава стала желанным домом украинских, белорусских, кавказских и поволжских самостийников, а также донских и кубанских казаков, оформив покровительство им красивым названием — прометеизм. Михаил Саакашвили, открывая 23 ноября 2007 года в Тбилиси памятник Прометею, вместе с президентом Польши Лехом Качиньским, имел в виду именно этот политический проект и организацию «Прометей», созданную для его реализации в 1926 году.

Пропагандируя свой проект, прометейцы, разъясняли, что Польша, подобно легендарному титану, принесет угнетенным народам пламя

свободы, и русские оккупанты сгорят в этом очистительном огне. Однако все случилось с точностью до наоборот, и вскоре сама Вторая Речь Посполитая запылала как сухое полено.

История показала, что даже самые богатые и процветающие многонациональные государства типа Бельгии и Канады часто находятся под угрозой развала, а менее благополучные, как СССР и Югославия, неукоснительно разваливаются. Как правило, крах наступает после снижения доли государствообразующей нации ниже 50 % от общей численности населения, а если она была изначально ниже, то после ухода удерживающего страну сильного лидера. Вторая Речь Посполитая была одной из беднейшей стран Европы, деградировав даже по сравнению с 1913 годом, когда ее территория входила в состав России, Германии и Австро-Венгрии.

Пилсудский умер в 1935 году, а сменившая его военно-граждан-

ская хунта во главе с маршалом Эдвардом Рыдз-Смиглы была малопопулярна и раздиралась склоками. Национальные меньшинства (в основном украинцы, белорусы, евреи и немцы) составляли свыше 30 % населения, но практически отсутствовали в военно-политической верхушке. В восточных областях украинцы и белорусы абсолютно преобладали и были крайне недовольны неравноправным положением, репрессиями против национальных организаций и, прежде всего, изъятием лучших земель в пользу польских колонистов. Неудивительно, что порой пленные польские офицеры просили победителей защитить их от набранных на востоке солдат, а среди белорусских призывников была распространена песенка со словами «Вы ня думайце, палякі, вас ня будзем бараніць, мы засядзем у акопах і гарэлку будзем піць».

Тем не менее, разложение страны еще не дошло до последней стадии.

При вменяемой внешней политике Вторая Речь Посполитая могла бы и уцелеть, но наглость варшавских политиканов могла равняться только с их тупостью. Когда столь «могучая» держава граничит с одной стороны с СССР, а с другой — с Третьим Рейхом (Германия, Австрия и Чехия, плюс часть нынешних польских земель, Калининград и Клайпеда), имеет смысл договориться либо с западным, либо с восточным соседом. Как известно, не произошло ни того, ни другого. Варшава отказалась выполнить требования Бер-

лина, хотя они были чрезвычайно умеренными. Гитлер желал присоединить к Германии отделенный от нее после 1918 года и ставший вольным городом Данциг с 95 % немецкого населения. Построить через польские земли экстерриториальные автомобильную и железную дороги, связывающие с Германией Восточную Пруссию, также отделенную от нее по условиям Версальского договора. Ну и сверх того, присоединить Польшу к германо-итало-японско-венгерскому Антикоминтерновскому пакту.

Однако Варшава категорически отказалась. Не пожелала она и допустить на свою территорию советские войска в случае нападения Рейха на Францию или саму Польшу, хотя СССР гарантировал не вмешиваться в ее внутренние дела, а Франция предложила для страховки ввести на польскую территорию 2 своих и 1 английскую дивизии. Впоследствии опыт совместной оккупации Ирана и Австрии показал, что Москва подобные договоренности соблюдает, а советскую власть вводит лишь в странах, которые отошли в ее сферу влияния по договоренности с партнерами.

Первый вариант превращал Польшу в союзника Рейха, а в обмен на участие в походе на восток давал шанс поживиться за счет раздела Советского Союза. Опыт последующих событий показал, что Гитлер в таких случаях неукоснительно делился. Италия за участие в разгроме Югославии получила Черногорию, Косово и большую часть Далматинского побережья. Румынии, выделившей против СССР две армии, досталась территория между Прутом и Южным Бугом с Кишиневом и Одессой.

Второй вариант предполагал польское участие в англо-франко-советском ударе по Германии, в котором союзники имели бы не менее чем трехкратный численный перевес и многократное преимущество в танках и артиллерии. Победа означала бы неминуемое участие в разделе уже немецкого пирога с хорошими шансами приобрести Силезию и Западную Померанию с их развитой промышленностью.

Но варшавская хунта выбрала третий вариант, оказавшийся самым тупым. Отвергнув все предложения Германии и СССР, они предпочли надеяться на англофранцузские гарантии, хотя точно так же понадеявшейся на Лондон и Париж Чехословакии уже не существовало. Предполагалось, что главные силы германской армии будут сосредоточены на западной границе, где не позднее чем через две недели после начала войны должно начаться наступление главных сил союзников.

▲ Маршал Эдвард Рыдз-Смиглы

▲ Немцы в Варшаве

Оставшиеся же 20–30 дивизий польская армия, мобилизация которой началась даже раньше, чем в Германии — 23 марта 1939 года, рассчитывала легко разбить или, по крайней мере, задержать в пограничных районах, пока немцам не придется перебрасывать на запад и их. Ну, а тогда разгром отсутствующего противника гарантирован, и brave польские кавалеристы могут безбоязненно скакать хоть до Берлина. Недаром польский посол в Париже Лукашевич, который

в 1938 году клялся, что, если Советский Союз вступится за Чехословакию, Германия и Польша заставят русских бежать уже через три месяца, несколько месяцев спустя обещал, что поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны.

Завершив мобилизацию, польская армия рассчитывала иметь под ружьем 39 пехотных дивизий, 11 кавалерийских, 3 горных и 2 мотомеханизированных бригады — всего до 1,5 миллионов человек, около 700 танков и примерно 800 само-

летов. Правда, из-за традиционного разгильдяйства к моменту начала боевых действий мобилизация еще не завершилась, но считалось, что против немецких сил на востоке хватит и того, что под рукой, а остальные вступят в бой по мере готовности, что отчасти и произошло.

Однако Гитлер, опираясь на опыт поглощения Чехословакии, справедливо предугадал, что Британия и Франция торопиться не станут, и безбоязненно сосредоточил основные силы вермахта на польском направлении. К 1 сентября 1939 года здесь находились 42 пехотные и горно-пехотные, 8 мотопехотных и легких моторизованных и 7 танковых дивизий, кавалерийская бригада и ряд других частей — всего 1,6 миллиона человек, почти 2600 танков и около 2200 самолетов. Вольный город Данциг задействовал в операции свою полицию и добровольческий батальон СС. Три дивизии и авиаполк выставила союзная Германии и жаждущая вернуть потерянные в 1938 году земли, Словакия, но от нее в боях успело поучаствовать лишь несколько батальонов.

Чтобы подчеркнуть неравенство сил сторон, советские историки, набив руку на преуменьшении сил Красной Армии к началу Великой Отечественной войны, регулярно фальсифицировали статистику в пользу «братской» социалистической Польши. Например, легкие немецкие танки чешского производства 35(t) (вес — 8,2 тонны) и 38(t) (вес — 9,8 тонн) Даниил Проэктор, в своей работе «Германо-польская война» одним росчерком пера изящно превратил в мощные машины весом соответственно 35 и 38 тонн, то есть в нечто подобное советским Т-34–85 и американским «Шерманам» конца войны. Зато считая польскую бронетехнику, товарищ Проэктор «забыл» упомянуть танкетки ТКС. Конечно, это не более чем консервная банка с пулеметом, уязвимая даже для огня стрелкового оружия. Однако, примерно такие же германские Т-1 с броней 13 мм и одним (в командирском варианте) или двумя пулеметами, составляющие, между прочим, более

40 % танкового парка армии вторжения, у почтенного профессора учтены. Тот же фокус Прозектор проделал и с авиацией, уполовинив ее за счет устаревших аэропланов, и в итоге оставил армии Рыдз-Смиглы всего 166 танков и 400 самолетов.

Кавалерийские бригады польской армии авторы советской «Истории Второй мировой войны» считали по штатам мирного времени (два кавалерийских полка и 3427 человек личного состава), тогда как в реальности они имели по три-четыре полка, а часто и дополнительный самокатный батальон. Численность кавбригад колебалась от 5075 до 7184 человек, примерно соответствуя советским кавалерийским (8968 человек) и горнокавалерийским (6558 человек) дивизиям.

Все эти махинации производились, дабы доказать: бедная маленькая невинная Польша не имела против агрессоров никаких шансов. А чтобы закамуфлировать бесславный разгром основной части польской армии, упор делался на отдельных героических эпизодах, типа обороны полуостровов Вестерплатте и Хель на балтийском побережье.

На самом деле, почти не уступая противнику по количеству актив-

ных штыков и сабель, поляки, хоть и располагали много меньшим количеством боевой техники, имели шансы продержаться до прихода подкреплений. «Для Польши единственный выход заключался в том, чтобы выиграть время, — свидетельствовал один из лучших военачальников вермахта, фельдмаршал Эрих фон Манштейн. — Прежде всего, было необходимо предотвратить охват со стороны Восточной Пруссии и западной Словакии. Для этого следовало занять на севере линию Бобр (Бебжа) — Нарев — Висла до крепости Модлин или Вышеграда. Она представляла собой сильную естественную преграду. Кроме того, бывшие русские укрепления, хотя они и устарели, представляли собой хорошие опорные пункты... Противостоять немецкому наступлению — лучше всего за указанным рубежом рек — до тех пор, пока наступление на западе не вынудит немцев вывести свои войска из Польши, — вот единственная цель, которую необходимо было преследовать». («Утерянные победы»).

Видимо, предполагая, что поляки станут действовать именно так, начальник германского генштаба Франц Гальдер еще 7 сентября 1939 года

отмечал, что «поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой — Польше; промышленный район — нам; Краков — Польше; северная окраина Бескидов — нам; области [Западной] Украины — самостоятельны». («Военный дневник»). Записи Гальдера подтверждает и Манштейн, вспоминая, что Гитлер «еще во время польской кампании рассматривал вопрос о сохранении оставшейся части Польши».

Однако на деле все произошло с точностью до наоборот. Мало того, что главные силы польской армии оказались развернуты на невыгодных слабо укрепленных позициях западнее Вислы, так едва вступив в бой, они получили распоряжение удирать. Уже 3 сентября главнокомандующий и фактический диктатор страны маршал Рыдз-Смиглы заявил о необходимости «ориентировать ось отхода наших вооруженных сил не просто на восток, в сторону России, связанной пактом с немцами, а на юго-восток, в сторону союзной Румынии и благоприятно относящейся к Польше Венгрии...» (Архив МО

▲ Польская кампания

▲ Германия против Польши, 1939 г.

СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 930, л. 25.)

Два дня спустя соответствующий приказ был отдан, и польские войска начали в беспорядке отходить в глухие районы, где начисто отсутствовали подготовленные оборонительные позиции и необходимые для продолжения боевых действий ресурсы. Уже 11 сентября Гальдер отмечает сведения из Румынии о переходе первых польских отрядов через румынскую границу. Среди перешедших оказался и 21-й танковый батальон, оснащенный только что закупленными во Франции R-35. Имея 37-мм пушку и 40-мм броню, эти машины были сильнее подавляющего большинства

вражеских танков, но не соизволили подбить ни одного. Впоследствии Румыния их реквизировала и направила на штурм Одессы, за что полякам от одесситов особая благодарность.

Еще раньше в направлении Румынии последовал сам пан маршал вместе с прочим ясновельможным панством. Первым вечером 1 сентября, удрал президент Польши Игнаций Мосьцицкий. Через четыре дня за ним отправилось правительство, ну а ночью с 6 на 7 собрал манатки и Рыдз-Смиглы, забравший с собой часть зенитной артиллерии противовоздушной обороны Варшавы и всю прикрывавшую столицу истребительную авиабригаду. Заскочив по пути

в Брестскую крепость, лихие генералы 10 сентября переехали во Владимир-Волынский, 13-го перебрались в городок Млынов, 15-го — в Коломыю на румынской границе, а 17-го были уже в Румынии.

Гражданские министры избрали для своего героического драпа несколько иной маршрут. Прибыв 6 сентября в Люблин, они уже 9-го перебрались в западно-украинский городишко Кременец, 13-го выехали оттуда в приграничные Залещики, и отсюда 16 сентября перешли в Румынию. Как впоследствии выяснилось, личное имущество панство переправило в Бухарест заблаговременно.

Прихватив для защиты своей ценнейшей персоны полсотни истребителей и несколько батарей зенитной артиллерии, Рыдз-Смиглы позабыл в Варшаве шифры для радиостанции, из-за чего не смог руководить войсками. Когда же шифры, наконец, прибыли, вышел из строя передатчик. Пришлось связываться с оставшимся в столице штабом, через радиостанцию речной флотилии в Пинске, которая передавала приказы маршала в штаб флота, и лишь оттуда его ценные указания шли в Главный штаб. Поскольку на фронте ситуация уже успевала не раз измениться, по эффективности такой способ управления сравним разве что с коврыением левой ногой в правом ухе. И то если не учитывать, что польская ставка еще и постоянно удирала, сменив за десять дней пять мест пребывания, причем паническое бегство главкома всякий раз заметно опережало приближение немцев. Например, из Брестской крепости маршал сбежал в ночь с 9 на 10 сентября, тогда как части одного из создателей танковых войск Рейха Гейнца Гудериана подошли к го-

роду лишь вечером 14-го. Насколько я помню, Сталин в 1941-м и Гитлер в 1945-м, когда положение их армий было не лучше, вели себя несколько по-другому, но для истинного демократа Рыдз-Смиглы эти кровавые диктаторы не указ!

Под статью своему главкому оказались и многие другие польские командиры, типа командующего оперативной группой «Нарев» генерала Млот-Фиалковского. Против него немцы вообще не наступали, поскольку войск на этом участке почти не имели. Успешные рейды польской кавалерии на германскую территорию подтвердили отсутствие здесь сколь-нибудь серьезных сил противника, и, казалось, ничего не стоило ударить во фланг немецким частям, атакующим позиции соседней армии «Модлин». Однако соединения «Нарева» так и не пошевелились целую неделю, пока переброшенный с другого участка моторизованный корпус Гудериана, почти не встретив сопротивления, не рванул через их позиции на Брест.

Столь же скромно повел себя при виде противника и генерал с ха-

рактерной фамилией Драпелла, командовавший сводной группой 9-й и 27-й пехотных дивизий.

Пан Драпелла имел все возможности ударить во фланг наступающим немцам, но, по деликатному упоминанию российского исследователя Дмитрия Тараса, «не проявил готовности исполнять свои обязанности». Когда Драпелла, наконец, собрался начать их исполнять, противник уже разобрался с его соседями по фронту, после чего наш полководец поступил в полном соответствии со своей фамилией. («Операция Weiss: Разгром Польши в сентябре 1939 г.»).

Контрудар оперативной группы «Всхуд» провалил командир 16-й пехотной дивизии полковник Свительский. Получив приказ о наступлении, впавший в пессимизм полковник вместо этого велел отступать, тем самым парализовав действия соседних частей. После этого Свительского сместили, но момент был безнадежно упущен, и драпать пришлось всей группе.

Так происходило регулярно. Например, появляется несколько немецких танков перед позициями 19-й

▲ Пленные поляки

▲ Пакт Пилсудского-Гитлера, 1934. Декларация о неприменении силы

пехотной дивизии армии «Прусы», и ее командир тут же удирает в штаб армии. После чего немцы разгоняют оставшуюся без руководства дивизию, а потом, ударив в тыл соседним частям армии, разносят до основания и ее, при полном непротивлении командарма — генерала Домб-Бернацкого.

Такое же непротивление продемонстрировали покинувшие свои войска командир 28-й пехотной дивизии Боньча-Уздовский и его коллега из 2-й пехотной дивизии Доян-Суровка. Отмечая бегство последнего, польский военный историк и участник боевых действий Мариан Порвит отметил, что у пана полковника расшались нервы...

Если же где-нибудь находился дельный военачальник, пытающийся организовать сопротивление, в дело вмешивался Рыдз-Смиглы и давил инициативу на корню. Именно так была сорвана единственная попытка польского контрнаступления, когда командующий армией «Познань» генерал Тадеуш Кутшеба удачно атаковал части немецкой группы армий «Юг». К тому времени фронт этой группы представлял вытянутый клин, упершийся в варшавские укрепления,

и ударь по немцам поляки с обеих сторон, те могли получить неплохую взбучку.

Кутшеба свою задачу выполнил грамотно. В ночь с 9 на 10 сентября его войска скрытно вышли к открытому флангу 8-й германской армии и опрокинули две вражеские дивизии. Однако удирающий из Бреста во Владимир-Волынский Рыдз-Смиглы рассылает в войска директиву с требованием ускорить отход к румынской границе. То есть, пока армия «Познань» и присоединившаяся к ней группа «Всхуд» атакуют германский клин с северо-запада, польские войска, расположенные по другую сторону этого клина, получают приказ уходить на юго-восток!

В результате «Познань» и «Всхуд» в одиночестве двинулись прямо в глубь вражеского расположения, куда немцы уже стягивали части с других участков. Удачно начавшийся контрудар полностью провалился, а проводившие его войска без толку погибли. Через несколько дней была вынуждена сдаться и не дождавшаяся помощи Варшава.

Лидер Конституционно-демократической партии России Павел Милюков в таких случаях риторически

восклизал: «Что это — глупость или измена?», после чего сам же отвечал: «А не все ли равно?» По свидетельству участника войны, поручика Ежи Климовского, Рыдз-Смиглы считали предателем многие польские офицеры. Видимо, так полагали и немцы, поскольку без проблем позволили Рыдз-Смиглы сначала перебраться из Румынии в союзную Гитлеру Венгрию, а потом и вернуться в Польшу, где бравый маршал умер естественной смертью 2 декабря 1941 года при оскорбительном невнимании агентов гестапо. Подчиненные папаши Мюллера даже не приняли во внимание приказ Рыдз-Смиглы от 26 сентября 1939 года о переходе армии к партизанской войне, который был ради пущего драматизма написан на шелковом платке и отправлен в осажденную Варшаву самолетом из Бухареста.

Поскольку перед возвращением пан Эдвард наладил контакты с тесно связанной с абвером и гестапо псевдоподпольной организацией «Мушкетеры», главарь которой Стефан Витковский 18 сентября 1941 года был повешен по приказу руководства польского подполья, деятельность бывшего главкома немцы надежно контролировали. А вот свои, не помри Рыдз-Смиглы естественной смертью, могли и вздернуть.

Похожая судьба постигла и оставшегося в Румынии главного архитектора внешней политики Польши, ее министра иностранных дел Юзефа Бека. Хотя уже в 1940 году Румыния стала союзником Германии и на ее территорию вошли немецкие войска, пана Юзефа они репрессировать решительно не пожелали, и он скончался без всякого участия нацистских палачей 5 июня 1944 года. До сих пор так и неизвестно, успел ли Бек потратить 300 тысяч марок, которые вручил ему Геринг в 1938 году, после чего министр стал особенно внимательно относиться к пожеланиям щедрых берлинских партнеров.

Осторожный Мосьцицкий предпочел пересидеть войну в Швейцарии, но, подозреваю, реши он вернуться, оккупанты встретили бы экс-президента вполне гостеприимно. Действительно: зачем обижать

славных парней, благодаря которым немцы за пять недель захватили одну из крупнейших стран Восточной Европы, потеряв всего 16 643 человека убитыми и пропавшими без вести, но при этом уничтожив и взяв в плен около полумиллиона вражеских солдат и офицеров. Даже без учета разбежавшихся, соотношение безвозвратных потерь — 30 к 1. Впоследствии, некоторые польские историки, пытались приписать своей армии аж 1000 уничтоженных танков и 700 самолетов противника, но это оказалось примитивным жульничеством. За уничтоженные выдавались все подбитые и вышедшие из строя по техническим причинам, а затем отремонтированные машины. Реально немцы списали после польской кампании лишь 217 танков и 285 самолетов.

На Восточном фронте даже в самый тяжелый для СССР период с 22 июня по 5 декабря 1941 года — до контрнаступления Красной Армии под Москвой, сопротивление оказалось иным. Гитлер вместе с союзниками, уничтожив и взяв в плен более

4 миллионов красноармейцев, ополченцев и не добравшихся до своих частей призывников, положил не менее 300 тысяч своих солдат. Соотношение примерно 15 к 1, при том, что к концу войны оно стало уже совсем другим и в конечном итоге Советский Союз войну выиграл.

СССР помогли бескрайние просторы и мощная военная промышленность? Что касается необъятных пространств, то за них Россия и Польша воевали несколько веков, польские войска брали столицу Руси Киев еще в 1018 году, а Москву в 1610-м, и если они не смогли задержаться на занятых территориях, то виноваты исключительно сами. Как и в деградации промышленности некогда одной из самых развитых частей Российской Империи, где перед Первой мировой войной добывалось 40 % всего российского угля и выплавлялось 23 % стали.

К тому же пространства — штука обоюдоострая. Когда твои войска рассредоточены по огромной территории, вторгшемуся врагу куда удобнее бить их частями. Сравните время,

которое нужно затратить полякам на переброску к Варшаве нескольких десятков эшелонов с дивизией из Белоруссии со временем, необходимым для переброски под Москву такой же дивизии из Казахстана, и почувствуйте разницу.

Границу меньшей протяженности можно прикрыть и более мощными укреплениями. Французы могли позволить себе потратить 3 миллиарда франков, чтобы прикрыть менее чем 400 километров границы с Германией мощными фортами «Линии Мажино», а во сколько обошлось возведение аналогичных укреплений, на западной границе СССР, которая была почти в пять раз длиннее? Неудивительно, что на «Линии Мажино» имелось около 6700 долговременных сооружений, а на 1835-километровой «Линии Сталина» менее 3 тысяч. Плотность у французов выше в 10 раз, а сами их укрепления много мощнее. Ничего подобного французским фортам с их огромными подземными казематами и четырехметровыми бетонными стенами на прикрывающей нашу границу «Линии Сталина»

▲ Линия Мажино

▲ Польша в образе гиены Восточной Европы

и близко не было. Там, где у французов стояли мощные бронебашни с 135-мм пушками, мы устанавливали башенку от списанного легкого танка с противоположной броней и 45-мм пушкой, а сами укрепрайоны прикрывали лишь отдельные направления. Даже оборонительная линия на Висле со старыми русскими крепостями была куда сильнее «Линии Сталина», а оборонять ее было куда легче. Только вот некому оказалось.

Зато в расправах с собственными нацменьшинствами польская армия преуспела. Поскольку среди немецкоязычных граждан Польши действительно хватало гитлеровских шпионов и диверсантов, неукоснительный отстрел их, а также отправка 50 тысяч польских немцев в концлагерь вполне оправданны, как и аналогичные меры, предпринятые впоследствии Францией, Советским Союзом и Соединенными Штатами. Однако кроме интернирования немецкого населения и ликвидации диверсионных групп в Бромберге, Шулитце и других городах начались расправы и над мирным немецким населением, включая женщин и детей. Увидев изувеченные трупы на улицах Бромберга, озверевшие немецкие солдаты, в свою очередь, стали расстреливать всех подвернувшихся под руку поляков, и, судя по записям в дневнике Гальдера от 10 сентября, командова-

нию вермахта пришлось даже накачать самых ретивых.

На фоне этого бардака особенно дурацки выглядят сказки наших доморощенных полонофилов об якобы успешном сопротивлении польской армии, проигравшей войну исключительно благодаря коварному советскому удару в спину. Типа, не займи подлые красноармейцы украинские и белорусские территории, оккупированные поляками двадцатью годами раньше, глядишь, через месяц польские кони попивали бы водицу из Шпрее, а их наездники — пиво из берлинских кабаков.

Круче всех отжег демократический писатель-фантаст Шмалько, заявивший, что коварная вылазка кремлевских коммунистов, вторгшихся в Польшу 17 сентября 1939 года, сорвала грандиозное польское контрнаступление. На самом деле именно в этот день Рыдз-Смиглы, придержививая штаны, перебирался через границу, а брошенные им дивизии окружались и уничтожались одна за другой.

Номера, время и обстоятельства гибели каждой из этих дивизий давно известны. Зато список соединений польского воинства, коварно умученного жидо-коммунистами, поклонники благородной шляхты благоразумно опускают, и правильно делают. Потому что кроме поли-

ции, жандармерии, пограничников и отдельных батальонов резервистов на восточных территориях к началу советского вторжения располагалась лишь оперативная группа «Полесье» в составе 50-ой и 60-ой пехотных дивизий и ряда отдельных частей. После нескольких мелких стычек части Белорусского фронта пропустили «Полесье» на немцев, а те быстро разгромили поляков и 6 октября 1939 года вынудили их капитулировать, тем самым завершив кампанию.

Обличители советского вторжения также «забывают», что предшественник ООН Лига Наций, которая всего через три месяца признала агрессией вторжение советских войск в Финляндию, тогда СССР не осудила, а Черчилль сквозь зубы признал правомерность занятия Советским Союзом Западной Украины и Западной Белоруссии по брестскому меридиану. «Мы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях, как друзья и союзники Польши, а не как захватчики, — отметил сэр Уинстон. — Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии». («Вторая Мировая война»).

Об этих словах Черчилля плакальщики по Польше предпочитают не вспоминать. Забывают они о том, что в том же 1939 году свои куски Второй Речи Посполитой получили Литва и Словакия, причем аннулирование пакта Молотова — Риббентропа делает крайне сомнительными литовские права на Вильнюс, переданный ей Советским Союзом.

Вторая Речь Посполитая, которую нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов совершенно справедливо назвал «уродливым детищем Версальского договора», совершенно закономерно прекратила свое гиеноподобное существование. Государство, ставшее ее правопреемником после Второй мировой войны, имело совсем иные границы, в основном совпадавшие с границами возникшего в конце XIX века Польского королевства, после изгнания немецкого населения стало мононациональным. ■

Е.Т. СИНИЦЫН

МОСКВА – ХЕЛЬСИНКИ 1939

▲ Хельсинки

По прибытии в Москву я по поручению начальника Иностранного отдела (так называлась тогда внешнеполитическая разведка НКВД) Павла Михайловича Фитина, моего однокашника по Центральной школе, срочно составил записку о внутривосточном и военном положении Польши для доклада наркомму. Вскоре записка на восьми страницах была готова и передана Берии для Политбюро.

Утром 17 сентября Павел Михайлович пригласил к себе всех работников отделения по Польше и заявил примерно следующее:

— Товарищи, сегодня рано утром Советский Союз ввел свои

войска в Западную Белоруссию и Западную Украину. Наша партия не могла не считаться с изменившейся обстановкой в связи с поражением Польши. В соответствии с задачами создания фронта против гитлеровской агрессии, исправления исторической несправедливости в отношении западной части Украины и западной части Белоруссии и были предприняты эти действия. Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Он потребовал от работников отделения повышенной дисциплины, исполнительности и бдительности. В отношении меня сказал, что я назначен в группу, созданную при наркомме по разбору и изучению разведывательных и контрразведывательных документов Генерального штаба Польши.

В то время ни Фитин, ни я не знали, что наши войска посылаются в Польшу для захвата части ее восточных воеводств по договоренности Сталина с Гитлером.

Первые дни работы нашей группы позволили раскрыть польских агентов львовской «пляцувки» (развед-отделения), действовавших в Ташкенте,

Синицын Елисей Тихонович (1909-1995) — советский разведчик, генерал-майор. Родился в Смоленской губернии в семье батрака. Трудовую деятельность начал подпаском, затем был подсобным рабочим на заводе, учился на рабфаке. В 1934 году окончил Московский институт химического машиностроения, работал инженером-механиком на Дорогомиловском химическом заводе в Москве. В 1937 году по рекомендации парторганизации завода был направлен на работу в органы НКВД. Прошел обучение в ШОН ГУГБ НКВД. Осенью 1938 года — старший уполномоченный 5-го отдела ГУГБ НКВД. С июля 1939 года — заместитель резидента НКВД в Польше под прикрытием должности консула СССР во Львове. Обеспечивал прием и вывод в Советский Союз политических эмигрантов с территории, оккупированной фашистами Чехословакии. В сентябре 1939 года после нападения Германии на Польшу выехал в СССР. Работал в группе при НКВД СССР по анализу разведывательных и контрразведывательных документов польского генштаба. Удалось выявить агентов польской разведки, действовавших не только в приграничных областях УССР и БССР, но и в Киеве, Ташкенте и Новосибирске. С ноября 1939 года резидент внешней разведки в Хельсинки, затем

поверенный в делах СССР в Финляндии. Получал и передавал в Центр информацию о решении финского руководства сорвать переговоры с СССР, о скрытой мобилизации финской армии, передислокации ее частей к советской границе, эвакуации гражданского населения в районе Карельского перешейка. После начала советско-финляндской войны 30 ноября 1939 года посольство было эвакуировано в СССР. После окончания войны в 1940 году вновь направлен в Финляндию. После объявления Финляндией войны Советскому Союзу депортирован в составе посольства из страны. На болгарско-турецкой границе произошел обмен на финских дипломатов. В 1942 году — заместитель начальника 4-го (скандинавского) отдела 1-го управления НКВД. В августе 1943 года заместитель резидента по Финляндии в Стокгольме под фамилией Елисеев. При содействии посла СССР в Швеции А. М. Коллонтай предотвратил передачу германским властям арестованного в Швеции разведчика и антифашиста Эрнста Волльевера. В сентябре 1944 года назначен резидентом внешней разведки в Финляндии. Внес значительный вклад в дело демократизации страны, содействовал установлению дружеских, добрососедских отношений Советского Союза и Финляндии. Благодаря агенту «Графу», находящемуся на связи с Синицыным, удалось сорвать попытку финской и британской разведок прослушивать телефонные переговоры Сталина и Жданова. В 1945 году — начальник отдела скандинавских стран. Осенью 1948 года назначен начальником отдела Комитета информации при СМ СССР. В 1953-1956 годах представитель МВД-КГБ СССР в Будапеште. Принимал активное участие в подавлении контрреволюционного мятежа 1956 года. В 1962-1968 годах руководитель группы советников КГБ СССР при МВД Польши. В 1969 году назначен заместителем начальника ПГУ КГБ. С марта 1970 года представитель КГБ СССР при МВД ЧССР. В 1981 году в отставке. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды, «Знак Почета», боевыми медалями, Почетный сотрудник госбезопасности.

Новосибирске и Киеве. Это было удивительно. Ведь по инструкции эта «плясунка» должна была заниматься разведкой только в приграничных районах Советского Союза. Они же сумели проникнуть в Сибирь и Среднюю Азию. По приметам агентов, их кличкам и местам работы они вскоре были обнаружены и обезврежены.

Недели две спустя, когда работа группы подходила к концу, меня пригласил к себе Фитин и сказал, что по решению руководства на-

ромата мне необходимо выехать в долгосрочную командировку в Финляндию не позднее начала ноября в качестве резидента разведки под дипломатическим прикрытием. Моя попытка отказаться от поездки в Финляндию по причине незнания финского языка вызвала у него резкую реакцию:

— Разведчика посылают туда, где, по мнению руководства, он больше всего нужен в настоящий момент, — и добавил, что посланник Совет-

ского Союза отозван из Финляндии. — По приезде в страну сразу же станешь поверенным в делах СССР в Финляндии.

В скандинавском отделе наркомата иностранных дел меня встретили с любопытством и предубежденностью. Я вежливо объяснил, что по заданию наркома должен ознакомиться с протоколами переговоров советской и финской делегаций 1938–1939 гг. Эти протоколы имеются в отделе, и я прошу их мне выдать.

▲ Фитин П.М.

▲ Паасикави Ю.К.

Протоколы и особенно приложения к ним в виде справки-обзора взаимоотношений Советского Союза с Финляндией со дня предоставления ей независимости были настолько важными для меня, что основные положения и выводы я выписал.

Из этих документов, в частности, было видно, что фашистская Германия, расправившись с европейскими странами, может начать войну и против СССР, втянув в нее Финляндию. В апреле 1938 года в наших предложениях Финляндии указывалось, что в случае войны между СССР и Германией немцы попытаются напасть на Ленинград с финской территории через Карельский перешеек. Имея это в виду, следует заранее договориться, на какой основе советские войска смогут действовать на территории Финляндии. Финская сторона, не вдаваясь в обсуждение существования советских предложений, отклонила их, заявив, что не допустит создания германских военных баз на своей территории.

В августе того же, 1938 года, мы предложили финнам сделать одностороннее письменное обязательство о том, что в случае немецкой агрессии

против Финляндии она воспротивится ей и запросит помощь у Советского Союза. СССР в этом случае окажет финнам помощь оружием и обеспечит береговое прикрытие своими военно-морскими силами. И на это предложение финское правительство дало отрицательный ответ.

Весной 1939 года мы вновь обратились к финляндскому правительству с предложением сдать СССР в аренду на 30 лет остров Гогланд с четырьмя окружающими его островками для создания там укрепленного района, прикрывающего Ленинград. Финское правительство отклонило и это предложение.

Между тем обстановка в Европе продолжала накаляться. 1 сентября немцы напали на Польшу, началась вторая мировая война. Советско-финляндские отношения осложнились. И все же советское правительство, учитывая складывающуюся опасную ситуацию в районе Балтики и Финского залива, пригласило в Москву финляндскую правительственную делегацию, чтобы обсудить «конкретные политические вопросы». В Москву прибыли Паасикиви Юхо Кусти (1870–1956) — пре-

мьер-министр Финляндии в 1918 г. и 1944–1946 гг. С 1946 г. Президент Финляндии) и Таннер Вяйне Альфред (1881–1966) в 1926–1927 гг. премьер-министр Финляндии; в 1939–1940 гг. министр иностранных дел. Осужден в 1946 году как военный преступник).

Переговоры начались 11 октября 1939 года. В первые дни в них участвовали И. Сталин и В. Молотов. На предложение советской стороны заключить с Финляндией оборонительный союз, Паасикиви заявил, что у них нет таких полномочий. Тогда Советский Союз предложил решить чисто военные вопросы, такие как перенос границы на Карельском перешейке на запад с таким расчетом, чтобы к Советскому Союзу отошло северное побережье Кронштадского залива. Кроме этого, финской стороне было предложено уступить нам небольшую часть полуострова Ханко или любой остров на крайнем юго-западе Финского залива, чтобы можно было создать военно-морскую базу, которая закрывала бы вход в Финский залив. В обмен на уступку территории на Карельском перешейке Советский Союз предложил финнам вдвое большую территорию советской Карелии.

▲ Советское посольство

Ни с одним из высказанных советской стороной предложений финляндское правительство не согласилось, было видно, что оно, как и раньше, враждебно относится к политическому и военному сотрудничеству.

Протоколы переговоров с финской делегацией и обзорная записка заканчивалась концом октября.

Возвратившись к себе в Наркомвнудел, я сразу же попросил встречу у Фитина и высказал ему свои опасения о разрыве переговоров, поскольку финская делегация, особенно Таннер, ведет себя нагло и агрессивно. В этой же связи высказал просьбу выехать в Финляндию без семьи. Ответ получил на следующий день:

— Вам необходимо выехать не позднее 2 ноября вместе с семь-

ей, — сказал начальник. В беседе я не уловил беспокойства о том, что переговоры могут быть сорваны финнами.

Перед отъездом мне в Наркомвнуделе выдали за деньги пальто, костюм и ботинки ярко оранжевого цвета, других не оказалось. В магазинах обуви вообще не было.

Когда по приезде к месту работы мы встретились с сотрудниками посольства (постпредства) и их семьями, моя жена, придя домой, сказала, что на совещании видела двух моих работников.

— Откуда ты взяла это? — удивился я.

— У них одинаковые, не по сезону ярко-оранжевые ботинки, как у тебя, — был ответ.

Вот тебе и конспирация!

Сразу по приезде в Хельсинки я поехал в МИД для аккредитации в качестве временного поверенного в делах СССР в Финляндии. После этой акции нанес визиты некоторым министрам, политическим и общественным деятелям страны, дипломатам иностранных посольств. Вечером встретился с работниками резидентуры.

На совещании дипломатических работников Представительства рассказал о неуступчивой позиции финской делегации на переговорах в Москве, попросил участников совещания использовать свои возможности при встречах с финскими гражданами и дипломатами других стран в Хельсинки для выяснения ситуации в стране. Обратил их внимание на использование предстоящего приема в посольстве для этих целей.

Для себя решил — не упустить шанс установить связь с нашими старыми источниками информации — «Графом» и «Анной».

И вот наступил день первого моего приема. Конечно, я волновался. Как бы не осрамиться молодому советскому разведчику. Минут за двадцать до начала приема ко мне подошел завхоз посольства и взволнованно сказал, что на прием раньше времени пришел Хелениус, губернатор Ньюландской губернии, куда входят Хельсинки. Он хотел бы поздравить нового поверенного в делах с наступающим праздником Великой Октябрьской революции. При этом завхоз рассказал, что приход Хелениуса раньше начала приема — это его уже известный всем фокус. Ему в таком случае в салоне ставят бутылку русской водки, подают черную икру, севрюгу. К началу приема он один выпивает до дна бутылку водки, закусывает и входит затем в зал уже навеселе.

Гости стали подходить сразу после назначенного времени. Одни из них шли с улыбкой, называли себя и поздравляли с праздником, другие с серьезным видом только бормотали свою фамилию, третьи проходили молчаливо, без при-

ветствий. Стало ясно, что на прием пришли и друзья и недруги.

В самом разгаре приема, когда возле меня никого не было, подошел Граф и сильно пожал руку. Я ответил ему таким же крепким рукопожатием.

После этого я сказал, что мой предшественник шлет ему привет и наилучшие пожелания. Было видно, как Граф обрадовался. Он предложил встретиться на другой день после приема. Я тогда и не подозревал, насколько важной для меня окажется эта встреча.

С губернатором Хелениусом зашел разговор о его хорошем русском языке, что в Финляндии было вообще-то редкостью. Хелениус оживился и стал рассказывать о своей учебе в Петербургском университете, о молодости, которая проходила среди русской интеллигенции и оставила в его памяти глубокие впечатления, о доброте и сердечности русских людей. Я в свою очередь рассказал ему, что в Финляндию прибыл недавно, всего три дня тому назад, пожаловался на опоздание поезда, на котором прибыл в Хельсинки (на целых три часа), сказал, что проводник вагона объяснял нам, будто пропускают на восток полупассажиры и товарные поезда с солдатами.

— Разве объявлена мобилизация? — вежливо спросил я его.

— Нет. На Восток перевозят новобранцев из западных и центральных губерний пока без шума, но скоро объявят и мобилизацию, солдат из южных губерний будут размещать вдоль побережья Финского залива, — сказал Хелениус. Дальше разговора не получилось. Он стал прощаться и нетвердой походкой вышел из зала. Вслед ему я послал завхоза помочь одеться и проводить до двери.

Для меня было не ясно, почему Хелениус рассказал мне о мобилизации в Финляндии и переброске войск на Восток. Во всяком случае, слишком важным было его сообщение, чтобы не заняться его срочной перепроверкой.

Надежды услышать подобные сведения от Графа не оправдались.

Как только встретились, моим первым вопросом было: что известно о скрытой мобилизации в стране и с какого времени она проводится?

Он ответил:

— Не знаю.

Однако ему точно известно, что премьер-министр Каяндер и министр иностранных дел Эрко принимают меры к срыву переговоров в Москве. В стране усиливается антисоветская пропаганда, готовится введение карточек на продовольственные и промышленные товары. Спросил его, есть ли возможность проверить факт передвижения войск к восточной границе. Он тут же вспомнил, что его товарищ, проживающий на Карельском перешейке в районном центре, прислал приглашение приехать к нему и сделать доклад в общественном доме поселка. Завтра он пошлет ему телеграмму о согласии, а послезавтра рано выедет, не дожидаясь ответа, чтобы в случае отказа все равно

проехать по дороге к нему. В пути он постарается понаблюдать и, конечно, обязательно переговорить с другом. По возвращении он сразу же просигналит о встрече.

Не прошло и пяти дней, как позвонил Граф и попросил о срочном свидании. При встрече он рассказал, что по полученным сведениям финская делегация во главе с Паасикиви в ближайшие дни прекратит переговоры в Москве и возвратится в Хельсинки. Во время своей поездки к другу ему удалось узнать, что скрытая мобилизация проводится по всей стране уже с 10 октября. Полным ходом идет размещение войск на Карельском перешейке в поселках и деревнях, из которых все население эвакуировано вглубь страны. По возвращении в Хельсинки на вокзале он заметил большое число семей, покидающих город. Выходит, губернатор Хелениус был прав, когда говорил о скрытой мобилизации. Обсудив с Графом его

▲ Площадь Хельсинки

▲ Герта Куусинен

следующее задание, я возвратился в представительство, чтобы подготовить срочное сообщение в НКВД о военных приготовлениях Финляндии.

Послать телеграмму в Москву я, однако, не смог из-за небрежности в моей подготовке по шифровальному делу. Инструктор забыл показать, как перевести цифровой текст шифротелеграммы в буквенный. Попытка выяснить это у шифровальщика представительства не дала результата. Решил лететь в Таллинн, где резидентом работал мой добрый товарищ. Прилетев к другу, рассказал о своей беде. Он вызвал своего шифровальщика, и через пять минут я снова мчался на аэродром, потратив на всю поездку пять часов.

С нетерпением я сел за расшифровку накопившихся телеграмм. В одной из них мне предписывалось срочно выехать в город Турку для проверки данных, имеющих в Центре, о высадке немецких войск в этом порту.

К вечеру того же дня я со своим товарищем на автомашине диппредставительства, но с шофером резидентуры, выехал в Турку. Казалось, что за нами нет наблюдения, но мы ошиблись. Дальнейшие события раз-

▲ Куусинен О.В.

вивались по поговорке: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». На полпути до Турку на хорошей и ровной дороге я сел за руль бьюика, чтобы поупражняться в вождении этой большой и тяжелой машины. На первом же крутом повороте я резко повернул руль, и мы мгновенно очутились в глубоком кювете — в опрокинутой на бок машине с сильно помятым передним крылом, разбитыми фарами и смятой облицовкой радиатора. Первым впечатлением было, что наступил конец поездки. К счастью, никто не покалечился, только у моего товарища пострадал янтарный мундштук, который он перекусил, когда нас бросило в кювет. Выбравшись из машины, мы заметили, как на малой скорости мимо нас проехал автомобиль с двумя седоками. Через километра три он развернулся в сторону Хельсинки и остановился. Минут через сорок, когда мы с помощью трактора, арендованного у хозяина близлежащего хутора, начали вытаскивать машину, наблюдатели медленно подъехали к нам, взглянули на разбитый бьюик и проехали мимо, видимо решив, что своим ходом мы далеко не уедем.

Однако, когда мы вытащили авто-

мобиль на дорогу, выправили крыло и включили мотор, оказалось, что машина сможет своим ходом доехать до Турку. В город прибыли вечером. Разыскали автомастерскую и упростили ее владельца к утру привести машину в порядок за цену, которую он сам назовет. Оставив водителя в мастерской, мы ушли выполнять задание.

До поздней ночи прогуливались по городу и порту, но никаких признаков высадки немецких войск не обнаружили. Ночевать остановились в одной из самых лучших гостиниц, а утром следующего дня отправились, как туристы, на осмотр древней крепости. Это наиболее популярный туристический объект в городе. Проверив, нет ли наблюдения, снова начали исследовать территорию порта, город и его окрестности, но ни войск, ни следов их высадки не обнаружили. Для большей уверенности в том, что немцев нет на западном побережье, решили выехать на север вдоль побережья Ботнического залива. Обследовали два порта — Раума и Пори, но и в этих районах иностранных солдат не обнаружили, хотя увидели выгрузку со шведских кораблей крупнокалиберных орудий.

Пришла пора возвращаться в Хельсинки. Нам осталась последняя часть работы — проверить сведения Графа о скрытой мобилизации в западных и центральных губерниях страны. С этой целью мы из города Пори поехали в Хельсинки через Тампере-Лахти-Хювинкя. На всех железнодорожных станциях мы фиксировали финские войска,двигающиеся на восток в полной боевой готовности. В пути мы неоднократно проверялись, но наблюдения за собой не заметили. Видимо, поломка нашей автомашины сбила финскую «наружку» с толку. В Хельсинки вернулись только вечером следующего дня. Я сразу же послал в Центр срочную телеграмму о том, что удалось увидеть.

На следующий день в представительство к моему сыну пришла на первый урок немецкого языка преподавательница Герта Куусинен. Перед занятиями она зашла ко мне и рассказала, что в стране полным ходом идет подготовка к войне. Шюцкоровцы формируют специальные отряды для фронта и тыла, в задачу которых будет входить подавление антивоенных настроений. Происходит мобилизация женщин. По ее словам, рабочие и крестьяне недовольны и выступают против развязывания войны с Советским Союзом. Шюцкор — военизированная организация, существовала в Финляндии с 1917 г. по 1944 г. Своего рода вспомогательные внутренние войска, близкие по своей идеологии к фашизму.

Поблагодарив за сообщение, я высказал пожелание — иногда перед уроком с сыном уделять мне несколько минут. Она охотно согласилась. О себе рассказала, что в начале 30-х годов нелегально перешла в Советский Союз. Обучалась в школе по линии Коминтерна. Вышла замуж за финна, у них родился сын. Мужа репрессировали. В 1934 году, оставив сына на воспитание своему отцу Отто Вильгельмовичу Куусинену, нелегально возвратилась в Финляндию, где в течение года находилась на подпольной партийной работе. Из-за предательства была схвачена охранкой и осуждена на 5 лет

тюремного заключения. В начале 1939 года, по отбытию срока, выпущена на свободу. В настоящее время работает преподавателем немецкого языка, дает уроки сотрудникам советского диппредставительства. Куусинен Отто Вильгельмович (1881–1964). Один из руководителей Финл. революции 1918 г. и организаторов компартии Финляндии. В 1940–1958 гг. Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР.

Дня через четыре после первой встречи Граф просигналил о необходимости встречи. Вечером, как условились, я пошел к нему на квартиру. Он был взволнован. Сказал, что их делегация демонстративно прервала переговоры и вчера (16 ноября) возвратилась в Хельсинки. На вокзале ее встречала большая толпа сторонников войны с Советским Союзом. Обстановка в Хельсинки, по его словам, крайне напряженная. Граф спросил, как ему поступить? Остаться в Финляндии или переехать в Швецию и оттуда вести работу? Я ответил ему, что если он в трудный для страны момент исчезнет, то среди его окружения возникнет недоумение.

— Во всяком случае, — сказал я, — этот вопрос вы должны решить сами.

Подумав немного, Граф твердо сказал: он решил остаться в Хельсинки, и мы можем всегда встретиться с ним, когда в этом будет необходимость. На случай срочного вызова с той или другой стороны обусловили сигнал.

Хельсинки жил в предчувствии войны. Начались демонстрации шюцкоровских молодчиков у здания нашего представительства. Полиция усилила охрану советских учреждений. Учитывая нарастание враждебности в стране, я решил на дипломатической автомашине проехать главной дорогой по Карельскому перешейку и своими глазами убедиться, что там происходит.

Рано утром, в воскресенье, 25 ноября, я с переводчиком резидентуры и шофером покинули Хельсинки. В случае задержания нашей легендой была поездка в Куоккала к семье русского художника Репина.

Самое большое, что полиция может сделать, если она контролирует движение по дороге, это запретить дальнейшую поездку и предложить вернуться в Хельсинки.

Приехав в Выборг, мы основательно проверили, нет ли за нами наблюдения, и выехали на дорогу, ведущую к границе. Отъехав километров двадцать от города, мы свернули на проселок в сторону залива и были поражены увиденным. В сосновом лесу в шахматном порядке лежали поваленные деревья, торчали высокие пни. Сразу за лесом, вдоль дороги установлены в три ряда огромные базальтовые глыбы, конусом кверху. С правой стороны проселочной дороги, в пятистах метрах от этих глыб мы увидели три мощных бетонных дота, хорошо замаскированных, в шестистах метрах друг от друга. Опасаясь нарваться на охрану, мы возвратились на главную дорогу и переехали на левую сторону вглубь до десяти километров. И там на открытой местности увидели надолбы из огромных базальтовых камней. Стало ясно, что мы попали в одну из укрепленных зон, из которой поспешили выбраться на главную дорогу.

Проехав по ней еще километров двадцать, остановились в безлюдном месте у лесочка слева от дороги, чтобы отдохнуть, перекусить и полюбоваться панорамой ясных полей, уходящих вдаль к горизонту. День был теплый, солнечный, несмотря на конец ноября. Когда мы приготовились пить чай и притихли, из леса услышали отдаленный шум работающей техники и голоса людей. Сначала мы не обратили внимания на шум, но затем решили узнать, что там происходит. Углубившись в лесок метров на двести, увидели перед собой огромное озеро, уходящее за горизонт. От него по направлению к дороге люди в гражданской одежде рыли широкий и глубокий канал.

Сразу мы не сообразили, для чего это делается, но когда вернулись к дороге и увидели, что она проходит по высокому склону между полем и озером, поняли, что в случае необходимости финны могут затопить

все открытое пространство с правой стороны дороги. Такое серьезное военно-инженерное мероприятие финнов мы увидели впервые. Когда мы наблюдали за работой у озера, нас тоже заметили и три человека стали приближаться к нам. Мы быстро вернулись к машине и уехали с этого места, пока они не записали номер нашей автомашины.

Километрах в десяти от места нашего чаепития мы въехали в густой лес, подступающий к дороге с двух сторон. В нем также были повалены деревья, а на обочинах дороги расставлены в три ряда базальтовые глыбы и построены замаскированные доты. За лесом открывалась широкая равнина, на которой справа от дороги, километрах в двух, был виден большой поселок, а слева ровное поле. Вдоль окраины леса, пересекая нашу дорогу, проходила грунтовая дорога, по которой, как нам показалось, должно было идти усиленное движение транспорта. Впереди мы увидели перекресток дорог и остановились для «смены» колеса, которое оказалось «проколотым».

Наблюдая в бинокль за поселком, мы увидели, что он занят какой-то группой войск с большим количеством артиллерии. Гражданского насе-

ления в поселке мы не обнаружили. Рядом с поселком проводились учения солдат. Одеты они были в теплые куртки и шапки-ушанки. Но странное дело, каждый из них вместо обычной винтовки со штыком имел в руках не то больших размеров пистолет со стволом длиной примерно 40–50 см, не то пулемет. Ствол покрыт железным ячеистым кожухом, по всей видимости, для охлаждения его. С нижней стороны приклада к стволу вмонтирована круглая коробка, по диаметру и толщине похожая на два вместе сложенные чайные блюдца. Эта коробка могла вмещать до 30–40 патронов. Когда солдаты поднимались и бежали в наступление, они стреляли из своего оружия как бы с рук, без прицеливания. Скорострельность была как из обычного пулемета, но хлопки выстрелов были значительно слабее. Учение солдат развертывалось по направлению к дороге, метрах в двухстах от нас, и мы могли наблюдать в бинокль новое финское автоматическое оружие. Меня это крайне встревожило, поскольку никто из информаторов не говорил нам о нем.

Между тем дорога становилась все оживленнее. В сторону границы двигались колонны войск. Солдаты моторизованных частей име-

ли увиденное нами новое оружие, за исключением двух-трех, у которых были обычные винтовки с оптическим прицелом.

На окраине леса мы заметили группу войск и решили проехать мимо них, чтобы посмотреть, что там происходит. Присмотревшись, мы обнаружили хорошо укрытые ДОТы, по два с правой и левой стороны дороги.

День клонился к вечеру. Оставаться нам дальше в этом переполненном войсками районе было рискованно.

В Хельсинки я выслушал доклады работников резидентуры. Общим мнением было — финны готовятся к войне, но только один человек сказал, что вместо винтовок финские солдаты и офицеры вооружены каким-то новым видом стрелкового оружия, но что это многозарядные скорострельные автоматы — не сказал никто.

Я кратко объяснил товарищам, что финны в случае войны выступят с автоматами вместо обычных винтовок.

Во время беседы мне принесли телеграмму из Наркоминдела, в которой значилось: «Срочно выезжайте в Москву для доклада. Молотов».

Полученная телеграмма взволновала меня. Почему вызывает Молотов, а не нарком внудел Берия? Кому и о чем я должен докладывать? Решил выехать в этот же день. О выезде сообщение послал в свой наркомат. На сборы оставалось два часа, и, конечно, времени на подготовку доклада не было. Но в Ленинграде во время ожидания поезда на Москву я имел возможность основательно подготовиться к докладу о военной ситуации в Финляндии.

Москва встретила холодным, пронизывающим ветром. На перроне вокзала меня поджидал работник скандинавского отдела Наркоминдела, сообщивший, что сопроводит меня к Молотову. Прибыв туда, через пять минут я вошел в его кабинет. Предложив мне сесть, нарком продолжал рассматривать географическую карту Скандинавии. Вид у него был усталый и какой-то тусклый, без

▲ Молотов В.М.

▲ Берия Л.П.

▲ Коганович Л.М.

заинтересованности к моему появлению. Повернувшись ко мне, Молотов сказал:

— Доложите, что вам известно о военной и политической ситуации в Финляндии.

Я начал с изложения содержания ранее посланных в Наркоминдел телеграмм, затем подробно рассказал о положении в стране после разрыва переговоров, о военной подготовке финнов к войне с нами. Но о результатах своей поездки на Карельский перешеек не доложил, видимо интуиция подсказала.

Когда я закончил свое сообщение, Молотов вышел из-за стола, протянул руку и сказал:

— Вы свободны и можете идти к товарищу Берия.

Через десять минут я был уже у Фитина и заметил, что он чем-то взволнован.

— Где ты ходишь и почему сразу не пришел в наркомат? — зло спросил он.

Я начал объяснять, почему это произошло, как вдруг по домофону послышался резкий не голос, а бич:

— Явился ли этот дурак к тебе?

На этот голос Фитин как ужаленный вскочил со стула и ответил:

— Явился.

— Вместе с ним ко мне, — послышалось из домофона.

Когда вошли в кабинет, Берия полужелезал на кожаном диване и угрюмо, через пенсне, молча осматривал нас. Перебравшись затем к столу и тяжело усевшись в кресло, неожиданно выкрикнул, глядя на меня:

— Ты знаешь, кто ты? — Через короткую паузу добавил: — Ты большой дурак.

Я молчал.

Видимо, ему показалось, что я слабо реагирую на его замечание, схватил карандаш и еще резче выкрикнул:

— Ты большой ноль с точкой.

При этом на листе бумаги начертил ноль, карандаш от большой силы нажима сломался, и он резко бросил его на стол в мою сторону. Я сразу понял, что виной такой выходки наркома явился мой доклад Молотову, и хотел сказать, почему это произошло. Но Фитин, наступив мне на ногу, просигналил молчать. Я не считал правильным молчаливо

выслушивать брань Берии и, уловив минутку, когда он замолк, сказал, что товарищу Молотову мною не были доложены важные сведения, лично полученные позавчера, о положении на Карельском перешейке и о новом оружии в финской армии.

Берия как-то странно, вопросительно посмотрел на меня и резко выкрикнул:

— Рассказывай все, о чем не говорил Молотову.

Прежде всего я рассказал о новой форме одежды, введенной в финской армии, о новом автоматическом оружии вместо обычной винтовки и подробно описал его. Доложил о своих личных наблюдениях в двух укрепленных районах на «линии Маннергейма» на Карельском перешейке. Внимательно выслушав сказанное мною, Берия удовлетворенным голосом проговорил:

— Запомни, у тебя один нарком!

Мы вышли из кабинета. В свою очередь и Фитин нравоучительно сказал:

— Ты, наверно, понял, что гнев Берии был вызван твоим докладом Молотову, а не ему. При всех случа-

ях ты обязан был сначала доложить своему наркому. Не повторяй этой ошибки.

Вскоре в кабинете начальника разведки из домофона раздался голос Берии:

— Пришли ко мне Сеницына.

Когда пришел в приемную, нарком выходил из кабинета уже одетым и буркнул:

— Пойдем, — и стал спускаться к выходу.

У подъезда стояла его автомашина, он молча сел на переднее сиденье, я прыгнул, без приказания, на заднее. Поехали, как оказалось, в Кремль. Войдя в приемную комнату, Берия, снимая макинтош, вслух стал перечислять, глядя на вешалку:

— Молотов тут, Каганович и Ворошилов тоже здесь.

Раздевшись, он направился к двери, около которой за столом сидел дежурный офицер. Я тоже пошел за ним, но мне быстро перегородил дорогу этот дежурный и вежливо сказал:

— Вам надо подождать, — и указал на другую дверь.

Тут я понял, что нахожусь в приемной Сталина и, возможно, буду принят им.

Ожидание длилось около сорока минут. Много мыслей пронеслось у меня в голове. Почему-то промелькнуло нищенское, голодное детство в деревне, работа на заводе подсобным рабочим, учеба на рабочем факультете и в институте. Все нынешнее куда-то исчезло, и я позабыл, о чем следовало говорить у Сталина. К счастью, такое душевное состояние быстро прошло.

Войдя в кабинет, увидел Сталина стоящим в конце длинного стола, за которым сидели члены Политбюро ЦК ВКП(б).

На одно мгновение я все же растерялся. Когда я сказал генсеку, что моя фамилия Сеницын, он, видимо, заметил мое смущение и, чтобы рассеять его, обратился к Ворошилову:

— Ты помнишь, Клементий Ефремович, как мы в Царицыно национа-

лизировали пароходы у купца Сеницына? — и, повернувшись ко мне, спросил, чуть улыбнувшись: — Не ваш ли это был родственник?

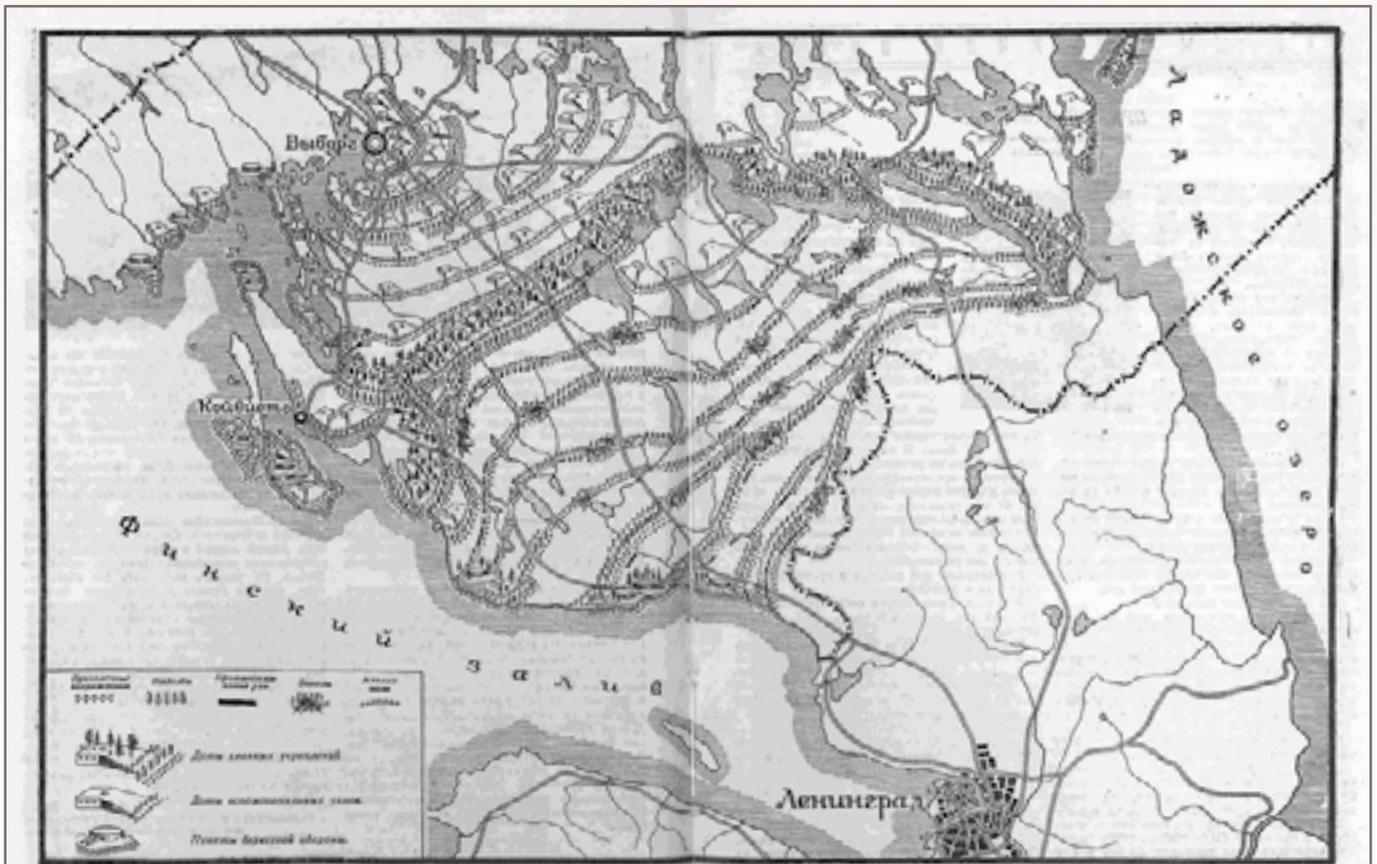
Я спокойно ответил, что таких родственников у меня не было и нет. Что я сын батрака и в детстве был подпаском. Что родился на Смоленщине.

Сталин предложил мне садиться, но вблизи стула не было. Он тут же вызвал секретаря и попросил принести стул. Когда стул был принесен, я оказался в затруднении, где его поставить, поскольку первым от генсека сидел Молотов. Заметив это, он попросил Молотова подвинуться в сторону сидящих. Стулья всего ряда задвигались, и место мне освободили.

Сталин, продолжая ходить около стола, глуховатым голосом сказал:

— Товарищ Сеницын, расскажите нам о положении в Финляндии и о ваших личных наблюдениях и впечатлениях об этой стране.

Информацию свою я начал о военном положении в Финляндии, счи-

▲ Линия Маннергейма

тая, что это больше всего может интересовать членов Политбюро.

— По данным надежного источника НКВД, — сказал я, — финское правительство свою армию привело в боевую готовность. В стране закончена мобилизация резервистов. Солдаты и офицеры обмундированы в теплые, ватные куртки, чуть ниже колен, чтобы не застревать в снегу, покрытые тканью цвета хаки. На голове — шапки-ушанки. Завершено обмундирование армии в октябре этого года.

Сталин остановился около Ворошилова, хотел что-то спросить, но промолчал.

— Третьего дня мне удалось проехать на автомашине вдоль Карельского перешейка к советской границе. Примерно в тридцати километрах от Выборга я попал в укрепленный район «линии Маннергейма», пересекающей перешеек от Финского залива до Ладожского озера. Глубина этого укрепленного района не менее 20–30 километров. Дороги, ведущие от советской границы к Выборгу, в этом укрепленном районе защищены мощными дотами. Некоторые районы подготовлены к затоплению. В лесу непроходимые завалы из крупных деревьев. На открытой местности, вправо и влево от дороги, в три ряда шахматным порядком расставлены конусообразные надолбы большого веса из базальтового камня.

В этом месте меня прервал Ворошилов и громким голосом сказал:

— Эти надолбы мы раскидаем снарядами тяжелых гаубиц, — и замолк.

Я, видевший их, не мог согласиться с его утверждением и заметил, что каждая надолба весит не менее двух-трех тонн, и гаубицами их трудно разбросать.

Сталин подошел к Ворошилову и спросил:

— А у вас есть такие гаубицы?

Ворошилов ответил утвердительно. Мне показалось, что Сталин не был удовлетворен ответом, и спросил меня:

— С какого расстояния вы видели эти глыбы?

▲ Противотанковые надолбы

— Я подходил к ним вплотную. Расчистить проход между ними, по моему, можно только взрывом большой силы.

Своим ответом Сталину я поставил в затруднительное положение Ворошилова, но он промолчал.

Далее я рассказал о защите Карельского перешейка путем затопления равнинной местности водами из больших озер.

Затем я рассказал, что мы обнаружили мощные сооружения типа дотов, расположенных в шахматном порядке, отстоящих от надолбов на 500–600 метров.

В заключение первой части доклада подчеркнул, что по данным наших источников Карельский перешеек перекрыт мощной линией укреплений, называемой «линией Маннергейма». Они значительно мощнее, чем была «линия Мажино» во Франции.

Продолжая информацию, доложил, что финны ввели в армии новое оружие. Вместо обычных винтовок

солдаты вооружены ручными пулеметами (автоматами). Ствол длиной примерно 40–50 см, покрытый ячеистым металлическим кожухом для отвода тепла, вмонтирован в небольшого размера приклад, снизу которого к стволу подведена круглая патронная коробка диаметром около 15 см и толщиной около 4–5 см. По нашей прикидке в коробку должно входить до 30–40 патронов, напоминающих патроны нагана, но только чуть толще. Носят автомат с ремнем на плече. На Карельском перешейке мы наблюдали обучение роты солдат. Все они имели автоматы, за исключением одного солдата, у которого была обычная винтовка с оптическим прицелом.

Когда мой рассказ подошел к концу, Сталин, слушавший внимательно, обратился к Ворошилову и недобрым голосом спросил:

— Что вам известно о новом оружии в финской армии?

— У нас имеется несколько экземпляров этих автоматов, — нетвердо ответил Ворошилов.

▲ И.В. Сталин

— К концу заседания Политбюро доставьте один автомат для ознакомления всех нас с этим оружием, — строго сказал Сталин.

Я был крайне удивлен, что он, да, наверно, и члены Политбюро, впервые услышали о новом оружии в финской армии.

Продолжая рассказ о положении в стране, подчеркнул, что в нынешнем году в Финляндии был плохой урожай, введены карточки на хлеб и другие продукты питания. Вместо хлеба финн может получать: пиво из расчета один килограмм хлеба — литр пива или 150 грамм кофе в день, хотя с кофе у них весьма плохо. Это сообщение заинтересовало генсека. Обращаясь к Микояну, он спросил:

— Анастас, можем ли мы из нашего запаса кофе помочь финнам?

Анастас Иванович быстро ответил:

— Мы можем поставить им турецкий кофе в зернах.

На это Сталин иронически проговорил:

— Турки не производят кофе на продажу, «турецким» кофе называется только по способу его приготовления.

Замечание Сталина сразило наркома пищевой промышленности СССР. Он сидел бледный, изменившийся в лице, мало похожий на обычно бравого Микояна.

По другому вел себя на заседании Молотов. Он с самого начала совещания раскрыл красную папку

с телеграммами и стал их внимательно читать. Примерно в середине моего выступления Сталин прервал меня и, обращаясь к Молотову, сказал:

— Вячеслав Михайлович, Синицын рассказывает важные вещи, а вы читаете диппочту.

Молотов без смущения ответил, что он слушал меня о ситуации в Финляндии сегодня утром. Сказав это, он все же послушался Сталина и закрыл свою папку.

Мои размышления прервал Сталин.

— Возьмите карандаш и запишите несколько фамилий финнов, которым надо срочно выехать в Швецию, — сказал он и стал называть имена.

Все названные финны мне были известны, и я сказал, что хорошо их помню. Генсек не спеша положил листок в папку, встал, прошелся вдоль стола и, рассуждая как бы сам с собой, задумчиво спросил:

— Почему человечество изобрело бумагу и карандаш?

Все молчали. Тогда он, прохаживаясь, мягким голосом сказал примерно следующее:

— Наш мозг способен к бесконечному познанию мира и все новых явлений и процессов. Однако мозг человека не обладает способностью бесконечно удерживать в памяти познанное. Со временем оно стирается, забывается. Правда, память под влиянием каких-то импульсов

▲ Ворошилов К.Е.

иногда возвращает давно позабытые факты, явления, но также не надолго. Для того, чтобы сохранить и передать грядущим поколениям все познанное и открытое, человек изобрел бумагу и карандаш.

Было видно, что философское рассуждение генсека о языке, слове и памяти человека относилось не только ко мне, но и к сидящим членам Политбюро. Видимо, мой ответ послужил ему поводом, чтобы убедительно внушить сидящим, для чего нужны бумага и карандаш. Что касается меня, то я долго не раздумывал. Быстро взял со стола несколько листов чистой бумаги и карандаш. Бумага оказалась толстой, твердой, и я заколебался. Генсек, заметив это, спросил:

— Чем вам не нравится бумага?

— В случае задержания или обыска ее трудно разжевать и проглотить.

И жестом показал, как бы вытащил бумажку из верхнего наружного кармана пиджака и положил в рот. Это вызвало улыбку генсека. Обращаясь к Ворошилову, он ностальгически сказал:

— Ты помнишь, Клемент, ведь это прием большевиков, и он действовал безотказно.

Ворошилов в знак согласия качнул головой. Мне принесли тонкую бумагу и химический карандаш, которым я и записал продиктованные мне фамилии.

Укладывая свой листок в папку, генсек обратился к Жданову с прось-

бой назвать в Ленинграде несколько адресов, куда финские коммунисты из Швеции могли бы направлять письма. Жданов оказался в затруднительном положении, покраснел, быстро встал и хотел связаться с Ленинградом по телефону, чтобы получить адреса. Однако генсек удержал его и заметил, что если бы мы чаще ходили по городу, то могли бы лучше знать улицы и дома.

— Кстати, не можете ли дать адрес дома, где мы останавливались, когда приезжали в Ленинград к покойному Кирову? — спросил он.

Жданов с этого адреса не мог назвать. Он стоял в большом смущении. Я рискнул вмешаться, сказав, что завтра проездом буду в Ленинграде и получу подходящие адреса у начальника НКВД Ленинграда. Вопрос об адресах был снят.

После этого Сталин пригласил на заседание Политбюро Отто Вильгельмовича Куусинена, представил нас друг другу. Я поднялся, уступив свое место Куусинену, и вышел. Вслед за мной вышел Берия и сказал, чтобы я был у него в 22 часа, и распорядился отвезти меня в наркомат на его машине.

С тяжелым сердцем выехал я из Кремля. Мне стало ясно, что война стоит уже у порогов нашего и финского домов. Много крови прольется с той и другой стороны. Поведение членов Политбюро меня удивило. Микоян, Жданов, Каганович, да и Ворошилов вели себя как плохие ученики перед строгим учителем, а вернее, как манекены.

Ровно в 22 часа я зашел в кабинет Берии, где уже были Отто Куусинен и председатель Госбанка СССР Н. А. Булганин. Увидев меня, Берия, обращаясь к Булганину, сказал:

— Это тот человек, которому надо выдать деньги.

Булганин, раскрывая большой брезентовый мешок, спросил меня:

— Сколько вам?

За меня ответил нарком:

— Дайте ему миллионов десять, у него будут большие расходы, связанные с переправкой финнов в Швецию.

Когда Булганин начал отсчитывать пачки по одному миллиону финских марок, которые были довольно объемными, я смог разместить по карманам только 6 пачек, т.е. 6 миллионов. Берия подошел ко мне и доброжела-

тельным голосом, как будто утреннего злого разговора и не было, сказал:

— Ты верно поступил, что три недели в Хельсинки не просидел дураком, а сделал полезное дело, — и закинул во внутренний карман моего пальто еще один миллион.

Целый мешок денег получил Куусинен. Он спросил меня, через кого я намерен передать полученные деньги. Я ответил, скорее для Берии, чем для него, что самым подходящим для этого дела человеком является Герта Куусинен, с нынешнего года — она член ЦК КПФ.

— Полагаю, — сказал я, — что Герта Оттовна оперативнее других передаст деньги в секретариат партии и организует переправу в Швецию названных коммунистов.

О. Куусинен одобрил это предложение и добавил, что Герта может знать и других коммунистов, кроме тех, которых он рекомендовал. Вопрос — кого переправлять, пусть она решит в ЦК КПФ. Прощаясь, Куусинен пригласил меня в свой вагон, в котором он уезжал в 24 часа в Ленинград.

Когда он и Булганин ушли, Берия жестом показал мне на стул, а сам пересел на диван и спросил:

▲ Микоян А.И.

▲ Булганин Н.А.

▲ «Красная стрела»

— Все ли ты усвоил, о чем шла речь на Политбюро и что тебе говорил товарищ Сталин?

— Все понял, товарищ нарком. Если финны навяжут нам войну, будем защищаться. Но не могу ли я узнать, каким временем буду располагать для выполнения задания? — в свою очередь спросил я.

Берия подумал, прикинул на пальцах и сказал:

— Если ты приедешь в Хельсинки послезавтра, то у тебя будет еще три дня.

Когда вышел от Берии, в приемной меня ожидал Фитин. На его машине со спецсигналами мы еле успели к поезду.

В вагоне, прицепленном к поезду «Красная стрела», уже был Куусинен и несколько мужчин. Поезд отошел ровно в 24 часа. В спецвагоне приятно пахло вкусной едой, и только

здесь я почувствовал, как голоден. Со времени отъезда из Ленинграда до нынешнего часа мне так и не удалось хотя бы немного перекусить. Полагая, что Куусинен и его кампания уже поужинали, я занял свободное купе и сразу же уснул.

Около часа ночи меня разбудил сильный стук в дверь. Сотрудник охраны сообщил, что меня приглашают на ужин.

Когда я вошел в салон, Куусинен подошел ко мне и сказал:

— Хочу представить вам министров правительства Финляндии, сформированного мною в Москве из числа финских граждан и финских эмигрантов, проживающих в Советском Союзе. На днях в Москве будет объявлено о признании моего правительства Советским Союзом и через 2–3 дня последует сообщение о подписании с правительством

Демократической Республики Финляндии, т.е. с моим правительством, договора о сотрудничестве и взаимопомощи.

Я поздравил Отто Вильгельмовича Куусинена с назначением его премьер-министром и его министров, которых было человек восемь. Все они были примерно одного возраста — около 50 лет, физически крепкие. Говорили они, соблюдая такт, но не страдали излишней скромностью.

Куусинен оказался остроумным человеком. Много шутил и рассказывал забавные истории про финнов, попадавших в затруднительные ситуации.

— Отто Вильгельмович, послушав вас, Калевала можно и не читать, — заметил я, чтобы вызвать его на продолжение беседы.

— Калевала — это суть и судьба финского народа. Яснее и правдивее еще никто не сказал о Суоми, — ответил он.

Во время ужина будущие министры задавали мне много вопросов о современной Финляндии, об основных социальных группах страны, о подготовке финского населения к войне с нами.

К концу ужина я почувствовал доброе расположение к себе со стороны Куусинена. Когда мы остались вдвоем, я подробно рассказал ему о своем сообщении на Политбюро ЦК ВКП(б) и осторожно спросил:

— Какая была необходимость создавать правительство, когда на Карельском перешейке к настоящему времени не осталось гражданского населения. Ведь уже к середине ноября все жители были эвакуированы в центральные районы страны?

Куусинен не торопился с ответом, размышлял и, отпив немного вина, сказал:

— В начале сентября 1939 года, когда немецкая армия фактически без сопротивления заняла Варшаву, Сталин, пригласив меня к себе, где уже был нарком обороны Ворошилов, сказал, что в Европе сложилась кризисная военная ситуация, угрожающая безопасности Советского Союза, а наши северо-западные гра-

ницы слабо защищены от нападения потенциального агрессора. В случае, если Финляндия добровольно не согласится на обмен территориями, нам придется применить военную силу. Проведение такой операции Сталин поручил Ворошилову и мне.

Такое сообщение взволновало меня, и я спросил:

— Неужели, чтобы отвоевать небольшой кусочек финской территории, надо было создавать правительство Демократической Республики Финляндии? Это, как мне кажется, сильно напугает народ Финляндии, и он, опасаясь «советизации», будет всеми силами сражаться против нас. Кроме того, к такому же выводу могут прийти Германия, Англия, Франция. Тогда не избежать их военного вмешательства на стороне Финляндии против Советского Союза...

Куусинен вопросительно взглянул на меня, помедлил с ответом... и довольно четко сказал, что такой ход событий принимался во внимание при обсуждении этого вопроса у Сталина. Он тогда пояснил, что при подписании в конце августа 1939 года Молотовым и Риббентропом советско-германского договора о ненапа-

дении они тогда же договорились, что Германия не будет вмешиваться в наши отношения с прибалтийскими государствами и Финляндией. Что касается Англии и Франции, то Сталин, повернувшись к Ворошилову, приказал ему военные действия провести быстро, в две-три недели, пока Запад еще не успеет опомниться от случившегося.

После такого откровенного ответа собеседника я осмелел и, чтобы понять цели правительства Куусинена, спросил:

— Если наши войска смогут так быстро отвоевать Карельский перешеек с городом Выборгом, то что будет делать ваше правительство? Останется без работы?

— Сейчас мне трудно ответить, — сказал Куусинен. — Этот вопрос будет решаться советским правительством с учетом политической ситуации как в самой Финляндии, так и вокруг нее. Мне известно, однако, что Сталин хотел бы видеть Финляндию развивающейся по сценарию для прибалтийских государств.

Из ответов Куусинена мне стало ясно, какая судьба ожидает Финляндию, если она не уступит Карельский

перешеек. В свою очередь я высказал ему свое мнение:

— Закончить войну в течение трех недель невозможно. Чтобы прорвать «линию Маннергейма», потребуется много времени и жертв с той и другой стороны. Думаю, что наше военное командование допускает большую ошибку, рассчитывая быстро закончить войну. «Линия Маннергейма» — мощнейшее оборонительное сооружение по последнему слову техники, преодолеть которое будет весьма трудно. Вам раньше было известно об этой крепостной линии? — спросил я Куусинена.

— Наши военные мне об этом не говорили, по всей видимости, они сами этого не знают.

— Отто Вильгельмович, имея некоторую причастность к борьбе за добрососедские отношения между нашими странами, меня тревожит мысль — все ли было предпринято для того, чтобы избежать войны, которая завтра обернется большими людскими потерями с той и другой стороны? — спросил я его.

— Начиная с 1937 года фашистская Германия стала усиленно обхаживать Финляндию, конечно, имея

▲ Участок линии Маннергейма

▲ Коллонтай Александра

в виду привлечение ее к участию в войне против СССР. Так, в 1937 году в Финляндию прибыл большой отряд немецких военных кораблей. В 1938 году в Финляндии побывала многочисленная военная делегация во главе с адмиралом Бастианом, а летом 1939 года на Карельском пешейке и в Рованиеми находился начальник немецкого Генерального штаба генерал Гальдер, наверное, не для прогулки по тундре, — говорил Куусинен. — Добавьте к этому активность Франции и Англии в вопросах срыва переговоров между Москвой и Хельсинки. Финская сторона отказалась продолжать переговоры и тем самым вызвала войну, которая начнется завтра, — с сожалением сказал Куусинен. — Конечно, — добавил он, — войной дружеских и добрососедских отношений не построишь. Но перед

лицом большой войны, которая уже стоит у порога нашего дома, Финляндию надо сделать настоящим другом и добрососедом СССР.

Продолжая беседу, он, отхлебывая крепкий кофе, пояснил мне, что достигнуть такой ситуации можно будет, когда нынешнее реакционное диктаторское правительство Финляндии будет вынуждено уйти в отставку, а на место его придет правительство демократических сил, готовое пойти на тесное сближение с Советским Союзом, как это произошло в Прибалтийских странах.

— Существенную помощь, — сказал он, — во всех этих мероприятиях окажет Указ Верховного Совета Союза Советских Социалистических республик о преобразовании Карельской Советской Социалистической республики в Карело-Финскую Советскую Социалистическую ре-

спублику, который будет опубликован спустя полмесяца после подписания с финнами мирного договора.

Под конец беседы я спросил Куусинена, желает ли он сообщить что-либо Герте Оттовне, с которой я завтра увижусь. Подумав немного, он ответил, что в первые дни войны по радио будет передаваться обращение его правительства к народу Финляндии, чтобы он начал борьбу за прекращение войны и за мир с Советским Союзом. Пусть Герта слушает радио, и она поймет, как им действовать.

Так закончилась наша беседа с О. Куусиненом.

Ночь кончилась, поезд подходил к Ленинграду. Чтобы не вызывать любопытство у встречающих, я сошел у начала перрона, взял такси и поехал в гостиницу «Астория».

С боем удалось получить место. Мне отвели трехкомнатный люкс. Заперев все двери на замок, свои миллионы положил под подушку и мгновенно уснул. Сказались две бессонные ночи.

На Финляндский вокзал приехал за час до отхода поезда. В вагоне, в который я сел, оказалось только два шведа. Такая ситуация для меня оказалась наихудшей. Запросто могут ограбить и удушить. Паспортные формальности на нашей границе были быстро закончены, и поезд медленно передвинулся на финскую сторону. Там тоже проверка документов прошла без задержки. Дипломатический паспорт сыграл свою роль. Поезд двинулся к Хельсинки. Мне предстояло провести ночь без сна, охраняя свои миллионы и документы.

В первой половине следующего дня поезд, с вынужденными остановками в пути, все же прибыл в Хельсинки. На вокзале меня встречали наши работники, предупрежденные Москвой о моем прибытии.

Во второй половине дня, как мы условились еще до моего отъезда, пришла Герта Куусинен, и мы сразу приступили к делу, обсудив с ней все поручения Москвы и ее отца. Я сказал, что для организации переправы, проживания финских товарищей в Швеции и на содержание их се-

мей, остающихся в стране, Москвой выделено 7 миллионов финских марок, которые я должен передать ей не позднее сегодняшнего вечера. Она растерялась от такой большой суммы денег, которые должна унести.

— Я не могу вынести из представительства такую кучу денег. В случае задержания меня хотя бы с малой частью их охранка получит предлог для преследования и арестов наиболее активных членов КПФ, — взволнованно сказала она.

После долгого обсуждения пришли к следующему решению: сегодня поздно вечером она с надежным коммунистом, выделенным ЦК КПФ, должна получить шесть миллионов триста тысяч финских марок в городе, в обусловленном месте. В случае, если они не смогут принять эти деньги вечером, то утром следующего

дня в восемь часов на прежнем месте. Семьсот тысяч она получит сейчас в представительстве, и как только стемнеет, я вывезу ее на дипломатической машине в город и, если не будет «наружки», подвезу ее к дому члена ЦК КПФ, которому она передаст деньги на хранение до того, как они потребуются.

Как только стемнело, около 17 часов, мы с женой, — прикрыв на заднем сиденье вместительной машины бьюик Герту, выехали со двора представительства в город. Тщательно проверившись и убедившись в отсутствии наблюдения, высадили ее недалеко от дома одного члена ЦК, которому она должна была передать деньги. Через час работник, посланный к месту условного сигнала, вернулся в представительство с сообщением о положительном завершении ее встречи.

Когда стало известно об удачном начале проведения мероприятий Москвы, я с хорошим настроением начал совещание с разведчиками резидентуры о предстоящих задачах в ситуации войны.

Не прошло и двадцати минут беседы, как раздался сигнал воздушной тревоги. Со стороны порта, который находился в 300 метрах от нашего представительства, послышалась стрельба зениток и вслед за этим началась бомбардировка порта нашей авиацией. Две мощные бомбы разорвались рядом с представительством. Здание пошатнулось, оконные стекла оказались выбитыми, погасло электричество. Осколками стекла легко поранило двух наших товарищей. Один из них так испугался, что мгновенно залез в высокий железный шкаф, откуда его вызволяли

▲ Хельсинки после бомбардировки

▲ Советские дипломаты покидают Хельсинки

уговорами. Пришлось всем срочно спускаться в подвал.

Когда закончилась бомбежка, приступили к уничтожению всей документации, оставили только шифровальный код на случай передачи в Москву телеграмм. При попытке растопить печь оказалось, что у нее слабая тяга. Комната наполнилась дымом, мы задыхались. Попробовали дать кислород из баллончика, предназначенный для ускорения сжигания, но он бездействовал, отказал редуктор. Только часа через два, благодаря разным ухищрениям, нам удалось сжечь документы.

Таким образом, в Хельсинки вечером 30 ноября 1939 года мы почувствовали начало войны между Финляндией и Советским Союзом.

Война! Сколько горя, слез, разлук, смертей принесет она финнам и русским. Несколько авиационных бомб этого первого налета попали в университет. Из окна представительства было видно, как он сильно

горел, слышались крики и стоны раненых людей. Это были только первые жертвы.

Ровно в 23 часа на автомашине с дипломатическим знаком «СД» вместе со своим товарищем выехали в город, имея при себе пакет с деньгами, опечатанный печатями дипломатической почты. Расчет был на то, что даже при задержании поверенного в делах СССР в Финляндии для проверки документов полиция не посмеет вскрыть дипломатический пакет. В городе несколько раз тщательно проверялись, но «наружки» не было замечено. К месту встречи подъехали за пять минут, и, оставив пакет в машине невдалеке от пункта встречи, я пошел убедиться, на месте ли Герта. Прождал пятнадцать минут. Шофер в это время имитировал поломку машины. Герта на встречу не пришла.

Вернувшись домой около полуночи, я увидел, что здание представительства было уже оцеплено большим нарядом полиции и взводом солдат.

Стоящие у входной двери полицейские, узнав меня, пропустили в представительство, взяв «под козырек». Видимо, сработали старые рефлекссы.

В представительстве спали только дети. Взрослые упаковывали домашние вещи, готовились к эвакуации. Трудной и для меня оказалась эта ночь. Надо было принимать решение: идти ли на запасную встречу с Гертой в такой сложной оперативной обстановке. Нет ли другого способа связаться с ней и выяснить причину невыхода вечером? В прошлом она каждый раз звонила по телефону к нам на квартиру, когда не могла прийти на урок. Могла ведь и в этот раз позвонить, если ей не помешали сделать это. Сколько я ни перебирал вариантов контакта с Гертой, альтернатив встрече не было. Стало очевидным, что только личная встреча может внести полную ясность в это дело. С раннего утра стал готовиться к ней. Поскольку эта встреча была назначена в 8 часов утра на рыбном рынке города, выехал туда с тем же товарищем и нашими женами, прихватившими с собой корзины для рыбы. К счастью, выход в город из представительства не был закрыт. Пакет остался в машине, стоящей у самого рынка, я же с женой и ее подругой смешались с толпой. Герты на месте не оказалось. Приближаясь и отдаляясь, но ни на минуту не теряя наблюдения, я Герту так и не встретил. Корзины наших жен уже доверху были заполнены рыбой, прошло двадцать минут после обусловленных 8 часов, она так и не пришла.

Невыходом ее на встречу срывалось выполнение самого важного поручения Москвы. С тяжелым чувством горечи вернулся в представительство. Меня все время не покидала мысль о том, как же так могло случиться, что война началась, по крайней мере, на два дня раньше расчетов Берии. Ведь он говорил мне о двух днях, которые я мог использовать по приезде в Хельсинки. Видимо, какие-то неординарные обстоятельства заставили Москву выступить раньше.

Мне стало ясно, что финны, которые должны перейти в Швецию, а от туда в СССР, чтобы стать министрами

правительства Отто Куусинена, в Москву не попадут.

Написал срочную шифровку в Москву о срыве мероприятия по выводу людей в Швецию, но когда понесли ее на телеграф, там отказались принять ее, заявив, что от врагов почту не принимают. Между тем в тот же день с телеграфа принесли шифровку из Москвы. Заместитель Наркоминдела предложил оставить в здании представительства двух работников хозяйственной группы на 10–15 дней для охраны имущества. Остальным советским гражданам выехать в Советский Союз. Из этой телеграммы было видно, что Наркоминдел рассчитывает вести войну не более 15 дней. Подумалось, что это не первый случай конфуза России — мол, шапками закидаем. Можно было сразу предвидеть и участь двух советских граждан, отдаваемых на заклятие финской охранке. Однако просить Москву об отмене этого указания было невозможно, так как связь с Центром была прервана...

Во второй половине того же дня в представительство прибыл начальник протокольного отдела МИД — Хаккарайнен и советник шведского посольства в Хельсинки, передавший мне документ, в котором указывалось: «Всем советским гражданам запрещается всякий выход из здания представительства. Продукты питания впредь будут доставляться три раза в день к входным дверям помещения. По просьбе советского правительства интересы советской стороны будет представлять советник шведского посольства в Хельсинки. Связь с финскими гражданами может осуществляться только через него.

Выход в город для решения служебных вопросов разрешается Поверенному в делах СССР, но только в сопровождении работников полиции в интересах его безопасности».

— Прошу принять к сведению, что свои выезды в город я буду совершать на советской автомашине с дипломатическим знаком и с переводчиком финского языка. Это предусмотрено международной конвенцией в отношении воюющих сторон, — заявил я в ответ.

Так закончилась последняя официальная встреча советского и финского дипломатов.

В последующие дни приходилось неоднократно выезжать в немецкое посольство в Хельсинки для переговоров об эвакуации советских граждан немецким пароходом. В переговорах немцы ставили условие, чтобы в день эвакуации советская авиация не бомбила Хельсинки и морской порт. Без такой гарантии они отказывались предоставить свой пароход для этих целей. Пришлось через шведское посольство послать телеграмму открытым текстом в Наркоминдел с изложением условий эвакуации немецким пароходом «Донау». Через день было получено согласие Москвы не подвергать бомбардировкам Хельсинки и его порт, что же касается корабля в пути от Хельсинки до Таллинна, то сообщалось, что он не будет атакован с 8 часов утра до 24 часов дня эвакуации.

Сотрудники советского диппредставительства, торгпредства и наши граждане, находившиеся к этому времени в Финляндии по служебным делам, уже были готовы к отъезду. В назначенный день с утра стали выносить свои вещи во двор посольства для отправки на пароход. Вдруг в ворота раздался сильный стук, и когда спросили, кто стучит, был краткий ответ — полиция. Полицейские требовали открыть ворота, иначе они взломают их силой. Им ответили, что территория посольства пользуется дипломатическим иммунитетом и поэтому мы требуем, чтобы при входе полиции во двор присутствовал шведский представитель, поскольку шведское правительство согласилось защищать интересы граждан Советского Союза. Без этого условия ворота открыты не будут.

Через минут двадцать прибыл шведский представитель, и мы заявили ему протест на действия полиции. Когда шведский представитель изложил наш протест начальнику полиции, тот заявил, что они имеют серьезное основание войти во двор советского посольства, и... потребовал открыть ворота. Несмотря на наш протест, полиция в присут-

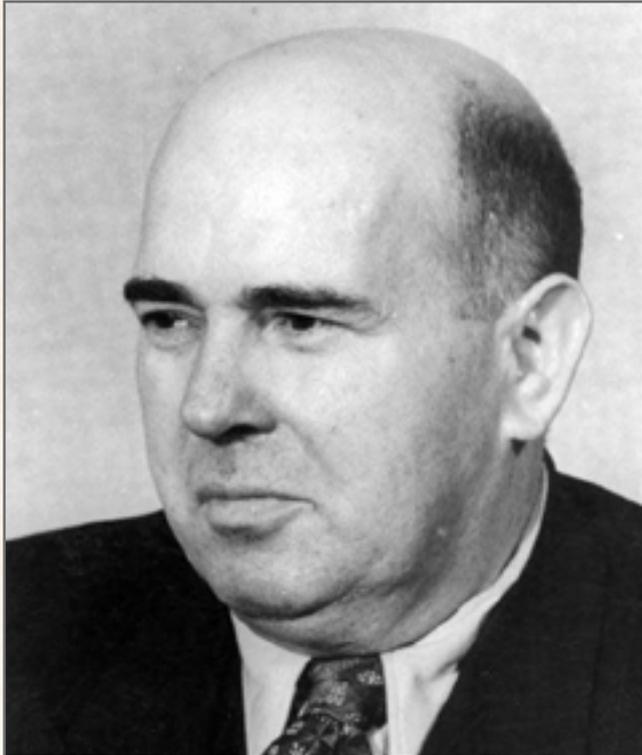
вии шведа взломала ворота и ворвалась во двор. Их было пять человек. Как только они подошли к чемоданам, сложенным для отправки, один из полицейских на чисто русском языке, указывая на мои два ящики, спросил, чьи это ящики и что в них находится. Я ответил:

— Это мои личные вещи. Они пользуются иммунитетом неприкосновенности. Если финская сторона в лице полицейских позволит себе вскрыть ящики поверенного в делах СССР и тем самым нарушит дипломатический иммунитет, то я тут же пошлю телеграмму, через вас, господин шведский представитель, в Москву о факте досмотра дипломатического багажа и попрошу, чтобы наши власти на основе взаимности сделали то же самое с финскими дипломатическими работниками.

Швед качнул головой в знак согласия и сказал полиции, что их действия незаконны и он готов принять мою телеграмму о случившемся для отправки в Москву. Я продолжал протестовать против произвола полиции, заявляя, что это грубое нарушение всех норм обращения с дипломатическими представителями. Тогда полицейский, говорящий по-русски, обращаясь ко мне и шведу, заявил, что в ящиках находится оружие, и он должен их вскрыть, поскольку на это имеется согласие МИД Финляндии.

Было ясно, что полиция вскроет ящики, и я еще раз заявил протест. Ожесточившийся полицейский взломал крышку ящика и увидел, что там полно книг. Он отпрянул от ящика. Затем, быстро придя в себя, стал выбрасывать книги и домашние вещи, ища оружие. Остальные полицейские и шведский представитель были сильно обескуражены. Не найдя оружия в первом ящике, полицейский взломал и второй, в котором оказалось то же самое. В замешательстве старший полицейский предложил сыщикам и шведу покинуть двор представительства, но я пригласил шведского представителя пройти в помещение для вручения ему телеграммы в Наркоминдел о вероломном налете финских полицейских, санкционированном МИД Финляндии. Было за-

▲ Волльебер Эрнст

метно, какими понурыми полицейские выходили за ворота. Багаж сотрудников советских учреждений был погружен на судно без досмотра, в присутствии шведского представителя, представителей от немецкого посольства в Хельсинки и советского представительства.

Когда мы прибыли к пароходу и началась посадка, ко мне подошел помощник советского военного атташе и сказал, что в рулоне, который он держит в руках, находятся секретные карты территории Финляндии, составленные Генштабом финской армии, и эти карты очень нужны нашим наступающим войскам, но он опасается, что полицейские, проверяющие документы у трапа парохода, могут потребовать досмотра этого рулона. Поскольку у него нет дипломатического паспорта, в таком случае он будет арестован. Опасаясь этого, он попросил меня взять сверток, поскольку вряд ли полицейские будут еще раз проверять поверенного в делах Советского Союза. Конечно, мне пришлось отчитать его за безответственность в переправке секретных карт таким способом. Это навлекла-

▲ Маленков Г.М.

ло большую опасность на всех нас. Было ясно, что если этот рулон, хотя он и был оформлен как собственность представительства, останется у помощника военного атташе, не имеющего дипломатического паспорта, нам угрожает провал.

Незаметно, в гуще столпившихся советских граждан, я взял рулон с картами и подошел к шведскому представителю, который вместе с полицейским начальником разговаривал с немецким послом. Поздоровавшись с ними, стал рассказывать о случае взлома ящиков с моим имуществом во дворе посольства. Когда я увидел, что немецкий посол, заинтересованный этим фактом, стал расспрашивать полицейского начальника, почему они учинили такое беззаконие, возник ожидавшийся мной психологический момент, когда полицейский был весь поглощен ответами послу. В это время я вступил на трап и спокойно поднялся на пароход. Отдав пакет жене, снова спустился вниз, чтобы в случае необходимости воспрепятствовать личному досмотру советских граждан. Но этого не потребовалось. Видимо, утренний промах с поиском

оружия и наш протест шведскому представителю по этому поводу заставили финскую сторону прекратить нарушение дипломатического иммунитета. Так закончилось затянувшееся почти на целый день наше переселение на немецкий пароход.

Казалось, все трудности и опасности позади. Наши люди кое-как разместились: женщины с детьми в каютах, мужчины на палубе и в коридорах. На пароходе оказалось много немецких граждан, которые заняли все лучшие места, воспользовавшись тем, что пароход был немецким.

Не успели мы отплыть от финских берегов километров тридцать, как ко мне подошел капитан парохода и взволнованно заявил, что по правую сторону метра в четырехстах он увидел перископ подводной лодки и опасается, как бы она не торпедировала его корабль. При этом пригласил меня подняться на капитанский мостик и самому убедиться в этом. Действительно, справа от корабля по нашему курсу был виден перископ всплывающей подводной лодки. Это еще больше напугало капитана, и он спросил:

— Знает ли советское правительство наименование корабля и день отплытия его из Хельсинки с советскими дипломатами на борту?

— Знает, — ответил я и добавил, что со стороны Советского Союза никакие военные меры против парохода применяться не будут до 24 часов этого дня. Нельзя, однако, поручиться, что финская сторона или ее покровители из других стран в провокационных целях не потопят корабль с советскими дипломатами и, конечно, вместе с вами, нашими союзниками, на борту, чтобы ярче разжечь пожар начавшейся войны.

Капитан испуганно спросил:

— Какая это страна?

— Вам лучше знать, господин капитан, какая это может быть страна, — уходя, заметил я ему.

На этом пути мы пережили еще несколько приключений. Наш пароход, не дойдя до таллиннского порта километров десять-пятнадцать, остановился, и капитан никак не мог объяснить причину стоянки. Наступила темная холодная ночь с порывистым ледяным ветром. Каждый из нас надел уже все теплые вещи, которые оказались в чемоданах. Утро следующего дня встретило нас на том же месте, где были вечером. Мы были голодны и простужены. Продукты питания кончились, финны дали их на пять часов. На наши требования к капитану объяснить, в чем причина стоянки, он, разводя руками, сказал, что на его запросы таллиннский порт не отвечает, а ссылается на военные власти. Надежда на скорый приход в Таллинн иссякла. Пришлось пригласить капитана судна и потребовать от него организации питания для советских граждан. Его спросили, почему немецкие граждане, разместившиеся на пароходе в Хельсинки, получают обед с кухни парохода, в то время как советским гражданам отказывают, ссылаясь на отсутствие запасов продуктов. По этому поводу мы ему резко заявили, что по всем международным законам и правилам вежливости дети и женщины в первую очередь обеспечиваются питанием, и кто этого не делает, роняет честь страны, которую представляет.

— О вашем отношении к советским гражданам на пароходе мы будем вынуждены сообщить немецкому послу в Таллинне, — сказал я и направился к выходу из каюты. Было видно, что последние слова подействовали на него. Он просил не создавать конфликта и тут же распорядился обслуживать наших людей так же, как немецких.

Капитан свое обещание выполнил, но повар в каждую тарелку наливал только две ложки супа, повторяя, что делает это по распоряжению капитана. После улаживания вопроса о питании потребовали от капитана объяснить, почему до сих пор корабль не прибыл в таллиннский порт.

— Потому, что он закрыт по распоряжению властей Эстонии. И еще неизвестно, будет ли разрешен заход в него, — сказал капитан.

Только на следующие сутки поздно ночью мы прибыли в таллиннский порт и сразу попали в горячие объятия советских дипломатов в Таллинне, встречавших нас. Тут же на территории порта у трапа советское посольство организовало кофе, чай, бутерброды, догадавшись, что придут голодные и измученные люди. Советский посол пригласил нас к себе и рассказал о положении на фронтах советско-финской войны. Особо подчеркнул о сильном налете на Хельсинки на следующие сутки после нашего отплытия. Порту нанесены большие разрушения, и он не в состоянии принимать как гражданские, так и военные корабли.

Утром следующего дня, отдохнувшие и обогретые, мы поездом выехали на родину.

По приезде в Москву я сразу звонил на работу и доложил об эвакуации и возвращении всех советских граждан на родину, кроме двоих, которых по указанию Наркоминдела оставили в здании представительства для охраны имущества.

Первым вопросом ко мне, когда я явился к начальнику разведки Фитину, было: удалось ли Герте Куусинен переправить в Швецию финских коммунистов? Пришлось подробно рассказывать, что происходило в день моего возвращения в Хельсинки.

Причина неявки Герты неизвестна, но, по всей видимости, она вечером того же дня была арестована. Рассказывая об этом Фитину, считал необходимым спросить его о причине переноса даты начала войны на три дня раньше, чем это было запланировано.

— Откуда ты это знаешь? — спросил он.

— В день своего отъезда из Москвы я поинтересовался у Берии, сколькими днями располагаю для выполнения задания Центра, на что он ответил — тремя днями. Тогда я и узнал.

Оказалось, что и Фитин не знал причину переноса сроков начала войны. При мне он позвонил наркому и доложил о благополучной эвакуации всех советских граждан из Финляндии, затем сообщил Берии, что задание Сталина не удалось выполнить из-за начала войны и бомбардировки города Хельсинки в день моего возвращения туда. Нарком предложил написать записку в Политбюро с изложением всех вопросов, решение которых поручалось Наркомвнуделу.

В тот же день записка была написана, подписана наркомом и отправлена в инстанцию.

Так завершилась первая поездка в Финляндию продолжительностью 27 дней. Руководство разведки предоставило мне пятидневный отпуск, чтобы я пришел в себя от бессонных ночей и напряженных дней.

Когда я возвратился из отпуска, руководство Наркомвнудела утвердило меня резидентом вновь создаваемой резидентуры в Финляндии, моим заместителем был назначен В. Я., с которым в трехнедельный срок мы составили план предстоящей (в дни войны) работы.

Любопытно, что финансовое управление Наркомата мои миллионы не приняло. В Госбанке также ответили отказом, поскольку получателем таковых НКВД у них не значится. Так замкнулся круг с деньгами. На мою просьбу принять эти деньги на приходную ведомость ИНО Фитин неохотно согласился, опасаясь, как бы чего не вышло... ■

ВЛАДИМИР МЕЩЕРИКОВ
полковник, ветеран военной разведки

РАЗНОЕ РОССЫПЬЮ

*До сих пор не ясно мне,
Сердце в гневе стонет.
Экономика на дне,
А кабмин не тонет.*

***

*От Москвы и до самой Рязани
Платежи за услуги растут.
Отрицают нам все отрицанья –
Совесть там потеряли и тут.*

***

*Жизнь хорошеет понемногу –
Реформам благодарен будь:
Нас прокормить пока не могут,
Зато сумели нас обуоть!*

***

*Решайте, какой был достойный пример,
Где шире размах, горизонты охвата –
В премьерe спектакля пред рампами МХАТА
Иль в Думе в отчете, что делал премьер?*

*Хоть ценности Европы очень спорны,
Но мы стараемся им следовать упорно:
В стране и кока-коле и поп-корну
У нас теперь все возрасты покорны.*

***

*Реформы наши – людям оскорбленье,
Они рассчитаны, видать, на дурака.
От них спасение – плохое исполнение,
Поэтому и держимся пока.*

***

*Скромен и уныл у нас народ,
В будущее смотрит он понуро.
Падает вниз маслом бутерброд,
Вниз интеллигенцией культура.*

***

*Губернатор наш учит добро сберечь,
За казенный он счет не пирует.
Он страну не позволит свою распродать,
Лучше сам он её разворует.*

ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

*Давно закончилась война
И на земле зажили раны.
Уходят наши ветераны
Но мы их помним имена.
Они в далёкие года,
Прикрытые одной шинелью,
Под артобстрелом и шрапнелью
Свой долг исполнили сполна.
Горела сталь и тёк свинец,
И песни смерти пели пули.*

*И вечным сном друзья уснули,
Не зная, что войне конец.
Без них деревья зацвели
И на полях налился колос.
И слышен их негромкий голос,
Идущий с неба и земли.
Пусть не отпеты, но в раю.
Где павшим все открыты двери.
За ваши беды и потери
Святые Ангелы споют.*

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

КРЫМСКИЕ СНЫ

*Вдали от северных развалин
Синь черноморская горит.
— Как рад я встрече, мистер Сталин, —
Коварный Черчилль говорит.
Что вам, марксистам, сны, приметы,
А я без этого — ни дня!
Приснилось мне: вождем планеты
Всевышний выдвинул меня.
Такое важное решение,
Бесспорно, принято всерьез...*

*— Какое, право, совпадение, —
Галантный Рузвельт произнес. —
И я сон видел незабвенный:
Мой ум столь высоко ценя,
На должность лидера Вселенной
Всевышний выдвинул меня...
А Сталин этим не смутился —
Неспешно трубку раскурил...
— Представьте, сон и мне приснился:
Я вас, увы, не утвердил.*

